БМ VI.4.3

Тургенев

Письма

Спб., 1884

2 р. 50 к.

Сш 602.

Т-83

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

F8-T

Т-87

ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ

ПИСЕМЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА

1840 — 1883 гг.

Лен. Гос. Ин т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

85-28

Изданіе Общества
ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

1585 Г. А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1884.

F8-T

[973]

Т-87

Въ засѣданіи Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 2 сентября 1883 г.,—первомъ по смерти И. С. Тургенева, постановлено учредить въ его память неприкосновенный его имени капиталъ, для выдачи на проценты съ этого капитала вспомоществованій; однимъ же изъ средствъ для составленія фонда предположено изданіе его переписки, подъ общею редакціею предсѣдателя Общества В. П. Гаевскаго.

Сборникъ, напечатанный во исполненіе вышеупомянутаго постановленія, конечно, не исчерпываетъ всей громадной переписки Тургенева, и составляетъ, можно сказать, еще весьма небольшую часть всего писаннаго имъ друзьямъ, знакомымъ, а иногда и не-

знакомымъ ему лицамъ, изъ которыхъ далеко не всѣ доставили Комитету свою переписку. Но тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ этотъ сборникъ обнимаетъ главнѣйшія литературныя отношенія покойнаго, и вмѣстѣ представляетъ весьма цѣнный автобіографическій матеріалъ.

Письма печатались прямо съ оригиналовъ, обязательно доставленныхъ лицами, которымъ адрессованы, или ихъ наслѣдниками; а нѣкоторыя, впрочемъ, весьма немногія, перепечатаны изъ періодическихъ изданій, съ указаніемъ источниковъ. Письма, вновь печатаемыя, по разсмотрѣніи текста, были сокращены или доставившими ихъ лицами, или редакціею, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ совер-

шенно интимный характеръ, или вообще не могли быть признаны пока удобными для печати по близости времени; такія мѣста обозначены многоточіемъ. Примѣчанія къ письмамъ сдѣланы большею частью лицами, ихъ доставившими, остальныя же принадлежатъ редакціи.

Хотя заграничныя письма И. С. Тургенева, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ помѣтку времени по старому и по новому стилю, но для большей ясности въ хронологіи, редакція вездѣ держалась одного стараго стиля.

Въ концѣ тома приложены: 1) хронологическій указатель писемъ, съ подраздѣленіями по мѣсту ихъ отправленія; и 2) алфавитный списокъ именъ тѣхъ

лицъ, къ которымъ письма были адрессованы, при чемъ обозначены, изъ хронологическаго указателя, всѣ нумера писемъ, принадлежащихъ тому или другому лицу.

Всего напечатано 488 писемъ, къ 55 лицамъ; эти письма обнимаютъ собою слишкомъ 40 лѣтъ, отъ 1840 г. до самой смерти И. С. Тургенева, послѣдовавшей 22-го августа 1883 года.

С.-Петербургъ,
28 октября 1884.

1840.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Берлина:

1.

Грановскому Т. Н. [1]).—Берлинъ, 4-го іюля, 1840.—Насъ постигло великое несчастіе, Грановскій. Едва могу я собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждою... 24-го іюня, въ Нови скончался Станкевичъ. Я бы могъ, я бы долженъ здѣсь кончить письмо...—Что остается мнѣ сказать—къ чему вамъ теперь мои слова? Не для васъ, болѣе для меня, продолжаю я письмо: я сблизился съ нимъ въ Римѣ; я его видѣлъ каждый день и началъ оцѣнять его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души... Тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ...

Мы часто говорили о смерти: онъ признавалъ въ ней границу мысли и, мнѣ казалось, тайно содрогался. Смерть имѣетъ глубокое значеніе, если она выступаетъ—какъ послѣднее—изъ сердца полной, развившейся жизни: старцу—она примиреніе; но намъ, но ему—велѣніе судьбы. Ему ли умереть? Онъ такъ глубоко, такъ искренно при-

[1]) Сообщено Я. М. Невѣровымъ и напечатано вслѣдъ за его воспоминаніями о Тургеневѣ въ „Русской Старинѣ“ 1883 (ноябрь).—Ред.

знавалъ и любилъ святость жизни; несмотря на свою болѣзнь, онъ наслаждался блаженствомъ мыслить, дѣйствовать, любить: онъ готовился посвятить себя труду, необходимому для Россіи... Холодная рука смерти пала на его голову, и цѣлый міръ погибъ. Вотъ здѣсь — die kalte Teufelsfaust... die sich — nicht vergebens tückisch ballt. Отъ 11-го іюня получилъ я отъ него письмо изъ Флоренціи.

Вотъ вамъ отрывки: ...„Во Флоренціи я имѣю иногда отдыхъ, вообще я поправился и, кажется, дѣло идетъ впередъ... Наконецъ рѣшено, чтобы я провелъ лѣто на озерѣ Комо... M-me Diakof, услышавъ въ Неаполѣ о моей болѣзни... пріѣхала съ сыномъ, и мы вмѣстѣ пробудемъ лѣто". Онъ (Станкевичъ) мнѣ тутъ довѣряетъ свое отношеніе къ покойной сестрѣ Дьяковой. Помните: „Закрылись прекрасныя очи"—хоралъ Клюшникова. И онъ умеръ, и Станкевичъ умеръ! — „Въ Дьяковой я нашелъ настоящую сестру; попрежнему,—пишетъ Станкевичъ,— ея заботы и участіе дѣйствуютъ на поправленіе силъ моихъ больше всего".—Его мучило тягостное отношеніе къ Бертѣ: онъ поручалъ мнѣ сходить къ ней, узнать и т. д.—„У меня въ головѣ много плановъ—но когда ихъ не было?—замѣчаетъ Станкевичъ.—Собираюсь зимой работать надъ исторіей философіи. Есть въ головѣ тоже нѣсколько статей. Богъ знаетъ какъ это все переварится"... „Напишите о Вердерѣ: скажите ему мое почтеніе; скажите ему, что его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога, и что все, что во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано... Прощайте, пока!"

Вотъ еще отрывокъ: „Фроловыхъ я засталъ еще здѣсь. Лиз. Пав. была ужасно больна; теперь, къ счастію, стала поправляться: я думаю, по выздоровленіи ея, они поѣдутъ въ Неаполь. Кени напяли здѣсь домъ на цѣлый годъ".

Чрезъ 14 дней онъ умиралъ, ночью, въ Ници.

12-го іюля получилъ я слѣдующее письмо отъ Ефремова:

«Нови, 27-го іюня (1840 г.).

«Иванъ Сергѣевичъ! Немного собравшись съ духомъ, спѣшу увѣдомить васъ о несчастьи, случившемся со всѣми нами. Въ Нови, городкѣ, миль 40 отъ Генуи, по дорогѣ въ Миланъ, въ ночь съ 24 на 25-е умеръ Станкевичъ. Онъ ѣхалъ въ Комо. Не знаю, что писать, голова идетъ кругомъ, хаосъ. Кончивши всѣ дѣла въ Генуѣ, — я располагаюсь ѣхать прямо въ Берлинъ, если ничто не остановитъ. Теперь хлопочу, чтобъ приготовить все, для перевоза его тѣла въ Россію. Прощайте. Надѣюсь скоро съ вами увидѣться. Прощайте, вашъ А. Ефремовъ».

Я съ нетерпѣніемъ его ожидаю, узнаю все—и тотчасъ все вамъ напишу. Боже мой! какъ этотъ ударъ поразитъ васъ, (Януарія Михайловича) Невѣрова, Фроловыхъ... всѣхъ его знакомыхъ и друзей! Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру: я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи: „in ihm ist auch ein Theil von Ihnen gestorben“. Онъ чуть-чуть не зарыдалъ. Онъ мнѣ говорилъ: Ich fühle es.—Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler meine Jünger sterben, ob Ich überlebe sie! Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе—Der Tod, написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія. Если онъ согласится, я его спишу и пошлю къ вамъ.

Я оглядываюсь, ищу—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?...

О, если что нибудь могло бы заставить меня сомнѣваться въ будущности, я бы теперь, переживъ Станкевича, простился съ послѣдней надеждой. Отчего не уме-

реть другому, тысячѣ другимъ, мнѣ напр.? Когда же придетъ то время, что болѣе развитый духъ будетъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія тѣла и сама наша жизнь условіе и плодъ наслажденій—Творца, зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть или страдать прекрасное? До сихъ поръ казалось—мысль была святотатствомъ, и наказаніе неотразимо ожидаетъ все превышающее блаженную посредственность. Или возмущается зависть Бога, какъ прежде зависть греческихъ боговъ? Или намъ вѣрить, что все прекрасное, святое, любовь и мысль—холодная иронія Іеговы? Что же тогда наша жизнь?

Но нѣтъ—мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь—дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ—быть можетъ—лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и, рано-ли поздно—свѣтъ побѣдитъ тьму.

Да, но намъ, знавшимъ его—его потеря невозвратима. Едва ли не Rahel сказала: „Wäre noch nie ein junger Mann gestorben, hätte man nie Wehmuth gekannt". Изъ сердца Творца истекаетъ и горе, и радость. Freude und Leid: часто ихъ звуки дрожатъ роднымъ отголоскомъ и сливаются: одно неполно безъ другого. Теперь череда горю...

Прощайте: будьте вы здоровы. Напишите мнѣ слово отвѣта. Мнѣ кажется, я васъ еще болѣе полюбилъ, со смерти Станкевича.

Вашъ, и пр. [1]).

---

[1]) О смерти Станкевича см. его біографію П. В. Анненкова, стр. 231—232 и письма Бѣлинскаго къ В. П. Боткину и А. П. Ефремову въ сочиненіи А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ (т. 2 стр. 50—53).—Ред.

1852.

ВЪ РОССІИ.

С.-Петербургъ:

2 [1]).

Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. — Санктъ-Петербургъ, апрѣля 27 дня, 1852. Ваше императорское высочество! Всемилостивѣйшій государь.

Прошедшаго 16-го апрѣля былъ я, по высочайшему повелѣнью, посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ, по истеченіи котораго долженъ быть отправленъ на жительство въ деревню. Наказанію этому, сколько мнѣ извѣстно, я подвергся за помѣщеніе статьи о покойномъ Гоголѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Покоряюсь безропотно монаршей волѣ—и желая единственно оправдать себя отъ обвиненія въ умышленномъ ослушаніи, пріемлю смѣлость представить милостивому воззрѣнію вашего императорскаго высочества со всею искренностью сущность дѣла.

Узнавъ о смерти Гоголя, я написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ желалъ выразить горесть, возбужденную во мнѣ этимъ извѣстіемъ.—Статья моя была первоначально передана въ „Санктъ-Петербургскія Вѣдомости“, но [2]) въ нихъ не явилась; тогда я доставилъ ее въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“: мнѣ было извѣстно, что статья эта подвергнется и тамъ всѣмъ установленнымъ цензур-

[1]) Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., январь, съ приводимыми ниже выносками и примѣчаніемъ.—Ред.

[2]) На полѣ карандашомъ: „встрѣтивъ затрудненія“.

нымъ узаконеніямъ, оттого я и не усомнился сообщить ее журналу, издающемуся въ городѣ, гдѣ умеръ [1]) Гоголь. Осмѣливаюсь удостовѣрить ваше императорское высочество, что, отсылая статью свою въ Москву, я не только не думалъ ослушаться начальства или противиться его волѣ—но не имѣлъ даже помышленія о томъ, что дѣлаю что нибудь противузаконное; я бы тотчасъ уничтожилъ эту статью, если бы хоть отдаленно могъ предвидѣть, что мой поступокъ будетъ сочтенъ за ослушаніе. Теперь же, не зная за собой никакой другой вины, я состою подъ арестомъ въ полицейской части и будущность моя находится въ неизвѣстности, тѣмъ болѣе для меня тягостной [2]), что мое здоровье требуетъ частыхъ совѣщаній съ столичными врачами.

Въ такомъ положеніи мнѣ остается только прибѣгнуть къ милостивому снисхожденію и высокому предстательству вашего императорскаго высочества. Удостойте, всемилостивѣйшій государь, довести мое искреннее изложеніе дѣла до свѣденія его величества, чѣмъ, быть можетъ, мнѣ доставится возможность оправдать по крайней мѣрѣ свои намѣренья передъ государемъ императоромъ. Одно благотворное вниманіе вашего высочества я уже почту облегченіемъ своей участи.

Вашего императорскаго высочества всеподданнѣйшій

Иванъ Тургеневъ.

отставной коллежскій секретарь [3]).

---

[1]) На полѣ карандашомъ: „притомъ же, такъ какъ все дѣло было чисто литературное, то я и могъ приписать возникшія въ Петербургѣ затрудненія личному воззрѣнію цензора на талантъ покойника“.

[2]) По зачеркнутому—„тяжелой“.

[3]) Примѣчаніе. Эпизодъ заключенія покойнаго Ивана Сергѣевича Тургенева въ полицейскую часть, въ С.-Петербургѣ, достаточно извѣстенъ. Объ этомъ было подробно разсказано въ Запискахъ покойнаго же члена государственнаго совѣта, князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г. томъ VIII, стр. 940—953.

1853.

Изъ села Спасскаго-Лутовинова
мценскаго уѣзда, орловской губ.

3.

П. Н. Тургеневу[1]).—Спасское, 23 ноября, 1853.—Милый дядя, я оттого не отвѣчалъ тебѣ на радостное извѣстіе о рожденіи моей сестры, а твоей дочки, что я все поджидалъ тебя въ Спасское по твоему обѣщанію, но теперь посылаю къ тебѣ нарочнаго съ извѣстіемъ, что сегодня пришло ко мнѣ письмо отъ гр. Орлова съ объявленіемъ мнѣ свободы и позволенія въѣзжать въ столицы. Мнѣ также пишутъ изъ Петербурга, что мнѣ нужно явиться туда хотя на короткое время для принесенія моей благодарности. Вслѣдствіе этого, прошу тебя, если тебѣ возможно, пріѣхать сюда какъ можно скорѣе, чтобы переговорить со мной и взять на руки дѣла. Хотя дней на 10 пріѣзжай. Домъ въ Орлѣ сталъ теперь не нуженъ, потому что если я пріѣду, то только на выборы. Надѣюсь, что всѣ твои здоровы и благополучны, заочно обнимаю тебя и всѣхъ, и сестру цѣлую.

Въ ожиданьи скоро тебя увидѣть — твой, и пр.

---

[1]) Это и другія три письма, помѣщенныя ниже, адрессованы къ дядѣ И. С. Тургенева и хранятся въ коллекціи автографовъ Г. Л. Кравцова.—Ред.

1854.

4.

Колбасину, Елисѣю Яковлевичу [1]). — Спасское, 29 октября, 1854. — Милый Колбасинъ, отъ души поздравляю васъ съ окончаньемъ вашихъ экзаменовъ и одержанной побѣдой надъ М.-П. [2]). Видно, не во всемъ же вамъ должна везти неудача. — Соображая кое-что иное прочее, я напротивъ начинаю думать, что вы пресчастливый молодой человѣкъ. — Дай Богъ также и впредь!

Въ Петербургъ я прибуду къ 20-му ноября. Я писалъ вашему брату и просилъ его о квартирѣ. Не будете ли вы такъ добры, не поможете ли ему? — (Онъ вѣдь получилъ мое письмо къ Оболенскому? — Я тотчасъ же написалъ).

На зиму мы уже сыщемъ вамъ дѣло — не безпо-

---

[1]) Е. Я. Колбасинъ—авторъ книги: „Литературные дѣятели прежняго времени“ (Спб. 1859 г.), и сотрудникъ „Современника“, живущій въ Одессѣ. 40 писемъ къ нему и его брату Дмитрію пріобрѣтены барономъ Г. О. Гинцбургомъ и предоставлены литературному фонду. Изъ нихъ печатается 28 писемъ къ первому (1854 — 1882 г.) и 8 ко второму (1856 — 1862).—Ред.

[2]) Мусинъ-Пушкинъ, попечитель Петербургскаго учебнаго округа. По его распоряженію, всѣ вольнослушатели не были допущены къ послѣднему экзамену. Тогда, по совѣту профессора Неволина, они обратились съ жалобой къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову, который распорядился немедленно допустить всѣхъ вольнослушателей къ экзаменамъ. Послѣ значительнаго упорства, Мусинъ-Пушкинъ вынужденъ былъ сдаться. Экзамены прошли удачно. Тургеневъ, всегда любившій молодежь, принималъ самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ.—Е. К.

койтесь. — Очень радъ я успѣху „Отрочества“ [1]). Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ — это талантъ первостепенный [2]). Я здѣсь познакомился съ его сестрой (она тоже за графомъ Толстымъ). Премилая, симпатичная женщина [3]).

Здоровье мое очень удовлетворительно — и желудокъ почти не шалитъ. Въ шахматы я здѣсь сражаюсь рѣдко, но удачно. — Здѣшніе господа не подвигаются впередъ. — Помните священныя партіи въ Петергофѣ? [4]).

До свиданья — будьте здоровы и веселы. Кланяйтесь всѣмъ, Румели и пр. Миницкому я напишу съ слѣдующей почтой. Онъ милѣйшій человѣкъ.

Вашъ и пр.

Изъ Петербурга:

5.

П. И. Тургеневу. — Спб., 8 декабря, 1854. — Милый дядя, вчера я получилъ твое письмо и 200 руб. серебромъ. На первый случай достаточно — хотя расходовъ предстоитъ много, такъ какъ я рѣшился по мѣрѣ возможности завестись мебелью. — И потому и ты присылай по мѣрѣ возможности — а я повторяю тебѣ, что

---

[1]) „Дѣтство и отрочество“, гр. Л. Н. Толстого.—Е. К.

[2]) Эти строки оказались пророческими. Интересно, что Тургеневъ и умирая, высказалъ о гр. Л. Н. Толстомъ то же, что говорилъ слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ при появленіи его первыхъ опытовъ.—Е. К.

[3]) Гр. Марія Николаевна Толстая.—Е. К.

[4]) Тургеневъ былъ большой любитель шахматной игры и первостепенный игрокъ. Онъ постоянно слѣдилъ за развитіемъ этой игры, выписывая иностранные шахматные журналы. Часто послѣ удачной партіи, онъ говаривалъ: „нѣтъ, положительно мое призваніе быть не литераторомъ, а полководцемъ“.—Е. К.

за границей 3,500 р. сер. въ годъ не перейду. Въ этомъ ты можешь быть увѣренъ. — Адрессъ мой я уже тебѣ послалъ — но я могу написать его еще разъ: на Фонтанкѣ, возлѣ Аничкова моста, въ домѣ Степанова.

Журналы ты будешь получать слѣдующіе и аккуратно: „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ „Magazin des Demoiselles“, „Nouvelliste“. „Indépendance“ я не выписалъ — 35 р. сер. — слишкомъ дорого.

Новостей нѣтъ и не скоро будетъ. До марта мѣсяца едва ли что-нибудь произойдетъ подъ Севастополемъ. — Еслибъ услыхалъ что-нибудь, напишу тотчасъ.

Здоровье мое до сихъ поръ, слава Богу, порядочно. Работаю здѣсь очень много — и къ сроку. — Надо вернуть упущенное время въ деревнѣ.

У насъ здѣсь стоятъ постоянные, но не сильные морозы — и ѣзда на саняхъ хорошая.

Прощай — обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ, Варю цѣлую. — Будьте всѣ здоровы — кланяйся брату. — Твой и пр.

P. S. Былъ у меня Петръ поваръ и просилъ, что нѣтъ никакой возможности его брату заплатить за себя 1000 р. сер. Я самъ нахожу, что это много — ему всего 17 лѣтъ. — Лучше я оставлю его у себя, въ подмогу Степану. — А ради Бога, развяжи меня съ Щуцкой.

1855.

Изъ села Спасскаго:

6.

Полонскому, Якову Петровичу. — Спасское, 17 іюня, 1855.—Спасибо, что вспомнили обо мнѣ, любезный Полонскій.—Мнѣ очень досадно—во-первыхъ, что вы ко мнѣ пріѣхать не можете, а во-вторыхъ, что Д. испортилъ ваше изданіе. Впрочемъ, охота же вамъ была поручать изданіе такому свистуну!—Это очень непріятно—постарайтесь, чтобы дѣло не затянулось—и издавайте скорѣе вашу книгу.—Крайне мнѣ обидно также, что я вамъ помочь не могу,—но я самъ въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ,—что чудо! А въ противномъ случаѣ попросилъ бы у васъ позволенія помочь вамъ загладить нелѣпость Д.,—но теперь—дѣлать нечего!

У меня гостили Григоровичъ, Дружининъ и Боткинъ. Мы время проводили очень весело, разыграли на домашнемъ театрѣ глупѣйшій фарсъ собственнаго изобрѣтенія—и пр., и пр.—Теперь все стало у меня въ домѣ очень тихо—и я принялся за работу.—Ужасная засуха чуть не помѣшала всему, заставляя сидѣть въ темныхъ комнатахъ и лишая всякой возможности работать; но теперь къ счастью пошли дожди; а то бы всѣ хлѣба пропали.

Вы, вѣроятно, уже узнали, что Некрасовъ въ Москвѣ давно (въ гостинницѣ Шевалье)—и уже, можетъ быть, видѣли его.

Скажите Ивану Федоровичу [1]), что я очень благодаренъ ему за его память обо мнѣ и приписку—и непремѣнно у него буду въ мой проѣздъ черезъ Москву—въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Я отсюда ѣду черезъ 10 дней, за 250 верстъ, на тетеревовъ — въ жиздренскій уѣздъ—и проживу тамъ три недѣли—съ 20 іюля я опять въ Спасскомъ.

Будьте здоровы, не хандрите—и работайте. Сколько я слышалъ, вашъ послѣдній разсказъ всѣмъ нравится—это должно поощрить васъ.—Еще разъ жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

7.

Дружинину, А. В.—Спасское, 10 іюля, 1855.—Любезные друзья, Дружининъ и Григоровичъ, уже по полученіи вашего перваго совокупнаго посланья я хотѣлъ писать къ вамъ, адрессуя въ деревню Дружинина,—но къ досадѣ моей, я зналъ только, что эта деревня находится въ петербургской губерніи,—но въ какомъ уѣздѣ, рѣшительно позабылъ, такъ что даже теперь посылаю это письмо не прямо, но черезъ Краевскаго.—Не могу вамъ выразить, какъ часто я объ васъ вспоминаю; вмѣстѣ съ вами, говоря слогомъ покойнаго Шаликова, улетѣли игры, смѣхи и зефиры.—Помните, какъ я обжирался при васъ масломъ,—а теперь кромѣ бульона да куска телятины въ ротъ ничего не беру. Холера, голубчики мои, холера свирѣпствуетъ вокругъ насъ, похищая ежедневно жертвы; она же, злодѣйка, помѣшала мнѣ поѣхать на охоту—на тетеревей—въ жиздренскій уѣздъ—и я сижу дома, одинъ, хандрю, прислушиваюсь къ бурчанію моей утробы и лишь изрѣдка могу заставить себя работать. Плохо дѣло!—Притомъ и жара здѣсь стояла

[1]) Золотареву.—Я. П.

страшная—унынie—да и только!—Однако, теперь, понемногу оживаю и даже собираюсь съѣздить завтра, попытать свое счастье верстъ за 25 отсюда...

Очень я радъ тому, что ваше путешествiе такъ же благополучно кончилось какъ и началось.—Ну что, Григоровичъ, видѣли вы Краевскаго—и онъ въ гнѣвѣ своемъ на вашу лѣнь, не лишилъ васъ никакой части тѣла?

Передѣлывайте, съ Богомъ, нашу классическую комедiю—только боюсь я, какъ бы „Переселенцы“ отъ этого не пострадали.

Не знаю писалъ ли вамъ Боткинъ, любезный Д., объ удовольствiи, которое мнѣ доставили ваши двѣ статьи о Пушкинѣ.—Онъ же мнѣ ихъ прислалъ,—это вы написали вещь славную—и есть мѣста истинно поэтическiя (какъ напр. о геniяхъ-старцахъ).—На счетъ Гоголя—вы знаете—я не совсѣмъ согласенъ съ вами,—но объ этомъ мы окончательно потолкуемъ въ наши свиданья зимой, на Васильевскомъ острову или въ домѣ Степанова.—Но оцѣнка Пушкина—мастерская—лучше изобразить его нельзя.

Что касается до вашего плана путешествiя, то, разумѣется, я совершенно согласенъ—и отдаюсь въ ваше распоряженiе,—но не приметъ ли публика всѣ эти разоблаченiя нѣсколько странно и криво?—Примѣръ вашъ не совсѣмъ вѣренъ—мы не Скотты и не Ирвинги—и потому, какъ бы не сочли всего этого за camaraderie?—Впрочемъ, я повторяю, совершенно полагаюсь на васъ—если вы это напишете и рѣшитесь печатать, стало-быть, это будетъ и хорошо, и забавно.

Всѣ мои домашнiе очень и очень кланяются вамъ и благодарятъ за память,—а Боткинъ—pends-toi, brave Bourdiloff!—оставилъ по себѣ рѣшительное впечатлѣнiе великаго актера [1]).—Вообще—о насъ обо всѣхъ теперь

[1]) Бурдиловъ—дѣйствующее лицо въ комедiи „Школа гостепрi-

здѣсь ходятъ легенды, большей частью, однако, выгодныя.—Колбасинъ уже около недѣли гоститъ у графини—и видитъ у ней ежедневно своего побѣдителя-соперника, барона Дельвига.

Кстати, не правда ли, какая отличная вещь—Севастополь Толстого?—Понравилась ли вамъ повѣсть Нарской въ Современникѣ?—Мнѣ—такъ очень понравилась.—Ахъ, да! чуть-было не забылъ... Григоровичъ! je fais amende honorable... Я имѣлъ неоднократно несчастье заступаться передъ вами за пахнущаго клопами—(иначе я его теперь не называю)—примите мое раскаяніе—и клятву—отнынѣ преслѣдовать, презирать и уничтожать его всѣми дозволенными и въ особенности недозволенными средствами!.. Я прочелъ его отвратительную книгу, эту поганую мертвечину, которую Современникъ не устыдился разбирать серьезно... Raca! Raca! Raca!—Вы знаете, что ужаснѣе этого еврейскаго проклятія нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Сознаюсь также въ своей ошибкѣ на счетъ будущей цѣны вашей коллекціи. *До* покупки нарвскаго шкапа она не стоила 201 р. 20 к. сер.,—но просто 201 руб.—Теперь же дѣйствительно стоитъ 201 р. 20 копѣекъ.

Простите эту посильную остроту человѣку одинокому и озабоченному холерой—и вѣрьте въ искреннюю пріязнь, съ которой я вамъ обоимъ жму руку и желаю всѣхъ возможныхъ благъ. Преданный вамъ и пр.

P. S. Передайте, Д., мое усердное почтеніе и поклонъ вашей матушкѣ; да напишите мнѣ и пришлите вашъ адрессъ.—Я его два раза уже спрашивалъ у Боткина,—но Васинька легкомысленъ и забывчивъ.

имства", написанной Тургеневымъ, Дружининымъ, Боткинымъ и Григоровичемъ и представленной въ Спасскомъ 26 мая 1855 г. Боткинъ исполнилъ роль Щепетильникова, а роль Бурдилова—Д. В. Григоровичъ.—Ред.

Изъ Петербурга:

8.

Н. Н. Тургеневу.—Спб., 27 октября, 1855.—Милый дядя! Спѣшу поздравить тебя съ рожденіемъ дочки (я замѣчаю, что въ Спасскомъ все дочери родятся)—и желаю отъ души, чтобы ты дождался ея свадьбы.—Поздравь отъ меня также Елизавету Семеновну.—Надѣюсь, что къ полученію этого письма она уже будетъ на ногахъ.

Ты мнѣ ничего не пишешь объ Аннѣ Семеновнѣ—значитъ, она здорова.—Кланяюсь ей.—Колбасинъ всѣмъ вамъ кланяется, и Дружининъ также.

Я, слава Богу, здоровъ—и очень озабоченъ разными хлопотами по моей, т. е. литературной, части.—Въ Петербургѣ ожидаютъ возвращенія государя— и для насъ, маленькихъ людей, этотъ пріѣздъ былъ бы очень благодѣтеленъ,—а то цензура опять начинаетъ кусаться. Всѣ наши надежды на Него.

Радъ я, что тебѣ удалось порядочно поохотиться. Какая собака больше всѣхъ отличается?

Сожалѣю я очень о денежномъ стѣсненіи. Что дѣлать!—Такія стоятъ времена. Пока—мнѣ денегъ не нужно,—но къ 1-му декабря,—я бы желалъ получить рублей 300.

Я въ Москвѣ заплатилъ Ѳедору Лобанову 10 руб. сер. за возобновленіе паспортовъ двумъ дѣвочкамъ—онъ мнѣ далъ ихъ имена, но я бумажку эту потерялъ—ты можешь велѣть у него справиться.

На „Nouvelliste“ я подписался.—Ты навѣрное уже получилъ всѣ московскія посылки?

Здѣшніе пріятели ѣдятъ мои деревенскія варенья и не нахвалятся.

Дѣло брата благополучно кончилось.—Это уже те-

перь рѣшено и подписано—и онъ можетъ быть совершенно спокойнымъ.

Прощай, милый дядя. Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.—Кланяюсь Толстымъ.

Будьте всѣ здоровы. Любящій тебя, и пр.

1856.

Изъ с. Спасскаго:

9.

Колбасину, Д. Я.—Спасское, 13 мая, 1856.—Любезнѣйшій Колбасинъ, посылаю вамъ просьбу мою Игнатьеву [1]) и свидѣтельство тульскаго губернскаго предводителя.—Пожалуйста, немедленно по полученіи сего, ступайте къ Краснокутскому—и черезъ него или сами подайте эти бумаги Игнатьеву.—Принимаетъ онъ отъ 11 до 1 часу каждодневно.—(Вы ужъ будьте такъ добры—надѣньте фракъ), зовутъ его Павломъ Николаевичемъ.—Запечатайте все въ конвертъ и т. д. Потомъ сходите въ его канцелярію и скажите, что будете навѣдываться о томъ, когда выйдетъ паспортъ—и въ случаѣ выхода, тотчасъ дайте мнѣ знать. Извините, что я наваливаю на васъ такую обузу—надѣюсь на вашу снисходительность и дружбу.—Чиновника при заграничныхъ паспортахъ зовутъ Куномъ.—Онъ меня знаетъ.—Я здѣсь уже 5-й день, видѣлъ графиню, она не совсѣмъ здорова—кланяется вашему брату, но объ этомъ въ другое время.—Жду съ нетерпѣніемъ вашего извѣщенія объ участи

---

[1]) С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ.—Е. К.

Муму и Записокъ.—Самые лучшіе дни для писанія въ Спасское отъ васъ—это среда и суббота.—Всѣ здѣшніе вамъ обоимъ кланяются и желаютъ всякихъ благъ.—И вы, пожалуйста, поклонитесь отъ меня петербургскимъ друзьямъ. Душевно преданный вамъ, и пр.

P. S. Я пишу Игнатьеву, что явлюсь за паспортомъ, лично,—но это я говорю только для избѣжанія недоразумѣній и разспросовъ.—Если мнѣ выдадутъ паспортъ, я либо его оставлю въ Петербургѣ до моего пріѣзда, либо попытаюсь поручить вамъ его получить по довѣренности [1]).

10.

2858

Ему же.—Спасское, 21 мая, 1856.—Любезнѣйшій Дмитрій Яковлевичъ, я получилъ ваше письмо и, для ясности, буду отвѣчать вамъ по пунктамъ.

1) Очень я радъ, что Муму́ наконецъ прошла и печатаніе начнется.—На слѣдующей недѣлѣ пошлю я вамъ поправленныя „Три встрѣчи“, а васъ прошу сдѣлать мнѣ одолженіе и прислать мнѣ, переписавъ ихъ,—*прибавленныя странички* въ Затишьѣ и Насынковѣ.—Мнѣ кажется, что и тамъ можно кое-что додѣлать и притомъ

---

[1]) Это письмо, относящееся ко времени ссылки Тургенева, свидѣтельствуетъ, сколько хлопотъ предстояло преодолѣть, чтобы получить заграничный паспортъ. Ив. Серг. опасался, что его хлопоты не увѣнчаются успѣхомъ, что по всей вѣроятности и случилось бы, если бы не вліяніе большихъ связей, благодаря которымъ Ив. Серг. получилъ разрѣшеніе выѣхать за границу. Болѣе всѣхъ способствовалъ этому графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой. Онъ ходатайствовалъ у императора Николая чрезъ посредство покойнаго Государя Александра Второго, бывшаго тогда наслѣдникомъ Престола. Послѣ помилованія и разрѣшенія на выѣздъ за границу, Толстой посовѣтовалъ Тургеневу отправиться къ государю наслѣднику и благодарить его за ходатайство о его помилованіи. При этомъ Ив. Серг. надѣлъ въ первый разъ дворянскій мундиръ и очень довольно смѣшонъ въ этомъ нарядѣ.—Е. Я.

это будетъ служить ручательствомъ, что вы ихъ разобрали.

2) Вы уже, должно быть, давно получили свидѣтельство Тульскаго предводителя, посланное къ вамъ, страховымъ письмомъ, и уже были у Игнатьева. Но я съ нынѣшней же почтой получилъ отъ кн. Одоевской (сестры Ланского, министра внутреннихъ дѣлъ), извѣщеніе что „заграничный паспортъ для коллежскаго секретаря Тургенева отосланъ отъ Министерства В. Дѣлъ къ С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору 14-го мая за № 881-мъ". Стало быть, прошеніе мое возъимѣло свое дѣйствіе и пущено въ ходъ, несмотря на недостававшую бумагу.—Если это такъ, батюшка, узнайте въ чемъ дѣло—и точно ли ничего не остается болѣе какъ получить паспортъ.—Если вамъ скажутъ, что да—то узнайте, черезъ сколько времени отъ дня полученія долженъ я уѣхать (говорятъ, сухимъ путемъ черезъ 6 недѣль, моремъ черезъ 3 недѣли), и все это напишите мнѣ подробно.—Въ случаѣ, если мнѣ нельзя мѣшкать, то я вамъ пошлю денегъ на взятіе мѣста на штеттинскомъ пароходѣ ранѣе 21-го іюля (я на 21 іюня взялъ билетъ)—и билетъ—который, если они не согласятся промѣнять, я надѣюсь. можно будетъ продать.—Но я, признаюсь, раньше 21-го іюля не желалъ бы уѣхать.—Словомъ, узнайте въ подробности все, руководясь выше означеннымъ свѣденіемъ, доставленнымъ кн. Одоевской, и напишите мнѣ аккуратно и не мѣшкавъ.

3) Деньги заплатите въ шахматный клубъ — а я вамъ въ субботу вышлю 50 руб. сер. съ обозначеніемъ покупокъ, которыя я попрошу васъ сдѣлать на эту сумму.

4) Толстые (особенно графиня) чрезвычайно интересуются „родственникомъ"—и отъ души сожалѣютъ, что онъ не пріѣхалъ. Если бы я могъ предвидѣть, какъ сильно будутъ о немъ вздыхать,—я бы притащилъ его

непремѣнно. Они ждутъ портрета Некрасова, на покупку котораго они послали ему деньги. — Графиня немного грустна и похудѣла, графъ цвѣтетъ какъ піонъ.

5) Я разъ былъ на охотѣ, но теперь кромѣ коростелей и перепеловъ ничего нѣтъ.

6) Проходя мимо Давыдова, зайдите къ нему и напомните, что вмѣстѣ съ Современникомъ онъ хотѣлъ прислать мнѣ 2-й томъ Соловьева и „Для легкаго чтенія“ [1]). Какое впечатлѣніе производитъ 5-й № Современника?

Если бы нужно было мнѣ самому пріѣхать за паспортомъ, я бы это могъ сдѣлать—я безъ того думалъ быть у Боткина въ Москвѣ около 1-го іюня, а тамъ недалеко съѣздить.—Но, впрочемъ, я долженъ сказать, что я-было раздумалъ ѣздить къ Боткину [2]). — Лѣнь одолѣла.

Что повѣсть „родственника“? — Еще все нѣтъ отвѣта? — Да, что онъ не пишетъ ко мнѣ? — Чѣмъ онъ теперь занимается?

Здѣсь погода все еще неудовлетворительна. Холодно и дожди частые.

---

[1]) Книжный магазинъ Давыдова. „Для легкаго чтенія“—сборникъ, изданный Некрасовымъ. Въ немъ помѣщены „Записки лишняго человѣка“.—Е. Я.

[2]) Василій Петровичъ Боткинъ — авторъ „Писемъ объ Испаніи“. Ему передалъ для напечатанія Ив. Серг. извѣстное письмо о смерти Гоголя, которое напечатано въ „Московск. Вѣд.“ и было причиною ареста и высылки Тургенева. Кстати о Гоголѣ, приводимъ слѣдующее письмо Боткина къ Тургеневу (безъ числа), взятое у послѣдняго Е. Я. Колбасинымъ: „Я сейчасъ воротился отъ Черкасскихъ, гдѣ обѣдалъ, и не могу тебѣ тотчасъ же не сообщить слѣдующаго: княгиня мнѣ говорила, что Гоголь, мѣсяца за 2 до смерти былъ у тетки ея и, говоря о литературѣ, сказалъ, „что во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланту у Тургенева“. Меня этотъ отзывъ такъ обрадовалъ, что я не могу тотчасъ же не сообщить его тебѣ. Я совершенно согласенъ съ этимъ. Только ты больно лѣнивъ и неусидчивъ у меня—вотъ что плохо. Я знаю, что „Свои люди“ Островскаго великолѣпная вещь, а все таки сочности и таланта, поэтическаго таланта въ тебѣ больше. Только, можетъ быть, не для театра. Вотъ что мнѣ хотѣлось тебѣ сказать, а затѣмъ прощай“.—Ред.

Я васъ нагружаю порученіями до непозволительности—но я надѣюсь крѣпко на вашу доброту и дружбу. — Жму вамъ обопмъ дружески руку и остаюсь, и пр.

P. S. Порфирій вамъ кланяется. Онъ тоже цвѣтетъ [1]).

---

[1]) Порфирій Тимоѳеевичъ Кудряшевъ—интересное лицо въ біографіи Тургенева. Крѣпостной мальчикъ его матери, деспотки и причудницы, Порфирій былъ отправленъ заграницу съ Ив. Серг., въ качествѣ „казачка“. Замѣтивъ рѣдкія способности своего „казачка“, Ив. Серг. много работалъ надъ его развитіемъ. Овладѣвъ нѣмецкимъ языкомъ и приготовившись подъ его руководствомъ къ экзамену, Кудряшевъ поступилъ студентомъ медицинскаго факультета одного изъ нѣмецкихъ университетовъ. Тургеневъ полюбилъ Порфирія за его способности и добродушный характеръ и, зная властолюбіе своей матери, убѣждалъ Кудряшева остаться въ Германіи, гдѣ онъ кстати завелъ романъ съ одной нѣмкой. Кудряшевъ, повидимому, поддался убѣжденіямъ своего молодого друга, и далъ слово остаться въ Германіи. Но каково было удивленіе Тургенева, когда, простившись съ Кудряшевымъ, онъ увидѣлъ его въ конторѣ дилижансовъ съ узелкомъ и походной сумкой черезъ плечо. — Ты, куда, Порфирій? — спросилъ изумленный Тургеневъ. „Ѣду въ Россію“. — Какъ? Наканунѣ твоей свадьбы! Бросать невѣсту! — „Христосъ съ нею съ невѣстой... Родина милѣе“.— Да знаешь ли ты, Порфирій, что кромѣ безчестнаго бѣгства тебя же обратитъ моя матушка въ батрака, а въ дурной часъ и въ солдаты можетъ отдать? — „Знаю, а все-таки, хочь убей меня, а поѣду съ тобой въ Россію,—надоѣли нѣмцы до смерти“. И дѣйствительно, съ упорствомъ этого человѣка ничего нельзя было сдѣлать. Онъ вернулся въ Спасское, гдѣ помѣщица тотчасъ обратила его въ домашняго безотлучнаго врача при своей особѣ. Предсказаніе Ив. Серг. сбылось: онъ пилъ горькую чашу, но по упрямству не жалѣлъ о покинутой Германіи. Замѣчательно, что Кудряшевъ, по пріѣздѣ въ Россію, перемѣнилъ обращеніе съ бывшимъ своимъ товарищемъ студентомъ. Иначе не называлъ его какъ „барпномъ“, и не садился въ его присутствіи. Тургенева это крайне огорчало, но на убѣжденія его онъ отвѣчалъ: нѣтъ, вы все-таки теперь мой баринъ“. Я зналъ лично этого оригинала уже въ 50-хъ годахъ, долго послѣ смерти матери Тургенева, и тогда онъ иронически говорилъ Тургеневу „вы“ и „баринъ“, не смотря на то, что былъ любимымъ докторомъ двухъ уѣздовъ, былъ свободнымъ, и получилъ въ московскомъ университетѣ званіе зубного врача. Способности этого человѣка были огромныя, но онъ былъ лѣнивъ, толстъ и безпеченъ. Одно только онъ дѣлалъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ: мастерски пѣлъ и игралъ на гитарѣ, при чемъ передразнивалъ нѣмцевъ, распѣвая нѣмецкіе романсы. Онъ съ неудовольствіемъ перечитывалъ нѣмецкіе медицинскіе журналы, которые Тургеневъ для него постоянно выписывалъ, понуждая и понукая его слѣдить за

11.

Ему же. — Спасское, 16 іюня, 1856 г. — Милый Колбасинъ. Сегодня только два слова. Спасибо за присылку, но какъ же вы, злодѣй, самое важное забыли— а именно, англійскіе пистоны! — Пожалуйста, поскорѣй купите и пришлите—до Петрова дня еще успѣете—500 шт. у Вишневскаго (въ Большой Мѣщанской).—Во вторникъ (сегодня суббота)—пошлется вамъ:

1) 200 руб. на уплату квартиры;

2) 50 за паспортъ (который прошу взять къ 10-му іюля, чтобы 21-го мнѣ уѣхать безпрепятственно, а я вамъ на всякій случай пришлю письмо, въ которомъ довѣрю вамъ получить этотъ паспортъ);

3) исправленныя „Три встрѣчи“,

и 4) разныя подробности о пребываніи Л. Н. Толстого и графини у насъ.

Кланяйтесь брату... Бѣдный переулочекъ!

До вторника.

Изъ Покровскаго:

12.

Колбасину, Е. Я.—Покровское, 2 іюля, 1856.— Пишу вамъ эти строки отъ Толстыхъ, любезный Елисей

современной наукой. Аппетитомъ онъ обладалъ чудовищнымъ. Тургеневъ при мнѣ напоминалъ ему, какъ онъ, Кудряшевъ, поражалъ нѣмцевъ своей ѣдой, уничтожая нѣмецкіе хлѣбцы въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что многіе нѣмцы приходили смотрѣть въ окно на русскаго толстаго студента съ такимъ ужаснымъ аппетитомъ. „Да что нѣмцы, — чудачье!.. ихъ всѣмъ удивить можно, что выходитъ изъ узенькихъ рамокъ“, — говорилъ равнодушно Порфирій. Онъ часто игрывалъ съ Тургеневымъ въ шахматы, но ни разу не хотѣлъ отобѣдать, не смотря на настойчивыя приглашенія Тургенева и мои и обыкновенно отвѣчалъ: „барскій обѣдъ не по моему животу, я буду у васъ голоденъ“. Насколько любилъ Тургеневъ Кудряшева, видно изъ письма Тургенева, которое помѣщено далѣе.—Е. К.

Яковлевичъ, и посылаю вамъ обратно письмо, которое вы адрессовали на имя вашего брата. — Онъ вамъ вѣроятно уже разсказалъ всѣ свои впечатлѣнія и т. д. Здѣсь онъ оставилъ очень пріятную память. Онъ вамъ навѣрное также сообщилъ, какое впечатлѣніе произвело здѣсь извѣстіе, что будто это вы пріѣхали и т. д. Левъ Николаевичъ наконецъ пріѣхалъ и гоститъ у своей сестры. Рука у ней все болитъ—это нехорошо.

Я, слава Богу, помаленьку здоровъ и ничего не дѣлаю. — Попросите брата, чтобъ онъ исполнилъ мои коммиссіи, да сходилъ бы къ сапожнику Пелю и заказалъ бы ему 1 пару тонкихъ сапоговъ для меня (обыкновенныхъ) и когда будутъ готовы, то прислать. Да также, чтобы онъ прислалъ 1-й отпечатанный листъ (когда печатаніе начнется), я все еще не успѣлъ выправить „Трехъ встрѣчъ“, но на будущей почтѣ надѣюсь выслать.

Ну, пока прощайте, обнимаю васъ обоихъ и остаюсь, и пр.

PS. До сихъ поръ не получено ни Современника, ни Отеч. Запис., ни Русскаго Вѣстника.

Изъ села Спасскаго:

13.

Колбасину, Д. Я.—(Безъ числа, вѣроятно въ половинѣ іюля, 1856). — Посылаю вамъ сапоги и письмо, пришедшее на ваше имя изъ Москвы. — Извините, что раньше не могъ это сдѣлать.—Вся Спасская дворня предавалась по случаю праздника пьянству мрачному и остервенѣлому.—Я самъ отсюда выѣзжаю на другой день Успенья, т.-е. 16-го числа, а сегодня вечеромъ жду къ себѣ графа Ник. Ник. [1]) съ охотой.—Мы дня три на-

[1]) Гр. Толстой—родной братъ гр. Льва Ник. Толстого.—Е. К.

мѣрены поѣздить по окрестностямъ. Завтра направимся къ Троицкому. — Скажите графинѣ, что Писемскій пишетъ мнѣ о новомъ севастопольскомъ отрывкѣ Льва Ник. съ большими похвалами. Надѣюсь, что послѣдняя капля Спасскаго духа теперь изъ васъ испарилась—и вы предаетесь той восторженной веселости, подобной вѣчному смѣху гомерическихъ боговъ, которая, по вдохновенному примѣру графини, кипитъ и гремитъ въ стѣнахъ Покровскаго.—Въ добрый часъ!

Поклонитесь всѣмъ отъ меня и Натальѣ Петровнѣ въ особенности.

Будьте здоровы и кутите.

PS. Пришлите мнѣ, пожалуйста, тотъ томъ Современника, гдѣ *Затишье*.—Мнѣ хочется на досугѣ придѣлать сцену между Веретьевымъ и Машей. А вы работаете по утрамъ—или лежите на постели, какъ Поприщинъ?

Изъ Петербурга:

14.

Дружинину, А. В.—Спб., 20 іюля, 1856.—Наканунѣ моего отъѣзда за границу хочется написать вамъ два слова, во-первыхъ, чтобы повторить вамъ мое обѣщаніе: непремѣнно прислать въ теченіе нынѣшняго года для „Б. для Чт.“ какую-нибудь статью, которую я постараюсь обработать насколько хватитъ умѣнья.—У меня за границей времени будетъ много, мѣсяцъ сентябрь я проживу почти въ уединеніи—и потому я твердо надѣюсь сдержать свое обѣщаніе.—Во-вторыхъ, мнѣ хочется, уѣзжая, пожелать вамъ всего хорошаго, главное: здоровья.—Я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ изъ „Б. для Чт.“ выйдетъ журналъ хорошій и дѣльный, хотя въ иномъ мы и не

будемъ соглашаться.—Но это—ничего; въ главномъ и существенномъ и намѣренья наши, и вкусы совпадаются. Предлагаю вамъ хотя изрѣдка переписываться со мною; я, пріѣхавши въ Парижъ, пришлю вамъ свой адрессъ.—Я провелъ два дня у Боткина въ Кунцовѣ, два дня у Некрасова въ Ораніенбаумѣ,—а теперь—ѣду до весны. Надѣюсь, что это въ послѣдній разъ. Пора!

Передайте мой усердный поклонъ вашей матушкѣ, обнимаю васъ и милѣйшаго Григоровича.—Будьте всѣ здоровы и до свиданья.

PS. Я пришлю статью на ваше имя въ контору редакціи „Б. для Чт.“.

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа:

15.

Дружинину, А. В.—Парижъ, 30 октября, 1856.—Вчера получилъ я ваше письмо, милѣйшій Александръ Васильевичъ—а сегодня отвѣчаю. Прежде всего спасибо за память; все русское мнѣ теперь вдвойнѣ дорого—а привѣтъ отъ добрыхъ друзей, подобныхъ вамъ—настоящій подарокъ.—Я имѣю извѣстіе объ васъ отъ Колбасина, которому поручилъ передать вамъ мой поклонъ; теперь же очень радъ узнать отъ васъ самихъ, что вы здоровы и поселились въ Петербургѣ. Что касается до меня, то я не болѣе десяти дней какъ переѣхалъ въ Парижъ, долго не могъ найти порядочной квартиры—и былъ, какъ говорится, en l'air; теперь наконецъ нанялъ себѣ комнатку въ Rue de Rivoli, № 206—и собираюсь приняться за работу довольно серьезно—потому что въ деревнѣ я

велъ жизнь самую праздную. Къ великому горю моему, одно меня сокрушаетъ: глупый мой пузырь, послѣ шестилѣтняго молчанія, вдругъ опять разболѣлся; говорятъ, невралгіи имѣютъ свойство просыпаться въ томъ воздухѣ, гдѣ онѣ привились человѣку; и хотя докторъ обнадеживаетъ меня, говоря, что это долго продолжаться не можетъ—однако я смущенъ. Впрочемъ, что будетъ, то будетъ!

Радуюсь охотѣ, съ которой вы принимаетесь за „Б. для Чт., и увѣренъ, что подъ вашей редакціей журналъ пойдетъ славно.—Предвижу также, что не во всемъ буду соглашаться съ вами; но что за бѣда! у истины, слава Богу, не одна сторона; она тоже не клиномъ сошлась—зато знаю, что многое, самое задушевное и дорогое для меня, вы выскажете такъ, что мнѣ остается только кланяться и благодарить, подобно тому, какъ я вамъ кланяюсь за статью о Пушкинѣ. Это очень хорошо, что матеріаловъ у васъ много; непремѣнно хочу, чтобы и моя лепта къ вамъ попала.—Мою статью вы получите еще въ нынѣшнемъ году—даю вамъ честное слово—если только буду живъ; напечатать вы ее можете, когда угодно, поговоривъ съ Современникомъ.—Я очень радъ, что мой разсказъ: Фаустъ—вамъ понравился,—это для меня ручательство; я вѣрю въ вашъ вкусъ. Вы говорите, что я не могъ остановиться на Ж.-Зандѣ; разумѣется, я не могъ остановиться на ней—такъ же какъ напр.: на Шиллерѣ; но вотъ какая разница между нами: для васъ это направленіе—заблужденіе, которое слѣдуетъ искоренить; для меня оно—неполная истина, которая всегда найдетъ (и должна найти) послѣдователей въ томъ возрастѣ человѣческой жизни, когда полная истина еще недоступна.—Вы думаете, что пора уже возводить стѣны зданія; я полагаю, что еще предстоитъ рыть фундаментъ. То же самое могу я сказать о статьяхъ Чернышевскаго.

—Я досадую на него за его сухость и черствый вкусъ—а также и за его нецеремонное обращеніе съ живыми людьми (какъ, напр., въ сентябрской книжкѣ С—а); но „мертвечины“ я въ немъ не нахожу—напротивъ; я чувствую въ немъ струю живую, хотя и не ту, которую вы желали бы встрѣтить въ критикѣ.—Онъ плохо понимаетъ поэзію; знаете ли, это еще не великая бѣда; критикъ не дѣлаетъ поэтовъ и не убиваетъ ихъ; но онъ понимаетъ—какъ это выразить?—потребности дѣйствительной современной жизни—и въ немъ это не есть проявленіе разстройства печени, какъ говорилъ нѣкогда милѣйшій Григоровичъ,—а самый корень всего его существованія. Впрочемъ, довольно объ этомъ; я почитаю Ч—го полезнымъ; время покажетъ, былъ ли я правъ.—Притомъ въ „противовѣсіе“ ему — будете вы и вашъ журналъ; отъ того-то я ему заранѣе радуюсь; вы помните, что я, поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента, въ противовѣсіе Гоголевскому.—Стремленіе къ безпристрастію и къ истинѣ всецѣлой есть одно изъ немногихъ добрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ.

Спасибо за подробности, сообщенныя о литераторахъ—между прочимъ о Григоровичѣ.—Неужели онъ зиму опять проведетъ въ деревнѣ?—Когда будете писать ему, поклонитесь ему отъ меня дружески.

Я получаю здѣсь Современникъ изъ музыкальной конторы Брандуса; съ нетерпѣніемъ ожидаю Лира.—Чудесная ваша мысль—переводить Коріолана.—То-то придется онъ вамъ по вкусу—о, вы, милѣйшій изъ консерваторовъ! Нельзя-ли вамъ распорядиться, чтобы я съ октябрской (или даже съ сентябрской) книжкой получалъ здѣсь „Б. для Чт.“ тѣмъ же путемъ, какимъ я получаю С.!—Я бы охотно платилъ издержки пересылки и очень

былъ бы вамъ благодаренъ. Пожалуйста, если можно, сдѣлайте это.

Однако, пора кончить. Будьте здоровы — жму вамъ руку крѣпко.—Передайте мое искреннее почтеніе вашей матушкѣ, поклонитесь Майковымъ и прочимъ пріятелямъ. До слѣдующаго письма. Вашъ и пр.

PS. Пишите мнѣ теперь: Rue de Rivoli, № 206.

16.

Толстому, гр. Л. Н.—Парижъ, 16 ноября, 1856.—Любезнѣйшій Толстой, письмо ваше отъ 15-го октября ползло ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ—я его получилъ только вчера.—Я подумалъ хорошенько о томъ, что вы мнѣ пишете—и мнѣ кажется, что вы неправы.—Я, точно, не могу быть совершенно истинненъ съ вами, потому что не могу быть совершенно откровененъ; мнѣ кажется—мы познакомились неловко и въ неладную минуту—и когда мы увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо глаже и легче.—Я чувствую, что люблю васъ какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ;—и я нашелъ подъ-конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше.—При свиданіи, попытаемся опять пойти рука объ руку—авось удастся лучше; а въ отдаленіи—(хотя это звучитъ довольно странно)—сердце мое къ вамъ лежитъ какъ къ брату—и я даже чувствую нѣжность къ вамъ.—Однимъ словомъ—я васъ люблю—это несомнѣнно; авось изъ этого современемъ выдетъ все хорошее.

Я слышалъ о вашей болѣзни—и огорчался; а теперь прошу васъ выкинуть воспоминаніе о ней изъ головы.—Вѣдь вы тоже мнительны—и, пожалуй, думаете о чахоткѣ, но, ей Богу, у васъ ея нѣтъ.

Очень мнѣ жаль вашей сестры; кому бы быть здоровой какъ не ей—то-есть, я хочу сказать—если кто заслуживаетъ быть здоровой, такъ это она; а вмѣсто того—она все мучится. Хорошо бы, еслибъ московское леченіе помогло ей. Что вы не выпишете вашего брата? Что ему за охота сидѣть на Кавказѣ? Или онъ хочетъ сдѣлаться великимъ воиномъ?—Меня дядя мой извѣстилъ, что вы всѣ уже выѣхали въ Москву; и потому я это письмо адрессую въ Москву, на имя Боткина.

Французская фраза мнѣ такъ же противна какъ вамъ—и никогда Парижъ не казался мнѣ столь прозаически-плоскимъ. — Довольство не идетъ ему; я видѣлъ его въ другія мгновенья—и онъ мнѣ тогда больше нравился.—Меня удерживаетъ здѣсь старинная, неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка. Еслибъ не это, я бы давно уѣхалъ въ Римъ, къ Некрасову. Я отъ него получилъ два письма изъ Рима—онъ скучаетъ слегка—да оно и понятно—все, что въ Римѣ есть великаго, только окружаетъ его; онъ не живетъ съ нимъ;—а рѣдкими мгновеньями невольнаго сочувствія и удивленія долго пробавляться нельзя. Впрочемъ, ему все-таки легче чѣмъ въ Петербургѣ—и здоровье его поправляется.—Фетъ теперь въ Римѣ съ нимъ... онъ написалъ нѣсколько граціозныхъ стихотвореній и подробныя путевыя записки, гдѣ много дѣтскаго,—но также много умныхъ и дѣльныхъ словъ—и какая-то трогательно-простодушная искренность впечатлѣній. Онъ—точно, душка, какъ вы его называете.

Теперь о статьяхъ Ч—скаго.—Мнѣ въ нихъ не нравится ихъ безцеремонный и сухой тонъ, выраженіе черствой души; но я радуюсь возможности ихъ появленія, радуюсь воспоминаніямъ о Б.—выпискамъ изъ его статей, радуюсь тому, что наконецъ произносится съ уваженіемъ это

имя.—Впрочемъ Вы этой моей радости сочувствовать не можете.—Анненковъ пишетъ мнѣ, что на меня это потому дѣйствуетъ, что я за границей,—а что у нихъ это-молъ, теперь дѣло отсталое; имъ уже теперь не того нужно. Можетъ быть;—ему на мѣстѣ виднѣе; а мнѣ все-таки пріятно.

Вы окончили 1-ую часть „Юности"—это славно. Какъ мнѣ обидно, что я не могу услыхать ее!—Если вы не свихнетесь съ дороги—(и, кажется, нѣтъ причинъ предполагать это)—вы очень далеко уйдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности—и свободы, свободы духовной.

Что касается до моего „Фауста",—не думаю, чтобъ онъ вамъ очень понравился.—Мои вещи могли вамъ нравиться—и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ—только до тѣхъ поръ, пока вы сами сдѣлались самостоятельны.—Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать человѣка, свое сердце—и дѣйствительно великихъ писателей.—А я писатель переходнаго времени—и гожусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи.

Ну, прощайте и будьте здоровы.—Напишите мнѣ—мой адрессъ теперь Rue de Rivoli, N° 206.—Благодарю вашу сестру за два приписанныхъ слова; кланяюсь ей и ея мужу.—Спасибо Варинькѣ, что она меня не забываетъ. Я было хотѣлъ поговорить съ вами о здѣшнихъ литераторахъ,—но до другого разу.—Крѣпко жму вамъ руку.

P. S. Я не франкирую письма; и вы также поступайте.

17.

Дружинину, А. В.—Парижъ, 5 декабря, 1856.—Отвѣчаю на ваше письмо, о, милѣйшій изъ консерваторовъ!—Прежде всего долженъ сообщить вамъ, что сильно подвинулъ разсказъ, назначенный мною въ Библ. для Чт.—и которому заглавіе будетъ: „Поѣздка въ Полѣсье“—неизданный отрывокъ изъ „Записокъ Охотника“.—Въ немъ будетъ около трехъ листовъ печатныхъ. Какъ только я его кончу, немедленно перепишу и отправлю—и пусть Анненковъ бьетъ себя по лядвеямъ и распространяетъ недовѣріе къ моей дѣятельности—а статья будетъ выслана!—Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи о великолѣпномъ перерожденіи „Б. для Чт.“—и я рукоплещу и радуюсь.—Пожалуйста, поддержите бѣднаго Писемскаго и давайте ему работу.—Я получилъ отъ него письмо, которое меня растрогало—(я уже отвѣчалъ ему); онъ сообщаетъ мнѣ, что намѣренъ изо всѣхъ силъ для васъ работать—а такой сотрудникъ драгоцѣненъ.—Съ нетерпѣньемъ жду присылки „Б. для Чт.“ черезъ Брандуса—и со всею искренностью напишу вамъ впечатлѣніе, которое произведетъ на меня статья о Бѣлинскомъ.

М. Н. Лонгиновъ сообщилъ мнѣ выходку противъ меня „Русскаго Вѣстника“—въ объявленіи объ изданіи въ 1857 году—(въ Московскихъ Вѣдомостяхъ).

Эта выходка — (между нами будь сказано) — меня почти-что порадовала — несмотря на ея болѣе нежели безцеремонный тонъ.—Теперь я считаю себя освобожденнымъ отъ обязанности дать имъ статью—и уже послалъ объ этомъ дѣлѣ въ Моск. Вѣдом.—и письмо, написанное впрочемъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. — Дрязги эти смѣшны немножко—и непріятно занимать публику своей особой—да дѣлать нечего.

A propos de выходки — хороша выходка Панаева!

Признаюсь—это меня очень раздосадовало. Этакій неисправимый свистунъ!—Результатомъ этой штуки можетъ быть – возвращеніе Некрасова въ Петербургъ.—Я получилъ письмо отъ него изъ Рима—онъ, кажется, шибко началъ работать... Не знаю, на что онъ рѣшится теперь.

Вы пишете, что придется наконецъ мнѣ взяться за редакцію журнала. — Не знаю, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ—но столько предстоитъ затрудненій и внутреннихъ и внѣшнихъ!—Осужденъ я на цыганскую жизнь—и не свить мнѣ видно гнѣзда нигдѣ и никогда!—А не свивши постояннаго гнѣзда, за журналъ приниматься невозможно.

Этимъ „баловать“ нельзя, за это надо взяться честно и твердо. — А впрочемъ, кто знаетъ, что принесетъ завтрашній день?

Я начинаю понемногу знакомиться съ разными здѣшними лицами.—Отыскалъ двухъ-трехъ хорошихъ людей, одну очень милую и умную женщину;—пока довольно—а то время все въ клочки разлетится. Познакомиться легко со всѣми — къ удивленію моему, меня здѣсь довольно знаютъ—да что толку?—Кстати, вы такой охотникъ до литературы; я былъ представленъ г-жѣ Бичеръ-Стоу; добрая, простая — и представьте! застѣнчивая американка; съ ней двѣ дочки рыжія, въ красныхъ бурнусахъ, съ свирѣпыми кринолинами — престранныя фигуры.

Фетъ, вы знаете, въ Римѣ съ Некрасовымъ. Вотъ одно его маленькое стихотвореніе, присланное мнѣ:

Тускнѣютъ угли. Въ полу-мракѣ
Прозрачный вьется огонекъ;
Такъ плещетъ на багровомъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.
Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ, усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаютъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль...
И лжетъ душа, что ей не нужно
Того, что такъ глубоко жаль.

Вы, говорятъ, очень сошлись съ Толстымъ — и онъ сталъ очень милъ и ясенъ. Очень этому радуюсь. Когда это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ достойный боговъ. — Что его „Юность“, присланная вамъ на судъ? Я ему писалъ два раза, второй разъ въ Москву, на имя Васиньки.

Часто думаю о всѣхъ васъ и о нашихъ сходкахъ. Что ни говори, на чужбинѣ точно вывихнутый.—Никому не нуженъ—и тебѣ никто не нуженъ.—Надо пріѣзжать сюда молодымъ, когда еще собираешься только жить — или уже старымъ—когда покончилъ жизнь.

Кушелевъ мнѣ кажется д.....; — я его все вижу играющимъ у себя на̀ вечерѣ — на цитрѣ — дуэтъ съ какимъ-то итальянскимъ голоднымъ халуемъ; но онъ богатъ, и потому можетъ быть полезенъ. — Уваровъ страшно честолюбивъ — но онъ уже выбралъ себѣ спеціальность учено-археолого-нумизматическую; а Алексѣй Толстой прекраснѣйшій и благороднѣйшій малый; денегъ у него нѣтъ лишнихъ — но онъ можетъ быть полезенъ своимъ вліяніемъ.—Правда ли, что онъ произведенъ въ флигель-адъютанты?

Ж.-Зандъ не въ Парижѣ; но еслибъ я даже ее встрѣтилъ — я бы ничего не сказалъ ей о паденіи ея (безъ сомнѣнья) плохой пьесы; я, какъ почтительный сынъ Ноя, прикрываю, отвернувъ глаза, наготу моего родителя. — Коли вы консерваторъ, не будьте же нетерпимы. — Поклонитесь всѣмъ знакомымъ и генералу Ковалевскому. Дружески жму вамъ руку и остаюсь вашъ, и пр.

18.

Толстому, гр. Л. Н.—Парижъ, 8 декабря 1856.—Милый Толстой, вчера мой добрый геній провелъ меня мимо почты—и я вздумалъ зайти, справиться, нѣтъ ли мнѣ писемъ poste restante—хотя по моему разсчету всѣ мои друзья уже давно должны знать мой парижскій адрессъ—и нашелъ ваше письмо, гдѣ вы мнѣ говорите о моемъ „Фаустѣ“.—Вы легко поймете какъ мнѣ было весело его читать. Ваше сочувствіе меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кромѣ того, ото всего письма вѣяло чѣмъ-то кроткимъ и яснымъ, какой-то дружелюбной тишиной. — Мнѣ остается протянуть вамъ руку черезъ „оврагъ“, который уже давно превратился въ едва замѣтную щель, да и о ней упоминать не будемъ—она этого не стоитъ.

Боюсь я говорить вамъ объ одномъ упомянутомъ вами обстоятельствѣ: это вещи нѣжныя — отъ слова завянуть могутъ, пока не созрѣютъ—а созрѣютъ—такъ ихъ, пожалуй, и молотомъ не раздробишь. Дай Богъ чтобы все устроилось благополучно и правильно—а вамъ это можетъ принести ту душевную осѣдлость, въ которой вы нуждаетесь — или нуждались, когда я васъ зналъ. Вы, я вижу, теперь очень сошлись съ Дружининымъ—и находитесь подъ его вліяніемъ. Дѣло хорошее—только, смотрите, не объѣшьтесь и его.—Когда я былъ вашихъ лѣтъ, на меня дѣйствовали только энтузіастическія натуры; но вы другой человѣкъ чѣмъ я—да, можетъ быть, и время теперь настало другое. Съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки „Б. для Чт.“—Мнѣ хочется прочесть статью о Бѣлинскомъ, хотя, вѣроятно, она меня порадуетъ мало.—А что „Современникъ“ въ плохихъ рукахъ—это несомнѣнно.—Панаевъ началъ-было писать мнѣ часто, увѣрялъ, что

не будетъ дѣйствовать „легкомысленно“ — и подчеркивалъ это слово; а теперь присмирѣлъ и молчитъ, какъ дитя, которое, сидя за столомъ, наклало въ штаны. Я обо всемъ написалъ подробно Некрасову въ Римъ—и весьма можетъ статься, что это заставитъ его вернуться ранѣе чѣмъ онъ предполагалъ. — Напишите мнѣ, въ которомъ именно № „Современника“ появится ваша „Юность“, да кстати сообщите мнѣ ваше окончательное впечатлѣніе о „Лирѣ“, котораго вы вѣроятно прочли, хотя бы для-ради Дружинина.

Очень меня утѣшаетъ ваше намѣреніе работать, какъ вы говорите, „стиснувъ зубы“.—Дѣло это почтенное— а я здѣсь, грѣшный,—между нами сказать, ничего не дѣлаю. — Только надѣюсь кончить въ скоромъ времени разсказъ для Др.,—а для „коалиціи“—(которая дѣйствительно не представляетъ ничего „величественнаго“)— ничего. — Болѣзнь моя—(увы! уже не гастрйтъ, съ которымъ ладить легко—а прозаически несомнѣнная боль въ пузырѣ)—порядкомъ мнѣ мѣшаетъ; да и кромѣ того я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь какъ мерзлая рыба при оттепели. Я уже слишкомъ старъ, чтобы не имѣть гнѣзда, чтобы не сидѣть дома. Весной я непремѣнно вернусь въ Россію, хотя вмѣстѣ съ отъѣздомъ отсюда—я долженъ буду проститься съ послѣдней мечтой о такъ называемомъ счастьѣ — или, говоря яснѣе — съ мечтой о веселости, происходящей отъ чувства удовлетворенія въ жизненномъ устройствѣ. Это „яснѣе“ — вышло очень длинно и, можетъ быть, не совсѣмъ ясно— но оно такъ. Чтожъ тутъ прикажете дѣлать?

Вы мнѣ не пишете о вашей сестрѣ. — Говорятъ, она въ Москвѣ—и очень больна.—Пожалуйста, извѣстите меня въ подробности объ ея положеніи. Меня ея нездоровье огорчаетъ. Если есть на свѣтѣ женщина, которая заслуживаетъ быть счастливой—такъ это она;—а

на такія-то натуры судьба и налегаетъ.—Пришлите мнѣ ея адрессъ въ Москвѣ; я хочу написать ей.

Я познакомился здѣсь со многими русскими и французами; но симпатическихъ натуръ нашелъ весьма мало.—Есть одна княжна Мещерская—совершенная Гётевская Гретхенъ — прелесть — да, къ сожалѣнію, по-русски не понимаетъ ни слова. — Она родилась и воспитывалась здѣсь. — Не она виновата въ этомъ безобразіи, но все-таки это непріятно.—Не можетъ быть, чтобы не было внутренняго, пока еще тайнаго противорѣчья между ея кровью, ея породой—и ея языкомъ и мыслями — и это противорѣчіе, со временемъ, либо сгладится въ пошлость, либо разовьется въ страданіе. А мила она такъ, что и описать нельзя.

Вы видаете Анненкова теперь? Помните, какъ онъ вамъ не нравился? А теперь, вы, я надѣюсь, убѣдились, что онъ человѣкъ и умный, и хорошій. Чѣмъ больше вы его будете знать, тѣмъ онъ станетъ вамъ дороже, повѣрьте мнѣ.

Ну, прощайте, милый Л. Н. — да пишите мнѣ почаще—а я остаюсь душевно васъ любящій.

19.

Колбасину, Е. Я.—Парижъ, 14 декабря 1856.—Любезнѣйшій Елисѣй Яковлевичъ, мнѣ приходится отвѣчать на два письма, на ваше и—вашего брата. Прежде всего благодарю васъ за то, что даже на одрѣ болѣзни вы меня не забыли. Это съ вашей стороны очень похвально, но плохо то, что вы въ ваши, уже не совсѣмъ юношескіе годы, все еще охотитесь за змѣями—и даже ловите ихъ. Плюньте, пожалуйста, на все это отродье;

ну ихъ къ чорту!—Право, безъ нихъ человѣку вдвое легче и пріятнѣе, и свободнѣе.

Ну теперь, опять по пунктамъ.

1) Панаевъ должно быть такъ струхнулъ, что даже позабылъ отправить ко мнѣ XI № Современника. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы онъ по крайней мѣрѣ съ XII-мъ былъ мнѣ высланъ. Это ни на что не похоже. Да помѣстилъ ли оберъ-свистунъ опечатки „Фауста“ въ декабрскомъ №? Если нѣтъ,—непремѣнно заставьте его помѣстить ихъ въ январскомъ.

2) Стихотворенія Некрасова, 2 книжечки Толстого, 2 № Биб. для Чт. получены въ исправности. Толстой изданъ очень мило, а Некрасовъ очень гадко.

3) Я просилъ вашего брата и повторяю вамъ мою просьбу: всѣ критики, которыя только появятся на мои „Повѣсти и разсказы“, присылать мнѣ въ оригиналахъ, т.-е. въ вырѣзкахъ, или въ спискахъ, сдѣланныхъ на мой счетъ. Очень я объ этомъ прошу.

4) Для успокоенія вашей совѣсти за отчеты ежемѣсячные полагается впередъ, не 15, а 10 р. сер.—на отчеты я продолжаю настаивать [1]).

Деньги имѣете получить съ вашего брата, который мнѣ писалъ, что у него моихъ денегъ 170 руб. сереб.

5) Я отвѣчалъ письмомъ къ редактору Моск. Вѣд.—на выходку „Русскаго Вѣстника“. Въ этомъ письмѣ, крайне умѣренномъ, какъ вы увидите, я только объявляю, что почитаю себя освобожденнымъ отъ обязанности поставить повѣсть. Напишите мнѣ какъ только это письмо

[1]) Тургеневъ просилъ меня сообщать ему письменно, въ видѣ рефератовъ, обо всемъ, что дѣлается въ русской литературѣ. Зная, что я былъ заваленъ срочными журнальными работами, Ив. Серг. упрямо настаивалъ на какомъ-либо вознагражденіи, не смотря на то, что я упорно отъ этого отказывался. Наконецъ, мы согласились покончить на 10 рубл., о чемъ и пишетъ Ив. Сергѣевичъ. Е. К.

появится, и пусть Панаевъ его перепечатаетъ, въ январьскомъ Современникѣ.

6) Сообщите мнѣ извѣстіе о ходѣ подписки на Современникъ. Также попросите вашего брата отвѣтить мнѣ на другіе запросы, мною сдѣланные.

7) Пузырь мой (какъ бы не сглазить) поправляется — я принялся наконецъ за работу.

Туръ [1]) пошелъ въ ходъ и въ дѣло — очень я тому радъ. Поклонитесь ему отъ меня — я надѣюсь, что вы хотя изрѣдка съ нимъ видитесь [1]). Очень и очень огорчило меня то, что вы говорите о здоровьѣ графини. Бѣдная женщина! — Зачѣмъ же непремѣнно смерть?.. Эхъ, тяжело все это.

XI № „Б. для Ч.“ хорошо составленъ; но я больше (даже въ Дружининскомъ смыслѣ) ожидалъ отъ статьи о Бѣлинскомъ, — отъ нея вѣетъ холодомъ и тусклымъ безпристрастьемъ. Этими искусно спеченными пирогами съ „нѣтомъ“ — никого не накормишь. А Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ, — жгутся.

Ну, прощайте пока, мой милый Е. Я. Не шалите, пожалуйста, будьте здоровы и веселы и помните любящаго васъ, и пр.

P. S. А какъ идетъ моя книга [2])? — Анненковъ зашибъ копѣйку, но не останется ли Базунище въ накладѣ [2]).

---

[1]) Туръ — молодой человѣкъ, написавшій нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Е. К.

[2]) „Повѣсти и Разсказы“ И. С. Тургенева, изданные подъ редакціей Анненкова. — Въ объясненіе этого post-scriptum см. письмо П. В. Анненкова къ М. Стасюлевичу, помѣщенное въ предисловіи къ посмертному изданію сочиненій И. С. Тургенева, 1883 г., т. I, стр. III. — Базунище — московскій книгопродавецъ Базуновъ. Ред.

20.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 24 декабря 1856 г.—Помните ли вы, любезнѣйшій Полонскій, вы мнѣ говаривали, что желали бы написать стихотвореніе, которое совершенно бы меня удовлетворило?—Вы можете теперь быть довольны: я отъ вашихъ „наядъ“ пришелъ въ восторгъ. Это вещь великолѣпная. Но такъ какъ бы я желалъ видѣть ее напечатанной, то позвольте мнѣ предложить слѣдующія измѣненія.

Вмѣсто:

„Современныя пѣсни отчизны моей“...

— скажите: народныя пѣсни — (NB. Вы понимаете, что я не предлагаю вамъ поставить именно это слово, я говорю о смыслѣ). Этакъ оно выдетъ и цензурнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ величавѣе. Прометей выдетъ не какой-нибудь современный поэтъ—а самъ народъ.

Поэтому слѣдующіе два стиха:

„Тамъ, молчали каменья...

. . . . . святыя права“—

надо измѣнить. Они сверхъ того прозаичны.

Потомъ вмѣсто: „Бѣдныя дщери морей“—поставьте „Нимфы“, и на концѣ прибавьте въ двухъ словахъ слѣдующую мысль: я не Титанъ, но вы слышали точно пѣсни Титана, который, какъ Прометей, прикованъ къ скалѣ, и его коршунъ грызетъ...

Тогда, по моему, стихотвореніе выдетъ истинно прекрасно. Я знаю, что вы человѣкъ не щепетильный — и потому такъ смѣло предлагаю вамъ эти измѣненія. Но, повторяю, стихотвореніе чудное. Въ случаѣ нужды, послѣднюю мысль можно будетъ для цензуры откинуть.

Второе стихотвореніе, присланное вами, очень хорошо по своей правдѣ—а третье слабо.

Пожалуйста не унывайте и кончайте вашу поэму.

Не удастся—дѣлать нечего—а удастся—браво! — Что такъ сидѣть сиднемъ?—Пока въ себѣ сомнѣваешься да противъ себя воюешь—можно сдѣлать хоть небольшое дѣло—да дѣло. Одну я знаю помѣху: болѣзнь. И потому мнѣ очень было прискорбно узнать, что вы все болѣете. — Не знаю, мнительны ли вы или нѣтъ, но думаю, что съ вашимъ здоровьемъ еще жить можно. Работайте-ка и порадуйте меня другимъ стихотвореніемъ въ родѣ „Наядъ“.

Спасибо вамъ за всѣ сообщенныя извѣстія. Въ нынѣшнемъ году друзья меня не забываютъ, и вѣсти съ родины не переводятся. Если будете писать къ Шел—вой, поклонитесь ей отъ меня. Я храню въ памяти ея толстенькую и миленькую фигурку съ умнымъ личикомъ и добрыми глазами.

Съ Некрасовымъ я переписываюсь. Онъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Римѣ и, кажется, работаетъ.

Я удивился и обрадовался, узнавши, что Клюшниковъ еще живъ. Пожалуйста, напишите мнѣ его адрессъ—не забудьте.—Я его зналъ хорошо; онъ даже въ дѣтствѣ преподавалъ мнѣ русскую исторію.

Вы хорошо дѣлаете, что рисуете—но смотрите, не покидайте своей законной Музы. А съ той, какъ бишь звали Музу рисованія, побаловать—можно.

Прощайте, милый П. Пришлите мнѣ перемѣны въ „Наядахъ“, если найдете мои предложенія благоразумными—да напечатайте это стихотвореніе непремѣнно въ Современникѣ; объ этомъ я васъ прошу.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь душевно вамъ преданный.

1857.

21.

Редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ [1]).— Парижъ, 4 января 1857 г.—М. Г., я на дняхъ получилъ № „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи „Русскаго Вѣстника“ въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично до меня касающагося,—я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю „Русскаго Вѣстника“ повѣсть подъ названіемъ: „Призраки“, за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями „Современника“ условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, причемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно, въ отношеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Слѣдовательно, вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, несмотря на то, что, по его сло-

[1]) Это письмо и другое нижеслѣдующее тому же лицу напечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1857 г. и перепечатаны въ критико-біографическомъ этюдѣ С. А. Венгерова, С.-Петербургъ, 1875 г., ч. II, стр. 73 и 75. Ред.

вамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ „Фаустъ“ въ IX № „Современника“, тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ этого журнала, вѣроятно, никѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что участіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію, ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ „Русскаго Вѣстника“—лучшее тому доказательство.

22.

Ему же. — Январь, 1857. — М. Г. Получая снова отъ меня письмо, въ которомъ идетъ рѣчь о моей повѣсти, обѣщанной „Русскому Вѣстнику“ и т. д., вы, вѣроятно, подумаете, что игра не стоитъ свѣчъ. Это мнѣніе раздѣлитъ съ вами публика, раздѣляю и я. Но дѣлать нечего: надобно очистить этотъ вопросъ. Ограничусь двумя словами.

Я готовъ сознаться, что въ первомъ письмѣ моемъ изъ Парижа мнѣ бы слѣдовало къ словамъ: „не назначая опредѣленнаго срока“, прибавить слово: обязательнаго; я дѣйствительно надѣялся доставить мою повѣсть г. Каткову въ началѣ прошлаго года; но въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало, и повѣсть моя осталась

неоконченной. Это не мѣшаетъ мнѣ объявить, что всю отвѣтственность за эту неисправность (если только стоитъ употреблять такія громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла) я принимаю на себя.

Что же касается до выговореннаго мною (при заключеніи условія съ „Современникомъ“) права исполнить обѣщаніе, данное „Русскому Вѣстнику“, то г-ну Каткову стоитъ обратиться къ редактору „Современника“, у котораго и хранится оригиналъ нашего условія, чтобы убѣдиться въ совершенной справедливости моихъ словъ. Сожалѣю, что этотъ вопросъ г-ну Панаеву не былъ сдѣланъ г-мъ Катковымъ раньше; это бы избавило и его, и меня, отъ новаго сомнѣнія и намека.

Въ надеждѣ, что этимъ объясненіемъ прекратится возникшее недоразумѣніе, прошу васъ принять, м. г., увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ остаюсь, и пр.

23.

Дружинину, А. В.—Парижъ, 13 января 1858.—Милый Дружининъ. Уже съ недѣлю какъ я собираюсь отвѣчать на ваше письмо—да все не удается.—Нахожусь я въ препакостномъ настроеніи духа, болѣзнь моя приняла дурной оборотъ, меня опять жгутъ и т. д. Словомъ, гадко.—Я повѣсилъ носъ и руки опустилъ. Маленькій разсказецъ для васъ совсѣмъ готовъ: стоитъ присѣсть и написать послѣднюю страницу—не могу! Однако переломлю себя—кончу и отправлю. Боюсь я только за него: очень онъ вышелъ мраченъ.—Кабы зналъ я, что̀ меня ждетъ въ Парижѣ — не выѣхалъ бы изъ Петербурга... а вы, какъ нарочно, рисуете мнѣ соблазнительныя картины вашего совокупнаго житья, вашей дѣятельности... Кстати о вашей дѣятельности, прочелъ я № вашего „Лира“—

и умилился — но особенно меня тронула ваша вступительная статья.—Это прелесть!—Долженъ сознаться, что если бы вы не были консерваторомъ, вы бы никогда не съумѣли оцѣнить такъ Кента, „великаго вѣрноподданнаго“.—Я прослезился (à la lettre) надъ нимъ.—Всѣ эти характеристики—все воззрѣніе вѣрно, широко, глубоко — исполнено любви и свободы. — Очень, очень вы меня порадовали. Спасибо вамъ.

За то вы не удивитесь, если я скажу вамъ, что статья о Бѣлинскомъ—мнѣ мало понравилась.—Она очень умна и безпристрастна—но холодна и—виноватъ! несправедлива. —Какъ же это такъ? спросите вы: безпристрастна и несправедлива? — Ужъ не знаю какъ — но оно такъ. Объ этомъ слѣдовало бы распространиться — но я теперь не въ силахъ распространяться. Зато весь номеръ составленъ прекрасно—и читается и съ удовольствіемъ, и съ пользой. Радуюсь я хорошей подпискѣ: да оно иначе и быть не можетъ: „Б. для Чт.“ пойдетъ у васъ блистательно—дай Богъ, чтобы Современникъ не былъ совсѣмъ задавленъ (ce que je crains, entre nous soit dit). Почему я эту фразу написалъ по французски?—Неизвѣстно. Но я, по милости моего гнуснаго недуга, не скоро что-нибудь сдѣлаю. Чувствую въ себѣ пустоту выпотрошенной рыбы, кислоту непрививного яблока и глупость, подобную—невозможно сыскать сравненія.

Анненкову теперь лафа отхлопать себѣ всѣ лядвеи на мой счетъ.

Жду съ нетерпѣніемъ высылки XII-го и I-го № вашей „Библіотеки“.

Вы вѣроятно спросите меня: если мнѣ такъ скучно въ Парижѣ, зачѣмъ я остаюсь здѣсь?—На это есть причины очень важныя, но я думаю отсюда непремѣнно черезъ два мѣсяца выѣхать. Куда? Не знаю—можетъ быть въ Лондонъ. Здѣшній климатъ мнѣ рѣшительно вреденъ.

Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать, и отсюда весной въ Италію; скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня. Впрочемъ я ему самъ напишу. По письмамъ его я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны—и я радуюсь тому, „какъ нянька старая". Я прочелъ его „Утро помѣщика", которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія; говорю: почти—потому что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ — скрывается еще (можетъ быть безсознательно для него самого) нѣкоторое предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, не смотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія—и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно; но при немъ бѣжитъ другое побочное, пристяжное — а именно то, что вообще просвѣщать мужика, улучшать его бытъ — ни къ чему не ведетъ — и это впечатлѣніе непріятно. Но мастерство языка, разсказа, характеристики великое. Каковъ однако безсовѣстный Андреасъ! Какую статеечку онъ объ Д. и О. тиснулъ!

На какіе погромы я долженъ готовиться, я, отъ котораго онъ уже ничего ждать не можетъ!—Пускай!—Это можетъ быть даже очень полезно.

Вы не можете себѣ представить, какое иногда во мнѣ поднимается нетерпѣливое желаніе быть съ вами, въ Петербургѣ, гдѣ у меня не болѣлъ мой мерзкій пузырь. Клянусь, что съ будущей зимы — всѣ зимы своей жизни я провожу въ Петербургѣ! Баста!

Если театръ состоится, скажите Писемскому, что я прошу его убѣдительно, написать мнѣ объ этомъ. До меня дошли слухи, что здоровье его поправилось, чему я радуюсь отъ всей души.

Прощайте, милѣйшій консерваторъ, будьте здоровы и веселы. Поклонитесь вашей матушкѣ и всѣмъ добрымъ пріятелямъ. Весь вашъ, и пр.

PS. Разсказъ вы получите черезъ двѣ недѣли—самый поздній срокъ.

24.

Колбасину, Д. Я.—Парижъ, 26 января 1857.—Милѣйшій Колбасинъ. Я давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ вашего письма. Спасибо вамъ за него. Факты, сообщенные вами, очень интересны. Статья Дудышкина обо мнѣ представляетъ, вѣроятно, много справедливаго и дѣльнаго, но при всемъ моемъ невысокомъ мнѣніи о моемъ талантѣ, мнѣ все-таки не хочется согласиться съ нимъ, что лучше было бы мнѣ вовсе не писать. По крайней мѣрѣ теперь узнаешь о себѣ всю правду до самой подноготной.

Я на дняхъ переѣхалъ на другую квартиру и живу теперь Rue de l'Arcade, № 11. Сообщите этотъ адрессъ всѣмъ пріятелямъ и знакомымъ. Я живу теперь съ Некрасовымъ, который пріѣхалъ сюда изъ Рима. Здоровье его, кажется, поправилось, хотя онъ хандритъ и киснетъ сильно. Онъ кое-что сдѣлалъ, но слухи, до него дошедшіе объ участи его стихотвореній, нѣсколько пріостановили его дѣятельность. Впрочемъ онъ успокоивается по немногу [1]). Фетъ тоже былъ тутъ, но завтра ѣдетъ назадъ въ Россію. Толстого еще нѣтъ — да врядъ-ли онъ

[1]) Передъ этимъ вышла въ свѣтъ книжка стихотвореній Некрасова, гдѣ было помѣщено на первой же страницѣ, въ видѣ предисловія, его извѣстное литературное profession de foi—„Поэтъ и гражданинъ“, надѣлавшее много шуму и вызвавшее со стороны извѣстныхъ сферъ неблагосклонное отношеніе къ поэту. Неудивительно, что Некрасовъ былъ озабоченъ участью своихъ будущихъ работъ. По этому поводу Некрасовъ написалъ мнѣ изъ Рима письмо, гдѣ спрашивалъ: „правда-ли, что ему грозятъ за это Петропавловской?“. Е. К.

пріѣдетъ скоро, вѣдь онъ сперва отправится въ деревню, тамъ и застрянетъ.

Здѣсь много русскихъ, и журналы всѣ получаются, хотя очень поздно. — Но вы этимъ не смущайтесь, и сообщайте мнѣ все, что можетъ насъ здѣсь заинтересовать.

Работа моя совсѣмъ и окончательно пріостановилась. Причиною этому—главное болѣзнь моя, которая сильно меня кусаетъ и лишаетъ бодрости и спокойствія духа; притомъ другія подошли обстоятельства... Словомъ, мнѣ теперь ясно—пока я не вернусь въ Россію, я кромѣ небольшого разсказа для Дружинина, ничего не сдѣлаю. Я уже на этотъ счетъ махнулъ рукой.

Я писалъ Панаеву объ этомъ—да еще о томъ, чтобы ни за что не печатали въ „Помѣщикѣ“, котораго хотятъ сунуть въ „Легкое Чтеніе“—строфы о славянофилахъ и объ Аксаковѣ (строфа эта кончается такъ: „западныхъ людей бранитъ и пишетъ донесенія“).—Непремѣнно освѣдомитесь, исполнилъ-ли мое требованіе—и если нѣтъ (чего Боже сохрани), дайте мнѣ знать это, ни мало не медля, для того, чтобы я принялъ надлежащія мѣры. Это очень важно. Я надѣюсь, что вы обратите на мою просьбу надлежащее вниманіе.

Мнѣ пріятно узнать, что графинѣ лучше. Дай Богъ ей совсѣмъ выздоровѣть!

Будьте здоровы, поклонитесь брату вашему и всѣмъ пріятелямъ. Если мы будемъ живы, въ маѣ увидимся. Вашъ, и пр.

PS. При семъ прилагается письмо Некрасова къ вашему брату.

25.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 17 февраля 1857.—Милый Яковъ Петровичъ, вы пеняете на меня за то, что я не пишу,—а я именно и потому не пишу ни къ вамъ, ни къ друзьямъ вообще,—что ничего веселаго сказать не могу, а жаловаться и вздыхать не стоитъ. Мнѣ всячески скверно—и физически, и нравственно; но въ сторону это! Надѣюсь, что мнѣ лучше будетъ черезъ мѣсяцъ, то-есть когда я выѣду изъ Парижа. Со́лонъ онъ мнѣ пришелся—Богъ съ нимъ!

Спасибо за доставленный адрессъ Клюшникова. Я имъ воспользуюсь—и, самъ развалина, подамъ голосъ той престарѣлой развалинѣ.

Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему весьма значительная.

Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ за собою глубокій слѣдъ.

Отчего вы не прислали мнѣ какое-нибудь ваше стихотвореніе? Что-нибудь у васъ навѣрное накопилось.

Я остаюсь здѣсь еще мѣсяцъ,—а тамъ ѣду въ Лондонъ, а изъ Лондона—домой. Авось дома приведу себя въ порядокъ, а то здѣсь я никуда не годенъ сталъ—и если отвѣчаю вамъ, не имѣя двухъ мыслей въ головѣ, то только потому, что мнѣ хочется доказать вамъ, что я васъ люблю и помню.

Поклонитесь Шелгуновой и Михайлову, когда онъ вернется,—а сами будьте здоровы, и работайте, пока можете. Искренно васъ любящій, и пр.

PS. Эта записка кончена 22 февраля—писалась 5 дней!!!

26.

Дружинину, А. В.—Парижъ, 3 марта 1857.—Милый Дружининъ, я давно не отвѣчалъ вамъ по той причинѣ, что въ уныломъ тонѣ писать не хотѣлось,—а въ веселомъ я бы не могъ. Причина этого настроенія вамъ извѣстна: я объ ней распространяться не стану. Она существуетъ въ полной силѣ,—но такъ какъ я черезъ три недѣли съ небольшимъ покидаю Парижъ—то это придаетъ мнѣ нѣсколько бодрости.

Я вчера вернулся изъ Дижона, куда я (безъ всякой впрочемъ пользы) ѣздилъ для перемѣны воздуха вмѣстѣ съ Толстымъ. Оттуда я отправилъ къ Анненкову вторую половину моего разсказца: „Поѣздка“ и т. д. Не сердитесь на меня, что я послалъ этотъ разсказъ не прямо вамъ, а Анненкову.—Мнѣ онъ показался такъ слабъ, что я рѣшился прибѣгнуть къ третейскому суду. Если вы, сообща, найдете, что это печатать не стоитъ, то бросьте это—и извините меня. Душевно былъ бы радъ сдѣлать что-нибудь порядочное—да чтожъ когда ничего не выходитъ?—Вспомните слова старой пѣсни: „Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь“—и похвалите меня по крайней мѣрѣ за желаніе угодить вамъ.—Если вы рѣшитесь напечатать эти пустячки, то уже само собою разумѣется, что я никакого вознагражденія не требую.

Вчера прочелъ я вашу статью обо мнѣ во 2 № Биб.—Какъ мнѣ ни неловко говорить о ней, потому что дѣло идетъ о собственной моей особѣ—не могу скрыть, что статья показалась мнѣ превосходной.—Вы вложили перстъ въ язву—и я самъ увидалъ свою физіономію какъ въ зеркалѣ (только черезъ-чуръ снисходительномъ). То, что вы говорите по поводу Колосова—поразило меня: c'est de la divination (извините французскую фразу)—и тѣ же самыя

мысли давно смутно вертѣлись въ моей головѣ.—Если я еще буду писать—повѣрьте—эта критика была для меня драгоцѣнно-полезна.—Не принимайте моихъ словъ: ежели я еще буду писать—за фразу; право, я въ такомъ расположеніи духа, что, кажется, долго не возьмусь за перо; но все таки душевное вамъ спасибо—и первая моя дѣльная вещь (если таковая окажется) заранѣе посвящается вамъ.

„Библіотека“ не въ примѣръ самый интересный теперь журналъ; но обратите вниманіе на опечатки: ихъ и въ вашей статьѣ пропасть.

Если г-нъ Ахшарумовъ молодой человѣкъ, изъ него, кажется, можетъ выдти что-то оригинальное и милое—(напишите о немъ два слова, ваше письмо еще застанетъ меня здѣсь),—но отрывокъ изъ Жандра вы напрасно помѣстили.

1-й № „Биб“. я еще не читалъ; мнѣ его обѣщали—говорятъ повѣсть Григоровича презабавная, и статья Колбасина интересна.

Вы знаете, что Некрасовъ былъ здѣсь, уѣхалъ въ Римъ и т. д.—Я отъ него вчера получилъ письмо—онъ увѣдомляетъ, что ему тамъ хорошо.—Я нашелъ послѣ его отъѣзда отсюда начатое письмо къ вамъ, которое и прилагаю. Онъ, вѣроятно, совсѣмъ забылъ о немъ.

Толстой очень милъ и работаетъ.—Я началъ статью Анненкова о Гоголѣ—кажется, очень хороша.

До свиданья, милый Д.—Когда-то придется увидѣть васъ всѣхъ, моихъ друзей. Воспоминаніе о васъ тѣмъ для меня дороже, что оно соединяется съ воспоминаніемъ о времени, когда я былъ здоровъ.

Обнимаю васъ, и пр.

PS. Вы знаете, что мой адрессъ теперь: Rue de l'Arcade, № 11.

27.

Колбасину, Е. Я.—Парижъ, 8 марта 1857.—Любезный Колбасинъ, отвѣчаю вкратцѣ на ваше послѣднее письмо. Благодарю за всѣ сообщенныя извѣстія. О себѣ пока все не могу сообщить ничего утѣшительнаго. Болѣзнь грызетъ меня неотступно и не даетъ жить. Авось, выѣхавъ изъ Парижа, лучше будетъ. Здѣсь я остаюсь еще до 15-го апр. нов. ст. и ѣду тогда въ Лондонъ.—Но если вы или вашъ братъ напишете мнѣ отвѣтъ на это письмо, оно меня еще здѣсь застанетъ.

Журналы всѣ получаются здѣсь.—Самый интересный изъ нихъ—„Русскій Вѣстникъ“, потомъ „Библіотека“.—„Современникъ“ плохъ.—Не то выдохся, не то воняетъ.—А впрочемъ мнѣ это все равно.—Но если г. Щедринъ имѣетъ успѣхъ—то, говоря его словами, писать уже „не для-че“.—Пусть публика набиваетъ себѣ брюхо этими пряностями.—На здоровье! [1])

Я узналъ, что мою комедію: „Нахлѣбникъ“ пропустили подъ заглавіемъ: „Чужой хлѣбъ“. Я просилъ Панаева, чтобы онъ, не дожидаясь отправленія мартовскаго нумера, послалъ бы по почтѣ листы этой комедіи.—Такъ какъ я не очень вѣрю его дѣятельности, то сдѣлайте одолженіе, напомните ему объ этомъ или возьмите эти листы и перешлите сами. Мартовская книга меня уже

---

[1]) Этотъ отзывъ Тургенева относится только къ первымъ годамъ литературной дѣятельности Щедрина. Впослѣдствіи, какъ мнѣ положительно извѣстно, Тургеневъ радикально измѣнилъ свой взглядъ въ этомъ отношеніи, и говорилъ, что наконецъ Щедринъ попалъ на настоящую дорогу, которая доставитъ ему славную страницу въ исторіи русской литературы, какъ русскому сатирику. Это мнѣніе Тургенева о первыхъ опытахъ Щедрина нѣсколько совпадаетъ съ критическими взглядами Д. И. Писарева по этому предмету, выраженными въ его статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора“.—Е. К.

здѣсь не застанетъ,—но пусть ее высылаютъ; я скажу Дюфуру [1]), куда мнѣ ее переслать.

Я самъ не прочелъ вашей статьи о Кургановѣ,—но слышалъ похвалы ей.

Я здѣсь часто вижу Толстого, а отъ Некрасова получилъ на дняхъ очень милое письмо изъ Рима.—Съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ.—Некрасовъ мнѣ сказывалъ, что онъ ваше письмо получилъ.

Вульфъ упоминаетъ о какой-то непріятности, случившейся съ Русскимъ Вѣстникомъ.—Въ чемъ состоитъ она?

Спросите у Анненкова получилъ ли онъ мои письма? И почему онъ на нихъ не отвѣчаетъ?

Поклонитесь всѣмъ хорошимъ пріятелямъ—Тютчевымъ, Аннѣ Захаровнѣ, Дарьѣ Ивановнѣ.

Будьте здоровы съ братомъ.—Это главное въ жизни—остальное все побрякушки. Истинно васъ любящій, и пр.

Изъ Куртавнеля:

(Château de Courtavenel, près de Rozay en Brie, Seine-et-Marne).

28.

Ему же.—Куртавнель, 16 сентября 1857.—Любезные и добрые мои петербургскіе друзья! Письмо мое васъ удивитъ, я это знаю—но дѣлать нечего. Знайте же: вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Россію—я съ Боткинымъ ѣду въ Римъ, гдѣ проживу зиму и только на весну вернусь на родину. Причины, побудившія меня къ такой внезапной перемѣнѣ моихъ намѣреній, слѣдующія: 1) соблазнительная мысль провести зиму въ Италіи, а именно въ Римѣ, прежде чѣмъ стукнуло мнѣ 40 лѣтъ, и я превратился

[1]) Книгопродавецъ въ С.-Петербургѣ, предшественникъ нынѣшняго Э. Мелье, у Полицейскаго моста.—Ред.

въ грибъ; 2) надежда, почти несомнѣнная, хорошенько поработать. Въ Римѣ нельзя не работать—и часто работа бываетъ удачна; 3) боязнь возвратиться въ Петербургъ прямо къ зимѣ; 4) наконецъ, представившійся случай сдѣлать это путешествіе вдвоемъ съ Боткинымъ. А потому не сердитесь на меня и не забывайте, что мнѣ будетъ тамъ хорошо, коли Богъ дастъ. Ты, милый Некрасовъ, также не сердись. Если, какъ я надѣюсь, я буду работать въ Римѣ, то это для Современника будетъ полезнѣе моего присутствія—и я оттуда буду высылать тебѣ все, что сдѣлано, начиная съ повѣсти (заглавіе ей „Ася“), которую ты напечатаешь до новаго года, за это ручаюсь тебѣ. Ты самъ знаешь Римъ, и знаешь, что если тамъ не работать, то уже нигдѣ работать невозможно. Увѣряю тебя, я жажду уединенія и работы. Вышло совсѣмъ напротивъ того, что мы думали: ты въ Петербургѣ, а я въ Римѣ, но, ей-Богу, я этого, пять лѣтъ тому назадъ, и во снѣ не видалъ. Обращаюсь къ вамъ теперь, милый Колбасинъ:—оказывается, что квартира ненужна; но такъ какъ вы, вѣроятно, уже наняли квартиру, то либо уступите задатокъ, либо постарайтесь сдать ее. Денегъ вы должны были получить отъ дяди 1000 руб. сер. Вы изъ этихъ денегъ возьмите что будетъ нужно, но самое по возможности бо́льшее количество вышлите мнѣ въ *Римъ*, poste restante. Также прошу *непремѣнно* распорядиться высылкою туда „Современника“ и „Русскаго Вѣстника“, начиная съ *сентября* нынѣшняго года. Нужныя на это деньги возьмите изъ этихъ 1000; но постарайтесь выслать мнѣ сколь возможно болѣе. Я отсюда выѣзжаю 15 окт. нов. ст. и вѣроятно черезъ мѣсяцъ уже буду совсѣмъ установленъ въ Римѣ. Какъ только я пріѣду туда, я вамъ вышлю свой адрессъ. Но повторяю *убѣдительную* свою просьбу на счетъ журналовъ.

Обращаюсь къ вамъ теперь, Annenkovius venerabilis!

И обращаюсь съ предложеніемъ страннымъ, но естественнымъ: пріѣзжайте къ намъ въ Римъ! Какъ мы заживемъ! О. А. Тургенева [1]), которую я видѣлъ въ Парижѣ, мнѣ сказала, что вы безъ того собирались въ Римъ—вотъ случай!—Это предложеніе исполнено эгоизма и не понравится петербургскимъ вашимъ друзьямъ, но ужъ такъ люди устроены.

Припадаю къ стопамъ Писемскаго, Гончарова и всѣхъ другихъ друзей, которыхъ я такъ желалъ бы видѣть и которыхъ не увижу зимой. Пусть они простятъ меня великодушно!

Я пишу также дядѣ. Что касается до Степана. то его можно оставить въ покоѣ [2]). А Захара я прошу подождать меня до весны, на томъ же положеніи; я непремѣнно желаю не разставаться съ нимъ; скажите ему,

---

[1]) Ольга Александровна Тургенева—однофамилица Ивана Сергѣевича, впослѣдствіи по замужествѣ—Сомова, уже покойная.—Е. К.

[2]) Степанъ былъ поваромъ у Тургенева и попалъ къ нему слѣдующимъ образомъ: однажды явился къ нему еще молодой неизвѣстный человѣкъ, отрекомендовался поваромъ и просилъ купить его у его барина помѣщика, съ которымъ, прибавилъ Степанъ: „я долженъ кончить плохо...“ Тургеневъ понялъ положеніе бѣдняка и сталъ хлопотать о „покупкѣ человѣка“. Тургенева это коробило, но онъ неутомимо преслѣдовалъ начатое дѣло, кончившееся полнымъ успѣхомъ Степанъ былъ купленъ, кажется, за 800 руб. Когда все кончилось, Тургеневъ вручилъ Степану вольную, но Степанъ не хотѣлъ получить своей свободы и твердо сказалъ: „пусть моя вольная лежитъ у васъ, а мнѣ позвольте послужить вамъ“. Дѣйствительно, онъ оказался превосходнымъ поваромъ, и съ этихъ поръ не оставлялъ Тургенева. Этотъ красивый и здоровый парень просто былъ влюбленъ въ Ивана Сергѣевича, и когда послѣдній уѣзжалъ, по обыкновенію, на долгіе мѣсяцы за границу, Степанъ служилъ въ лучшихъ клубахъ за повара и время отъ времени справлялся то у меня съ братомъ, то у Некрасова или Анненкова о пріѣздѣ Тургенева. Услыхавъ, что онъ пріѣдетъ такого-то числа, Степанъ тотчасъ бросалъ выгодное мѣсто и съ веселымъ видомъ встрѣчалъ Тургенева, вступая въ свои поварскія обязанности. Одинъ разъ Тургеневъ писалъ мнѣ, что Степанъ можетъ заключить годовыя кондиціи въ англійскомъ клубѣ, но онъ отказался, говоря: „а если Иванъ Сергѣевичъ неожиданно пріѣдетъ, тогда какъ будетъ? Помилуйте, я его не промѣняю ни на кого, вѣдь онъ, когда идетъ по Невскому, такъ, ей-Богу, цѣлой головой всѣхъ выше“.—Е. К.

что онъ потерпѣлъ годъ, можетъ потерпѣть еще полгода [1]).

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа напишу вамъ еще, а теперь желаю вамъ обоимъ всякихъ возможныхъ благъ.

Не пеняйте и вы на меня.—Обнимаю васъ всѣхъ, жду писемъ, денегъ и журналовъ, и остаюсь вашъ и пр.

Изъ Рима:

29.

Ему же.—Римъ, 7 декабря 1857.—Любезные друзья! Вчера получилъ 3 № Современника и Сборникъ; благодарю усердно и прошу продолженія — т.-е. Русскаго Вѣстника и Анненковскихъ книгъ.

На дняхъ я писалъ вамъ письмо и послалъ въ Современникъ повѣсть; въ этомъ письмѣ я говорилъ о скоромъ отъѣздѣ въ Вѣну. Между тѣмъ мое здоровье подъ вліяніемъ новаго лекарства—іода, какъ будто поправилось—и я, можетъ быть, еще останусь здѣсь—во всякомъ случаѣ я раньше 6 недѣль не выѣду; и потому пишите мнѣ сюда и посылайте книги сюда до новаго распоряженія съ моей стороны.

Не изъ „Академическаго-ли переулочка“ выбѣжали „два зайчика“ [2]). Прочтемъ, непремѣнно прочтемъ.

Напишите-ка свое мнѣніе о моей повѣсти, если вы услышите ее до напечатанія [3]).

Сижу теперь надъ письмомъ Коршу. Съ непривычки трудно.

---

[1]) Бывшій крѣпостной и пензмѣнный лакей Тургенева. Въ 70-хъ годахъ онъ потерялъ зрѣніе. Тургеневъ далъ ему пенсію, и Захаръ остался проживать въ Спасскомъ.—Е. К.

[2]) Двѣ мои повѣсти („Академическій переулокъ“ и „Два зайца“). „Академическій переулокъ“ былъ посвященъ Тургеневу и напечатанъ въ „Б. для Ч.“, 1858 г., авг., т. 150.—Е. К.

[3]) „Ася“.—Е. К.

Въ Римѣ мнѣ хорошо—и если болѣзнь поукротится, даже очень хорошо будетъ.

Всѣмъ добрымъ знакомымъ поклоны: Аннѣ Зах—ѣ, Тютчевымъ, Даріи [1]); пусть она не обижается моимъ сравненіемъ: что дѣлать!—Ея воображеніе поразило мое... не физически, не физически, спѣшу прибавить. Даже сердце забилось отъ испуга при этой мысли.

Обнимаю васъ обоихъ, и желаю всѣмъ здоровья и хорошенькихъ женщинъ. Вашъ, и пр.

1858.

30.

Ему же.—Римъ, 24 февраля 1858.—Милые друзья мои, я на-дняхъ вернулся изъ Неаполя, гдѣ провелъ двѣ недѣли съ Боткинымъ—и черезъ 4 дня выѣзжаю изъ Рима. Я ѣду черезъ Флоренцію, Миланъ, Венецію и Тріестъ въ Вѣну, гдѣ пробуду дней десять (отъ 15 до 25 апрѣля новаго стиля) для совѣщанія съ извѣстнымъ докторомъ Зигмундомъ. Изъ Вѣны я, можетъ быть, прямо поѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ; а можетъ быть я заверну въ Парижъ, и тогда пріѣду въ Петербургъ съ первымъ пароходомъ. Поэтому прошу васъ письма посылать въ Вѣну, poste restante.

Слѣдуютъ нѣкоторыя порученія:

1) Скажите Анненкову, что я *свинья* (такъ-таки и скажите), до сихъ поръ не послалъ ему продолженія писемъ Коршу; причиной этому была гнусная лѣнь, хандра и въ то же время разсѣянія; но теперь я буду

[1]) Дарія Ивановна Яздовская, вдова, жившая у Тютчевыхъ, умершая въ 1883 г., въ одинъ день съ Александрой Петровной Тютчевой.—Ред.

одинъ (я разстаюсь съ Боткинымъ) и исполню мое обѣщаніе. Всѣ 10 писемъ будутъ доставлены въ Россію до моего возвращенія, за это я ручаюсь. Съ другой стороны, попеняйте ему: зачѣмъ онъ не послалъ 7-тома Пушкина и другихъ книгъ прежнимъ порядкомъ, т.-е. адрессуя ихъ poste restante—я бы ихъ давнымъ-давно получилъ, а то онъ ихъ адрессовалъ въ посольство, и до сихъ поръ о нихъ ни слуху ни духу. Также и 1-й № Современника не показалъ носа—и я не знаю, какъ напечатана „Ася“, что, впрочемъ, бѣда небольшая—ибо по свѣденіямъ, она блистательно и съ трескомъ провалилась, не смотря на ваши благодушные отзывы. И Господь съ ней [1])!

2) Сообщите мой адрессъ въ Вѣнѣ и другимъ друзьямъ; а изъ Вѣны я вамъ напишу, ѣду-ли я прямо въ Петербургъ или съ изгибомъ.

3) Отъ Панаева или Некрасова ничего положительно узнать нельзя; но узнайте, пожалуйста, стороною, получилъ-ли кто-нибудь изъ пресловутыхъ „обязанныхъ“ пресловутый дивидендъ — или до сихъ поръ все только наводятся справки, и дайте мнѣ знать.

Прочелъ я вашихъ двухъ Зайчиковъ; штучка нѣсколько неправдоподобная и форсированная, но съ зацѣпомъ и забавная. Я увѣренъ, что многіе ее прочли съ удовольствіемъ.—Чего же болѣе?

Здоровье мое все нехорошо: видно, такъ уже придется маячиться до вожделѣннаго момента околѣнья. Въ маѣ (въ началѣ или концѣ) увидимся, и уже тогда—шалишь! ни ногой изъ Россіи. А до тѣхъ поръ обнимаю васъ обоихъ и остаюсь любящій васъ, и пр.

---

[1]) Неизвѣстно съ чего взялъ Тургеневъ, что „Ася“ провалилась, между тѣмъ какъ она имѣла большой успѣхъ. Н. Г. Чернышевскій помѣстилъ по поводу ея въ этомъ смыслѣ критическую статью въ „Атенеѣ“ подъ заглавіемъ: „Русскій человѣкъ на rendez-vous“.—Е. К.

Изъ Парижа:

31.

Колбасину, Е. Я.—Парижъ, 24 мая 1858. — Вы ѣдете за границу, юный Колбасинъ. Вы сегодня выѣзжаете изъ Петербурга,—а я во вторникъ выѣзжаю отсюда для того чтобы возвратиться въ Петербургъ! – Я буду въ Берлинѣ въ четвергъ вечеромъ и остановлюсь въ гостинницѣ „Stadt Petersburg“, Unter-den-Linden; если не въ четвергъ вечеромъ, то уже навѣрное въ пятницу утромъ я буду тамъ, потому что въ субботу я долженъ быть въ Штеттинѣ и садиться на пароходъ. — Итакъ до свиданія—до кратчайшаго свиданія въ Берлинѣ!

Какъ это вы, однако, рѣшились ѣхать, не зная языковъ!—Впрочемъ всѣ совѣты возможные вы отъ меня получите.—Будьте здоровы и освѣдомляйтесь обо мнѣ въ „Stadt Petersburg“ Вашъ и пр.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

32.

Колбасину, Е. Я. [1]).—(Спб., безъ числа; вѣроятно, лѣтомъ 1858).—Что это—вѣсточки нѣтъ о васъ, любезный Колбасинъ? Написали бы слова два по городской почтѣ.—Я за васъ чуть не поругался съ Некрасовымъ и Чернышевскимъ: — послѣдняго я, кажется, пристыдилъ, чего, разумѣется, съ первымъ—никакъ случиться не можетъ.—Посылаю вамъ оттискъ моей повѣсти—прочтите,

[1]) Эта коротенькая записка была, какъ видно, послана въ окрестности Петербурга, на дачу къ Е. Я. Колбасину, при проѣздѣ И. С. Тургенева изъ-заграницы въ с. Спасское.—Ред.

если это васъ интересуетъ; также посылаю записку Авдѣева: вы усмотрите изъ ея содержанія, что дѣло касается до васъ, хотя я не думаю, чтобы оно вамъ годилось. Каковы ваши отношенія къ „Современнику“?—И какъ ваше здоровье? Напишите. Вашъ, и пр.

Изъ с. Спасскаго:

33.

Ковалевскому, Ег. П. [1]).—С. Спасское, 25 сентября 1858.—.Любезнѣйшій мой генералъ и пріятель, пишу къ вамъ это письмо для того, чтобы зарекомендовать вамъ слѣдующее предпріятіе, въ которомъ я принимаю участіе, а именно: съ новаго года, въ Москвѣ, предполагается издавать еженедѣльный политико-литературный журналъ (въ родѣ „Сына Отечества“) подъ именемъ: „Московскій Вѣстникъ“. Правленіе московскаго университета согласилось на его появленіе, и теперь все дѣло зависитъ отъ разрѣшенія вашего брата [2]). Будьте такъ добры, похлопочите и употребите ваше вліяніе—я вамъ искренно благодаренъ буду за это. Издатель (Воронцовъ-Вельяминовъ) и участники этого журнала мнѣ знакомые люди—и я вамъ за нихъ отвѣчаю. Вы уже такъ часто дѣлали хорошія и полезныя дѣла—сдѣлайте это, и вы сами увидите, что кромѣ хорошаго ничего изъ этого не выйдетъ. Я тоже обѣщалъ участвовать въ этомъ журналѣ.

Надѣюсь увидать васъ въ началѣ ноября—зиму я проживаю въ Петербургѣ. Еще разъ поручаю это предпріятіе вашему ходатайству, крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

---

[1]) Десять записокъ къ Е. П. Ковалевскому, сообщенныхъ Г. К. Рѣпинскимъ, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1884, май. 399—402. Подлинники въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Ред.

[2]) Евграфъ Петровичъ, министръ народн. просвѣщ.—Ред.

Въ Петербургѣ:

34.

Ему-же.—(Спб., безъ числа; вѣроятно, осенью 1858).—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, во-первыхъ, нагло пользуюсь вашею любезностью и посылаю вамъ золотое перо въ обмѣнъ вашего, хорошаго; а во-вторыхъ, нельзя-ли попросить вашего брата, министра (народн. просвѣщ.), чтобы онъ на мѣсто цензора въ Москвѣ рекомендовалъ г. Щербинину Ивана Васильевича Павлова, сотрудника „Московскаго Вѣстника", отличнѣйшаго и достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка? Этимъ бы онъ обязалъ и литературу, и цензуру, и администрацію,—а Рахманиновъ не одной литературѣ вредилъ. Крѣпко жму вашу руку. Преданный вамъ, и пр.

35.

Основскому. Н. А. [1]).—Спб., 30 декабря 1858.—Любезнѣйшій Нилъ Андреевичъ, вамъ уже извѣстно, что „Моск. Вѣстникъ" разрѣшенъ послѣ упорной и кровопролитной битвы въ комитетѣ, въ которой погибъ одинъ журналъ (изъ семи).—Но дѣло еще не кончено—надобно отправить бумагу къ вамъ, и т. д.—Ковалевскій, которому я отдыха не даю, далъ мнѣ слово, что это будетъ сдѣлано тотчасъ послѣ новаго года.—Я отдалъ г-ну Шохину статью Павлова [2]), которая мнѣ очень понравилась; совѣтую ему только поуменьшить число мѣстныхъ

[1]) Это и другія два письма къ Н. А. Основскому, принимавшему ближайшее участіе въ редакціи „Московскаго Вѣстника", найдены въ бумагахъ И. П. Маслова.—Ред.

[2]) Иванъ Васильевичъ Павловъ, лицеистъ XII курса, нынѣ управляющій контрольною палатою въ Витебскѣ.—Ред.

словъ—(не говоря уже о любезномъ, но невозможномъ т. . . .); эти статьи надобно непремѣнно продолжать,—онѣ публикѣ понравятся—и всѣ знающіе дѣло похвалятъ.—Я говорилъ г-ну Шохину, что, по-моему, не бывши въ состояніи начать съ 1-го января—вамъ бы, можетъ быть, было бы лучше пропустить первое трехмѣсячіе—и начать прямо съ апрѣля—положивъ 1.50 к. за газету. Впрочемъ, я могу ошибаться, и вы на мѣстѣ сообразите лучше. Статью мою вы будете имѣть къ 20-му января, во всякомъ случаѣ [1]).

Жму вамъ и Павлову руку и остаюсь преданный вамъ, и пр.

1859.

36.

Ему-же.—Спб., понедѣльникъ, 16 марта, 1859.—Спѣшу увѣдомить васъ, любезнѣйшій Нилъ Андреевичъ, что я выѣзжаю отсюда въ четвергъ и потому прошу васъ не ждать меня раньше пятницы—если вы еще не удержали № у Мореля—то скажите ему что № будетъ за мною съ пятницы—у Каткова я буду въ субботу, а въ воскресеніе уѣду въ деревню. До свиданья. Преданный вамъ, и пр.

37.

Ковалевскому, Е. П.—Спб., пятница, утромъ.—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Вы мнѣ какъ то говорили,

[1]) Статья эта—„Собственная господская контора“ (отрывокъ изъ непзданнаго романа), съ помѣтою 1853 г., напечатана въ первомъ нумерѣ „Московскаго Вѣстника“, вышедшемъ въ февралѣ 1859 г.—Ред.

что хотите мнѣ дать мѣсто, у себя въ департаментѣ. Je veux vous prendre au mot; но не для себя, а есть у васъ чиновникъ, нѣкто К...., молдаванинъ, отличнѣйшій человѣкъ, въ которомъ я принимаю искреннее участіе, и о которомъ я уже вамъ писалъ изъ заграницы; доставьте ему мѣсто въ Молдавіи — или дайте туда временное порученіе, или пошлите его хоть курьеромъ туда. Этимъ вы его осчастливите, а меня обяжете. Мое проклятое горло опять меня схватило, и я опять долженъ сидѣть дома; но я сильно хлопочу о нашемъ чтеніи— Полонскій и Майковъ написали такія прелестныя стихотворенія для него, что вы удивитесь! Кланяюсь вамъ дружески и жму руку. Преданный вамъ, и пр.

38.

Ему-же.—Спб., пятница. —Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, кажется, первое представленіе наше назначено въ середу, на Ѳоминой недѣлѣ,—но для большей вѣрности я переговорю сегодня же съ Вейнбергомъ и дамъ вамъ знать. Преданный вамъ, и пр.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа:

39.

Тургеневу, П. Н.—Парижъ, 17 мая 1859.—Пишу тебѣ два слова, милый дядя, только для того, чтобы увѣдомить тебя о благополучномъ моемъ прибытіи сюда. Я нашелъ мою дочку здоровою и видѣлъ брата съ его женою, которые оба очень потолстѣли и поздоровѣли, однако на дняхъ ѣдутъ въ Вюрцбургъ къ своему доктору. Я думаю остаться здѣсь съ недѣлю—а потомъ ѣду пить воды въ

Виши́ (въ окрестностяхъ Ліона); изъ Виши́ я поѣду въ Остенде купаться въ морѣ; а оттуда — домой, въ Спасское, куда прибуду непремѣнно (если буду живъ) черезъ три мѣсяца.

Надѣюсь, что у васъ идетъ все хорошо — и что ты дѣятельно занимаешься Спасской фермой. Кстати, я забылъ тебѣ написать, поваръ Степанъ въ Петербургѣ просилъ меня объявить тебѣ, что онъ желаетъ руки... *Аси*; и говоритъ, что пользуется ея расположеніемъ. Посмотри въ этомъ случаѣ, какъ знаешь. Немножко странно—а Степанъ хорошій мужъ.

Напишу тебѣ какъ только пріѣду въ Виши́—а пока адрессуй мнѣ всѣ свои письма въ Парижъ, poste restante.

Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ. До свиданія.

Изъ Виши:

40.

Колбасину, Е. Я.—Виши́, 23 мая 1859.—Юный другъ мой! Я получилъ ваше французское письмо — и поздравляю васъ, хотя съ небольшимъ, но несомнѣннымъ успѣхомъ, которымъ вы, вѣроятно, обязаны любезности и терпѣнію г-жи Шеншиной.

Продолжайте подвизаться и да благословитъ васъ Господь!—Мои дѣла (т.-е. мое здоровье) здѣсь далеко неудовлетворительны; но я хочу выдержать до конца—не выѣду отсюда раньше будущей среды, т.-е. черезъ 10 дней. Но вотъ штука: оказывается, что для того, чтобы выѣхать отсюда, мнѣ недостанетъ 150 фр., чтобы расплатиться и потому обращаюсь не къ вамъ — ибо вы бѣднѣе крысы (почему крысъ называютъ бѣдными—составляетъ для меня загадку), но черезъ ваше посредство къ любезнѣйшему

Шеншину. Не можетъ-ли онъ выслать мнѣ 150 или даже 200 франковъ, которые я, разумѣется, отдамъ ему въ самый день пріѣзда въ Парижъ. Деньги мои у Віардо, но онъ переѣхалъ въ деревню — и это было бы хлопотно. Въ случаѣ, если Ш. согласится — поблагодарите его отъ моего имени и напишите мнѣ объ этомъ — для того, чтобы я могъ, въ случаѣ необходимости, обратиться къ другому источнику. Вотъ мой адрессъ для вѣрности:

M-r Ivan Tourgeneff, rue de Nismes, hotel du Louvre, Vichy (Allier).

Въ ожиданіи скоро васъ увидѣть, обнимаю васъ заочно. Передайте мой дружескій поклонъ Шеншинымъ.

41.

Ему же. — Вишй, 26 мая 1859. — Я получилъ присланные 200 фр., любезнѣйшій Колбасинъ, которые я *вамъ отдамъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ*. Это тоже дѣло рѣшенное, а вы мнѣ отдадите ваши въ Петербургѣ, или мы разсоримся. Во всякомъ случаѣ искренно васъ благодарю.

Здѣшнія воды начали помогать мнѣ, но я умудрился при 35 градусахъ простудиться и славно кашляю. Это непріятно тѣмъ, что замедляетъ дѣло леченія. Въ Парижъ, если Богъ дастъ, вернусь черезъ недѣлю. Я почти не работалъ, хотя почти ни съ кѣмъ не видѣлся. Мнѣ попалась комната съ такой раскаленной температурой, что принесенныя въ сыромъ видѣ яйца оказываются сваренными черезъ 20 минутъ; одно яйцо забыли въ чуланѣ... вдругъ слышу — черезъ нѣсколько дней: цыпленокъ пищитъ.

Поклонись отъ меня милымъ Шеншинымъ. Я буду въ Парижѣ черезъ недѣлю и какъ только пріѣду — дамъ вамъ знать. До свиданья.

42.

Ему же.—Вишй, 30 мая 1859.—

Мой юный другъ, Колбасинъ Елисей,
Не далѣе какъ въ середу, намѣренъ
Я городъ сей покинуть.—Потому
Прошу васъ изъ роскошной вашей дачи
Перенестись въ извѣстный градъ Парижъ
Въ четвергъ въ одиннадцать часовъ утра,
Въ „Hôtel Byron“, на улицѣ Лаффитъ.
Вы тамъ меня найдете.—Съ удовольствьемъ
Въ свои объятья заключу я васъ.
Но, можетъ быть, меня не будетъ тамъ...
(Дѣла меня задержатъ)—вы тогда
Ни подлецомъ, ни гнусною свиньею,
Ни легкомысленнымъ обманщикомъ меня
Не называйте... но великодушно
Простите друга вашего—и снова
Въ „Hôtel Byron“ вернитеся въ субботу.
Коль и тогда меня вы не найдете,
То также не ругайтесь надо мною,
А прямо отправляйтесь въ божій храмъ
И панихиду отслужите.—Я
Въ живыхъ тогда не буду.

Изъ Куртавнеля:

43.

Ему же.—Куртавнель, 8 іюля 1859.—

Многострадальный Колбасинъ, и въ то же время счастливецъ!

Благополучно въ деревню третьяго дня я пріѣхалъ
(Имя ей: Куртавнель); лежитъ она въ области „Бріѣ“,

Близко отъ городишка Розѐ, красотъ въ ней немного;
И чтобы слово сдержать, пишу къ вамъ это посланье.
Я, по милости водъ, мной вкушенныхъ обильно, доселѣ
Свѣжъ и здоровъ, что́ будетъ далѣе—мнѣ неизвѣстно.
Но вотъ горестный фактъ: не раньше 30 іюля
Буду я деньги имѣть... Какъ быть?—Я долженъ вамъ 300!
Знаю, что нужны вамъ деньги... А потому припадаю
Прямо къ стопамъ Шеншина и взываю къ нему съ умиленьемъ:
„Дайте Колбасину злато и все считайте за мною!
Буду я вѣкъ благодаренъ“.—А вы, птенецъ благородный,
Мнѣ напишите два слова о томъ, что творите вы, также подробно
О грозившемъ недугѣ повѣдайте: также-ль жестоко
Онъ васъ грызетъ — или началъ слабѣть предъ искусствомъ
Ловкихъ врачей и адскаго камня? Все мнѣ скажите.
Кланяйтесь всѣмъ—и себя берегите. Мизантропіи
Не предавайтесь; не будьте и злымъ самоѣдомъ,
Ниже скептикомъ мрачнымъ... Лучше надѣньте подрясникъ!
Впрочемъ, будьте здоровы; я крѣпко жму вамъ десницу.

44.

Ему же.—Куртавнель, 15 іюля 1859.—

О, юный Колбасинъ!
Горестью сердце исполнилось вашего друга,
Узнавши
Силу недуга, томящаго васъ. Не огорчайтесь
Слишкомъ, и безпрекословно лечитесь.
А въ понедѣльникъ увижу васъ въ Аніерѣ—
И возвращу вамъ мой долгъ. Но братъ вашъ суровый

Взвелъ на меня клевету: я не только не думалъ
Васъ обвинять
Въ лишнихъ издержкахъ; я всюду трубилъ о вашемъ
богатствѣ:
Анна Семеновна [1]) твердо увѣрена мною
Что вы ворочаете огромныя груды червонцевъ,
Спите на діамантахъ... (о, неудобное ложе!)...
А потому
Вы клеветѣ сей не вѣрьте и ждите меня въ понедѣльникъ.
Это письмо написано мною
Въ Фетовскомъ стилѣ, его же размѣромъ.
Пребезобразный размѣръ! а впрочемъ я пребываю
Искренно преданный вамъ
Тургеневъ, Иванъ, сынъ Сергѣя.

45.

Ему же. — Куртавнель, 3 августа 1850. —

1.

Милый Колбасинъ!
Вы меня ждали —
(Я полагаю),
Но къ сожалѣнью,
Я васъ надулъ!

2.

Злая холера
Гнусную трусость
Мнѣ по привычкѣ
Въ сердце вдохнула —
Я убѣжалъ!

---

[1]) Родственница Тургенева.—Е. К.

3.

День лишь единый
Былъ я въ Парижѣ,
Дочь подхвативши,
Прямо далъ тягу
Я въ Куртавнель.

4.

Здѣсь я пробуду
Двѣ-три недѣли;
Передъ отъѣздомъ
Въ росскія страны
Буду у васъ.

5.

Вы мнѣ скажите:
Что вы? Здоровы-ль?
Чище-ли снѣга
На Эльборусѣ
Нынѣ вашъ зубъ?

6.

Видѣли праздникъ? [1])
Съ русскимъ акцентомъ,
Голосомъ хриплымъ
Вы не кричали:
„Фифъ лампереръ?“

7.

Нѣтъ! я увѣренъ:
Въ знойномъ Аньерѣ
Съ гордымъ величьемъ
Вы просидѣли
Эти два дня.

[1]) 15 (3) августа праздновался въ Парижѣ день Наполеоновъ I и III.—Е. К.

8.

Кланяюсь низко
Жителямъ дома:
Номеръ четвертый;
Вамъ же я руку
Дружески жму.

46.

Ему же.—Куртавнель, 31 августа 1859. — Милый Колбасинъ, я здоровъ и не отвѣчалъ вамъ потому, что ѣздилъ охотиться къ Трубецкимъ, ждите меня въ Аньерѣ въ пятницу утромъ: въ субботу вечеромъ или въ воскресенье я уѣзжаю въ Россію. А вы? — До свиданья, кланяюсь Шеншину.

ВЪ РОССІИ.

Изъ с. Спасскаго.

47.

Основскому, Н. А.—Спасское, 5 октября 1859 г.—Спасибо вамъ, любезнѣйшій Нилъ Андреевичъ, за доставленіе № Московскаго Вѣстника, который я при первомъ удобномъ случаѣ прочту. Времени теперь у меня мало—я занятъ окончаніемъ моей повѣсти въ Русскій Вѣстникъ—надѣюсь привезти ее въ концѣ ноября—не позже—объ ту же пору я привезу вамъ давно обѣщанную мною статью, а, можетъ быть, даже раньше ее вышлю. Совѣстно мнѣ, мочи нѣтъ, что дѣло это такъ долго затянулось—но даю вамъ слово—вы ее непремѣнно напечатаете въ нынѣшнемъ же году.—Теперь же у меня есть до васъ просьба: пришлите мнѣ пожалуйста экземпляръ Дворян-

скаго Гнѣзда Базуновскаго изданія,—да говорятъ вышла книга о прививаніи рогатаго скота противъ моровой язвы—если такая книга есть, пришлите мнѣ ее тоже—а то у насъ кругомъ ужасный падежъ—да и у меня скотина колѣетъ.

Очень этимъ меня вы обяжете.

Дружески жму вамъ руку и прошу передать мой поклонъ г-ну Воронцову [1]).

Въ Петербургѣ:

48.

Ковалевскому, Ег. П.—(Спб., вѣроятно, осенью 1859 г.).—Понедѣльникъ.—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Сегодня у меня на квартирѣ (въ 5 часовъ) обѣдъ основателей литературнаго фонда. Всѣ положили васъ непремѣнно звать, но именно потому, что всѣ это положили, я боюсь, что никто вамъ не сказалъ—а потому я васъ извѣщаю о предстоящемъ обѣдѣ, и мы будемъ васъ ждать безотговорочно.

До свиданія. Душевно вамъ преданный, и пр.

49.

Ему-же.—Четвергъ.—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, посылаю вамъ вашу статью, которая очень и очень хороша—повѣрьте мнѣ,—но если вы желаете знать, что́ именно я нашелъ въ ней менѣе удачнаго—то приходите завтра ко мнѣ обѣдать—у меня будутъ Анненковъ и Некрасовъ. До свиданія. Вашъ и пр.

---

[1]) Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, редакторъ „Московскаго Вѣстника", нынѣ помощникъ попечителя варшавскаго учебнаго округа.—Ред

50.

Ему-же.—Воскресенье утромъ.—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, Ханыковъ сейчасъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ, что по вашимъ словамъ *сегодня* въ 1 часъ собраніе по нашему обществу [1]) для выбора въ члены комитета. Я очень удивился, полагая, что это произойдетъ 2-го февраля, напишите объ этомъ слово. Дружески жму вашу руку. Вашъ, и пр.

1860.

51.

Маслову, И. И.—Спб., 6 января 1860.—Любезнѣйшій Иванъ Ильичъ, хотя я знаю, что ты былъ такъ добръ и предложилъ мнѣ свою квартиру на время моего пребыванія въ Москвѣ,—однако, считаю нужнымъ извѣстить тебя о моемъ пріѣздѣ въ вышереченную столицу—13-го числа янв., т. е. ровно черезъ недѣлю.—Выѣзжаю я отсюда въ будущій вторникъ, 12-го числа. Раньше не могу, потому что 10-го числа вечеромъ у насъ происходитъ чтеніе по Обществу нашему, въ которомъ я участвую.—И потому напиши мнѣ пожалуйста—двѣ строчки—только для того, чтобы я зналъ, что ты предувѣдомленъ,—а выѣхавши, я тебѣ пошлю телеграфическую депешу, съ просьбой выслать мнѣ карету на станцію желѣзной дороги.—Адрессъ мой въ Петербургѣ: на большой Конюшенной, въ домѣ Вебера.

До свиданья; жму тебѣ крѣпко руку. Надѣюсь, что ты совершенно излечился отъ послѣдствій постигшаго тебя несчастнаго случая. Твой и пр.

---

[1]) Для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—Ред.

52.

Ему-же. — Спб., 12 января 1860. — Любезнѣйшій Иванъ Ильичъ, прежде всего спасибо за твое ласковое письмо, — а выѣздъ мой отложенъ до *завтра*—т. е. до четверга — я боялся этихъ морозовъ для моего горла, которое все еще не въ исправности. — Въ Москву я прибуду, если Богъ дастъ, въ *пятницу* утромъ, распорядись, пожалуйста, высылкой кареты — и, если нужно, дай знать въ редакцію Русскаго Вѣстника.

До свиданія. Твой и пр.

Изъ Москвы:

53.

Колбасину, Е. Я. — Москва, 5 февраля 1860. — Милый Колбасинъ, я передъ вами виноватъ—давно бы мнѣ слѣдовало отвѣчать вамъ: но сперва разсѣянія различнаго рода — а потомъ болѣзнь помѣшала. — Впрочемъ я не могъ вамъ дать удовлетворительный отвѣтъ: Уварова здѣсь нѣтъ — онъ въ Италіи,—а бумагъ объ его отцѣ потому достать нельзя, что уже объ этомъ хлопочетъ М. Н. Лонгиновъ, который самъ собирается написать біографію покойнаго министра.

Пребываніе мое въ Москвѣ было очень неудачно: послѣ недѣли разъѣздовъ — я простудился — и не выходилъ изъ комнаты. — Впрочемъ, пріятели меня не покидали. Повѣсть моя напечатана, и я получилъ нѣсколько отдѣльныхъ оттисковъ. — Одинъ изъ нихъ отправился сегодня съ Григоровичемъ въ Петербургъ, черезъ Анненкова къ Тютчевымъ. Прочтите и вы, между прочимъ, и скажите ваше мнѣніе.

Неужели вы все еще сидите въ больницѣ?—я вамъ на всякій случай посылаю это письмо черезъ Анненкова.—

Выѣзжаю я отсюда въ понедѣльникъ (уже мѣсто въ почтовомъ вагонѣ, *ради тепла*—задержано).—Во вторникъ, если Богъ дастъ, буду въ Петербургѣ,—а тамъ увидимся.—Жму вамъ дружески руку—до свиданія. Вашъ, и пр.

Изъ Петербурга.

54.

Колбасину, Д. Я.—Спб., 20 марта 1860.—Милѣйшій Дмитрій Яковлевичъ! Вообразите мое положеніе: вчера я повѣрилъ хорошей погодѣ,—и выѣхалъ безъ намордника—и результатомъ этого былъ судорожный кашель—и кровохарканіе... а вы мнѣ предлагаете такую отличную охоту!—Увы! куда ужъ мнѣ думать объ охотахъ... Я полумертвый старикъ, которому остается заботиться о томъ, чтобы его гнусное тѣло не развалилось въ прахъ.—Спасибо вамъ за то, что вспомнили обо мнѣ; это съ вашей стороны очень мило,—но

„Недоколѣвшему ужъ чужды
Всѣ предпріятья прежнихъ дней...“

Я прежде имѣлъ намѣреніе побыть въ Спасскомъ на весну,—а потомъ уже отправиться на леченіе за границу; но теперь я только жду половины апрѣля и „возможныхъ“ дорогъ—чтобы отправиться отсюда, куда доктора пошлютъ.

Я вчера видѣлъ вашего брата, ему гораздо лучше—но все-таки доктора совѣтуютъ ему посидѣть еще двѣ недѣли. Бѣднякъ! Солона пришлась ему зима. А Г.—свинья.—Я бы ему въ глаза это сказалъ—да онъ ускакалъ съ Островскимъ въ Москву—и пробудетъ тамъ, вѣроятно, до Святой.—Я сегодня же напишу Островскому—и заставлю этого фокусника выслать вамъ деньги.

Прощайте, добрый Дмитрій Яковлевичъ. Спасибо за

память—и за доброе намѣреніе. Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ, и пр.

55.

Колбасину, Е. Я.—Спб., 2 апрѣля 1860.—Что же это вы? вышли изъ больницы и не зайдете ко мнѣ, любезнѣйшій Елисей Яковлевичъ?—Я былъ у васъ дня два тому назадъ и узналъ вашъ адрессъ. Приходите, если хотите, завтра (въ воскресеніе) обѣдать; да во всякомъ случаѣ, не мѣшкайте — ибо у меня опять пошли холерическіе припадки... и пожалуй, я, наконецъ, окачурюсь.

До свиданія.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа:

56.

Макарову, Н. Я.—Парижъ, 22 мая 1860.—Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ, я получилъ ваше письмо нѣсколько дней тому назадъ—и только за безпрестанными хлопотами не отвѣчалъ до сихъ поръ. Я уже совсѣмъ на мази къ отъѣзду: послѣ завтра, если Богъ дастъ, я во Франкфуртѣ, а черезъ 3 дня въ Соденѣ, гдѣ останусь непремѣнно 6 недѣль. Вы уже изъ писемъ Марьи Александровны [1]) знаете, что она здѣсь: живетъ у Станкевичевыхъ, также симпатична и мила—и такая же оригинальная.—(Между нами) мнѣ кажется, что ей не совсѣмъ легко жить на свѣтѣ: но у ней характера много, она молчалива и упряма—и сама себя ѣстъ съ ожесточеніемъ: что́ изъ этого выйдетъ—одному Господу

[1]) Марковичъ, псевдонимъ—Марко-Вовчокъ.—Ред.

Богу извѣстно!—Она ѣдетъ обратно въ Лозанну, но въ непродолжительномъ времени собирается быть въ Швальбахѣ, въ чемъ я нѣсколько сомнѣваюсь.—Боткинъ [1]) пріѣхалъ и я уже раза два объѣлся съ нимъ до глупости; онъ собирается въ Англію.—Анненковъ порхаетъ десяти-пудовой бабочкой по Сѣверной Италіи—и запускаетъ хоботъ своего наблюденія въ цвѣтки общественной жизни.—Пожалуйста, возьмите свою сестру и зятя въ руки: онъ, я замѣтилъ, улыбается очень самостоятельно—но и только; а сестра ваша—въ нѣкоторой степени—баши-бузукъ—что́ не мѣшаетъ имъ обоимъ быть милѣйшими людьми.—Направьте ихъ, пожалуйста, какъ слѣдуетъ, чтобы поѣздка ихъ не пропала даромъ.—А главное, сами выздоравливайте.—Дай Богъ вамъ терпѣнія!—Штука, должно быть, очень скверная—этотъ Hungercur!

Я вамъ напишу, какъ только пріѣду въ Соденъ.—А пока, будьте веселы и не робѣйте.—Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

Изъ Содена:

57.

Ему же.—Соденъ, 25 мая 1860.—Со вчерашняго дня я поселился здѣсь, любезнѣйшій Николай Яковлевичъ—и вотъ мой адрессъ: Soden, près de Francfort sur le Mein, hôtel de l'Europe.—Слышалъ я отъ любезнѣйшей Маріи Александровны о вашемъ благодушномъ намѣреніи завернуть сюда при проѣздѣ въ Аахенъ: это было бы чрезвычайно мило, и я бы очень вамъ обрадовался—хотя есть маленькое затрудненіе: отчего-то желѣзная дорога въ Соденъ не дѣйствуетъ—и вамъ при-

[1]) Василій Петровичъ.—Ред.

дется изъ Гёхста (первой станціи послѣ Франкфурта) взять омнибусъ, который ходитъ, впрочемъ, всего 25 минутъ.—Здѣсь мѣсто очень уединенно: посмотримъ каково будетъ дѣйствіе водъ.

Напишите мнѣ, какой былъ результатъ вашего леченія и какъ вы себя чувствуете.—Пріѣхали ли милѣйшіе, но безтолковые Карташевскіе—и куда направятъ они свой путь?

Марья Александровна хотѣла сегодня же выѣхать изъ Парижа въ Лозанну; она ждетъ отъ васъ письма.

Здѣсь, кажется, очень мало русскихъ. Слава Богу, слава Богу! Крѣпко жму вамъ руку.—До свиданья—будьте здоровы.

58.

Ему же. — Соденъ, 2 іюля 1860. — Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ! 1) Я выѣзжаю изъ Содена во вторникъ, вечеромъ 5-го числа и прибываю въ Майнцъ, гдѣ и ночую.

2) Въ Майнцѣ я съѣзжаюсь съ М. А. Марковичъ—и въ середу утромъ плыву съ ней по Рейну до Бонна.

3) Бесѣдую часика два съ вашей сестрой въ Боннѣ—и въ тотъ же день мчусь, все съ М. А. Марковичъ, черезъ Кельнъ въ Аахенъ, куда прибываю вечеромъ.

4) Бесѣдую съ вами цѣлый вечеръ, ночую и на слѣдующій день отправляюсь изъ Аахена прямо въ Парижъ.

5) Итакъ ждите насъ въ середу около 4 и 5 часовъ.

До свиданья, жму вамъ крѣпко руку.

Изъ Аахена:

59.

Ковалевскому, Ег. П.—Аахенъ, 7 іюля 1860 г.—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ! Мнѣ очень было досадно, что я не видалъ васъ предъ отъѣздомъ изъ Содена. Я пришелъ съ книгами (№ „От. Зап.“ и Бедекеръ) пять минутъ послѣ вашего отъѣзда. Генералъ Шульманъ обѣщалъ мнѣ переслать ихъ къ вамъ. А это письмо доставитъ вамъ Марья Александровна Марковичъ, съ которой я доѣхалъ до Аахена (ей нужно было видѣть здѣсь одного знакомаго). Она хочетъ васъ видѣть—и сама по себѣ—и—что для нея нѣсколько вновѣ, какъ говоритъ (И. Ѳ.) Горбуновъ — въ качествѣ просительницы. Ея мужу надобно доставить штатное мѣсто въ Петербургѣ, а то средства ихъ становятся весьма и весьма тѣсны. Я знаю напередъ, что вы обрадуетесь этому случаю сдѣлать что-нибудь для нея пріятное, а потому не настаиваю болѣе и жму вамъ крѣпко руку, желаю вамъ отличнаго леченія и самой слабой игры. Преданный вамъ, и пр.

Изъ Вентнора:

60.

Макарову, Н. Я.—Вентноръ, 1 августа 1860.—Милѣйшій Николай Яковлевичъ! Я со вчерашняго дня поселился на о. Вайтѣ: у меня премилая квартира—и островъ прелестный, но сердце мое огорчено: Анненковъ измѣнилъ и не поѣхалъ, Марья Александровна больна, безъ денегъ и тоже не ѣдетъ... Словомъ, не хорошо.—Не пріѣдете ли вы и не привезете ли ее?—У меня цѣлая пустая комната съ отличной постелью для

васъ: отъ Лондона до сюда 6 часовъ ѣзды черезъ Портсмутъ.—Подумайте-ка: русскихъ здѣсь никого, кромѣ милѣйшаго Ростовцева и Крузе—просто, рай воочію совершается. Я остаюсь здѣсь три недѣли; адрессъ мой: Isle of Wight, Ventnor, Rock Cottage.—Скажите Марьѣ Александровнѣ, что ей только нужно похлопотать о томъ, чтобы сюда пріѣхать—а объ остальномъ ей заботиться нечего.—Напишите мнѣ о вашихъ намѣреніяхъ—также о томъ, что дѣлаетъ ваша сестра и ея мужъ. Дружески кланяюсь имъ и крѣпко жму имъ руку. Жду отъ васъ отвѣта.

61.

Ему же. — Вентноръ, 12 августа 1860. — Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ, вчера я получилъ письмо отъ М. А. Марковичъ, изъ котораго я вижу, что она наконецъ рѣшается сюда ѣхать — хотя это къ сожалѣнію немного поздно — но все-таки мы этому очень радуемся — и считаемъ необходимымъ предупредить ее, что ей надобно выѣхать изъ Лондона въ Портсмутъ, (Portsmouth) въ понедѣльникъ въ 11 ч. 30 мин. отъ станціи Ватерлоо-бриджъ-стэшіонъ (Waterloo Bridge Station) въ Лондонѣ; въ 1 ч. 52 мин. она будетъ въ Портсмутѣ — и я буду ее тамъ ожидать. — Я ей объ этомъ же пишу въ Швальбахъ. — Она намѣрена выѣхать въ субботу — и потому раньше воскресенья вечеромъ въ Лондонѣ не будетъ.

Герцена она уже не застанетъ, — онъ долженъ выѣхать завтра въ Борнемоусъ. — Она можетъ остановиться въ Hôtel de l'Europe или Sablonnière на Leicéster square—тамъ довольно скверно — но зато говорятъ по французски.—Растолкуйте ей все это и напутствуйте ее

своимъ благословеніемъ. Очень жаль, что не пришлось увидѣть васъ здѣсь—кланяйтесь вашимъ; дружески жму вамъ руку. Анненковъ четвертый день гоститъ у меня.—Онъ хочетъ вамъ приписать два слова. Вашъ, и пр.

Изъ Куртавнеля.

62.

Колбасину, Е. Я.—Куртавнель, 20 сентября 1860.—Милѣйшій Елисей Яковлевичъ! Давненько я не писалъ вамъ, а ваше письмо отъ 19 мая я получилъ исправно. Я воображаю, что вы теперь снова возвратились изъ Новгорода въ Петербургъ, но такъ какъ я не знаю вашего адресса, то я пишу вамъ черезъ Н. Н. Тютчева. Я, какъ вы знаете, остался въ Парижѣ на зиму—нанялъ квартиру rue de Rivoli, 210 (прошу туда писать), черезъ нѣсколько дней я туда переѣзжаю и намѣренъ приняться за работу—до сихъ поръ я все только баклуши билъ. Дайте мнѣ знать, что вы подѣлываете и какіе ваши планы на зиму, которую, я надѣюсь, вы проведете не такъ печально, какъ прошлую. Что дѣлаетъ также любезнѣйшій дѣдъ? [1])

Анненковъ васъ уже, вѣроятно, видѣлъ и разсказалъ вамъ о нашемъ проектѣ, которому вы, я увѣренъ, будете не только сочувствовать, но и содѣйствовать: не худо бы переслать одинъ экземпляръ Миницкому въ Одессу [2]). Сообщите мнѣ какія-нибудь литературныя и другія новости: правда-ли, въ „Современникѣ“ начали меня ругать? Это

[1]) Такъ Тургеневъ называлъ моего брата за степенность и серьезность его характера.—Е. К.

[2]) Рѣчь идетъ о содѣйствіи „Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, въ учрежденіи котораго Тургеневъ принималъ самое живое участіе.—Е. К.

было бы очень для меня пріятно и поощрительно. Кромѣ того, прошу васъ:

а) Напишите мнѣ о Захарѣ, отъ котораго я получилъ письмо. Получилъ-ли онъ деньги отъ дяди, нанялъ-ли квартиру, въ которой помѣстилъ мою мебель — вообще въ какомъ онъ положеніи?—Весной, вы знаете, я непремѣнно вернусь и хочу имѣть его въ моемъ распоряженіи.

б) Поблагодарить Дарію за присылку „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“, и даже облобызать ее въ фосфорическія уста.

в) Поклониться всѣмъ добрымъ друзьямъ и сообщить собственный адрессъ.

А за симъ дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

NB. Какъ идутъ сердечныя дѣла?

PS. Кстати, что за похищеніе учинилъ надъ вами Барсукъ?—Отчего вы ничего мнѣ не сказали?—Дайте мнѣ непремѣнно знать, что это такое?

Изъ Парижа:

63.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 4 ноября 1860.—Любезнѣйшій другъ, Яковъ Петровичъ, спѣшу откликнуться на твое письмо и начинаю съ того, что благодарю тебя за мысль написать ко мнѣ. Ты не повѣришь, какъ часто и съ какимъ сердечнымъ участіемъ я вспоминалъ о тебѣ, какъ глубоко сочувствовалъ жестокому горю, тебя поразившему. Оно такъ велико, что и коснуться до него нельзя никакимъ утѣшеніемъ, никакимъ словомъ: весь вопросъ въ томъ, что надобно однако жить, пока дышешь;

и особенно надобно жить тому, котораго такъ любятъ, какъ любятъ тебя всѣ тѣ, которые тебя знаютъ. А потому постарайся поддержать себя въ теченіе зимы, а весной поѣзжай заграницу, или поѣдемъ вмѣстѣ со мной въ деревню, гдѣ и Фетъ будетъ: поживемъ втроемъ напослѣдокъ — посмотримъ стариками еще разъ на весну. Помнится, я-было приглашалъ тебя не одного ко мнѣ въ деревню... но это все разлетѣлось прахомъ и только осталось воспоминаніе о свѣтломъ и миломъ существѣ, которому такъ мало было суждено пожить между нами... А въ самомъ дѣлѣ, подумай-ка о той поѣздкѣ, которую я тебѣ предлагаю: право, будетъ хорошо.

Я очень обрадовался, увидавъ твое имя въ числѣ участниковъ чтенія: я очень хорошо понимаю и чувствую, что тебѣ теперь не до поэзіи, но изъ этого чтенія я могъ убѣдиться, что ты настолько поправился, что можешь выступить передъ публику. Я тоже намѣренъ, въ теченіе нынѣшней зимы, устроить здѣсь чтеніе для нашего *фонда*.

Я живу здѣсь цѣлымъ домомъ, съ моей дочерью и гувернанткой англичанкой. У меня маленькій рабочій кабинетъ, очень теплый, но въ которомъ я до сихъ поръ работалъ довольно мало, хоть затѣялъ большую вещь. Мысль, что я въ Парижѣ, мнѣ очень мѣшаетъ: эта столица міра весьма мнѣ противна. Впрочемъ, я никого здѣсь не вижу; и русскихъ интересныхъ нѣтъ. Ростовцевъ уѣхалъ въ Италію, тамъ же и Боткинъ; правда, здѣсь М. А. Марковичъ, Ешевскій, который мнѣ очень нравится, Ханыковъ, котораго ты, кажется, знаешь.

Зато у васъ въ Петербургѣ, сколько я могу судить, лихорадочное движеніе: новые журналы возникаютъ ежеминутно и т. д. Посмотрѣлъ бы я на „Искусство“.

Мой адрессъ, ты знаешь, Rue de Rivoli, № 210.

Еще разъ крѣпко жму тебѣ руку и благодарю тебя за твое

письмо. Будь увѣренъ, что никто не принимаетъ живѣйшаго участія въ твоей судьбѣ, чѣмъ я. Будь здоровъ и не давай жизненной ношѣ раздавить тебя. До свиданья въ апрѣлѣ! Преданный тебѣ.

64.

Макарову, Н. Я. — Парижъ, 7 ноября 1860. — Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ, низко вамъ кланяюсь за присланные номера „Искры“, за обѣщаніе, которое, я знаю, вы сдержите — за все... „За все, за все тебя благодарю я“... Счетъ, присланный вами, былъ тотчасъ же представленъ М. А. Впрочемъ, вы и ей писали. Я нахожу, что Бѣлозерскій поступаетъ съ оглушительнымъ громаднымъ великодушіемъ; больше ему дѣлать невозможно и не слѣдуетъ — и М. А. должна благодарить Бога за подобнаго издателя. — Она, сколько я могу судить, работаетъ — и не слишкомъ сверлитъ себя; въ послѣднее время она перенесла большую тревогу: сынъ ея заболѣлъ крупомъ — однако теперь все совершенно прошло, и онъ уже снова находится въ пансіонѣ. Присланные 200 цѣлк. — „пролетѣли какъ мечта“, какъ дымъ по небу голубому — и М. А. опять въ своемъ нормальномъ положеніи, сирѣчь безъ гроша. Жду обѣщанныхъ 1000 фр. Впрочемъ, особенно торопиться не къ чему; деньги пока есть — а вѣдь ей все равно, что есть они, что нѣтъ: во всякомъ случаѣ онѣ больше минуты у ней не остаются.

Вы мнѣ, съ свойственнымъ вамъ отсутствіемъ эгоизма, пишете обо всемъ, кромѣ вашего здоровья. Каково оно? Какъ васъ встрѣтилъ милый петербургскій климатъ? Надѣюсь, что вы всѣ здоровы и благоденствуете. — Поклонитесь отъ моего имени вашей сестрѣ, и скажите ей, что я считаю себя передъ ней въ долгу за ея

письмо.—Здѣсь я познакомился съ Кочубеемъ, женатымъ на Волконской. (Онъ сынъ Аркадія). Онъ васъ знаетъ и любитъ—и сколько мнѣ кажется, онъ хорошій человѣкъ. Жена его была когда-то моей пассіей...

О себѣ скажу вамъ, что хотя горло у меня зудитъ и на воздухѣ я кашляю, но все-таки мнѣ гораздо лучше чѣмъ въ прошломъ году. Райе мнѣ присовѣтовалъ пить воду Виши. Комната моя не имѣетъ никакого дурного запаху; ничего мнѣ не мѣшаетъ работать—но до сихъ поръ все еще не могу приняться какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, живу я весьма тихо и немного людей вижу.—Съ М. А. я вижусь каждый день — и убѣждаюсь, что она очень хорошая женщина — но только ѣстъ деньги.

Поклонитесь Шевченкѣ и Бѣлозерскому. — Каково́ читалъ Шевченко на публичномъ чтеніи—и какой произвелъ эффектъ?—Когда выдетъ Основа вышлите мнѣ ее, пожалуйста. За обѣщаніе высылать Современникъ и Искру—земной поклонъ.

Прощайте пока. Будьте здоровы — это главное; все другое найдется въ свое время. Жму вамъ дружески руку.

65.

Колбасину, Е. Я. — Парижъ, rue de Rivoli, 210; 12 ноября 1860.—Честь имѣю поздравить васъ, любезнѣйшій Елисей Яковлевичъ, съ поступленіемъ на службу!—Безъ шутокъ, я очень обрадовался этому извѣстію: передъ вами хорошая и честная дѣятельность—и вы можете сдѣлать много добра.—Это вѣрнѣе литературы, которую притомъ вамъ и покидать не для чего.—Въ будущемъ апрѣлѣ, непремѣнно сверну къ вамъ съ желѣзной дороги, возвращаясь въ Спасское.

Къ сожалѣнію я теперь не въ Спасскомъ, а въ про-

тивномъ Парижѣ. Понемногу и очень вяло принимаюсь за работу. Затѣянная мною вещь довольно велика [1]). Много возни имѣлъ я также съ противной г-жей Викторином Ш.—(Вы, должно быть, получили отъ нея письмо).—Вы знаете, вѣроятно, что Ш. умеръ отъ удара у своей любовницы, не оставивъ никакой бумаги, не обезпечивъ ни ее, ни сына, котораго онъ держалъ на рукахъ, когда ударъ его поразилъ.—Нѣсколько пріятелей, въ томъ числѣ я, старались уговорить г-жу Ш. сдѣлать что-нибудь, но тутъ началась потѣха. Она тотчасъ окружила себя извѣстнымъ вамъ подлѣйшимъ французскимъ семействомъ—и чего она не выдѣлывала!—Женщина, не эмансипе́, просто сказала бы: „деньги мои, бумагъ нѣтъ—я ничего не дамъ“;—но г-жа Ш., какъ эмансипе́,—объявила, что она никакихъ супружескихъ обязанностей не признаетъ—и отдала бы все ребенку, осталась бы нищею, еслибы только этотъ ребенокъ былъ ея мужа; но, по ея словамъ, этотъ мужъ, передъ смертью, лобызая со слезами ея ноги (посмотрѣлъ бы я на эту сцену), клялся ей, что это все клевета, что ребенокъ вовсе не его, что онъ до того презиралъ свою любовницу, что ссужалъ ею своихъ пріятелей, и что онъ обожаетъ и любитъ только ее, ее, г-жу Ш.,—а передъ пріятелями только хвастался.

Къ этому она прибавляла, что Ш. и не могъ имѣть дѣтей, ибо у него....—и что она не хочетъ осквернять священной памяти мужа, *съ которымъ намѣрена жить* (?!) признаніемъ неизвѣстнаго ребенка — его сыномъ. — Все это было перемѣшано истериками, ругательствами, ломаніями, запираніями....

Никогда я не видалъ ничего безобразнѣе.—Кончи-

[1]) Рѣчь идетъ объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“, которые тогда еще не имѣли заглавія, такъ какъ по обыкновенію Тургеневъ только въ концѣ работы ставилъ заглавіе своихъ повѣстей.—Е. К.

лось тѣмъ, что она прислала какого-то стервеца грозить мнѣ *трибуналами*, если я не брошу этого ребенка.—Я, разумѣется, его прогналъ—и, вспомнивъ мои болѣе чѣмъ холодныя отношенія къ Ш., самъ удивился своему безкорыстію.—Но какія тутъ были сцены!! По ихъ поводу я познакомился съ . . . . . и т. д. и т. д.—Это было невѣроятно!

Написали ли вы ей? Я надѣюсь, что вы ее пробрали какъ слѣдуетъ.

Вы мнѣ пишете, что *дѣдушка* въ командировкѣ—стало быть, онъ здоровъ. Что́ онъ? также скучаетъ и равнодушенъ ко всему на свѣтѣ?

Ваше служеніе въ Новгородѣ имѣетъ еще ту хорошую сторону, что оно прерываетъ вашу связь съ Современникомъ.—Этотъ журналъ болѣе и болѣе усовершенствуется.—Въ одномъ № онъ намекаетъ прямо на то, что если я представилъ Рудина съ критической точки зрѣнія, такъ это потому, что мнѣ за это заплатили—или что-то подобное.—(Зри іюньскій №—Современное Обозрѣніе, стр. 240). Тутъ важно не то, что меня ругаютъ,—а то, съ какою легкостью себѣ позволяютъ сознательныя клеветы.

Я здѣсь часто вижу М. А. Марковичъ (Марко Вовчокъ). Она очень мила и умна. Изъ остальныхъ русскихъ ни одного нѣтъ очень симпатичнаго.... Ростовцевъ во Флоренціи, и Боткинъ тамъ же. Вы знаете, что милый Н. Н. Толстой умеръ.—Братъ его находится въ Іерѣ, (въ южной Франціи).

Будьте здоровы и не забывайте любящаго васъ.

PS. Зачѣмъ же вы будете платить за Ѳедота? Напишите отъ моего имени Анненкову и возьмите съ него выданныя вами деньги. У него есть мои деньги на такіе случаи.

66.

Ему-же.—Парижъ, 13 декабря 1860. — Милѣйшій Елисей Яковлевичъ, ваше письмо отъ 26 января меня обрадовало и огорчило въ одно и то же время. Вамъ нечего говорить, почему оно меня обрадовало, а огорчило оно меня потому, что изъ него я убѣдился, что вы не получили *двухъ* моихъ писемъ, посланныхъ къ вамъ въ Новгородъ!! Въ одномъ изъ нихъ я самымъ подробнымъ образомъ вамъ разсказалъ внезапную смерть А. А. Ш. отъ удара и безобразное ломаніе его вдовы, которая кончила тѣмъ, что ничего не дала маленькому сыну своего мужа, увѣряя, что мужъ этотъ передъ смертью каялся ей, что этотъ сынъ вовсе не его—и ссылаясь между прочимъ на васъ—какъ на человѣка, который зналъ, что отношенія Ш. къ Викторинѣ были самыя поверхностныя и т. д.—Всѣ наши убѣжденья ни къ чему не повели, и дрянная эманципированная баба осталась съ чужими деньгами. Мы сдѣлали складчину для ребенка.

Я очень радъ, что вы довольны вашимъ пребываніемъ въ Новгородѣ и вашей дѣятельностью, съ которой отъ души васъ поздравляю.—Это полезно и хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. — Процвѣтайте оба — и женитесь непремѣнно. Это вамъ совѣтуетъ старый холостякъ, который знаетъ какъ горько быть холостякомъ.—Я хотя живу теперь домомъ, т.-е. съ дочерью и съ гувернанткой (изъ англичанокъ, прекрасной женщиной),—но какая разница!

Я принялся за работу серьезно—и сижу теперь надъ большой повѣстью (разумѣется, еще больше Дворянскаго гнѣзда); надѣюсь одолѣть ее къ марту и тиснуть ее въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [1]).—Въ апрѣлѣ думаю побывать въ Россіи,—а если Богъ дастъ, я выдамъ замужъ свою дочь, то я совсѣмъ и навсегда вернусь на родину.—

[1]) Рѣчь идетъ опять объ „Отцахъ и дѣтяхъ“.—Е. К.

Весьма можетъ быть, что я васъ тогда увижу въ Новгородѣ.

О Бредюхинѣ я написалъ сегодня же къ дядѣ энергическое письмо—и дѣло будетъ сдѣлано. Дядя посылаетъ мнѣ каждыя три недѣли посланія, исполненныя Іереміина плача—чрезвычайно не по вкусу ему новый порядокъ вещей, который, пока, выражается въ томъ, что мужички оброку не платятъ.—Однако, дѣло не пойдетъ назадъ.

Я уже думалъ, не послать ли это письмо черезъ Анненкова,—однако, попытаюсь въ послѣдній разъ.—Напишите мнѣ два слова, какъ только получите это письмо.

А что́ сердечныя отношенія?

Кланяюсь *дѣду* и крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ.

PS. Я нарочно не франкировалъ письма, чтобы оно вѣрнѣе дошло.

1861.

67.

Макарову, Н. Я.—Парижъ, 23 января 1861.—Любезнѣйшій Николай Яковлевичъ, каждое письмо мое къ вамъ должно, по настоящему, начинаться стихомъ Лермонтова: „За все, за все тебя благодарю я“.—Искреннее спасибо вамъ за Искру, которую я получалъ аккуратно—и которая поддерживала во мнѣ петербургскія впечатлѣнія. Деньги М. А. Марковичъ давно мною получены,—и, прибавлю, давно переданы ей до послѣдней копѣечки: я всячески стараюсь укрощать ея порывы—но все таки она тратитъ милліонъ въ день.—Говоря безъ шутокъ, она начинаетъ исправляться немного

въ этомъ отношеніи. Мы съ ней ждемъ „Основы“, о которой ходятъ благопріятные слухи.

Вы можете себѣ представить, какъ удивило меня извѣстіе о женитьбѣ Павла Васильевича [1]), — удивило и обрадовало. Я увѣренъ, что и онъ, и Глафира Александровна будутъ оба очень счастливы. Я бы не желалъ имъ большаго счастья, чѣмъ то, которымъ здѣсь на моихъ глазахъ наслаждаются Кочубеи. -- (Я говорю о Николаѣ Аркадьичѣ и его женѣ). — Я ихъ часто вижу и любуюсь, какъ старый дядя, ихъ жизнью.

Мнѣ очень было пріятно узнать отъ вашей сестры, что здоровье ваше не дурно—не смотря на 30 градусные морозы.—И я не могу слишкомъ пожаловаться на свое здоровье, хотя нервическій кашель и является по временамъ. —Но самая худая пора зимы уже прошла.

Если Богъ дастъ, я между 10-мъ и 15-мъ апрѣля стар. стиля буду въ Петербургѣ — и пробуду тамъ съ недѣлю. Надѣюсь къ тому времени кончить и привезти съ собою мою работу.

Я вамъ очень благодаренъ за обѣщаніе выслать Современникъ—но если вы еще не распорядились на этотъ счетъ — то лучше повремените, такъ какъ здѣсь онъ выписывается двумя лицами, отъ которыхъ я всегда могу его получить—а лучше вышлите мнѣ 1 экз. моихъ злополучныхъ сочиненій въ новомъ изданіи, которому суждено было наткнуться на столько подводныхъ камней.— Я бы вамъ сказалъ искреннее спасибо: мой издатель, Основскій, и не думаетъ высылать мнѣ.

Поклонитесь отъ меня вашей сестрѣ, ея мужу, Бѣлозерскимъ и всѣмъ добрымъ пріятелямъ. — Что подѣлываетъ Шевченко? Нашелъ ли Марковичъ наконецъ себѣ мѣсто? Будьте здоровы; жму вамъ дружески руку.

---

[1]) Анненкова.—Ред.

ВЪ РОССІИ.

Въ Петербургѣ.

68.

Ковалевскому, Ег. П.—Спб., 19 февраля 1861.—Любезнѣйшій Егоръ Петровичъ, сейчасъ ко мнѣ пріѣхалъ Некрасовъ, и мы съ нимъ выбрали пять *безобидныхъ* стихотвореній (новыхъ у него нѣтъ—а „Сашу“ мы цѣликомъ оставили до другого чтенія), а именно: Свадьба, Несжатая полоса, Школьникъ, Нравственный человѣкъ и—Княгиня. Пожалуйста, заѣзжайте ко мнѣ вечеромъ, чтобы рѣшить, какія два стихотворенія выбрать изъ пяти. Я бы самъ къ вамъ заѣхалъ—да мнѣ рѣшительно запрещено выходить. Я васъ жду, потому что надобно сегодня же покончить, а то опоздаешь. Вашъ, и пр.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа.

69.

Колбасину, Е. Я. — Парижъ, 29 марта 1861. — Здравствуйте, милый Елисей Яковлевичъ. – Поздненько я собрался отвѣчать на ваше дружеское письмецо. — Что дѣлать—извините великодушно.—А теперь имѣю вамъ въ скорости сообщить слѣдующіе пункты:

1) Я въ Парижѣ *ничего* не дѣлалъ.

2) Дочь замужъ не выдалъ.

3) Шеншинскаго сынка кое-какъ призрѣли.

4) Черезъ двѣ недѣли ѣду въ Россію.—И такъ какъ я буду мчаться вихремъ въ Спасское для окончательнаго устройства моихъ дѣлъ,—то въ Новгородъ заѣхать мнѣ не будетъ возможно: а вы, коли будете молодцомъ, пріѣзжайте-ка, да съ дѣдушкой—коему кланяюсь—отъ 24

до 28 апр. въ Питеръ.—Мы повидаемся и потолкуемъ.—(кажется, это и придется на праздникахъ).

Во всякомъ случаѣ крѣпко, крѣпко жму вамъ руку. Будьте здоровы, подвизайтесь на литературномъ и на юридическомъ поприщахъ—и не забывайте преданнаго вамъ.

PS. Непремѣнно *женитесь!*

ВЪ РОССІИ.

Изъ с. Спасскаго:

70.

Полонскому, Я. П.—Спасское, 21 мая 1861.—Милый мой Яковъ Петровичъ, сообщенное тобою извѣстіе очень меня порадовало, хотя оно и лишило меня надежды увидѣть тебя у себя въ деревнѣ. Дай Богъ, чтобы это путешествіе оказалось полезнымъ твоей душѣ и тѣлу! Отдохни, соберись съ силами, окунись въ другую жизнь и въ другую природу—и вернись домой бодрый и свѣжій—насколько это возможно человѣку, которому уже стукнуло 40 лѣтъ и котораго судьба не пощадила.

Я видѣлъ Фета въ самый день моего пріѣзда сюда 9 мая и теперь скоро опять увижу его вмѣстѣ съ Толстымъ (Львомъ); мы отправляемся въ его деревню (за 60 верстъ отсюда)—которая поглощаетъ всего его съ ногъ до головы. Онъ теперь сдѣлался агрономомъ—хозяиномъ до *отчаянности*, отпустилъ бороду до чреслъ—съ какими-то волосяными вихрами *за* и *подъ* ушами—о литературѣ слышать не хочетъ и журналы ругаетъ съ энтузіазмомъ. Я, однако, сообщу ему твое письмо и твои стихи: онъ любитъ тебя отъ души. Носъ его, въ которомъ ты принимаешь такое участіе, напоминаетъ мнѣ иные стихи Державинскихъ одъ: „сизобагряный ян-

тарный“ и т. д. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, ты видишь, что у Фета *отбирать* пока нечего; а Толстому я передамъ твое желаніе—или, лучше сказать, желаніе времени, для котораго и я буду работать, какъ только отдѣлаюсь отъ моего романа для Русскаго Вѣстника. Ты мнѣ не написалъ, гдѣ собственно появятся первыя три главы твоего романа въ стихахъ?

Я здѣсь занятъ и хозяйственными, и литературными дѣлами. Съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо—потому что я имъ сдѣлалъ всѣ возможныя уступки,—но затрудненія предвидятся впереди. Многіе не хотятъ идти на оброкъ,—а безъ оброка выкупъ (а вѣдь это главная цѣль)—невозможенъ.

Должно надѣяться, что сообщенный тобой слухъ о новомъ министрѣ просвѣщенія не оправдается. Этого только недоставало!

До свиданія, душа моя.—Желаю тебѣ здоровья и всего хорошаго на свѣтѣ.—Если вздумается, пиши мнѣ,—а я тебѣ отвѣчать буду. Обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

71.

Маслову, И. И.—Спасское, 7 іюня 1861.—Милѣйшій Иванъ Ильичъ! Что же ты не отвѣчалъ на мое письмо—и до сихъ поръ не высылаешь тѣ два экземпляра второго тома моихъ сочиненій (Плещеевскаго изданія), о которыхъ я тебя просилъ?—И Анненковъ ни слова мнѣ не написалъ—хотя, вѣроятно, ты ему передалъ мою просьбу.—Сдѣлай одолженіе, препобѣди свою малороссійскую лѣнь—и напиши мнѣ:

a) Анненковы и Карташевскіе уѣхали ли изъ Москвы?

b) Послалъ ли ты полный экземпляръ моихъ сочиненій въ Мюнхенъ къ Боденштедту, какъ я тебя просилъ?

c) Выслалъ ли ты мнѣ тѣ два экземпляра, о которыхъ я писалъ тебѣ?

d) Что ты подѣлываешь и какъ твое здоровье?—Напиши вкратцѣ, по пунктамъ—этакъ тебѣ будетъ легче.

Засимъ тебя обнимаю и остаюсь любящій тебя.

PS. Мой адрессъ: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ.

72.

Колбасину, Д. Я. — Спасское, 14 іюня 1861 г.— Любезнѣйшій Дмитрій Яковлевичъ, ваше письмо меня очень порадовало: я увидалъ изъ него, что вы меня помните и что ваше здоровье хорошо. Просьба ваша немедленно мною исполнена—и я сегодня же отправилъ письмо къ Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, которая находится теперь въ Москвѣ. Я увѣренъ, что она все сдѣлаетъ, что отъ нея будетъ зависѣть, и что вы останетесь ею довольны. Вы, по всему замѣтно, находитесь тамъ въ нѣкоторомъ, такъ сказать, раю—и я бы очень былъ радъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ и посѣтить васъ, но когда это будетъ возможно—вопросъ. Въ нынѣшнемъ году я остаюсь въ Спасскомъ до осени, а на зиму ѣду опять въ Парижъ, гдѣ постараюсь выдать дочь замужъ, что мнѣ въ прошломъ году не удалось. Теперь я сижу здѣсь, въ своемъ флигелькѣ, оканчиваю новую большую повѣсть для „Русскаго Вѣстника“ — и присутствую при медлительномъ устроеніи новаго быта. Къ счастью, по неотступнымъ моимъ просьбамъ, дядя въ прошломъ же году посадилъ Спасскихъ и Каленскихъ мужиковъ на оброкъ. Есть надежда, что Любовшинскіе пойдутъ, другіе упираются. Этого факта (что мужики не захотятъ идти съ барщины на оброкъ) никто не предвидѣлъ, а между тѣмъ онъ повсемѣстный. Впрочемъ, кругомъ все тихо.

Охота еще не началась, но я уже готовлюсь къ ней и поѣду вмѣстѣ съ Фетомъ и Аѳанасьемъ, который сильно постарѣлъ, но все еще бодрится [1]).

Я видѣлъ Тютчевыхъ при проѣздѣ черезъ Петербургъ, но вашего брата не видалъ, это мнѣ тѣмъ болѣе было досадно, что онъ, говорятъ, нарочно пріѣзжалъ изъ Новгорода въ Петербургъ, чтобы повидаться со мной. О немъ доходятъ самые лестные отзывы. Я радъ, что онъ попалъ на такое мѣсто, гдѣ можетъ быть полезнымъ и дѣйствовать.

Всѣ наши благодарятъ васъ за вашу память и кла-

---

[1]) Аѳанасій—бывшій крѣпостной Тургенева, выведенъ въ „Запискахъ Охотника“ подъ именемъ Ермолая. Онъ фигурируетъ въ цѣломъ разсказѣ „Ермолай и Мельничиха“, цѣликомъ взятомъ изъ дѣйствительнаго происшествія. Когда Тургеневъ пріѣзжалъ въ родное село Спасское, то напередъ зналъ, что на другой день явится къ нему утромъ Аѳанасій, извѣстный подъ именемъ дворового егеря, ибо на обязанности его было, еще во времена владычества старой барыни, доставлять дичь на барскій столъ. Какъ теперь помню этого высокаго, стройнаго мужика въ какомъ-то коротенькомъ зипунишкѣ до колѣнъ, подпоясаннаго веревочкой и монотонно докладывающаго Тургеневу о выводкахъ коростелей, дупелей и т. п. Тургеневъ слушалъ его внимательно, не перебивая его плавной рѣчи, вынималъ деньги изъ кошелька и говорилъ: „теперь распоряжайся мною, Аѳанасій, какъ знаешь“. Прелестный разсказъ о „соловьяхъ“ не есть сочиненіе Тургенева, а буквально записанъ со словъ Аѳанасія, великаго спеціалиста во всѣхъ родахъ охоты, начиная съ медвѣдя и кончая гольцомъ. Объ уженьѣ рыбы онъ говорилъ до такой степени обстоятельно, что можно было написать цѣлую книгу. Помню еще одинъ забавный случай съ этимъ Аѳанасіемъ на охотѣ: послѣ продолжительнаго и тягостнаго хожденія по болотамъ и степямъ охотники сбились съ дороги и попали въ избу какого-то неизвѣстнаго имъ выселка, проголодались ужасно, но у хозяйки не оказалось ни самовара и ничего съѣдобнаго, кромѣ свѣжихъ грибовъ. Хозяйка принялась ихъ готовить, и когда все было кончено, Тургеневъ съ жадностью накинулся на любимое блюдо и тутъ же пріостановилъ свою ѣду, найдя, что грибы были приготовлены дурно и совсѣмъ недожарены. Аѳанасій молча уничтожилъ всю миску съ грибами, потребовалъ другую, и потомъ, перекрестясь на иконы, строго посмотрѣлъ на хозяйку и сказалъ: „а грибы-то были сыры, матушка!“ Тургеневъ очень часто вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ, увѣряя, что его Аѳанасій и пули перевариваетъ. Кстати, то же самое говорилъ Тургеневъ о желудкѣ И. П. Папаева.—Е. К.

няются вамъ. Садъ теперь очень хорошъ, но передъ вашимъ великолѣпіемъ о немъ и говорить не стоитъ.

Что подѣлываетъ Миницкій? Поклонитесь ему. Порфирія больше здѣсь нѣтъ: онъ переѣхалъ на жительство въ Воронежъ. Будьте здоровы; дружески жму вамъ руку и остаюсь, преданный вамъ.

PS. Женатый Анненковъ прелестнѣе чѣмъ когда-нибудь.

73.

Полонскому, Я. П. – Спасское, 14 іюля 1861.—Извини, душа моя Яковъ Петровичъ, что отвѣчаю такъ поздно на твое письмецо, такъ поздно, что я боюсь, какъ бы мой отвѣтъ уже не засталъ тебя въ Ишлѣ, воды котораго да возстановятъ окончательно твое здоровье! Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ я здѣсь—время, по обыкновенію своему, промелькнуло съ невѣроятной быстротой—и я уже думаю о возвращеніи въ Парижъ, гдѣ я намѣренъ провести часть зимы или можетъ быть всю зиму—это будетъ зависѣть отъ того, какъ я выдамъ свою дочь замужъ. Погода была хорошая, сначала слишкомъ сухая, теперь слишкомъ дождливая; но охота была прескверная и ознаменована такими несчастіями, которыя были бы смѣшны, если бы не были такъ досадны.

Мы ѣздили вмѣстѣ съ Фетомъ—и надо слышать какъ онъ разсказываетъ нашу плачевную Одиссею! Теперь же онъ возвратился во-свояси, т.-е. въ тотъ маленькій клочекъ земли, которую онъ купилъ посреди *голой* степи, гдѣ вмѣсто природы существуетъ одно пространство (чудный выборъ для пѣвца природы!), гдѣ хлѣбъ родится хорошо и гдѣ у него довольно уютный домъ, надъ которымъ онъ возится какъ изступленный. Онъ вообще сталъ рьянымъ хозяиномъ, музу прогналъ въ-шашей, а

впрочемъ такой же любезный и забавный какъ всегда. Я у него буду на дняхъ по поводу имянинъ его жены. Онъ заочно тебя обнимаетъ.

Романъ мой подвигается къ концу; явится онъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не прежде зимы. Крестьянскія дѣла — ничего себѣ; впередъ пока подвигаются плохо, но и назадъ нейдутъ. Надо вооружиться терпѣніемъ и выжидать. Все-таки это дѣло громадное — и то, что уже сдѣлано и осталось—составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнятъ только наши потомки.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія номера Времени, въ которомъ находится твоя поэма. Не одобряю и я объявленіе редакціи: но хорошей вещи даже подобныя завыванья повредить не могутъ. Хорошіе стихи въ теперешнее сухое время—какъ благотворная влага: надоѣли свистуны, критиканы, обличители, зубоскалы—чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! Надо послушать Фета объ нихъ!

Желаю тебѣ отъ души здоровья, спокойствія, ясности духа и дѣятельности: для нашего брата 40-лѣтняго франта, нѣсть другого спасенія. Обнимаю тебя и остаюсь любящій тебя.

74.

Колбасину, Е. Я. — Спасское, 8 августа 1861.— Спасибо вамъ, милый Елисей Яковлевичъ, за ваше дружеское письмо: оно очень меня порадовало, какъ новое доказательство неизмѣнности нашихъ старинныхъ отношеній: чѣмъ дальше я подвигаюсь въ жизнь, тѣмъ больше научаюсь дорожить ими.

Я очень радъ, что вамъ хорошо, письмо ваше дышетъ чѣмъ-то успокоительнымъ и удовлетвореннымъ. До меня дошли слухи самые пріятные о вашей дѣятельности: она и благородна, и полезна—и вы, кажется, ее по-

любили. Но удовлетвореніе, замѣчаемое въ вашемъ письмѣ. имѣетъ, вѣроятно, другую причину—или ужъ я на старости разучился понимать людей: тутъ должна быть замѣшана женщина—и хорошо замѣшана.

Вы мнѣ скажете, ошибся я или нѣтъ, при личномъ свиданіи, котораго я непремѣнно требую, такъ какъ къ великой моей досадѣ я васъ не засталъ весной въ Петербургѣ. Я выѣду отсюда 25 или 26 августа (*всенепремѣннѣйше*) и поэтому 30 авг. или 1 сент. буду въ Петербургѣ (гдѣ остановлюсь въ гостинницѣ Демута). Не можете ли вы къ тому времени прибыть въ Питеръ? Если не можете, то я къ вамъ въ Новгородъ заѣду — даю вамъ слово, только напишите мнѣ; но лучше было бы свидѣться въ Петербургѣ, потому что я буду очень спѣшить назадъ къ моей дочери. Во всякомъ случаѣ жду отъ васъ отвѣта.

Здѣсь мнѣ жилось порядочно, здоровье не тревожило, охота только была скверная. Романъ я свой кончилъ и отдалъ его Каткову въ Москвѣ. Современникъ сильно его бранить будетъ—не знаю, будутъ ли хвалить другіе [1]).

Всѣ здѣшніе жители вамъ кланяются.

Мнѣ говорила о васъ одна косая, но любезная дѣвица m-lle Пр. Она жительница Новгорода.

Гдѣ вы нашли эманципѣ въ К—шевской? Она просто кусокъ женскаго мяса, нѣкогда казавшійся мнѣ красивымъ.

Жена Анненкова—умное и хорошее существо. Отъ дѣдушки я получилъ письмо и отвѣчалъ ему.

Ваша бывшая пассія все живетъ въ Гіерѣ (во Франціи) и здоровье ея по прежнему ненадежно.

---

[1]) „Отцы и Дѣти“. Предсказаніе Тургенева сбылось М. А. Антоновичъ напалъ въ „Совр.“ на этотъ романъ, вслѣдствіе чего между „Соврем.“ и „Русскимъ Словомъ“ загорѣлась горячая полемика, такъ какъ Д. И. Писаревъ держался противоположнаго взгляда на это произведеніе.—Е. К.

Итакъ, до свиданья, цѣлую васъ отъ души и остаюсь любящій васъ.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа.

75.

Достоевскому, Ѳ. М.—Парижъ, 3 октября 1861.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, прежде всего извините меня, что на ваше большое письмо отвѣчаю на такомъ лоскуткѣ; времени рѣшительно нѣтъ, хотя я ничего особеннаго не дѣлаю. Во-первыхъ, спасибо и за письмо, и за обѣщаніе прислать „Время“, которое я жду съ нетерпѣніемъ; во-вторыхъ, долженъ сказать вамъ, что моя повѣсть, по причинамъ внутреннимъ и внѣшнимъ, явится *не скоро* въ Русскомъ Вѣстникѣ, во всякомъ случаѣ не прежде возвращенія моего въ Россію весной, а можетъ быть совсѣмъ не явится. Послѣднее даже вѣроятнѣе. Современникъ плюется и сознательно лжетъ: но вѣдь это не въ первый разъ. У меня письмо отъ Некрасова, писанное въ началѣ этого года, въ которомъ онъ мнѣ дѣлаетъ самыя блестящія предложенія. Я ему отвѣтилъ, что сотрудникомъ Современника болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали. Это все ничтожно и не стоитъ вниманія. Это останется ничтожнымъ, даже если Добролюбовъ меня совсѣмъ доканаетъ, ибо, что такое *я*, что такое отдѣльное лицо? Повѣсть, назначенная для „Времени“, не подвинулась въ эти послѣдніе дни, много другихъ мыслей (не литературныхъ) вертѣлось у меня въ головѣ... Но я либо ничего не буду писать или напишу эту вещь для васъ. А писать ее хочется. Ваше письмо тѣмъ болѣе меня обрадовало, что вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ обычные мои корреспонденты изъ Петербурга замолкли. Пожалуйста

будемте и впередъ подавать вѣсть другъ другу. Вы не можете сомнѣваться въ искреннемъ участіи, которое я принимаю въ васъ, въ вашемъ журналѣ и во всемъ, что до васъ касается. О содержаніи моей повѣсти (для Р. В.) говорить въ письмѣ невозможно, главное лицо представляется выраженьемъ новѣйшей нашей современности, и такъ какъ она сама недавно выразилась довольно безобразно—то литературѣ остается до времени помолчать. Поклонитесь отъ меня Полонскому и всѣмъ добрымъ пріятелямъ.—Передайте мое почтеніе вашей женѣ. Желаю вамъ здоровья и всего хорошаго. Преданный вамъ.

PS. Сейчасъ прочелъ стихотвореніе Вяземскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ. Экая мерзость! Нѣтъ, видно, кромѣ вашего журнала нигдѣ участвовать нельзя.

76.

Ему-же.—Парижъ, 26 декабря 1861.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, ваше письмо меня очень удивило.—Вы какъ будто вычитали изъ моего письма, что я приписывалъ вамъ распространеніе слуха о моей повѣсти,—а мнѣ это и въ голову не приходило—какъ же могъ подобный намекъ попасть въ мое письмо?—И какъ будто нужно искать особаго объясненія всякой сплетнѣ: она царствуетъ въ нашей литературѣ, преимущественно на заднихъ дворахъ, гдѣ издаются „Книжные Вѣстники“ и т. д. Впрочемъ, все дѣло не представляетъ никакой важности, мнѣ жаль только, что оно могло обезпокоить и васъ, и Каткова.—Боюсь я, какъ бы читатели, по прочтеніи „Отцовъ и Дѣтей“—не сказали:—Изъ чего они хлопотали? Словомъ: я по многимъ причинамъ хотѣлъ отложить печатаніе до весны; но купецъ настойчиво требуетъ запроданный товаръ—нечего дѣлать—приходится его спускать tel quel.

Чрезвычайно меня интересуетъ „Мининъ“ Островскаго; пожалуйста, сообщите мнѣ ваше впечатлѣніе.—Новая, смѣлая попытка! Дай Богъ, чтобы она увѣнчалась успѣхомъ! —Но если даже и будетъ неудача, я все-таки увѣренъ, что *неудача* Островскаго можетъ быть интереснѣе *удачи* многихъ другихъ. Поклонитесь ему отъ меня. Повѣсть, назначенная для *Времени*—подвинулась въ послѣднее время—и я имѣю твердую надежду, что она будетъ готова ко 2-му номеру; но вѣдь вы сами знаете—дѣло это прихотливое. Очень вамъ благодаренъ за присылку двухъ №№ „Времени“, которые я читаю съ большимъ удовольствіемъ. — Особенно — ваши записки изъ „Мертваго Дома“.—Картина *бани*—просто Дантовская, и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напр. Петрова)—много тонкой и вѣрной психологіи. — Радуюсь искренно успѣху вашего журнала—и повторяю, готовъ ему содѣйствовать всячески.—Поклонитесь вашей женѣ и всѣмъ пріятелямъ. Дружески жму вашу руку. Преданный вамъ.

1862.

77.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 24 января 1862.—Много я передъ тобою виноватъ, дорогой мой Яковъ Петровичъ—и молчаніе мое тѣмъ непростительнѣе, что я знаю, какъ человѣкъ, находящійся въ хандрѣ, подобно тебѣ—дорожитъ всякимъ дружескимъ отголоскомъ.—Я былъ боленъ, занятъ,—но это все не оправданія—и я предпочитаю принести тебѣ мою повинную голову.

Мнѣ истинно горестно было услышать отъ тебя такіе

дурные отзывы о твоемъ здоровьѣ.—Надѣюсь, что оно поправилось со времени твоего письма.—При здоровьѣ человѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ бороться съ внѣшними врагами,—а ихъ не мало; но когда внутри крѣпости завелись непріятели,—что будешь дѣлать!—Постарайся перебиться какъ нибудь до весны,—а потомъ поѣдемъ со мной въ деревню, какъ я уже предлагалъ тебѣ въ прошломъ году,—а тамъ мы втроемъ (ты, Фетъ и я) предадимся образцовому эпикурейству, отростимъ себѣ животы и ни о чемъ помышлять не станемъ.—Воздухъ въ нашихъ мѣстахъ считается отличнымъ, садъ у меня большой и лѣсъ подъ бокомъ, можно пять разъ на день купаться—чего еще?—Право, поѣдемъ,—а я буду въ Петербургѣ въ концѣ апрѣля.

Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева, присланный тобою, показываетъ, что молодые люди плюются;—погоди, еще не такъ плеваться будутъ!—Это все въ порядкѣ вещей—и особенно на Руси не диво, гдѣ мы всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ.—А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: „на здоровье!“ и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ.—Тогда они будутъ правы,—а мы имъ пожелаемъ всякаго благополучія.

Повѣсть моя отправлена въ Русскій Вѣстникъ и вѣроятно явится въ февральской книжкѣ.—Жду большой брани, но я на этотъ счетъ порядочно равнодушенъ.

Живу я здѣсь довольно тихо и глухо, почти ничего не дѣлаю,—но не скучаю.—„День пережитъ—и слава Богу!“—говорю я съ Тютчевымъ. Если ты увидишь его, поклонись ему отъ меня.

Ну прощай, душа моя, обнимаю тебя отъ души и желаю тебѣ быть здоровымъ. Это главное, а все осталь-

ное придетъ само собой. Въ продолженіи твоей поэмы есть милыя вещи — но вообще немного небрежно. Весь твой.

78.

Достоевскому, Ѳ. М.—Парижъ, rue de Rivoli, 210; 18 марта 1862.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, мнѣ нечего говорить вамъ до какой степени обрадовалъ меня вашъ отзывъ объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“.—Тутъ дѣло не въ удовлетвореніи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало быть, не ошибся и не совсѣмъ промахнулся—и трудъ не пропалъ даромъ.—Это было тѣмъ болѣе важно для меня, что люди, которымъ я очень вѣрю (я не говорю о Колбасинѣ), серьезно совѣтовали мнѣ бросить мою работу въ огонь—и еще на дняхъ Писемскій (но это между нами) писалъ мнѣ, что лицо Базарова совершенно не удалось.—Какъ тутъ прикажете не усомниться и не сбиться съ толку?—Автору трудно почувствовать *тотчасъ*, на сколько его мысль воплотилась—и вѣрна-ли она—и овладѣлъ-ли онъ ею и т. д. Онъ какъ въ лѣсу въ своемъ собственномъ произведеніи. Вы навѣрное сами это испытали не разъ.—И потому еще разъ спасибо. Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотѣлъ выразить Базаровымъ, что я только руки разставлялъ отъ изумленья и удовольствія. Точно вы въ душу мнѣ вошли и почувствовали даже то, что я не счелъ нужнымъ вымолвить. Дай Богъ, чтобы въ этомъ сказалось не одно чуткое проникновеніе мастера, но и простое пониманіе читателя—то есть дай Богъ, чтобы всѣ увидали хотя часть того, что вы увидали! Теперь я спокоенъ на счетъ участи моей повѣсти: она сдѣлала свое дѣло и мнѣ раскаяваться нечего.

Вотъ еще вамъ доказательство, до чего вы освоились

съ этимъ типомъ: въ свиданіи Аркадія съ Базаровымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по вашимъ словамъ, недостаетъ чего-то, Базаровъ, разсказывая о дуэли, трунилъ надъ *рыцарями*, и Аркадій слушалъ его съ тайнымъ ужасомъ и т. д. Я выкинулъ это и теперь сожалѣю: я вообще много перемарывалъ и передѣлывалъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ отзывовъ, и отъ этого, можетъ быть, и произошла копотливость, которую вы замѣтили.

Я получилъ милое письмо отъ Майкова и отвѣчу ему. Бранить будутъ меня сильно,—но это надо переждать, какъ лѣтній дождикъ.

Очень было бы мнѣ жаль, еслибъ я не засталъ васъ въ Петербургѣ. Я выѣзжаю отсюда въ концѣ здѣшняго апрѣля, т.-е. черезъ мѣсяцъ. Теперь я могу *навърное* вамъ сказать, что я привезу вамъ мою работу готовою. Она не только сильно подвинулась, она приближается къ концу.—Въ ней будетъ около трехъ печатныхъ листовъ. Странная выходитъ штука. Это именно тѣ „Призраки“ изъ-за которыхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поднялась у насъ пря съ Катковымъ. Не знаю, помните-ли вы это? Я было началъ другую вещь и вдругъ схватился за эту и работалъ нѣсколько дней съ увлеченіемъ. Теперь осталось дописать нѣсколько страницъ.

Радуюсь успѣху „Времени“. Досадно, что вы не можете устроить правильную высылку журнала. Я это говорю не столько изъ личнаго интереса—я вѣдь скоро самъ вернусь,—но для вашихъ же выгодъ. Русскій Вѣстникъ высылается сюда правильно. (Впрочемъ, февральскаго номера еще не получалъ).

Еще разъ крѣпко, крѣпко жму вамъ руку и говорю вамъ спасибо. Передайте мой усердный поклонъ вашей женѣ и будьте здоровы. Преданный вамъ.

79.

Майкову, А. Н.—Парижъ, 18 марта 1862.—Любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, скажу вамъ прямо по-мужицки: „Дай вамъ Богъ здоровья за ваше милое и доброе письмо!“—Очень вы меня утѣшили.—Ни въ одной вещи своей я такъ не сомнѣвался какъ именно въ этой; отзывы и сужденія людей, которымъ я привыкъ вѣрить были крайне неблагосклонны; если бы не настоятельныя требованія Каткова—„Отцы и Дѣти“ никогда бы не явились. Теперь я могу сказать себѣ, что не могъ же я написать совершенную чепуху, если такіе люди, какъ вы да Достоевскій, гладятъ меня по головкѣ и говорятъ мнѣ: „хорошо, братецъ, ставимъ тебѣ 4“. Это сравненіе со студентомъ, твердо выдержавшимъ экзаменъ, гораздо вѣрнѣе вашего сравненія съ тріумфаторомъ, а ужъ сравненіе васъ съ карликомъ, позвольте вамъ сказать, никуда не годится. Вы товарищъ—художникъ, братски протянувшій руку товарищу;—и я отвѣчаю объятіемъ на ваше объятіе, горячимъ привѣтомъ и благодарностью на вашъ привѣтъ.—Вы меня истинно успокоили; недаромъ же Шиллеръ сказалъ:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Надѣюсь быть скоро въ состояніи сказать вамъ личное спасибо—[я выѣзжаю отсюда черезъ мѣсяцъ]—и поразспросить васъ о вашихъ трудахъ, о которыхъ вы ничего не говорите въ вашемъ письмѣ,—и послушать васъ.—Что тамъ ни говори молодежь—а искусство умереть не можетъ—и посильное служеніе ему будетъ всегда тѣсно связывать людей. Этотъ огонь, который Бѣлинскій первый призналъ въ томъ первомъ, одной только буквой М. подписанномъ стихотвореніи—[„Когда ложится тѣнь“, и т. д.]—этотъ огонь до сихъ поръ горитъ и вѣчно бу-

детъ горѣть въ васъ—и пока онъ не потухнетъ, красота и поэзія будетъ съ вами.

Ну, прощайте—или лучше до свиданія.

Примите еще разъ мое спасибо и поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ.—Истинно вамъ преданный.

PS. Не зная вашего адресса, пишу на имя Писемскаго.

80.

Колбасину, Е. Я.—Парижъ, 12 апрѣля 1862.—Любезнѣйшій Колбасинъ, очень мнѣ было пріятно услыхать отъ васъ вѣсточку.—Назначеніе вашего брата я уже зналъ и искренно за него порадовался: дай Богъ ему только здоровья,—а остальное все пойдетъ какъ по маслу.

Итакъ, вы ѣдете за границу—и даже въ Италію.—Неожиданное!—Вѣроятно вы ѣдете не одни.—Вы не пишете мнѣ, долго ли будетъ продолжаться ваше путешествіе.—Полагаю, что вы вашей службы не оставили и къ зимѣ вернетесь въ Россію. Если вы выѣзжаете не раньше половины мая—то я васъ застану еще въ Петербургѣ: я отсюда выѣзжаю около 15 по новому стилю—т.-е. по нашему около 3.—Вы успѣете еще написать мнѣ сюда; я бы очень желалъ увидать васъ—хотя бы на нѣсколько часовъ—какъ, помните, въ Берлинѣ, когда вы, вооружась магическимъ словомъ: „Буцефалъ“, ѣхали обозрѣвать Германію. Какъ подумаешь, что съ тѣхъ поръ четыре года прошло—чуть ли не пять! Время приняло слабительное—и неудержимо стремится—не хочу сказать куда.

Я провелъ зиму какъ-то вяло и мало работалъ; кое-что началъ, кое-что задумалъ,—но все это не важно. Здоровье было порядочно; только съ нѣкоторыхъ поръ сердце у меня не совсѣмъ исправно. Вы мнѣ не пишете

ничего о моей послѣдней вещи: я знаю, что она вамъ не нравилась,—но мнѣ было невозможно не напечатать ее: да и сообразивъ все, я не раскаяваюсь, хотя предвижу всяческіе громы. Сколько я могъ узнать, она читается,—а это главное. Двѣ-три мысли въ ней находящіяся вызовутъ много другихъ, а съ моимъ именемъ можно поступать какъ угодно: недаромъ же я дожилъ до 43 лѣтъ; эта суета меня мало трогаетъ.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ друзьямъ, начиная съ Тютчевыхъ.

Жму вамъ руку и остаюсь любящій васъ.

81.

Случевскому, К. К. [1])—Парижъ, 14 апрѣля 1862 г.—Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, за которое я вамъ очень благодаренъ, любезный Случевскій. Мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить; во всякомъ случаѣ, я-бы очень желалъ, чтобъ не было недоразумѣній насчетъ моихъ намѣреній.—Отвѣчаю по пунктамъ.

1) Первый упрекъ напоминаетъ обвиненіе, дѣланное Гоголю и др., зачѣмъ не выводятся хорошіе люди въ числѣ дурныхъ. — Базаровъ все-таки подавляетъ всѣ остальныя лица романа (К—въ находилъ, что я въ немъ представилъ апоѳеозу „Современника“). Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей. А вы не находите въ немъ *хорошихъ* сторонъ. „Stoff und Kraft“ онъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т.-е. пустую кни-

[1]) Напечатано въ „Недѣлѣ“ 1883 г. № 45. Это отвѣтъ на письмо К. К. Случевскаго о дурномъ впечатлѣніи, которое произвели «Отцы и Дѣти» на русскихъ студентовъ въ гейдельбергскомъ университетѣ.

гу; дуэль съ П. П. (Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ) именно введена для нагляднаго доказательства пустоты элегантно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно-комически; и какъ-бы онъ отказался отъ нея: вѣдь П. П. его побилъ-бы. — Базаровъ, по моему, постоянно разбиваетъ П. П., а не наоборотъ, и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революціонеромъ.

2) То, что сказано объ Аркадіѣ, о реабилитированіи отцовъ и т. д., показываетъ только—виноватъ! — что меня не поняли. *Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса.* Вглядитесь въ лица Н. П. (Николая Петровича Кирсанова), П. П., Аркадія. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно *хорошихъ* представителей дворянства, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе доказать мою тэму: если сливки плохи, что-же молоко? Взять чиновниковъ, генераловъ, грабителей и т. д. было-бы грубо, le pont aux anes — и невѣрно. Всѣ истинные *отрицатели*, которыхъ я зналъ—безъ исключенія—(Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и т. д.) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей, и въ этомъ заключается великій смыслъ: это отнимаетъ у *дѣятелей*, у отрицателей всякую тѣнь *личнаго* негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни. — Графчикъ С—съ не правъ, говоря, что лица, подобныя Н. П. и П. П. — наши дѣды: Н. П., это—я, Огаревъ и тысячи другихъ; П. П.— Столыпинъ, Есаковъ, Боссетъ,—тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ—и именно потому и выбраны мною, чтобъ доказать ихъ несостоятельность. Представить съ одной стороны взяточниковъ, а съ другой идеальнаго юношу—эту картинку пускай рисуютъ другіе...

Я хотѣлъ бо́льшаго.—Базаровъ въ одномъ мѣстѣ у меня говорилъ (я это выкинулъ для цензуры) Аркадію, тому самому Аркадію, въ которомъ ваши гейдельбергскіе товарищи видятъ *болѣе удачный типъ*: „Твой отецъ честный малый; но будь онъ разперевзяточникъ—ты все-таки дальше благороднаго смиренія или кипѣнія не дошелъ-бы, потому что ты дворянинъ“.

3) Господи! Кукшина, эта каррикатура, по вашему—*удачные* всѣхъ!—На это и отвѣчать нельзя.—Одинцова такъ же мало *влюбляется* въ Аркадія, какъ въ Базарова,—какъ вы это не видите! Это тоже представительница нашихъ праздныхъ, мечтающихъ, любопытныхъ и холодныхъ барынь-эпикуреекъ, нашихъ дворянокъ. Графиня Сальясъ *это* лицо поняла совершенно ясно. Ей-бы хотѣлось сперва погладить по шерсти волка (Базарова), лишь-бы онъ не кусался—потомъ мальчика по его кудрямъ—и продолжать лежать вымытой на бархатѣ.

4) Смерть Базарова (которую гр. С—съ называетъ *геройскою* и потому критикуетъ), должна была по моему положить послѣднюю черту на его трагическую фигуру. А ваши молодые люди и ее находятъ случайной!

Оканчиваю слѣдующимъ замѣчаніемъ: если читатель не *полюбитъ* Базарова со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью — если онъ его не полюбитъ, повторяю я — я виноватъ, и не достигъ своей цѣли. Но разсыропиться, говоря его словами, я не хотѣлъ, хотя черезъ это я-бы вѣроятно тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ. Я не хотѣлъ накупаться на популярность такого рода уступками. Лучше проиграть сраженіе (и кажется я его проигралъ), чѣмъ выиграть его уловкой. Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоитъ

еще въ преддверіи будущаго—мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачевымъ и т. д.—а мои молодые современники говорятъ мнѣ, качая головами: „ты, братецъ, опростоволосился и даже насъ обидѣлъ: вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ—напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился“. Мнѣ остается сдѣлать какъ въ цыганской пѣснѣ: „снять шапку да пониже поклониться“. До сихъ поръ Базарова совершенно поняли, т.-е. поняли мои намѣренія, только два человѣка: Достоевскій и Боткинъ (В. П.). Я постараюсь выслать вамъ экземпляръ моей повѣсти, а теперь basta объ этомъ...

Чрезъ Гейдельбергъ я не поѣду, а я бы посмотрѣлъ на тамошнихъ молодыхъ русскихъ. Поклонитесь имъ отъ меня, хотя они меня почитаютъ отсталымъ. Скажите имъ, что я прошу ихъ подождать еще немного, прежде чѣмъ они произнесутъ окончательный приговоръ. Письмо это вы можете сообщить кому вздумается. Жму вамъ крѣпко руку и желаю всего хорошаго. Работайте, работайте и не спѣшите подводить итоги. Преданный вамъ.

82.

Достоевскому, Ѳ. М.—Парижъ, rue de Rivoli, 210, 22 апрѣля, 1862.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, дѣла—вовсе неинтересныя, но довольно важныя—задержали меня въ Парижѣ дольше чѣмъ я предполагалъ; но я безъ всякаго отлагательства выѣзжаю отсюда черезъ двѣ недѣли—и около 12 мая нашего стиля буду въ Петербургѣ. Очень бы мнѣ хотѣлось застать васъ еще тамъ и обо многомъ потолковать. Повѣсть моя для „Времени“, къ сожалѣнію, все еще не окончена—но можетъ быть окончена въ одинъ день или въ два—и я надѣюсь сдѣлать это въ деревнѣ. Доходящіе до меня слухи объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ только подтверждаютъ мои ожиданія:

кромѣ васъ и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотѣлъ сдѣлать. Гр. Сальясъ, между прочимъ, упрекаетъ меня, зачѣмъ я не вывелъ взяточниковъ, генераловъ и т. д., чтобъ объяснить Базаровыхъ; какъ будто отрицательное направленіе есть явленіе частное—личное—(всѣ извѣстные мнѣ отрицатели происходятъ какъ нарочно изъ очень хорошихъ семействъ) и какъ будто, желая показать упадокъ дворянства, я не долженъ былъ взять именно лучшихъ его представителей—въ родѣ братьевъ Кирсановыхъ и т. д. Я уже не говорю объ упрекахъ другого рода и часто противоположныхъ, дѣлаемыхъ Базарову—никто, кажется, не подозрѣваетъ, что я пытался въ немъ представить трагическое лицо,—а всѣ толкуютъ: зачѣмъ онъ такъ дуренъ? Или: зачѣмъ онъ такъ хорошъ! Но объ этомъ толковать нечего: если вещь удалась, она выдержитъ всѣ эти нападки и выяснится наконецъ, а не удалась—провалится какъ нѣчто недосказанное и непонятное—туда ей и дорога.

Меня М. А. Марковичъ просила узнать: не желаете-ли вы помѣстить во „Времени“—ея повѣсть.—У ней есть одна, готовая, которую я читалъ и которая носитъ на себѣ особый отпечатокъ ея таланта, со всѣми его качествами и недостатками. Называется она „Пустяки“ и составитъ около трехъ печатныхъ листовъ.—Вещь хорошая и, я думаю, не лишняя въ вашемъ журналѣ. Ей дали въ Русскомъ Словѣ 250 р. сер. за листъ и она желаетъ подобной же суммы. Отвѣчайте мнѣ, пожалуйста, немедленно: т.-е. хотите-ли, чтобъ вамъ ее выслали на прочтеніе? а увидѣвшись со мной въ Петербургѣ, вы мнѣ скажете ваше окончательное рѣшеніе. Будьте здоровы—дружески жму вамъ руку и остаюсь преданнный вамъ.

PS. Очень жалѣю, что здѣсь *„Время“* не получается.—Другіе журналы приходятъ же аккуратно.

ВЪ РОССІИ.

Изъ с. Спасскаго.

83.

Маслову, И. И.—С. Спасское, 22 іюня 1862.—Милый другъ Иванъ Ильичъ! Я знаю, ты на писанье лѣнивъ:—но будь такъ добръ, увѣдомь меня двумя словами, не болѣе: послалъ ли ты г-жѣ N . . . . 300 р. сер.—и получилъ ли ты отъ нея отвѣтъ?—Послалъ ли ты 200 франковъ Віардо?—Ни она, ни онъ, мнѣ ни слова не пишутъ.

Я, слава Богу, здоровъ—собираюсь на дняхъ ѣхать на охоту съ Фетомъ. Дѣла здѣсь идутъ недурно—уставныя грамоты и выкупныя грамоты составляются помаленьку—и есть надежда на отличный урожай.—Дурныя извѣстія приходятъ къ намъ больше извнѣ.—Пожалуйста, не полѣнись написать мнѣ два слова, никакъ не болѣе. А я крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь любящій тебя.

Адрессъ: Орловской губ. въ гор. Мценскъ.

84.

М. А. Языкову.—Спасское, 17 іюля 1862.—Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, на дняхъ я вамъ писалъ письмо, въ которомъ просилъ о моемъ двоюродномъ братѣ, котораго я, однако, вамъ, по совѣсти, зная его прошедшую жизнь, рекомендовать не могъ. Нынѣ же я пишу вамъ съ тѣмъ, чтобы рекомендовать вамъ человѣка, въ которомъ я вполнѣ увѣренъ, ибо знаю его съ дѣтства. Это нѣкто Порфирій Тимофеевъ Кудряшевъ [1]),

[1]) Вслѣдствіе письма Ивана Сергѣевича, Кудряшевъ былъ опредѣленъ помощникомъ акцизнаго надзирателя, согласно его желанію, въ южную часть тульской губерніи, въ чернскій уѣздъ, недалеко отъ

вольноотпущенный моей матери, у которой онъ состоялъ много лѣтъ въ качествѣ домашняго врача—(онъ имѣетъ весьма основательныя медицинскія знанья); онъ со мной ѣздилъ за границу какъ довѣренное лицо—и долгое время жилъ потомъ у меня въ имѣніи, тоже въ качествѣ врача и во всѣхъ отношеніяхъ пользовался отличной репутаціей.—Теперь онъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, желалъ бы служить по акцизной части, и я взялъ на себя рекомендовать его вамъ какъ человѣка вполнѣ надежнаго, честнаго, трезваго и образованнаго, которому можно поручить важныя дѣла, съ совершенной увѣренностью въ его полной добросовѣстности.—Надѣюсь, что въ память нашей старинной пріязни, вы сдѣлаете для него, что почтете возможнымъ,—а я знаю заранѣе, что вы будете благодарить меня за доставленіе вамъ полезнаго и смышленаго подчиненнаго.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ и прошу передать мой дружескій поклонъ всему вашему семейству. Жму вамъ крѣпко руку.

PS. Весьма было бы хорошо (еслибъ это было возможно)—доставить ему мѣсто въ южной части тульской губерніи, гдѣ всѣ его знаютъ и гдѣ, можно сказать, онъ пользуется уваженіемъ. Во всякомъ случаѣ я прошу васъ дать ему положительный и опредѣленный отвѣтъ.

села Спасскаго, для наблюденія за винокуренными заводами того уѣзда. Кудряшевъ былъ высокой нравственности, необыкновенной доброты и хорошо образованъ. Онъ былъ старѣе Ивана Сергѣевича, лѣтъ на 7—10, и жилъ съ нимъ въ Москвѣ, а потомъ въ Берлинѣ, въ качествѣ дядьки. Кудряшевъ былъ побочный братъ Ив. Сер., происходя отъ его отца и крѣпостной женщины села Спасскаго. Кудряшевъ былъ похожъ на Ив. Сер., но еще выше его ростомъ, плечистѣе и вообще колоссальнѣе. Когда его отпустили на волю, то онъ, живя въ Москвѣ при Иванѣ Сергѣевичѣ, успѣлъ образовать себя въ медицинскомъ отношеніи и получилъ званіе зубного врача.—М. Л.

85.

Маслову, И. И. – Спасское, 21 іюля 1862.—Милый другъ Иванъ Ильичъ, предупреждаю тебя, что я выѣзжаю отсюда 30 іюля, въ понедѣльникъ (черезъ 9 дней)—и „Богу изволяющу“—явлюсь къ тебѣ во вторникъ и пробуду въ твоей великолѣпной и гостепріимной квартирѣ сутки. И такъ, заранѣе говорю тебѣ спасибо и до свиданья. Преданный тебѣ.

86.

Колбасину, Д. Я.—Спасское, 24 іюля 1862.—Какъ вы хорошо сдѣлали, что вспомнили обо мнѣ и написали мнѣ, любезнѣйшій Дмитрій Яковлевичъ! Я самъ собирался писать къ вамъ—вотъ по какому случаю.

На дняхъ къ намъ явился знакомый вамъ Порфирій, отправившійся, какъ вамъ вѣроятно, извѣстно, въ Воронежъ—искать... Богъ знаетъ чего — и бросившій здѣсь вѣрный и обезпеченный кусокъ хлѣба. На этотъ поступокъ его подбило семейство его жены. Результатомъ этого безумства было то, что его совершенно ограбили, что онъ кидался во всѣ стороны, пробовалъ быть фотографомъ, рыбнымъ торговцемъ и т. д. и, наконецъ, похудѣвшій до странности, разбитый, въ одномъ сюртукѣ, появился въ Спасскомъ, гдѣ, разумѣется, его приняли самымъ радушнымъ образомъ. Попрекать человѣка его собственнымъ несчастьемъ—грѣшно и безполезно, а надо стараться помочь. А потому обращаюсь къ вамъ: не можете ли вы дать ему въ вашемъ управленіи какое-нибудь порядочное мѣсто? Вы его знаете, а я съ своей стороны могу присовокупить, что онъ дѣйствительно отличный человѣкъ, честный, трезвый, съ благороднымъ образомъ мыслей—и если онъ пострадалъ, то именно это

произошло отъ излишняго великодушія и довѣрчивости. Вы можете сдѣлать доброе дѣло—и въ то же время вы найдете въ немъ полезнаго подчиненнаго и помощника. На него можно смѣло положиться: не даромъ я его знаю болѣе 25 лѣтъ. Основаться ему опять здѣсь трудно и по многимъ причинамъ почти невозможно: но онъ будетъ жить здѣсь и ожидать вашего отвѣта, которымъ прошу не замедлить, но уже не на мое имя, но на имя дяди Николая Николаевича, потому что я черезъ недѣлю уѣзжаю за границу. Я увѣренъ, что вы, по старинной нашей пріязни, не откажете мнѣ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ все возможное. Кстати замѣчу, что Порфирій оставилъ жену свою въ Воронежѣ вмѣстѣ съ братьями, да навряд ли она и пожелаетъ жить съ нимъ въ скорости: такъ что онъ теперь одинъ.

Я бы вамъ очень былъ обязанъ, еслибъ вы мнѣ написали два слова въ Германію, въ Баденъ (poste restante), гдѣ я буду до 1 октября или въ Парижъ, гдѣ я проведу часть зимы.

Я получилъ отъ вашего брата письмо изъ Швейцаріи—и надѣюсь увидать его тамъ. Всѣ Спасскіе жители вамъ кланяются и благодарятъ за память, а я желаю вамъ счастья и здоровья и крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ.

Изъ Петербурга:

87.

Маслову, И. И.—Спб., 4 августа 1862.—Драгоцѣнный мой Иванъ Ильичъ! Пишу вамъ нѣсколько словъ передъ отъѣздомъ; но самаго интереснаго сообщить не могу: я не видалъ Головнина (А. В.), потому что онъ находится въ Цар-

скомъ Селѣ и раньше четырехъ дней оттуда не вернется. Всѣ слухи, ходившіе въ Москвѣ, болѣе или менѣе справедливы; между прочимъ, арестованъ также Авдѣевъ, авторъ „Подводнаго камня“. Здѣсь Кожанчиковъ и Вольфъ оба предлагали мнѣ купить изданіе „Отцовъ и Дѣтей“; сообщи это къ свѣденію Кетчеру—и пусть онъ по мѣрѣ возможности достанетъ и вышлетъ мнѣ денегъ въ Баденъ-Баденъ poste restante. Также прошу тебя: сдѣлай одолженіе, съѣзди къ Каткову и возьми у него стихотворенія Случевскаго, о которыхъ я ему говорилъ; а получивъ ихъ, отправь въ редакцію *Времени*—въ Петербургъ, къ Михаилу Михайловичу Достоевскому; онъ уже предупрежденъ. А впрочемъ, будь здоровъ и веселъ и вспоминай любящаго тебя.

88.

Майкову, А. Н.—(Спб., безъ числа; вѣроятно, въ концѣ 1862).—Любезный Аполлонъ Николаевичъ, позвольте, во-первыхъ, пожелать вамъ счастливый новый годъ; а во-вторыхъ, позвольте мнѣ, какъ больному человѣку, которому запрещено выѣзжать, и какъ старинному пріятелю, который очень сожалѣетъ, что давно васъ не видалъ—попросить васъ, не можете ли вы какъ-нибудь на дняхъ пріѣхать ко мнѣ и прочесть что-нибудь изъ вашихъ послѣднихъ произведеній? Это былъ бы для меня настоящій праздникъ. Въ ожиданіи отвѣта остаюсь душевно преданный вамъ.

Всей вашей семьѣ мой искренній поклонъ.

PS. Живу я на углу Малой Морской и Гороховой, въ домѣ Гиллермэ (входъ съ Морской). Назначьте мнѣ вечеръ, когда хотите.

1863.

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа:

89.

Ковалевскому, Ег. П.—Paris, ce (14) 26 avril, 1863.—Mon cher et bon M. Kovalevski, la personne qui vous remettra cette lettre est m-r Long, pasteur anglais et membre de la société de la paix qui après un long séjour en Asie, vient visiter la Russie, pour laquelle il professe une très grande sympathie. Il désire y passer près de trois mois et est on ne peut mieux disposé en notre faveur. J'ai cru que vous pouviez lui être utile, et connaissant votre bienveillance habituelle je me permets de recommander m-r Long à votre protection dont ses sentiments distingués le rendent parfaitement digne. Je vous serai bien reconnaissant de tout ce que vous ferez en sa faveur et vous prie en même temps d'accepter l'assurance de mes sentiments les plus affectueux [1]).

---

[1]) „Лицо, которое вручитъ вамъ это письмо, г. Лонгъ, англійскій пасторъ и агентъ общества мира, послѣ долгаго пребыванія въ Азіи, отправляется въ Россію, къ которой питаетъ величайшую симпатію. Онъ желаетъ провести тамъ около трехъ мѣсяцевъ и наилучшимъ образомъ расположенъ къ намъ. Я полагалъ, что вы можете быть ему полезнымъ, и зная вашу обычную доброту, я позволяю себѣ поручить г-на Лонга вашему покровительству, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ своими отличными качествами. Я буду вамъ весьма признателенъ за все, что вы сдѣласте въ его пользу, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу принять увѣреніе въ моемъ самомъ искреннемъ почтеніи".

1864.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

90.

Маслову, И. И.—Спб., Hôtel de France; 9 января 1864.—Любезнѣйшій другъ Иванъ Ильичъ, три дня тому назадъ я пріѣхалъ сюда по дѣлу, тебѣ вѣроятно извѣстному, вчера являлся въ Сенатъ—(кажется, все обойдется благополучно)— и думаю пробыть здѣсь около двухъ мѣсяцевъ и непремѣнно съѣздить въ Москву.—Но я теперь еще не могу сказать, когда именно совершится эта поѣздка.—Само собой разумѣется, что я остановлюсь подъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ и предувѣдомляю тебя заранѣе. Григоровичъ мнѣ сказывалъ, что у тебя находятся нѣсколько писемъ на мое имя; будь такъ добръ, перешли ихъ сюда по вышеозначенному адрессу... Я здѣсь вижу ежедневно Боткина (В. П.), и онъ мнѣ разсказывалъ ваши московскія похожденія.—Эка молодость-то, молодость!—Надѣюсь, что ты наслаждаешься по прежнему отличнымъ здоровьемъ, жму тебѣ руку и остаюсь душевно тебя любящій.

PS. Поклонись дружески милѣйшему Фету.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Бадена:

91.

Достоевскому, Ѳ. М. — Баденъ, Schillerstrasse, 277.—3 октября, 1864.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, я все собирался отвѣчать вамъ на ваше письмо, отъ 24 августа,—но тутъ подошла охота—и я забылъ о немъ—въ чемъ и винюсь передъ вами. Другое ваше письмо, отъ 20 сентября, напомнило мнѣ мою обязанность, и я спѣшу ее исполнить. Начну съ увѣренія, что мои чувства къ вашему журналу нисколько не измѣнились,—что я отъ всей души готовъ содѣйствовать его успѣху, по мѣрѣ силъ—и *даю вамъ обѣщаніе*, первую написанную мною вещь помѣстить у васъ; но опредѣлить срокъ, когда эта вещь будетъ написана, мнѣ невозможно потому, что я совершенно облѣнился и болѣе года пера въ руки не беру. Встряхнусь ли я, наконецъ – единому Богу извѣстно,—но если эта штука со мной случится—работа моя исключительно къ вашимъ услугамъ. Я часто думалъ объ васъ все это время, обо всѣхъ ударахъ, которые васъ поразили—и искренно радуюсь тому, что вы не дали имъ разбить васъ въ конецъ. Боюсь я только за ваше здоровье, какъ бы оно не пострадало отъ излишнихъ трудовъ.—Мнѣ самому очень и очень жаль, что я не вижу здѣсь „Эпохи“, надѣюсь лучше распорядиться съ будущаго года.

Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ вашимъ сотрудникамъ и примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ участіи къ вашей дѣятельности и привязанности къ вамъ. Преданный вамъ.

92.

Анненкову, П. В.—Баденъ, 24 декабря 1864.—Дорогой Павелъ Васильевичъ, вы можете оказать мнѣ—черезъ Боткина (В. П.)—*величайшую*, спѣшу прибавить *не* денежную услугу, которая стоитъ всякихъ денежныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Я выдаю дочь свою замужъ за г-на Гастона Брюэра—и для этого ѣздилъ въ Парижъ, откуда сегодня только возвратился. Всѣ переговоры съ фамиліей, нотаріусами и т. д., кончены къ обоюдному удовольствію; но встрѣтилось важное препятствіе; въ числѣ ея бумагъ, не отыскалось самой необходимой — а именно: метрическаго свидѣтельства. — Не постигаю, куда оно затерялось,—но его нѣтъ,—а безъ него нельзя совершить и брака.—Дочь моя родилась въ маѣ мѣсяцѣ 1842 года въ Москвѣ (что явствуетъ изъ прилагаемой копіи съ свидѣтельства Дома Градскаго Мѣщанскаго Общества)—отъ московской мѣщанки Авдотьи Ермолаевны Ивановой, проживающей въ Москвѣ—но гдѣ именно, мнѣ неизвѣстно; сношенія съ нею (по поводу уплаты пенсіи) я произвожу черезъ бывшаго камердинера моего отца, Ѳедора Иванова Лобанова — тоже живущаго въ Москвѣ, вблизи отъ И. И. Маслова (Маслову онъ лично извѣстенъ).—Теперь вотъ въ чемъ моя просьба и почему тутъ замѣшанъ Боткинъ (В. П.): пусть онъ *немедленно* отправитъ бывшаго моего, а теперь его камердинера *Дмитрія Тоболеева* въ Москву; этотъ человѣкъ весьма расторопный, умный, лично знаетъ и Авдотью Ермолаеву, и Лобанова; пусть онъ не *жалѣетъ денегъ*, которыя вы, надѣюсь, возвратите отъ моего имени—и выправитъ мнѣ метрическое свидѣтельство моей дочери, которое сейчасъ же слѣдуетъ переслать ко мнѣ сюда. Малѣйшее замедленіе повлечетъ за собою отсрочку свадьбы, что во всѣхъ отношеніяхъ будетъ очень дурно. Однимъ

письмомъ къ Лобанову ограничиться нельзя; тутъ необходимо присутствіе личное дѣльнаго человѣка,—а я на Дмитрія надѣюсь.—Пусть Боткинъ сдѣлаетъ для меня эту жертву, разстанется на недѣлю съ своимъ камердинеромъ,—а я ему этого по гробъ не забуду.—Напишите также отъ моего имени два слова Маслову: онъ вліятельный человѣкъ въ Москвѣ и можетъ помочь.—Прилагаю копіи съ двухъ имѣющихся у меня бумагъ, которыя могутъ быть полезны.—NB. *Метрическое свидѣтельство, т.-е. подписи его должны быть засвидѣтельствованы французскимъ консуломъ въ Москвѣ.* Кончаю, какъ древнія челобитныя: царь, государь, смилуйся!

Прошу безотлагательнаго отвѣта—чтобы я по крайней мѣрѣ зналъ, что письмо дошло.

(Слѣдуютъ копіи двухъ свидѣтельствъ: Московскаго градскаго мѣщанскаго общества 1862 г. о неимѣніи препятствій ко вступленію московской мѣщанки Пелагеи Ивановой въ законный бракъ, и Авдотьи Ивановой 1864 г. о дозволеніи дочери вступить въ бракъ).

NB. Эти два документа переведены мною съ перевода на французскій языкъ сдѣланный мною же.—(Оригиналы хранятся у нотаріуса).—Могутъ быть нѣкоторыя измѣненія въ словахъ, но смыслъ совершенно тотъ же.

NB. По причинамъ, которыя трудно изложить письменно, я не могъ обратиться къ нашему священнику въ Парижѣ, и *впередъ не обращусь*: эти бумаги требуются въ *mairie*, гдѣ бракъ совершится.

Дайте мнѣ знать, получили ли вы наконецъ эти злополучныя облигаціи. Еще разъ вамъ жму руку, и кланяюсь всѣмъ, начиная съ вашей милой жены.

PS. Не можетъ ли также оказать помощь Н. Х. Кетчеръ?—Все тутъ дѣло въ быстротѣ исполненія [1]).

---

[1]) Этимъ письмомъ опровергаются сообщаемыя Н. В. Бергомъ

93.

Маслову, И. И.—Баденъ, 26 декабря 1864.—Дорогой Иванъ Ильичъ, кувыркаюсь тебѣ въ ноги съ величайшей просьбой, а о чемъ она — слѣдуютъ пункты (если П. В. Анненковъ тебя уже не извѣстилъ).

Я выдаю дочь замужъ—и свадьба назначена къ концу февраля по нашему стилю—т.-е. по новому; а главной бумаги—для совершенія этой свадьбы—именно метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи у меня нѣтъ. Ты былъ такъ добръ, что въ прошломъ февралѣ подписался свидѣтелемъ на позволеніи матери ко вступленію въ бракъ: но это недостаточно.

Вотъ о чемъ я тебя прошу: у тебя въ домѣ навѣрное знаютъ адрессъ Ѳедора Иванова Лобанова (онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ тебя, около Успенія-на-Могильцахъ), пошли ты сейчасъ къ нему и объяви ему о необходимости выслать ко мнѣ какъ можно скорѣе метрическое свидѣтельство о рожденіи моей дочери (род. въ маѣ мѣс. 1842 года). Мать ея, московская мѣщанка Авдотья Ермолаевна Иванова (адрессъ которой мнѣ тоже неизвѣстенъ, но хорошо извѣстенъ Лобанову), можетъ дать всѣ нужныя свѣденія и вообще исполнить все нужное: денегъ я *никакихъ* не пожалѣю — и съ благодарностью возвращу все черезъ Анненкова. Голубчикъ, будь отцомъ и благодѣтелемъ, возьмись за это дѣло—и помни,

---

въ его *Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ* („Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., ноябрь, стр. 373—375) невѣрныя свѣденія о происхожденіи его дочери отъ дворовой дѣвушки Ѳеоктисты. Имя дочери, которую г. Бергъ называетъ „Асей“, предполагая въ ней героиню этого разсказа—Пелагея Ивановна. Ѳеоктиста же, впослѣдствіи вышедшая замужъ за чиновника, жила у Тургенева въ Спасскомъ и Петербургѣ въ 1851—1853 г., т.-е. лѣтъ десять послѣ появленія на свѣтъ его дочери. О Ѳеоктистѣ Петровнѣ В—вой онъ говоритъ въ письмѣ къ И. И. Маслову отъ 18 іюня 1865 г., которое, какъ совершенно интимное, не печатаемъ.—Ред.

что надо дѣйствовать съ быстротою молніи, а моей признательности границъ не будетъ.

Не знаю, писалъ ли тебѣ Анненковъ о другой моей просьбѣ, а именно — о пріисканіи хорошаго и честнаго управляющаго молодыхъ лѣтъ, такъ какъ дядя мой совершенно по старости запустилъ мои дѣла. Очень бы мнѣ хотѣлось взять его въ деревню, такъ какъ я въ началѣ апрѣля непремѣнно буду въ Москвѣ и, разумѣется, если ты позволишь, остановлюсь у тебя. Но эта просьба второстепенная, а первая — величайшей важности.

Надѣюсь, что ты пользуешься хорошимъ здоровьемъ, дружески жму тебѣ руку и остаюсь искренно тебя любящій.

PS. Бумагу мнѣ надо выслать *сюда*; вообще здѣсь моя главная квартира.

94.

Достоевскому, Ѳ. М.—Баденъ, 28 декабря 1864.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, спѣшу отвѣчать на ваше письмо. Въ желаніи моемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, успѣху вашего журнала, вы, я надѣюсь, несомнѣваетесь, но, пока это только въ будущемъ. Даю вамъ честное слово, что у меня нѣтъ рѣшительно ничего, не только готоваго, но даже начатаго. Разсказъ подъ названіемъ „Собака“, о которомъ была рѣчь въ разныхъ журналахъ, дѣйствительно существуетъ и находится теперь въ рукахъ П. В. Анненкова; но я рѣшился, по совѣту всѣхъ моихъ пріятелей, не печатать этой бездѣлки (въ нѣсколько страницъ), которая, сверхъ того, говоря безъ обиняковъ, не удалась мнѣ. Это подтвердитъ вамъ П. В. Анненковъ. Поводомъ же къ распространившемуся слуху о *рядѣ* подобныхъ разсказовъ послужила фраза,

прибавленная мною къ заглавію „Собаки“ — а именно: „Изъ вечеровъ у г-на Ф.“ — Анненковъ самъ вамъ скажетъ, что явиться мнѣ теперь съ такимъ вздоромъ передъ публикой — значило бы окончательно добить всякій свой кредитъ. Повторяю, я могу теперь только сочувствовать вамъ, удивляться смѣлости, съ которой вы, въ наше время, беретесь за литературное дѣло — и желать вамъ здоровья и силъ, но больше ничего. Повѣрьте мнѣ — это не фраза, которую авторъ говоритъ редактору — это сама истина, которую отрезвленный человѣкъ сообщаетъ уважаемому имъ пріятелю. Я распорядился въ берлинскомъ почтамтѣ о высылкѣ мнѣ „Эпохи“; самъ же я думаю прибыть въ Петербургъ въ теченіе марта мѣсяца. Надѣюсь застать васъ бодрымъ и здоровымъ, а до тѣхъ поръ примите увѣреніе въ моей искренней привязанности и преданности.

1865.

Изъ Парижа:

95.

Маслову, П. И. — Парижъ, 10, rue Basse, Passy. — 29 января 1865. — Милый другъ Иванъ Ильичъ, хотя ты до сихъ поръ не отвѣчалъ на мое письмо къ тебѣ, но я ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что ты сдѣлалъ все нужное для полученія метрическаго свидѣтельства моей дочери — и если оно до сихъ поръ не прислано — причиной тому тѣ многочисленныя затрудненія, о которыхъ, между прочимъ, пишетъ П. В. Анненковъ. Къ счастію мы нашли здѣсь средство обойтись безъ этого свидѣтельства — и потому прошу тебя немедленно прекра-

тить все это дѣло. Въ случаѣ же, если уже были сдѣланы по этому поводу какія-либо издержки — дай мнѣ знать—я возвращу тебѣ ихъ съ благодарностью.

Свадьба моей дочери назначена 13 (25) февр., т.-е. черезъ двѣ недѣли; въ тотъ же день я уѣзжаю отсюда въ Баденъ, и потому, если ты хочешь мнѣ писать, адрессуй письмо по баденскому адрессу—Schillerstrasse, 277. Въ началѣ апрѣля я въ Москвѣ и, разумѣется, остановлюсь у тебя.

Извини краткость этого письма—дѣла у меня слишкомъ много. Дружески жму тебѣ руку и кланяюсь всѣмъ пріятелямъ, начиная съ супруговъ Фетовъ. Искренно тебѣ преданный.

Изъ Бадена:

96.

Достоевскому, Ѳ. М.—Баденъ, 21 февраля 1865.—Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, спѣшу извѣстить васъ, что я получилъ вашъ векселъ въ 300 р. и благодарю васъ. Я бы, конечно, не сталъ васъ безпокоить, еслибъ свадьба моей дочери со всѣми своими предвидѣнными и непредвидѣнными издержками не заставила бы меня постучаться во всѣ двери. Надѣюсь, что эта уплата не слишкомъ васъ стѣснила. То, что вы говорите о вашей дѣятельности, просто пугаетъ меня, облѣнившагося баденскаго буржуа. Очень сожалѣю, что здоровье ваше неудовлетворительно: смотрите, не надорвитесь! Возьмите лучше себѣ молодого и дѣятельнаго помощника по *исполнительной* части. Эта издержка окупится съ лихвой. Я не потому не рѣшаюсь печатать „Собаку“, что это вещь маленькая, а потому, что она мнѣ, по общему приговору

друзей моихъ, не удалась. Лучше помолчать, чѣмъ заговорить худо! Изъ писемъ Анненкова я замѣчаю, что въ послѣднее время литература какъ будто оживилась: онъ говоритъ мнѣ о романѣ Толстого, о драмѣ Островскаго. Хотѣлось бы мнѣ все это почитать, но видно придется отложить до моего возвращенія, которое никакъ не будетъ позже 15—20 апрѣля. Тогда я познакомлюсь и съ вашимъ журналомъ. Желаю вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья и дружески жму вамъ руку.

1866.

97.

Полонскому, Я. П.—Баденъ, 1 мая 1866.—Любезнѣйшій другъ Яковъ Петровичъ, на-дняхъ твои молодые пріятели явились ко мнѣ и вручили мнѣ твои „оттиски“, за которые я искренно тебя благодарю, а также и за память. Ты напрасно упрекаешь меня въ нерасположеніи къ твоимъ стихамъ: нѣкоторые изъ твоихъ произведеній мнѣ чрезвычайно дороги: отъ нихъ вѣетъ неподдѣльнымъ поэтическимъ вдохновеніемъ и какой-то трогательной искренностью, что рѣдко въ наше время (напр. твои „Жалобы Музы“—прекрасны). Забившись въ здѣшнюю норку и отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ литературу, я не пересталъ любить и русское слово, и русское искусство: а въ тебѣ я, сверхъ поэта, люблю еще человѣка. И потому еще разъ искреннее спасибо—и да не остынетъ въ тебѣ этотъ жаръ, который съ каждымъ годомъ исчезаетъ въ нашихъ современникахъ! А что „ругали“ тебя—это въ порядкѣ вещей: все это не что иное какъ пѣна, которую вѣтеръ гоняетъ съ одного

берега на другой — противуположный. Воспѣлъ же Некрасовъ графа Муравьева!

„Собака“ — совершенные пустячки, я отдалъ эту вещицу Коршу, чтобы развязаться съ обѣщаніемъ, даннымъ нѣсколько лѣтъ назадъ, при основаніи газеты.

Ты ничего не пишешь о твоемъ здоровьѣ, но твои пріятели увѣряютъ, что ты сталъ молодцомъ. По словамъ твоимъ ты остаешься въ Петербургѣ, на твоей квартирѣ до 6 августа; а тамъ куда? — не имѣешь ли ты поползновенія заглянуть въ Европу? Хотя, правду сказать, теперешнее ея состояніе не слишкомъ заманчиво. Во всякомъ случаѣ ты долженъ знать, что у меня для тебя всегда есть комната. Я едва-ли куда-нибудь отсюда тронусь; въ Россію я въ нынѣшнемъ году не поѣду. Нечего тебѣ говорить, съ какимъ удовольствіемъ увидалъ бы я твою симпатическую фигуру съ „напряженнымъ взоромъ при входѣ въ комнату“, по выраженію Фета. Ты давно съ нимъ не встрѣчался? — Я съ нимъ въ перепискѣ — и если бы могъ сердиться на тебя, то разсердился бы за твое сомнѣніе въ скорости моего отвѣта. Засимъ крѣпко жму твою руку и желаю тебѣ всего хорошаго.

1867.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

98.

Маслову, И. И. — Спб., Караванная, 14. — 1 февраля 1867. — Милый другъ Иванъ Ильичъ. Я четыре дня тому назадъ притащился сюда съ больной ногой — и хотя съ

трудомъ, а въ пятницу или субботу отправляюсь въ Москву, гдѣ, по примѣру прежнихъ годовъ, и пользуясь твоею безграничной любезностью, остановлюсь у тебя. На этотъ разъ я останусь недолго—и черезъ два или три дня отправлюсь далѣе въ деревню, по дѣламъ—и пробуду тамъ недѣлю. Потомъ я опять вернусь и опять остановлюсь у тебя—и останусь все нужное время для отпечатанія моей повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ.

А теперь, душа моя, еще одна просьба: такъ какъ моей кареты у тебя на дворѣ, вѣроятно нѣту, то нельзя ли посмотрѣть въ Москвѣ и нанять хорошій крытый возокъ, чтобы въ немъ отправиться изъ Серпухова въ деревню? Прикажи собрать справки, буде возможно.

Крѣпко жму тебѣ руку—до скораго свиданія.

99.

Ему же. — Спб., 2 апрѣля 1867. — Милый Иванъ Ильичъ, очень сожалѣлъ я, при отъѣздѣ изъ твоего дома, что не удалось пожать тебѣ руку и поблагодарить за твое доброе и ласковое гостепріимство. Не могу уѣхать изъ Россіи, не сказавъ тебѣ еще разъ искренняго спасибо.

Я выѣзжаю отсюда послѣ-завтра, во вторникъ; чтеніе мое будетъ происходить завтра вечеромъ и подвизаться я буду одинъ, что довольно страшно: билеты же всѣ разобраны. Я видѣлъ Анненкова — онъ не ѣдетъ заграницу; жена его поправляется — но ужасно худа.

Боткинъ (В. П.) все такой же — и вчера угостилъ насъ обѣдомъ по *2* рубля, какъ онъ замѣтилъ неоднократно.

Какія письма придутъ на наше имя—посылай ихъ, пожалуйста, въ Баденъ.

Еще разъ жму тебѣ руку, благодарю и остаюсь искренно тебя любящій.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Бадена:

100.

Ему же.—Баденъ, 30 апрѣля 1867.—Милый Иванъ Ильичъ, сдѣлай мнѣ величайшую милость, а именно, немедленно вели пропечатать присланное „Изъявленіе благодарности“ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: это единственное средство для окончательнаго прекращенія моихъ деревенскихъ дрязгъ, и потому я надѣюсь, что ты безотлагательно исполнишь мою просьбу. Деньги для этого припечатанія возьми ты у брата Николая Сергѣевича, или же выдай изъ собственнаго кошелька, а я тебѣ съ благодарностью возвращу при первомъ случаѣ. Вышли мнѣ одинъ вырѣзокъ изъ Вѣдомостей съ припечатаніемъ, и кстати напиши, что это будетъ стоить.

Здоровье мое хорошо, хотя нога все еще болитъ и я на ходу хромаю. Погода здѣсь удивительная: рай воочію совершается. Миръ упроченъ, и стало-быть, тебѣ еще нечего думать о пріобрѣтеніи недвижимой собственности. Я начинаю по немногу работать. Еще разъ благодарю за гостепріимство и дружески тебя обнимаю [1]).

101.

Полонскому, Я. П.—Баденъ, Schillerstrasse, 8.—21 октября 1867 г.—Милый другъ Яковъ Петровичъ, спѣшу отвѣчать на твое письмо. Мнѣ очень пріятно думать, что ты не забываешь меня—и могу тебя увѣрить, что и я съ особеннымъ дружелюбнымъ чувствомъ вспоминаю

[1]) Подлинникъ этого письма находится въ собраніи автографовъ Тургенева въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Р д.

о тебѣ. Надѣюсь, что ты исполнишь въ будущемъ году твое обѣщаніе и побываешь у меня въ Баденѣ. Впрочемъ я еще увижусь съ тобою до того времени: я въ началѣ апрѣля мѣсяца непремѣнно буду въ Петербургѣ.

Присланное тобою стихотвореніе [1]) чрезвычайно мило и пластично, и не помѣстивъ его, г-нъ К. только лишній разъ (ужъ точно лишній) доказалъ, какой онъ непроходимый олухъ. Стихотвореніе это, по моему мнѣнію, такъ хорошо, что я рѣшаюсь указать тебѣ на три пятнышка, которыя одни лишаютъ твое произведеніе совершенной безукоризненности. А именно, во второмъ куплетѣ: „искала холма“ — положительно нехорошо, нераціозно и возбуждаетъ комическія представленія; — въ 10-мъ куплетѣ: „свистнулъ“, — о „свистѣ“, было уже сказано въ 3-мъ куплетѣ—повтореніе это отзывается безсиліемъ—между тѣмъ, какъ во всемъ остальномъ краски такъ ярки; — и наконецъ въ послѣднемъ куплетѣ эпитетъ: „вѣтряный“, не хорошъ, какъ диссонансъ—тутъ нужна реальная краска— а не слово въ родѣ: „легкомысленный“.— Не смѣю тебѣ совѣтовать, но на мой вкусъ— „яростный“, „бѣшеный“ — былъ бы лучше этого слабаго „вѣтряный“.

Но вообще стихотвореніе прекрасно — и такой куплетъ, какъ 9-й, хоть бы Пушкину — а у меня это высочайшая похвала.

Я бы очень былъ тебѣ обязанъ, еслибъ ты захотѣлъ мнѣ присылать отъ времени до времени находящіеся у тебя стихи. Кромѣ тебя, повторяю, ни одинъ нынѣшній поэтъ меня не интересуетъ. Поэмы твоей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, я еще не читалъ—но мнѣ кажется, что главная твоя сила въ лирикѣ.

А что касается до лая мальчишекъ — пускай они потѣшаются... это только доказываетъ, что мы подвигаемся впередъ. И пятокъ-то они не укусятъ.

[1]) „Вакханка и Сатиръ“. Я. П.

Крѣпко и дружески жму тебѣ руку и кланяюсь твоей супругѣ.

PS. Я всю зиму провожу въ Баденѣ и на теперешней моей квартирѣ.

1868.

102.

Ему же.—Баденъ, 2 января 1868 г.—Милый Яковъ Петровичъ, меня безъ того уже угрызала совѣсть, что я не отвѣчалъ тебѣ на твое большое письмо съ двумя стихотвореніями—а тутъ еще приходитъ отъ тебя новое посланіе—остается принести поскорѣе повинную голову и отвѣчать немедленно—и по порядку.

Въ твоей прекрасной пьесѣ: „Вакханка и Сатиръ“—„искала холма“—не потому мнѣ не нравится, что цинично—этого я не боюсь—а потому, что смѣшно, т.-е. возбуждаетъ смѣшныя представленія... И съ эпитетомъ „вѣтряный“—я помириться не могу: онъ выходитъ изъ тона... а стихотвореніе все-таки прекрасно.

Не могу я, къ сожалѣнію, сказать того же о двухъ остальныхъ.—Въ „Орлѣ и Змѣѣ“ мысль оригинальная—но какъ могъ ты вдругъ потерять нить аллегоріи до такой степени, что заставляешь змѣю говорить о своихъ роковыхъ стремленіяхъ—и что она родилась для генія!—Всякая иллюзія въ читателѣ немедленно исчезаетъ отъ подобнаго грѣха противъ *правды* сравненія: пусть змѣя говоритъ, что ей наскучила пыль, грязь, темнота душныхъ норъ и т. п. — но предоставь читателю дѣлать *примѣненіе*. Нѣтъ, такого человѣка, который бы не засмѣялся отъ этихъ двухъ стиховъ:

„Тамъ—внизу—никого не счастливили
„Моихъ думъ роковыя стремленья!!“ [1])

Передѣлай весь этотъ куплетъ, ради Бога, потому что мысль стихотворенія этого стоитъ. О „Снѣ язычника“ я говорить не стану; онъ, по-моему, неудаченъ и слабъ, не смотря на нѣкоторыя, тебѣ всегда присущія, образно-красивыя и наивныя черты.

О твоей поэмѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ поговорю съ тобою лично. Она возбуждаетъ во мнѣ впечатлѣнія смѣшанныя... Едва ли это — твой родъ. Но тебѣ надо продолжать и добиться результата.

Все, что ты мнѣ пишешь о твоей жизни, твоей дѣятельности, о современномъ состояніи литературы—весьма для меня интересно. Сколько можно судить издали, готовится въ ней нѣкоторое возрожденіе: посмотримъ, что изъ этого выдетъ. Недостатокъ талантовъ, особенно талантовъ поэтическихъ — вотъ наша бѣда. Послѣ Льва Толстого ничего не явилось — а вѣдь его первая вещь напечатана въ 1852 году!—Способности нельзя отрицать во всѣхъ этихъ Слѣпцовыхъ, Рѣшетниковыхъ, Успенскихъ и т. д. — но гдѣ же вымыселъ, сила, воображеніе, *выдумка* гдѣ? — Они ничего выдумать не могутъ—и пожалуй, даже радуются тому: этакъ мы, полагаютъ они, ближе къ правдѣ.—Правда—воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но художество — растеніе, иногда даже довольно причудливое — которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ.—А эти господа—*безсьмянники*, и *посьять* ничего не могутъ.

Фетъ очень умно поступитъ, если сдержитъ слово данное тебѣ и броситъ писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя. Я очень его люблю, и мы переписываемся и ссоримся въ каждомъ письмѣ.

[1]) Все это было исправлено и стихи эти выкинуты.—Я. П.

Кстати, какъ же ты говоришь, что незнакомъ съ типомъ „Губаревыхъ“? — Ну, а г-нъ А. А. К. не тотъ же Губаревъ? Вглядись попристальнѣе въ людей, *командующихъ* у насъ — и во многихъ изъ нихъ ты узнаешь черты того типа.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я увижу и обниму тебя — а до тѣхъ поръ будь здоровъ и веселъ. — Дружески кланяюсь твоей супругѣ (пріѣхавъ въ Петербургъ, я научу ее еще лучше играть въ шахматы) — и жму тебѣ руку.

103.

Ему же. — Баденъ, 13 января 1868 г. — Ну, милый Яковъ Петровичъ, на этотъ разъ ты отличился — всѣ три стихотворенія прелестны, и какъ говорится, ни сучка, ни задоринки — за исключеніемъ одного стиха въ третьемъ, въ „Вихрѣ“, — которое едва ли не нравится мнѣ больше всѣхъ, хоть и написано, по твоимъ словамъ, по заказу, — а именно стихъ: „Ротикъ дамъ для поцѣлуя“ коломъ застрялъ мнѣ въ горлѣ — сдѣлай милость перемѣни его — приторенъ онъ больно и мизеренъ [1]).

Ты напрасно меня благодаришь за откровенность: еще бы не быть откровеннымъ съ тобою, когда въ одномъ тебѣ въ наше время горитъ огонекъ священной поэзіи. Ни графа А. Толстого, ни Майкова я не считаю! Фетъ выдохся до послѣдней степени; а о гг. Минаевыхъ и тому подобныхъ и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ и самъ учитель ихъ, г-нъ Некрасовъ — поэтъ съ натугой и штучками; пробовалъ я на дняхъ перечесть его собраніе стихотвореній... нѣтъ! Поэзія и не ночевала тутъ — и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ по-

[1]) Не помню стихотворенія „Вихрь“. Вѣроятно, оно уничтожено. — Я. П.

ливкой изъ острой водки. Ты одинъ можешь и долженъ писать стихи; конечно, твое положенье тѣмъ тяжело, что, не обладая громаднымъ талантомъ, ты не въ состояніи наступить на горло нашей безтолковой публикѣ,— и потому долженъ возиться во тьмѣ и въ холодѣ, рѣдко встрѣчая сочувствіе—сомнѣваясь въ себѣ и унывая;—но ты можешь утѣшиться мыслью, что то, что ты сдѣлалъ и сдѣлаешь хорошаго—не умретъ, и что если ты „поэтъ для немногихъ“—то эти немногіе никогда не переведутся.

Къ „Холму“ мы болѣе не возвратимся; что до „Змѣи“, то я все-таки повторю — это сравненіе должно выдержать; въ противномъ случаѣ лучше говорить безъ обиняковъ и вывести самую человѣческую личность. (Кстати, не могу не протестовать противъ одного изъ твоихъ примѣровъ: З—ву я не зналъ,—но хорошъ *геній* А. Бакунинъ, котораго потому только не всѣ признавали за изумительнаго глупца, что онъ былъ глупецъ мудреный и спутанный—а мы всегда тутъ-то и подозрѣваемъ глубину: человѣкъ мямлетъ, оттого что языкъ у него съ подсосомъ, а мы думаемъ: о! сколько у него мыслей! выразить всего не можетъ!)—

„Сонъ язычника“ хорошъ по мысли — но форма... форма... такъ и разлѣзлось все во всѣ стороны, какъ куль рогожный (авторитету Страхова я — виноватъ! не вѣрю - и не потому, что онъ меня бранитъ, а потому, что онъ славянофилъ—а эти господа, быть можетъ, въ политикѣ орлы, но въ эстетикѣ — тупицы № 1). Я не думаю требовать отъ тебя Гётевской объективности и тишины—но что ты можешь сдѣлать — то ты долженъ сдѣлать.

Пожалуйста, пришли мнѣ стихъ въ замѣну „ротика“. А что касается до литературной дѣятельности вообще, то должно каждому непремѣнно и неуклонно идти своей дорогой, спокойно и по мѣрѣ возможности, зорко глядя

кругомъ. Само дѣло покажетъ, правъ ли ты — а пока перечитывай Пушкинскаго „Поэта“: „Поэтъ не дорожи любовію народной“ и т. д.

Кланяюсь твоей женѣ и обнимаю тебя.

104.

М. А. Милютиной [1]).—Баденъ, 19 февраля 1868 г.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Кажется, Гамлетъ говоритъ у Шекспира—„сомнѣвайся въ солнцѣ, въ Богѣ, но въ любви моей не сомнѣвайся!“ А я имѣю честь сказать вамъ: не вѣрьте ни во что, не вѣрьте особенно въ мои обѣщанія, но—вѣрьте, что я непремѣнно сегодня (въ день 19 февраля!!) обѣдаю съ вами!—Земля лопнетъ—но если мы останемся на одной половинѣ—и тогда я буду сегодня обѣдать съ вами! До свиданія! Преданный вамъ [2]).

---

[1]) Урожд. Абаза, по второму мужу Стиль. Записки и письма къ М. А. и Н. А. Милютинымъ (числомъ 30) напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., январь. Выпуская по незначительности 10 записокъ къ М. А. Милютиной, перепечатываемъ съ ея примѣчаніями остальныхъ 20 писемъ къ ней и ея мужу.—Ред.

[2]) *Примѣчаніе.* М. А. Стиль.—За этимъ обѣдомъ 19 февраля Иванъ Сергѣевичъ прочелъ слѣдующую рѣчь, которую потомъ отдалъ мнѣ:

„Николай Алексѣевичъ! Четыре года тому назадъ мы праздновали въ Петербургѣ сегодняшній знаменательный день (1864 г.); редакціонная коммиссія присутствовала на этомъ праздникѣ въ полномъ составѣ своихъ членовъ, а вы—одинъ изъ главныхъ начинателей и совершителей великаго дѣла освобожденія—вы были тогда въ полномъ расцвѣтѣ здоровья и силъ—и мы радостно чествовали васъ. Теперь насъ немного, и собрались мы вокругъ васъ на чужой землѣ; болѣзнь временно отдалила васъ отъ того круга общественной дѣятельности, котораго вы были средоточіемъ и руководителемъ, и къ которому—мы твердо надѣемся—вы рано или поздно вернетесь; но и въ маломъ числѣ мы пьемъ за ваше здоровье съ прежнимъ душев-

105.

Полонскому. Я. П.—Баденъ, 22 февраля 1868.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, благодарю тебя за то, что ты вспомнилъ обо мнѣ—и сожалѣю только о томъ, что ты даромъ потрудился: присланный тобою фельетонъ мнѣ былъ уже извѣстенъ, такъ какъ я получаю С.-Петербургскія Вѣдомости,—(сверхъ того здѣсь имѣются Московскія Вѣдомости, Вѣсть, Русскій Инвалидъ).—Что же касается до критикъ—то я, грѣшный человѣкъ, питаю къ нимъ довольно большое равнодушіе, и не потому чтобы я былъ убѣжденъ, что онѣ неправы: напротивъ, я почти всякій разъ соглашаюсь съ моимъ распекателемъ,—но я слишкомъ уже старъ, чтобы передѣлать себя; тѣ, которымъ я по вкусу, должны меня глотать вмѣстѣ съ моими грѣхами.

Штука, которую выкинулъ съ тобою Некрасовъ, нимало не удивила меня: я его слишкомъ хорошо знаю, У этого м..... есть между прочимъ привычка — взваливать все непріятное на кого-нибудь изъ сотрудниковъ... Я-молъ-бы радъ, да вотъ такой-то (тебѣ онъ говоритъ:

нымъ уваженіемъ,—и тѣмъ мы не одни. Мы знаемъ навѣрное, что въ это самое мгновеніе—многіе изъ нашихъ соотечественниковъ вспоминаютъ о васъ, и приобщаются къ нашему искреннему привѣту. Скажемъ болѣе: именно это удаленіе ваше отъ тревогъ современной жизни, это удаленіе, въ которомъ вы находитесь—даетъ нашему заявленію какъ бы нѣкій оттѣнокъ того безпристрастнаго, справедливаго суда, съ которымъ отнесется къ вамъ позднѣйшее потомство. Съ увѣренностью въ несомнѣнной истинѣ нашихъ словъ мы можемъ уже теперь воскликнуть: пока будутъ существовать на Руси свободные люди—въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета.

— За ваше здоровье!“

Н. А. Милютинъ больной и разстроенный не могъ отвѣчать, но всталъ, пожавъ Тургеневу руку; навѣрное не могу припомнить, были ли при этомъ оба Самаринны и Черкасскій, но одинъ изъ нихъ присутствовалъ навѣрно; также В. П. Боткинъ и И. П. Арапетовъ. Всего было не болѣе 8 человѣкъ.

М. Стиль.

„Елисѣевъ", мнѣ говоритъ „Антоновичъ") не согласенъ.— Великая д.... этотъ господинъ! Впрочемъ, я вижу— твою „Вакханку" помѣстилъ Катковъ въ Р. В.—И очень умно сдѣлалъ—потому, что это одно изъ лучшихъ твоихъ стихотвореній.

„Новыя Мѣста" — я, признаюсь, не читалъ; — но прочту и обѣщаюсь сказать свое откровенное мнѣніе, хотя, вѣроятно, Данилевскому хочется не мнѣнія, а комплиментовъ.

Т—ая—„восторженница"; Н—ва представляетъ мало разработанный и въ сущности нелюбопытный типъ. Не знаю, каковы были твои опыты по этой части,—но я къ сожалѣнію замѣтилъ, что у насъ всѣ любительницы литературы принадлежатъ къ разряду рылъ и мордемондій. Ты ей этого, однако не говори, а напротивъ поддерживай священный жаръ.

Пиши, работай—и когда вздумаешь, присылай мнѣ свои стихи, которыми я всегда искренно интересуюсь.

Крѣпко жму тебѣ руку.

PS. Прозаическую статью твою я въ теченіе прошлаго года получилъ. Какъ результатъ моего чтенія— сообщу тебѣ совѣтъ: писать *стихи*, непремѣнно *стихи*.

106.

Ему-же.—Баденъ, 6 марта 1868.—Любезнѣйшій Яковъ Петровичъ, твое послѣднее письмо проникнуто такимъ унынiемъ, что я бы, кажется, деньги далъ, чтобы найти слова, способныя ободрить и развеселить тебя.

Одно развѣ скажу тебѣ: подобно тому, какъ, въ концѣ концовъ, никто не можетъ выдать себя за нѣчто бо́льшее, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, точно такъ же не бываетъ, чтобъ что-нибудь дѣйствительно существующее

не было признано... современемъ; твой талантъ тобою не выдуманъ—онъ существуетъ дѣйствительно—и стало быть, не пропадетъ.—А что въ теперешнее антистихотворное время тебѣ подъ часъ приходится плохо—съ этимъ дѣлать нечего: не слѣдуетъ только унывать.—Не истребляй человѣкъ самого себя, никто его не истребитъ.

Вотъ съ Вольфа надо постараться получить побольше,—а тамъ, сидя у моря, ждать погоды—да не скрестивъ руки,—а продолжая работать.—Что бы ни говорили,—а ты авторъ—ну хоть „Кузнечика“; а этотъ „Кузнечикъ“ будетъ читаться, когда много современныхъ многоумныхъ именъ и вещей давнымъ-давно поглотится забвеніемъ.

Я очень радъ, что въ отношеніи къ моей „Исторіи“ ты скорѣе повѣрилъ своему впечатлѣнію чѣмъ приговору г-на П. К.—Сей послѣдній—(и это я говорю не потому, что онъ меня критикуетъ, а вслѣдствіе наблюденій надъ нимъ произведенныхъ)—послѣ смерти нѣкоего русскаго эмигранта, В. И. К., поступилъ—въ моихъ глазахъ—на очистившуюся вакансію *тупѣйшаго* человѣка изо всѣхъ современниковъ. Дѣйствительный тайный *тупица* перваго класса, съ портретомъ богини Идіотизма въ петлицѣ!—Во всякомъ случаѣ онъ со свойственнымъ ему чутьемъ залѣзъ въ грязь, увѣряя, что моя бездѣлка написана мною въ торопяхъ и фельетонно, я же ни надъ одной вещью такъ не бился, три раза переписалъ ее, подлую! Но довольно о семъ.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* никакой критики Анненкова на „Войну и Миръ“ нѣту—а есть въ „Вѣстникѣ Европы“—и все что онъ говоритъ тамъ, очень умно и дѣльно—хотя иногда запутанно въ выраженьяхъ.—Романъ Толстого—вещь удивительная: но самое слабое въ немъ—именно то, чему восторгается публика: историческая сторона—и психологія. Исторія его—фокусъ, битье топ-

кими мелочами по глазамъ;—психологія—капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ.—Все бытовое, описательное, военное—это первый сортъ; и подобнаго Толстому мастера у насъ не имѣется.

Выписанныя тобою строки обо мнѣ могутъ также служить тебѣ положительнымъ примѣромъ: ты видишь, какой-то баринъ, нисколько не стѣсняясь, увѣряетъ, что я для своего оскорбленнаго самолюбія пожертвовалъ... честью, точно такъ же какъ Чернышевскій печатно заявилъ, что меня *подкупили деньгами*, чтобы измѣнить къ худшему характеръ Рудина.—Что же изъ этого?—Все это какъ весеннія воды: сбѣжитъ и слѣда не останется.—И тебѣ не изъ чего огорчаться.

Дружески жму тебѣ руку и желаю тебѣ всего хорошаго, начиная съ бодрости духа.

107.

Ему же. — Баденъ, Schillerstrasse, 7. — 31 марта 1868.—Пишу тебѣ въ самый день Пасхи, любезнѣйшій Яковъ Петровичъ, и представь, что мы завалены снѣгомъ! А съ недѣлю тому назадъ уже было все зелено, листья распустились и деревья цвѣли! Это очень безобразно и наводитъ уныніе.

Но все же это уныніе чисто физическое, а не то моральное, которымъ дышетъ начало твоего письма: надѣюсь, что оно уже давно исчезло или ослабѣло. Исторія съ Вольфомъ непріятна, такъ какъ она должна на тебѣ отразиться. Еслибѣ ты могъ дождаться моего пріѣзда, то я бы могъ поговорить о твоемъ изданіи съ Салаевымъ; я долженъ сказать, что въ сношеніяхъ со мною онъ выказалъ большую деликатность и услужливость.

Thiergartenstrasse, 3.—6 (18) апрѣля, суббота.

Продолжаю свое письмо уже въ новомъ домѣ, куда я переѣхалъ вчера: хлопотъ была бездна, но кажется пойдетъ хорошо. Надо привыкнуть: я еще никогда не жилъ въ такихъ большихъ хоромахъ. Ты знаешь, что комната всегда у меня къ твоимъ услугамъ.

Жалѣю, что не могу—по причинѣ, какъ ты говоришь, длинноты,—прочесть твою новую піесу; но Боткинъ (В.П.) хорошій судья — и скорѣе пессимистъ; если онъ похвалилъ — знакъ хорошій. Я прочелъ твою „Зимнюю невѣсту“ въ Русскомъ Вѣстникѣ и повторяю: вещь славная. Перемѣнилъ бы я одно выраженіе: „влажно-темные“ глаза. Въ живой женщинѣ это вещь хорошая; но въ фантастической невѣстѣ „зимѣ“ представляются другіе глаза. Что касается К., то прошу меня извинить: я не желалъ тебя огорчить. Я его такъ же считаю честнымъ и хорошимъ человѣкомъ, но, что дѣлать! тупымъ... Я, конечно, могу ошибаться. Между прочимъ, какъ человѣку, уже не молодому, возможно продолжать писать такіе стихи, какіе онъ пишетъ, и не чувствовать, что лучше ужъ прямо... это хоть разсмѣшитъ кого-нибудь! Впрочемъ, я его не довольно знаю и составилъ себѣ о немъ понятіе по нѣкоторымъ слишкомъ быстрымъ впечатлѣніямъ... великій грѣхъ многихъ изъ насъ—и въ которомъ я первый каюсь!

Гр. А. К. Толстой читалъ мнѣ нѣсколько отрывковъ „Ѳедора Ивановича“, довольно замѣчательный психологическій этюдъ—но гдѣ же драма! И притомъ мнѣ его стихи просто въ ротъ не лѣзутъ! На нихъ такъ и лежитъ печать реторики, даже не 30-ыхъ, а 20-ыхъ годовъ. Безжизненно величаво; правильно и невѣрно. Какой онъ поэтъ! Что онъ сдѣлалъ изъ бѣдной „Коринѳской невѣсты“ Гёте!

Снѣгъ у насъ давно сошелъ, опять все зелено, а все нѣтъ настоящаго „праздника“ весны.

Мнѣ самому очень хочется съ тобой поболтать—да и нужно мнѣ это. Работу я затѣялъ точно довольно большую, но изъ времени прежняго барства, которое мнѣ хорошо извѣстно.

Непремѣнно напиши мнѣ сюда адрессъ твоей дачи, и какъ къ ней изъ Петербурга доѣхать.

Кланяюсь твоей женѣ и крѣпко жму тебѣ руку.

ВЪ РОССІИ.

Въ Петербургѣ.

108.

Редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.— Спб., іюль 1868 [1]).—М. Г. Сегодня, проѣздомъ черезъ Петербургъ, прочелъ я вашъ воскресный фельетонъ (отъ 7 іюля, № 183), въ которомъ упоминается мое имя, и прошу у васъ позволенія сказать два слова по этому поводу. Я и прежде зналъ, что князю П. В. Долгорукову заблагоразсудилось выкопать старый анекдотъ о томъ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ (въ маѣ 1838 г.), я, находясь на „Николаѣ I“, сгорѣвшемъ близъ Травемюнде, кричалъ: „спасите меня, я единственный сынъ у матери!“ (Острота тутъ должна состоять въ томъ, что я назвалъ себя единственнымъ сыномъ, тогда какъ у меня есть братъ). Близость смерти могла смутить девятнадцатилѣтняго мальчика—и я не намѣренъ увѣрять читателя, что я глядѣлъ на нее равнодушно; но означенныхъ словъ,

[1]) Напечатано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868 г. № 186 и перепечатано въ критико-біографическомъ этюдѣ С. А. Венгерова: *Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ*, Спб., 1875 г., ч. II, стр. 160.—Ред.

сочиненныхъ на другой день однимъ остроумнымъ княземъ (не Долгоруковымъ), я не произнесъ. Видно, князю Долгорукову, желавшему мнѣ сдѣлать оскорбленіе, нечего было сказать про меня, коли онъ рѣшился повторить такую старую и вздорную сплетню. Вы совершенно вѣрно указали настоящую причину, заставившую меня избѣгать встрѣчи съ княземъ Долгоруковымъ; со многими другими эмигрантами, политическія мнѣнія которыхъ я не раздѣляю, но въ жизни которыхъ не было процессовъ въ родѣ брюссельскаго и парижскаго,—я остался и остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ.—Князь Долгоруковъ грозился напечатать всѣ мои бывшіе съ нимъ разговоры: я, съ моей стороны, даю ему на это полное и безусловное разрѣшеніе. Я не раскаяваюсь ни въ одномъ изъ сказанныхъ мною ему словъ; но признаюсь, не могу не раскаяваться въ томъ, что вообще вступилъ въ знакомство съ княземъ П. В. Долгоруковымъ. Примите и пр.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Бадена:

109.

Полонскому, Я. П. — Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.—29 іюля 1868.—Что ты подѣлываешь, любезный другъ Яковъ Петровичъ?—Я уже двѣ недѣли какъ въ Баденѣ, у себя дома, но нога моя все еще болитъ, и мой товарищъ по охотѣ, Віардо, сегодня открываетъ ее безъ меня.—Это очень непріятно,—но дѣлать нечего—надо покориться.—Слѣдовало бы воспользоваться этимъ насильственнымъ досугомъ и работать,—но жары стоятъ такія, что перо изъ рукъ валится и даже вотъ эти

строки рука чертитъ черезъ силу. Увѣдомь меня, благополучно ли кончились роды твоей жены—и передай ей мой усердный поклонъ.—Доставь также, прошу тебя, прилагаемую записку Анненкову, адрессъ котораго я потерялъ. Обѣщаю тебѣ написать отвѣтъ путный и пространный на твое письмо. Да нельзя ли стишковъ прислать,—а главное—не забудь *1-го тома твоихъ сочиненій*. Дружески жму тебѣ руку.

110.

Ему-же.—Баденъ, 15 сентября 1868.—Дорогой мой Яковъ Петровичъ, очень поздно, къ стыду моему, пишу я отвѣтъ на твое письмо—такъ поздно, что ты уже навѣрное теперь переѣхалъ въ городъ,—но такъ какъ я не знаю, остаешься ли ты на старой квартирѣ, то я и рѣшаюсь адрессовать тебѣ сіе посланіе черезъ П. В. Анненкова.

Прими мое искреннее поздравленіе съ рожденіемъ сына: надѣюсь что онъ живъ и здоровъ и современемъ пойдетъ по стопамъ своего батюшки; передай также мое поздравленіе и усердный поклонъ твоей супругѣ.

Я поправляюсь и уже четыре раза былъ на охотѣ: погода у насъ стоитъ славная.

Рекомендованная тобою г-жа Энгельгардтъ была у меня—и оказалась очень милой, хорошей и умной женщиной; но представь: не смотря на все радушіе моего пріема, не смотря на дѣйствительный интересъ, который она во мнѣ возбуждала—она все увѣряла меня, что она мнѣ надоѣдаетъ; что она это *видитъ*, не смотря на мои заклинанья въ противномъ—и такъ и ускакала, не оставивъ мнѣ своего адресса и написавъ письмо, въ которомъ повторяетъ, что она не хочетъ отягощать меня и

т. д.—Мнѣ очень это было прискорбно,—но что было дѣлать? Былъ бы у меня на стѣнѣ образъ—я бы его снялъ и побожился, что нахожу ее милѣйшей.—Такого рода скромность — тоже своего рода самолюбіе. Когда ты ее увидишь, попеняй ей отъ моего имени—и скажи, что я нахожу, что она слишкомъ высокаго—или слишкомъ низкаго мнѣнія о себѣ. Слишкомъ высокаго, если она воображала, что я сейчасъ упаду къ ея ногамъ и сольюсь съ ней душою; слишкомъ низкаго—если не предполагаетъ въ себѣ довольно ума и любезности, чтобы возбудить къ себѣ сочувствіе самое дружественное!—Перемелется—мука выдетъ, но мнѣ жаль, что она такъ сама оборвала наше знакомство.—И что за страхъ передъ мнѣніемъ людей, которые могутъ подумать, что она гоняется за „*знаменитостями*“; — въ наше время гораздо хуже прослыть за врага авторитетовъ.—Всѣ эти мысли не приходили намъ въ голову, когда мы были молоды: мы жили гораздо проще и не безпокоились такъ о мнѣніи другихъ.

Я на дняхъ кончилъ и переписалъ повѣсть для Русскаго Вѣстника, которую пошлю на прочтеніе П. В. Анненкова. Боюсь, не очень ли мрачна она вышла? Ты, я надѣюсь, не забылъ своего обѣщанія на счетъ высылки перваго тома своихъ сочиненій?

Дружески жму тебѣ руку и остаюсь преданный тебѣ.

111.

Ему же. — Баденъ, 8 октября, 1868 г. — Милый Яковъ Петровичъ, я только что собирался отвѣчать тебѣ на твое первое письмо, какъ пришло второе, съ двумя стихотвореньями. Скажу тебѣ тотчасъ, что первое, гдѣ является мертвый мужичекъ, весьма замѣчательно, даже

поразительно—и по моему, требуетъ только нѣсколько маленькихъ поправокъ—а имепно:

a) „*Судороги*... жаръ“—а нѣсколько ниже: „*судорожный* гнѣвъ“—пепужное повтореніе.

b) Весь прибавленный куплетъ: „Плакали мы тоже“—излишенъ; онъ же и неясенъ.

c) Главное—„И не я... мой вздохъ“—не хорошо, имѣетъ какую-то комическую сторону. Оставь „вздохъ“—только въ стихѣ:

„Вздохъ мой тяжкій твоего ребенка“, и т. д.

d) „Незабвенный прахъ“—имѣетъ что-то реторическое и неестественное въ устахъ мужика.

Ты видишь—твой, какъ ты говоришь, *единственный* критикъ не стѣсняется въ своихъ выраженіяхъ; онъ пользуется даннымъ ему тобою правомъ.

О второмъ стихотвореніи ничего нельзя сказать особеннаго: оно недурно—и мысль, высказанная въ послѣднихъ стихахъ, вѣрна—вотъ и все.

„Признанья“ Чалыгина я получилъ отъ г-жи Энгельгардтъ—и не говорилъ тебѣ о нихъ просто потому, что за недосугомъ не успѣлъ еще прочесть ни строки; отдѣлываться отъ тебя *молчаньемъ* — какъ поступаютъ иные журналисты—вовсе не въ моихъ привычкахъ, да и не согласно съ дружбой, которую я къ тебѣ питаю, и съ моимъ уваженіемъ къ твоему дарованью;—я и до сихъ поръ не колебался высказывать тебѣ мое мнѣніе, когда оно было невыгодно. Какъ только прочту твои „Признанья“, то напишу тебѣ, что я объ нихъ думаю. Ты знаешь, что вообще твоя проза мнѣ нравится меньше, чѣмъ твои стихи. Эпиграммы тоже — кажется, не твое дѣло. И тутъ я не могу не выразить своего удивленья: какъ можно какое-нибудь значеніе придавать такой круглой бездарности, какъ г. Мин. Онъ да г. Крес.—вотъ парочка! Signum temporis!

Повѣсть г. О. Н. пробѣжалъ, удивился выведенію въ нее Фета—но въ особенный восторгъ отъ его стихотворенія не пришолъ.

За симъ—повторяю — первое стихотвореніе замѣчательно хорошо—и дай Богъ тебѣ часто производить на свѣтъ подобныя вещи!

Благодарю за память твою жену и кланяюсь ей — и крѣпко жму твою руку.

112.

М. А. Милютиной.—Баденъ-Баденъ, 20 октября, 1868 г.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна... Я сегодня узналъ, что вы рѣшились поселиться на зиму въ Веве— и тотчасъ взялъ перо, чтобъ написать вамъ. Я получилъ вашу телеграмму, за которую искренно благодарю васъ, но не зная куда вамъ писать, медлилъ отвѣтомъ. Гейлигенталь (докторъ) находитъ ваше рѣшеніе весьма благоразумнымъ и предпочитаетъ для Н. А. и для васъ пребываніе въ Веве пребыванію во Флоренціи.

... Будемъ надѣяться, что тамошній здоровый и легкій воздухъ возстановитъ здоровье васъ обоихъ.

... Здѣсь все идетъ своимъ порядкомъ; третьяго дня было послѣднее представленіе оперетки, вчера послѣдняя „Matinée musicale“, завтра — первая зимняя охота. Я переписываю свою повѣсть, многое передѣлалъ, выкинулъ драчуна Цилиндрова и собираюсь черезъ нѣсколько дней на недѣлю въ Парижъ.

Изъ Карлсруэ:

113.

Ей же.—Карлсруэ, 19 ноября 1868 г.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Я нѣсколько дней тому назадъ возвратился изъ Парижа,—и хотя нахожусь все еще въ хлопотахъ, по отысканію квартиры, перемѣщенію и т. д., однако считаю долгомъ отозваться на ваше письмо отъ 5-го ноября. Извѣстія, сообщенныя вами о здоровьи Николая Алексѣевича, довольно утѣшительныя; надѣюсь, что и впредь будетъ такъ продолжаться. Я въ Парижѣ былъ у графа Киселева и просидѣлъ у него около часа. Я нашелъ его нравственно бодрымъ, хотя физика видимо разрушается. Мы, разумѣется, говорили очень много о Николаѣ Алексѣевичѣ...

Дочь моя ожидала меня въ Парижѣ; мы давно не видались, и потому почти все время проводили вмѣстѣ. Утромъ дѣла, коммиссіи, а вечеромъ театръ Оффенбаха на каждомъ шагу и прочія безалаберности. Я закружился какъ въ водоворотѣ и теперь только нѣсколько начинаю приходить въ обычное положеніе.

... О повѣсти моей, вычищенной и передѣланной—доходятъ до свѣденія моего изъ Петербурга благопріятныя извѣстія. Я намѣренъ—если подагра оставитъ меня въ покоѣ,—сильно работать въ уединенномъ и мирномъ Карлсруэ.

Когда вздумаете писать, адрессуйте ваши письма—Carlsruhe, poste restante. Дружески кланяюсь Николаю Алексѣевичу и всѣмъ вашимъ, и проч.

114.

Полонскому, Я. П.—Карлсруэ, Hôtel Prinz Max.—16 декабря 1868 г.—Любезнѣйшій другъ Яковъ Петровичъ, спѣшу отвѣчать на твое письмо—и „въ скобкахъ замѣчаю“—что аккуратно отзывался всякій разъ—а потому не вполнѣ заслужилъ твой упрекъ. И я недоволенъ П. В. Анненковымъ, зачѣмъ не пригласилъ онъ тебя на чтеніе моей повѣсти: я именно ему объ этомъ писалъ. Теперь уже поздно: повѣсть находится въ редакціи „Русскаго Вѣстника“—и надо будетъ ждать появленія январской книжки. Я уже потому сожалѣю о неисполненіи Анненковымъ моей просьбы, что очень интересуюсь твоимъ мнѣніемъ, которое всегда искренно и правдиво.

Я съ удовольствіемъ перечелъ оба твои стихотворенія: „Желѣзная дорога“ и „Мужичекъ“—особенно второе мнѣ нравится.

Странности Гончарова объясняются нездоровьемъ—и слишкомъ-исключительно литературной жизнью. Когда люди на землѣ воображали, что нашъ шарикъ центръ вселенной—то и они придавали всему земному преувеличенное значеніе. Мысль, что черезъ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ отъ твоей дѣятельности не останется пылинки—очень охладительно дѣйствуетъ на самолюбіе—хотя съ другой стороны вполнѣ предаваться ей не слѣдуетъ—а то, пожалуй, всякую работу бросишь. Но счастіе людей состоитъ именно въ томъ, что они поступаютъ несообразно съ законами логики—а въ силу мгновенныхъ чувствъ и увлеченій. Носъ у тебя такъ устроенъ, чтобы свистѣть; и будешь ты свистѣть, полезно ли оно или нѣтъ. Результатъ всѣхъ этихъ умствованій — тотъ, что я съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю появленія „Обрыва“.

Вотъ что ты нездоровъ былъ—и теперь кажется еще

не поправился—это неумно; надо всячески стараться держаться на поверхности—особенно въ наши годы—а то глупая житейская волна сейчасъ затопитъ. Бодрись, братъ, и живи изо дня въ день: мудрѣе этого ничего придумать нельзя.

Я сижу теперь надъ литературными своими „Воспоминаніями"—и мысленно переживаю давно прошедшее... Иногда грустно становится—а иногда пріятно... но и пріятность эта не безъ грусти. Кто перевалился за 50 лѣтъ—не выдти тому изъ минорнаго тона.

Посылаю тебѣ мою карточку—тоже въ весьма минорномъ тонѣ.

Какъ это возможно—не выставлять *всякій разъ* на верху письма своего адресса?!. Вотъ и теперь: я принужденъ адрессовать письмо къ тебѣ на имя Анненкова—ибо, хоть убей меня, не помню, гдѣ ты живешь.

Когда увидишь г-жу Энгельгардтъ—поклонись ей отъ меня—и скажи ей, что она совершенно напрасно лишила меня—а можетъ быть и себя—нѣсколькихъ весьма пріятныхъ часовъ и дней знакомства. Вотъ самоистребительница!

И пока ничего другого не дѣлаешь, какъ возможно такъ мучительно озабочиваться тѣмъ, что думаютъ или не думаютъ о тебѣ другіе! И вѣдь всегда не въ попадъ угадываешь!—Вотъ она увѣрена была, что она мнѣ наносила тягость, а я искренно сочувствовалъ ей и интересовался ею. Но во всемъ ужъ такая видно судьба! Кланяюсь всѣмъ твоимъ и крѣпко жму тебѣ руку.

115.

Ему же.—Карлсруэ, 24 декабря 1868 г.—Милый Яковъ Петровичъ, вскорѣ послѣ отправки твоего послѣд-

няго письма ты, вѣроятно, получилъ мое — и могъ убѣдиться, что всѣ твои предположенія были лишены основанія. „Кусочки жира, прилипшіе къ губамъ“, могутъ дѣйствовать только на молодыхъ людей—да и я за тобою никакихъ „кусочковъ“ не знаю. А потому прошу тебя во мнѣ не сомнѣваться: я никогда не былъ капризнымъ человѣкомъ—а ужъ теперь подавно. Я аккуратно отвѣчалъ на каждое твое письмо и жалѣю, если нѣкоторыя пропали; только адресса ты напрасно не выставляешь; предшествующее письмо я принужденъ былъ послать на имя Анненкова — да и это также дойдетъ до тебя не прямо.

Повѣсть моя находится давно въ Москвѣ; я уже получилъ оттуда извѣстіе о томъ, а также и деньги; а потому мнѣ кажется, что Тютчевъ ошибался, упоминая о ней.

Пожалуйста, присылай мнѣ все, что̀ тебѣ вздумается. Уже не говорю о томъ, что я всегда почту за долгъ высказывать тебѣ полную правду, но мнѣ самому чтеніе твоихъ вещей доставляетъ истинное удовольствіе.—Ты знаешь мое мнѣніе о твоемъ талантѣ: оно не измѣнилось. Я съ удовольствіемъ вижу, что редакціи журналовъ снова обращаются къ тебѣ. Въ главѣ стихотвореаго твоего романа, помѣщеннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ есть очень хорошія вещи, хотя я предпочитаю твои чисто лирическія произведенія.

Кстати—не думай, чтобы сонъ твой о ружьѣ, которое не можетъ выстрѣлить, — спеціально принадлежитъ тебѣ; я тоже очень часто это вижу:—это относится къ той странной ироніи и самоосмѣянію, которыя такъ часто встрѣчаются въ нашихъ сновидѣніяхъ.

Будь здоровъ; кланяюсь твоей женѣ и обнимаю тебя.

1869.

116.

Галахову, А. Д.—Карлсруэ, 12 января, 1869 г.—Ваше письмо меня глубоко тронуло, добрый и почтенный Алексѣй Дмитріевичъ. Я мало зналъ вашу покойную супругу—но мнѣ было хорошо извѣстно, какъ была счастлива ваша жизнь, какими прекрасными качествами обладала подруга, нынѣ потерянная вами—они впрочемъ такъ ясно отражались въ симпатическихъ чертахъ ея лица—во всемъ ея существѣ,—и я могу вполнѣ оцѣнить всю величину вашей утраты. Подобное горе не допускаетъ утѣшительныхъ словъ; безмолвное, но горячее сочувствіе—вотъ все, что можно предложить человѣку, котораго оно поразило—и вы не сомнѣваетесь, что это сочувствіе во мнѣ самое искреннее!—но я не могу вамъ передать, какъ меня тронуло то, что вы среди вашей скорби—вспомнили обо мнѣ и захотѣли выразить тѣ чувства, которыя питаете ко мнѣ, такъ же, какъ и тѣ, которыми удостоивала меня покойница! Не часто въ жизни испытывалъ я ту смѣсь ощущеній—смущенія, сожалѣнія и благодарности, которыя прошли у меня по душѣ. Поймите ихъ въ томъ крѣпкомъ рукопожатіи, которое я передаю вамъ изъ моего далёка.

Я получилъ вашу книгу—и прочту ее съ тѣмъ живымъ интересомъ, который всегда возбуждаютъ во мнѣ ваши полезные и поучительные труды. Вы должны кончить начатую работу—не говорю уже какъ необходимое развлеченіе или какъ долгъ передъ читателями—но въ память той, которая была свидѣтельницею того, что уже

совершено вами. Переставъ жить для себя, живите для семьи, для науки, для воспоминаній, для друзей, въ числѣ которыхъ прошу навсегда считать пишущаго эти строки.

Передайте мой усерднѣйшій поклонъ вашей милой дочери и вѣрьте въ несомнѣнную привязанность преданнаго вамъ.

PS. Не зная вашего адресса, пишу вамъ на имя П. В. Анненкова.

117.

Полонскому, Я. П.—Карлсруэ, 30 января, 1869.—Милый Яковъ Петровичъ, мнѣ давно слѣдовало отвѣчать на твое письмо—тѣмъ болѣе что оно содержанья не веселаго; но встрѣтились всякія дурацкія помѣхи—и я только теперь взялся за перо. Не теряя больше времени, прошу тебя отвѣчать мнѣ по пунктамъ... [1])

Итакъ N. почелъ за нужное прочесть тебѣ нотацію: что бы ему на самого себя оглянуться? Ужъ его-то вещи—точно вода—и больше ничего—и ему-то самъ Богъ велѣлъ забыть, что есть на свѣтѣ перья и бумага. Онъ же, говорятъ, преуспѣваетъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ.

Извѣсти меня о томъ, какого результата ты достигъ съ своею повѣстью. Въ твоихъ прозаическихъ вещахъ всегда есть искорка, которая и свѣтитъ, и грѣетъ.

Жду отъ тебя отвѣтъ и дружески тебя обнимаю.

---

[1]) Слѣдуютъ вопросы о семейныхъ дѣлахъ.—Я. П.

118.

Н. А. Милютину.—Карлсруэ, 18 февраля 1869 г.—Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Въ началѣ зимы я написалъ довольно большое письмо Маріи Аггеевнѣ и не получилъ отвѣта; мнѣ бы слѣдовало написать еще,—но лѣнь помѣшала, и теперь я адрессую письмо на удачу, такъ какъ не знаю, находитесь ли вы еще въ Веве? А между тѣмъ, мнѣ бы очень хотѣлось узнать, что вы дѣлаете, какъ ваше здоровье, какіе ваши планы?—Именно сегодняшній день—*въ годовщину конца стараго и начала новаго порядка вещей*,—я много думалъ о васъ. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами, разсказать кое-что,—но такъ какъ я не желаю тратить свои заряды на воздухъ—то прошу васъ извѣстить меня въ двухъ словахъ: находитесь ли вы еще въ Веве? Тогда я отвѣчу вамъ подробно, а пока кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вашу руку. Преданный вамъ.

119.

Полонскому, Я. П.—Карлсруэ, 20 февраля 1869.—Нѣсколько дней тому назадъ получилъ я твое письмо, милый Яковъ Петровичъ,—(со вложеннымъ письмомъ къ тебѣ отъ твоего брата)—и только могу повторить то, что я писалъ тебѣ въ послѣдній разъ: я съ величайшей готовностью исполню все то, что я предлагалъ тебѣ, какъ только ты этого захочешь. Если же обстоятельства такъ сложатся, что не будетъ предстоять нужды въ моей помощи—тѣмъ лучше: значитъ—они поправятся.

Я, виноватъ, „Чалыгина“ не прочелъ—и онъ находится въ моей библіотекѣ—въ Баденѣ; послѣ-завтра я долженъ туда съѣздить, возьму съ собой твою книжку,

обѣщаю прочесть ее со вниманьемъ и сказать тебѣ мое искреннее мнѣніе. Если дѣйствительно существуетъ противъ тебя—какъ ты выражаешься—„заговоръ молчанія“—то остается одно: стараться написать такую вещь, которая заставила бы заговорить о тебѣ. Ты знаешь—я отъ тебя не отмалчиваюсь: и потому долженъ сказать, что стихотвореніе твое, помѣщенное въ 1-мъ № „Вѣстника Европы“, мнѣ не понравилось: оно ужъ точно написано по программѣ — и вышло тяжело и прозаично по формѣ.

Не знаю, согласится ли Катковъ напечатать твою повѣсть безъ твоего имени: да едва ли это и слѣдуетъ. Къ чему эта игра въ жмурки?—Когда въ наше время всѣ болѣютъ самоувѣренностью, ты напротивъ страдаешь качествомъ противоположнымъ, и надо бы тебя полечить отъ этой болѣзни:—„Довѣряй себѣ“, сказалъ Гёте—„и другіе тебѣ довѣрятъ“.

Вторая часть „Обрыва“, конечно, лучше первой—но и тутъ длинноты нестерпимыя!—Какъ только дѣло доходитъ до разговоровъ или разсужденій—такъ зѣвота и разбираетъ. Даже свою Вѣру Гончаровъ уже успѣлъ попортить: и она разсуждаетъ и переливаетъ изъ пустого въ порожнее. Вотъ у кого тебѣ бы слѣдовало занять хоть частицу его самоувѣренности!—Такъ щебелить, и за щеку класть, и опять выкидывать, и опять жевать—на удивленіе всей Европы,—ты все-таки не станешь.

Что это за чепуху выкинулъ Фетъ съ акростихомъ въ „Залѣ“! Какъ можно позволять себѣ такія мальчишества?!!

А каковъ г. Д. Минъ въ 1-мъ № „Русскаго Вѣстника“—это совершенный Прутковъ!—Я давно такъ не хохоталъ, какъ отъ этихъ по-истинѣ небывалыхъ виршъ!!

...„Шерешпёръ
Все ловитъ мухъ, могучъ и скоръ!!“

Да и самъ англійскій оригиналъ — весьма обыкновенная и даже пошлая волшебная сказка.

Меня очень тронуло то, что ты такъ хорошо помнишь подробности нашихъ первыхъ свиданій. Въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“, вѣроятно, будетъ напечатанъ первый отрывокъ моихъ воспоминаній—„Бѣлинскій“.

Я могу дать только нѣсколько отрывковъ, такъ какъ *сплошныя* воспоминанья пока еще невозможны.

Дружески кланяюсь твоей женѣ и жму тебѣ руку. До свиданья въ *мат*!

120.

Н. А. Милютину.—Карлсруэ, 26 февраля, 1869.— Какъ меня порадовали ваши строки, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, начертанныя весьма четко и даже красиво вашей собственной рукой! Сожалѣю о нездоровьѣ вашей супруги и о томъ, что вы все еще находитесь въ statu quo; надобно съ весной возвратиться къ намъ въ Баденъ; нашъ воздухъ вамъ, что ни говори— помогъ, и впредь можетъ быть полезенъ. Очень бы вы этимъ всѣхъ насъ порадовали. О себѣ скажу вамъ, что я сначала предавался совершенному бездѣйствію и охотѣ; здоровье мое было очень удовлетворительно и подагра (какъ бы не сглазить!) словно забыла меня: однако въ послѣднее время я встрепенулся и принялся за перо. Написалъ нѣсколько отрывковъ изъ „Литературныхъ воспоминаній“; одинъ изъ нихъ — о Бѣлинскомъ — будетъ помѣщенъ въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (кстати, получаете ли вы его?). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ помѣщена моя „Несчастная“, и если вы дали себѣ трудъ прочесть ее,—то вы могли убѣдиться, что я послушался

совѣтовъ Маріи Аггеевны и Кавелина, и вообще много передѣлалъ и прибавилъ. Теперь я, надняхъ, т.-е. около 13-го числа, съѣзжу въ Парижъ на недѣлю, а оттуда въ Веймаръ, гдѣ, 8-го апрѣля (н. с.) въ день рожденья великой герцогини, ставятъ на театрѣ нашу вторую оперетку—„Le dernier Sorcier“. Она переведена на нѣмецкій языкъ, г-жа Віардо прибавила цять новыхъ музыкальныхъ номеровъ, и Листъ, который чрезвычайно доволенъ этой опереткой и всячески хлопоталъ о томъ, чтобъ ее дали—инструментовалъ ее. Ожидаю этого событія съ нетерпѣніемъ; если будетъ успѣхъ, то это можетъ открыть новую карьеру г-жѣ Віардо [1]). Въ маѣ мѣсяцѣ я съѣзжу въ Россію, а въ іюнѣ я уже опять буду въ Баденѣ, на своемъ гнѣздѣ.

Говорятъ, Боткинъ въ Римѣ лежитъ въ постели, безъ движенія. Я написалъ ему, но не получилъ отвѣта.

...Семейство Віардо живетъ здѣсь всю зиму; старшая (дочь) учится рисованію и успѣваетъ необыкновенно. Это вообще удивительная дѣвушка. Прилагаю вамъ ея фотографію, чтобъ вы могли судить, въ какую прелесть она развилась.

Жизнь въ Карлсруэ течетъ очень тихо и мирно; впрочемъ, я сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Театръ недуренъ, и можно слышать много хорошей музыки. У госпожи Віардо музыкальныя „Soirées“ по вторникамъ.

Желаю вамъ всего хорошаго, кланяюсь Маріи Аггеевнѣ и всѣмъ вашимъ и говорю вамъ: до свиданія. Искренно вамъ преданный.

---

[1]) „Le dernier Sorcier“ однако ожидалъ фіаско на Веймарскомъ театрѣ, и съ тѣхъ поръ г-жа Віардо ограничилась романсами.—Марія Стиль.

121.

Полонскому, Я. П.—Карлсруэ, 27 февраля, 1869.—Спасибо тебѣ, любезный другъ Яковъ Петровичъ, за твое длинное и подробное письмо.—Вотъ это точно по пріятельски! Кромѣ тебя—о моей „Несчастной“ никто мнѣ слова не сказалъ, и вѣроятно, она подвергнется такой же участи, какъ и Ергуновъ.—Этому горю пособить нечѣмъ. Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожитъ: но и этого измѣнить нельзя.—Такъ какъ я—въ теченіе моей сочинительской карьеры—никогда не отправлялся отъ *идей*, а всегда отъ *образовъ*—(самому даже Потугину лежитъ въ основаніи извѣстный образъ)—то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ *образовъ*—музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картинки.—Тогда я—кисть подъ замокъ и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются.

Изъ трехъ твоихъ упрековъ—первый показалъ мнѣ, что я ошибочно вмѣсто слова „подоконникъ“ употребилъ „оконницу“, и напрасно поставилъ однажды: „подъ окномъ“. Это уже исправлено.—Эта дѣвушка дѣйствительно сидѣла на *окнѣ* у меня въ комнатѣ московскаго дома и дѣйствительно царапала ногтемъ льдинки.—Все окно было невелико и глубоко—какъ обыкновенно бываетъ въ старыхъ домахъ,—и я могъ безъ натяжки употребить слово: гнѣздышко.

Второй упрекъ—о *языкѣ* Дневника совершенно справедливъ; но исправить это нельзя.

Съ третьимъ упрекомъ я не согласенъ. Все описаніе „пира“—составляетъ двѣ страницы—(всѣхъ 72)—и мнѣ кажется необходимымъ.—Я на поминкахъ Грановскаго (тому уже давно, какъ видишь)—далъ себѣ слово заклеймить этотъ гнусный, безобразный обычай.

Мои воспоминанія о Бѣлинскомъ явятся только въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы; но быть можетъ, Анненковъ тебѣ дастъ прочесть рукопись. Впрочемъ, дѣло не къ спѣху.

Сейчасъ получилъ послѣдній № Космоса, въ которомъ Антоновичъ на нѣсколькихъ страницахъ тяжело и пошло возится съ Коршемъ, Некрасовымъ.—Господи! что за барахтанье къ грязи! хоть бы зло́ было!.... [1]).

Досвиданья въ маѣ; жму тебѣ крѣпко руку, благодарю твою жену за память и кланяюсь ей.

122.

Случевскому, К. К.—Карлсруэ, 8 марта, 1869.—Любезный Константинъ Константиновичъ, спѣшу отвѣтить на ваше письмо. Откровенно говоря, всякая біографическая публикація мнѣ всегда казалась великой претензіей; но и отказывать въ ней, придавать вообще ей важность—еще бо́льшая претензія. Фактическія данныя моей весьма незатѣйливой жизни вы могли бы найти въ самомъ томъ номерѣ „Салона“ (der Salon), изъ котораго вы заимствовали присланную фотографію. Я родился 28 октября 1818 г. въ Орлѣ отъ Сергѣя Николаевича Тургенева и Варвары Петровны Лутовиновой, получилъ первое воспитаніе въ Москвѣ, слушалъ лекціи въ московскомъ, послѣ въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1838 году поѣхалъ за границу, чуть не погибъ во время пожара парохода Николай I. Слушалъ лекціи въ Берлинѣ, послѣ вернулся, состоялъ около года при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1842 г. сталъ заниматься литературой. Въ 1852 г. за напечатаніе статьи о Гоголѣ (въ сущности за „Записки Охотника“) отправ-

[1]) Пропущено нѣсколько строкъ о семейныхъ дѣлахъ.—Я. П.

ленъ на жительство въ деревню, гдѣ прожилъ два года и съ тѣхъ поръ живу то за границей, то въ Россіи. Вы видите, что моя біографія напоминаетъ біографію Э. Ожіэ, который на подобный запросъ отвѣчалъ слѣдующими словами: Je suis né, j'ai été vacciné, puis quand je suis devenu grand j'ai écrit des comédies. Да и что за охота публиковать мой портретъ и т. д. *теперь*, когда всякій кредитъ мой въ публикѣ подорванъ? Кого это можетъ интересовать? Впрочемъ—это дѣло „Иллюстраціи".

Большой фотографіи у меня нѣтъ, но если вы не побрезгаете маленькой, то таковую прилагаю.

Желаю вамъ всего хорошаго и кланяюсь вамъ дружески [1]).

Изъ Бадена:

123.

Полонскому, Я. П.—Thiergartenstrasse, 3.—16 апрѣля. 1869.—Любезнѣйшій другъ Яковъ Петровичъ, я въ долгу передъ тобою.—Различныя хлопоты—поѣздки въ Парижъ и Веймаръ помѣшали мнѣ отвѣчать на твое первое письмо. Теперь я опять на мѣстѣ и не тронусь никуда до моей поѣздки въ Россію.—Спѣшу отвѣчать тебѣ.

Прежде всего о твоей сестрѣ. Повторяю—мое предложеніе меня нисколько не стѣснитъ.—Если она выразитъ согласіе на житье у меня въ деревнѣ—то дай мнѣ знать—и я тотчасъ предупрежду (вторично—онъ уже предупрежденъ) моего управляющаго—и онъ вышлетъ на

[1]) Письмо писано К. К. Случевскому, когда онъ былъ редакторомъ „Всемірной Иллюстраціи".—Ред.

мценскую станцію желѣзной дороги экипажъ и посылъ твою сестру и находящихся съ нею въ моемъ домѣ.... [1]) и когда твоя сестра рѣшится, напиши вмѣстѣ съ нею письмо къ моему управляющему—Никитѣ Алексѣевичу Кишинскому—орловской губерніи, въ городъ Мценскъ, въ село Спасское, Лутовиново тожъ. Условься съ нимъ, въ какой именно день ему выслать экипажъ—и на сколько лицъ,—а Спасское лежитъ отъ мценской станціи желѣзной дороги всего въ 10 верстахъ. Въ Веймаръ я ѣздилъ, чтобы присутствовать на исполненіи на веймарскомъ театрѣ оперетки, слова которой написаны мною, а музыка г-жею Віардо. Все сошло весьма благополучно. Я написалъ объ этомъ большое письмо П. В. Анненкову, которое будетъ, вѣроятно, напечатано въ фельетонѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Отсылаю тебя къ нему.

Я радуюсь тому, что моя статья о Бѣлинскомъ тебѣ понравилась. Многое я бы могъ еще высказать,—но съ меня уже довольно и того, что она вызываетъ на мысли, будитъ ихъ.—Молодымъ людямъ она, вѣроятно, понравится мало;—но, можетъ быть, и они попризадумаются. Что касается до Страхова—то онъ, конечно, хорошій и умный малый; но критическаго пониманія у него менѣе чѣмъ у послѣдняго чухонскаго будочника;—гдѣ только примѣшивается славянофильство—тамъ этого добра—критическаго пониманія—уже и не спрашивай!

Не ищи причинъ, почему поэтовъ нѣтъ: ихъ нѣтъ—потому что нѣтъ: другой причины, повѣрь, самый первый умница не придумаетъ.—И народятся они тоже безо всякой причины: возьмутъ да и народятся.

За симъ обнимаю тебя дружески.—Пришли стихи, коли будутъ. Да не забудь изданія.

---

[1]) Слѣдуютъ хозяйственныя распоряженія.—Я. П.

124.

Ему же.—Баденъ, 20 апрѣля 1869.—Милый Яковъ Петровичъ, исполни пожалуйста слѣдующую мою просьбу. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ вычиталъ я о нападеніи, произведенномъ на меня Краевскимъ (или по его приказанію)—по поводу воспоминаній о Бѣлинскомъ.—Я этого ожидалъ и не удивляюсь; нахожу также весьма естественнымъ, что онъ меня ругаетъ; но онъ заподозриваетъ *справедливость* моихъ словъ: противъ этого я, можетъ быть, найду нужнымъ протестовать—и потому, сдѣлай одолженіе, достань ты тотъ № Голоса, вырѣжь весь фельетонъ и пришли его мнѣ въ письмѣ, *не франкируя* . . . . .

Надѣюсь на скорое исполненіе моей просьбы—и дружески жму тебѣ руку.—Я заваленъ работой и не имѣю времени больше писать.

125.

Ему же.—Баденъ, 5 мая, 1869.—Милый Яковъ Петровичъ! Спасибо тебѣ за присланный фельетонъ „Голоса“. Такъ какъ Краевскій обвиняетъ меня во лжи и чуть не въ кражѣ—то я почелъ нужнымъ отвѣтить ему въ нѣсколькихъ словахъ, которыя появятся въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Никакой ироніи у меня и въ умѣ не было, когда я писалъ тебѣ о нефранкированіи письма; я только хотѣлъ навѣрное получить этотъ фельетонъ.—Пожалуйста, продолжай и впредь писать мнѣ *не* франкируя—безо всякихъ церемоній.—Я и не такую бездѣлицу готовъ платить за удовольствіе получать твои письма.

Изъ присланныхъ тобою стихотвореній мнѣ вполнѣ нравится „Шиньонъ“—за исключеніемъ куплета: „неу-

жели милліоны“ и т. д.—Онъ и неясенъ, и неловокъ—и совершенно не нуженъ.—Недурно: „когда я былъ въ неволѣ“ и пожалуй: „Въ наводненье“.—Но „Льды“ совершенно разъѣхались во всѣ стороны, такъ что и поймать ихъ нельзя—иное даже вовсе непонятно какъ—„ихъ румянецъ больной“, „*царя* родного края“ и т. п. Какая-то мысль напрашивалась,—но не выработалась въ ясную поэтическую форму.—„Наяда“ или „Передъ моремъ“—вдругъ свертываетъ на дешевенькое философствованіе, котораго ты долженъ избѣгать.—Повторяю: „Шиньонъ“—вотъ это хорошо и красиво, хоть и забраковано двумя журналами.

Я получилъ также (вчера) твои два тома—и уже отыскалъ нѣсколько моихъ любимыхъ стихотвореній . . . Я ихъ перечту со вниманіемъ и скажу тебѣ все, что мнѣ придетъ въ голову; а пока, прими мое искреннее спасибо. Я теперь въ такой немилости у публики,—что, что бы я ни сдѣлалъ, все не такъ. Вотъ ужъ точно: „недовернулся, бьютъ; перевернулся, бьютъ.“—Письмо мое о Веймарѣ—конечно реклама; но реклама о вещи, которую я считаю прекрасной.—Но находить *безтактнымъ*—что послѣ 25-лѣтняго знакомства я въ *первый разъ* произнесъ имя г-жи Віардо, въ такомъ дѣлѣ, которое совершилось воочію всѣхъ—это превосходитъ даже мои ожиданія! Ну да ужъ коли Краевскій можетъ третировать меня свысока и съ презрѣніемъ—значитъ, я старая колода . . . .

Штакеншнейдера я приму съ участіемъ—и напрасно ты думаешь, что я ужъ такъ дорожу своимъ временемъ, что болѣе 10 минутъ ему не удѣлю.—Работа моя—все таки тѣ же литературныя воспоминанья—приближается къ концу.—Черезъ мѣсяцъ я непремѣнно въ Петербургѣ и, конечно, буду у тебя.

Извѣсти меня тотчасъ, какъ только узнаешь окон-

чательное рѣшеніе своей сестры.—Кланяюсь твоей женѣ и дружески жму тебѣ руку.

PS. Ты пишешь что Ѳ. И. Тютчевъ ѣдетъ въ Москву женить *второго* сына; не *вторую ли* дочь замужъ выдать?—У него, кажется, сынъ одинъ, и то маленькій.

126.

Ему же.—Баденъ, 19 мая, 1869.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, мое письмо тебя застанетъ еще въ Петербургѣ—такъ какъ ты переѣзжаешь на дачу 23-го.—Не знаю, какова у васъ погода; а здѣсь стоятъ такіе холода и дожди,—что въ пору въ шубу кутаться.—Непремѣнно пришли мнѣ сюда свой точный адрессъ и какимъ образомъ можно до тебя добраться; ибо я намѣренъ непремѣнно посѣтить тебя во время моего проѣзда черезъ Петербургъ.

Я уже до полученія твоего письма рѣшился не отвѣчать Краевскому. . . . Да и наконецъ стоитъ ли придавать важности такимъ дрязгамъ?—Правду говоря, я до того сталъ равнодушенъ ко всѣмъ литературнымъ дѣламъ (въ намекѣ Краевскаго меня разсердило обвиненіе чуть не въ воровствѣ денегъ), что узнай я сегодня, что молодые люди, которые до сихъ поръ на меня ...., вдругъ вздумали озолотить меня другимъ образомъ—я и ухомъ не поведу и палецъ о палецъ не ударю, чтобы достигнуть этого результата.—Все это суета суетствій.

Прилагаю вырѣзку изъ предыдущаго твоего письма, чтобъ ты самъ удостовѣрился, что я „царей“ не выдумалъ.—Стихотвореніе оканчивалось стихомъ: „Дышать весной намъ не даютъ“ прибавленные два куплета очень милы.—А въ самомъ стихотвореніи меня все-таки смущаютъ нѣкоторыя неточности и неясности образовъ: напр.,

„Роняя слезы въ океанъ".

Во первыхъ: какой океанъ?—Не Балтійское же море, не Финскій заливъ можно величать этимъ именемъ.—Оно производитъ впечатлѣніе ложное.—Потомъ: тучи могутъ *ронять* слезы,—а не льдины, которыя до половины погружены въ воду.—Потомъ если:

Холодный *океанъ* столбами *отражаетъ*
Всю ночь румянецъ ихъ больной"...

—если это точно такъ—то надо это представить нагляднѣе,—а то я никакой картины не вижу—и даже не могу себѣ представить, какъ это океанъ „отражаетъ" румянецъ льдинъ!

Наконецъ:

„Имъ жаль полярныхъ странъ....
И тянетъ ихъ на югъ...."

Надо бы во всякомъ случаѣ сказать: имъ *и* жаль—и тянетъ;—а то выходитъ несообразность, какъ еслибъ я сказалъ: „я сижу на креслѣ и стою на полу".—Да и къ чему тутъ олицетвореніе льдинъ?—Оно не имѣетъ никакого дальнѣйшаго примѣненія.

Я все это написалъ, чтобы доказать тебѣ, съ какимъ вниманіемъ я читаю твои вещи.

Собраніе твоихъ стихотвореній доставляетъ мнѣ много удовольствія, и я каждый день перечитываю по нѣскольку пьесъ.

За симъ, прощай, любезный другъ, т. е. до свиданья. Кланяюсь твоей женѣ и жму тебѣ дружески руку.

127.

Н. А. Милютину.—Баденъ, 10 іюня 1869.—Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Отъ супруги вашей я узналъ, что вы находитесь въ недаль-

немъ разстояніи отсюда, а именно—въ Вильдбадѣ—и мнѣ было бы весьма пріятно получить вѣсточку отъ васъ самихъ. Я бы съ удовольствіемъ немедленно прокатился къ вамъ, да я въ эту минуту очень „швахъ"; а именно—сверхъ болѣзни въ сердцѣ, которую во мнѣ открылъ Гейлигенталь,—а Фридрейхъ подтвердилъ,—я вотъ уже съ недѣлю какъ вожусь съ припадками подагры въ ногѣ; болѣзнь эта, кажется, намѣревается посѣщать меня ежегодно. Впрочемъ, мнѣ гораздо лучше, я уже могу надѣвать бархатную туфлю, и путешествіе въ Вильдбадъ представляется мнѣ близкою возможностью.

Съ большимъ удовольствіемъ слышу я изъ разныхъ источниковъ, что здоровье ваше значительно поправилось. Еще немного терпѣнія—и вы будете совсѣмъ молодцемъ!—Напишите мнѣ словечко. А пока дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашему сыну и любезному его наставнику. Преданный вамъ.

PS. Долго ли вы еще намѣрены пробыть въ Вильдбадѣ?

128.

Полонскому, Я. П.—Баденъ, 19 іюня 1869.—Давно бы слѣдовало мнѣ отвѣчать тебѣ, любезный другъ Яковъ Петровичъ—да, говоря попросту—перо валилось изъ рукъ. Со мною случилась прескверная штука, которая на нѣсколько времени сильно меня сконфузила. А именно: у меня открылась—довольно внезапно—болѣзнь сердца—и сколько, я могу судить, развивается все болѣе и болѣе.—Я ѣздилъ совѣтоваться съ знаменитымъ врачемъ Фридрейхомъ, въ Гейдельбергѣ—и онъ подтвердилъ слова здѣшняго доктора. Мнѣ запрещается всякая усталость,—а потому и *охота* (можешь вообразить, какъ это для меня огорчительно): приходится жить чисто рас-

тительной жизнью.—Должно быть, я такъ же окончу дни свои, какъ Панаевъ. Темная туча, которая у каждаго человѣка виситъ на горизонтѣ, надвинулась на меня своимъ передовымъ рукавомъ.—Дѣлать нечего, но и говорить объ этомъ нечего.

Мнѣ особенно непріятно то, что я въ нынѣшнемъ году не попаду въ Россію—путешествія мнѣ также запрещены. Свиданіе наше откладывается поэтому на неопредѣленное время.

„Чалыгина“ твоего—я виноватъ! все еще не прочелъ; но „Женитьбу Атуева“ въ Русскомъ Вѣстникѣ прочелъ съ удовольствіемъ—просто, безъ эффектовъ,—но вѣрно и тонко. Особенно хороши двѣ женскія фигуры—жены Атуева и Сигаревой. Эта послѣдняя принадлежитъ къ тому классу новыхъ женщинъ, которыхъ я знаю только по весьма немногимъ экземплярамъ. Честность, ограниченность, самолюбіе и безплодное трудолюбіе, при большой и какъ-то ненужной силѣ характера—вотъ, кажется, ихъ отличительныя черты, и онѣ схвачены тобою вѣрно—„sine ira et studio“.

Я очень былъ бы радъ, еслибъ отказъ твоей сестры поселиться у меня въ деревнѣ—происходилъ отъ дѣйствительнаго улучшенія въ состояніи ея мужа;—повторяю, домъ мой всегда къ ея услугамъ.

„Чалыгина“ я непремѣнно прочту и доставлю тебѣ твой экземпляръ съ какимъ нибудь изъ возвращающихся въ Россію путешественниковъ.

Будь здоровъ, братъ; не унывай и работай—это главное; поклонись отъ меня женѣ твоей.—Дружески жму тебѣ руку.

PS. Я очень хорошо знаю мѣстность твоей дачи;—я нѣкоторое время (въ 1855 году) жилъ въ домѣ № 3 отъ угла (ты въ № 2).

129.

М. А. Милютиной.—Баденъ, 10 іюля 1869.—Любезнѣйшая Марія Аггѣевна, я бы давно отвѣчалъ на вашу любезную записочку [1]), еслибъ на меня не обрушились удары судьбы, а именно: припадокъ подагры, которая, кажется, намѣрена посѣщать меня ежегодно—повергъ меня въ постель. Она была очень сильна,—но едва-ли будетъ продолжаться: я уже могу ступить на ногу. Черезъ нѣсколько дней я надѣюсь освободиться и—остаться съ болѣзнью сердца, которую Гейлигенталь во мнѣ открылъ, а Фридрейхъ скрѣпилъ своею подписью.

Да, у меня болѣзнь сердца. Что дѣлать! Надо покориться. Худо то,—что мнѣ на вѣки-вѣковъ хотятъ запретить охоту! Однако, это—въ сторону. Мнѣ весьма пріятно слышать, что Николаю Алексѣевичу лучше. Я сегодня написалъ ему записочку, а какъ только нога моя мнѣ позволитъ,—съѣзжу къ нему въ Вильдбадъ. Долго ли вы пробудете въ Науенгеймѣ—и какіе ваши дальнѣйшіе планы? Увѣдомьте меня; а я отсюда до зимы никуда ни пяди.

PS. Гейлигенталь (у котораго нынѣче ночью родился второй сынъ) даетъ мнѣ отъ поры до времени свѣденія о вашемъ собственномъ здоровьѣ. Сами вы—довольны имъ?

130.

Полонскому, Я. П.—Баденъ, 25 сентября 1869.—Милый другъ Яковъ Петровичъ, я дѣйствительно, хотя и поздно, послалъ тебѣ письмо въ Ялту (до востребованія);

---

[1]) Отвѣтъ на сообщеніе, что доктора послали Николая Алексѣевича въ Вильдбадъ, и просьбу навѣстить его.—Марія Стиль.

въ немъ ничего особенно интереснаго не было — и потому тебѣ нечего хлопотать о томъ, чтобы тебѣ его доставили. Я не могъ себѣ представить, что́ за люди эти Поляковы, но, признаюсь, нѣсколько побаивался за тебя и радъ, что ты теперь благополучно возвратился въ свою келью—да еще не съ пустыми руками. Такъ-ли, сякъ-ли—а судьба сдѣлала изъ тебя литератора, и литераторомъ ты и останешься до конца дней твоихъ. Радуюсь также тому, что ты засталъ всѣхъ твоихъ въ вожделѣнномъ здравіи.

Что касается до меня, то я все сижу въ Баденѣ, да кажется, просижу здѣсь до февраля; а въ февралѣ я, наконецъ, если только опять чего не случится—попаду въ Петербургъ и тебя увижу. Здоровье мое порядочно, хотя сердце все пошаливаетъ и побаливаетъ. Работалъ я мало; теперь опять принялся за довольно большую повѣсть — но что изъ нея выйдетъ, и когда ее окончу—единому Богу извѣстно, да и тотъ, я думаю, такими пустяками не занимается.

Я писалъ тебѣ въ ялтовскомъ письмѣ, что предложеніе, сдѣланное твоей сестрѣ, поселиться у меня въ деревнѣ, остается въ прежней силѣ, какъ только она вздумаетъ имъ воспользоваться... Увѣдомь меня, какъ ея дѣла?

За симъ крѣпко жму твою руку и кланяюсь твоей женѣ. Что подѣлываетъ милѣйшая, но чудаковатѣйшая Энгельгардтъ? Нѣтъ ли у тебя стиховъ?

131.

Ему же. — Баденъ, 9 ноября 1869. — Твое письмо меня очень огорчило, милый мой Яковъ Петровичъ; въ немъ выражается нѣчто въ родѣ отчаянія. Поэзіи дѣй-

ствительно плохо приходится въ наше время, особенно если она не поражаетъ читателя своимъ блескомъ и трескомъ — и критика надъ тобою глумится и потѣшается неприличнымъ образомъ. Я придумалъ слѣдующее: я на дняхъ напишу собственно о тебѣ фельетонъ и пошлю его (съ моей подписью) въ С.-Петербургскія Вѣдомости; не сомнѣваюсь, что редакція его приметъ—и хотя едва ли отъ этого для тебя будетъ много пользы, такъ какъ вѣдь и мой авторитетъ сильно поколебленъ, однако, все-таки надо попытаться; да и мнѣ будетъ пріятно высказаться, наконецъ, на счетъ твоей и вообще на счетъ стихотворной дѣятельности, столь жестоко попираемой теперь свиными и не свиными ногами. Я намѣренъ тотчасъ приняться за этотъ фельетонъ—и передъ тѣмъ прочесть „Признанія Чалыгина“, о которыхъ, если они мнѣ понравятся, скажу также свое мнѣніе.

А тебѣ, милый другъ, совѣтую не терять присутствія духа. Сколько разъ въ жизни мнѣ случается припоминать слова, сказанныя мнѣ однимъ старымъ мужикомъ: „Коли человѣкъ самъ бы себя не истреблялъ, кто его истребить можетъ?“ — И ты себя не истребляй. Продолжай дѣлать свое, не спѣша и не волнуясь; будутъ у тебя брать, отдавай; не будутъ—храни у себя въ портфелѣ—до болѣе удобнаго времени. Вѣдь *другого* „ты“ все-таки не будешь и не можешь дѣлать; да и наконецъ, кто знаетъ, какъ и когда окончательно сказывается талантъ. Сервантесъ до 60-ти-лѣтняго возраста былъ посредственный, десятистепенный писатель: а тамъ, вдругъ, взялъ да написалъ Донъ-Кихота и сталъ № 1-й. У насъ на глазахъ примѣръ другой: С. Т. Аксаковъ. Твоя литературная дѣятельность все-таки не безславна, ты не служилъ, какъ Аксаковъ, посмѣшищемъ, позорнымъ именемъ въ родѣ Орлова или Аскоченскаго. А потому—мужайся и стиснувъ зубы, иди, иди!

Итакъ, жди фельетона—и будь здоровъ и не рыдай ни явно, ни тайно. Это ни къ чему не поведетъ.

Дружески кланяюсь твоей супругѣ и жму тебѣ руку.

132.

Ему же.—Баденъ, 24 декабря 1869.—Милый Яковъ Петровичъ, я самъ, Богъ знаетъ какъ, на себя сердитъ, что до сихъ поръ не окончилъ обѣщаннаго письма въ „С.-Петербургскія Вѣдомости"; правда, встрѣтились неожиданныя дѣла: я ѣздилъ въ Веймаръ и Берлинъ (откуда я, между прочимъ, послалъ къ тебѣ „Чалыгина"—извѣсти, дошелъ ли онъ до тебя), чтобы устроить временное переселеніе (на два мѣсяца — съ 1 февр. по 1 апр.) семейства Віардо и мое въ Веймаръ; но даю тебѣ слово, что *недѣли* не пройдетъ и статья будетъ въ рукахъ редакціи. Первая половина уже написана, а вторая—вся готова въ головѣ.

Вольфъ дѣйствительно мерзкую штуку съ тобою выкинулъ, впрочемъ онъ.... Попробуй съ нимъ сперва лично объясниться: процессъ затѣвать дѣло щекотливое. Впрочемъ, посовѣтуйся съ Анненковымъ.

И Кр. напакостилъ мнѣ омерзительнымъ образомъ. Такъ какъ литературной конвенціи между Россіей и Германіей нѣтъ, то я ничего не могу ему сдѣлать. Впередъ наука. Но этого ощущенія я еще не испыталъ: увидѣть свое дѣтище представленнымъ публикѣ—вымазанное...

Ты мнѣ пишешь о своихъ трудовыхъ занятіяхъ; но развѣ ты продолжаешь быть наставникомъ молодого Полякова? По адрессу — это вѣроятно. Не хандри, пожалуйста, моя душа, и не истребляй самого себя. Ты дѣлаешь все возможное для обезпеченія твоей жены и сына: стало-быть, ты правъ и святъ. А что не отъ тебя за-

виситъ, чего передѣлать нельзя — къ чему о томъ себѣ голову ломать?

Итакъ, до скораго свиданья въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ; до тѣхъ поръ я тебя заочно обнимаю и кланяюсь твоей женѣ.

PS. Оказывается, что всѣ недовольны моей статейкой „По поводу Отцовъ и Дѣтей". Изъ этого я вижу, что не всегда слѣдуетъ говорить правду; ибо каждое слово въ этой статейкѣ—сама истина, въ отношеніи ко мнѣ, разумѣется.

133.

М. А. Милютиной.—Баденъ [1]), 24 декабря 1869.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна, ваше письмо меня очень порадовало, впрочемъ, я самъ лично надѣюсь вскорѣ выразить это вамъ, ибо въ понедѣльникъ выѣзжаю отсюда и, конечно, уже во вторникъ увижу васъ и Николая Алексѣевича. Быть можетъ и нашъ новый годъ придется встрѣтить вмѣстѣ, а потому прошу васъ прислать мнѣ въ Hôtel Byron, rue Laffite—вашъ адрессъ, который вы, извините, по свойственной всѣмъ нашимъ соотечественникамъ привычкѣ, въ письмѣ своемъ не выставили, такъ что и теперешнее письмо я принужденъ послать черезъ Ханыкова, адрессъ котораго у меня уцѣлѣлъ. Будьте добры—сообщите и ему о моемъ пріѣздѣ.

Отлагаю до нашего свиданья всѣ разсказы о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ и о прочемъ; но не могу теперь же не попенять на васъ за то, что вы переводъ моей „Странной исторіи" въ „Голосѣ" могли принять за мой текстъ! N.N., изъ злобы противъ меня, и чтобъ насолить „Вѣстнику Европы", въ которомъ долженъ помѣститься

[1]) Лѣтомъ мы нѣсколько разъ видѣлись съ Пв. Серг., а на зиму переѣхали въ Парижъ.—Марія Стиль.

мой разсказъ, — выкинулъ эту, еще не бывалую въ нашей литературѣ штуку: далъ перевести мою бѣдную вещицу какому-то глупому семинаристу... а вы!.. Или можетъ быть меня напрасно обуяла гордость — и между текстомъ этого барина и моимъ въ сущности нѣтъ никакой разницы?.. можетъ быть.

До скораго свиданья, преданный вамъ.

1870.

Изъ Парижа:

134.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, Rue Laffitte, Hôtel Byron. — 1 января 1870. — Милый Я. П., я пріѣхалъ сюда на недѣлю и вчера, въ самый моментъ отъѣзда изъ Бадена, получилъ твое письмо. Спѣшу извѣстить тебя, что статейка моя о тебѣ отправлена *третьяго дня* въ „С.-Петербургскія Вѣдомости по адрессу П. В. Анненкова, котораго я прошу продержать корректуру. Ты можешь справиться: если и теперь твоя несчастная звѣзда восторжествуетъ, тогда уже точно сказать будетъ нечего. Статейка вышла довольно жиденькая; я половины не сказалъ того, что хотѣлъ; но все-таки кое-что есть, и публика уткнута рыломъ. Расчухаетъ ли она теперь—Богъ вѣсть! будемъ надѣяться!

Извини краткость этого письма, но здѣсь у меня дѣла по горло. Я только хотѣлъ извѣстить тебя. Черезъ недѣлю я снова въ Баденѣ, а съ 1 февр. нов. ст. въ Веймарѣ.

Обнимаю тебя и желаю тебѣ всего лучшаго.

PS. Въ Веймарѣ я буду жить въ Hôtel de Russie. Адрессъ: Grossherzogthum Sachsen-Weimar, in Weimar.

Изъ Веймара:

135.

Ему же.—Веймаръ, Hôtel de Russie.—29 января 1870 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, письмо твое я получилъ вчера по прибытіи сюда. Я очень радъ тому, что тебѣ письмо мое понравилось (впрочемъ, не ты одинъ, имъ остался доволенъ и Ковалевскій, которому прошу передать мой дружескій поклонъ;—даже нѣкто г. Барсуковъ (Николай), котораго я совсѣмъ не знаю, но который очевидно расположенъ къ тебѣ и къ твоей поэзіи, написалъ мнѣ нѣчто въ родѣ благодарственной эпистолы),—ты можетъ быть и правъ въ томъ, что ты говоришь мнѣ по поводу Некрасова; но, повѣрь, я всегда былъ одного мнѣнія о его сочиненіяхъ—и онъ это *знаетъ*; даже когда мы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ, онъ рѣдко читалъ мнѣ свои стихи, а когда читалъ ихъ, то всегда съ оговоркой: „Я—молъ—знаю, что ты ихъ не любишь".

Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія: ихъ „arrière gout"—не знаю какъ сказать по-русски—особенно противенъ: отъ нихъ отзываетъ тиной, какъ отъ леща или карпа. Но, повторяю, быть можетъ, политика требовала, чтобъ я не упоминалъ этого имени. Дѣло сдѣлано—и я утѣшаю себя мыслію, что во всякомъ случаѣ сердиться будутъ не на тебя;—а впечатлѣніе, которое было произведено на тебя, такъ хорошо, что мнѣ остается только радоваться. Надѣюсь, что ты теперь примешься за работу.

Разсужденіе твоихъ враговъ на счетъ безсилія поэзіи,

которое ты приводишь и предвидишь, уже потому не вѣрно, что именно поэзіи-то я въ Некрасовѣ не признаю—а увлекать массу—и дѣйствовать на своихъ современниковъ можно и другими вещами—либерализмомъ и т. д. и т. д.

Я здѣсь намѣренъ пробыть около двухъ мѣсяцевъ—и потому пиши мнѣ сюда.

Кланяюсь твоей женѣ, всѣмъ добрымъ пріятелямъ и крѣпко жму твою руку.

136.

Ему же.—Веймаръ, 22 марта, 1870 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, ты такъ долго ко мнѣ не писалъ, что я уже начиналъ думать, не сердишься ли ты на меня—хоть за мою выходку противъ Некрасова, которая, говорятъ, тебѣ была непріятна, и по поводу которой ты даже написалъ къ нему письмо. Если это такъ, то мнѣ остается выразить мое сожалѣніе и снова увѣрить тебя, что высказанное мною мнѣніе о стихахъ Некрасова—стародавнее;—и что я никогда, даже во время дружбы съ нимъ, не имѣлъ другого. Но я, конечно, могу ошибаться.

Теперь буду по порядку отвѣчать на всѣ твои вопросы.

1) Я здѣсь остаюсь до 1-го мая *новаго* стиля; потомъ возвращаюсь въ Баденъ и черезъ Парижъ ѣду въ Россію къ себѣ въ деревню, гдѣ пробуду около двухъ мѣсяцевъ. Въ Петербургѣ я буду около 5-го—8-го мая по *нашему* стилю—и конечно тебя увижу.

2) „Степной король Лиръ“—конченъ. Въ немъ будетъ отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ. Въ Петербургѣ я тебѣ его прочту. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ твои пожеланія на его счетъ оправдались; но при теперешнемъ настроеніи публики—сомнѣваюсь.

3) Ты меня весьма обяжешь высылкой своей карточки—и я жду ее съ нетерпѣніемъ.

4) Фетъ у себя въ деревнѣ; скучаетъ, богатѣетъ и пишетъ плохіе стихи. У него недавно умерла сестра, бывшая въ замужствѣ за моимъ добрымъ пріятелемъ Борисовымъ; эта бѣдная женщина нѣсколько лѣтъ была помѣшана—безнадежно. Смерть—освобожденіе для нея и для семейства.

5) Не ты одинъ, Анненковъ мнѣ писалъ о статьѣ Стебницкаго (о Беннн). Я просилъ его выслать мнѣ ее—но онъ до сихъ поръ молчитъ. Не можешь ли ты достать ее и прислать ко мнѣ сюда?

6) Здоровье мое недурно; и докторъ Бульо̀ въ Парижѣ – (знаменитость по части сердечныхъ болѣзней) объявилъ мнѣ, что у меня *органическаго* недостатка нѣтъ—но что это подагра шалитъ—что̀ хотя тоже не совсѣм пріятно, однако менѣе опасно. Лишь бы она не *шалила* такъ, какъ *шалятъ* у насъ подъ Тулой, перерѣзывая глотки путешественниковъ.

Вотъ, кажется, все. Надѣюсь, что здоровье твоего сына давно поправилось. Кланяюсь твоей же́нѣ, желаю тебѣ всего хорошаго и жму тебѣ руку.

137.

Ему же.—Веймаръ, 4 апрѣля 1870 г.—Любезный другъ, Яковъ Петровичъ, спасибо за письмо и за превосходную карточку. Сходство поразительное и характеръ схваченъ. Спасибо также за нѣсколько фельетоновъ о „Загадочномъ человѣкѣ“. Впрочемъ, Анненковъ сдержалъ таки свое слово и прислалъ мнѣ всѣ. Статья очень любопытная, хотя не безъ недомолвокъ и неточностей. Беннн, напр., вовсе не такъ уменъ, какъ разсказываетъ Стебницкій.

О письмѣ твоемъ къ Некрасову я узналъ отъ Анненкова, которому сказалъ Салтыковъ. Но у меня—и у него—въ мысляхъ не было осуждать тебя за это; напротивъ—я нашелъ, что ты и тутъ поступилъ съ той прямой добросовѣстностью, которую я такъ высоко въ тебѣ цѣню. Съ какой стати ты бы сталъ раздѣлять мое мнѣніе о стихахъ Некрасова, потому только, что оно было высказано въ статьѣ, посвященной твоей защитѣ?—А на то глядѣть нечего, что Некрасовъ подумаетъ: онъ всегда думаетъ скверное—такова ужъ его натура!

Я очень радуюсь тому, что ты написалъ стихотвореніе для славянскаго праздника, — хотя — лично самъ всей нашей искусственной славянофильщины не люблю. Нѣсколько звучныхъ и красивыхъ стиховъ навѣрное прибавится къ нашему весьма скудному поэтическому капиталу. Но „Признанья Чалыгина“? Думаешь ли ты о нихъ?—Пожалуйста, не упускай этого изъ вида.—Повѣрь мнѣ: это отличная вещь.

Очень сочувствую я твоей вознѣ съ Поляковымъ: въ такихъ случаяхъ нужно терпѣть до конца—или оборвать разомъ!—Совѣтую тебѣ терпѣніе—хотя съ сожалѣніемъ вижу, что это отнимаетъ тебѣ много времени для работы.

Надѣюсь, что онъ не утащитъ тебя куда-нибудь вонъ изъ Петербурга и что я увижусь съ тобою.

Встрѣчаешься ли ты съ такъ внезапно изъ Бадена ускакавшею г-жею Энгельгардтъ? Если ты ее увидишь, то поклонись ей отъ меня и скажи ей, что я долго досадовалъ на ея ничѣмъ необъяснимое рѣшеніе.

Кланяюсь твоей женѣ и дружески жму тебѣ руку.

PS. Я уѣзжаю отсюда 5-го мая новаго стиля, т.-е. черезъ три недѣли.

138.

Ему же.—Веймаръ, 14 апрѣля 1870 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, получилъ я и прочелъ твою славянскую брошюру: стихи, признаться сказать, не возвышаются надъ уровнемъ посредственности—(Бенедиктовскіе просто плохи)—Тютчевскіе получше другихъ—но и въ нихъ чувствуется старческое усиліе—и безсиліе. Что же касается до самаго дѣла—то я хотя и согласенъ съ тобою, что лучше слушаться Аксакова, чѣмъ Меттерниха—однако въ тысячу разъ лучше заниматься (по примѣру Англіи) одними внутренними своими дѣлами—и не обращать вниманія на то, что происходитъ въ заграничномъ политическомъ мірѣ.—А то, пожалуй, переливая изъ пустого въ порожнее, мы будемъ увѣрять себя, что творимъ нѣчто весьма важное. И потому, извини—я порадовался фіаско затѣяннаго вами славянофильскаго представленія: публика-то видно не безъ чутья.

Я еще здѣсь, какъ ты видишь—но черезъ двѣ недѣли выѣзжаю и около Николина дня буду въ Петербургѣ и навѣрное навѣщу тебя. 9-го мая—еще туда-сюда—а то я просто со страхомъ прочелъ, что ты намѣренъ *25-го апрѣля* (!!) переселиться на дачу! Да вы будетє въ шубахъ сидѣть по комнатамъ—и отъ сырости и холода такихъ наберетесь ревматизмовъ что упаси Господи! — Надѣюсь, что твой принципалъ раздумаетъ губить себя и васъ всѣхъ.

Исторія съ конемъ твоего болгарскаго царя весьма назидательна: публикѣ должно было показаться, что онъ сидитъ воткнутый (въ наказаніе) на шестѣ. Но ни твоей женѣ, ни тебѣ не слѣдуетъ огорчаться. Вѣдь это все—„тѣнь бѣгущая отъ дыма“.

Сегодня получилъ я № „Русскаго Вѣстника“, въ которомъ находится большая, и какъ мнѣ показалось, симпатическая статья о тебѣ.

До свиданья, старый пріятель; кланяюсь твоей женѣ и крѣпко жму тебѣ руку.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

139.

Маслову, И. И. — Спб., Гостинница Клея.—24 мая 1870 г. — Не все же кричать только: „Волки, волки!“ — надо наконецъ и пріѣхать, дорогой Иванъ Ильичъ! Вотъ я и пріѣхалъ сюда третьяго дня—и въ середу отправляюсь отсюда въ Москву—и если ты позволишь—остановлюсь, по старой памяти и по примѣру прежнихъ годовъ—у тебя, о чемъ тебя симъ письмомъ, предваряю. Итакъ до скораго свиданья, будь здоровъ, благодарю тебя заранѣе—и обнимаю.

Изъ с. Спасскаго:

140.

Полонскому, Я. П.—Спасское, 3 іюня 1870.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ—ты пишешь, что я буду бранить тебя—и буду, но вовсе не за то, за что ты полагаешь. А вотъ за что: во 1-хъ, зачѣмъ ты при свиданіи со мною ни слова не сказалъ мнѣ о положеніи твоей сестры и ея семейства? Я бы, можетъ быть, въ состояніи былъ помочь, придумать что-нибудь, совѣтъ какой-нибудь дать; во 2-хъ, какъ возможно придерживаться съ такимъ упорствомъ отвратительной русской привычки: не выставлять своего адресса?—Ну куда я, тебѣ напишу, какъ я дамъ тебѣ знать, что я въ день

моего пріѣзда въ Москву былъ у твоей сестры и лично вручилъ ей твое письмо?—Все что я помню изъ адресса, даннаго мнѣ Вольфомъ—это то, что онъ, по собственнымъ словамъ твоимъ, былъ фальшивый—и что ты удивлялся, какъ мое письмо тебя нашло?—И приходится мнѣ писать чортъ знаетъ какъ и кому—и быть почти увѣреннымъ, что письмо мое не дойдетъ до тебя. Повѣрь мнѣ, душа моя: не выставлять своего адресса въ каждомъ письмѣ—почти то же, что красть платки изъ кармановъ... нѣтъ, хуже!

Сестру твою я нашелъ въ постели и съ болѣзненнымъ видомъ лица;—тутъ же была премиленькая дѣвочка—это ея дочь?

Я бы разсказалъ тебѣ, какъ я сюда пріѣхалъ и какіе мои планы,—но какъ подумаю, что это письмо, провалявшись въ разныхъ углахъ, будетъ наконецъ выброшено... нераспечатаннымъ—охота пропадаетъ писать.—Я буду ждать твоего отвѣта съ *адрессомъ*.

А пока—обнимаю тебя, кланяюсь твоей женѣ и желаю тебѣ всего хорошаго.

141.

Маслову, И. И.—Спасское, 4 іюня 1870.—Другъ мой Иванъ Ильичъ, я въ самый моментъ моего пріѣзда въ Мценскъ нацарапалъ тебѣ записочку, въ которой передалъ тебѣ забытую мною просьбу кн. Черкасскаго; а теперь передаю собственную просьбу, которую также позабылъ сообщить тебѣ на словахъ.—А именно: въ человѣческой жизни Богъ воленъ—и еслибъ я внезапно окачурился—то ты долженъ знать, что оставленныя у тебя на сохраненіи акціи мною куплены для моей милой Клавдіи Віардо—и потому должны быть—въ случаѣ

какой-нибудь катастрофы — доставлены г-жѣ Полинѣ Віардо, въ городъ Баденъ-Баденъ. Я совершенно здоровъ теперь—но осторожность никогда не мѣшаетъ.

А что у насъ за погода здѣсь—просто страсть! Вѣтеръ такой—что вотъ, кажется, все снесетъ долой. — Я принялся за работу—усердно—и кую деньгу.—Сегодня продалъ *прескверной* земли 53 десятины по 65 р. за десятину!

Обнимаю тебя—и до свиданія.—Если мое письмо тебя застанетъ еще въ Москвѣ, то кланяйся всѣмъ петербургскимъ пріятелямъ, когда ихъ увидишь.

142.

Полонскому, Я. П. — Спасское, 16 іюня 1870.— Милый Яковъ Петровичъ! хоть и не въ началѣ письма, какъ бы слѣдовало,—а все таки адрессъ, въ твоемъ послѣднемъ письмѣ находится—и потому я могу тотчасъ отвѣчать тебѣ. Знай, что я уже однажды писалъ тебѣ отсюда,—но за невѣденіемъ твоего адресса, послалъ мое письмо черезъ редакцію „Зари“, гдѣ оно, вѣроятно, и теперь валяется. Въ немъ впрочемъ ничего нѣтъ, кромѣ жестокой брани за невыставленіе адресса въ первомъ твоемъ письмѣ.

Живется мнѣ здѣсь—ничего,—хорошо, и кромѣ разсужденій Ф., я еще никакихъ безобразій не встрѣчалъ.— Онъ страшно обрюзгъ, все еще пишетъ стихи, а главное— вретъ чушь несуразную, не столь часто забавную, какъ прежде.

Я ему передалъ твой поклонъ.

Я здѣсь работаю двояко: по части литературы—переправляю и перепахиваю мою повѣсть—(теперь, слава Богу, кончилъ)—и по части финансовъ—продаю клочки

земель и вообще стараюсь извлечь какъ можно болѣе „пенёнзы“.—Ѣду я отсюда 26 числа, 27 пребываю въ Москвѣ, 28 снова выѣзжаю, и 29 въ Петровъ день, въ понедѣльникъ, являюсь къ вамъ въ Питеръ, гдѣ пробуду два дня—а тамъ—улюлюлю—за границу!—Нечего прибавлять: „коли буду живъ и здоровъ“,—живой живое думаетъ.—Остановлюсь я въ той же гостинницѣ Клея, буду обѣдать въ Лѣсномъ у Анненкова,—но утромъ ты меня застанешь. Машина изъ Москвы приходитъ, кажется, въ 8 часовъ или въ 9.

Я радъ что ты покидаешь П.

Итакъ до свиданья—кланяюсь твоей женѣ и обнимаю тебя.

143.

Ему-же.—Спасское, 20 іюня 1870.—Я недавно тебѣ писалъ, милый Яковъ Петровичъ, и новаго не имѣю тебѣ сообщить ничего; но пишу тебѣ, въ силу правила: никогда не оставлять ни одного письма безъ отвѣта.—Дѣйствительно я справился—и увидѣлъ, что адрессъ твой былъ записанъ мною въ мою памятную книжку; но въ томъ-то и штука, что я совершенно позабылъ этотъ фактъ,—а въ твоемъ первомъ письмѣ не стояло адресса.

Мои намѣренія не измѣнились: я выѣзжаю отсюда въ будущую пятницу—и съ утреннимъ поѣздомъ я прибываю Богу изволящу, въ *понедѣльникъ 29 іюня*, въ Петровъ день, въ С.-Петербургъ, и остановлюсь у Клея.—Видѣть ты меня можешь либо въ понедѣльникъ съ 10 до 12 часовъ утра—либо во вторникъ съ 8 часовъ утра (ибо во вторникъ въ 1 часъ я уѣзжаю за границу). Нечего говорить, что я очень буду радъ свидѣться и хорошенько поболтать съ тобою.

Я вчера вернулся отъ Фета, который живетъ отсюда въ 70 верстахъ, въ степной мѣстности, плоской какъ блинъ.—Самъ онъ толстъ, лысъ, бородастъ—и въ бѣломъ балахонѣ съ цѣпью мироваго судьи на шеѣ, представляетъ зрѣлище почтенное.—Дѣла его очень хороши,—но стихи онъ пишетъ плохіе. Я ему передалъ твой поклонъ. Твою Музу онъ очень любитъ—и дошедшіе до тебя слухи невѣрны.

До свиданія, дружище!

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Бадена:

144.

Милютиной, М. А.—Баденъ, 20 іюля 1870.—Любезная Марія Аггеевна. Вы безпокоитесь за меня, и я васъ благодарю за то, что сообщаете вѣсти о себѣ и о Николаѣ Алексѣевичѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ васъ, я успѣлъ побывать въ Россіи, пробылъ мѣсяцъ въ деревнѣ и, двѣ недѣли тому назадъ, сюда вернулся. Въ Россіи я (отъ Черкасскаго) узналъ о тяжкой вашей болѣзни и о благополучномъ избавленіи отъ нея, чему душевно порадовался; должно надѣяться, что вы теперь окончательно поправитесь.

Здѣсь до сихъ поръ все тихо. Война, вѣроятно, не коснется насъ. Впрочемъ, мы на все готовы и въ случаѣ нужды уѣдемъ въ Вильдбадъ—въ каретахъ, такъ какъ всѣ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ прерваны. Я говорю: „мы“, т.-е. семейство Віардо и я; я съ ними не разстанусь.

О крайнемъ безобразіи этой войны распространяться не стану; впрочемъ, она была неизбѣжна, и нѣмцы это

сами чувствовали. Ими овладѣлъ патріотическій жаръ какъ въ 1813 году; но времена предстоятъ имъ тяжелыя, такъ какъ на первыхъ порахъ въ успѣхахъ французскаго оружія сомнѣваться невозможно. Лишь бы пожаръ не охватилъ всю Европу! Пусть Россія останется по крайней мѣрѣ въ сторонѣ!

Вернуться въ Россію вамъ, я полагаю, всегда будетъ возможно, но мнѣ почему-то не вѣрится, что вы зиму проведете въ Москвѣ.

Будьте такъ любезны, tenez moi au courant вашихъ намѣреній, а я къ вамъ напишу, если бы пришлось покинуть Баденъ, чего я впрочемъ не ожидаю.

За симъ, дружески кланяюсь вамъ всѣмъ и остаюсь искренно вамъ преданный.

145.

Ей же.—Баденъ, 18 августа 1870. — Сейчасъ получилъ я ваше письмо, любезнѣйшая Марія Аггеевна, а вчера вечеромъ, въ 10 часу, вдругъ всѣ колокола зазвонили въ Баденѣ: это пришло извѣстіе о рѣшительномъ и чуть ли не окончательномъ пораженіи французовъ при Резанвилѣ. Армія Базена такъ-таки не успѣла во-время убраться изъ Меца. Нельзя не согласиться, что неспособность генераловъ французскихъ и ихъ администраціи еще на сто процентовъ превосходитъ нашу неспособность во время крымской кампаніи. Остается вопросъ: съумѣютъ ли они, такъ какъ мы это сдѣлали, извлечь пользу изъ собственнаго несчастія, и пойдетъ ли имъ этотъ урокъ въ прокъ? При самомнѣніи французовъ, при ихъ малой любви къ истинѣ—это сомнительно.

Что вся Европа ожидала торжества французовъ, это доказываетъ только то, что мы меньше всего знаемъ, что

совершается у насъ подъ носомъ. Пруссаки, которыхъ я видѣлъ 15 іюля въ Берлинѣ, ни одной секунды не сомнѣвались въ побѣдѣ, но я приписывалъ это національному тщеславію. Оказывается, что они знали, что говорили.

Весьма вѣроятно, что въ Парижѣ вспыхнетъ, если уже не вспыхнула, революція. Умы были такъ напряжены ожиданіемъ этого сраженія, что новая неудача должна произвести взрывъ... Наполеонъ едва ли удержится. Впрочемъ, nous vivons dans l'imprévu, и такая неправдоподобная вещь, какъ сохраненіе имперіи, можетъ еще совершиться.

Вамъ, во всякомъ случаѣ, въ Парижъ вернуться не придется.

Мнѣ кажется, на вашемъ мѣстѣ, я, выбравши тихую погоду (по барометру это всегда можно знать два-три дня заранѣе), поѣхалъ бы моремъ изъ Гавра въ Остенде, а оттуда черезъ Брюссель, Кёльнъ и Берлинъ, домой (если вы уже точно рѣшились [1]) провести зиму въ Россіи)... Теперь по Германіи желѣзныя дороги снова дѣйствуютъ исправно. Морской переѣздъ изъ Гавра въ Остенде нѣсколько часовъ [2]).

Здѣсь у насъ очень тихо и даже раненыхъ и больныхъ мало. Зато почти всѣ доктора уѣхали (между прочимъ и Гейлигенталь): ихъ потребовали въ Нанси.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ, и крѣпко пожмите руку Николаю Алексѣевичу. Я долженъ зимой быть въ Россіи и въ концѣ января буду находиться въ Москвѣ. Увижу ли васъ тамъ?

---

[1]) Тургеневъ и гр. Киселевъ очень уговаривали Николая Алексѣевича остаться за границею, и вопросъ этотъ долго не рѣшался, хотя для воспитанія дѣтей необходимо было вернуться на родину.—Марія Стиль.

[2]) Мы однако отправились сухимъ путемъ къ бельгійской границѣ, которую переѣхали въ день Седанской битвы (3 сент.).—Марія Стиль.

Будьте здоровы и вѣрьте искренней моей привязанности.

146.

Полонскому, Я. П. — Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.—6 сентября 1878.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, спасибо тебѣ, что далъ о себѣ вѣсточку, хотя первая половина письма написана такими блѣдными чернилами, что я едва могъ разобрать ее. Прежде всего поздравляю тебя и жену твою съ новорожденной, и дай ей Богъ расти и расцвѣсть вамъ обоимъ на радость! Отрывокъ изъ твоего либретто мнѣ кажется *вѣрнымъ* по тону—не сомнѣваюсь, что ты съумѣешь сладить съ сюжетомъ; на счетъ же Сѣрова увѣренность моя гораздо слабѣе. Его музыка мнѣ кажется неоригинальной и „высиженной“. А впрочемъ я, быть можетъ, ошибаюсь.

Съ кн. Оболенскимъ хотя я и не переписываюсь, но всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ—и потому могу попытаться замолвить слово за д-ра Матвѣева. Но для этого мнѣ нужно: 1) узнать отчество кн. Оболенскаго, которое я позабылъ (имя его Дмитрій); 2) узнать, гдѣ именно, въ какомъ департаментѣ, на какомъ мѣстѣ служитъ д-ръ Матвѣевъ—не худо сообщить мнѣ его чинъ; и въ 3) узнать, чего именно (повышенія, перемѣщенія) желаетъ твой protégé. Я замѣтилъ, что ходатайства безъ означеннаго, опредѣленнаго *пункта* всегда остаются безплодными. А потому, сообразно со всѣмъ этимъ, распорядись!

Пріѣду я въ Петербургъ, „Богу изволящу“, въ концѣ января и останусь тамъ около десяти дней. Тогда, разумѣется, не разъ увидимся.

Мы живемъ въ весьма значительное время: на нашихъ глазахъ руководящая роль въ исторіи переходитъ

отъ одного племени — латинскаго, къ другому — германскому. Паденіе гнусной имперіи Наполеона доставило мнѣ великую радость: нравственное чувство во мнѣ удовлетворилось — послѣ такого долгаго ожиданія! Но я не скрываю отъ самого себя, что не все впереди — розоваго цвѣта — и завоевательная алчность, овладѣвшая всей Германіей — не представляетъ особенно утѣшительнаго зрѣлища. Но вѣдь каковы же и были провокаціи!

Я живу здѣсь очень тихо и помаленьку работаю. Высланныя тобою книги я получилъ и благодарю за сдѣланныя потраты, которыя я, разумѣется, при свиданіи возвращу.

Дружески кланяюсь тебѣ и женѣ твоей.

147.

Ему же. — Баденъ, 27 октября 1870. — Любезный другъ Яковъ Петровичъ, твое письмо застало меня еще здѣсь, по милости болѣзни, которая задержала мой отъѣздъ въ Лондонъ, куда я отправляюсь послѣ-завтра. Напишу тебѣ оттуда мой адрессъ, а теперь только хочу поблагодарить за память и за весьма дѣльное замѣчаніе на счетъ *личнаго* характера моихъ послѣднихъ разсказовъ. Это такъ вѣрно, что я положилъ себѣ за правило, впередъ иначе не разсказывать, какъ отъ третьяго лица: этакъ и проще, и естественнѣе. Я долженъ прибавить, что сдѣлаю это, если вообще буду продолжать писать: охота совсѣмъ пропадаетъ, да и публика мало поощряетъ. „Степной король Лиръ“ по всему, что я слышу, получилъ такъ называемый „succès d'estime“, а это для старѣющаго литератора — хуже фіаско; это лучшее доказательство, что пора остановиться — и я остановлюсь.

Я очень радъ, что ты издаешь вновь твои „Призна-

нія"; авось они публикѣ на этотъ разъ больше понравятся, т.-е. она прочтетъ ихъ, и ты будешь имѣть возможность и охоту написать продолженіе. За мѣсто твое совѣтую тебѣ держаться обѣими руками: выгоды, доставляемыя имъ, слишкомъ велики. Ни одинъ человѣкъ не проживетъ безъ обузы; коли судьба не дала — онъ самъ себѣ таковую навьючитъ, а съ твоей обузой еще брести можно.

Съ удовольствіемъ прочелъ я въ „Зарѣ" критику твоихъ произведеній; тутъ по крайней мѣрѣ есть уваженіе къ таланту и признаніе его. Я очень радъ, что они перепечатали мое письмо о тебѣ: я еще разъ могъ убѣдиться, что сказанное мною тогда была чистѣйшая правда.

О Матвѣевѣ поговоримъ въ Петербургѣ, куда я полагаю прибыть въ самомъ началѣ года.

Изъ Лондона напишу, какъ только найду квартиру, а пока будь здоровъ и работай. Кланяюсь твоей женѣ и всѣмъ твоимъ.

Изъ Лондона:

148.

Салтыкову, М. Е. — Лондонъ, 4, Bentinck-Street, Manchester square, 30 ноября 1870. — Любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ (позвольте отложить въ сторону церемонное: „Милостивый Государь"), я на дняхъ получилъ вашу „Исторію одного города", переданную вами Анненкову. Душевно благодарю васъ за память обо мнѣ и за великое удовольствіе, которое доставила мнѣ ваша книга: прочелъ я ее немедленно. Не говоря уже о прочихъ ея достоинствахъ, эта книга въ своемъ родѣ драгоцѣнный историческій матеріалъ, который ни однимъ нашимъ будущимъ бытописателемъ обойденнымъ быть не

долженъ. Подъ своей рѣдко-сатирической, иногда фантастической формой, своимъ злобнымъ юморомъ напоминающей лучшія страницы Свифта, „Исторія одного города“ представляетъ самое правдивое воспроизведеніе одной изъ коренныхъ сторонъ россійской физіономіи: „имѣющій уши, да слышитъ, имѣющій глаза, да видитъ“—сказалъ бы я вмѣстѣ съ законодателемъ Беневоленскимъ.

Еще разъ искренное спасибо.

Я сюда прибылъ четыре недѣли тому назадъ и столько же намѣренъ тутъ остаться, а тамъ отправляюсь въ Петербургъ, гдѣ, конечно, буду имѣть удовольствіе свидѣться съ вами.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и дружеской преданности.

149.

Милютиной, М. А.—Лондонъ, 2 декабря 1870.—Любезная Марія Аггеевна. Давнымъ давно мнѣ слѣдовало писать вамъ, но срокъ въ Петербургѣ я пропустилъ, а московскаго адресса вашего не зналъ; притомъ, я какъ-то прочелъ въ газетахъ, будто Николай Алексѣевичъ снова переѣхалъ въ Петербургъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я прибылъ въ Лондонъ, и узнавши вашъ адрессъ отъ Ханыкова, пишу къ вамъ. Слухи о Николаѣ Алексѣевичѣ и о васъ ходятъ довольно утѣшительные: говорятъ, вы здоровы, а онъ понемногу поправляется. Напишите мнѣ два слова, въ подтвержденіе этихъ слуховъ, и вообще о томъ, какъ вамъ показалась Москва и какъ вамъ въ ней живется.

Я заѣхалъ сюда случайно (не хотѣлось оставаться въ опустѣломъ Баденѣ) и пробуду здѣсь около мѣсяца, а тамъ—въ Петербургъ, въ Москву и въ деревню. Въ

Москвѣ я, разумѣется, увижусь съ вами. Здѣсь журналы распространили-было извѣстіе о назначеніи князя Черкасскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ; но, кажется, это извѣстіе очень далеко отъ истины, если правда, что адрессъ московской думы по поводу Горчаковскаго циркуляра возвращенъ съ *репримандомъ*.

....Здѣсь никто не вѣритъ въ возможность войны съ Россіей, но дѣла во Франціи принимаютъ такой оборотъ, что, пожалуй, въ будущемъ году Европа вся загорится со всѣхъ концовъ. Что станется тогда съ цивилизаціей и свободой?

Передайте мой дружескій поклонъ Николаю Алексѣевичу. Парижскіе туристы здѣсь и совсѣмъ пали духомъ. Война ихъ почти разорила.

Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ.

150.

Ей же.—Лондонъ, 26 декабря 1870 г.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна. Ваше письмо доставило мнѣ великое удовольствіе; во-первыхъ, тѣми хорошими извѣстіями, которыя вы мнѣ сообщаете о Николаѣ Алексѣевичѣ, о васъ и вашемъ семействѣ, а во вторыхъ, и тѣмъ, что вы мнѣ говорите о моемъ „Лирѣ“. Могу васъ увѣрить, что я дорожу вашимъ мнѣніемъ: оно всегда искренно и нелицепріятно, да я и не избалованъ на счетъ похвалъ, особенно въ послѣднее время... Я радуюсь, что трудъ, потраченный мною на сочиненіе этой повѣсти (я ее нѣсколько разъ переписалъ и передѣлалъ), не пропалъ даромъ.

Я полагаю выѣхать отсюда черезъ двѣ недѣли, а мѣсяцъ спустя, т.-е. около половины нашего февраля, я

буду въ Москвѣ [1]). Чрезвычайно благодаренъ вамъ за ваше радушное предложеніе гостить у васъ въ домѣ; но вотъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ я останавливаюсь у моего стариннаго пріятеля (начальника удѣльной конторы въ Москвѣ) И. И. Маслова, и я не желалъ бы его обидѣть. Для него я не разъ отказывалъ брату, у котораго тоже домъ въ Москвѣ.

Все-таки я вамъ очень благодаренъ за ваше ласковое предложеніе.

...Итакъ, Москва радушно пріютила Николая Алексѣевича? Это дѣлаетъ ей большую честь. A propos адресса, подписаннаго Черкасскимъ, — je lui dois une amende honorable: я думалъ, что въ немъ честолюбіе сильнѣе чувства дружбы, а выходитъ напротивъ.

Поклонитесь ему отъ меня, княгинѣ и всѣмъ московскимъ знакомымъ.

Дружески жму руку Николаю Алексѣевичу и вамъ, и до свиданія! А Юрій — молодецъ! Впередъ, молодое поколѣніе!

Преданный вамъ.

---

[1]) Въ назначенный срокъ, Тургеневъ прибылъ въ Москву, пробылъ недѣли три, далъ публичное чтеніе въ университетской залѣ (или дворян. собр.—не помню), раза два-три въ недѣлю заглядывалъ къ Николаю Алексѣевичу и два раза читалъ у насъ вслухъ, при собраніи небольшого круга друзей.—Марія Стиль.

1871.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

151.

Маслову, И. И.—Спб., 22 марта 1871 г.—Любезный Иванъ Ильичъ! Пишу тебѣ со станціи варшавской дороги, за полчаса до отъѣзда. Анненковъ прислалъ мнѣ письмо моей дочери, которое все состоитъ изъ одного *вопля*; если она въ скорости не будетъ имѣть 40,000 фр., то она съ мужемъ погибла. И потому я прошу тебя—не дорожиться съ имѣніемъ и, въ случаѣ нужды, уступить двѣ-три тысячи рублей, лишь бы поскорѣе получить деньги. Пожалуйста, въ случаѣ успѣха, дай мнѣ знать немедленно въ Лондонъ, по моему адрессу—даже телеграфируй. Цѣлую тебя и благодарю за все прошедшее, настоящее и будущее. Твой, и пр.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Лондона:

152.

Маслову, И. И.—Лондонъ, 30, Devonshir place. Portland place.—2 апрѣля 1871 г.—Дорогой мой Иванъ Ильичъ, изъ прилагаемаго письма Борисову, которое я прошу тебя ему доставить на Тверскую, въ гостинницу

Дрезденъ—(онъ мнѣ сказывалъ, что намѣренъ тамъ поселиться)—ты узнаешь мои похожденья со времени нашей разлуки. Я пишу къ нему—а втайнѣ весьма о немъ безпокоюсь; пожалуйста, не полѣнись написать мнѣ о немъ, если онъ самъ — чего добраго! не въ состояніи будетъ отвѣтить. Изъ твоего *досихпорнаго* (вотъ новое слово!) молчанія я долженъ заключить, что никакая еще рыба на Кадное не наклевывается;—что дѣлать! а ужъ какъ нужно-то!—Мнѣ совѣстно тебя безпокоить этими дрязгами—но не полагаешь ли ты, что было бы полезно припечатать объявленіе въ „Вѣдомостяхъ“ о продажѣ, съ указаніемъ, въ этотъ разъ, прямо на тебя?—Издержки, конечно, всѣ, какъ эти такъ и всякія по этому дѣлу—на мой счетъ. Но мнѣ тебя учить нечего—и ты это все знаешь лучше меня.

Здѣсь весна—все зелено—травы и деревья, только въ воздухѣ все еще холодновато. А у васъ—неужели все еще снѣгъ?

Въ Парижѣ, кажется, кончится тѣмъ, что коммуна восторжествуетъ. Дѣло въ томъ, что Парижъ слишкомъ глубоко оскорбленъ во всѣхъ своихъ чувствахъ, тщеславіи и т. д. Это—борьба Парижа съ провинціей.

Обнимаю тебя, душа моя, и прошу поклониться всѣмъ друзьямъ.

153.

Борисову, И. П.—Лондонъ, 2 апрѣля, 1871 г.—Ровно недѣлю тому назадъ, дорогой Иванъ Петровичъ, прибылъ я сюда—и на другой же день занемогъ, слегъ въ постель—да вотъ только сегодня въ первый разъ вышелъ изъ комнаты. Я схватилъ гдѣ-то простуду—присоединились старые подагрическіе припадки—пузырь туда же раскленлся—ну вотъ я и свихнулся—а то бы я

давно вамъ вѣсточку о себѣ далъ! — Я выставилъ вамъ адрессъ г-жи Віардо — (ее, я, слава Богу, такъ же какъ и всю семью, нашелъ здоровою) — потому что квартира, которую мнѣ отыскали, уже слишкомъ мала — и я, вѣроятно, въ скорости ее перемѣню. Но вы-то, вы-то, какъ, мой милѣйшій — на новой квартирѣ? — Черкните мнѣ слова два — и, конечно, о Петѣ распространитесь. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть въ состояніи сказать что-нибудь опредѣленное на счетъ моего будущаго пребыванія и вообще на счетъ моихъ плановъ! — Мнѣ особенно потому было бы это пріятно, что еслибы я напр. рѣшился провести всю осень, начиная съ августа въ Баденѣ, то я бы не далъ вамъ покоя, пока бы вы не пріѣхали погостить у меня! Кстати, мой садовникъ пишетъ мнѣ, что домъ мой и садъ въ порядкѣ удивительномъ! — Вотъ гдѣ вы бы мигомъ поправились! Но при теперешнихъ, съ каждымъ днемъ болѣе запутывающихся дѣлахъ въ Парижѣ, семейство Віардо менѣе чѣмъ когда либо знаетъ, что съ нимъ станется — а слѣдовательно — и я ничего не знаю. А потому приходится предоставить лодочку своей жизни теченію случайностей — и смотрѣть, скрестя руки, куда молъ. тебя несетъ!

А послѣднее пребываніе въ Россіи и въ Москвѣ мнѣ пришлось по вкусу. Все, что ни говори — почва, родная земля, родной воздухъ. И не будь этой проклятой холеры... Теперь даже смѣшно вспомнить, какъ я трусилъ — а приди она опять, — опять подожму хвостъ!

Напишите мнѣ словечка два — ужъ какъ я буду радъ! — Здѣсь я еще оглядѣться не успѣлъ. Самъ я слегъ — а Віардо на нѣсколько дней уѣхали погостить къ друзьямъ на берегъ моря. Такимъ образомъ я очутился вдругъ почти одинъ въ этомъ страшеннѣйшемъ городищѣ! Но мнѣ было не дурно, я отдохнулъ. — Только ночи были скверныя. Ну, да это все ничего!

Обнимаю васъ крѣпко и Петю цѣлую. Варенье оказалось первый сортъ!—и дамы васъ очень за это благодарили.

PS. Пишу, для большей вѣрности, черезъ Маслова [1]).

154.

М. А. Милютиной.—Лондонъ, Beaumont Street, 2-го апрѣля 1871. — Любезнѣйшая Марія Агеевна, ваше большое и хорошее письмо доставило мнѣ много удовольствія. Во-первыхъ, оно доказало мнѣ, что вы чувствуете ко мнѣ довѣріе и уже не считаете меня букой; во-вторыхъ, оно сообщило мнѣ много драгоцѣнныхъ свѣденій о вашей внутренней и внѣшней жизни. Говорю вамъ искреннее спасибо и надѣюсь, что наша переписка на этомъ не остановится.

... Я пріѣхалъ сюда ровно недѣлю тому назадъ, и на другой же день слегъ въ постель. Только сегодня я могу сказать, совсѣмъ поправился и началъ выходить. Квартира, въ которой я живу и адрессъ которой стоитъ въ заголовкѣ этого письма, очень неудобна и мала, потому я, вѣроятно, перемѣню ее; прошу васъ писать по прежнему, оставленному мною у васъ, адрессу.

Я нашелъ здѣсь всѣхъ своихъ *здоровыми*; бѣдный Николай Ивановичъ Тургеневъ съ семействомъ, говорятъ, въ Парижѣ; говорю: бѣдный, потому что вы можете себѣ представить, каково тамъ жить теперь,—пожалуй, и сыновей его завербуютъ въ защитниковъ коммуны. Ваша оцѣнка тѣхъ женскихъ личностей, которыя васъ болѣе другихъ привлекаютъ и которыя я у васъ видѣлъ,—

---

[1]) Объ отношеніяхъ Тургенева къ П. П. Борисову упоминается въ *Воспоминаніяхъ объ И. С. Тургеневѣ*, Е. М. Гаршина („Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., ноябрь, стр. 389 и 390).—Ред.

кажется мнѣ весьма вѣрной,—и къ нимъ самимъ я чувствую большую симпатію. Княгиня Г. — воплощенная доброта,—то, что я узналъ объ ея судьбѣ, еще усугубляетъ произведенное ею впечатлѣніе; пожалуйста — поблагодарите ее отъ моего имени за лекарство противъ холеры—и скажите ей, что, къ счастію, здѣсь оно не нужно, такъ какъ о холерѣ здѣсь и помину нѣтъ, также какъ и (о) тѣхъ разнообразныхъ болѣстяхъ, которыми грозились намъ россійскіе врачи. Я полагаю, они просто хотѣли удержать своихъ пацієнтовъ.

Я еще до сихъ не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что со мною будетъ и куда я дѣнусь послѣ іюля мѣсяца. Видно: когда хлѣбъ, тогда и мѣра. Буду жить пока со дня на день и попытаюсь работать, — хотя и тутъ еще пока ничего не предвижу. Что я къ самому себѣ охладѣлъ—это плохо. Все равно—буду ли я писать, нѣтъ ли, свою обѣдню я отзвонилъ,—и давненько ее отзвонилъ.

Будьте здоровы и въ бодромъ настроеніи духа... Сумма хорошаго все-таки перевѣшиваетъ—и какъ еще!—въ вашей жизни, а вѣдь это большая милость... Всѣмъ вашимъ шлю дружескій привѣтъ,—а вамъ и Николаю Алексѣевичу дружески жму руку. Преданный вамъ.

155.

Ей же.—Лондонъ, апрѣль (?), 1871.—Любезнѣйшая Марія Агеевна,—я на дняхъ получилъ ваше письмо отъ 1-го (13-го) апрѣля, а вчера прибыли романсы Чайковскаго, которые m-me Віардо тотчасъ разыграла и изъ которыхъ ей особенно понравились три послѣдніе,—и особенно самый послѣдній—на слова *Гёте* (а не Гейне, какъ сказано въ текстѣ): „Nur wer die Sehnsucht kennt“ —

въ переводѣ Мея. Г-жа Віардо собирается спѣть этотъ романсъ въ одну изъ своихъ „субботъ“—и теперь же поручила мнѣ благодарить г-на Чайковскаго; всѣ ея романсы будутъ ему доставлены. А я съ своей стороны благодарю васъ за скорое и любезное исполненіе моей просьбы. Мои друзья русскіе обыкновенно такъ меня не балуютъ.

... Московское общество дѣлаетъ мнѣ много чести, занимаясь мною,—даже послѣ моего отъѣзда; но не слѣдовало бы извращать мои слова. Я никогда не сказалъ ничего подобнаго фразѣ, которую мнѣ приписываютъ [1]). Я помню только, что въ отвѣтъ на чье-то замѣчаніе, что я что-то—(не помню что́ именно, но только не русскій народъ)—презираю—я сказалъ, что вообще это чувство испытываю рѣдко—и уже коли что-нибудь сталъ-бы презирать—то, вѣроятно, началъ бы съ самого себя. Вы видите, какой извращенный смыслъ придали моему смиренному признанію! Но это все пустяки. Мое „я“ меня самого перестало интересовать; могу ли я интересоваться тѣмъ, что объ этомъ „я“ говорятъ и думаютъ другіе?.. Это, однако, не мѣшаетъ мнѣ быть благодарнымъ всѣмъ тѣмъ, которымъ угодно чувствовать ко мнѣ расположеніе.

Кланяюсь всей вашей семьѣ, всѣмъ московскимъ пріятелямъ и дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ.

156.

Полонскому, Я. П.—Лондонъ, 16, Beaumont street, Marylebone. — 24 апрѣля 1871. — Любезнѣйшій другъ Яковъ Петровичъ, сегодня утромъ получилъ я твое

[1]) Будто онъ „презираетъ русскій народъ столько же, сколько и самого себя“. Я отказалась этому вѣрить и написала, ему, спрашивая, что могло этому подать поводъ?—Марія Стиль.

письмо со вложенной статейкой противъ Салтыкова — и отвѣчаю немедленно. Отвѣтъ, сдѣланный тобою критику твоихъ „Сноповъ“, совершенно логиченъ и неотразимъ; и все-таки ты бы лучше сдѣлалъ, не напечатавъ его... Отвѣчать... значитъ оправдываться... значитъ неправъ— вотъ неизбѣжный силлогизмъ, который складывается въ такихъ случаяхъ въ головахъ публики. Но, коли ты этимъ себя потѣшилъ—бѣда не велика.

Я гораздо скорѣе и раньше уѣхалъ изъ Россіи, чѣмъ полагалъ, вслѣдствіе писемъ, которыя получилъ изъ-за границы. Здѣсь я остаюсь до іюля, тамъ—въ Баденъ, а въ октябрѣ—Богъ знаетъ куда, быть можетъ, въ Россію.

Мнѣ сказывали, что Достоевскій „вывелъ“ меня... что-жъ! пускай забавляется. Онъ пришелъ ко мнѣ лѣтъ 5 тому назадъ въ Баденъ не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ стоитъ — за „Дымъ“, который, по его понятію, подлежалъ сожженію отъ руки палача. Я слушалъ, молча, всю эту филиппику, и что́ же узнаю?—Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто-на-просто клевета—если бы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ— въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось. Но, Боже мой, какія мелкія дрязги!

Мнѣ очень досадно, что княгиня С. А. Гагарина меня считаетъ гордецомъ. Пожалуйста, скажи ей, что я былъ бы не гордецомъ, а невѣжей, если бы я оставилъ безъ вниманія ея весьма любезное письмо. Дѣло въ томъ, что я тотчасъ же, по полученіи его, явился въ Академію, и велѣлъ доложить княгинѣ о себѣ; но человѣкъ вышелъ мнѣ сказать, что она занята... Можетъ быть, онъ перевралъ мое имя—а можетъ быть она точно была занята—

я на другой день непремѣнно собирался побывать у нея—но тутъ я очень скоро уѣхалъ, гонимый страхомъ холеры. Пожалуйста, не полѣнись растолковать ей все это—прибавь, что я прошу ее извинить меня въ томъ, что я не отвѣчалъ ей письменно и что я, напротивъ, всегда сохранялъ о ней самое хорошее воспоминаніе.

За симъ, будь здоровъ и работай, не смущаясь никакими критиками. Кланяюсь твоей женѣ и дружески жму тебѣ руку.

157.

Милютиной, М. А. — Лондонъ, 5 мая 1871 г. — Милая Марія Аггеевна. Я получилъ оба ваши письма въ одно и то же время; — душевно благодарю васъ за высказанное вами участіе. Вы теперь, вѣроятно, уже давно знаете, что сообщенное газетами извѣстіе [1]) не имѣло, слава Богу, никакого основанія; еслибъ оно было справедливо—я бы теперь не отвѣчалъ вамъ. Вторично благодарю васъ и крѣпко жму вамъ руку.

Я съ живымъ участіемъ прочелъ, что́ вы мнѣ пишете о Николаѣ Алексѣевичѣ. Его положеніе—дѣйствительно трагическое, — въ немъ все величественное, горестное, свойственное трагедіи. Тутъ и помочь нельзя;—надо только переживать до конца, —и помнить, что даже такая участь дается не многимъ,—и высшимъ.

Wer für die Werken seiner Zeit gelebt —
Der hat gelebt für alle Zeiten.

...Когда я говорю, что охладѣлъ къ своему дѣлу—я, повѣрьте, просто сознаю фактъ. Я готовъ допустить, что талантъ, отпущенный мнѣ природою — не умалился; но мнѣ нечего съ нимъ дѣлать. Голосъ остался—да пѣть нечего. Слѣдовательно, лучше замолчать. А пѣть нечего, потому

[1]) Что онъ на охотѣ себя тяжко ранилъ.—Марія Стиль.

что я живу внѣ Россіи — а не жить внѣ Россіи, я, по обстоятельствамъ всесильнымъ — не могу.... Слѣдовательно — заключеніе выведите сами.

Мнѣ очень прискорбно было узнать, что вы больны; надѣюсь, что вы теперь уже поправились; правда, весна у насъ въ Англіи отвратительная, — холодная, не хуже зимы;—но, быть можетъ, въ Москвѣ лучше?

Передайте мой поклонъ всѣмъ вашимъ и вѣрьте искренней моей пріязни.

Изъ Парижа:

158.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 48, rue de Douai.— 6 декабря 1871 г. — Яковъ Петровичъ, любезнѣйшій! Что же ты замолкъ? — Твои письма всегда доставляли мнѣ много удовольствія и я прошу тебя возобновить нашу корреспонденцію. Я остаюсь здѣсь до конца января, а тамъ отъявлюсь въ Петербургъ—и, конечно, тебя увижу. Я съ удовольствіемъ прочелъ твое стихотвореніе въ декабрской книжкѣ „Вѣстника Европы“; въ немъ попадаются очень счастливые обороты. Тебя муза не покинула, не то, что нашего бѣднаго Фета. Скажи мнѣ, что ты дѣлаешь хорошаго и какъ тебѣ живется? Продолжаешь ли твою оффиціальную службу — и частную — у Полякова? Что твоя жена, которой прошу передать мой поклонъ и т. д. Все это меня очень интересуетъ.

О себѣ я скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись—я жилъ въ Англіи, въ Баденъ-Баденѣ, а теперь вотъ въ новомъ (весьма впрочемъ поблекшемъ) Вавилонѣ. Былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ боленъ подагрой, отъ которой даже теперь не совсѣмъ отдѣлался;

впрочемъ, духомъ довольно бодръ. Настрочилъ большущую повѣстищу, которая появится въ январскомъ № „Вѣстника Европы“; не знаю, что изъ нея вышло — ибо никому ее не читалъ и никакого мнѣнія еще не слышалъ; самъ же авторъ, ты знаешь, судья плохой — особенно на первыхъ порахъ. Онъ видитъ не только то, что сдѣлалъ, но даже то, что хотѣлъ сдѣлать; а публика—можетъ быть—ничего не увидитъ. Посмотримъ, что она скажетъ.

Сообщилъ ли ты мое извиненіе или объясненіе княгинѣ Гагариной? Пожалуйста, не забудь меня увѣдомить: я ее очень уважаю и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы она считала меня за невѣжу.

За симъ—желаю тебѣ всего хорошаго и крѣпко жму твою руку.

159.

Милютиной, М. А.—Парижъ, 6 декабря 1871 г.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна, я сейчасъ получилъ черезъ Ханыкова ваше письмо и немедленно отправилъ его въ Vert-Bois. Я это сдѣлалъ, во-первыхъ, для того, чтобъ разъяснить то недоразумѣніе, о которомъ вы упоминаете; а во-вторыхъ, въ томъ письмѣ есть подробности и выраженія, которыя несомнѣнно тронутъ сердца всего Тургеневскаго семейства. Я видѣлъ ихъ два раза: они всѣ глубоко и скорбно потрясены смертью Николая Ивановича (Тургенева - декабриста), и нескоро оправятся, особенно обѣ женщины. Оказывается, что, какъ семьянинъ, онъ былъ человѣкъ крайне мягкій, безъ всякихъ притязаній, нетребователенъ, — а это цѣнится выше всего. Да и вообще онъ былъ превосходный человѣкъ. Телеграмма была получена, — это я знаю навѣрное, я помню, съ какой благодарностью они о ней говорили.

Статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ я не читалъ,

да и они также о ней ничего не знали; тотъ номеръ, вѣроятно, какимъ-нибудь образомъ не попалъ въ ихъ руки.

Отъ времени доходятъ до меня слухи о васъ, о Николаѣ Алексѣевичѣ; но мнѣ пріятно будетъ получить ихъ прямо отъ васъ. По вашимъ словамъ, ухудшенія нѣтъ; а въ обыкновенномъ порядкѣ вещей уже и за это спасибо.

Я съ тѣхъ поръ, какъ простился съ вами—былъ въ Англіи, въ Шотландіи, потомъ въ Баденѣ; разстался съ нимъ окончательно (продалъ домъ и проч.) и теперь пока въ Парижѣ, который не похожъ на прежній Парижъ, хотя и не сталъ новымъ. Междоумочное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ концѣ января я прибуду въ Россію и въ февралѣ или мартѣ загляну и въ Москву. Въ нынѣшнемъ году подагра меня сильно допекла — я и теперь не совсѣмъ отъ нея освободился. А впрочемъ, былъ здоровъ и даже работалъ. Въ январскомъ № „Вѣстника Европы“ будетъ помѣщена моя повѣсть. Не полагаю, чтобы она вамъ понравилась. Московскія дамы—немножко строги... О княгинѣ Черкасской и А. Аксаковой я уже не говорю и только заранѣе пожимаюсь при мысли объ этихъ неумолимыхъ громовержицахъ! Пожалуйста, передайте мой усердный поклонъ вашему мужу и всѣмъ тѣмъ, которые меня не забываютъ. Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ [1]).

[1]) *Примѣчаніе.* Письмо это написано въ декабрѣ 1871 г., а въ январѣ 1872 г. Николай Алексѣевичъ схватилъ сильную простуду, отъ которой, при тяжкой хронической болѣзни, уже не поправлялся. По пріѣздѣ въ февралѣ въ Москву Ив. Серг. уже не засталъ его въ живыхъ.—М. Стиль.

160.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 11 декабря, 1871.—Любезнѣйшій Григоровичъ, не зная вашего адресса, я пишу къ вамъ черезъ П. В. Анненкова. Вотъ въ чемъ дѣло. Недѣли двѣ тому назадъ извѣстные издатели гравюръ, литографій, иллюстрированныхъ увражей *Фр. Брукманнъ* въ Мюнхенѣ, обратились ко мнѣ съ запросомъ: не хочу ли я написать русскій текстъ къ ихъ изданію: „Göthe-Gallerie, von W. v. Kaulbach"—такъ какъ они задумали издать эту книгу въ Россіи? Она уже появилась во Франціи съ текстомъ Сенъ-Виктора, въ Англіи съ текстомъ Льюиса. Въ Германіи текстъ былъ поставленъ Шпильгагеномъ. Вамъ, вѣроятно, извѣстны эти дѣйствительно роскошныя гравюры. За недостаткомъ времени я не могъ принять на себя этотъ трудъ и предложилъ имъ вмѣсто себя васъ, какъ человѣка гораздо болѣе компетентнаго и спеціальнаго—въ случаѣ, разумѣется, вашего согласія. Г-да Брукманнъ отвѣчали мнѣ немедленно, что они были бы очень рады, еслибы вы захотѣли написать имъ русскій текстъ, и просили меня устроить сношенія между ими и вами, что я нынѣ и исполняю. Если вы хотите взяться за это дѣло, то вамъ стóитъ только написать имъ объ этомъ, ссылаясь на меня. Вы, можете, если хотите, написать имъ по-французски. Вы узнаете также ихъ условія. Адрессъ слѣдующій:

Friedrich Bruckmann's Verlag in München.

Я бы былъ вамъ очень благодаренъ, еслибъ вы извѣстили о вашемъ намѣреніи меня, да кстати дали о себѣ вѣсточку.

Я полагаю прибыть въ Петербургъ въ концѣ нашего января, и тогда конечно увижусь съ вами.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ [1]).

---

[1]) Подлинникъ этого письма находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ собраніи автографовъ Тургенева.—Ред.

161.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, Rue de Douai, *48*, не 8, какъ ты написалъ.—18 декабря 1871.—Очень обрадовало меня твое письмо, любезнѣйшій Яковъ Петровичъ—хотя не всѣ извѣстія, сообщаемыя тобою, веселаго свойства.—(Надѣюсь, между прочимъ, что твои опасенія на счетъ твоего зрѣнія преувеличены; во всякомъ случаѣ, ты не долженъ, по добродушію своему, допускать, чтобы на тебя взваливали непосильную работу). Итакъ ты покинулъ Полякова—и получилъ относительную свободу; видно, такъ слѣдовало.—Изъ твоихъ произведеній я прочелъ только „Нагорный ключъ.“—Красиво и граціозно—и аллегорія вѣрно выдержана до конца.—Такъ какъ я „Бесѣду“ получаю, то, вѣроятно, на дняхъ прочту твое: „У сатаны“, хотя что-то заранѣе побаиваюсь.—Какъ бы не напомнило Сенковскаго! (помнишь „Большой Выходъ“?) А впрочемъ, посмотримъ. Вполнѣ сочувствую мученіямъ, возбужденнымъ въ тебѣ опечатками: это, своего рода, сочинительскій адъ.—„Бульдога“, должно быть, придется прочесть не раньше февраля—когда я пріѣду въ Петербургъ.—Но что тебѣ далъ Салтыковъ? Этому человѣку даже какъ-то неприлично не ругаться. Самый голосъ его на то природой устроенъ: ты только послушай.

Моя повѣсть [1]) — (говоря между нами)—едва ли понравится: это пространственно разсказанная исторія о любви, въ которой нѣтъ никакого ни соціальнаго, ни политическаго, ни современнаго намёка. Если я ошибаюсь, тѣмъ лучше.—А то Стасюлевичъ перестанетъ платить, когда и эта штука хлопнется на подобіе „Ергунова“, „Несчастной“ „Стукъ-стукъ“—и прочихъ уродцевъ.

---

[1]) „Вешнія воды“, янв. 1872, „Вѣстн. Европы“.—Ред.

Ты мнѣ ничего не сказалъ о моемъ портретѣ новаго; я самъ это чувствовалъ весьма хорошо—но какъ было сказать Гэ?—Что же касается до наступающаго возникновенія талантовъ въ русскомъ художествѣ—то это для меня праздникъ.—Душа веселится... Наконецъ-то!

Я что-то не понимаю, что́ ты мнѣ пишешь о своемъ колѣнѣ: будто съ нимъ будетъ хуже, если ты пролежишь нѣкоторое время неподвижно?—Я полагаю, что это у тебя смѣсь ревматизма съ подагрой; и у меня сильно болѣло и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣло колѣно; но я лечился неподвижностью. Въ первыя двѣ недѣли я впрочемъ физически пошевелиться не могъ.—Ты совѣтовался съ Боткинымъ?

Лонгиновъ, авторъ „Попа....“—сквернѣйшій по всей Руси губернаторъ. Публично лаявшій на царя за эмансипацію — сдѣланъ начальникомъ нашей несчастной прессы!!—ничего хорошаго ожидать нельзя—и „Вѣстнику Европы“ грозитъ карачунъ.—Онъ будетъ злобствовать—какъ Катковъ—со всей эхидностью ренегата.

А въ „Нагорномъ Ключѣ“—извини меня, я неисправимый педантъ и пуристъ—есть не русскій оборотъ:

„*Остановлюсь*
„*Замерзать* на высотахъ“.

Врядъ ли возможно такъ выразиться.

„*И такъ далѣе*“—смущаетъ меня столько же, сколько оно тебя удивило.—Я, вѣроятно, хотѣлъ прибавить—„и поклонись прочимъ друзьямъ“, а написалъ: „и такъ далѣе!“—Прошу извиненія у твоей жены—и вторично ей кланяюсь, безо всякаго „и такъ далѣе“—но дружески.

Богъ дастъ, черезъ 6 недѣль увидимся—а до тѣхъ поръ будь здоровъ, пиши стихи, не хандри и не давай себя заѣзживать.

Ѳедору Ивановичу Тютчеву поклонись.

PS. Чуть было не забылъ главнаго. Не помню, взялъ

ли я съ Салаева росписку, но онъ человѣкъ честнѣйшій, поступалъ со мною всегда даже по-рыцарски, и потому за свои деньги не безпокойся.—Сдѣлай ему запросъ;—съ своей стороны, я ему напишу, чтобъ онъ сообщилъ, сколько твоихъ экземпляровъ продано.

1872.

162.

Ему же.—Парижъ, 24 января 1872.—Милый Яковъ Петровичъ, отвѣчаю разомъ на твои два письма.—Нѣсколько дней тому назадъ я отвезъ твое письмо къ г-ну Устюжскому, но не засталъ его дома, а вчера послѣ обѣдни видѣлъ и его, и все его семейство.—Онъ кажется очень добрымъ и тихимъ человѣкомъ—и всѣ его дочки милы, особенно одна бѣлокурая, съ точкимъ профилемъ и симпатическими глазами.—Да и всѣ онѣ очень красивы — хотя „красавицами въ полномъ смыслѣ слова“ я бы ихъ не назвалъ—и всѣ очень тебя любятъ и сохраняютъ очень теплую память о тебѣ.—Я имъ много разсказывалъ о твоемъ житьѣ-бытьѣ.

Въ первой редакціи—твой *Утесъ* мнѣ гораздо меньше понравился, чѣмъ „Нагорный ключъ“;—аллегорія не ясно выведена и т. д.—Ты, должно быть, самъ это почувствовалъ—потому что передѣлалъ свой „Утесъ“; но въ 3-мъ № „Гражданина“, который я получилъ, его нѣтъ. Надѣюсь прочесть твое стихотвореніе въ слѣдующемъ №. Ты очень хорошо дѣлаешь, что печатаешься тамъ, гдѣ предстоитъ тебѣ возможность.—Къ чему эти безполезныя деликатности, за которыя тебѣ даже никто спасибо не скажетъ?

Спасибо за доставленіе извѣстій о моей повѣсти.—Я вижу, что она многимъ не нравится, и радъ, что въ

тебѣ она по крайней мѣрѣ пробудила сочувственные звуки.—Анненковъ мнѣ доставилъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“.—Ну ужъ онѣ пересолили—не могу же я быть такимъ подлецомъ! Катковъ не можетъ мнѣ простить моего перехода въ „Вѣстникъ Европы“—mais il montre trop le bout de l'oreille.—А впрочемъ все это для меня уже старая исторія: пощебелилъ... да и за̀ щеку!“

Твои бывшія „belles-soeurs“ напомнили мнѣ твою милую покойницу—но ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ нею по красотѣ и прелести выраженья.

Я не знаю, писалъ ли я тебѣ свое мнѣніе о твоемъ стихотвореньи: „Что съ ней?“ Оно мнѣ очень нравится: правдиво и трогательно.—Въ „Бесѣдѣ“ твоя большая вещь мнѣ нравится менѣе: не довольно сжато и иногда фельетонно.

За симъ будь здоровъ и бодръ; обнимаю тебя—и до свиданія въ мартѣ!

163.

Ему же.—Парижъ, 7 апрѣля 1872.—Ужъ на что ты мастеръ неразборчиво писать, добрый другъ Яковъ Петровичъ, но въ послѣднемъ письмѣ превзошелъ самого себя: я чуть не вылъ, пробиваясь сквозь твои каракули—и цѣлая четверть письма осталась для меня тайной.—Впрочемъ, большой бѣды въ томъ нѣту, такъ какъ 10 дней не пройдетъ послѣ полученія тобою настоящаго письма—и я предстану предъ тобой какъ листъ передъ травой—и тогда вдоволь наговоримся.—На этотъ разъ, если здоровье не помѣшаетъ—а этого нѣтъ причины предвидѣть—я не обману и пріѣду навѣрное.

Мнѣ удалось разобрать то мѣсто, гдѣ ты жалуешься на свое колѣно: пожалуйста, не пренебрегай этимъ и постарайся вылечиться и не допустить себя до анкилозы—

т. е. до окостенѣнія сустава!—Вычиталъ я также нѣсколько словъ о „Каменномъ гостѣ“ Даргомыжскаго; повѣрь мнѣ: это всесовершеннѣйшая дребедень и ерунда, которая лѣтъ черезъ десять будетъ наводить краску стыда на лица тѣхъ, которые не тотчасъ въ этомъ убѣдились и даже превозносили это безсильное. . . . .

А за симъ до скораго свиданія—обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

164.

Маслову, И. И.—Спб., гостинница Демутъ.—16 мая 1872.—Какъ оно ни неправдоподобно, любезный другъ Иванъ Ильичъ, а я наконецъ прибылъ въ Россію—три дня тому назадъ—и въ пятницу выѣзжаю отсюда въ Москву.—Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что жена моего брата скончалась—онъ въ большомъ горѣ,—и звалъ меня къ себѣ въ домъ;—я, по пріѣздѣ сюда, извѣстилъ его объ этомъ—но до сихъ поръ не получилъ отвѣта—такъ что я уже думаю, не выѣхалъ ли онъ къ себѣ въ деревню?—На всякій случай я обращаюсь къ тебѣ; будь такъ любезенъ, вели немедленно справиться въ домѣ брата, тамъ ли онъ и извѣсти меня—ты еще успѣешь, такъ какъ я выѣзжаю отсюда въ пятницу.

Если брата въ Москвѣ нѣтъ, то я снова прибѣгну къ твоему дружескому, столь часто мною извѣданному гостепріимству—и остановлюсь у тебя.

Жду отъ тебя слова (пожалуй, по телеграфу)—жму дружески твою руку и говорю: до свиданія.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа:

165.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 48, rue de Douai,—28 сентября 1872.—Спасибо тебѣ, любезный другъ Яковъ Петровичъ, что вспомнилъ меня: я всегда радъ твоимъ письмамъ—и отвѣчаю, какъ ты самъ знаешь, аккуратно.—Вотъ уже скоро мѣсяцъ какъ я страдаю подагрой въ ногѣ—и не предвижу конца!—Около десяти разъ повторялись жесточайшіе припадки то въ плюснѣ, то въ колѣнѣ—цѣлыя недѣли я принужденъ былъ лежать въ постели неподвижно—и когда поднимался, то не иначе ходилъ какъ съ помощью костылей или палки.—Это положеніе продолжается до сихъ поръ—и кажется, я поступилъ на вакацію, оставленную покойнымъ В. П. Боткинымъ. Вотъ такъ-то, братъ, разыгрывается жизнь.

И у тебя она, по словамъ твоимъ, довольно желтенькая. Искренно и истинно тебѣ сочувствую; впрочемъ ты, я надѣюсь, увѣренъ, что это не простыя слова, и что я всегда готовъ доказать на дѣлѣ мою давнишнюю и неизмѣнную дружбу.

Прилагаю оффиціальное письмо къ Ѳ. И. Тютчеву;—неоффиціально скажи ему, что я его люблю по прежнему и жму ему крѣпко руку.

Чортъ бы побралъ этихъ заграничныхъ издателей-пиратовъ!—Они у меня порядочный кушъ денегъ выдернули!

Ходятъ здѣсь неясные слухи о болѣзни К-ова,—но ничего опредѣленнаго.—Сожалѣть я не буду.—Онъ давно сдѣлалъ свое дѣло—и давно уже ничего больше не дѣлаетъ, какъ вредитъ.

Повѣстушка моя короче воробьинаго носа—и называется: „Конецъ Чертопханова“. Это продолженіе одного отрывка изъ „Записокъ Охотника“.

Что это за „Собаки?“ Какъ только можно, пришли мнѣ хоть отрывочекъ.

Портретъ мой, написанный Перовымъ, вышелъ отличный; впрочемъ, онъ, вѣроятно, скоро будетъ выставленъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ портретомъ Достоевскаго, Майкова, Погодина и Даля: всѣ отличны—особенно Достоевскаго.—Когда увидишь, напиши свое мнѣніе.

Поклонись отъ меня пріятелямъ—начиная съ твоей милой жены.—Устюжскихъ я по милости моей дурацкой болѣзни еще не видалъ.

Будь здоровъ—обнимаю тебя.

166.

Ему же. — Парижъ, 17 октября 1872. — Милый другъ Яковъ Петровичъ, твое письмо застало меня снова въ постели; снова со мною произошелъ припадокъ подагры (по счету *одиннадцатый*)—и я снова превратился въ недвижную статую съ опухшимъ колѣномъ. — Воля твоя,—а я никакъ не могу признать подагру пріятной болѣзнью—и радоваться ей.—Но въ сторону это.

„Собаки“ твои, можетъ быть, пролаютъ отлично; одно тебѣ рекомендую: не впадай въ полемику.

Желалъ бы я тебѣ указать на что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, поэтическое въ англійской литературѣ или во французской... но не могу.—Новѣйшіе англійскіе поэты—всѣ эти Россетти и т. п. ужасно изысканы; въ одномъ Свинбёрнѣ (Swinburne, Algernon)—вспыхиваютъ проблески несомнѣннаго таланта—онъ подражаетъ Виктору Гюго—но въ немъ есть дѣйствительная страст-

ность и порывъ, а въ Гюго — часто все это сочинено.— Достань себѣ его „Songs before Sunrise“; — онъ иногда бываетъ теменъ,—но все-таки, я полагаю, ты получишь удовольствіе.

А у насъ уже точно—поэзія померла. Пробовалъ я читать переводъ „Роллы“: что за мертвечина и сушь и вялость! Даже стихъ совсѣмъ пропалъ. А переводы изъ Année Terrible!!....

Зачѣмъ это Писемскій печатается въ „Гражданинѣ?“ — Я уже не говорю о направленіи журнала — но вѣдь тамъ никто его комедіи не прочтетъ.—Неужели другіе редакторы не принимаютъ его вещей? Я радъ, что комедія эта ему удалась—и жду ея появленія съ нетерпѣніемъ...

Ты все хочешь, чтобы я обратилъ вниманіе (въ моихъ произведеніяхъ) на современность. — Во-первыхъ, живя за границей.—это трудно; а во-вторыхъ, я кое-что задумалъ въ этомъ родѣ,—но это появится не раньше года.—А пока—такъ какъ добродушные редакторы мнѣ еще платятъ, буду пробавляться небольшими разсказцами и подвергаться снисходительному презрѣнію г-дъ рецензентовъ.

Картинъ я новыхъ не покупалъ—онѣ кусаются,— но ты мнѣ не пишешь о петербургской осенней выставкѣ. Неужто она еще не открылась?—Посмотри портреты Перова и скажи свое мнѣніе.

Что значитъ сообщенное вчера въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ извѣстіе, что кн. Урусовъ (извѣстный адвокатъ)—„по независящимъ отъ его воли обстоятельствамъ“ — поселился на жительство въ городѣ Венденѣ?

За симъ кланяюсь всѣмъ твоимъ и крѣпко жму тебѣ руку.

PS. Передай мое спасибо и поклонъ Ѳ. И. Тютчеву.

167.

Милютиной, М. А.—Парижъ, 3 декабря 1872 г.—Любезнѣйшая Марія Аггеевна, искренно благодарю васъ за дружелюбное чувство, внушившее вамъ ваше письмо. Поступокъ Ѳ. Достоевскаго не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя... Д-скій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ К., тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только то, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами.

Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета.

. . . . . .

Мое здоровье какъ будто нѣсколько поправляется; однако, я все еще не выхожу изъ дому.

...Передайте мой дружескій привѣтъ всѣмъ вашимъ; крѣпко жму вашу руку и остаюсь—душевно вамъ преданный.

168.

Ей же.—Парижъ, (?) декабрь 1872 г.—...Не надѣюсь на выздоровленіе раньше весны. Да, впрочемъ, я сталъ къ этому довольно равнодушенъ: ничего такъ не старитъ и не разочаровываетъ, какъ подобная немощь: — одно скверно — мучиться надо. Но вѣдь и этому пособить нельзя.

Изъ письма вашего я могу заключить, что и вамъ тяжело, *au moral.* — Кромѣ вашего недавняго горя и московской томительной скуки...

Моя болѣзнь помѣшала мнѣ отдать послѣдній долгъ графу Киселеву; я видѣлъ его года два тому назадъ, и уже тогда онъ видимо разрушался.

И. П. Ар—въ здѣсь, и былъ уже у меня два раза. Въ немъ, въ эту минуту, совмѣщаются два качества, или скорѣе два свойства, которыя рѣдко уживаются въ одной душѣ: сильная самоувѣренность и сильная хандра.

Итакъ, вамъ мой „Чертопхановъ“ понравился: тѣмъ лучше. Пріятелямъ моимъ онъ, напротивъ, вовсе не понравился; и П. В. Анненковъ взялъ съ меня слово никогда впредь никакихъ прибавленій и продолженій къ „Запискамъ Охотника“ не дѣлать.

Тургеневы все не могутъ разстаться съ Vert-Bois, и даже неизвѣстно когда они прибудутъ въ Парижъ. Продолжать изданіе писемъ Н. И. Тургенева они будутъ, но у нихъ ничего скоро не дѣлается [1]).

Поклонитесь отъ меня Черкасскому, Петру Самарину и его женѣ, и прочимъ невраждебнымъ москвичамъ.

Будьте здоровы; крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ [2]).

---

[1]) Этому изданію, однако, не суждено было продолжаться. — Марія Стиль.

[2]) Число и первая половина письма утрачены, а о мѣсяцѣ и годѣ можно судить приблизительно, на основаніи упоминовенія о „Чертопхановѣ“, появившемся въ ноябрской книжкѣ „Вѣстника Европы“, 1872.—Ред.

1873.

169.

Маслову, И. И.—Парижъ, 13 февраля 1873 г.—Милый другъ Иванъ Ильичъ, прибѣгаю къ твоей старинной и неизмѣнной дружбѣ, и ожидаю отъ нея великой услуги.—Изъ приложенной къ этому письму довѣренности ты легко усмотришь въ чемъ дѣло. Я намѣренъ продать І. Н. Шатилову мое имѣніе Любовшу. О цѣнѣ мы уже условились: онъ даетъ мнѣ 53,000 (пятьдесятъ три тысячи) рублей серебромъ и обѣщаетъ мнѣ выдать ихъ немедленно по совершеніи купчей. Единственный пунктъ, который остался еще неразъясненнымъ — это купчая. Онъ предлагаетъ ее сдѣлать пополамъ (на счетъ издержекъ), а я бы желалъ, чтобы она вся была на его счетъ. Дѣло въ томъ, что мой арендаторъ (Любовша находится въ арендѣ до 1877 года)—купецъ Кашеваровъ, узнавъ о моемъ намѣреніи продать Любовшу — предложилъ мнѣ 48,500 р.—и купчую на его счетъ,—а такъ какъ я, по контракту, обязанъ въ случаѣ продажи имѣнія, выдать ему 3000 р. сер.—то запросивъ съ Шатилова 53,000 (и купчая пополамъ)—я ни копѣйки противъ предложенія Кашеварова не выигрываю, что я и изъяснилъ Шатилову; въ то же время я ему сообщилъ, что въ отвѣтъ на предложеніе Кашеварова, и не имѣя еще согласія Шатилова, я запросилъ съ моего арендатора 50,000 (и купчая на его счетъ). Вчера пришелъ отвѣтъ: Кашеваровъ соглашается дать эти деньги—такъ что если Шатиловъ заплатитъ мнѣ 53,000,—и купчая пополамъ—я потеряю около 1500 р. Съ другой сто-

роны, такъ какъ я написалъ Шатилову, не дождавшись отвѣта Кашеварова, что я почитаю это дѣло между нами покончennымъ, то я не хотѣлъ бы, чтобы онъ считалъ меня невѣрнымъ моему слову. А потому предоставляю это твоему благоусмотрѣнію и собственному суду Шатилова; если онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы купчая была пополамъ, я—нечего дѣлать—покорюсь—но, признаюсь, неохотно.

Управляющій мой находитъ, что я продешевилъ. Вотъ его разсчетъ:

618 десятинъ, по 80 р.	49,440 р.
41 десятина лѣса, по 200 р.	8,200 „
Водяная мельница, только-что отстроен. за-ново.	2,000 „
Хозяйственныя постройки и скотъ. . . .	2,300 „
Итого . . .	60,000 р.

Эти соображенія и готовность моего арендатора къ уплатѣ и заставляютъ меня настаивать на томъ, чтобы Шатиловъ взялъ купчую на свой счетъ: такимъ образомъ я по крайней мѣрѣ 50,000 р. получу чистыхъ.

Теперь другой вопросъ: надо будетъ тебѣ вызвать Кишинскаго въ Москву для того, чтобы устроить всѣ условія передачи имѣнія, а также и уплату неустойки; я боюсь, что будутъ передряги—потому что арендаторъ посѣялъ уже 125 десятинъ, увеличилъ скотъ и пр. Сохрани Богъ, еще процессъ возникнетъ! Я съ своей стороны сегодня же пишу Кишинскому. Аренды я получалъ до сихъ поръ очень аккуратно 2,500 р. да кромѣ того арендаторъ платилъ всѣ земскіе и государственные сборы (185 р.) и другіе бралъ на себя расходы (по караулу лѣсовъ и пр.). Такъ что получивъ 50,000 р., я противъ прежняго ничего не выигрываю. Съ 1877 года тотъ же арендаторъ обязался — если бы возобновилась аренда — уплачивать 3000 р.

Итакъ, мой любезный другъ, я отдаюсь тебѣ въ руки; дѣйствуй какъ тебѣ укажетъ твоя опытность и дружба — а я уже точно „спорить и прекословить“ не буду.

Извѣсти меня, пожалуйста, хотя двумя строками, о полученіи этого письма.

Заранѣе сердечно тебя благодарю и обнимаю тебя.

PS. Шатиловъ обѣщаетъ мнѣ выплатить всѣ деньги по совершеніи купчей — и это для меня очень важно. Я тогда тебѣ напишу, что съ ними сдѣлать.

PSS. Адрессъ Кишинскаго: Никитѣ Алексѣевичу К—му, орловской губ. въ городъ Мценскъ, въ село Спасское, Лутовиново тожъ.

170.

Полонскому, Я. П. — Парижъ, 21 февраля 1873 г.— Милый Яковъ Петровичъ, я получилъ твое письмо, но только не черезъ г. Уманца, котораго я не видѣлъ; а прислано оно мнѣ было изъ Берлина вѣроятно тѣмъ же Уманцомъ, который перемѣнилъ намѣреніе и въ Парижъ не поѣхалъ.

Мнѣ было очень пріятно получить свѣдѣнія о тебѣ— (о томъ, что ты будто бы на меня дулся—мнѣ, разумѣется, и въ голову не пришло)—радуюсь тому, что ты хотя по маленьку, а все-таки работаешь и сожалѣю о неудовлетворительномъ состояніи твоего здоровья. Что касается до меня, то подагра меня кажется, окончательно покинула, на дняхъ жестоко душилъ гриппъ—но и тотъ новый врагъ удаляется, хотя я изъ комнаты еще не выхожу. Но работа у меня совсѣмъ не спорится—и я даже не знаю, когда я вышлю мой несчастный разсказецъ редакціи „Недѣли“! Холодъ старости съ каждымъ днемъ

глубже проникаетъ въ мою душу—сильнѣе охватываетъ ее; равнодушіе ко всему, которое я въ себѣ замѣчаю, меня самого пугаетъ!—Вотъ ужъ точно могу сказать съ Гамлетомъ:

How stale, flat and inprofitable
Seems me that life!

Можетъ быть это настроеніе пройдетъ... или если не пройдетъ—то я еще больше задеревенѣю—и тогда все равно. Однако довольно объ этомъ.

Очень мнѣ жаль Ѳ. И. Тютчева.—Сказываютъ—онъ поправляется; но это же самое говорили о Н. А. Милютинѣ.

Въ его годы послѣ такихъ ударовъ—не поправляются. Однимъ свѣтлымъ и чуткимъ умомъ, однимъ хорошимъ человѣкомъ меньше. Жаль мнѣ и Великой Княгини. Ее трудно будетъ замѣнить.

Суворина я въ Парижѣ видѣлъ раза три. Онъ мнѣ нравится; но какъ онъ нервенъ!—Ханыковъ процвѣтаетъ—толстъ и свѣжъ и кушаетъ такъ вкусно, что нельзя не любоваться!—Я, помнится, встрѣчался съ вашимъ теперешнимъ начальникомъ, Каменскимъ, у Дружинина. Сухой какой-то; грифель или карандашъ—мало симпатичный.

Въ заграничной журналистикѣ дѣйствительно попадаются иногда весьма лестные отзывы обо мнѣ; одинъ американскій Review (Atlantic Monthly) меня даже произвелъ въ геніи!! Сказать, что это меня нисколько не трогаетъ—было бы неправда; но было бы также ложно увѣрять, что это меня очень потѣшаетъ. Все это—„тѣнь, бѣгущая отъ дыма“. За нѣсколько недѣль молодости—самой глупой, изломанной—исковерканной, но молодости—отдалъ бы я не только мою репутацію, но славу дѣйствительнаго генія, еслибъ я былъ имъ. Что бы я тогда сдѣлалъ, спросишь ты?—А хоть бы десять часовъ сряду

съ ружьемъ пробѣгалъ, не останавливаясь, за куропатками. И этого было бы достаточно—и это для меня теперь немыслимо.

Но я замѣчаю, что мое письмо принимаетъ невеселый оборотъ. Лучше кончить, крѣпко пожать тебѣ руку и пожелать всего хорошаго, начиная съ здоровья.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я буду въ Россію и вѣроятно тебя увижу. До свиданья!

171.

Ему же.—Парижъ, 22 марта 1873 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, отвѣчаю кратко—(по множеству внезапно накопившихся дѣлъ) на твои два письма—и прямо перехожу къ главному, а именно, къ твоему предположенію полечиться вмѣстѣ въ вошедшей въ такую моду пещерѣ Монсуммано. Не отъ тебя перваго я слышу объ ея чудодѣйственной силѣ въ случаѣ подагры — но я уже рѣшился испытать свое счастье съ Карлсбадскими водами—и отправляюсь туда въ половинѣ мая. Впрочемъ, я увѣренъ, что пещера эта можетъ быть особенно спасительна въ ревматическихъ опухоляхъ, катаррахъ и т. п.; *радикальному* излеченію подагры я довѣряю меньше — ибо какъ можетъ быть больной такъ убѣжденъ, что излечится навсегда?—Припадокъ прошелъ, прекрасно—но кто ему поручится, что онъ не возобновится?—хотя и я теперь свободенъ отъ этой гадости; но на всякъ часъ можетъ она опять нагрянуть...

Вотъ ты—другое дѣло:—у тебя *анкилозисъ* колѣнки;—пары этой пещеры могутъ развести эту опухоль—и во всякомъ случаѣ тебѣ бы не худо попробовать и съѣздить туда. А такъ какъ для этого нужны деньги, то позволь мнѣ, въ силу нашей старинной дружбы, предложить тебѣ

на поѣздку 350 р. сер. Надѣюсь, что ты такъ же просто и безцеремонно ихъ примешь, какъ я ихъ тебѣ предлагаю. Меня это не разоритъ — а напротивъ доставитъ великое удовольствіе помочь больному пріятелю. Напиши мнѣ, немедля, отвѣтъ — а я тотчасъ же распоряжусь доставленіемъ тебѣ этой суммы. И женѣ твоей эта пещера доставитъ не мало пользы, по ея малокровію.

Радуюсь, что *ты* работаешь — и надѣюсь, что труды твои вознаграждаются.

„Канутъ“ графа А. Толстого дѣйствительно красивая вещь — едва ли не лучшая изо всего, что онъ написалъ. Анненковъ по прежнему живетъ въ Висбаденѣ. Ханыковъ ни въ какихъ животныхъ ваннахъ не сидѣлъ, развѣ въ ваннѣ собственнаго живота, который очень усердно начинивается имъ различными произведеніями французской кухни. Я съ нимъ вижусь очень часто.

Твоя исторія съ Некрасовымъ меня нисколько не удивила... Его поэма „Княгиня Волконская“ по-моему противнѣйшая, слащаво-либеральная... — „Кому на свѣтѣ жить хорошо“ — лучше; но и тутъ все избитыя тэмы, въ двадцать разъ лучше обработанныя другими.

Писемскій прислалъ мнѣ свою комедію „Подкопы“ (между нами! — слабая вещь).

Я точно купилъ весьма красивую нагую женщину (картину) — и вообще я теперь занимаюсь этимъ дѣломъ или бездѣльемъ — (покупкою картинъ) — такъ какъ все другое, начиная съ литературы, бросилъ.

Отвѣчай же поскорѣе.

За симъ обнимаю тебя, кланяюсь твоей женѣ и остаюсь преданный тебѣ.

172.

Ему же.—Парижъ, 8 апрѣля 1873 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, вчера вечеромъ я вернулся изъ поѣздки въ Nohant (имѣніе Ж. Зандъ)—и нашолъ твое письмо,—сегодня же я отправилъ приказъ моему управляющему о высылкѣ тебѣ 350 р. сер. Поѣдешь ли ты въ Монсуммано—или останешься на дачѣ въ Петербургѣ—во всякомъ случаѣ прими эту бездѣлицу отъ стариннаго пріятеля, которому отрадно думать, что онъ могъ оказать тебѣ услугу. (На всякій случай вотъ адрессъ моего управляющаго: Никита Алексѣевичъ Кишинскій. орловской губерніи, въ городъ Мценскъ, село Спасское-Лутовиново). Когда получишь деньги, извѣсти меня. Я остаюсь здѣсь до 15 (3) мая.

Очень бы я желалъ, чтобы путешествіе твое сбылось. Во-первыхъ — я увѣренъ, что оно будетъ полезно для твоего здоровья, во-вторыхъ, это будетъ доказательство что твоя поэма продалась и принесла тебѣ выгоду. Очень желаю ее прочесть и полагаю, что ты преувеличиваешь ея недостатки.

Было бы странно отталкивать Некрасова—ходи къ нему, имѣй съ нимъ дѣло—ибо нѣтъ причины закабалить себя одному журналу но... будь остороженъ и не довѣряйся вполнѣ его элегическому плачу—и держи камень за пазухой.

За симъ кланяюсь всѣмъ твоимъ — дружески тебя обнимаю и остаюсь любящій тебя.

173.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 9 апрѣля 1873.—Любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ, недѣль шесть тому назадъ я получилъ ваши двѣ книги; но такъ какъ при

нихъ не было письма, ни приписки, то я и полагалъ, что онѣ были ко мнѣ отправлены моимъ петербургскимъ коммиссіонеромъ, которому я поручаю доставлять мнѣ все, что заслуживаетъ вниманія въ литературномъ мірѣ. Нынѣ однако я узналъ, что коммиссіонеръ тутъ ни при чемъ—и потому я заключаю, что этой посылкой я обязанъ вашей любезности. Позвольте же мнѣ искренно благодарить васъ за то, что вы вспомнили обо мнѣ. До нѣкоторой степени я имѣю право на вашу память: я одинъ изъ самыхъ старинныхъ и неизмѣнныхъ поклонниковъ вашего таланта. Книги ваши я перечелъ съ истиннымъ наслажденіемъ, какъ все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера: вы отмежевали себѣ въ нашей словесности цѣлую область, въ которой вы неоспоримый мастеръ и первый человѣкъ. Еще разъ душевное спасибо.

Здѣсь нѣкоторое время ходили не совсѣмъ хорошіе слухи о вашемъ здоровьѣ: надѣюсь, что въ нихъ не было основанія — и что вы теперь молодецъ хоть куда. Моя подагра меня порядкомъ помучила; теперь я освободился отъ нея, но для предупрежденія слишкомъ продолжительныхъ посѣщеній—ѣду черезъ мѣсяцъ въ Карлсбадъ, а оттуда въ Россію, гдѣ можетъ быть буду имѣть удовольствіе свидѣться съ вами.

За симъ желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму вамъ руку.

PS. Передайте мой усердный поклонъ вашей супругѣ.

174.

Полонскому, Я. П. — Парижъ, 17 мая 1873. — Любезный другъ Яковъ Петровичъ, твое письмо, пущенное *на-авось* въ Парижъ, меня здѣсь еще застало, такъ какъ скверная погода не позволяетъ пока приступить къ

леченію — и я пускаю мое письмо *на-авось* въ Петербургъ — полагая, что оно во всякомъ случаѣ попадетъ въ твои руки.

Радуюсь, что твое письмо къ моему управляющему не помѣшало исполненію небольшой услуги, которую я имѣлъ удовольствіе тебѣ оказать, и надѣюсь, что поѣздка твоя принесетъ тебѣ пользу.

Меня окончательно посылаютъ не въ Маріенбадъ, а въ Карлсбадъ — и я останусь тамъ до конца іюля, а потомъ опять сюда вернусь. Отсюда я выѣзжаю въ будущій вторникъ.

Вѣрно, у Некрасова губа не дура—и онъ почувствовалъ необходимость украсить „Отеч. Записки“ твоей поэмой. Читатель отдохнетъ на ней отъ всѣхъ quasi-гражданскихъ виршей, которыми его такъ усердно подчивали.

Я страшно облѣнился и потому о Жоржъ-Зандъ скажу тебѣ только то, что она предобрая, препростая и преумная старушка—и объ „Homme-femme'ѣ“ со мной уже потому не говорила, что никто не говоритъ теперь въ цѣлой Франціи объ этой чепухѣ, несмотря на ея 40 изданій — это проходитъ какъ мода—и что можетъ быть старѣе прошлогодняго чепца?

Поклонись отъ меня всѣмъ твоимъ—дружески тебя обнимаю.

PS. Въ ноябрѣ, если буду живъ, мы увидимся въ Петербургѣ.

175.

Ему же. — Парижъ, 26 сентября 1873. — Милый Яковъ Петровичъ, твое письмо аккуратно достигло моихъ рукъ и мнѣ было весьма пріятно услыхать вѣсти о тебѣ, въ сущности удовлетворительныя. Отъ души желаю, чтобы пе-

тербургскій климатъ не попортилъ опять твоего здоровья— и не помѣшалъ бы возникающей въ тебѣ охотѣ работать.

Скажу тебѣ теперь нѣсколько словъ о самомъ себѣ.

Въ началѣ іюля я отправился, по совѣту докторовъ, не въ Маріенбадъ, а въ Карлсбадъ; по пути заѣхалъ въ Вѣну и въ первый же день моего тамошняго пребыванія сильно расшибъ (но не сломалъ) себѣ ногу, пролежалъ недѣлю въ дорогой гостинницѣ и съ трудомъ дотащился до Карлсбада, который однако скоро меня поправилъ, и воды котораго оказали мнѣ величайшую пользу. Оттуда я черезъ Баденъ-Баденъ вернулся не въ Парижъ, а въ небольшое мѣстечко около Парижа, называемое Буживаль, гдѣ я съ моими пріятелями Віардо нанялъ дачу. Теперь же собираемся снова вернуться въ rue de Douai, 48, а я, если буду живъ и здоровъ, въ концѣ нашего ноября, т.-е. черезъ два мѣсяца, прибуду въ Петербургъ, гдѣ проживу до февраля и гдѣ надѣюсь частенько тебя видѣть. Работать я не работалъ вовсе; немного ходилъ на охоту, провелъ опять нѣсколько дней у Ж.-Зандъ и у Флобера, а впрочемъ былъ здоровъ, хотѣлъ-было прибавить: и веселъ—да перо не поворачивается. Старость (а я сильно старѣюсь) и веселость — не идутъ другъ къ другу.

Я видѣлъ въ объявленіи „Отеч. Зап.“ названіе твоей поэмы, и жду ее съ нетерпѣніемъ, нисколько не раздѣляя твоего преждевременнаго предубѣжденія противъ твоего собственнаго дѣтища.

Н. В. Ханыковъ живетъ здѣсь на дачѣ около Парижа—я его вижу изрѣдка и скажу одно: это исполинъ!

Анненковъ былъ въ Россіи, и недѣль 6 тому назадъ вернулся въ Баденъ-Баденъ. Я нѣсколько безпокоюсь о немъ, такъ какъ онъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ жаловался на сильныя головокруженія, и собираясь въ Швейцарію, хотѣлъ мнѣ тотчасъ написать оттуда — и

вотъ все молчитъ, что съ нимъ рѣдко случается — ибо онъ примѣрный корреспондентъ.

Съ Фетомъ я состою въ постоянной перепискѣ. Онъ благоденствуетъ въ своемъ имѣніи. Его вѣроятно опять изберутъ въ мировые посредники.

Стасюлевича я видѣлъ мелькомъ въ Карлсбадѣ и въ Парижѣ. Онъ напоминаетъ мнѣ о моей повѣсти..... а я только хвостъ поджимаю.

Но что за трагическій городъ вашъ Петербургъ! Несчастье съ Суворинымъ меня просто поразило. Въ сущности — что это была за исторія? Изъ газетныхъ отчетовъ ничего понять нельзя. Кто былъ этотъ Т. Комаровъ? Одинъ журналъ называетъ его побочнымъ сыномъ извѣстнаго *оратора*... и я пришелъ въ тупикъ: впервые слышу объ *ораторахъ* въ Россіи! Не митрополитъ ли Платонъ его отецъ?! Или, быть можетъ, московскій святитель Филаретъ? Непонятно! Напиши два слова объ этой печальной исторіи.

Я очень сочувствую бѣдному Суворину, котораго я видѣлъ прошлой зимой въ Парижѣ.

За симъ прошу передать мой дружескій привѣтъ твоей супругѣ—и крѣпко жму твою руку.

PS. Пиши мнѣ въ Парижъ по вышеозначенному адрессу.

176.

Маслову, И. И.—Парижъ 20 октября 1873 г.—Милый другъ Иванъ Ильичъ,—обращаюсь къ тебѣ съ слѣдующей просьбой: изъ 30,000 р. с., оставшихся на твоихъ рукахъ послѣ покупки акцій—будь такъ любезенъ и вышли мнѣ сюда 5,000 (пять тысячъ) руб.,—а на 5,000 р. купи еще акцій, по прежнему, на имя г-жи Віардо—и присоедини ихъ къ тѣмъ, которыя уже у тебя

имѣются.—Этимъ ты меня весьма обяжешь.—Курсъ, кажется, теперь попортился—но нечего дѣлать; эти деньги мнѣ здѣсь нужны. Такимъ образомъ у тебя, кромѣ акцій—останется 20,000 р. сер.

Извини, пожалуйста, дружище, что я надоѣдаю тебѣ своими порученіями: на то и дружба.

Я теперь поселился въ Парижѣ и до конца нынѣшняго года намѣренъ сильно работать. Надо же что-нибудь въ Россію привезти. Въ декабрѣ (въ концѣ) если Богъ дастъ, увидимся.

А пока заочно тебя обнимаю и остаюсь весь твой.

PS. Со вчерашняго дня всѣ — довольно слабыя — надежды г-дъ монархистовъ, окончательно лопнули — (благодаря письму графа Шамбора)—и теперь республика болѣе или менѣе здѣсь обезпечена.

177.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 24 октября 1873 года. — Милый другъ Яковъ Петровичъ, твое большое письмо меня порадовало. Изъ него я могу заключить, что твое италіянское путешествіе и леченіе все-таки хоть нѣкоторую пользу тебѣ принесло.

Я прочелъ первую половину твоей поэмы въ „От. Зап.“ — Многое въ ней мнѣ понравилось, отъ нея вѣетъ искренностью — а мѣстами поэзіей; но все же мнѣ сдается, что ты въ подобныхъ большихъ произведеніяхъ словно не дома, не въ своемъ тонѣ поешь. Ты по преимуществу лирикъ съ неподдѣльной, болѣе сказочной, чѣмъ фантастической, жилкой;—а тутъ дѣло въ анализѣ, въ характерахъ, ихъ столкновеніи и развитіи... Это подъ руку прозаику. — Твое крошечное стихотвореніе; „Музыка“, которое ты помѣстилъ въ своемъ письмѣ, мнѣ почти

больше нравится, чѣмъ вся Мими.—Впрочемъ, подождемъ вторую часть. А что Б. лается, это ему столь же свойственно, какъ Гр. лгать, какъ Некрасову надувать людей и т. д.

Ты называешь его *удачникомъ;* быть можетъ. Не желалъ бы я только быть въ кожѣ этого удачника.

Анненковъ окончательно поселился на зиму въ Ниццѣ, наслаждается солнцемъ, моремъ, теплымъ воздухомъ и здоровьемъ. — Даже кухарку нашелъ отличную. — Ему хорошо.

Мнѣ очень жаль Суворина. Неужели онъ не оправится. Если ты его увидишь, наконецъ, увѣрь его въ моемъ искреннемъ сочувствіи.

Что я въ ноябрѣ не пріѣду — это несомнѣнно, и я уже написалъ въ этомъ смыслѣ Стасюлевичу.—Я надѣюсь пріѣхать въ началѣ января.—Если же я и тогда не явлюсь, это будетъ значить, что я съ литературой навсегда раскланялся.

Физическое здоровье мое не дурно—и даже хандры я въ себѣ не замѣчаю;—меня сосетъ тайная тоска бездѣйствія.—Но и это можетъ угомониться. И тогда я на полныхъ парусахъ въѣду въ пристань старости.

А ты работай, пока работается — и не унывай.— Если твоя лира не всегда звучитъ полнымъ звукомъ, то струны въ ней не порваны.

Кланяюсь твоей женѣ и обнимаю тебя.

178.

Ему же. — Парижъ, 28 ноября 1873 г. — Милый Яковъ Петровичъ, твое письмо отъ... хотѣлъ было вставить число, но ты числа не выставилъ... словомъ, твое послѣднее письмо повергло меня въ недоумѣніе. Ты упре-

каешь меня въ лѣни, а я на каждое твое письмо отвѣчалъ аккуратно;—и потому долженъ полагать, что тутъ почта нашалила. Я очень хорошо помню, что весьма недавно писалъ тебѣ—ибо говорилъ между прочимъ о второй части Мими, только что полученной мною.—Она не измѣнила впечатлѣнія, произведеннаго на меня первой.—Ты попалъ въ нѣсколько чуждый тебѣ тонъ, но я увѣренъ, что ты, какъ выражаются французы, возьмешь свою „revanche“; самое заглавіе твоей новой поэмы мнѣ нравится, и я всячески поощряю тебя и прошу не унывать и довести свою новую работу до конца. — Не все же всегда удается.—Бодрись!

Не думай, чтобы чувство одиночества, которое овладѣваетъ тобою, приходится испытать тебѣ одному: подъ старость всѣ мы становимся болѣе или менѣе одинокими—физически и нравственно – если у насъ нѣтъ семьи или великой и разнообразной общественной дѣятельности. Къ тому же „товарищество“ слабо у насъ въ Россіи, особенно литературное товарищество: всякъ тянетъ свою пѣсенку, идетъ своей дорожкой.—Этому горю пособить трудно. Но у тебя есть семья, есть друзья, хотя не многочисленные, но вѣрные... съ этимъ можно потихоньку брести впередъ. Пока пишется и поется — отчаяваться нечего. — Даже и тогда, когда придется замолкнуть, не всему же конецъ.—И потому я повторяю тебѣ: бодрись и работай.

Меня больше безпокоитъ то, что ты мнѣ говоришь о своемъ здоровьѣ.—Вотъ о чемъ слѣдуетъ прежде всего заботиться, особенно въ такомъ скверномъ въ гигіеническомъ отношеніи городѣ, каковъ Петербургъ.

Никакъ не могу представить себѣ Майкова, переводящимъ Эсхила... Да развѣ онъ знаетъ по гречески?...

Мое путешествіе все откладывается. Я начинаю ду-

мать, что раньше марта въ Россію не поѣду. На здоровье я впрочемъ пожаловаться не могу.

Дружески обнимаю тебя, кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь, и пр.

PS. Вчера вечеромъ здѣсь присудили Базена къ смерти... видно, однако, есть Немезида! Я бы не удивился, еслибъ узналъ, что во время чтенія ему приговора—онъ рядомъ съ судьями увидѣлъ окровавленную тѣнь Максимиліана. — Базенъ погубилъ Францію—еще бы ему не заплатить жизнью!

179.

Ему же. — Парижъ, 8 декабря 1873 г. — Милый Яковъ Петровичъ, третьяго дня я получилъ твое письмо о „Кружкѣ“ [1])—и по твоему желанію немедленно послалъ къ Гаевскому телеграмму, въ которой обѣщаю свое содѣйствіе. — Но что я сдѣлаю—это единому Богу извѣстно! Готоваго нѣтъ ничего, мозги высохли, и ничего изъ нихъ не выжмешь. — Придется покопаться въ старыхъ бумагахъ.—Есть у меня одинъ („Мощи“) недоконченный отрывокъ изъ „Записокъ Охотника“ — развѣ это послать?— Очень онъ коротокъ и едва ли не плоховатъ—но идетъ къ дѣлу—ибо въ немъ выводится примѣръ русскаго долготерпѣнія. — Во всякомъ случаѣ пошлю я его черезъ тебя съ маленькимъ предисловіемъ — съ оговоркой. — Будемъ надѣяться, что остальныя собратія доставятъ что-нибудь подѣльнѣе—и что „Кружка“, назначенная для убогихъ, сама убога не будетъ.

Пока—поздравляю тебя съ новымъ годомъ, обнимаю тебя и остаюсь.

---

[1]) Предполагавшееся названіе сборника въ пользу самарцевъ, изданнаго подъ заглавіемъ „Складчина“. — Ред.

1874.

180 [1]).

Ему же.—Парижъ, 13 января 1874 г.—Любезный Яковъ Петровичъ! Желая внести свою лепту въ „Складчину“, и не имѣя ничего готоваго, сталъ я рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ прилагаемый отрывокъ изъ „Записокъ Охотника“, который прошу тебя препроводить по принадлежности. — Всѣхъ ихъ напечатано двадцать-два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными изъ опасенія, что цензура ихъ не пропуститъ; другіе—потому, что показались мнѣ не довольно интересными или неидущими къ дѣлу. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и набросокъ, озаглавленный „Живыя Мощи“.—Конечно мнѣ было бы пріятнѣе прислать что-нибудь болѣе значительное; но чѣмъ богатъ—тѣмъ и радъ. Да и сверхъ того, указаніе на „долготерпѣніе“ нашего народа, быть можетъ, не вполнѣ неумѣстно въ изданіи, подобномъ „Складчинѣ“.

Кстати, позволь разсказать тебѣ анекдотъ, относящійся тоже къ голодному времени у насъ на Руси. — Въ 1841 году, какъ извѣстно, тульская и смежныя съ ней губерніи чуть не вымерли поголовно. Нѣсколько лѣтъ спустя, проѣзжая съ товарищемъ по этой самой тульской губерніи, мы остановились въ деревенскомъ трактирѣ, и стали пить чай. Товарищъ мой принялся разсказывать, не помню какой, случай изъ своей жизни, и упомянулъ о человѣкѣ, умиравшемъ съ голоду и „ху-

[1]) Письмо это напечатано въ литературномъ сборникѣ „Складчина“, изданномъ въ 1874 г. въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ самарской губерніи, стр. 65.

домъ какъ скелетъ".—„Позвольте, баринъ, доложить", вмѣшался старикъ хозяинъ, присутствовавшій при нашей бесѣдѣ: „отъ голода не худѣютъ, а пухнутъ".—„Какъ такъ?"—„Да такъ-же-съ; человѣкъ пухнетъ, отекаетъ весь какъ склянка (яблоко такое бываетъ). Вотъ и мы въ 1841 году всѣ пухлые ходили".—„А! въ 1841 году!" подхватилъ я. „Страшное было время?".—„Да, батюшка, страшное".—„Ну и что?" спросилъ я: „были тогда безпорядки, грабежи?"—„Какіе, батюшка, безпорядки?" возразилъ съ изумленіемъ старикъ: „ты и такъ Богомъ наказанъ, а тутъ ты еще грѣшить станешь?"

Мнѣ кажется, что помогать такому народу, когда его постигаетъ несчастіе, священный долгъ каждаго изъ насъ.—Прими, и т. д.

181.

Маслову, И. И.—Парижъ, 30 января 1874 г.—Любезнѣйшій другъ Иванъ Ильичъ, если я еще здѣсь, а не въ Россіи — то на этотъ разъ — пожалуйста не смѣйся—причина не во мнѣ, а въ отсроченной свадьбѣ моей любимицы—дочери г-жи Віардо.— Она состоится 7-го марта, и двѣ недѣли спустя я, если буду живъ, пущусь въ путь—и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ буду имѣть удовольствіе обнять тебя.

Такъ какъ у тебя находятся мои акціи рязанской желѣзной дороги — то мнѣ пришло въ голову: если на нихъ наросли купоны, то будь такъ добръ, преврати ихъ въ деньги—и пришли ко мнѣ сюда, такъ какъ теперь курсъ стоитъ хорошій, а мнѣ, по случаю свадьбы моей милой Диди—приходится порядкомъ расходовать.

Въ альманахъ для самарцевъ—„Складчину", я послалъ бездѣлку; — какъ станешь читать, будь снисходителенъ.

Кланяйся всѣмъ пріятелямъ и дружески тебя обнимаю.

PS. Братъ мой не говорилъ тебѣ о купцѣ, желавшемъ пріобрѣсть Кадное?.

182.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 5 февраля 1874 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, я очень радъ, что мои „Мощи“ тебѣ понравились; будемъ надѣяться, что и публика оправдаетъ твой вердиктъ.

Вполнѣ одобряю твое распоряженіе на счетъ корректуры. Хотя слово „*умный*“ въ смыслѣ „*умственный*“ вездѣ употребляется священнымъ писаніемъ (умныя очи“ и т. д.) и слышалось мною не разъ въ устахъ простыхъ людей, но для избѣжанія недоразумѣнія, прошу тебя этотъ эпитетъ выкинуть.—Тѣмъ легче это сдѣлать, что Лукерія говоритъ: „а мысленный, умный грѣхъ, батюшка,“—оставь одинъ эпитетъ; „мысленный“.

Также выкинь въ моемъ письмѣ къ тебѣ во фразѣ: „и не имѣя ничего готоваго, ни даже начатаго“—слова: „ни даже начатаго“ — тѣмъ болѣе, что это не совсѣмъ вѣрно. Кое-что начато — правда, *только* начато.

Прилагаю тебѣ фотографію моей любимицы—*Claudie*. Она выходитъ замужъ черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ. — Будущаго мужа ея зовутъ Шамеро́—(Georges Chamerot), и хотя онъ стоитъ такого счастья, но завидовать ему, точно, можно.

Прекрасно дѣлаютъ издатели „Складчины“—что начинаютъ съ Гончарова, если это ему можетъ доставить удовольствіе.—Меня могутъ помѣстить, гдѣ угодно.

Я самъ удивлюсь, когда увижу себя въ Петербургѣ; но это произойдетъ, вѣроятно, въ апрѣлѣ.

Надѣюсь, что ты здоровъ и бодръ духомъ.—Кланя-

юсь всѣмъ твоимъ, крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь душевно тебѣ преданный.

183.

Маслову, И. И.—Парижъ, 25 февраля 1874 г.—Милый другъ Иванъ Ильичъ! Третьяго дня моя несравненная Дидй (дочь г-жи Віардо) вышла замужъ!—Ты можешь себѣ представить, въ какихъ хлопотахъ и въ какомъ радостномъ волненіи я былъ все это время.—Теперь оба молодые такъ счастливы, что даже смѣшно и трогательно глядѣть на нихъ. — При такихъ обстоятельствахъ, ты конечно извинишь меня, что я не тотчасъ отвѣчалъ на твое письмо, съ приложеннымъ векселемъ, по коему я деньги немедленно получилъ.

Вполнѣ одобряю твои распоряженія — и благодарю, благодарю!

Я выѣзжаю отсюда (это уже навѣрное—развѣ смерть помѣшаетъ)—черезъ 6 недѣль,—и, почти не останавливаясь въ Петербургѣ, проѣду въ Москву, гдѣ опять, если ты позволишь, воспользуюсь твоимъ гостепріимствомъ.—Тогда же мы потолкуемъ о Кадномъ, и о прочихъ дѣлахъ...

Я отправилъ небольшой разсказецъ въ „Складчину“—а послѣзавтра посылаю повѣстушку въ „Вѣстникъ Европы“. — Поручаю оба хиленькихъ произведенія твоему снисхожденью.

Передай мой дружескій поклонъ московскимъ пріятелямъ;—дружески тебя обнимаю.

PS. Я узналъ изъ газетъ о смерти Александры Балтасаровны. — Бѣдная старуха въ послѣднее время была въ тягость себѣ и другимъ,—а все жаль по человѣчеству.

184.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 6 марта 1874 г.—Отвѣчаю на твое довольно унылое письмо, дорогой Яковъ Петровичъ, начинающееся весьма красивыми и симпатичными, хотя тоже не очень веселыми стихами.—Ты, дѣйствительно, находишься въ положеніи довольно затруднительномъ—дай Богъ, чтобы твое „лавированіе“ довело тебя наконецъ къ пристани!

Только если эта пристань — Некрасовъ — охъ, какъ ненадежна она! Сообщаемая тобою фраза о „необходимости посовѣтоваться съ сотрудниками“ показываетъ только то, что онъ даже не потрудился перемѣнить свои надувательскіе пріемы въ послѣднія пятнадцать лѣтъ.—Слышалъ и я эту фразу, слышали и другіе изъ тѣхъ же ..... устъ.

Неужели у тебя съ Стасюлевичемъ все порвано?—Я въ концѣ апрѣля непремѣнно прибуду въ Петербургъ, и если твой Келіотъ о ту пору все еще будетъ безъ пріюта,—и если онъ такъ хорошъ, какимъ я себѣ его воображаю, то я постараюсь сблизить тебя съ „Вѣстникомъ Европы“, который все-таки нашъ первый журналъ и платитъ исправно. — Потерпи, что дѣлать! Терпѣлъ больше.

Но слово — терпѣніе — какъ нельзя лучше, примѣняется ко мнѣ въ настоящую минуту. Меня снова посѣтила подагра—и вотъ я болѣе недѣли лежу или сижу дома безъ ноги—и неизвѣстно, когда и чѣмъ это разрѣшится, хотя на видъ припадокъ менѣе злобенъ, чѣмъ обыкновенно. — Но вѣдь подагра не даромъ женскаго роду;—прекапризная болѣзнь!

А что же „Складчина?“ Подвигается—или застряла окончательно? Я думаю, что во всякомъ случаѣ это предпріятіе получитъ фіаско.

За симъ желаю тебѣ удачи въ твоихъ мореходныхъ изворотахъ, кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески жму тебѣ руку.

PS. Ты уже знаешь, что Фетъ превратился въ Шеншина?

185.

Ему же. — Парижъ, 23 марта 1874. — Любезный другъ Яковъ Петровичъ, твои письма часто меланхоличны, но послѣднее, на дняхъ мною полученное, совсѣмъ окрашено въ черный цвѣтъ. — Впрочемъ, сообразивъ всѣ сообщенныя тобою обстоятельства, трудно ожидать другого, болѣе веселаго оттѣнка. — Отъ души желаю, чтобы твой „Келіотъ“ нашелъ себѣ пріютъ хотя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и чтобы труды твои не пропали даромъ. — Въ случаѣ же неуспѣха, принимаю твое предложеніе — отдать твою поэму мнѣ, и живъ быть не хочу, если, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не найду ей приличнаго и выгоднаго помѣщенія.

А пріѣду я въ Петербургъ непремѣнно въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ мая.

Вычитанное мною извѣстіе — о публичномъ чтеніи моего разсказа — очень мнѣ было непріятно; — ты самъ можешь легко понять, какъ мало этотъ разсказъ годится для такой выставки, да и кто сей О. Ф. Миллеръ, который будетъ читать?

Безцеремонно — нечего сказать .. а впрочемъ, все это важности не имѣетъ.

Въ апрѣльскомъ № „В. Е.“ появится моя небольшая повѣсть [1]), которая, вѣроятно, также получитъ фіаско. — Кое-что въ ней есть — но, говоря по совѣсти, этого „кое-чего“ немного.

---

[1]) „Пунинъ и Бабуринъ“. — Ред.

Желалъ бы я тебя заочно пріободрить — право.— Только не валандайся ты съ этимъ архи-. . . . . — Некрасовымъ и, главное — не жди ты отъ него ничего — какъ отъ козла!

За симъ будь здоровъ, жму твою руку и кланяюсь твоей женѣ.

186.

Ему же.—Парижъ, 22 апрѣля 1874.—Милый Яковъ Петровичъ, сегодня только два слова: во 1-хъ, чтобы поблагодарить тебя за присланныя свѣденія о моей школѣ, которыя повлекутъ за собою слѣдующія распоряженія; а во 2-хъ, чтобы извѣстить тебя, что я выѣзжаю отсюда въ пятницу, 8-го мая (26-го апр.), и черезъ Баденъ и Берлинъ достигаю Петербурга, если только живъ буду, 15-го (3) мая.—Остановлюсь я въ гостинницѣ Демута, а впрочемъ извѣщу тебя изъ Берлина.

Кажется, этотъ срокъ будетъ вѣрнымъ. Итакъ — до свиданья—а пока, обнимаю тебя и остаюсь любящій тебя.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

187.

Ему же.—Спб., 16 мая 1874 г.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, вчера былъ у меня твой пріятель Златковскій, и сообщилъ о твоемъ желаньи навѣстить меня.—Я въ немъ не сомнѣвался, какъ не сомнѣваюсь въ твоей дружбѣ; но, правду говоря, именно по этому не извѣщалъ тебя о моемъ пребываніи здѣсь и о моей

болѣзни.—Прискачетъ, думалъ я, мой Полонскій, разверединъ себѣ колѣно, съ которымъ *шутить не слѣдуетъ*, и которому нуженъ совершеннѣйшій покой... и для чего? Для того, чтобы перекинуться со мной двумятремя словами?—Мы это можемъ сдѣлать на письмѣ.—Не забывай, что у тебя болѣзнь весьма серьезная, отъ которой можно отдѣлаться только твердой волей и энергіей; у меня былъ пріятель Гартманнъ, у котораго была такая же болѣзнь въ колѣнѣ: онъ пролежалъ *одиннадцать* мѣсяцевъ сряду, и выздоровѣлъ.—Правда, онъ былъ *нѣмецъ*. Но ты, русскій, докажи, что и нашей породѣ доступна непреклонная твердость рѣшенія. Тебѣ, говорятъ, лучше; зачѣмъ же ты хочешь испортить начатое дѣло.—А навѣрное испортишь.

Со мною, безспорно, произошло пакостное дѣло. Нежданно-негаданно нагрянула подагра—да такая, какой отъ роду не бывало: разомъ въ обѣихъ ногахъ, въ обоихъ колѣняхъ... Просто: всѣ онёры.

Мучился я сильно, и теперь едва начинаю ползать по комнатѣ на костыляхъ; однако докторъ обнадеживаетъ, что въ субботу можно будетъ уѣхать, такъ какъ мнѣ все-таки нужно попасть въ Карлсбадъ.—Рвеніе мое къ родинѣ эта штука несомнѣнно охладила: три раза сряду пріѣзжаю я сюда—и три раза уѣзжаю съ подагрой, и всякій разъ въ сильнѣйшей прогрессіи.—Результатомъ этого, вѣроятно, будетъ то, что я ни зимой, ни въ будущемъ году не пріѣду въ Россію;—ну а въ 1876 г. придется отъявиться опять.—Тогда мы увидимся, а, можетъ быть, и раньше; потому что—какъ говорится, чѣмъ чортъ не шутитъ—и какъ знать, чего не знаешь?—Можетъ быть, ты пріѣдешь туда.

Но именемъ дружбы нашей, прошу тебя: оставайся у себя на дачѣ—и не таскайся сюда.—Я сочту твой непріѣздъ за личное одолженіе.

Мы будемъ переписываться.—Я тебѣ дамъ знать, какъ только доберусь до Карлсбада.—Присылай мнѣ свои новыя стихотворенія.—Отъ меня ты будешь аккуратно получать отвѣты.—Почта на что-нибудь да создана!

За симъ заочно тебя обнимаю и желаю тебѣ всего хорошаго. – Кланяйся отъ меня твоей женѣ.

Изъ с. Спасскаго:

188 [1]).

Венгерову, С. А.—Спасское, 19 іюня, 1874.—М. г. Я сегодня получилъ ваше письмо. Отвѣчу откровенно на вашъ откровенный запросъ.

Отецъ мой скончался не въ 1836 г., а 30-го октября 1834 г. Мнѣ всего было тогда 16 лѣтъ. Ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ—она, между прочимъ, была причиной тому, что я, возросшій среди побоевъ и истязаній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ—но до „Записокъ Охотника“ было далеко.—Я былъ просто мальчикъ—чуть не дитя. Къ тому жъ отецъ мой былъ человѣкъ бѣдный—онъ оставилъ всего 130 душъ разстроенныхъ и не дававшихъ дохода—а насъ было трое братьевъ. Имѣніе моего отца слилось съ имѣніемъ моей матери, женщины своевольной и властолюбивой, которая одна давала намъ—а иногда и отнимала у насъ—средства къ жизни. Ни ей, ни намъ въ голову не приходило, что это ничтожное имѣніе (я говорю про отцовское)—не ея.—Я прожилъ три года за-границей, не получая отъ нея ни копѣйки—и все-таки

[1]) Это письмо напечатано съ большими пропусками въ критико-біографическомъ этюдѣ С. А. Венгерова: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“ (ч. 1, стр. 99).

не подумалъ потребовать свое наслѣдство;—впрочемъ, это наслѣдство—за выдѣломъ того, что слѣдовало моей матери, какъ вдовѣ, и того, что приходилось на долю братьямъ—не многимъ бы превысило нуль.

Когда же матушка скончалась въ 1850 году, я немедленно отпустилъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что́ составляло крупную сумму. Другой, быть можетъ, на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы больше и скорѣе; но я обѣщался сказать правду, и говорю ее, какова она ни есть. Хвастаться ею нечего; но и безчестія она, я полагаю, принести мнѣ не можетъ.

Что же касается до другого вашего желанія—то исполненіе его гораздо труднѣе. Я чувствую положительную, чуть не физическую, антипатію къ моимъ стихотвореніямъ—и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ—но дорого бы далъ, чтобы ихъ вообще не существовало на свѣтѣ. „Андрей“ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ“ – но въ которомъ году, не помню—въ 1845 или 46. „Параша“ вышла отдѣльной книжкой въ 1843 году.—Въ библіотекѣ Черкесова на Невскомъ, гдѣ сохраняется всякій хламъ—вы, можетъ быть, наткнетесь и на этотъ.

Засимъ желаю вамъ успѣха на избранномъ вами поприщѣ — и прошу принять увѣреніе въ чувствахъ искренняго уваженія, съ которыми остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Карлсбада:

189 [1]).

Ф—вой, А. П.—Карлсбадъ, 6 августа 1874 г.—Многоуважаемая А. П., вы, вѣроятно, удивляетесь, что я такъ долго не откликнулся на ваше письмо и въ особенности на вашу посылку; причина моего молчанія—болѣзнь-подагра, которая два мѣсяца тому назадъ схватила меня въ деревнѣ и даже здѣсь не даетъ покоя, мѣшаетъ моему леченью и заставляетъ до времени уѣхать въ Парижъ. По милости этой болѣзни я только на дняхъ просмотрѣлъ ввѣренный мнѣ портфель. Это чтеніе возбудило во мнѣ сомнѣнія, которыя не могу не повергнуть на ваше обсужденіе.

Цѣль ваша — при передачѣ означенныхъ документовъ—была, сколько я могу судить, познакомить меня съ образомъ мыслей—вообще съ личностями „новыхъ людей“, которыхъ я не могъ изучать, живя за границей. Экземпляры, съ которыми я долженъ былъ познакомиться, представлялись вамъ въ весьма выгодномъ, почти идеальномъ свѣтѣ—иначе вы бы не дали мнѣ того портфеля... но представьте: все, что я въ немъ нашелъ, за исключеніемъ дневника, поразившаго меня своею честною правдивостью и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ — все можетъ служить матеріаломъ... только съ сатирической, юмористической точки зрѣнія! Эта точка зрѣнія особенно примѣняется къ „молодому юношѣ“, къ русскому „Лео“, г-ну ***. Это опьянѣніе самообожанія рядомъ съ изумительной бездарностью (я много читалъ плохихъ сти-

[1]) Это и другія четыре письма къ тому же лицу напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. октябрь, стр. 219—228.

ховъ на своемъ вѣку, но вирши г-на ***—все превосходятъ!). Этотъ догматическій тонъ при такомъ невѣжествѣ! все это просится въ каррикатуру. И замѣтьте — меня нисколько не смущаетъ рѣзкость мнѣній; меня изумляетъ эта пустота, воображающая, что она „на 20-мъ году жизни уже разрѣшила всѣ вопросы науки и жизни“ (textuel). Прошу вашего извиненія, любезнѣйшая А. П., въ томъ, что такъ жестко выражаюсь о молодомъ человѣкѣ, въ которомъ вы принимаете такое живое участіе; но я не могу говорить иначе. Мнѣ кажется, что и тутъ ваше добрѣйшее сердце васъ обмануло: изъ молодыхъ людей, подобныхъ ***, никогда ничего не выходитъ. Откиньте всѣ его разглагольствованія о собственной особѣ подъ предлогомъ *идеи*, и вы удивитесь, какой тамъ останется нуль.

Но, при такомъ воззрѣніи, имѣю ли я право сохранять у себя бумаги, данныя мнѣ съ совершенно иными мыслями; могу ли я пользоваться ими? Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что: нѣтъ; что если бы вы предположили впечатлѣніе, которое произведутъ на меня всѣ эти документы, вы бы навѣрное не вручили ихъ мнѣ; — а потому я не имѣю права держать ихъ у себя долѣе. Вслѣдствіе этого покорно прошу васъ дать мнѣ знать въ Парижъ, rue de Douai, № 50, что̀ вы прикажете сдѣлать съ этимъ портфелемъ и куда и какъ его отправить.

Нѣтъ, любезнѣйшая А. П., это еще не новые люди; я знаю такихъ между молодыми, которымъ гораздо болѣе приличествуетъ подобное наименованіе. Зато въ дневникѣ высказывается прекрасная, свободная душа, которой я отъ всего сердца желаю счастья, т. е. исполненія ея завѣтныхъ надеждъ и намѣреній, клонящихся къ добру и благу меньшей братьи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности, и проч.

Изъ Буживаля:

190.

Ей же. — Буживаль, Maison Halgan. — 18 августа 1874 г. — Любезнѣйшая А. П., хотя вы не просите и, кажется, не желаете отвѣта—однако довѣріе, которое вы мнѣ оказали, и чувство симпатическаго уваженія, которое вы мнѣ внушили, налагаютъ на меня обязанность сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу вашего письма.

Во-1-хъ, могу васъ увѣрить, что вашъ дневникъ поразилъ меня своей честной и искренной правдивостью; о комплиментахъ тутъ не могло быть и рѣчи. Во-2-хъ, что касается до вашихъ новыхъ людей... какой я былъ бы художникъ (не говорю уже: человѣкъ) — если бы я не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый цинизмъ составляютъ неизбѣжную принадлежность молодости? Не въ томъ я упрекаю вашихъ знакомыхъ, а въ скудости мысли, въ отсутствіи познаній, а главное: въ бѣдности, въ нищенской бѣдности дарованія. Не въ томъ бѣда, что *** подъ двѣнадцатью стишками („Люби не меня, но идею“) съ одной стороны выставляетъ число, когда онъ задумалъ, а съ другой—число, когда онъ свершилъ это великое дѣло, а въ томъ, что стихи его вообще никуда не годятся, что они даже грамматически неправильны, и при всей кажущейся вольности — пошлы и холодны. Бѣда въ томъ, что *** не можетъ сдѣлать ни одной иностранной цитаты, не впавъ въ грубую ошибку. Не насмѣшку, какъ вы полагаете, вызываетъ подобная молодежь, а сожалѣніе. Я бы могъ назвать вамъ молодыхъ людей, съ мнѣніями гораздо болѣе рѣзкими, съ формами гораздо болѣе угловатыми—передъ которыми я, старикъ, шапку снимаю, потому что чувствую въ нихъ дѣйствительное

присутствіе силы и таланта и ума. А тамъ ничего этого нѣтъ—ничего и ничего. И вы сами въ томъ скоро убѣдитесь.

Замѣчу кстати, что нѣкоторые изъ вашихъ знакомыхъ (особенно г-нъ ***), производятъ впечатлѣніе болѣе выгодное, чѣмъ русскій „Лео"; но печать бездарности лежитъ на всѣхъ безъ исключенія.

Въ 3-хъ, какъ? и вы, вы говорите, что я въ Базаровѣ хотѣлъ представить каррикатуру на молодежь. Вы повторяете этотъ... извините безцеремонность выраженія—безсмысленный упрекъ! Базаровъ, это мое любимое дѣтище, изъ-за котораго я разсорился съ Катковымъ, на котораго я потратилъ всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи краски. Базаровъ—этотъ умница—этотъ герой—каррикатура?!? Но видно — тутъ ничего не подѣлаешь! Какъ Луи Блана, не смотря на всѣ его протестаціи, до сихъ поръ обвиняютъ въ томъ, что онъ завелъ народныя мастерскія (ateliers nationaux), такъ и мнѣ навязываютъ желаніе уязвить молодежь каррикатурой! Я давно уже съ презрѣніемъ отношусь къ этой клеветѣ; не ожидалъ, что мнѣ придется возобновить въ себѣ это чувство, читая ваше письмо.

Теперь перейдемъ къ вашей „старушкѣ", т.-е. къ критикѣ — или къ публикѣ.

Какъ всякая старушка, она упорно придерживается предвзятыхъ или ходячихъ мнѣній, какъ бы они ни были неосновательны. Напр., она постоянно утверждаетъ, что послѣ „Записокъ Охотника" всѣ мои сочиненія плохи вслѣдствіе моего отсутствія изъ Россіи, которую я будто бы поэтому и знать не могу. Но этотъ упрекъ можетъ относиться только къ тому, что я написалъ послѣ 1863 года: до того времени (т.-е. до моего 45-ти-лѣтняго возраста) я почти безвыѣздно жилъ въ Россіи—за исключеніемъ 1848—1850 годовъ, въ теченіе которыхъ я на-

писалъ именно „Записки Охотника“, между тѣмъ какъ „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“ и „Отцы и Дѣти“ написаны въ Россіи. Но это для старушки ничего не значитъ: son siège est fait.

Вторая слабость старушки — та, что она постоянно слѣдитъ за модой.

Теперь мода въ литературѣ на политику: все, что не политика — для нея вздоръ или даже нелѣпость.

Какъ-то неловко защищать свои вещи — но вообразите вы себѣ, что я никакъ не могу согласиться, что даже „Стукъ-стукъ“ нелѣпость. Что же оно такое?.. спросите вы. А вотъ что: повальная студія русскаго самоубійства, которое рѣдко представляетъ что-либо поэтическое или патетическое, а напротивъ, почти всегда совершается вслѣдствіе самолюбія, ограниченности, съ примѣсью мистицизма и фатализма. Вы мнѣ скажете, что моя студія мнѣ не удалась... Быть можетъ; но я хотѣлъ только указать вамъ на право и умѣстность разработки чисто психическихъ (не политическихъ и не соціальныхъ) вопросовъ.

Старушка также упрекаетъ меня въ недостаткѣ убѣжденій. На это можетъ послужить отвѣтомъ вся моя 30-тилѣтняя литературная дѣятельность. Ни за одну строчку, написанную мною, мнѣ не приходилось краснѣть — ни отъ одной отказаться. Пусть кто другой скажетъ то же самое! А впрочемъ, пусть себѣ старушка болтаетъ! Я на нее не обращалъ вниманія и прежде: не начинать же теперь!

Я не знаю, напишу ли я свой романъ; и знаю навѣрное, что въ немъ много будетъ недостатковъ... Но позвольте, любезнѣйшая А. П., отчего же новые молодые люди не берутся за эти задачи? Мы, старики, охотно уступили бы имъ „честь и мѣсто“ — и первые порадовались бы приливу новыхъ силъ. Но на литературной

аренѣ подвизаются беллетристы „Дѣла“—да „люди особой породы“—въ родѣ г-на ***.

Видите, любезная А. П., что не вы однѣ умѣете говорить полную и беззавѣтную правду. Надѣюсь, что и вы не разсердитесь на нее—и примете сказанное мною—ну хоть къ свѣденію.

Я все еще болѣю подагрой—добрался до Буживаля—но хожу еще на костыляхъ и раньше мѣсяца въ Парижъ не попаду. Вы можете быть увѣрены, что я найду средство — въ цѣлости и сохранности доставить вамъ вашъ портфель.

А за симъ прошу васъ принять выраженіе моего уваженія и пр.

191.

Суворину, А. С.—Буживаль, 24 августа 1874.—Я всегда съ особымъ удовольствіемъ читаю ваши остроумные фельетоны, любезный Алексѣй Петровичъ (Сергѣевичъ), но за послѣдній (отъ 30 (18) авг.)—прошу позволенія поблагодарить васъ.—Не столько меня тронули комплименты, которые вамъ угодно расточать моему краснорѣчію, сколько тѣ щелчки, которые вы преподнесли репортеру „Русскаго Міра“.—Этотъ молодой, слащавый Тартюфчикъ (новый типъ у насъ, замѣчу кстати) отъявился ко мнѣ съ предложеніемъ принять участіе въ какомъ-то благотворительномъ предпріятіи, въ которомъ онъ—по его словамъ—уже успѣлъ заинтересовать генерала Трепова и Е. И. В. Государыню Наслѣдницу. Я ему замѣтилъ, что заручившись такими авторитетами, ему не для чего хлопотать о другихъ—и отказался.—Тутъ онъ началъ приставать ко мнѣ съ разными „задушевными“ вопросами.—(Между прочимъ онъ началъ увѣрять меня, что если моей ногѣ полегчало—такъ это отъ

того произошло, что онъ за нее *молился*!—Я ему отвѣтилъ, что въ подобныхъ случаяхъ бѣленая мазь предпочтительнѣе даже его молитвы). Признаюсь, разговаривая съ этимъ господиномъ, я только объ одномъ и думалъ: какъ бы поскорѣй отдѣлаться отъ лицезрѣнія его сладковатой физіономіи;—ни одного изъ словъ, влагаемыхъ имъ мнѣ въ уста, я не помню: вообще говоря, я, сколько мнѣ кажется, не произношу такихъ пошлостей.—Вотъ новый опытъ введенія у насъ американской манеры—of interviewing a man! Еще разъ спасибо вамъ за урокъ, данный этому пренепріятному субъекту.

Я все еще не отдѣлался отъ своей подагры, несмотря на молитвы г-на Б.—А эта гадкая болѣзнь между прочимъ тѣмъ еще непріятна, что мѣшаетъ работать. Если, однако, выдастся хорошій часокъ, я, если вамъ угодно, сообщу вамъ еще нѣсколько характеристикъ краснорѣчивыхъ русскихъ людей, которыя вы можете, при случаѣ, помѣстить въ одномъ изъ вашихъ фельетоновъ.

Я едва ли скоро попаду въ Петербургъ — здѣсь я остаюсь еще мѣсяцъ,—а тамъ переѣзжаю въ Парижъ, rue de Douai, 50, гдѣ вы, помнится, у меня были.—Мнѣ очень было пріятно убѣдиться, что вы начинаете оправляться послѣ поразившаго васъ страшнаго удара. Примите, и пр.

192.

Ф-вой, А. П.—Буживаль, 11 сентября 1874.—Ваше письмо такъ мило и симпатично, любезная А. П., что я не хочу медлить отвѣтомъ.

Вы начали съ Базарова: и я съ него начну. Вы ищете его въ дѣйствительной жизни, и вы его не найдете: я вамъ сейчасъ скажу почему. Времена перемѣнились; теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей об-

щественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску — нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы— я беру слово: „жизненной“—въ смыслѣ простоты, безхитростности, „terre à terre'a“. Что можетъ быть, напр., жизненнѣе—учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ — тутъ даже о призваніи говорить нельзя—(не упомпная уже о звѣздѣ г-на ***!)... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что нужно.

А Базаровъ все-таки еще типъ, провозвѣстникъ, крупная фигура, одаренная извѣстнымъ обаяніемъ, не лишенная нѣкотораго ореола: это все теперь неумѣстно— и смѣшно толковать о *героях*ъ или *художниках*ъ труда. Блестящихъ натуръ въ литературѣ, вѣроятно, не проявится; тѣ, которыя бросятся въ политику, только даромъ погубятъ себя. Все такъ, но примириться съ этимъ фактомъ, съ этой сѣренькой средой, съ этой скромной рѣшительностью многіе не могутъ сразу, особенно впечатлительныя и энтузіастическія женщины, какъ вы. Чтобы вы ни говорили—вамъ все таки хочется восторгаться и увлекаться; вы сами пишете, что вы желаете преклоняться: а передъ *только полезными* людьми не преклоняются. Мы вступаемъ въ эпоху *только полезных*ъ людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ — очень мало. А въ вашемъ исканіи Базарова—„настоящаго“—все-таки сказывается, быть можетъ, безсознательно, жажда красоты— конечно, своеобразной. Всѣ эти мечты надо бросить.

Я бы первый не сталъ упрекать вашихъ знакомыхъ въ отсутствіи даровитости, еслибъ они на нее не претендовали; будь они усердные труженики — ничего бы не оставалось желать: но коли ужъ они становятся на дыбы и заявляютъ притязаніе на удивленіе, то нельзя не напомнить имъ, что они никакихъ правъ на это удивленіе не имѣютъ. Увы, А. П., мы не увидимъ людей типовъ, тѣхъ новыхъ людей, о которыхъ такъ много толкуютъ. Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго хорового развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники—не вожаки, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности. Я сейчасъ сказалъ, что вы ихъ не увидите... Вы еще молоды — вы доживете до тѣхъ дней. Я—другое дѣло.

А пока будемъ сами учиться азбукѣ и учить другихъ—и добро дѣлать помаленьку—въ чемъ вы уже преуспѣваете.

Письмо вашего сына, которое я вамъ возвращаю, очень хорошо и тепло. Да поступитъ и онъ въ ряды полезныхъ рабочихъ и народныхъ слугъ (какъ нѣкогда были царскіе слуги)!

Не знаю, насколько Р** самолюбивъ, во всякомъ случаѣ онъ этого не выказываетъ—и не носится съ самимъ собою. Въ совѣтѣ, данномъ имъ—высказывается не столько недовѣрія ко мнѣ, сколько участія къ вамъ.

Здоровье мое поправляется, и я, вѣроятно, скоро переѣду въ Парижъ, rue de Douai, 50.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

Изъ Парижа:

193.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 50, rue de Douai [1]).—25 сентября 1874.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, сейчасъ получилъ твое письмо и немедленно отвѣчаю.—Прежде всего радуюсь тому, что ты почувствовалъ хотя небольшое облегченіе: твоя болѣзнь принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя побѣждаются однимъ терпѣніемъ да постоянствомъ. Я тоже нѣсколько въ твоемъ родѣ: до сихъ поръ ноги болятъ, хожу съ трудомъ, въ Карлсбадѣ принужденъ былъ бросить леченіе, за-городомъ страдалъ отъ сырости.—Что-то скажетъ зима и теплая квартира?—Если я и эту зиму не буду работать, то тогда—аминь.

Радуюсь также твоему намѣренію приняться за прозу.—Во 1-хъ, сбытъ легче; а во 2-хъ, я помню, нѣкоторые твои прозаическіе разсказы были очень милы.—Но Музу, я надѣюсь, ты все-таки не покинешь: она, въ послѣднее время, дарила тебя прекрасными дарами.—Я буду продолжать разсчитывать на тебя, чтобы хотя изрѣдка насладиться изящнымъ русскимъ стихомъ.

Я понимаю, что мысль о твоемъ семействѣ—и о томъ, что съ нимъ станется послѣ тебя—должна тебя мучить.—Однако, не предавайся слишкомъ унынью: свѣтъ не безъ добрыхъ людей—и мнѣ не нужно прибавлять, что во всякомъ случаѣ—на меня ты можешь всегда разсчитывать

Хорошо бы продать твою поэму „Дѣлу“, но только не для того, чтобы заплатить мнѣ 200 р.—Это совершенно ненужно,—а для того, чтобы „подлить масла въ лампу твоего хозяйства“.

[1]) Тургеневъ не перемѣнялъ квартиры, и 50 вмѣсто 48, явилось вслѣдствіе измѣненія общей нумераціи домовъ въ этой улицѣ.—Ред.

Здѣсь носился слухъ о разныхъ арестахъ: что въ нихъ справедливаго—и можешь ли ты, кого-нибудь назвать?

Я бы посмотрѣлъ на твои пейзажи!—Кто знаетъ, можетъ быть, въ тебѣ сидитъ живописецъ? Кстати, Харламовъ здѣсь дѣлаетъ чудеса!

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески тебя обнимаю.

194.

Ему же. — Парижъ, 14 октября 1874. — Милый Яковъ Петровичъ, пишу тебѣ не на излюбленной тобою сѣрой бумагѣ—та вся вышла, но и эта, кажется, недурна.

Вѣсть о твоемъ здоровьѣ меня огорчаетъ; но зато, я радуюсь тому, что ты принялся за работу—хоть и прозаическую, т.-е. за прозу. Почему-то мнѣ кажется, что она тебѣ удастся.

Мнѣ очень лестно, что ты хочешь упомянуть объ одномъ изъ моихъ первыхъ произведеній [1]); но вотъ, что я долженъ тебѣ замѣтить.

„Андрей Колосовъ“ явился въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1844 году и прошелъ, разумѣется, совершенно безслѣдно.—Молодой человѣкъ, который въ то время обратилъ бы вниманіе на эту повѣсть—былъ бы въ своемъ родѣ феноменъ.—Такихъ вещей молодые люди не читаютъ: онѣ не могутъ (да и, говоря по справедливости, не заслуживаютъ этого)—обратить на себя ихъ вниманія.—А впрочемъ—какъ знаешь.

Мое здоровье все неудовлетворительно, и я не такой молодецъ, какъ ты:—не могу заставить свое тѣло работать, когда душа немощна и хандритъ.

---

[1]) Объ Андреѣ Колосовѣ упоминается въ повѣсти: „*Дешевый городъ*“.—Я. П.

Прочелъ я книгу Аксакова о Ѳ. И. Тютчевѣ; первая половина—очень хороша и тонка;—вторая, гдѣ пошла славянофильская политика—плоха и сбивчива. Да оно иначе и быть не могло.

Не въ моихъ привычкахъ расточаться въ увѣреніяхъ: но ты знаешь, что ты во всякомъ случаѣ на меня можешь разсчитывать.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и обнимаю тебя.

195.

Маслову, И. И. — Парижъ, 17 ноября 1874. — Милый другъ Иванъ Ильичъ, третьяго дня получилъ я твое письмо—а вчера получилъ, по векселю, сполна всѣ деньги, которыхъ оказалось гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ.

„За все, за все тебя благодарю я"—какъ сказано у Лермонтова;—а какіе еще остались у тебя мои рубли, то я ихъ получу впослѣдствіи, когда самъ отъявлюсь весной въ Россію.

Сердечно радуюсь благодатному вліянію на твое здоровье крымскаго и кавказскаго климата; не сомнѣваюсь въ томъ, что ты теперь совсѣмъ молодецъ. Что же касается до меня, то мои немощи и хворости все еще не хотятъ пройти: вчера былъ у меня великій С. П. Боткинъ—и ощупавъ меня всего, особенно остался недоволенъ моими колѣнями, въ которыхъ, свирѣпствовала подагра—и присовѣтовалъ мнѣ прибѣгнуть къ электричеству.—Я со вчерашняго вечера началъ себя тормошить этой новой методой. Посмотримъ, что изъ этого выдетъ.

Статью Аксакова о Ѳ. И. Тютчевѣ я прочелъ: она прекрасна, особенно первая часть. — Съ его воззрѣніемъ на спасеніе Европы, яко бы зависящее отъ принятія ею нашей православной вѣры—я еще вполнѣ свыкнуться не

могу — и нахожу его даже нѣсколько страннымъ. А впрочемъ — чего не бываетъ!

Императрица ѣдетъ отсюда завтра въ Санъ-Ремо, на берегъ Средиземнаго моря — и Боткинъ съ нею.

У васъ, говорятъ, снѣжныя мятели занесли всѣ улицы,—а здѣсь солнце свѣтитъ и 5, 6 градусовъ выше нуля.—Но я до сихъ поръ этимъ мало пользовался, будучи принужденъ сидѣть дома.

За симъ дружески тебя обнимаю и остаюсь любящій тебя.

196.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 25 декабря 1874.—Милый Яковъ Петровичъ, отвѣчаю по пунктамъ на твое письмо:

1) Харламовъ моего портрета еще не начиналъ да и врядъ ли напишетъ его до своего отъѣзда въ Испанію въ мартѣ мѣсяцѣ; слѣдовательно это дѣло отложено въ долгій ящикъ.—(Онъ написалъ удивительный портретъ г-жи Віардо).

2) Я, по болѣзни и по другимъ обстоятельствамъ, ни фотографіи своей не снялъ, ни у Паннемакера не былъ; но все это намѣренъ исполнить въ скоромъ времени.

3) Мнѣ очень лестно, что г-нъ Соколовъ пишетъ акварели на „Записки Охотника“; но посылать ихъ сюда слишкомъ хлопотно и совѣстно утруждать художника.—Полагаюсь совершенно на твой вкусъ, и даю тебѣ carte blanche — разрѣшать: какія акварели удачны или нѣтъ.

4) Высылай мнѣ Келіота подъ бандеролью преспокойно: еще не было примѣра, чтобы подобныя посылки не достигали своего назначенія — по крайней мѣрѣ, что до меня касается.

5) Радуюсь успѣху подписки на „Пчелу“,—но со-

жалѣю о бѣдности матеріала,—а главное, о твоемъ здоровьѣ.—Полагаю, что гипсовыя повязки дѣло полезное: пусть уже лучше колѣно сростется,—но не будетъ тебя мучить.

6) Присланное тобою стихотвореніе носитъ твою печать—хотя оно и не изъ лучшихъ... особенно коробитъ это слово: „моллюскъ", возвращающееся въ послѣдней строчкѣ каждой строфы.

7) Наконецъ скажу тебѣ о себѣ—я въ послѣднее время поправился здоровьемъ, — но уже окончательно бросилъ всякую работу.

За симъ желаю тебѣ всего хорошаго и дружески тебя обнимаю.

PS. Куда дѣнутся сотрудники „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"?—Вѣдь передача этого журнала въ руки гг. Баймакова и Сальяса дѣло рѣшеное?

1875.

197.

Ему же. — Парижъ, 25 января 1875 г. — Милый Яковъ Петровичъ, получилъ я вчера твое письмо, а сегодня пришли и 3 экз. Келіота. Поэму твою я непремѣнно на дняхъ перечту, а на письмо отвѣчаю слѣдующее:

Прежде всего радуюсь душевно улучшенію твоего здоровья: это главное. На счетъ „Пчелы" — имѣю сказать, что ни одного № еще не получилъ и очень бы хотѣлъ увидать ее. Затрудненія неизбѣжны—особенно въ началѣ литературнаго предпріятія, но это все со временемъ перемѣнится. Главное: были бы подписчики. Харламовъ, наконецъ, сегодня началъ мой портретъ: вѣроятно, черезъ мѣсяцъ онъ его кончитъ, и тогда мы

уже распорядимся на счетъ гравировки. Самъ я—увы!—ничего обѣщать „Пчелѣ“ не могу—такъ какъ—вообще кажется бросилъ перо.

Николай Успенскій—давнымъ-давно конченный человѣкъ. На него можно махнуть рукой. Десять лѣтъ тому назадъ онъ купилъ у меня нѣсколько десятинъ земли, построилъ домикъ, но не ужился — и опять мнѣ же ее продалъ. Глѣбъ Успенскій здѣсь—и былъ сегодня у меня. Хандритъ и жалуется. Да и есть отчего хандрить, коли цензура у него хлѣбъ изо рту отнимаетъ. У Глѣба въ десять разъ больше таланта, чѣмъ у Николая—но тоже очень все однообразно и бѣдно красками.

Графъ А. К. Толстой съ мѣсяцъ тому назадъ покинулъ Парижъ и теперь обрѣтается во Флоренціи.

Какъ тебѣ не стыдно говорить о твоемъ долгѣ? Я слишкомъ былъ радъ помочь тебѣ — и готовъ тоже дѣлать и впредь.

Теперь вотъ еще просьба: здѣсь проживаетъ русскій, нѣкто Николай Николаевичъ Чашниковъ—и, разумѣется, голодаетъ. Онъ кажется хорошій и образованный человѣкъ. Его хорошо знаютъ въ редакціи „Нивы“, куда онъ посылаетъ корреспонденціи отсюда. Онъ бы желалъ, если возможно, присылать корреспонденціи въ „Пчелу“ отчасти политическаго, отчасти соціальнаго, художественнаго, литературнаго характера. Я читалъ нѣкоторые его фельетоны: очень недурно. Не можешь-ли ты пустить его въ Пчелу? Если ты того пожелаешь, то онъ пришлетъ пробный фельетонъ.

Только, пожалуйста, пришли отвѣтъ поскорѣе, ибо онъ нуждается сильно.

Здоровье мое недурно. За симъ кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески жму тебѣ руку.

198.

Суворину, А. С. — Парижъ, 14 февраля 1875.— Любезнѣйшій А. С. (въ первомъ моемъ письмѣ я неправильно написалъ ваше отчество, въ чемъ извиняюсь)— мнѣ бы давно слѣдовало отвѣчать на ваше подробное и крайне интересное письмо — да все никакъ не могъ собраться. — Примите хотя позднее спасибо за всѣ свѣденья, которыя вы сообщили мнѣ — за передачу современной петербургской физіономіи, которая никому такъ неизвѣстна и никому такъ не дается какъ вамъ. — Не нужно мнѣ вамъ сказывать, какъ искренно я сожалѣлъ о катастрофѣ, постигшей „П—бургскія Вѣдомости“ — и особенно объ исчезновеніи вашихъ фельетоновъ, которыхъ я всегда ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Неужели ваше молчаніе долго продолжится? Я уже писалъ Стасюлевичу, что я, на его бы мѣстѣ, непремѣнно завербовалъ бы васъ къ себѣ — и печаталъ бы каждое первое число всѣ 4 воскресныхъ фельетона — сподрядъ. — Мысль эта простая и отличная; я не сомнѣваюсь, что и онъ находитъ ее такою — но, быть можетъ, онъ обуреваемъ страхомъ и желаетъ дать время грозѣ пройти. — Во всякомъ случаѣ вы очень хорошо сдѣлаете, собравши во едино лучшія изъ вашихъ статей — и я заранѣе заявляю претензію на одинъ экземпляръ.

С.-П—бургскія Вѣдомости я, разумѣется, больше не получаю — и только изъ другихъ журналовъ узнаю о совершаемыхъ въ нихъ безобразіяхъ. — Исторія съ Маркевичемъ меня не удивила. — Патронъ его — т. е., одинъ изъ его патроновъ, Лонгиновъ, исчезъ: кого-то посадятъ на его мѣсто? Пожалуй, еще худшаго. — Мнѣ иногда, потому только досадно на свою лѣнь, не дающую мнѣ окончить начатый мною романъ, что двѣ, три фигуры, ожидающія клейма позора, гуляютъ, хотя съ мѣдными — но не выжженными еще лбами. Да авось я еще встряхнусь. Хотя я не Гюго — и Маркевичъ не Наполеонъ III,

но пріятно повторять про себя: „Oui je tiens le fer rouge — et vois ta chair fumer“. Силы у меня небольшія—но такъ же, какъ „по Сенькѣ шапка“ можно сказать—„по спинѣ палка“. Чего Щедринъ смотритъ?—Впрочемъ и онъ находится подъ Дамокловымъ мечемъ. Да и то нужно сообразить: художественное воспроизведеніе—*если оно удалось*—злѣе самой злой сатиры.—Поживемъ, увидимъ... а стараться рады:

Какую неожиданную штуку выкинулъ этотъ московскій издатель съ моимъ разсказцемъ: „Стучитъ“.—Вотъ наглость!—И ничего подѣлать нельзя.

Не знаю, когда я попаду въ Россію.—Вѣроятно къ зимѣ.—Если я наконецъ одолѣю свой романъ, то непремѣнно привезу его тогда съ собою.

Время, въ которое мы живемъ, сквернѣе того, въ которомъ прошла наша молодость. Тогда мы стояли передъ наглухо заколоченной дверью; теперь дверь какъ будто нѣсколько пріотворена, но пройти въ нее еще труднѣе.

Здоровье мое поправилось—такъ что даже предлога нѣтъ не работать. Надѣюсь, что и вы не поддаетесь—хотя какіе падали на васъ удары!—Надо бороться до конца.

Топоровъ вамъ вѣроятно доставилъ уже экземпляръ послѣдняго изданія моихъ сочиненій.—Примите его, какъ отъ человѣка одного съ вами лагеря, который и сочувствуетъ вамъ, и дорожитъ вашимъ сочувствіемъ.—Дайте себѣ трудъ перечесть „Пунина и Бабурина“. Я эту вещь передѣлалъ и поправилъ—и хотя все еще ею недоволенъ—но мнѣ кажется, въ ней что-то есть.—Но и это, можетъ быть, самообольщеніе старика на счетъ послѣдняго своего дѣтища?

Загляните тоже въ 1-мъ томѣ въ статейку объ Ивановѣ.

Напишите мнѣ опять — и я вамъ буду отвѣчать, не слишкомъ мѣшкая, а теперь жму вамъ крѣпко руку, желаю вамъ всего хорошаго и остаюсь преданный вамъ.

199.

Милютиной, М. А.—Парижъ, 22 февраля 1875 г.—Однако, задали вы мнѣ задачу, любезнѣйшая Марія Аггеевна! Я полагаю такой задачи еще ни одинъ сочинитель не получалъ. Опредѣлить мое собственное міросозерцаніе... да еще въ сжатомъ видѣ, въ письмѣ!? [1]).

Отнестись либо отрицательно, либо юмористически къ подобному вопросу было бы легко и даже естественно... Не менѣе естественно и правдиво было бы сказать: а Господь его знаетъ! Не знаю же я собственнаго лица! Но такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы огорчить вашего сына (хотя признаюсь откровенно, не могу не дивиться, какія странныя задачи предлагаютъ воспитанникамъ низшихъ учебныхъ заведеній!!), скажу вкратцѣ, что я преимущественно реалистъ, и болѣе всего интересуюсь живою правдою людской физіономіи; ко всему сверхестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу, и, сколько могу судить — доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство—чуждо, такъ же какъ и всякая *ортодоксія*. Кажется, сказалъ довольно, а въ сущности все это—одни слова! Больше ничего не имѣю доложить вамъ о себѣ.

А прочесть, современемъ, сочиненіе вашего сына по этому предмету--будетъ весьма интересно!

---

[1]) Я писала ему, что сыну моему, къ экзаменамъ, было дано слѣдующее сочиненіе: „Міросозерцаніе Тургенева по его произведеніямъ“, и спрашивала шутя—не имѣетъ ли онъ самъ чего сказать на этотъ счетъ?—Марія Стиль.

Благодарю васъ за сообщенныя извѣстія о себѣ... И у насъ не обходится безъ тревогъ и хлопотъ.

...Но теперь все снова вошло въ обычную колею — *что лучше всего.* О! блаженная прелесть однообразія и сходства нынѣшняго дня со вчерашнимъ!... Этою прелестью я наслаждаюсь вполнѣ. Подагра меня оставила пока въ покоѣ; всѣ *мои* здѣсь здоровы, не исключая и новорожденной дѣвочки (дочери моей милой Claudie (Клавдіи), внучки г. Віардо). Стало быть и желать болѣе нечего! Къ великому моему удовольствію, я къ тому же и не работаю.

Радуюсь, что Антокольскій взялся за Пушкина, и не удивляюсь, что бюстъ вашего мужа ему не удался: портретъ не по его части.

Кстати о портретахъ: живописецъ Харламовъ, здѣсь проживающій, написалъ удивительные портреты г-на и г-жи Віардо и пишетъ теперь мой.

Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ вашимъ и примите увѣреніе въ искренней привязанности преданнаго вамъ.

200.

Ф—вой, А. П. — Парижъ, 22 февраля 1875 г. — Очень мнѣ было пріятно увидать снова вашъ почеркъ, любезнѣйшая А. П., и услыхать вѣсточку отъ васъ — хотя письмо ваше очень грустно. Но позвольте васъ пожурить немного сейчасъ же: вы начинаете съ того, что увѣдомляете меня объ окончаніи вашей постройки, о заведеніи школы и т. п., и черезъ нѣсколько строкъ говорите объ отчаяніи, которое овладѣваетъ вами. Помилуйте, дѣятельность ваша достигла хотя маленькаго результата — слѣдовательно небезплодна — чего же больше? Пусть

каждый въ своей сферѣ сдѣлаетъ столько же, и выдетъ дѣло большое и хорошее. Вспомните старика Шиллера:

Die Thätigkeit die nie ermattet...
Die Sandkorn nur an Sandkorn reicht...

Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о „сдвиганіи горъ съ мѣста“ — о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ; болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначать себѣ тѣсный кругъ дѣйствія: мы умремъ — и ничего громаднаго не увидимъ. Съ этимъ надо помириться — и предоставить все къ этому неподходящее господамъ въ родѣ ***, если онъ самъ уже не излечился отъ прежнихъ мечтаній.

Вы мнѣ ничего не пишете о своемъ здоровьѣ, о своемъ семействѣ: вѣроятно, все идетъ своимъ порядкомъ, чему я искренно радуюсь. О себѣ скажу вамъ, что у меня тоже идетъ все полегоньку и потихоньку: одна работа совершенно остановилась. Не знаю, когда я попаду въ Петербургъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ думаю о свиданіи и бесѣдѣ съ вами.

Прошу васъ извинить меня, что до сихъ поръ не возвратилъ вамъ вашего портфеля: все ждалъ удобнаго случая, который не представлялся. Теперь, однако, надѣюсь въ весьма скоромъ времени доставить вамъ ваши любопытные документы.

Еще разъ напоминаю вамъ: у васъ здоровье, молодость, хорошее семейство, добрые друзья — и возможность дѣлать добро и приносить пользу. Съ этимъ еще можно жить, и не слѣдуетъ ни роптать, ни падать духомъ.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

201.

Полонскому, Я. П. — Парижъ, 9 марта 1875 г. — Милый другъ Яковъ Петровичъ, я точно виноватъ пе-

редъ тобою — не тотчасъ отвѣчалъ на твое первое письмо; но ты, пожалуйста, не воображай, что я на тебя сержусь (за что?!) или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ты меня настолько знаешь, что подобныя предположенія не должны входить тебѣ въ голову. Приписывай мое молчаніе существенно-возможной причинѣ: лѣни. (Это — тоже непохвальная черта, но въ ней по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго). Приведу тебѣ примѣръ, или доводъ, который, надѣюсь, покажется тебѣ убѣдительнымъ. Какъ бы я тебя ни любилъ, все же не больше своей, говоря возвышеннымъ слогомъ, Музы; а я вотъ уже болѣе года какъ не имѣю съ нею никакого общенія — говоря проще, не исполняю обѣщаній, данныхъ мною Стасюлевичу и другимъ издателямъ — и всему виною — тоже, все болѣе и болѣе овладѣвающая мною лѣнь. Такъ и ты знай: брани меня, сколько душѣ угодно — но не предполагай во мнѣ никакихъ чувствъ, совершенно неумѣстныхъ, особенно въ отношеніи тебя.

Dixi et animam meam levavi.

„Пчелою“ я дѣйствительно не очень доволенъ — такъ же какъ и ты. Рисунки посредственные, литература хромаетъ — даже твои „Собаки“, хотя очень мило помахиваютъ хвостиками, но не кусаются... А какая ужъ это собака, коли не кусается? Сатира — не твое дѣло. Но все это можетъ перемолоться и придти въ порядокъ, если издатели не будутъ сами портить свое дѣло, чего я желаю отъ души, собственно для тебя и твоихъ выгодъ.

Стасовъ какъ обухомъ по головѣ съѣздилъ бѣднаго Рѣпина: онъ ходилъ здѣсь какъ ошеломленный. Вотъ чисто медвѣжья услуга. Кто не писалъ глупостей на своемъ вѣку...

Теперь это понемногу позабывается; но Рѣпину здѣсь не ужиться: ему, говорю это съ сожалѣньемъ, мѣсто въ Москвѣ, гдѣ въ его лицѣ прибавится одинъ новый

непризнанный геній. Малый онъ хорошій, но спутанный, нервный и съ талантомъ очень умѣреннымъ. „Садко“ Рѣпина — пока нечто иное какъ наброшенный углемъ эскизъ. Что изъ этого выдетъ — Аллахъ вѣдаетъ!

И надо же было тебѣ наткнуться на Гі-е-ро-гли-фова.

Козлову я отвѣчалъ отказомъ.

Здѣшняя недавно основанная библіотека будетъ очень рада получить твои сочиненія. Вышли ихъ на мое имя.

Портретъ мой подвигается, но до конца еще далеко — и потому о гравированіи пока — думать нечего.

Чашникову я передамъ твое порученіе...

Ты мнѣ не пишешь о своемъ здоровьѣ.—Толкую это въ хорошую сторону и надѣюсь, что ты поправляешься. Я, тоже, ковыляю помаленьку.

А за симъ дружески жму тебѣ руку и остаюсь преданный тебѣ.

202.

Суворину, А. С.—Парижъ, 14 марта 1875.—Вы мнѣ пишете такія большія и интересныя письма, любезнѣйшій Алексѣй Сергѣевичъ, что мнѣ совѣстно отвѣчать на короткѣ; оттого-то я и медлю...

— Вторникъ, 1 (13) апрѣля.—Я на этомъ остановился, а вы мнѣ съ тѣхъ поръ написали еще письмо, да такое милое, что просто чудо! Приношу повинную голову и отвѣчаю по пунктамъ.

1) Курьеръ былъ у меня и принесъ мнѣ свою книгу. Это — какой-то, какъ говаривали въ старину, хлыщъ, смахивающій на commis-voyageur'a или на ветеринарнаго врача: круглоголовый, плечистый, съ каменными глазами и хриплымъ голосомъ. Вы совершенно вѣрно оцѣнили его книгу: онъ кое-чего нахватался въ бытность свою на Руси, но все это очень спѣшно, поверхностно

и написано плохимъ, не литературнымъ языкомъ. Вамъ бы написать книгу о новѣйшей россійской словесности: вышло бы лучше, чѣмъ у К. и даже чѣмъ у О. Миллера.

2) Съ нетерпѣніемъ жду перваго выпуска вашихъ очерковъ. Портретъ Л. Н. Толстого выдетъ у васъ навѣрно хорошо. Талантъ изъ ряду вонъ, но въ „Аннѣ Карениной“ онъ, какъ говорятъ здѣсь, a fait fausse route: вліяніе Москвы, славянофильскаго дворянства, старыхъ православныхъ дѣвъ, собственнаго уединенія и отсутствіе настоящей, художнической свободы. Вторая часть просто скучна и *мелка*, вотъ что горе! Что касается біографическихъ подробностей обо мнѣ—то всѣ данныя у Полевого вѣрны—и другихъ, кажется, собирать не стоитъ (у него имя моего отца, помнится, поставлено не вѣрно – звали его Сергѣемъ Николаевичемъ, мать — Варварой Петровной Лутовиновой, родился я 28 окт. 1818 г.). Въ „Шунинѣ и Бабуринѣ“ дѣйствительно много автобіографическаго. Мысль ваша очень хорошая: на вашемъ мѣстѣ я бы съѣздилъ въ Москву, познакомился бы съ Писемскимъ, что очень легко: его стоитъ посмотрѣть поближе. Я не отказываюсь сообщить вамъ обѣщанныя подробности о разныхъ писателяхъ, съ которыми мнѣ пришлось сталкиваться: но боюсь я собственной лѣни, перо какъ-то валится изъ рукъ, въ какіе-нибудь два часа я бы наговорилъ вамъ съ три-короба! Весьма вѣроятно, что послѣ Карлсбада, куда я попаду въ концѣ мая, я проберусь въ Россію—не встрѣтимся ли тамъ?

А у васъ — исторія за исторіей! Не успѣлъ остыть Маркевичъ, какъ уже закипѣлъ Овсянниковъ! Ново-финансовый міръ нашъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ, а какія тамъ должны скрываться прелести! Изъ фельетоновъ вашихъ я могъ убѣдиться, что вамъ все это довольно извѣстно. Чтобы вамъ сочинить нѣчто въ родѣ Прудонов-

скаго „Manuel de la Bourse“, только въ юмористически-сатирическомъ родѣ?

Послѣ 40 лѣтъ жить точно не совсѣмъ весело, особенно въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ. Ну а потомъ подъ вліяніемъ холодка, вѣющаго отъ могилы, человѣкъ успокоивается. Мнѣ одна петербургская нѣмка-старуха бывало говаривала: „подъ старость *жисть* подобна есть мухѣ: пренепріятный *накъкомъ*. — Надо *терпъйть*“! Именно: надо *терпъйть!*

Примите мое искреннее спасибо за ваши письма: я ихъ читаю съ великимъ удовольствіемъ — въ томъ вы можете быть увѣрены. И въ томъ вы можете быть увѣрены, что я ни одного не оставлю безъ отвѣта, хотя иногда нѣсколько поздняго.

NB. Пожалуйста, не вѣрьте, какъ это у насъ дѣлаютъ почти всѣ, въ неизбѣжное торжество бонапартизма во Франціи: *мы не увидимъ конца* республики, правда, весьма буржуазной и смирной.

За симъ крѣпко жму вамъ руку.

203.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 13 мая 1875.—О, чудакъ, чудакъ Яковъ Петровичъ! Я, точно, виноватъ: на два письма твоихъ не отвѣчалъ,—но какъ же ты опять можешь думать, что я сержусь на тебя?! Владыко живота моего! за что же я буду сердиться? Скорѣе, ты бы могъ.—Просто времени не улучилъ: и вотъ теперь, собираясь въ Карлсбадъ, засѣлъ съ 10 часовъ вечера—(а теперь 3 часа ночи), и пишу, пишу, какъ угорѣлый, всѣмъ своимъ корреспондентамъ, письма которыхъ составляютъ нѣчто въ родѣ пирамиды на моемъ столѣ.—Итакъ слушай: черезъ 2 дня я ѣду въ Карлсбадъ и буду жить

тамъ и скучать и пить вонючую воду въ теченіе 6 недѣль; обиталище мое будетъ въ „König v. England“, куда прошу адрессовать свои письма. А что дальше со мною будетъ—ей же ей, не знаю: вѣроятнѣе всего—пріѣду сюда назадъ—но, можетъ быть, и въ Россію махну—тамъ виднѣе будетъ.

Здоровье мое порядочно: бездѣйствіе—колоссально.—Харламовъ,—портреты котораго здѣсь имѣли на выставкѣ большой успѣхъ, кончаетъ мой портретъ и выходитъ отлично; но не отлично то, что я долженъ ему давать по два сеанса въ день, по два часа каждый!! — Всѣ мои здѣшніе процвѣтаютъ—и собираются на дачу.

Теперь переговоримъ о тебѣ.—Мнѣ ужасно жаль и досадно, что ты все хвораешь. Это ни на что не похоже.—Поздравляю тебя съ рожденіемъ сына:—кто знаетъ, можетъ, онъ пойдетъ въ батюшку, и выдетъ изъ него хорошій поэтъ.

Что Некрасовъ хандритъ—это, признаюсь, мнѣ совершенно все равно: старый, с. . . . . ., наклевавшійся коршунъ нахохлился—ну и чортъ съ нимъ.

Григоровичъ меня уже здѣсь не застанетъ: отъ этого я тоже плакать не буду.

А что Бредифъ въ нынѣшнее глухое и пустое время долженъ былъ взбаламутить Петербургъ—это въ порядкѣ вещей.—Даже здѣсь всѣ медіумы и сомнамбулы живутъ одними россіянами.

Видишь, какое я тебѣ плохое письмо намаралъ:—и все-таки я искренно тебя люблю, и ты въ этомъ, ради Аллаха, не сомнѣвайся. Изъ Карлсбада напишу болѣе путнымъ манеромъ, а теперь кланяюсь всѣмъ твоимъ и тебя обнимаю.

PS. Что дѣлаетъ Муза?

Анненковъ въ Баденѣ,—но на дняхъ ѣдетъ въ Россію.

Ханыковъ здѣсь и болѣе шаровиденъ чѣмъ когда либо.

„Анна Каренина“ мнѣ не нравится, хотя попадаются истинно-великолѣпныя страницы. — (Скачка, косьба, охота). Но все это кисло, пахнетъ Москвой, ладаномъ, старой дѣвой, славянщиной, дворянщиной и т. д.

Изъ Карлсбада:

204.

Венгерову, С. А.—Карлсбадъ, 24 мая 1875.—Милостивый государь, Семенъ Ѳанасьевичъ, я получилъ вашу книжку передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа, прочелъ ее со вниманіемъ, и, по вашему желанію, сообщаю вамъ впечатлѣнія, произведенныя на меня ею.—Насколько я могу судить въ такомъ близко до меня касающемся дѣлѣ, въ ней есть много справедливаго и хорошаго—и самая мысль, положенная ей въ основаніе—вѣрна и полезна;—но не могу не сожалѣть, что вамъ угодно было обратить такое вниманіе на мои стихи—причемъ вы иногда приписываете мнѣ цензурныя искаженія.—У меня, напр. стояло—наѣдался сладко—“барскою“ ѣдой,—а цензоръ поставилъ—„хозяйскою“—что произвело чепуху и хромой стихъ.—Но это не имѣетъ значенія.—Моя нелюбовь къ моимъ стихамъ объясняется уже старинным:

....mediocribus esse poëtas
Non di, non homines—и т. д.

Собственно огорчило—и признаюсь, удивило меня ваше предположеніе, что „нѣкоторыя“ мои повѣсти (какія?) писаны мною по-нѣмецки; „есть его оригинальныя повѣсти на французскомъ языкѣ“ (!) и т. д.—Это предположеніе уже не въ первый разъ проявляется въ печати: но я всегда видѣлъ въ немъ намѣреніе меня уязвить.—

Въ васъ это намѣреніе не мыслимо,—но тѣмъ непонятнѣе для меня ваши слова. *Я никогда, ни одной строки въ жизни не напечаталъ не на русскомъ языкѣ;* въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а—просто—дрянь. Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ—когда и на своемъ-то, на родномъ, едва можно сладить съ образцами, мыслями и т. д.! — Говоря прямо, это предположеніе не согласуется съ эстетическимъ пониманіемъ и критическимъ тактомъ, не однажды обнаруженнымъ вами въ вашемъ произведеніи.

Ужъ коли пошло дѣло на порицаніе, то позвольте также сказать два слова о вашемъ языкѣ.—Мнѣ, какъ старому словеснику, онъ является слишкомъ небрежнымъ.—Фразы, подобныя той, которая находится на 32-й стр. и начинается словами: „Буржуазному духу нашего времени“ — извините за рѣзкость выраженія — непозволительны.—„Подернутость интеллигенціи идеализмомъ, который является реакціей матеріализма“—можетъ только отбить охоту у читателя, тѣмъ болѣе что мысль, которую вы намѣревались выразить, принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ и не нуждалась въ такихъ уснащиваніяхъ.

Я увѣренъ, что вы не разсердитесь на меня за мою откровенность и увидите въ ней только знакъ искренняго сочувствія.

Съ интересомъ ожидаю продолженія вашей брошюры и надѣюсь, что цензурныя затрудненія не помѣшаютъ ея появленію.

Я остаюсь здѣсь до 15 – 3 іюня,—а тамъ опять возвращаюсь въ Парижъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

PS. Адрессъ мой въ Парижѣ: 50, rue de Douai.

Изъ Буживаля:

205.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, rue des Mesmes, 16, les Frènes.—10 іюня 1875 г.—Я впалъ въ такое разслабленіе — если не ума — то памяти, любезный другъ Яковъ Петровичъ, что рѣшительно не помню, написалъ ли я тебѣ изъ Карлсбада или нѣтъ?—Во всякомъ случаѣ, пишу тебѣ теперь нѣсколько словъ, чтобъ извѣстить тебя, что я три дня тому назадъ сюда прибылъ, нашелъ всѣхъ своихъ здоровыми и благополучными, и намѣренъ остаться здѣсь—безмолвно и недвижно—до ноября.—Буду ли я работать—это вѣдаетъ Господь... кажется, нѣтъ.—Садъ здѣсь чудесный, погода исправилась, постройки моего дома приближаются къ концу... Чего желать болѣе? Правда, здоровье, не смотря на карлсбадскія воды, не совсѣмъ удовлетворительно—да вѣдь съ этимъ надо уже примириться.

Радуюсь, что ногѣ твоей лучше, и что твой Борисъ процвѣтаетъ.—Бѣднаго А. К. Толстого я часто видѣлъ въ Карслбадѣ—онъ весьма серьезно и безнадежно боленъ; тебѣ онъ не писалъ... говоря между нами — собственно потому, что твой „Келіотъ“ ему не понравился, и онъ совѣстился тебѣ это сказать. — Мы съ нимъ устроили, какъ ты, вѣроятно, уже слышалъ, чтеніе въ пользу моршанскихъ погорѣльцевъ, и очень удачно: — слишкомъ 1,000 руб. сер. собрали.

Итакъ, Кульчицкій умеръ!—Человѣкъ очень хорошій—писатель плохой.—Очень онъ хорошо сдѣлалъ, что оставилъ тебѣ свою библіотеку—но какое было бы съ твоей стороны безуміе—везти ее въ Петербургъ! —Продай ее въ Москвѣ же съ публичнаго торга.—Самая простая и самая выгодная штука.

Надѣюсь, что ты продолжаешь, хоть изрѣдка, служить музѣ.—Пришли какихъ-нибудь стиховъ.—Только ты одинъ отъ времени до времени радуешь.

Что касается до моей поѣздки въ Петербургъ, то знай: съ пустыми руками я не пріѣду;—а если будетъ что привезти, привезу. Но когда—Аллахъ вѣдаетъ!!

За симъ дружески тебя обнимаю, кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь преданный тебѣ.

206.

Колбасину, Е. Я.—Буживаль, 15 іюля 1875 г.—Любезнѣйшій другъ Колбасинъ, ваше письмо отъ 10-го іюля изъ Эмса—только вчера вечеромъ дошло до рукъ моихъ, такъ какъ я уже двѣ недѣли какъ выѣхалъ изъ Карлсбада—а оно было туда адрессовано. Спѣшу откликнуться—хоть и боюсь, что отвѣтъ мой уже не застанетъ васъ въ Эмсѣ. — Радуюсь, что вы не столько отъ болѣзни, сколько въ видахъ предосторожности пьете Эмскія воды; что же касается до меня, то все та же подагра привела меня въ Карлсбадъ—и, вѣроятно, еще не разъ туда приведетъ

Въ нынѣшнемъ году я, впрочемъ, на здоровье слишкомъ жаловаться не могу: хожу безъ костылей—и вообще страдаю мало. Что-то будетъ дальше!

Если вы изъ Эмса не намѣрены тотчасъ махнуть опять на родину, то вамъ надо бы добраться до здѣшнихъ мѣстъ: иначе мы увидѣться не можемъ, такъ какъ я до конца октября никуда ни на шагъ.—Мы съ Віардо пріобрѣли здѣсь прекрасную виллу — въ $^3/_4$ часа ѣзды отъ Парижа—я отстраиваю себѣ павильонъ, который будетъ готовъ не раньше 20-го августа—но гдѣ я немедленно поселюсь.—Постоянная моя квартира въ Парижѣ—

rue de Douai, 50. — Я въ Парижъ ѣзжу три раза въ недѣлю — слѣдовательно, если бы вздумали сюда прокатиться, то вамъ стоитъ только предувѣдомить день или два заранѣе, и мы бы условились. — Я бы и сюда васъ привезъ — показать вамъ свою новую покупку.

Во всякомъ случаѣ, если бы вы даже не поѣхали въ Парижъ, напишите мнѣ, какія ваши намѣренія и гдѣ вы проводите зиму? Часть этой зимы я полагаю провести въ Петербургѣ — примѣрно съ 15-го декабря по 15-е февраля.

А за симъ крѣпко и дружески жму вашу руку и остаюсь душевно вамъ преданный.

207.

Полонскому, Я. П. — Буживаль, 7 сентября 1875. — Любезный другъ Яковъ Петровичъ, мнѣ приходится начинать каждое письмо мое къ тебѣ извиненіями: я, дѣйствительно, до того облѣнился, что сказать невозможно. Право, мнѣ кажется, что я скоро думать перестану: буду прозябать — и баста! — Не съ тобой однимъ, со всѣми моими корреспондентами переписка моя идетъ плохо: рѣшительно ничего не имѣю сказать о себѣ новаго; одно только хорошо: подагра пока оставляетъ меня въ покоѣ. — Карлсбадское леченіе мнѣ помогло.

На остальные твои вопросы имѣю тебѣ отвѣтить слѣдующее:

Портретъ мой не конченъ. Харламовъ возвратился изъ своего путешествія — но за мой портретъ примется не раньше зимы: у него другія работы.

Картинъ я новыхъ не покупаю — не на что; — даже старыя я стараюсь сбыть.

Ты напрасно пеняешь на себя, что занимался пей-

зажами: я, помнится, видѣлъ у тебя два, три очень недурные эскизы. А главное, это тебя занимало: стало быть, ты правъ. — Желалъ бы я найти что-нибудь, что бы меня занимало.

Сегодня у меня будутъ Соллогубъ и Ханыковъ. Соллогубъ будетъ намъ читать свою комедію. Большихъ восторговъ не предвижу.—Салтыковъ (М. Е.), который теперь въ Парижѣ, тоже хотѣлъ быть на этомъ чтеніи; однако раздумалъ, прислалъ телеграмму.

Ты никогда не долженъ ставить себѣ вопросъ: куда мнѣ писать: „Paris, rue de Douai, 50“. — Если меня тамъ нѣтъ въ наличности, то письма, туда адрессованныя, найдутъ меня въ самой преисподней, гдѣ бы мнѣ давно слѣдовало быть.

Ты мнѣ ничего не пишешь о своемъ здоровьѣ: принимаю это въ хорошую сторону. Также не покидай своей музы.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески тебя обнимаю.

208.

Ему же.—Буживаль, 13 октября 1875.—Жестокій по упрекамъ твоимъ, но любезный другъ Яковъ Петровичъ! на сей разъ я передъ тобою чистъ, какъ Христосъ передъ іудеями—ибо не далѣе какъ недѣли четыре тому назадъ написалъ тебѣ письмо, по дачному твоему адрессу, которое вѣроятно не дошло до тебя, вслѣдствіе чего я, на этотъ разъ, отвѣчаю тебѣ въ самый день полученія твоего письма—такъ, что тебѣ уже не придется ни сомнѣваться во мнѣ, ни посылать меня къ Богу или къ чорту и т. д.

Ты мнѣ не пишешь о своемъ здоровьѣ:—дипломаты въ этихъ случаяхъ говорятъ: point de nouvelle, bonne

nouvelle—и я воображаю, что тебѣ лучше и радуюсь.—Что касается до меня, то мое здоровье довольно сносно—и Карлсбадъ мнѣ помогъ.—Толстого мнѣ очень жаль: славный былъ человѣкъ; но какъ водится, какъ прежде были несправедливы къ нему—такъ теперь будутъ преувеличивать въ его пользу; уже давно извѣстно:

Les yeux sont ingrats et jaloux—
La mémoire est reconnaissante.

Въ его „Драконѣ“ (посвященномъ тебѣ какъ вижу)—есть отличные стихи; но вообще—поэзія Толстого мнѣ довольно чужда—да и не мнѣ одному. — Несмотря на это, я въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщаю маленькую статью о немъ, довольно плохую.

Руссову я также посылаю нѣсколько словъ о Шевченкѣ—хотя много лестнаго мнѣ не придется о немъ сказать. Я познакомился съ нимъ передъ самой его смертью.

Ничего удивительнаго нѣту, что мою фигуру помѣстили въ рисункѣ, представляющемъ аукціонъ картинъ—я въ Hôtel Drouot извѣстенъ подъ именемъ Grand Gogo Russe.—(Gogo называютъ парижане человѣка, котораго легко надуть).

Харламовъ вернулся въ Парижъ—но за портретъ мой все еще не принялся; раньше новаго года онъ не будетъ конченъ.—У него теперь другія работы.

Г-нъ Адріанъ Праховъ, судя по его статьямъ въ „Пчелѣ“, кажется мнѣ очень плохъ и скученъ.

Что касается до моихъ враговъ—то, душа моя, у кого ихъ нѣтъ, особенно если человѣкъ кое-что сдѣлалъ? Не безпокойся: дай намъ съ тобою умереть—посмотри, какъ насъ распишутъ въ газетахъ и журналахъ! Чудо!

Я здѣсь, т.-е. въ деревнѣ – еще двѣ недѣли—а тамъ

въ Парижѣ. Когда я пріѣду въ Петербургъ—неизвѣстно—но пріѣду непремѣнно.

До тѣхъ поръ будь здоровъ. Обнимаю тебя, кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь преданный тебѣ.

209.

Салтыкову, М. Е.—Буживаль, 28 октября 1875.—Очень меня обрадовало ваше письмо, любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ—а то я начиналъ уже безпокоиться.—Считаю это письмо самымъ пріятнымъ подаркомъ для сегодняшняго дня моего рожденія. (Мнѣ минуло 57 лѣтъ—возрастъ, какъ изволите видѣть, хорошій).—Радуюсь тому, что вы нашли себѣ уголокъ по вкусу въ Ниццѣ—только боюсь, какъ бы милая и юмористическая г-жа Д. вдругъ не попросила у васъ денегъ! — Впрочемъ, это бѣда не большая при твердости и крѣпости духа. Но вы больше суровы нежели тверды! Особенно въ дѣлѣ отказа.

Перехожу къ вашему послѣднему разсказу въ „От. Зап“.—Я вчера получилъ окт. номеръ—и разумѣется, тотчасъ прочелъ „Семейный судъ“, которымъ остался чрезвычайно доволенъ. Фигуры всѣ нарисованы сильно и вѣрно: я уже не говорю о фигурѣ матери, которая типична—и не въ первый разъ появляется у васъ—она, очевидно, взята живьемъ—изъ дѣйствительной жизни.—Но особенно хороша фигура спившагося и потерянаго „балбеса“.—Она такъ хороша, что невольно рождается мысль, отчего Салтыковъ, вмѣсто очерковъ, не напишетъ крупнаго романа съ группировкой характеровъ и событій, съ руководящей мыслью и широкимъ исполненіемъ?—Но на это можно отвѣтить, что романы и повѣсти—до нѣкоторой степени пишутъ другіе—а то, что дѣлаетъ тыковъ—кромѣ его нѣкому.—Какъ бы то ни было—

но „Семейный судъ“ мнѣ очень понравился и я съ нетерпѣніемъ ожидаю продолженія описанія подвиговъ „Іудушки“.—Вы жалуетесь, что вамъ приходится ужасно много писать и работать; а я, грѣшный человѣкъ, вмѣсто того, чтобы сожалѣть о васъ, завидую вамъ—(разумѣется съ условіемъ, что эта работа не вредитъ вашему здоровью), я-такъ—совершенно разучился и работать, и писать—и едва ли когда-нибудь слажу съ своей лѣнью, съ своимъ равнодушіемъ.—А что Россія-матушка всюду сопровождаетъ васъ—вы на это тоже не жалуйтесь: ей еще долго придется подвергаться вашимъ операціямъ—а потому она хоть и кричитъ,—а лѣзетъ къ вамъ.... Изъ своихъ нѣдръ эта среда все-таки никого не выдвинетъ.

Врага вашего Соллогуба я со времени знаменитой сцены больше не видѣлъ;—но онъ все еще здѣсь и, говорятъ, опять потерялъ свою комедію—и, представьте!—опять ее ищетъ.—Бываютъ же такіе чудаки!

Анненковъ вернулся наконецъ въ Баденъ-Баденъ—и поселился: Sophien-Strasse № 4.—Я увѣренъ, что письма ваши къ нему затерялись; а то бы онъ непремѣнно отвѣчалъ вамъ: человѣкъ онъ аккуратный и васъ любитъ.

Впрочемъ, я завтра ему напишу.

А что вы скажете про московскую катастрофу съ Струсбергомъ и т. д. Характерная вещь!—Мой издатель Салаевъ потерялъ въ этой передрягѣ—55,000 р. сер.

Я здѣсь остаюсь еще недѣлю—а тамъ переѣзжаю въ Парижъ, 50, rue de Douai, куда прошу адрессовать ваши письма.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вашу руку.

Изъ Парижа:

210.

Ему же.—Парижъ, 12 ноября 1875 г.—Любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ, не получивъ еще отъ васъ отвѣта, пишу вамъ опять.—Но вотъ въ чемъ дѣло: *во-первыхъ*—не хотите ли вы (отъ имени От. Зап.) вступить въ такое же отношеніе къ Гонкуру (E. de Goncourt), въ какое вступилъ „Вѣстникъ Европы“ къ Зола?—Не о фельетонахъ рѣчь— а о романѣ.—Гонкуръ оканчиваетъ романъ, который могъ бы такъ же явиться сперва въ русскомъ переводѣ, какъ „Проступокъ Аббата Мюрэ“. Рукопись могла бы быть сообщена авторомъ. Если хотите, то дайте мнѣ знать—а цѣна могла бы быть такая же какъ для Зола—отъ 1500 до 2000 франковъ. *Во-вторыхъ*—что̀ касается до Зола́—вы мнѣ говорили о томъ, что вы бы за его романъ дали гораздо больше чѣмъ, Стасюлевичъ [1]).—Я намекнулъ объ этомъ Зола́, разумѣется, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и никого не называя.—У него зубы загорѣлись.—Продолжаете вы имѣть подобныя намѣренія—и какія ваши предложенія.—Черкните мнѣ объ этомъ слово.

Надѣюсь, что здоровье ваше въ порядкѣ—и соотчичи не слишкомъ тревожатъ вашу жолчь.—Мы здѣсь перебиваемся понемножку.

Кланяюсь вашей супругѣ и дружески жму вамъ руку.

211.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 12 ноября 1875.—Любезный другъ Яковъ Петровичъ, отвѣчаю, хотя немногими словами, зато немедленно—на только-что полу-

[1]) Т. е. „Вѣстникъ Европы“.

ченное твое большое письмо, да кстати прилагаю другое, писанное мною, какъ ты можешь увидѣть, два мѣсяца тому назадъ, адрессованное въ Павловскъ на твою квартиру и возвращенное мнѣ на-дняхъ съ надписью, что не знаютъ, молъ, тамъ никакого Полонскаго. Посылаю это письмо не потому, чтобы въ немъ заключалось что-либо интересное, а въ доказательство, что я не до такой степени тебя забываю, какъ ты это иногда думаешь.

Сожалѣю очень о твоихъ тратахъ и хлопотахъ по поводу библіотеки Кульчицкаго; покойный, вѣроятно, никакъ не ожидалъ, что подарокъ его придется тебѣ такъ со́лонъ!

Не знаю, что ты намѣренъ дѣлать съ этими книгами; конечно, лучше всего продать ихъ; а чтобы составить имъ каталогъ, неужели же не найдется какой-либо досужій грамотный человѣкъ въ Москвѣ, который рублей за 70 составилъ бы этотъ каталогъ? Хочешь ли ты, чтобы я написалъ объ этомъ Салаеву?

Молю Бога, чтобы чаша русской казармы миновала бѣднаго Устюжскаго! А то, что́ ты пишешь о г-нѣ Балашовѣ и объ юныхъ россіянахъ вообще—очень вѣрно. Что касается до большой твоей повѣсти, то перепиши ее непремѣнно, если нужно найти переписчика—я заплачу ему за трудъ. Я тебѣ напишу, къ кому обратиться за деньгами; я употреблю все мое, правда, небольшое вліяніе на Стасюлевича, чтобы отрекомендовать твое произведеніе. Пожалуйста, дѣйствуй быстро и не церемонься.

Самое лучшее въ твоемъ письмѣ то, что ты не говоришь мнѣ о своемъ колѣнѣ: значитъ, оно поправилось.—Это главное.

Радуюсь также за Чайковскаго. Если оперу его поставятъ, перепадетъ тебѣ отъ этого какая-нибудь копѣйка?

Мое здоровье не дурно. Большой романъ свой я отложилъ въ сторону, но заперся на цѣлую недѣлю и написалъ цѣлый разсказъ—страницъ въ 40 печатныхъ для Стасюлевича. На-дняхъ отправляю;—перваго января появится въ „Вѣстникѣ Европы“. Не знаю, что вышло; боюсь, что читатели опять найдутъ, что я выжилъ изъ ума и занимаюсь пустяками.

А за симъ будь здоровъ и поклонись отъ меня всѣмъ твоимъ. Жму тебѣ руку.

212.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 25 ноября 1875 г.—Петръ Великій, говорятъ, когда встрѣчалъ умнаго человѣка, цѣловалъ его въ голову; я хоть и не Петръ и не Великій — а, прочитавъ ваше письмо отъ 30 ноября, охотно бы облобызалъ васъ, любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ—до того все, что вы говорите о романахъ Гонкура и Золá — мѣтко и вѣрно. Мнѣ самому все это смутно мерещилось — словно подъ ложечкой сосало; но только теперь я произнесъ: А!—и ясно прозрѣлъ. И не то, чтобы у нихъ не было таланта, особенно у Золá; но идутъ они не по настоящей дорогѣ—и ужъ очень сильно сочиняютъ. Литературой воняетъ отъ ихъ литературы: вотъ что худо. Но, по всему видно, въ эту минуту нашей русской публикѣ именно это по вкусу; и хотя не слѣдуетъ слѣпо потакать этому вкусу—не слѣдуетъ также забывать, что романы и повѣсти пишутся не для нашего брата—и что намъ можетъ оскомину набить то, что для публики свѣжо какъ ранній снѣгъ. И потому подождемъ, что скажетъ редакція „Отеч. Зап.“. Содержаніе Гонкуровскаго романа довольно смѣлое: это, по его словамъ, серьезное и строгое изученіе жизни публичныхъ жен-

щинъ. Во всякомъ случаѣ это не „Подростокъ“ Достоевскаго. Получивъ послѣднюю (ноябрскую) книжку „Отеч. Зап.“—я заглянулъ-было въ этотъ хаосъ; Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковыряніе!! Вотъ къ кому всецѣло примѣняется то, что́ вы сказали въ своемъ письмѣ объ этомъ послѣднемъ родѣ.

„Коронатъ“ хорошъ, какъ все, что вы пишете; но какъ-то менѣе цѣпокъ. Замѣчается нѣкоторая усталость въ авторѣ. Да и какъ ей не быть при вашей непрестанной работѣ!

Мнѣ жаль васъ, что вы такъ сильно скучаете въ Ниццѣ... а съ другой стороны, это, быть можетъ, подвигаетъ васъ къ скорѣйшему возвращенію сюда.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что соотчичи васъ и боятся и обѣгаютъ. Если въ ихъ глазахъ каждый сочинитель—критиканъ—то вы уже подавно. Надо стараться ловить ихъ на лету. Кстати, вашъ пріятель Соллогубъ все еще здѣсь и собирается ставить *французскую* піесу на театръ Palais-Royal'я. Этакая юркость у этого старца!

Я высидѣлъ, наконецъ, маленькій разсказъ и отправилъ въ „Вѣстникъ Европы“. Кажется, слабенекъ вышелъ.

Погода и у насъ стояла мерзкая: холода стояли страшные, снѣгъ падалъ, ноги и руки мерзли, въ комнатахъ 10 градусовъ. Теперь полегчало.

Кланяюсь вашей супругѣ и дружески жму вамъ руку.

213.

Ему же.—Парижъ, 5 декабря 1875.—Любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ, сейчасъ получилъ ваше письмо и спѣшу васъ успокоить на счетъ воображаемой

вами моей „непріятности“ съ Гонкуромъ. Никакой непріятности быть не можетъ — я выразился такъ, что онъ не ожидалъ ничего положительнаго — „mes derrières étaient gardés“, какъ говорятъ французы. Итакъ—не тревожьтесь.

А вотъ *я* тревожусь, слыша о вашемъ нездоровьѣ и лихорадкѣ, причиненной урѣзами въ вашей статьѣ и придирками цензуры. Конечно, это непріятно; но вѣдь ужъ ремесло наше такое. И какъ вы можете сказать, что со мной не поступили бы такъ, какъ съ вами! Въ моихъ послѣднихъ вещахъ и днемъ съ огнемъ ничего не сыщешь подозрительнаго, а вѣдь вы — на самомъ юру́ и виду. На васъ, можно сказать, почти исключительно сосредоточено вниманіе и читателей, и начальства. Il faut accepter les ennuis de votre position.

Что же касается до того, что происходитъ въ Версали, мнѣ кажется, вы не совсѣмъ вѣрно взглянули на всю эту неожиданную и странную процедуру (вы теперь уже, вѣроятно, знаете, что *весь* списокъ лѣвыхъ прошолъ). Я и въ этомъ разѣ—какъ во многихъ другихъ, прибѣгъ къ самому несомнѣнному критеріуму: „что думаютъ, какъ судятъ объ этомъ враги?“ А съ врагами—чуть не падучая отъ бѣшенства, злобы, досады безсильной... Надо видѣть ихъ, слышать ихъ стоны, зубовный скрежетъ и т. д. Союзъ съ крайней правой, конечно, не слишкомъ нравственное дѣло; но вы вспомните только то, что въ цитадель, заранѣе уготованную г-мъ Брольи и К°, въ цитадель, куда они хотѣли поставить самыхъ своихъ надежныхъ молодцовъ и откуда должны были выдти всѣ мѣры, клонящіяся къ разрушенію республики—ревизія и т. д.—въ эту цитадель забрались республиканцы и ихъ же самихъ будутъ мучить ими же приготовленными орудіями! Это такой фокусъ, что чудо. Реакціонеры бѣснуются, а самые увѣренные изъ нихъ

говорятъ съ унынiемъ и резиньацiей: La République est faite maintenant. Нѣтъ; вы вникните, — и, я васъ увѣряю, взыграете духомъ.

А вамъ я опять таки совѣтую подумывать о возвращенiи въ Парижъ. Я убѣжденъ, что и для здоровья вашего это будетъ очень полезно. Мы бы васъ здѣсь отлично устроили.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку. Искренно вамъ преданный.

214.

Венгерову, С. А.—Парижъ, 10 декабря 1875.—Милостивый государь! Сейчасъ получено мною ваше письмо отъ 4—16 дек., изъ котораго я съ сожалѣнiемъ усмотрѣлъ, что вы моего отвѣта на письмо, сопровождавшее присылку вашего 2-го выпуска—не получили. Говорю: „съ сожалѣнiемъ“—потому что я въ моемъ отвѣтѣ отвѣчалъ довольно подробно на всѣ ваши вопросы и недоумѣнья; повторять все это—теперь не къ чему. Сверхъ того, въ моемъ отвѣтѣ былъ констатированъ фактъ совершеннаго различiя нашихъ воззрѣнiй на искусство вообще и на литературу.

Что же касается до вашего предложенiя издать мои стихи въ пользу Герцеговинцевъ—то я бы счелъ его за насмѣшку, еслибы могъ предположить въ васъ желанiе отнестись ко мнѣ иронически. Нечего и говорить, что я могу отвѣтить только абсолютнымъ отрицанiемъ.

Примите увѣренiе въ совершенномъ моемъ уваженiи. Вашъ покорнѣйшiй слуга, и пр.

215.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 19 декабря 1875.—Наканунѣ здѣшняго новаго года пишу тебѣ, любезный другъ Яковъ Петровичъ, и все равно, поздравляю тебя съ нашимъ и желаю тебѣ всяческихъ благъ, начиная со здоровья. Я получилъ твое письмо — и отвѣчаю по пунктамъ.

1) Пришли мнѣ твое предисловіе на прочтеніе, а главное: сдѣлай его какъ можно короче, не забывая того, что только коротенькія предисловія читаются.

2) Заглавіе: „Безъ отклика“ мнѣ не нравится; оно сбивается либо на жалобу, либо на вызовъ.—Самыя простыя заглавія—самыя лучшія. Я бы просто поставилъ: Новые стихи Я. П. П—го.

3) Пожалуйста, не стѣсняйся и продолжай говорить мнѣ о всѣхъ своихъ нуждахъ, болѣзняхъ, радостяхъ и семейныхъ дѣлахъ.—Для меня все это очень интересно, ибо я искренно тебѣ преданъ.—Вотъ и теперь, мнѣ непремѣнно хочется знать, выздоровѣлъ ли твой сынъ Борисъ?—И ты извѣсти меня объ этомъ. Г-нъ Александровъ своего сочиненія мнѣ не присылалъ,—а одна дама дѣйствительно прислала мнѣ переводъ его сочиненія;—и хотя, къ изумленію моему, переводъ этотъ написанъ хорошимъ французскимъ языкомъ,—но помѣстить его здѣсь въ какомъ-либо повременномъ изданіи—дѣло чрезвычайно трудное!—Я хлопочу,—но до сихъ поръ никакого успѣха не вижу.—Слишкомъ спеціально для французовъ.—Мое предисловіе ни на волосъ не подвинуло бы дѣло;—надо быть для этого парижской знаменитостью въ родѣ Ал. Дюма, а я въ глазахъ здѣшней публики—не имѣю ровно никакого значенія. Едва знаютъ мое имя,—да и съ чего имъ его знать?!

Рекомендую тебѣ не запускать твоихъ головныхъ болей; въ наши годы надобно защищаться и отбиваться отъ осаждающей насъ смерти.

А впрочемъ желаю тебѣ всего хорошаго и дружески тебя обнимаю.

216.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 26 декабря 1875.—Любезнѣйшій другъ, Михаилъ Евграфовичъ, помилуйте—какое мрачное письмо вы мнѣ написали! Приходится болѣе и болѣе сожалѣть о томъ, что вы не остались въ Парижѣ,—а уѣхали въ Ниццу, гдѣ вамъ и скучно, и холодно—и гдѣ у васъ разыгрались опять ваши боли! — Остается желать, чтобы вы рѣшились поскорѣе сюда вернуться.— Право, если бы я зналъ, что мое присутствіе способно подвигнуть васъ на это дѣло—я бы отправился лично за вами туда.—Невозможно безнаказанно предаваться той меланхоліи, которою исполнено ваше письмо.— Скажите мнѣ, что вы возвращаетесь сюда и не думайте, чтобы я, только для красоты слога, сдѣлалъ вамъ предложеніе заѣхать за вами: я это исполню, если безъ этого вы не вернетесь.

Что же касается до статьи объ А. Толстомъ,—то вы и правы, и неправы.—Разумѣется, это панегирикъ въ смыслѣ старинной поговорки: De mortuis nil nisi bene; но есть и circonstances atténuantes.

Во-первыхъ, у меня попросили этой статейки,—а отказаться я не могъ, потому что былъ *лично* обязанъ Толстому;—во-вторыхъ, я продолжаю думать, что Т.—хотя второстепенный (пожалуй, третьестепенный),—но все-таки поэтъ;—въ третьихъ—онъ былъ человѣкъ, хотя не больно умный,—но хорошій и добрый, и гуманный.— Наконецъ надо и то замѣтить, что Стасюлевичъ выкинулъ нѣсколько фразъ, въ которыхъ заключались оговорки.—Протестовать противъ этого не стоило.—Хвалить такихъ людей, какъ Т.—послѣ смерти—позволи-

тельно, при жизни—дѣло другое.--Тутъ есть оттѣнокъ, который вы почувствуете—и не припишете какимъ-либо постороннимъ соображеніямъ.

Но дѣло не въ томъ,—а въ вашемъ здоровьѣ. Пожалуйста, напишите мнѣ хотя два слова: что вы намѣрены дѣлать?—Выходите ли вы изъ комнаты? Кто вашъ докторъ?

Я бы здѣсь непремѣнно свелъ васъ къ Гюблеру.—Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

1876.

217.

Ему же.—Парижъ, 3 января 1876.—Вчера получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ, и, какъ видите, не мѣшкаю отвѣтомъ. Ваше письмо, вовсе не „глупое и не грубое“, какъ вы говорите, а напротивъ, очень хорошее и умное—меня порадовало: отъ него все-таки вѣетъ нѣкоторой бодростью и лучшимъ здоровьемъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ предъидущимъ, крайне мрачнымъ посланіемъ (впрочемъ, и я теперь далеко не молодецъ: вотъ пятый день какъ я лежу въ постели, приспиченный подагрою). Кромѣ того, меня привелъ въ восторгъ вашъ набросокъ юмористическаго разсказа о перепискѣ Н-ая П-ча съ Поль де-Кокомъ: это вы *непремѣнно* должны написать—ибо это будетъ перлъ первой величины. Прочелъ я также „По родственному“; и очень остался доволенъ: — старуха, которая плачетъ, при восхожденіи солнца—это, что называютъ французы—une trouvaille, да и вообще вся ея фигура превосходна. Умѣть возбудить сочувствіе къ ней читателя, не смяг-

чивъ ни одной ея черты:—это только большимъ талантамъ на́руку.

Ну а теперь скажу два слова и объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“, такъ какъ вы объ нихъ говорили. Неужели вы полагаете, что все, въ чемъ вы меня упрекаете, не приходило мнѣ въ голову? Оттого мнѣ и не хотѣлось бы исчезнуть съ лица земли, не кончивъ моего большого романа, который, сколько мнѣ кажется, разъяснилъ бы многія недоумѣнія и самого меня поставилъ бы такъ и тамъ, какъ и гдѣ мнѣ слѣдуетъ стоять. Не удивляюсь, впрочемъ, что Базаровъ остался для многихъ загадкой; я самъ не могу хорошенько себѣ представить, какъ я его написалъ. Тутъ былъ—не смѣйтесь пожалуйста—какой-то фатумъ, что-то сильнѣе самого автора, что-то независимое отъ него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ тогда не было; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня выходило. Вы упоминаете объ учителѣ; но именно послѣ О. и Д. я болѣе чѣмъ когда-либо удалился отъ того круга, въ который собственно никогда вхожъ не былъ, и писать или трудиться для котораго почелъ бы глупостью и позоромъ. Скажите по совѣсти, развѣ кому-нибудь можетъ быть обидно сравненіе его съ Базаровымъ? Не сами ли вы замѣчаете, что это самая симпатичная изъ всѣхъ моихъ фигуръ? „Тонкій нѣкій запахъ“ присочиненъ читателями; но я готовъ сознаться (и уже печатно сознался въ своихъ Воспоминаніяхъ), что я не имѣлъ права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину — и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія... Возникшій вопросъ былъ поважнѣе художественной правды — и я долженъ былъ это знать напередъ.

Мнѣ остается сказать еще разъ: подождите моего романа, а, пока, не серчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть отъ пера, пишу легкія и незначительныя вещи... Кто знаетъ, мнѣ, быть можетъ, еще суждено зажечь сердца людей.

Увеселительнымъ писателемъ, въ родѣ Г-ва я все-таки не буду. Скорѣе сдѣлаюсь скучнымъ писателемъ.

Ну, однако—баста!

Здѣсь никто не замерзалъ, и снѣга навѣрное меньше чѣмъ у васъ на югѣ; но живите до весны въ Ниццѣ, поправляйтесь — а тамъ являйтесь сюда. Я очень буду радъ васъ увидѣть.

Кланяюсь вашимъ и дружески жму вамъ руку.

218.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 6 января 1876.—Милый Я. П., у меня дней 6 тому назадъ сдѣлалась подагра, и я пишу тебѣ въ постели. Пока еще припадокъ не силенъ, но я уже травленный — и впередъ не загадываю.

Получилъ я твое письмо со стихами. Вотъ мое мнѣніе: сюжетъ хорошъ и трогателенъ, но исполненіе довольно небрежно. По-моему—два отмѣченныхъ крестами мною куплета надо непремѣнно: 1-й—передѣлать, а 2-й—просто выкинуть. 1-й слишкомъ небреженъ: ты риѳмуешь „погибшихъ“ и „обманувшихъ“! и какъ можно въ поэзіи допустить слово: „артистическихъ“! и этотъ вялый конецъ: „съ тѣхъ поръ какъ сталъ онъ слѣпъ“ (еще бы!)—и коли ужъ человѣкъ добился *славы*, то онъ ею доставляетъ себѣ нѣчто побольше *хлѣба*. 2-й куплетъ—ненужное общее мѣсто. Сдѣлавъ эти поправки, стихотвореніе непремѣнно напечатай [1]).

[1]) Не помню, о какомъ стихотвореніи идетъ рѣчь.—Я. П.

Заглавіе: „Озими“ просто и хорошо. Поздравляю тебя съ похереніемъ предисловія. А еще болѣе съ выздоровленіемъ твоего Бориса.

Надѣюсь, что твоя поѣздка въ Москву принесетъ тебѣ пользу. А то вѣдь это можетъ послужить заглавіемъ юмористическаго водевиля: „Завѣщанная библіотека или разореніе отъ дружбы“.

За симъ желаю тебѣ и всѣмъ твоимъ всего хорошаго и остаюсь преданный тебѣ.

219.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 19 января 1876 г.—Любезнѣйшій М. Е., я получилъ ваше письмо отъ 22-го и отвѣчаю, не потому, чтобы имѣлъ многое сказать вамъ, а просто хочется вызвать васъ самихъ на отвѣтъ. Досадно мнѣ видѣть, что здоровьемъ вы все еще плоховаты—и радуюсь теплой погодѣ, которая у васъ должна быть еще теплѣе и для васъ благотворнѣе. Самъ я отъ подагры словно будто отдѣлался, зато простудился—чортъ знаетъ, гдѣ и какъ—получилъ сильный катарръ и сижу безо всякаго голоса. Ну, да это пустяки. Переписку Н-ая П-ча съ Поль де-Кокомъ, конечно, печатать нельзя теперь — да и переиначивать ее грѣхъ; пусть она, пока, существуетъ въ рукописи, а тамъ современемъ увидимъ. На это вы мнѣ скажете, что у васъ нѣтъ времени на безвозмездныя занятія литературой; но вѣдь я воображаю себѣ эту переписку не Богъ знаетъ какихъ размѣровъ — такъ страницъ въ 20 или 25; это вы, я полагаю, можете одолѣть не спѣша. Что же касается до вашей мысли поселиться въ Москвѣ—признаюсь мнѣ она какъ-то въ голову не лѣзетъ; никого вы тамъ по себѣ не найдете и соскучитесь непремѣнно. И запереться-то, какъ слѣдуетъ, въ Москвѣ нельзя: это не то, что Пе-

тербургъ или деревня. Вамъ надобно здѣсь поправиться, жиру наиграть — а тамъ опять въ Петербургъ. Теперь тамъ, правда, погода прескверн҃ѣйшая: запрещенія, пріостанавливанія изданій такъ и сыплются... Но прежде Петербурга пріѣзжайте въ Парижъ.

Что касается до меня и до невыгоды житья за границей, вдали отъ родной почвы, вдали отъ столкновеній и состязаній—вы тысячу разъ правы; да перем҃нить это нельзя... Въ литературныхъ дѣлахъ я принужденъ, какъ медвѣдь зимой, сосать собственную лапу: отъ того-то и не выходитъ ничего.

По вашей рекомендаціи я выписалъ себѣ „Биржевыя Вѣдомости“ и очень ими доволенъ: кто тамъ пишетъ литературныя критики подъ именемъ „Зауряднаго читателя“. Не знаете? Очень дѣльно.

Всѣ эти дни я находился подъ впечатл҃ніемъ той (рукописной) части „Былого и Думъ“ Герцена, въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это—горитъ и жжетъ. Жаль, что напечатать это невозможно. Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ.

Республиканское большинство въ сенатѣ еле-еле проскочило... однако проскочило. И это ужъ много значитъ.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку.

220.

Ему же.—Парижъ, 25 января 1876 г.—По вашему желанію, любезн҃ѣйшій М. Е., пишу вамъ, отъ сегодняшняго числа, что погода здѣсь стоитъ удивительная, жаркая, солнце блеститъ, листья на деревьяхъ распустились—воробьи кричатъ...—а потому—н҃ѣтъ причинъ вамъ оставаться въ Ниццѣ—а надо пуститься въ путь.—

Если хотите, телеграфируйте мнѣ въ отвѣтъ—и я удержу вамъ квартиру въ отелѣ, гдѣ вы жили—только пришлите № улицы—а то я позабылъ.

Вы уже знаете, что на дняхъ въ Берлинѣ умеръ Ю. Ѳ. Самаринъ. Не могу себѣ представить—пожалѣете ли вы о немъ или нѣтъ—а мнѣ его жалко—(хотя мы съ нимъ находились чуть не на антиподахъ, другъ отъ друга) потому что на Руси умныхъ и талантливыхъ, и честныхъ людей очень мало и замѣнять исчезающихъ нѣкѣмъ.

Итакъ—до скораго свиданія. Жму вамъ руку и остаюсь, преданный вамъ.

221.

Ему-же.—Парижъ, 14 февраля 1876.—Что вы подѣлываете хорошаго, любезнѣйшій М. Е.? Какъ здоровы? И скоро ли васъ слѣдуетъ сюда ожидать?—Черкните отвѣтъ на эти вопросы.—Продолжаете ли вы негодовать на Гамбетту?—Если да, то вы перещеголяли самихъ Белльвильцевъ, которые выбрали его такимъ множествомъ голосовъ.—Какъ вы о немъ ни судите—но теперь въ его рукахъ будущность республики и самой Франціи, и даже *Times* видитъ въ немъ воплощеніе ея судебъ.—Выборы произвели здѣсь впечатлѣніе громадное; нѣтъ сомнѣнія, что совершился переломъ—и дорога, по которой мы всѣ шли—измѣнилась. Вы, можетъ быть, меня сочтете за оптимиста; но я давно съ такой бодростью не глядѣлъ впередъ и все-таки больше надѣюсь на Францію, чѣмъ на Россію, гдѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе расплывается какой-то мерзкій кисель.—Клерикалы здѣсь, просто, грозятся убить Гамбетту: видно, онъ имъ, какъ бѣльмо на глазу. А я сужу о человѣкѣ по тому, какъ о немъ говорятъ враги.

По милости Б—вскаго шельмовства я не получилъ ни Отеч. Записокъ—ни Русскаго Вѣстника—и потому не могъ до сихъ поръ прочесть ни вашей вещи, ни продолженія Толстовскаго романа.

Удивительный народъ—наши книгопродавцы!—Никто меньше ихъ не рискуетъ, никому барыши такъ легко не плывутъ въ руки—а лопаются они какъ мыльные пузыри.

Анненковъ былъ сильно боленъ въ Баденѣ: у него была рожа на всей головѣ; но теперь онъ поправился—и мы переписываемся аккуратно.

Мое здоровье порядочно—и работа идетъ помаленьку.

Въ ожиданіи отвѣта, крѣпко жму вамъ руку и остаюсь вашъ, и пр.

222.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 14 февраля 1876.—Любезный другъ Я. П. получилъ я твое длинное и интересное письмо—и отвѣчаю, хоть и не немедленно, но все-таки не слишкомъ уже поздно. Какой ты однако неосторожный молодой человѣкъ! Можно ли въ твоемъ положеніи пройти пѣшкомъ чуть не половину Петербурга!—Надѣюсь, что спокойствіе и неподвижность устранили новое воспаленіе въ колѣнѣ.

Очень мнѣ будетъ пріятно получить твои „Озими“;—а что прежнее литературное братство исчезло—на это надо рукой махнуть: къ сожалѣнію, это невозвратимо, какъ молодость. Ты жалуешься на то, что чувствуешь приближеніе старости, это мнѣ напоминаетъ отвѣтъ герцога Граммона Людовику XIV-му: Sire, qui est ce qui a des dents!—Я тоже, братъ, до того провонялъ близостью конца, что даже страшно: все тѣло болитъ, къ вечеру всякій разъ находитъ несказанная усталость—только и

доволенъ, когда лежишь и спишь—что̀ дѣлать? новыя поколѣнья вытѣсняютъ насъ вонъ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ твоей большой повѣсти, и очень мнѣ лестно, что ты мнѣ ее посвящаешь.—У самого меня работа подвигается хоть и не по прежнему, не черепашьимъ ходомъ, но и не вскачь: авось къ осени поспѣетъ.

Экземпляръ Ральстону доставлю непремѣнно.

Я получилъ письмо отъ Гайдебурова и обѣщалъ ему маленькій разсказецъ для „Недѣли“.—Надѣюсь исполнить мое обѣщаніе; но для этого ему, конечно, не стоитъ ѣздить въ Парижъ.

Мнѣ было бы жалко, еслибъ „Недѣля“ не справилась съ постигшимъ ее ударомъ: журнальчикъ хорошій и честный.

Жаль также бѣднаго Авдѣева... что дѣлать! Всѣ тамъ будемъ.

Въ послѣднемъ № „Вѣстника Европы“ не дурны стихи Голенищева-Кутузова.

Что мнѣ тебѣ пожелать на прощанье? Во 1-хъ, здоровья для тебя и всѣхъ твоихъ; во 2-хъ, продажи злополучной библіотеки; въ 3-хъ, помѣщенія твоихъ работъ въ журналахъ; въ 4-хъ, спокойствія духа. 4-й № зависитъ отъ первыхъ трехъ. А за симъ крѣпко жму тебѣ руку—и до свиданія въ маѣ!

PS. „Отечественныхъ Записокъ“ я по милости Базунова не получилъ—но и получивши ихъ, не прочелъ бы стиховъ Некрасова: эту канитель я давно знаю—и давно бросилъ.

223.

Суворину, А. С.—Парижъ, 23 февраля 1876.—Любезнѣйшій А. С., спѣшу отвѣтить на только что

полученное мною ваше письмо. Вы не можете сомнѣваться ни въ личномъ моемъ сочувствіи къ вамъ, ни въ искреннемъ моемъ желаніи способствовать, по мѣрѣ силъ, успѣху вашего предпріятія: а потому найдете совершенно естественнымъ, что я съ охотой даю обѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь.—Но вотъ, что я прошу васъ взять въ соображеніе: у меня кромѣ большого романа, надъ которымъ я сижу, нѣтъ ни единой написанной строчки—и отрываться отъ той работы мнѣ трудно, почти невозможно: сверхъ того—я уже далъ два обѣщанія—одно „Молвѣ“, другое „Недѣлѣ“.—Въ результатѣ выходитъ, что опредѣлить время, когда я вамъ доставлю мою статью—я рѣшительно не могу, говорить иначе—было бы съ моей стороны—недобросовѣстно.—Но вы можете быть увѣрены, что я серьезно намѣренъ сдержать мое обѣщаніе—и сдержу его, какъ только будетъ возможно.—Поддержать изданіе, въ которомъ вы—главный участникъ, для меня дѣло совѣсти.

То, что вы сообщили мнѣ о Г—вѣ, возбуждаетъ во мнѣ искреннее сожалѣніе;—въ послѣднемъ нашемъ свиданіи въ Петербургѣ онъ прямо въ лицо обвинилъ меня въ фантастическихъ замыслахъ противъ его литературной чести и т. п.—Я думалъ, что съ тѣхъ поръ, это все угомонилось, но къ сожалѣнію вижу, что нѣтъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ я надѣюсь прибыть въ Россію, и тогда, конечно, увижусь съ вами.

Примите, и пр.

224.

Ему же. — Парижъ, 26 февраля 1876 года.—Любезный А. С., вы въ своемъ письмѣ спрашиваете меня, желаю-ли я получать „Новое Время“ — а я въ своемъ отвѣтѣ забылъ объ этомъ упомянуть.—Конечно,

весьма желаю—и весьма буду вамъ благодаренъ за высылку.—Здѣсь нигдѣ „Новаго Времени“ не получаютъ.

Примите и пр.

225.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 26 февраля 1876 г.—Любезнѣйшій М. Е., тотчасъ по полученіи вашего письма я послалъ за Чивилевымъ (онъ безо всякаго сравненія самый приличный субъектъ для г. Антонова) и имѣлъ съ нимъ вчера разговоръ.—Онъ испросилъ у меня 48 часовъ на размышленіе и во вторникъ дастъ рѣшительный отвѣтъ, который я вамъ сообщу немедленно. — Дѣло въ томъ, что у него теперь здѣсь довольно много уроковъ—и онъ боится потерять вѣрное въ погонѣ за невѣрнымъ; — во всякомъ случаѣ онъ пожелаетъ обезпеченія.—Во вторникъ, т. е. завтра — онъ сообщитъ мнѣ свои условія—но я счелъ нужнымъ написать вамъ два слова сегодня же.

Получилъ я также № „От. Зап.“, въ которомъ съ умиленіемъ снова улицезрѣлъ столь пріятный мнѣ образъ Прокопа.—Очень вамъ благодаренъ.

На счетъ Гамбетты и „République Française“—скажу вамъ только то, что они дьявольски далеки не только отъ побѣды—но отъ какого бы то ни было вліянія; (не смотря на выборы) — и если они и каплуны—то уже вовсе не опьянѣлые, и дерзости и самоувѣренности взять имъ не откуда.—Для нихъ все еще идетъ борьба за существованіе—и Макъ-Магонъ преспокойно будетъ управлять — какъ ему и совѣтуютъ — посредствомъ меньшинства.

До завтра; а пока крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ.

226.

Ему же.—Парижъ, 9 марта 1876 г.—Любезнѣйшій М. Е., хотя я и не получилъ отъ васъ отвѣта на мое письмо—однако продолжалъ наводить справки—и, кажется, нашелъ человѣка, который былъ бы подходящимъ. Это—нѣкто Алексѣй Т*., бывшій гражданскій инженеръ... Онъ очень хорошо говоритъ и пишетъ по-французски и вообще видъ являетъ благонадежный. Если вы желаете еще имѣть дѣло съ г. А*, то сообщите ему о г. Т*; если же это вамъ надоѣло, то бросьте—но напишите мнѣ два слова, чтобы остановить напрасное волненіе надеждъ.

Мнѣ очень жаль, что вы все хвораете; я приписываю это, отчасти—скверн ѣйшей погодѣ; теперь она, кажется, поправляется—и мы начнемъ ждать васъ сюда.—Ваше теплое слово на могилу бѣднаго Авдѣева—очень жестоко:—Вы безжалостный.—Дѣйствительно, о мертвыхъ лучше всего не: nil nisi bene, а просто: nil.—Человѣкъ бился, старался, сочинялъ, хлопоталъ, падалъ и т. д.—Ну, теперь онъ въ могилѣ... Lascia ai morti la pace.

Предсказаніе мое на счетъ Макъ-Магона, къ сожалѣнію, оправдалось: онъ будетъ управлять съ меньшинствомъ и посредствомъ меньшинства. Гамбеттѣ не удалось даже сплотить всѣхъ республиканцевъ: гдѣ ему нантскія нояды дѣлать! Если онъ скопецъ—то другіе всѣ—скопцы съ царской печатью. Вы знаете, что это значило?

Я получилъ 2 № „О. З.“ и не нашелъ въ немъ ничего вашего.—Очень жаль!—Что-то будетъ въ 3-мъ?

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму вамъ руку.

227.

Суворину, А. С.—Парижъ, 22 марта 1876.—Любезнѣйшій Алексѣй Сергѣевичъ, благодарю васъ за высылку мнѣ „Новаго Времени“.—Я читаю вашъ жур-

налъ съ великимъ удовольствіемъ, желаю ему всяческихъ успѣховъ и, какъ только будетъ возможно, постараюсь сдержать свое обѣщаніе. — Но теперь я имѣю поговорить съ вами о слѣдующемъ:

Мой пріятель, Э. Зола, написалъ шестой романъ изъ серіи „Ругонъ-Макаровъ“ подъ заглавіемъ: „Бойня“ (l'Assommoir) и хотѣлъ его отдать въ „Вѣстникъ Европы“ на прежнихъ основаніяхъ,—но вслѣдствіе успѣха послѣдняго его произведенія (Son Exellence Rougon) онъ получилъ весьма выгодное предложеніе отъ журнала „Bien publlic“; и „Бойня“ появится въ фельетонѣ этого журнала, начиная съ 15-го апрѣля н. ст. Это сдѣлало появленіе его въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (т. е. 13 мая) невозможнымъ — такъ какъ другіе переводчики будутъ имѣть почти цѣлый мѣсяцъ авансу—и, разумѣется, не упустятъ случая. — Мнѣ пришло въ голову, не захотите-ли вы для вашего „Новаго Времени“ воспользоваться этимъ? — Зола могъ бы такъ устроить, чтобы вы получили начало его романа ровно недѣлю раньше всѣхъ другихъ—и продолженіе также—такъ что для публики это была бы новинка.—Но для этого, надо бы было:

во 1-хъ) чтобы вы, въ случаѣ согласія, немедленно телеграфировали бы мнѣ объ этомъ;

во 2-хъ) чтобы вы также дали знать въ телеграммѣ, какую цѣну вы могли бы назначить. — „Вѣстникъ Европы“ платилъ pour la primeur — 1,400 фр; я полагаю, что вамъ романъ былъ бы уступленъ за 1000 фр.; быть можетъ, за 250 цѣлк.—Въ такомъ случаѣ, какъ только мы бы получили здѣсь вашу телеграмму—начало романа было бы немедленно набрано и отправлено къ вамъ; сегодня 3-е; телеграмма можетъ придти 6-го; 10-го романъ поѣхалъ бы къ вамъ—а „Bien publlic“ выдетъ не раньше 15-го.—Вы бы имѣли перёдъ, за которымъ ваши соперники никакъ бы не угнались. А романъ, по всему,

что я о немъ знаю—отличный, и взятъ изъ быта парижскихъ работниковъ, которыхъ З. знаетъ какъ никто.

Однимъ словомъ, подумайте—и дайте мнѣ знать вашъ отвѣтъ—какой бы онъ ни былъ—не теряя времени.

Въ маѣ мѣсяцѣ я надѣюсь увидаться съ вами—а пока—жму вамъ дружески руку.

228.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 5 апрѣля 1876 г.—Любезный другъ Я. П., пишу тебѣ сегодня только два слова (за недосугомъ)—во 1-хъ) чтобы благодарить тебя за присылку твоихъ „Озимей"; —во 2-хъ) чтобы попросить тебя передать отъ меня Гайдебурову, что я немедленно принялся за обѣщанную ему статейку, и что онъ ее *непремѣнно* получитъ черезъ недѣлю—самый поздній срокъ—въ этомъ я даю ему слово.

До другого раза—а теперь я желаю тебѣ всего хорошаго, обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

229.

Суворину, А. С. — Парижъ, 9 апрѣля 1876 г.—Любезнѣйшій А. С., извините, что не тотчасъ отвѣчалъ вамъ—дѣла накопилось много. Впрочемъ, бѣда небольшая, такъ какъ вопросъ о романѣ Зола оказался устраненнымъ, по изложеннымъ вами причинамъ.—Онъ также не можетъ доставить вамъ нѣсколько корректуръ будущихъ фельетоновъ — такъ какъ рѣшился замѣнить ими на этотъ разъ обычное свое ежемѣсячное письмо въ „Вѣстникѣ Европы". Я ему говорилъ о вашемъ предложеніи (на счетъ участія въ „Новомъ Времени" два раза въ мѣсяцъ), но у него такъ много работы теперь

на рукахъ—(онъ, между прочимъ, сталъ театральнымъ рецензентомъ въ „Bien public"), что и отъ этого предложенія онъ принужденъ теперь отказаться, хотя благодаритъ за довѣріе и будетъ имѣть это въ виду.

Что касается до Сахеръ-Мазоха—то, я полагаю, онъ очень будетъ радъ вступить съ вами въ сношенія.—Постоянное его мѣстопребываніе—Грацъ въ Австріи;—издатель его — Галлеръ въ Бернѣ (въ Швейцаріи). Я съ нимъ не знакомъ лично—и признаюсь, небольшой охотникъ до его романовъ. Въ нихъ слишкомъ много „литературы" и „клубнички"—двѣ вещи хорошія—но при излишнемъ пережевываніи—нестерпимыя. Я никогда не могъ понять, съ какой точки зрѣнія меня сравнивали съ нимъ.

Сочувствую вашему горю (запрещенію розничной продажи)—и удивляюсь вашей отвагѣ, бросившей васъ посреди моря, которое въ одно и то же время и ужасно грязно—и все усѣяно подводными каменьями.—Дай вамъ Богъ и миновать ихъ—и не слишкомъ запачкаться! Я вашу газету читаю съ удовольствіемъ.

Салтыковъ на дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Ниццы—и остается здѣсь недѣли три. Мы, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ выѣдемъ въ Россію. Здоровье его нѣсколько поправилось.

Надѣюсь увидать васъ въ Петербургѣ. Можетъ быть, даже привезу вамъ что-нибудь—а пока жму вамъ руку и желаю всего хорошаго.

230.

Колбасину, Е. Я.—Парижъ, 2 мая 1876 г.—Любезнѣйшій Колбасинъ, я черезъ вашего брата Дмитрія уже зналъ, что вы находитесь въ Вѣнѣ,—а теперь мнѣ было очень пріятно получить подтвержденіе этого факта,

писанное вашей рукой. Душевно жалѣю о томъ, что состояніе вашего зрѣнія мало улучшается, и надѣюсь, что леченіе электричествомъ и ваннами принесетъ вамъ пользу, тѣмъ болѣе что, по вашимъ словамъ, вы уже начинаете ее ощущать.—Продолжайте это леченіе,—но объ очкахъ лучше не хлопочите: всякія очки утомляютъ глаза—и изощряютъ зрѣніе лишь на короткое время. Лучше уже покориться необходимости—и на первыхъ порахъ отказаться отъ чтенія.

Я выѣзжаю отсюда черезъ двѣ недѣли въ Россію черезъ Берлинъ.—Очень жаль, что путь мой не лежитъ на Вѣну.—Въ Россіи думаю пробыть два мѣсяца и кончить мой столь давно затѣянный романъ [1]).

П. В. Анненковъ живетъ теперь въ Баденъ-Баденѣ,—и я его проѣздомъ увижу—(адрессъ его: Sophienstrasse, 4)—но онъ 30 мая уѣзжаетъ со всей семьей въ Швейцарію.

Семейство Віардо вамъ дружески кланяется,—стоящіе холода помѣшали имъ пока переселиться въ Буживаль. Но это не замедлится. Прилагаю карточку г-жи Віардо.

Мой адрессъ въ Россіи—орловской губерніи въ городъ Мценскъ. Помните террасу и гимнастическія упражненія и графиню?—Какъ это все уже далеко!

Обнимаю васъ крѣпко и желаю всего хорошаго!

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

231.

Маслову, И. И.—Спб. Гостинница Демутъ, № 65.—26 мая 1876 г. — Любезный другъ И. И., хотя ты не

[1]) „Новь“.—Ред.

сфинксъ, а я не Эдипъ,—но пишу тебѣ на египетской бумагѣ и ставлю слѣдующій вопросъ: находишься ли ты въ Москвѣ—и могу ли я по примѣру стародавнихъ лѣтъ, воспользоваться твоимъ дружественнымъ гостепріимствомъ и остановиться у тебя? Я выѣзжаю отсюда въ воскресеніе—пробуду въ Москвѣ всего два дня—и удираю въ деревню, гдѣ авось подагра меня на этотъ разъ оставитъ въ покоѣ.—Двумя отвѣтными словами ты доставишь большое удовольствіе искренне тебя любящему, и пр.

Изъ с. Спасскаго:

232.

Суворину, А. С.—Спасское, 9 іюня 1876 г..—Любезный А. С.—Проѣздомъ черезъ Петербургъ я въ одномъ вашемъ фельетонѣ прочелъ слова: „Жоржъ Зандъ умерла—и объ этомъ не хочется говорить“.—Вы вѣроятно хотѣли этимъ сказать—что о ней надо говорить много или ничего. Не сомнѣваюсь въ томъ, что впослѣдствіи „Новое Время“ пополнило этотъ пробѣлъ и, подобно другимъ журналамъ, сообщило по крайней мѣрѣ біографическій очеркъ великой писательницы; но все-таки прошу позволенія сказать слово о ней въ вашемъ журналѣ, хотя я тоже не имѣю теперь ни времени, ни возможности говорить „много“ и хотя это „слово“ даже не мое, какъ вы сейчасъ увидите. На мою долю выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ Зандъ—пожалуйста не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ дѣйствительно долженъ почесть себя счастливымъ.

Я получилъ на дняхъ письмо отъ одной француженки,

которая также коротко ее знала: вотъ, что стоитъ въ этомъ письмѣ:

„Послѣднія слова нашего дорогого друга были: „Оставьте... зелень!“ (Laissez... verdure...) т.-е. не ставьте камня на мою могилу—пусть на ней ростутъ травы! — И ея воля будетъ уважена: на ея могилѣ будутъ рости одни дикіе цвѣты. Я нахожу, что эти послѣднія слова такъ трогательны, такъ знаменательны, такъ согласны съ этой жизнью, уже столь давно отдавшейся всему хорошему и простому... Эта любовь природы, правды, это смиреніе передъ нею, эта доброта неистощимая, тихая, всегда ровная и всегда присущая!... Ахъ, какое несчастье ея смерть! нѣмая тайна поглотила навсегда одно изъ лучшихъ существъ, когда-либо жившихъ—и мы не увидимъ болѣе этого благороднаго лица: это золотое сердце болѣе не бьется,—все это теперь засыпано землею. Сожалѣнія о ней будутъ искренни, продолжительны, но я нахожу, что недостаточно говорятъ объ ея добротѣ. Какъ ни рѣдокъ геній, *такая* доброта еще рѣже. Но ей все-таки можно хотя нѣсколько научиться, — а генію нѣтъ, и потому нужно говорить о ней, объ этой добротѣ, прославлять ее, указывать на нее.—Эта дѣятельная, живая доброта привлекала къ Жоржъ Зандъ, закрѣпила за нею тѣхъ многочисленныхъ друзей, которые пребыли ей неизмѣнно вѣрными до конца и которые находились во всѣхъ слояхъ общества. Когда ее хоронили, одинъ изъ крестьянъ окрестностей Ногана (замка Жоржъ Зандъ) — приблизился къ могилѣ, и, положивъ на нее вѣнокъ, промолвилъ: „Отъ имени крестьянъ Ногана—не отъ имени бѣдныхъ; по ея милости здѣсь бѣдныхъ не было“.—А вѣдь сама Жоржъ Зандъ не была богата—и, трудясь до послѣдняго конца жизни—только сводила концы съ концами!“

Мнѣ почти нечего прибавлять къ этимъ строкамъ: могу только поручиться за ихъ совершенную правдивость.

Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбуждала во мнѣ, давно исчезло—я ужъ не поклонялся ей; но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни—и не сдѣлаться ея поклонникомъ, въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надо всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ: Жоржъ Зандъ—одна изъ нашихъ святыхъ;—вы конечно поймете, что́ я хочу сказать этимъ словомъ.

Извините несвязность, отрывчатость этого письма и примите увѣреніе въ дружескихъ чувствахъ преданнаго вамъ.

233.

Лихачеву, В. И.—Спасское, 10 іюня 1876 г.—Милостивый государь Владиміръ Ивановичъ! Прилагаемое письмо [1]) было написано, когда я получилъ отъ А. С. Суворина извѣщеніе, что онъ ѣдетъ въ Константинополь—и все-таки проситъ меня обратиться къ вамъ, что̀ я и исполняю—не медля.—Мнѣ не удалось написать о Ж. З. какъ бы я хотѣлъ, но я полагаю, что переведенный мною отрывокъ изъ письма моей знакомой можетъ заинтересовать читателя.

Вмѣстѣ съ письмомъ А. С. я получилъ и пачку „Но-

[1]) Къ А. С. Суворину. См. предъидущій № 232.—Ред.

ваго Времени", за которую благодарю. Я остаюсь здѣсь еще до конца мѣсяца.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности. Вашъ покорнѣйшій слуга.

234.

Кигну В. Л. [1]). — Спасское, 16 іюня 1876. — ...Если васъ изученіе человѣческой физіономіи, чужой жизни, интересуетъ *больше*, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если, напримѣръ, вамъ *пріятнѣе* вѣрно и точно передать наружный видъ не только человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи или этого человѣка, значитъ, вы объективный писатель и можете взяться за повѣсть или романъ. Что же касается до труда, то безъ него, безъ упорной работы, всякій художникъ непремѣнно останется дилеттантомъ; нечего тутъ ждать такъ называемыхъ благодатныхъ минутъ вдохновенія; придетъ оно — тѣмъ лучше; а ты все-таки работай. Да не только надъ своей вещью работать надо, надъ тѣмъ, чтобы она выражала именно то, что вы хотѣли выразить, и въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ вы этого хотѣли: нужно еще читать, учиться безпрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ она движется и которые не всегда выступаютъ наружу; нужно сквозь игру случайностей добиваться до типовъ — и со всѣмъ тѣмъ всегда оставаться вѣрнымъ правдѣ, не довольство-

[1]) Лицо, получившее письмо, тогда еще „молодой дебютантъ на литературномъ поприщѣ" — Владиміръ Людвиговичъ Кигнъ, авторъ журнальнаго обозрѣнія „Недѣли". Напечатано въ „Недѣлѣ", 1883, № 38, въ статьѣ: „Тургеневъ, какъ человѣкъ».—Ред.

ваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффектовъ и фальши. Объективный писатель беретъ на себя большую ношу: нужно, чтобы его мышцы были крѣпки... Прежде я такъ работалъ, и то не всегда; теперь я облѣнился да и устарѣлъ...

235.

Маслову, И. И.—Спасское, 18 іюня 1867 г.—Милый другъ И. И. Если тебѣ не икалось за всѣ эти дни, то это значитъ—что извѣстная поговорка не имѣетъ никакой цѣны—и что можно безпрестанно думать и говорить о человѣкѣ — а онъ не икнетъ ни разу. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, на меня навалились заботы, съ которыми мнѣ не подъ силу справиться: чувствую, что глупъ до святости, какъ говаривалъ Бѣлинскій, и неопытенъ, какъ младенецъ! Боже мой, думаю я непрестанно, если бы Масловъ здѣсь былъ, онъ бы все это какъ руками развелъ! На взятіе въ аренду Спасскаго явились разные конкурренты; я, кажется, отдамъ моему сосѣду и твоему хорошему знакомому, А. М. Щепкину; но присоединилось слѣдующее обстоятельство: я какъ-то проговорился, что не прочь бы продать Спасское, если мнѣ бы дали хорошую сумму — и сказалъ 125,000 р. наличными; эта вѣсть разнеслась — и хлопъ! Съ двухъ сторонъ мнѣ предлагаютъ эту сумму, изъ чего я долженъ заключить, что я запросилъ мало. И дѣйствительно: въ Спасскомъ 1,100 десят., за которыя меньше 110 р. за дес. взять нельзя; вотъ уже 121,000 р. Да 350 десятинъ лѣсу, за который здѣшній сосѣдъ, кулакъ № 1-й, нѣкто Б—кинъ, конкурентъ Щепкина по арендѣ, предлагаетъ по 100 р. за дес.—вотъ уже 35,000. Стало-быть, настоящая цѣна всему имѣнію = 156,000 (за вычетомъ половины купчей и т. д. — все же остается 150,000 слиш-

комъ). Но кто мнѣ скажетъ, правъ ли я? Бородачъ Кишинскій только потрясаетъ своей безконечно-густой бородой и выставляетъ фальшивые зубы—отъ него толку мало. Продешевить не хочется, да къ тому же и жутко какъ-то продавать свое родимое гнѣздо; но съ другой стороны не для чего требовать, цѣны преувеличенныя. Вотъ такъ-то я и колеблюсь, „какъ въ бурю челнокъ“. Даже *ты* тутъ помочь не можешь; ибо издали тебѣ невозможно судить о количествѣ моего имѣнія; а все-таки препобѣди свою лѣнь и напиши хоть *два* слова; а главное—скажи, когда тебѣ возможно будетъ пріѣхать въ Спасское — ну хоть на *3* дня; вотъ бы одолжилъ по-горло. Ты какъ-то намекалъ, что 2 іюля сдѣлаешься свободнымъ: ну что бы тебѣ 3 іюля и пожаловать сюда? Я бы къ тебѣ выѣхалъ на встрѣчу, кормилъ бы тебя отлично (представь! у меня славный поваръ), покрылъ бы тебя на ночь одѣяломъ, подареннымъ мнѣ—тебѣ въ пику—Анной Захаровной — помнишь? Словомъ, угобжалъ бы тебя всячески. Прочелъ бы кое-что изъ моего романа, который, несмотря на всѣ хлопоты и заботы, подвигается. Къ счастію подагра пока молчитъ. Ну, постарайся, возьми перо въ руки и черкни: „тогда-то, молъ, пріѣду!“ То-то я буду радъ! А пока, обнимаю тебя и и остаюсь преданный тебѣ.

PS. Деньги 100 р. я тебѣ вручу при свиданіи здѣсь или въ Москвѣ.

236 [1]).

II—ву, А. В.—Спасское, 23 іюня 1876 г.—Милостивый государь А. В., я получилъ ваше письмо, въ ко-

[1]) Напечатано въ „Новомъ Времени“ 5 авг. 1883 г., № 2731, въ фельетонѣ „Изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ“, подписанномъ *А. В. П—въ*. Письмо это есть отвѣтъ на просьбу о разрѣшеніи побывать у Тургенева для объясненій по вопросамъ, касающимся крестьянскаго быта.—Ред.

торомъ вы воздаете мнѣ столько похвалъ: ихъ искренность меня тронула, но извините, читая ихъ, невольно припоминаешь стихъ Гетевскаго „Фауста“:

„Ihr seht einen Mann, wie andre mehr“ [1]).

Я дѣйствительно пріѣхалъ сюда, чтобы работать въ уединеніи, однако я съ охотою готовъ вамъ удѣлить нѣсколько часовъ времени; только считаю долгомъ предупредить васъ, что съ точки зрѣнія вашей спеціальной цѣли я едва ли могу быть вамъ полезенъ, ибо ужъ такъ давно живу въ отдаленіи отъ русскихъ крестьянъ, что свѣденія мои утратили всякую свѣжесть.

Желаю вамъ всяческихъ успѣховъ на избранной вами дорогѣ и прошу принять увѣреніе и пр.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Буживаля:

237.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 16, rue de Mesmes, les Frênes.—31 іюня 1876.—Извини, милый другъ Я. П., что проѣзжая черезъ Петербургъ, не былъ у тебя и даже не отвѣчалъ на твою записку: я пронесся вихремъ, сломя голову прискакалъ сюда—и теперь сижу здѣсь надъ перепиской своего громаднѣйшаго романа, что ужасно трудно при невыносимой, царствующей въ настоящую пору жарѣ! Впрочемъ, я здоровъ и былъ все время здоровъ, нашелъ всѣхъ своихъ тоже здоровыми, потерялъ въ Россіи 1/4 своего состоянія по милости к.....-управляющаго и т. д. Очень огорченъ оборотомъ, который

[1]) „Вы видите человѣка, какихъ много“: слова Мефистофеля, въ костюмѣ Фауста, произносимыя имъ въ отвѣтъ на привѣтствіе ученика. — Ред.

приняли сербскія дѣла, и который, впрочемъ, слѣдовало предвидѣть.

Напиши мнѣ о твоемъ здоровьѣ, на которое ты жалуешься... Не взыщи на меня за краткость этой записки и вѣрь непзмѣнной дружбѣ, преданнаго тебѣ.

PS. Кланяюсь всѣмъ твоимъ.

238.

Ему же. — Буживаль, 17 сентября 1876. — Милый другъ, не хочу оставить твоего второго письма безъ отвѣта, хотя коротенькаго. Я занятъ по-горло перепиской романа, которая черезъ 3 дня окончится—слава Создателю! Отошлю рукопись потомъ къ Стасюлевичу—и забуду о ней!

Изъ письма твоего я заключаю, что ты не боленъ—чему радуюсь искренно. Мое здоровье тоже не дурно.

Твое стихотвореніе, дѣйствительно, не отличается особенной тождественностью: но вѣдь тутъ она не нужна, лишь бы въ жилку попасть, какъ ты говоришь. Ужъ на что мой „Крокетъ“ плохъ съ поэтической точки зрѣнія, а имѣлъ успѣхъ.

Отъ времени до времени меня ужасно подмываетъ къ вамъ отправиться — въ Россію... Тамъ совершается нѣчто удивительное, въ родѣ „крестовыхъ походовъ“. Война, мнѣ кажется, совершенно неизбѣжной — и какіе она размѣры приметъ—Ты Единъ, Господи, вѣси!

Въ декабрѣ (не въ ноябрѣ) буду непремѣнно въ Петербургѣ, если только живъ буду — и тогда наговоримся.

А теперь кланяюсь всѣмъ твоимъ и крѣпко жму тебѣ руку.

239.

Салтыкову, М. Е.—Буживаль, 17 сентября 1876 года.—Любезнѣйшій М. Е., я получилъ ваше письмо, а также и экземпляръ „Благонамѣренныхъ Рѣчей“, за который благодарю искренне — причемъ только замѣчаю, что мнѣ попался экземпляръ съ надписью Н. А. Некрасову (а ему, вѣроятно, съ моей).—Вы напрасно не прислали „Б. Р“. Золя—его бы это очень польстило—онъ всякій разъ, какъ я его вижу, освѣдомляется о васъ, такъ же какъ и Флоберъ.

Кстати о Золя. Я видѣлъ Л-чова и знаю, что онъ былъ отраженъ съ урономъ. Но мое „непреоборимое“ усердіе тутъ ни при чемъ.—Дѣло въ томъ, что Стасюлевичъ, въ послѣдній свой пріѣздъ въ Парижъ, познакомившись съ Золя, озолотилъ его сверху до низу—но съ тѣмъ условіемъ, чтобы З. уже весь принадлежалъ ему. „Вѣстникъ Европы“, вслѣдствіе этого, представляется Золя въ видѣ той сказочной poule aux oeufs d'or, которую надо беречь какъ зеницу ока.

Исторія ваша съ Г—евымъ меня не удивляетъ.—Пародируя стихъ Державина, можно сказать про него:

„Свинья останется свиньею,
Хотя укрась ее звѣздою“.

Впрочемъ, я имѣю честь раздѣлять съ вами недоброжелательство г. Г—ева. Онъ издалъ исторію 50-лѣтія петербургскаго университета—и въ числѣ сотенъ лицъ, поименованныхъ имъ—и получившихъ свое образованіе въ этомъ заведеніи, упомянулъ меня, причемъ весьма презрительно отозвался обо мнѣ.—Что дѣлать! Постараемся утѣшиться.—Но фактецъ вашего свиданія я сообщу Ханыкову, который, впрочемъ, сильно хвораетъ въ послѣднее время.

Л-човъ мнѣ сообщилъ подробности о болѣзни Некрасова.—Мнѣ сдается, это—невралгія спинного мозга...

На свое здоровье я пожаловаться не могу — и оканчиваю теперь переписку моего романа.—Не о „лаврахъ“ я мечтаю—а о томъ, чтобы не слишкомъ сильно треснуться физіономіей въ грязь. — А впрочемъ — будь что будетъ.

Я остаюсь здѣсь еще съ мѣсяцъ — а тамъ въ Парижъ — а въ концѣ года въ Петербургъ, гдѣ надѣюсь съ вами видѣться.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ — и дружески жму вамъ руку.

240.

Маслову, И. И.—Буживаль, 11 октября 1876 г.—Любезный другъ И. И., г-жа Шнейссеръ уже вѣроятно вернулась въ Москву и сообщила тебѣ все, что произошло въ Парижѣ послѣ ея прибытія туда;—мнѣ остается только подтвердить слѣдующіе факты:

Во 1-хъ, хотя г-жа Віардо не могла немедленно принять дѣвицу Ш. въ число своихъ ученицъ, но она нашла въ ней достаточно способностей, чтобы поручить ее своей родственницѣ и помощницѣ, г-жѣ Леонаръ, которая обыкновенно подготовляетъ ученицъ, которыя потомъ поступаютъ къ г-жѣ Віардо.

Во 2-хъ, г-жа Леонаръ, по просьбѣ моей, вмѣсто обычныхъ 15 франковъ за урокъ, беретъ съ д-цы Шнейссеръ 10—и обѣщалась мнѣ тщательно заняться ею.

Въ 3-хъ, мы нашли для дѣвицы Шнейссеръ очень удобную и недорогую квартиру у одной бывшей воспитанницы г-жи Віардо, молодой вдовы, очень хорошей и доброй женщины. Ей тамъ спокойно какъ дома.—Платитъ она 200 фр. въ мѣсяцъ за все.—Дешевле нельзя было найти.—Квартира въ двухъ шагахъ отъ дома г-жи Віардо—и какъ только мы вернемся въ Парижъ — (что

произойдетъ весьма скоро) — я навѣрное буду часто видѣть твою protégée. Все зависитъ теперь оттого, сколько у ней будетъ твердости характера и прилежанія; музыкальное воспитаніе ея было очень слабо и недостаточно, по милости московской консерваторіи; но природныя средства должны восторжествовать.

Обѣщаю тебѣ не выпускать ее изъ виду—и сдѣлать все, что будетъ возможно, для того, чтобы пребываніе д-цы Ш. въ Парижѣ было ей полезно и незатруднительно.

Романъ мой („Новь“) появится въ началѣ будущаго года въ „Вѣстникѣ Европы“; и самъ я объ эту пору надѣюсь пріѣхать въ Россію; тогда увидимся.—Развѣ война помѣшаетъ.

Будь здоровъ; жму крѣпко твою руку.

241.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 26 октября 1876 года.—Милый другъ Я. П., мы послѣ завтра (въ самый день моего рожденія—58 лѣтъ!!!) переѣзжаемъ обратно въ городъ (Rue de Douai, 50), и я не хочу уѣхать отсюда, не отозвавшись хотя нѣсколькими строками на твое хорошее и теплое письмо отъ 26-го сент. — То, что ты мнѣ говорилъ тогда о восточномъ вопросѣ, не могло не видоизмѣниться вслѣдствіе послѣднихъ событій, имѣвшихъ результатомъ ненависть сербовъ къ проливавшимъ за нихъ кровь русскимъ; не знаю, выдержитъ ли нашъ энтузіазмъ этотъ толчокъ — но, признаюсь, въ возможность войны теперь я вѣрю мало; да если ее опять вести такому ....., каковъ Ч...—не стоитъ и жалѣть о томъ, что ея не будетъ, хотя и миръ для насъ куда какъ позоренъ.—Во всякомъ случаѣ, теперь приходится ждать—и помнить одно: Европа насъ ненавидитъ, *вся*

Европа, безъ исключенія; — мы *одни* — и должны остаться одни.

Мой романъ переписанъ, конченъ, отправленъ на прочтеніе и судъ къ П. В. Анненкову въ Баденъ-Баденъ — (кстати, ты помнишь, желалъ знать его адрессъ: Baden-Baden, Sophienstrasse, 4; а Ханыкова — Rue des Ecoles, 24, Paris) — и какъ только вернется оттуда, поѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ будетъ печататься въ „Вѣстникѣ Европы", начиная съ января, и гдѣ придется ему вѣроятно выслушать — „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной". — Что изъ него вышло — неизвѣстно; намѣренія были хорошія — но каково исполненіе? Все это я теперь скоро узнаю.

Здоровье мое сносно, хотя сердце иногда пошаливаетъ (въ подагрическомъ смыслѣ). Если что особенное не приключится, я надѣюсь, въ началѣ января, прибыть въ Петербургъ — и, конечно, увижусь съ тобою.

Ханыковъ все лѣто очень страдалъ ревматизмами въ колѣнѣ и съ трудомъ ходитъ. — А растолстѣлъ необычайно и являетъ видъ шара.

Ты мнѣ въ послѣднемъ своемъ письмѣ ничего не говоришь о своихъ пейзажахъ; продолжаешь ты заниматься ими?

У насъ здѣсь погода все еще отличная; а у васъ, говорятъ, уже снѣгъ выпалъ.

Бѣдны мы до гадости въ Россіи — вотъ что плохо; и къ тому же очень склонны къ воровству. — А какъ вести войну безъ денегъ, этого „нерва" войны? — Одно развѣ: прикажутъ — такъ мы и безъ „нерва". — Но я полагаю, такого приказа не выйдетъ.

Видаешь ли ты нашу любезную баронессу Вревскую?

Поклонись твоей женѣ и всѣмъ твоимъ; а тебѣ я крѣпко жму руку и остаюсь душевно тебѣ преданный.

PS. Крамской и Верещагинъ оба здѣсь, т.-е. въ Па-

рижѣ.—Перваго я еще не видѣлъ, а второго, вѣроятно, и не увижу вовсе—такъ какъ онъ прячется ото всѣхъ, исключая журналистовъ, пишущихъ о немъ рекламы.—Антокольскій (скульпторъ) былъ здѣсь, но уѣхалъ обратно въ Римъ, не нашедши подходящей студіи.—Харламовъ продолжаетъ удивительно писать головки, но все однѣ головки!—У него совсѣмъ воображенія нѣтъ.

Изъ Парижа:

242.

Ему же.—Парижъ, 11 ноября 1876 г.—Большое письмо написалъ ты мнѣ, дружище Я. П.!—Отвѣчаю тебѣ если не такъ пространно—то обстоятельно.

Во-первыхъ—ты напрасно думаешь, что я не желаю войны: напротивъ, я не вижу другого исхода изъ нашего безобразнаго положенія.—Одни русскіе революціонеры желаютъ мира, такъ какъ они воображаютъ, что это скомпрометируетъ государя въ глазахъ народа.—Во-вторыхъ—я вовсе не со словъ западныхъ журналистовъ и т. д.—считаю Ч.... п.....—тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не имѣетъ здѣсь такой репутаціи. . . . . .

. . . . . .

Но къ чему больше настаивать? Тебя теперь не переубѣдишь, и ты будешь по прежнему величать его „гигантомъ“ и т. д.—Хочу только тебя увѣрить, что я до сужденія о Ч.... добрался, какъ Тяпкинъ-Ляпкинъ въ Ревизорѣ—собственнымъ умомъ—и французскаго (или другого) вліянія тутъ нѣтъ и слѣда.

Рукопись моего романа отправилась третьяго дня въ Петербургъ—и если не встрѣтится затрудненія, явится въ январскомъ № „В. Е.“—Никакого нѣтъ сомнѣнія, что

если за „Отцовъ и Дѣтей“ меня били палками, за „Новь“ меня будутъ лупить бревнами — и точно также съ обѣихъ сторонъ. А не то, пожалуй, если война будетъ — и совсѣмъ говорить не станутъ. — Думаю, что это все съ меня сойдетъ, какъ съ гуся вода.

Въ январѣ увидимся непремѣнно; а теперь — я радуюсь, что твое здоровье словно поправилось — могу сообщить тебѣ, что и мое не худо. Кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески жму тебѣ руку.

---

243 [1]).

II—ву. А. В.—Парижъ, 12 ноября 1876.—Милостивый государь, А. В., я получилъ ваше письмо съ приложенной вырѣзкой. Фельетонъ, написанный вами послѣ вашего посѣщенія въ деревнѣ, былъ мнѣ извѣстенъ. Не могу скрыть отъ васъ, что я пожалѣлъ объ его появленіи, въ которомъ я, впрочемъ, васъ не виню, такъ какъ я не отвѣчалъ отказомъ на вашъ запросъ. И не то, чтобы въ вашемъ фельетонѣ нашъ разговоръ былъ невѣрно переданъ; но эта американская мода рѣшительно намъ не къ лицу. Слишкомъ пахнетъ рекламой и самовосхваленіемъ. Не знаю, что написалъ г. Михайловскій въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но отъ разныхъ лицъ, даже отъ пріятелей, мнѣ порядкомъ досталось; иронически поздравляли меня съ производствомъ въ старцы Гёте [2]); жалѣли, что я не сообщилъ вамъ, какія я предпочитаю кушанья, на какой ногѣ у меня мозоль и т. д. Словомъ, я васъ нисколько не обвиняю; aber die ganze Sache wäre lieber unge-

[1]) Напечатано въ „Новомъ Времени“ 5 окт. 1883 г. № 2731, въ фельетонѣ „Изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ“, подписанномъ *А. В. П—въ*.—Ред.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ я сравнивалъ величественную фигуру И. С. съ фигурою старца Гёте.—А. П.

schehen geblieben [1]). Впередъ это ужъ, конечно, не повторится.

Въ Петербургъ я прибуду въ половинѣ или въ концѣ января и, конечно, увижусь съ вами. Прошу не пенять на меня за то нѣсколько непріятное чувство, которое возбудитъ вѣроятно въ васъ это письмо—и примите увѣреніе и пр.

244.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 9 декабря 1876.—Милый Я. П.,—я получилъ твое письмо отъ 30-го ноября и дѣйствительно не могъ не воскликнуть: опять Черняевъ!—Ограничусь на сей разъ тремя пунктами, которые постараюсь изложить какъ можно короче [2]):

1) У насъ на Руси снова проявилась столь часто замѣченная черта: ото всѣхъ нашихъ „болѣзней", лѣни, вялости, пустоты, скуки—мы ищемъ излечиться разомъ, какъ зубъ заговорить! И это чудодѣйственное средство:—то́ какой-нибудь человѣкъ, то́ естественныя науки—то̀ война... Хлопъ! и мы совсѣмъ стали здоровы. Вотъ мы теперь за войну ухватились.—Все это признакъ слабаго развитія умственнаго—и, говоря прямо—необразованія.—Впрочемъ, говорятъ, ужъ это опять проходитъ—и мы—по прежнему—на старыхъ бобахъ.

2) Еслибъ Черняевъ былъ хоть бездарнымъ, но простымъ русскимъ генераломъ,—въ родѣ Н-ва.—спалъ бы на землѣ, ѣлъ бы черствый хлѣбъ—хоть этимъ бы онъ взялъ.—Ты знаешь поговорку: „жена Цезаря не должна даже быть подозрѣваема"—такъ и русскій генералъ въ Сербіи—не долженъ былъ даже подать поводъ къ извѣ-

[1]) „Но лучше, еслибы этого вовсе не было".

[2]) Этому письму предшествовало большое, весьма интересное письмо Тургенева отъ 5 дек. (24 ноября) 1876 г., которое не печатаемъ, о дѣятельности того же лица.—Ред.

стнымъ слухамъ, не долженъ былъ терпѣть въ своемъ штабѣ такихъ с.... д.... какъ М., которые ужъ, конечно, ни въ чемъ себѣ не отказывали.—А этотъ—(извини).... этотъ Черняевъ—пріѣхалъ въ Вѣну *со свитой изъ 26 офицеровъ*, съ частнымъ секретаремъ и тѣлохранителями—(это не выдумка, я самъ читалъ въ вѣнской газетѣ всѣ ихъ имена)—остановился въ лучшей гостинницѣ, оффиціально ѣздитъ въ театръ, въ императорскую ложу!—этотъ на обѣ корки, позорно расколоченный генералъ принимаетъ корреспондентовъ, даетъ аудіенціи... И это—русскій герой?!... фуй! - фуй!....

3) Ты предполагаешь, что я магометанскую вѣру считаю или долженъ считать какимъ-то низшимъ видомъ, чѣмъ-то мизернымъ въ сравненіи съ христіанствомъ.—Въ этомъ ты вполнѣ ошибаешься.—По моему—это два вида одной формаціи, и освобождая болгаръ, мы должны руководствоваться не тѣмъ фактомъ, что они христіане—а турки—магометане;—а тѣмъ, что турки ихъ рѣжутъ и грабятъ....

А тебѣ, другъ Яковъ Петровичъ, совѣтую на звѣзды не заглядываться, не ждать избавленія свыше, а искать точки опоры внутри себя. А то ты можешь принять падучую звѣзду (которая нечто иное какъ вонючій . . . . . .) за настоящую; да и настоящая тебя отъ твоихъ личныхъ бѣдъ и горестей не избавитъ. А къ концу нынѣшняго года русскій народъ вѣроятно, забудетъ, что онъ хотѣлъ *безкорыстно* заступиться за славянъ, которымъ мы уже потому помочь не можемъ, что, какъ оказывается, у турокъ и больше войска, чѣмъ у насъ—и оно лучше вооружено.

Однако, прощай и будь здоровъ—а то я становлюсь нецензуренъ. Обнимаю тебя.

245.

Маслову, И. И.—Парижъ, 9 декабря 1876.—Любезный другъ И. И., могу сообщить тебѣ извѣстіе, которое, вѣроятно, тебѣ доставитъ удовольствіе: твоя протеже́, д-ца Шмейссеръ, поступила въ ученицы къ г-жѣ Віардо, взяла у ней уже нѣсколько уроковъ—и сколько я знаю, г-жа Віардо довольна ею и надѣется, что изъ нея выйдетъ хорошая пѣвица.

Тѣмъ болѣе мнѣ приходится настаивать на томъ, чтобы узнать твои окончательныя намѣренія на счетъ этой барышни, и хочешь ли ты продолжать доставлять ей необходимыя денежныя средства.

Пожалуйста, Иванъ Ильичъ, не полѣнись отвѣчать хотя вкратцѣ: это слишкомъ важно для д-цы Шмейссеръ.

А у васъ, кажется, все успокоилось: какъ ни колыхай болота, моремъ оно все-таки не станетъ.

Въ концѣ января или началѣ февраля надѣюсь увидѣться съ тобой, а пока—будь здоровъ—дружески жму тебѣ руку.

246.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 30 декабря, 1876.—Милый Я. П., сдѣлай ты мнѣ одну божескую милость: не предполагай ты никогда, что я *сержусь* на тебя! Я, кажется, тебѣ уже разъ писалъ объ этомъ. За что я буду на тебя сердиться, помилуй! И что бы я былъ за человѣкъ, еслибъ я могъ сердиться за разность воззрѣній—вообще за разность мнѣній!!!—Да еще на такого стараго пріятеля, какъ ты.

О г-нѣ Ч. я уже больше говорить не буду;—тѣмъ болѣе, что онъ теперь, какъ сказано у Пушкина—„осужденъ послѣднимъ приговоромъ“.—Скажу только нѣсколько словъ о „военномъ вопросѣ“.

Ты пишешь, въ возраженіе ко мнѣ—*развѣ Германія была слаба умственнымъ развитіемъ, когда душила войной французовъ?*

Душа моя—вся штука въ томъ, какъ мы смотримъ на войну—и чего отъ нея ожидаемъ? Вся Германія расхохоталась бы отъ Везера до Дуная, еслибы ей сказали, что она ведетъ войну для собственнаго нравственнаго очищенія:—она воевала съ французами, чтобы округлиться, да объединиться, да отнять у нихъ Эльзасъ и Лотарингію.—А мы хотимъ войною вылечиться отъ нашего внутренняго худосочья!—Вотъ гдѣ чепуха! Вотъ гдѣ вялость и недомысліе.—Петръ Сидорычъ скучаетъ и зѣваетъ; онъ не знаетъ куда свой вечеръ дѣвать—потому что онъ неучъ:—война за славянъ—излечи его, уничтожь его пустоту—наполни его содержаньемъ!—Да поскорѣй, поскорѣй!... А если не война—ну что-нибудь другое—*деревня*, придуманная „Недѣлей“—или какой-нибудь герой, чудодѣй!—Вотъ противъ чего я возставалъ и возставать не перестану.

А что намъ скверно и томно и бѣдно живется... этого уже передѣлать нельзя: это зарокъ, положенный пока на всю Россію.—Ты жалуешься, что ты не видишь молодыхъ людей... Любезный другъ, они сами себя не видятъ—и бродятъ ощупью въ темнотѣ.—Но я не отчаяваюсь:—они выберутся... хотя и имъ не предстоитъ срывать розы и нѣжиться.

Когда ты получишь это письмо—„Вѣстникъ Европы“ уже будетъ въ твоихъ рукахъ.—Я бы очень желалъ знать твое мнѣніе на счетъ „Нови“—хотя полнаго впечатлѣнія мой романъ, вслѣдствіе его раздробленія, произвести не можетъ; напр., въ этой первой части, Соломинъ—*главное* лицо, едва очерченъ.—Но ужъ этому горю помочь нельзя.—Не сомнѣваюсь въ томъ, что меня, какъ говорится, отщелкаютъ на обѣ корки; но интересно знать—

какое будетъ окончательное мнѣніе публики.—А впрочемъ, тоже какъ говорится: отзвонишь—и съ колокольни долой!

Скажи мнѣ правду: „Кузнецъ Вакула“ имѣетъ успѣхъ или нѣтъ?—Здѣсь ходятъ разнорѣчивые толки.

Полагаю, что Чайковскій преувеличиваетъ на счетъ Л. Толстаго; — но какъ не пожалѣть о томъ, что этотъ человѣкъ, столь необычайно одаренный, словно вслѣдствіе паріи, дѣлаетъ именно то, что ему не слѣдуетъ дѣлать?!

За симъ поздравляю тебя и всѣхъ твоихъ съ новымъ годомъ и остаюсь искренно тебя любящій.

PS. Прочелъ я статью Маркова обо мнѣ въ „Голосѣ“.—Какимъ я у него являюсь . . . . ., даже сказать нельзя! А онъ полагаетъ, что хвалитъ меня.—Всѣ мои произведенія являются какимъ-то настоемъ липоваго цвѣта съ примѣсью лоделавану.—Неужели же я такой?

1877.

247.

Ему же.—Парижъ, 22 января 1877.—Милый другъ Я. П., радуюсь тому, что причина твоего молчанія было плохое состояніе твоихъ чернилъ; а то я начиналъ думать, что неуспѣхъ „Нови“—(первой части),—о которомъ я былъ извѣщенъ съ различныхъ сторонъ, такъ вышелъ великъ, что ты, по дружбѣ своей ко мнѣ, не рѣшался писать.—Со многими изъ твоихъ замѣчаній я вполнѣ согласенъ (особенно съ неумѣстностью главы о Ѳомушкѣ и Ѳимушкѣ,—это былъ мой капризъ—я вспомнилъ такую старенькую чету, которую зналъ когда-то)—прошу только тебя пріостановить твое окончательное суж-

деніе до появленія второй части.—Я всячески старался убѣдить Стасюлевича не дробить романа, но къ сожалѣнію не успѣлъ. — Ты находишь, что въ „Нови“ чувствуется напряженіе, излишняя головная работа и нѣкоторая робость... можетъ быть; замѣчу только одно, что ни одно изъ моихъ большихъ произведеній не писалось такъ скоро, легко (въ 3 мѣсяца)—и съ меньшимъ количествомъ помарокъ. Вотъ послѣ этого и суди! —(Идея у меня долго вертѣлась въ головѣ, я нѣсколько разъ принимался за исполненіе—но наконецъ написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча). И выходитъ, что ничего нельзя знать напередъ.

Во всякомъ случаѣ—и какое бы ни сложилось рѣшительное мнѣніе публики—это уже, конечно, моя послѣдняя работа. Довольно!

Я все-таки не покидаю намѣренія пріѣхать черезъ мѣсяцъ въ Петербургъ и очень буду радъ съ тобою увидѣться.

Ты мнѣ ничего не пишешь о твоемъ здоровьѣ— дипломаты говорятъ—point de nouvelle, bonne nouvelle—и я такъ это полагаю—и радуюсь.

Я взялъ букву С. для означенія города, какъ взялъ бы А. Б.—или даже Х;—и нисколько не думалъ ни о Симбирскѣ ни о Самарѣ.

Ты говоришь молодые люди не дочерчены;—къ Маркелову и Нежданову я не зналъ бы, что прибавить;— а главное лицо романа, Соломинъ—только является во второй части.

Но все это—„не суть важно“.

Да, Черняевъ былъ здѣсь, и окончательно выставилъ себя... Ну, не хочу тебя огорчать; для меня—онъ мертвый; a—de mortuis nil nisi bene.

Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

248.

Ему же.—Парижъ, 18 февраля 1877.—Любезнѣйшій другъ Я. П., что это, право: на тебя, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валятся?—Изъ письма твоей жены (которой прошу передать мой усердный поклонъ) я вижу что ты подвергся разомъ двумъ болѣзнямъ, изъ которыхъ одна обыкновенно оставляетъ взрослыхъ въ покоѣ.—Надѣюсь, что никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ этого не будетъ—за исключеніемъ невольнаго уединенія, которому ты долженъ подвергнуться—и которымъ тебѣ слѣдовало бы воспользоваться, чтобы написать другого „Кузнечика-Музыканта“.

Было время, что я просилъ у тебя позволенія не говорить болѣе о Черняевѣ;—того же самаго прошу я теперь на счетъ „Нови“.—Какая бы ни была ея окончательная судьба—это мой послѣдній самостоятельный литературный трудъ: это рѣшеніе мое—безповоротно:—мое имя уже не появится болѣе. Я бы могъ желать, чтобы мое послѣднее слово встрѣтило болѣе снисходительный пріемъ; но что оно послѣднее, въ этомъ ты такъ же мало можешь сомнѣваться, какъ... ну хоть какъ въ моей дружбѣ къ тебѣ.—И разговаривать больше объ этомъ нечего.

Чтобы не отстать отъ привычки къ перу—я вѣроятно займусь переводами.—Думаю о Донъ Кихотѣ, о Монтеньѣ (Montaigne).—Между прочимъ я перевелъ одну *легенду* Гюстава Флобера, небольшую, но красоты необычайной: она появится въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (можетъ быть, даже ихъ появится *двѣ*); заранѣе тебѣ рекомендую.—Я постарался, сколько могъ, передать краски и тонъ подлинника.

Въ Петербургъ я пріѣду въ концѣ апрѣля—и конечно, тебя застану еще тамъ и побесѣдую всласть.

Здѣсь вышли въ свѣтъ два толстыхъ тома Legendes

des siècles, В. Гюго.—Балласту и бомбасту пропасть—и ни одного нѣтъ выдержаннаго стихотворенія: но попадаются удивительные стихи десятками.—Критика здѣшняя вся пала ницъ,—восхваленій и ѳиміамокуреній не оберешься; и дѣйствительно, когда подумаешь, что это написано 75-ти-лѣтнимъ старикомъ, нельзя не удивляться.—Но едва ли гдѣ-нибудь, кромѣ Франціи – эта книга произведетъ большой эффектъ...

Понедѣльникъ,—21-го февраля.

Вотъ видишь, какой я лѣнтяй! Не дописалъ письма въ пятницу—оно завалялось—и теперь приходится отвѣчать на письмо, писанное собственной твоей рукой и и пришедшее вчера.—Хотя мнѣ очень было пріятно видѣть, что ты настолько поправился, что можешь самъ писать,—однако, описаніе твоего положенія (особенно положеніе твоей квартиры) меня озабочиваетъ.—Надо непремѣнно, чтобы ты полечился нынѣшнимъ лѣтомъ.—Мы объ этомъ потолкуемъ.

Сдерживая мое слово не говорить больше о моемъ романѣ, прошу у тебя позволенія не отвѣчать на часть твоего письма, посвященную ей.

Очень бы мнѣ хотѣлось пріѣхать пораньше въ Петербургъ, чтобы застать еще тотъ процессъ нигилистовъ, который долженъ сегодня начаться;—но это, къ сожалѣнію, невозможно.

О войнѣ и мирѣ что-то замерло; не могу себѣ представить, какъ возможно Россіи отступить,—а между тѣмъ чувствую, что она отступитъ. Здѣсь въ этомъ не сомнѣваются.

Дружески жму твою руку, кланяюсь твоей женѣ и всѣмъ твоимъ и остаюсь преданный тебѣ.

249.

Маслову, И. И.—Парижъ, 5 марта 1877 г.—Милый другъ И. И., я получилъ твое письмо и вексель.—Деньги 608 фр. присоединены къ кассѣ дѣвицы Шмейсеръ.

Г-жа Віардо надѣется, что черезъ три, четыре мѣсяца она вполнѣ будетъ готова для поступленія на русскую оперу, роли которой она съ нею проходитъ;—г-жа Віардо не полагаетъ, чтобы твоя protégée могла бы пѣть италіянскій или нѣмецкій репертуаръ — ибо для этого она не довольно музыкальна — хотя голосъ у ней очень хорошъ.—Ведетъ себя дѣвица Ш. очень скромно и благоразумно.

Благодарю тебя за твой отзывъ о 2-й части моего романа и вообще о всей „Нови"; меня это тѣмъ болѣе порадовало, что я никогда не подвергался такому единодушному порицанію въ журналахъ. — Впрочемъ, это уже для меня теперь дѣло „прошлое" — такъ какъ я твердо рѣшился болѣе не писать, и положить перо, которое служило мнѣ болѣе 30-ти лѣтъ; — пора въ отставку, къ ветеранамъ.

Черезъ 6 недѣль — если буду живъ—я въ Москвѣ— и съ какою радостью обниму тебя! — А до тѣхъ поръ будь здоровъ и бодръ и вѣрь искренней дружбѣ сердечно тебѣ преданнаго.

250.

Достоевскому, Ѳ. М. — Парижъ, 28 марта 1877 года.—Милостивый государь Ѳедоръ Михайловичъ! Мой хорошій пріятель, извѣстный литераторъ и знатокъ русскаго языка, г-нъ Эмиль Дюранъ, получилъ отъ редакціи „Revue des deux Mondes" порученіе составить моногра-

фіи (біографическія и литературно-критическія) о выдающихся представителяхъ русской словесности, и съ этой цѣлью отправляется въ Россію.—Вы, конечно, стоите въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ—и онъ меня просилъ снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ вамъ, что я исполняю съ тѣмъ большей охотой, что личное знакомство съ г-мъ Дюраномъ, какъ съ человѣкомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ, образованнымъ и умнымъ не можетъ не доставить вамъ самимъ большое удовольствіе.

Я рѣшился написать вамъ это письмо, несмотря на возникшія между нами недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ наши личныя отношенія прекратились. Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ томъ, что недоразумѣнія эти не могли имѣть никакого вліянія на мое мнѣніе о вашемъ первоклассномъ талантѣ и о томъ высокомъ мѣстѣ, которое вы по праву занимаете въ нашей литературѣ.

Въ надеждѣ на радушіе пріема, которое вы окажете г-ну Дюрану и на ваше сочувствіе къ самой цѣли его путешествія, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю пребыть, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, и пр. [1]).

251.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 7 апрѣля 1877 г.—Милый другъ Я. П., твое стихотвореніе, въ которомъ есть удивительные стихи, какъ, напр.:

„Въ окно глядитъ и лезетъ въ очи
„Сырая мгла плаксивой ночи"—

возбудило во мнѣ глубокую унылость; а для того, чтобы

1) Оффиціальный тонъ этого письма долженъ объясняться тѣмъ, что оно было вручено самому Э. Дюрану, для личной передачи, въ качествѣ рекомендательнаго письма.—Ред.

ты понялъ—почему? —выписываю тебѣ нѣсколько строкъ изъ моего дневника:

„$^{17}/_{5}$-го марта. Полночь. Сижу я опять за своимъ „столомъ... а у меня на душѣ темнѣе темной ночи... „Могила словно торопится проглотить меня; какъ мигъ „какой пролетаетъ день, пустой, безцѣльный, безцвѣт„ный. Смотришь: опять вались въ постель. — Ни права „жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего „ожидать, нечего даже желать".

Не выписываю дальше; очень ужъ уныло. Ты забываешь что мнѣ 59-й годъ... А ты говоришь о „лучахъ славы" о „чарахъ пѣнія"... Душа моя, мы оба—два черепка давно разбитаго сосуда.—Я по крайней мѣрѣ—чувствую себя у . . . . . въ отставкѣ.

Ты можешъ теперь понять, какъ на меня подѣйствовали твои стихи...

Во всемъ этомъ мнѣ пріятно одно: хотя ты объ этомъ не пишешь: лихая болѣзнь твоя (скарлатина), вѣроятно, прошла—и ты остался только съ старыми недугами, которые вѣрнѣе друзей — и не покидаютъ человѣка.

Близость войны также не способствуетъ къ тому, чтобы я чувствовалъ себя веселымъ. Но обо всемъ этомъ мы скоро потолкуемъ лично. — Мы черезъ двѣ недѣли увидимся — такъ какъ я скоро отсюда выѣзжаю—а до тѣхъ поръ крѣпко тебя обнимаю.

252.

Ему же.—Парижъ, 14 апрѣля 1877 г. — Милый другъ Я. П. — Пишу тебѣ только два слова (за недостаткомъ времени) въ отвѣтъ на только что полученное твое письмо. — Умоляю тебя, какъ друга, не печатать твоего посланія ко мнѣ; — уже теперь мое имя не по-

является въ печати иначе какъ сопровожденное нареканіями и насмѣшками — зачѣмъ же давать поводъ всѣмъ моимъ недоброжелателямъ присоединить къ моему имени другое, которое мнѣ гораздо дороже моего собственнаго— и дать пищу всякимъ сплетнямъ и грязнымъ намекамъ? Я увѣренъ, что ты меня поймешь и уважишь мою просьбу.

Напишу тебѣ завтра же пространнѣе о другихъ пунктахъ—а теперь спѣшу пожать тебѣ руку.

253.

Ему же.—Парижъ, 20 апрѣля 1877 г.—Любезнѣйшій Я. П., Наполеонъ говаривалъ — „qu'il ne faut pas laver son linge sale en famille"; — точно также не слѣдуетъ показывать даже другу свои тайныя раны. — Я каюсь и извиняюсь. — Меня потрясъ контрастъ между твоей поэтической картиной и дѣйствительностью.—Особенно мнѣ слѣдовало воздержаться при мысли, что письмо мое было адрессовано человѣку, у котораго собственнаго, дѣйствительнаго горя и страданій вдоволь.—Но довольно объ этомъ: я ограничусь только увѣреніемъ, что то настроеніе духа во мнѣ не возникло вслѣдствіе послѣднихъ непріятностей—а существуетъ уже весьма давно — чуть ли не съ самой молодости.

Но отлагаю все до нашего свиданія, которое имѣетъ быть скоро, такъ какъ я черезъ недѣлю выѣзжаю отсюда. Надѣюсь застать тебя здоровымъ и бодрымъ—а до тѣхъ поръ обнимаю тебя.

254 [1]).

Додэ, Альфонсу. — Парижъ, 12 (24) мая 1877. — Милый другъ, если я до сихъ поръ не говорилъ съ вами о вашей книгѣ, то лишь потому, что желалъ поговорить о ней какъ слѣдуетъ, а не ограничиться не многими банальными фразами. Отложу это до слѣдующаго нашего свиданія, которое состоится, надѣюсь, скоро; Флоберъ на дняхъ долженъ пріѣхать и тогда опять начнутся наши обѣды.

Теперь ограничусь однимъ замѣчаніемъ: „Набабъ“ самый замѣчательный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый неровный изъ всѣхъ написанныхъ вами романовъ. Если „Фромона и Рислера“ изобразить прямой линіей, то „Набабъ“ слѣдовало бы изобразить такъ ~~~~; и верхушки этихъ зигзаговъ доступны только таланту перворазрядному.

У меня опять былъ продолжительный и очень сильный припадокъ подагры. Вчера я въ первый разъ вышелъ изъ дому, и у меня ноги и колѣни точно у девяностолѣтняго старика. Очень боюсь, что сдѣлаюсь тѣмъ, что англичане называютъ „a conformed invalid“.

Тысячу привѣтствій m-me Додэ. Искренно жму вашу руку.

255.

Маслову, И. И.—Парижъ, 16 мая 1877.—Любезный другъ И. И., твое письмо (съ векселемъ на 530 фр.) застало меня еще здѣсь, благодаря припадку подагры, который приключился со мною мѣсяцъ тому назадъ и воспрепятствовалъ моему отъѣзду. Наконецъ, я

---

[1]) Напечатано въ „Новомъ Времени“ 29 окт. 1883 г., № 2755, въ переводной статьѣ „Воспоминанія Альфонса Додэ“, и перепечатано въ книгѣ „Иностранная критика о Тургеневѣ“, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 205.

справился и выѣзжаю завтра. Надѣюсь скоро съ тобой увидѣться, ибо въ Петербургѣ я останусь не долго.

Въ кассѣ дѣвицы Шмейссеръ оставалось дѣйствительно всего 40 франковъ; присланныхъ тобою денегъ, полагаю, будетъ достаточно, чтобы заплатить здѣсь за квартиру и на издержки путешествія. Она въ послѣднее время сдѣлала замѣчательные успѣхи — и, конечно, можетъ теперь съ честью дебютировать на любой русской сценѣ. Г-жѣ Віардо она не могла заплатить за уроки, но счетъ ихъ записанъ — и я не сомнѣваюсь въ томъ, что твоя „protégée“ почтетъ долгомъ вознаградить свою учительницу, какъ только будетъ въ состояніи это сдѣлать. Она очень хорошая дѣвушка и вела себя здѣсь примѣрно.

Какъ только я пріѣду въ Петербургъ, я дамъ тебѣ знать, такъ какъ я надѣюсь снова, по примѣру прежнихъ лѣтъ, пріютиться подъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ.

За симъ дружески тебя обнимаю и—до свиданія!

ВЪ РОССІИ.

Изъ Петербурга:

256.

Ему же. — Спб., Большая Конюшенная, д. Петропавловской церкви, кв. № 15, у г-жи Бульэ. — 2 іюня 1877. — Любезный другъ И. И., я получилъ твое милое и дружеское приглашеніе; но П. В. Анненковъ, который третьяго дня сюда пріѣхалъ, сказывалъ мнѣ, что Тютчевы на дняхъ (чуть ли не завтра) ѣдутъ въ Москву и остановятся у тебя. Я боюсь тебя стѣснить и полагаю, что на этотъ разъ будетъ лучше, если я остановлюсь въ домѣ брата, на Пречистенкѣ. Я выѣзжаю отсюда въ вос-

кресенье—и потому, если бы ты все-таки былъ въ состояніи принять меня подъ свой кровъ, то ты успѣешь меня извѣстить объ этомъ. Анненковъ тоже скоро ѣдетъ въ Москву.

Во всякомъ случаѣ до скораго свиданія, крѣпко жму твою руку. Душевно тебѣ преданный.

257.

Ему же. — Спб., 18 іюня 1877. — Милый И. И., я вчера написалъ тебѣ слезное моленіе о присылкѣ мнѣ писемъ, а часъ спустя, явился ко мнѣ какой-то твой чиновникъ и любезно вручилъ цѣлую пачку... я бросился открывать ее... но увы! Ни одного заграничнаго письма въ немъ не оказалось. Тутъ я ударилъ себя въ лобъ и „публично назвалъ себя телятиной". Самъ же я въ этомъ виноватъ. Я теперь вспоминаю, что когда я узналъ здѣсь, что Тютчевы должны были у тебя остановиться, я, не будучи увѣренъ, найдется ли у тебя мѣсто, написалъ къ своимъ въ Парижъ, чтобы они письма свои адрессовали преимущественно къ моему брату (на Пречистенкѣ, собственный домъ). Они, вѣроятно, такъ и сдѣлали, а братъ, вѣроятно, уѣхалъ въ деревню, и такимъ образомъ письма лежатъ у него безъ движенія, ибо я ни одного не получалъ. Кувыркаюсь тебѣ въ ноги и паки вопію: съѣзди ты къ брату на Пречистенку, убѣдись ты въ сказанномъ мною фактѣ и распорядись, чтобы письма были высланы мнѣ сюда. А я воспою хвалы твои—отнынѣ и до вѣка!

Мнѣ сегодня лучше — и я хочу попробовать ходить на костыляхъ, но раньше 10 дней отсюда, конечно, никуда не тронусь.

Заранѣе благодарю тебя, обнимаю и остаюсь твой и пр.

PS. Салаеву я выслалъ исправленный экземпляръ.

258.

Полонскому, Я. П. — Спб., 19 іюня 1877. — Воображаю, какъ ты удивишься, любезный другъ Я. П., узнавши, что я еще здѣсь! Особенно, когда я прибавлю, что я ни въ Москву, ни въ деревню не ѣду — и, при первой возможности, убираюсь опять въ Парижъ. Разгадка всей этой штуки простая, хотя для меня очень непріятная: со мною случился сильнѣйшій припадокъ подагры, я только со вчерашняго дня хожу на костыляхъ — и больше рисковать своимъ здоровьемъ не намѣренъ. Мнѣ бы давно слѣдовало тебя объ этомъ увѣдомить — да изъ головы выскочило. А потому предлагаю тебѣ: либо завтра, либо во вторникъ пріѣзжай сюда, къ $5^1/_2$ часамъ — пообѣдай со мною (только увѣдомь заранѣе, въ какой день ты пріѣдешь, чтобы я могъ такъ и заказать своему хозяину), проведи у меня вечеръ, ночуй — а на другое утро съ Богомъ. Ты проведешь этотъ вечеръ съ П. В. Анненковымъ, который у меня завсегдатаемъ.

А я, какъ только возможно, удеру отсюда... Думаю — въ четвергъ или пятницу, какъ только буду въ состояніи спуститься съ лѣстницы.

Итакъ до свиданья, не правда ли? Кланяюсь твоей милѣйшей женѣ и цѣлую дѣтокъ.

PS. Привози стихи — поправленнаго „Келіота“ — что хочешь.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Буживаля:

259.

Ему же. — Буживаль, 14 августа 1877 г. — Пишу тебѣ всего два слова, милый Я. П., только потому, чтобы ты не поздумалъ опять, что если я молчу — значитъ сержусь!

Нѣтъ, я очень благодаренъ тебѣ за память, но мнѣ ужасно скверно на душѣ—по милости нашихъ неслыханныхъ глупостей на востокѣ—и мнѣ хотѣлось бы забиться въ какую-либо нору, чтобы не видѣть никого и ничего не слышать! Въ такомъ случаѣ лучше всего беречь всю свою дрянь у себя на сердцѣ—и не разливать ее ни передъ кѣмъ. Объ „Eau de Suez“ скажу тебѣ, что та стклянка, которую передалъ тебѣ Топоровъ—не для ежедневнаго употребленія; а въ случаѣ сильной боли, прикладывать ее слѣдуетъ къ зубу на хлопчатой бумагѣ—въ почти чистомъ видѣ или прибавивъ чуть-чуть воды. Стклянку Eau de Suez для постояннаго полосканія (которая одна предохраняетъ отъ порчи зубовъ и болей) я непремѣнно постараюсь тебѣ выслать съ какимъ-нибудь отъѣзжающимъ россомъ—снабдивъ ее инструкціями.

Изъ письма твоего я могу заключить, что здоровье твое не слишкомъ худо, чему я душевно радуюсь; а о будущемъ путешествіи мы еще поговоримъ. Самого меня подагра все еще щелкаетъ, и еще недавно я провалялся съ недѣлю.

Новость о братѣ Н.....й превосходна, если она только справедлива. Славянофила на это хватитъ. Вотъ другой славянофилъ, кн. Черкасскій—тоже превосходно отличается въ Тырновѣ...

Собственно когда собираешься ты въ отъѣздъ? Объ этомъ ты ничего не говоришь положительнаго.

Дружески кланяюсь твоей милой женѣ и всѣмъ твоимъ,—а тебѣ крѣпко жму руку.

260.

Ему же.—Буживаль, 24 сентября 1877.—Милый Я. П., пишу тебѣ по петербургскому адрессу, ибо не сомнѣваюсь въ томъ, что ты уже дачу покинулъ.

Радуюсь тому, что твое здоровье не дурно,—а о себѣ скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ я принимаю Salycilate de Soude, я совсѣмъ поправился; что-то будетъ дальше? Поговори-ка и ты объ этомъ лекарствѣ съ твоимъ докторомъ; я увѣренъ, что оно и тебѣ поможетъ. такъ какъ оно столь же дѣйствительно противъ ревматизма—какъ и противъ подагры.

О политикѣ и войнѣ говорить рѣшительно не стану.—Сказать, что я думаю—не могу; да и никакой отъ этого нѣтъ пользы: только растравлять раны и прибавлять горечи.—Мы переживаемъ смутное время—1612 годъ;—но гдѣ Мининъ?

Во Франціи борьба народа съ правительствомъ скоро должна разрѣшиться въ ту или другую сторону. Пока—шансы на сторонѣ народа; но вѣдь и у насъ, передъ началомъ войны—шансы казались на нашей сторонѣ.—Теперь ждать недолго.

Съ удовольствіемъ перечелъ твоего „Келіота“ въ Русскомъ Вѣстникѣ.—Я вижу, что ты принялъ къ свѣденію нѣкоторыя сдѣланныя мною замѣчанья—и полагаю, что этимъ ты не повредилъ своей поэмѣ.

Я написалъ Салаеву, чтобы онъ выслалъ тебѣ экземпляръ отдѣльнаго изданія „Нови“;—получилъ ты его?

Самъ же я, разумѣется, ничего не пишу—да и никакого желанія нѣтъ. Мнѣ даже странно думать, что я былъ когда-то литераторомъ.

Мы остаемся здѣсь до 25 (13) октября; а тамъ переѣзжаемъ въ Парижъ. Въ концѣ ноября я полагаю прибыть въ Петербургъ.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески тебя обнимаю.

Изъ Парижа:

261 [1]).

Полевому, П. Н.—Парижъ 5 октября 1877 г.—Любезный Петръ Николаевичъ, я не успѣлъ написать желаемый вами біографическій очеркъ—и такъ какъ вы уѣзжаете завтра, то придется мнѣ послать вамъ его по вашему адрессу въ Петербургъ вмѣстѣ съ отрывкомъ [2]). И то, и другое вы вѣроятно найдете у себя по возвращеніи.—Посылаю вамъ также 4 экземпляра стихотвореній Шумахера, которые вы такъ обязательно взялись доставить черезъ о. Раевскаго [3]).—Вотъ точный адрессъ Шумахера: Петръ Васильевичъ Ш., Екатерингофскій проспектъ, домъ № 17, кварт. № 6.

Заранѣ благодарю васъ и говорю до свиданія.—Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, и пр.

262.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 28 ноября 1877.—Любезный другъ Я. П., пишу тебѣ только для того, чтобы не оставить безъ отвѣта твоего пріятельскаго письма; но сказать о себѣ не могу ничего хорошаго.—Вотъ скоро три недѣли какъ я лежу безъ ногъ въ по-

---

[1]) Письмо это въ видѣ автографа напечатано въ „Живописномъ Обозрѣніи“ 1883 г. № 83.

[2]) Автобіографическій очеркъ написанъ по просьбѣ П. Н. Полевого для 2-го изданія его „Исторія Русской Литературы“, гдѣ и напечатанъ. Отрывокъ обѣщанъ для той же книги, но не написанъ.—П. П.

[3]) Тургеневъ, по просьбѣ П. В. Шумахера, напечаталъ въ 1877 г. въ Берлинѣ, собраніе его стихотвореній, преимущественно не цензурныхъ. Нѣсколько экземпляровъ этихъ тоненькихъ книжекъ Тургеневъ просилъ передать въ Вѣнѣ протоіерею М. Ѳ. Раевскому (ум. 1884 г.) для пересылки при случаѣ въ Россію по назначенію; но П. Н. Полевой въ Вѣну не заѣхалъ, и доставилъ книжки автору въ Петербургъ.—П. П.

стели, по милости необыкновенно сильнаго припадка подагры—и Господь вѣдаетъ когда я буду въ состояніи встать и вооружиться костылями.—Разумѣется, всѣ мои планы рухнули—и я думаю только о томъ, какъ бы перевалиться со дня на день.

Обѣщанную картину и Eau de Suez постараюсь тебѣ выслать съ оказіей—такъ какъ привезти мнѣ самому врядъ ли придется.

Мнѣ пріятно было узнать, что ты поправился въ здоровьѣ; и я даже не слишкомъ сожалѣю о томъ, что ты не попалъ на Григоровичевскую квартиру, такъ какъ эти новыя петербургскія квартиры—ухъ какъ сыры бываютъ!

Не помню, выслалъ ли я тебѣ адрессъ Топорова, который ты спрашивалъ: Сергіевская ул. № 2. Посѣти его: онъ бѣдный опасно и чуть ли не безнадежно боленъ.

Тебѣ понравилась статейка о бѣдной Сонѣ Брюловой,—а какой-то анонимъ, подписавшійся буквами: Т. Щ. прислалъ мнѣ ругательнѣйшее письмо, въ которомъ чуть не предаетъ меня анаѳемѣ за мое, яко бы при этомъ случаѣ выказанное безвѣріе.

Очень поразила меня „Исповѣдь“ Лассаля въ ноябрскомъ № „Вѣстника Европы“.—Читалъ ты эту статью?

За симъ, любезный другъ, кланяюсь всѣмъ твоимъ, обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

PS. Возможность успѣха лживыхъ мерзостей А—го окончательно разочаровываетъ меня въ художественномъ пониманіи петербургской публики.—Но былъ ли успѣхъ?

PSS. Кстати—извѣстно ли тебѣ болѣе забытое имя чѣмъ имя Ч. . . . ? Я самъ не думалъ, чтобы пророчество мое такъ скоро сбылось.

1878.

263.

Ему же. — Парижъ, 2 января 1878 г. — Милый Я. П., получилъ я сейчасъ твое второе письмо — и почувствовалъ угрызеніе совѣсти; — и для того, чтобы она больше меня не грызла, отвѣчаю немедленно. Во 1-хъ, поздравляю тебя съ новымъ годомъ — и желаю, чтобы онъ оказался для тебя счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ. — „Недѣлю“ я получаю — и потому твой романъ прочту; — но „Пчелы“ я не получаю — и потому мнѣ было бы пріятно, если бы ты нашелъ возможность прислать свое стихотвореніе; во 2-хъ, о себѣ тебѣ доложу, что здоровье мое поправилось, подагра почти покинула меня — но нравственно я хуже чѣмъ калѣка — я совсѣмъ старикъ; ко всему охладѣлъ — и только воспоминанія о прежнихъ друзьяхъ и временахъ немного шевелятъ меня. — Узналъ вчера о смерти Некрасова — и предался горестнымъ размышленіямъ — не объ немъ одномъ.

Послѣдняя недѣля — была не для меня одного недѣлею смерти: я потерялъ нѣсколько лицъ, связанныхъ съ моей прошедшей жизнью.

Въ Петербургъ я прибуду, конечно, до весны; но когда? — навѣрное сказать не могу. — Мнѣ надо сперва совсѣмъ поправиться.

Ждемъ Анненкова сюда на дняхъ.

Поклонись отъ меня твоей милой женѣ — и прими отъ меня крѣпкое рукопожатіе.

PS. Антокольскій здѣсь — и вылѣпилъ съ меня бюстъ; кажется, удачно.

264.

Ему же.—Парижъ, 11 января, 1878 г. — Милый Я. П., на этотъ разъ ты не можешь пожаловаться: вчера получилъ твое письмо, сегодня отвѣчаю. — Очень бы я желалъ быть такимъ молоденькимъ, какъ ты меня воображаешь, и вести переписку съ интересными дамами! Гр. и тутъ навралъ, какъ быть слѣдовало . . . . .
. . . . . .

Ты знаешь мое мнѣніе о Некрасовѣ, и потому говорить о немъ не стану. Пускай молодежь носится съ нимъ. Оно даже полезно, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, тѣ струны, которыя его поэзія (если только можно такъ выразиться) заставляетъ звенѣть—струны хорошія.—Но когда г. Скабичевскій, обращаясь къ той же молодежи, говоритъ ей, что она права, ставя Некрасова *выше* Пушкина и Лермонтова—и говоритъ это „не обинуясь“, я съ трудомъ удерживаю негодованіе и только повторяю стихи Шиллера:

„Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
„Auf der gemeinen Stirn entweiht“...

Ты вѣдь понимаешь по-нѣмецки?—Не то, заставь кого-нибудь перевести себѣ эти два стиха.

Я получилъ приложеніе къ „Недѣлѣ“ — и прочелъ начало твоей повѣсти съ *великимъ* удовольствіемъ. — Ты разсказываешь просто, живо, безъ претензій; — фигура *Софіи,* напримѣръ, удалась тебѣ превосходно. И любовникъ ея, Прошка, отличенъ. —Каждый штрихъ вѣренъ.— При теперешнемъ настроеніи публики, все это пройдетъ, боюсь, незамѣченнымъ; но ты свое дѣло сдѣлалъ. Посмотрю, какъ пойдетъ разсказъ дальше.

Не могу еще сказать — *когда именно,* но навѣрное прибуду въ Петербургъ до мая.—Подагра все еще меня пощипливаетъ—но, по крайней мѣрѣ, могу ходить и носить сапоги.

А въ Турціи совершаются чудеса! Здѣсь всѣ рты разинули отъ послѣднихъ нашихъ побѣдъ, занятія Адріанополя и т. д.

Дай Богъ заключить скорѣе почетный и прочный миръ.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и тебя обнимаю.—Будь здоровъ и бодръ!

PS. П. В. Анненковъ все еще сидитъ въ Брюсселѣ—и не рѣшается сюда пріѣхать. — Однако ждемъ его на дняхъ.

265.

Ему же.—Парижъ, 1 марта 1878 года. — Милый Я. П., ты пеняешь мнѣ на мое молчаніе — и спрашиваешь: „что съ тобой?“—Да въ томъ-то и штука, другъ мой, что ничего со мною, и самъ я—ничего—и жизнь моя ничего — и не о чемъ писать — и сообщать нечего.

Однако, это не совсѣмъ правда.—Я какъ только получилъ вторую книжку „Повѣстей и романовъ“ — сейчасъ прочелъ продолженіе твоего „Нечаянно“, и остался *очень* доволенъ. „Письмо къ Музѣ“ мнѣ также понравилось за искренній и простой тонъ, не безъ поэтическаго вѣянія.—Вотъ это я долженъ былъ сообщить тебѣ—и извиняюсь, что не сдѣлалъ этого раньше.

Остальное все—миръ, война, политика—это—салатъ, котораго я больше не ѣмъ, по слабости желудка. Удивляюсь я только, изъ за чего вы всѣ такъ кипятитесь и горячитесь по поводу Англіи? — На ея мѣстѣ, Россія точно также бы поступала—можетъ быть, не такъ глупо—но вы не противъ глупости сердитесь. —Вездѣ и всюду то же Дарвиновское „battle for life“, а по-французски: „ôte toi de là pour que je m'y mette“.

Мнѣ пріятно слышать, что твое здоровье удовлетворительно; я также не могу пожаловаться. — О Ханыковѣ и Вырубовѣ носятся слухи у васъ, будто они оба очень больны; а они здоровехоньки, только что одинъ превратился въ шаръ, а другой въ спичку. — Анненковъ въ Брюсселѣ и сюда не ѣдетъ.

О томъ, поѣду ли я въ Петербургъ — и когда — я самъ ничего не знаю—и, признаться, мало этимъ интересуюсь. „Будетъ что будетъ; а будетъ что Богъ дастъ", говаривалъ Б. Хмельницкій; — „будетъ, что будетъ — и непремѣнно будетъ ерунда"—говорю я. — За симъ дружески кланяюсь твоимъ, обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

PS. Кстати—ты просто статскій, или дѣйствительный статскій совѣтникъ? это я спрашиваю для адресса.

266.

Ему же. — Парижъ, 17 апрѣля 1878 г. — Милый Я. П.—Сегодня получилъ твое письмо — и сегодня же отвѣчаю: видишь, какой я аккуратный.—И для вящшей аккуратности, буду писать по пунктамъ:

1) Пишу тебѣ лежа въ постели. — Вотъ уже 12-й день, какъ меня свалилъ сильнѣйшій припадокъ подагры въ обоихъ колѣняхъ—и сколько еще придется пролежать—неизвѣстно.—Жаль, что только съ этой стороны, я становлюсь похожимъ на Гейне.

2) Твои пени на счетъ моего литературнаго молчанія—очень дружественны и милы, но сущность дѣла не мѣняютъ. Чтобы писать — особенно теперь — надо жить въ Россіи, жить я тамъ постоянно не могу; ergo: писать не слѣдуетъ.—А что теперь слышатся голоса, которые объ этомъ якобы сожалѣютъ.— это тоже ничего

не значитъ: попробуй я черкнуть строку—тѣ же самые голоса завопятъ: „вишь старый фразеръ, не выдержалъ!“ — Вообще мнѣ слѣдуетъ теперь держаться подальше отъ литературы. — Вонъ, говорятъ, сыновья Пушкина собираются ѣхать въ Парижъ, бить меня за напечатаніе писемъ ихъ отца. — Пускай они, по крайней мѣрѣ, начнутъ съ собственной сестры, которая мнѣ это разрѣшила.

3) Хотя я вовсе не разоренный человѣкъ, однако дѣлишки мои настолько крякнули, что я дѣйствительно вынужденъ былъ продать свою галерею. — Я это совершилъ и потерпѣлъ пораженіе въ родѣ Седана: полагалъ потерять на нихъ 6,000 фр., а потерялъ цѣлыхъ 12,000.— Время было выбрано плохое — да къ тому же и пріятели—особенно русскіе—до щегольства дружно не поддержали меня. — Чортъ съ ними и съ картинами! (Руссо своего я однако не продалъ). Но что до тебя касается, милый Я. П.,—я почту за особенное счастье быть твоимъ кредиторомъ до конца дней моихъ—и слѣдовательно, тебѣ безпокоиться нечего, да и до бѣдности мнѣ еще далеко.

4) Я самъ ежедневно съ особымъ чувствомъ скорби и жалости вспоминаю о бѣдной баронессѣ В. — и твое стихотвореніе въ „Н. В.“ вызвало слезы на мои глаза.— Чудесное было существо — и столь же глубоко — несчастное!

5) Ты напрасно думаешь, что я твоего романа не читаю. — Какъ только является желтая книжка прибавленій къ „Недѣлѣ“ — я первымъ дѣломъ прочитываю „Нечаянно“ — и очень имъ доволенъ, несмотря на критику Гайдебурова.

6) О Черняевѣ мы съ тобой условились не говорить.

7) Чуйко приму съ подобающимъ радушіемъ. В.— хлыщъ, но не безъ чутья.

8) Мой бюстъ (лѣпки Забелло), не могъ тебѣ понравиться, ибо онъ есть (это между нами!) . . . . .

9) Какъ только я стану на ноги, я уѣду въ Карлсбадъ—а дальше ничего не знаю.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и обнимаю тебя.

267.

Толстому, гр. Л. Н.—Парижъ, 8 мая 1878.—Любезный Левъ Николаевичъ, я только сегодня получилъ ваше письмо, которое вы отправили poste restante. Оно меня очень обрадовало и тронуло. Съ величайшей охотой готовъ возобновить нашу прежнюю дружбу и крѣпко жму протянутую мнѣ вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли—и осталось одно воспоминаніе о васъ, какъ о человѣкѣ, къ которому я былъ искренно привязанъ—и о писателѣ, первые шаги котораго мнѣ удалось привѣтствовать раньше другихъ, каждое новое произведеніе котораго всегда возбуждало во мнѣ живѣйшій интересъ.—Душевно радуюсь прекращенію возникшихъ между нами недоразумѣній.

Я надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ попасть въ орловскую губернію—и тогда мы, конечно, увидимся. А до тѣхъ поръ желаю вамъ всего хорошаго—и еще разъ дружески жму вамъ руку.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Москвы:

268.

Ему же.—Москва, Удѣльная контора, Пречистенскій бульваръ, 4 августа 1878.—Любезнѣйшій Л. Н.,

я пріѣхалъ сюда вчера, выѣзжаю въ воскресеніе вечеромъ, и понедѣльникъ пробуду въ Тулѣ, гдѣ у меня дѣла. Мнѣ самому хочется васъ видѣть и къ тому-жъ у меня есть порученія до васъ—то, какъ хотите?—пріѣдете ли вы въ Тулу—или я заѣду къ вамъ въ Ясную Поляну, откуда отправлюсь далѣе? Я не знаю, какая есть въ Тулѣ гостинница—(я пріѣду въ ночь съ воскресенія на понедѣльникъ и займу №), но вы можете прислать записочку или телеграмму либо на станцію—либо въ домъ нашего общаго знакомаго, губернскаго предводителя Самарина; я такъ и распоряжусь.—Въ надеждѣ, что это васъ не стѣснитъ, жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

Изъ с. Спасскаго:

269.

Пыпину, А. Н.—Спасское, 13 августа 1878 г.—Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ. Я заѣзжалъ къ гр. Л. Н. Толстому въ его имѣніе около Тулы и говорилъ съ нимъ о „Русской Библіотекѣ“. Онъ изъявилъ полное согласіе на помѣщеніе его сочиненій, предоставляетъ выборъ редакціи „Вѣстника Европы“;—пришлетъ краткій біографическій очеркъ.—Принимаетъ тѣ условія денежныя, на которыхъ состоялись изданія мое, Салтыковское и т. д.—Что касается до портрета—то предлагаетъ снестись съ живописцемъ Крамскимъ, который живетъ въ Петербургѣ—и который написалъ два превосходныхъ портрета Толстого.—Можно бы съ одного изъ нихъ снять фотографію. Словомъ, Толстой показалъ самую предупредительную готовность. Я ему ска-

залъ, что вы спишетесь съ нимъ, что́ вы и сдѣлаете.—Что же касается до большого его романа—то, по его словамъ, онъ даже не начатъ; но во всякомъ случаѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не явится—такъ какъ Толстой уже не желаетъ болѣе имѣть дѣла съ этимъ журналомъ.

Я благополучно прибылъ въ свою деревню—и останусь въ ней до половины сентября; проѣздомъ черезъ Петербургъ непремѣнно увижусь съ вами.—А пока прошу васъ поклониться отъ меня Полонскому и другимъ добрымъ знакомымъ, жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

270.

Толстому, гр. Л. Н.—Спасское, 14 августа 1878.—Любезнѣйшій Л. Н., я благополучно прибылъ сюда въ прошлый четвергъ—и не могу не повторить вамъ еще разъ, какое пріятное и хорошее впечатлѣніе оставило во мнѣ мое посѣщеніе Ясной Поляны, и какъ я радъ тому, что возникшія между нами недоразумѣнія исчезли такъ безслѣдно, какъ будто ихъ никогда и не было. Я почувствовалъ очень ясно, что жизнь, состарившая насъ, прошла для насъ не даромъ—и что и вы—и я—мы оба стали лучше чѣмъ 16 лѣтъ тому назадъ; и мнѣ было пріятно это почувствовать.

Нечего и говорить, что на возвратномъ пути я снова—всенепремѣнно—заверну къ вамъ.

Я написалъ А. Н. Пыпину о вашемъ согласіи поступить въ число писателей „Русской Библіотеки.“—Онъ вступитъ съ вами въ корреспонденцію по этому поводу—и конечно, все устроится очень скоро и просто.

На меня въ этотъ разъ Спасское произвело какое-

то неопредѣленное впечатлѣніе: ни грустное, ни веселое—словно недоумѣніе нашло на меня—еще признакъ старости.

Дружески кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму вашу руку.

271.

Ему же.—Спасское, 25 августа 1878.—Любезнѣйшій Л. Н., ваше письмо отъ 21-го—а я только сейчасъ получилъ его.—Если почта такъ медленно ходитъ—то я не долженъ терять времени, чтобы извѣстить васъ, что мое пребываніе здѣсь сократилось, что я выѣзжаю отсюда въ будущій четвергъ 31-го авг. вечеромъ—и буду въ Тулѣ въ пятницу въ 12 ч. 22 м.—куда прошу выслать экипажъ. Я потому доѣзжаю до Тулы, что оставлю тамъ на станціи желѣзной дороги свои два чемодана—а нѣсколько лишнихъ верстъ для вашихъ лошадей не большая важность.—Я же отъ васъ возвращусь въ Тулу только для того, чтобы немедленно проѣхать по ряжско-вяземской дорогѣ къ m-lle Стечькиной—а отъ нея опять въ Тулу—и уже тогда вмѣстѣ съ чемоданами въ Москву.—Видите, какая сложная операція!

Итакъ 1-го сентября я къ обѣду у васъ... если только вы въ тотъ день не отозваны куда-нибудь на охоту. (Я сегодня своими глазами видѣлъ жеребенка, покалѣченнаго волкомъ прошлой ночью.—Ихъ у насъ много по лѣсамъ, да никто не ѣдетъ травить ихъ).

Мнѣ очень пріятно узнать, что всѣ въ Ясной Полянѣ взглянули на меня дружелюбнымъ окомъ. А что между нами существуетъ та связь, о которой вы говорите—это несомнѣнно—и я очень этому радуюсь—хоть и не берусь разобрать всѣ нити, изъ которыхъ она составлена...

Одной художественной—мало.—Главное то, что она есть. Фетъ-Шеншинъ написалъ мнѣ очень милое, хоть и не совсѣмъ ясное письмо, съ цитатами изъ Канта; я немедленно отвѣчалъ ему. Вотъ, стало быть, я и не даромъ пріѣзжалъ въ Россію;—хотя собственно то́, что́ я имѣлъ въ виду, окончилось, какъ и слѣдовало ожидать, fiasco'мъ.

Итакъ до скораго свиданія—поклонитесь всѣмъ вашимъ—крѣпко жму вамъ руку.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Буживаля:

272.

Ему же.—Буживаль, les Frênes, 1 октября 1878.—Любезнѣйшій Л. Н., съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда, я все собирался написать вамъ и попросить васъ дать мнѣ вѣсть о себѣ и о семействѣ вашемъ, такъ какъ я оставилъ Ясную Поляну въ не совершенно благополучный моментъ.—Хотя я увѣренъ, что всѣ ваши давно выздоровѣли, однако, мнѣ было бы пріятно узнать объ этомъ отъ васъ самихъ.

Здѣсь я нашелъ все въ порядкѣ—и собственное мое здоровье продолжаетъ быть удовлетворительнымъ.

Вы, вѣроятно, уже получили отъ моего пріятеля, В. Рольстона, англійскаго литератора и любителя нашей словесности,—письмо, въ которомъ онъ проситъ васъ дать о себѣ нѣсколько біографическихъ замѣтокъ. Надѣюсь, что вы ему не отказали, такъ какъ онъ человѣкъ очень хорошій и серьезный,—не какой-нибудь корреспондентъ или фельетонистъ. Вамъ уже, вѣроятно, извѣстно, что

ваши „Казаки“ вышли въ англійскомъ переводѣ—(въ Лондонѣ и въ Америкѣ) и по дошедшимъ до меня слухамъ, пользуются большимъ успѣхомъ; а Рольстонъ взялся написать большую статью о „Войнѣ и Мирѣ“.—Съ своей стороны я ему послалъ небольшой перечень извѣстныхъ мнѣ фактовъ изъ вашей литературной и общественной жизни—и полагаю, что вы на меня за это сѣтовать не будете.—„Казаки“ печатаются также во французскомъ переводѣ въ Journal de S.-Pétersbourg.—Мнѣ это немного досадно—потому, что я намѣревался вмѣстѣ съ г-жею Віардо перевести ихъ въ теченіе нынѣшней осени; впрочемъ, если переводъ хорошъ—то досадовать нечего.—Не знаю, приняли ли вы какія либо мѣры для отдѣльнаго изданія здѣсь въ Парижѣ (не знаю даже съ вашего ли согласія сдѣланъ этотъ переводъ),—но во всякомъ случаѣ предлагаю свое посредничество... Мнѣ будетъ очень пріятно содѣйствовать ознакомленію французской публики съ лучшей повѣстью, написанной на нашемъ языкѣ.

Прошу васъ адрессовать свой отвѣтъ въ Парижъ 50, rue de Douai; мы скоро туда переѣзжаемъ, такъ какъ погода очевидно портится.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ;—крѣпко и дружески жму вашу руку.

Изъ Парижа:

273.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 10 ноября 1878.—Любезный другъ Я. П., я дѣйствительно виноватъ передъ тобою—тѣмъ, что не первый написалъ тебѣ: но у меня было много развлеченій, если не занятій – да я какъ-то совсѣмъ отвыкаю отъ пера—не въ одномъ ли-

тературномъ смыслѣ.—Сегодня—(но это уже, конечно, нельзя назвать развлеченіемъ) мы хоронили нашего бѣднаго общаго пріятеля, Н. В. Ханыкова.—Уже два года какъ его здоровье пошатнулось: громадная толщина, которая почти внезапно развилась въ немъ, не предвѣщала ничего хорошаго: потомъ, послѣ язвъ на ногахъ наступилъ легочный катарръ, кончившійся задушеніемъ.—Послѣ отпѣванія, на которомъ присутствовало немного народу, мы его отвезли на кладбище „Père Lachaise“ и тамъ я передъ раскрытой могилой произнесъ нѣсколько прощальныхъ словъ, а за мною—извѣстный ученый Катрфажъ. — Погода была туманная, сырая — сѣяла мелкая крупа—не хорошо было.—Вотъ еще исчезъ одинъ изъ людей „сороковыхъ годовъ“. Сколько ихъ уже ушло, и почти ни одинъ не достигалъ 60-лѣтняго возраста. За кѣмъ-то очередь теперь?—Не за мной ли, такъ какъ мнѣ дней десять тому назадъ—минуло именно 60 лѣтъ.

Но я напрасно предаюсь этимъ мрачнымъ мыслямъ—такъ какъ здоровье мое теперь весьма не дурно, и подагра вотъ уже 7-й мѣсяцъ меня не трогаетъ. Да и къ чему заглядывать вдаль? Будь, что будетъ!

Мнѣ очень пріятно было узнать, что ты тоже своимъ здоровьемъ доволенъ, и семействомъ своимъ, и своей квартирой;—а что ты дѣятельностью своей можешь быть доволенъ, доказательствомъ тому служатъ прекрасныя два твои стихотворенья, которыя я прочелъ въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]).—Что же касается до возраженій Стасюлевича противъ нѣкоторыхъ сценъ твоей повѣсти—(кстати, я очень польщенъ тѣмъ, что ты мнѣ ее посвящаешь)—то ты не уступай и ничего не передѣлывай: Стасюлевичъ, я въ этомъ увѣренъ, кончитъ тѣмъ, что помѣститъ ее въ цѣлости. Жду съ нетерпѣніемъ ея появленія.

Поклонись отъ меня Григоровичу—и скажи ему, что

[1]) „Въ гаремѣ брань и плачъ“ и „Что мнѣ она!“—Ред.

я поздравляю его съ окончательнымъ устройствомъ музея и школы.—Полезное онъ затѣялъ дѣло, и всѣ ему скажутъ спасибо.

Анненковъ все въ Брюсселѣ; и судя по письмамъ, немного прихварываетъ и хандритъ.

Арапетовъ все еще здѣсь;—и старый (а по недавней женитьбѣ молодой) Соллогубъ отъявился сегодня въ церкви... но этотъ мало интересенъ.

За симъ желаю тебѣ всего хорошаго, кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески тебя обнимаю.

274.

Толстому, гр. Л. Н.—Парижъ, rue de Douai, 15 ноября 1878.—Любезнѣйшій Л. Н., и я тоже не тотчасъ отвѣтилъ на ваше письмо отъ 27 октября. У меня были въ послѣднее время довольно печальныя хлопоты: умеръ старый пріятель Н. В. Ханыковъ въ Рамбулье, около Парижа; надо было перевозить его тѣло, хоронить, распоряжаться по дѣламъ наслѣдства. Къ тому же я немного простудился — и два дня голова болѣла сильно. Но теперь это все минуло—и я могу поболтать съ вами.

Радуюсь тому, что вы всѣ физически здоровы, и надѣюсь, что и „умственная“ ваша хворь, о которой вы пишете, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла; полагаю, что такого рода броженіе совершилось и въ васъ. Хоть вы и просите не говорить о вашихъ писаніяхъ — однако не могу не замѣтить, что мнѣ никогда не приходилось „даже немножко“ смѣяться надъ вами; иныя ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились; иныя, какъ напр., „Казаки“, доставили мнѣ большое удовольствіе и возбуждали во мнѣ удивленіе. Но съ какой стати смѣхъ? Я полагалъ, что

вы отъ подобныхъ „возвратныхъ“ ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не живописцамъ, музыкантамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, оттого, что въ литературное произведеніе все-таки входитъ больше той части души, которую не совсѣмъ удобно показывать. Да; но въ наши уже немолодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть.

А что я ничего здѣсь не пишу, это, къ сожалѣнію, правда. Говорю: „къ сожалѣнію“, разумѣется, не вообще, а въ отношеніи къ самому себѣ. А то скука одолѣваетъ. За границей живя, перестало писаться (по крайней мѣрѣ я приписываю мое бездѣйствіе заграничной жизни), а насиловатъ себя къ этому дѣлу, какъ вамъ извѣстно, нельзя. Подождемъ, что дальше будетъ.

Англійскій переводъ „Казаковъ“ вѣренъ, но сухъ и „matter of fact“, какъ самъ г. Скайлеръ, который надняхъ у меня былъ здѣсь проѣздомъ въ Бирмингамъ, куда его назначили консуломъ. Я не видѣлъ французскаго перевода; боюсь, что онъ дѣйствительно вышелъ неудачнымъ — ибо знаю ошибъ нашихъ переводящихъ русскихъ дамъ. Съ одной стороны, я боюсь, а съ другой—чуть не радуюсь: стало-быть, можно будетъ все-таки перевести вашу повѣсть и издать ее здѣсь.

Вы у себя перевели зайцевъ;—а я нынѣшней осенью тоже поохотился. Ѣздилъ въ Англію къ одному пріятелю, имѣніе котораго лежитъ между Кэмбриджемъ и Оксфордомъ—и поколотилъ достаточное число фазановъ, куропатокъ и т. д. Но эта охота, безъ собаки, въ сущности, довольно монотонна. Надо въ такомъ случаѣ превосходно стрѣлять; а я всегда былъ посредственный стрѣлокъ... да къ тому же и отвыкъ. Кстати, я посѣтилъ оба университета: Кэмбриджъ и Оксфордъ. Пречудная и прехитрая штука эти англійскія воспитательныя учрежденія! И какъ же здорово они насъ ненавидятъ!

„Евгеній Онѣгинъ“ Чайковскаго прибылъ сюда въ фортепіанной партитурѣ. Г-жа Віардо начала разбирать эту вещь по вечерамъ. Несомнѣнно замѣчательная музыка; особенно хороши лирическія, мелодическія мѣста. Но что за либретто! Представьте: стихи Пушкина о дѣйствующихъ лицахъ вкладываются въ уста самихъ лицъ. Напр., о Ленскомъ сказано:

Онъ пылъ увядшій жизни цвѣтъ—
Безъ малаго въ 18 лѣтъ.

А въ либретто стоитъ:

Пою увядшій жизни цвѣтъ и т. д.

И такъ постоянно.

Имя Чайковскаго здѣсь очень выросло послѣ русскихъ концертовъ въ Трокадеро; въ Германіи оно давно пользуется, если не почетомъ, то вниманіемъ. Въ Кэмбриджѣ мнѣ одинъ англичанинъ, профессоръ музыки, пресерьезно сказалъ, что Ч. самая замѣчательная музыкальная личность нынѣшняго времени.—Я ротъ разинулъ.

Ну, однако, прощайте. Благодарите графиню за память. Всѣмъ вашимъ кланяюсь—а васъ обнимаю.

275.

Ему же.—Парижъ, 28 декабря 1878.—Любезнѣйшій Л. Н., пишу вамъ по поводу „Казаковъ“. Здѣсь нашелся издатель, который желалъ бы напечатать отдѣльной книгой переводъ, появившійся въ „Journal de S.-Pétersbourg“. Но такъ какъ ему извѣстно, что переводъ слабъ, то ему хотѣлось бы, чтобы французскій литераторъ Дюранъ (извѣстный своимъ знаніемъ русскаго языка) и я—мы просмотрѣли бы тщательно этотъ переводъ, на что мы, конечно, охотно согласились (я также напишу небольшое предисловіе). Издатель этотъ проситъ также

вашего уполномочія, которое состояло бы въ слѣдующемъ заявленіи (приблизительно): Je, soussigné, déclare, tant en mon nom qu'au nom de la personne qui a traduit et publié dans le Journal de S.-Pétersbourg ma nouvelle: «Les Cosaques» que je donne à m-r Iv. Tourgueneff et Emile Durand l'autorisation de publier cette nouvelle en France, après avoir introduit dans le texte de la traduction les corrections nécessaires.

Подпись имени, числа и года. Надѣюсь, что вы не найдете въ этомъ ничего предосудительнаго — и могу увѣрить васъ, что мы оба постараемся не ударить въ грязь лицомъ и представимъ французской публикѣ „Казаковъ“ въ томъ видѣ, который они заслуживаютъ—и лучше, чѣмъ это сдѣлалъ американскій переводчикъ.

Дайте кстати вѣсточку о себѣ и о всемъ вашемъ семействѣ. Принялись ли вы за работу въ той уединенной избушкѣ, которую вы мнѣ показывали? Я подвергся недавно довольно сильному припадку подагры, но онъ, къ счастію, продолжался недолго, и я уже опять хожу безъ костылей и даже безъ палки. Моя тульская знакомая Л. Стечькина прислала мнѣ вторую часть своего романа, которою я остался такъ доволенъ, какъ и первою. Вѣроятно, онъ будетъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Мнѣ любопытно знать, что́ вы скажете объ этомъ? Самъ я полагаю прибыть въ Россію въ мартѣ мѣсяцѣ, но доберусь ли до вашихъ краевъ — еще неизвѣстно.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желаю вамъ и всѣмъ вашимъ всего хорошаго и крѣпко жму вашу руку.

1879.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Москвы:

276.

Ему же.—Москва, 1 марта 1879 г.—Любезнѣйшій Л. Н., до васъ уже, вѣроятно, дошло, что я нахожусь въ Москвѣ. Я пріѣхалъ сюда двѣ недѣли тому назадъ, вызванный дѣломъ о наслѣдствѣ послѣ покойнаго брата. Я полагалъ, что мнѣ придется проѣхать въ деревню или въ Тулу, и я тогда, конечно, увидался бы съ вами, но вышло такъ, что все дѣло разрѣшится въ Москвѣ, и мнѣ предстоитъ остаться здѣсь еще недѣлю, а, можетъ быть, и больше. Мнѣ въ Петербургѣ сказывали, будто вы собираетесь туда. Правда ли это? Думаете ли вы прибыть въ Москву или остаетесь въ Ясной Полянѣ? Черкните два слова объ этомъ. Мнѣ на этотъ разъ очень хорошо въ Москвѣ—только меня угораздило заболѣть подагрой, и я 9 дней просидѣлъ въ комнатѣ; однако теперь я поправился и опять могу ходить. Надѣюсь, что вы здоровы и работаете. Очень было бы пріятно повидаться.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку.

Въ Петербургѣ:

277.

Гаевскому, В. П.—Спб., на углу Малой Морской и Невскаго, 11, кв. 20.—11 марта 1879.—Любезнѣй-

шій Викторъ Павловичъ, вотъ вамъ на выборъ, что я могу прочесть:

1) Изъ „Записокъ Охотника“, либо: „Пѣвцы“, либо: „Іьговъ“, или „Малиновая вода“.

2) Отрывокъ изъ „Дыма“.

3) Отрывокъ изъ „Дворянскаго гнѣзда“.

Выберите изо всего этого, что вамъ вздумается и увѣдомьте меня.

Дружески жму вамъ руку [1]).

278.

Ему же. — Спб., 13 марта 1879.—Любезнѣйшій В. П. На вашу записку спѣшу отвѣтить, что 30 марта для меня совершенно пригодный день—и Топоровъ уже отправился исполнять ваши порученія. Дружески жму вамъ руку.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Парижа:

279.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 5 апрѣля 1879 г.—Милый другъ Я. П., я получилъ твое письмо и спѣшу извѣстить тебя, что я благополучно сюда прибылъ, отдохнулъ, собираю свои воспоминанія и собираюсь работать. Послѣднее безобразное извѣстіе меня сильно смутило: предвижу, какъ будутъ иные люди эксплоатировать это безумное покушеніе во вредъ той партіи, которая

[1]) Въ этомъ письмѣ такъ же какъ и въ двухъ нижеслѣдующихъ къ тому же лицу, идетъ рѣчь о чтеніи въ пользу литературнаго фонда — Ред.

именно, вслѣдствіе своихъ либеральныхъ убѣжденій, больше всего дорожитъ жизнью государя, такъ какъ только отъ него и ждетъ спасительныхъ реформъ: всякая реформа у насъ, въ Россіи, не сходящая свыше, немыслима.—Все это прекрасно... но въ результатѣ выйдетъ то, что именно эта партія и пострадаетъ. Одна надежда на спокойный духъ и благоразуміе самого государя. Очень я этимъ взволнованъ и огорченъ... Вотъ двѣ ночи какъ не сплю: все думаю, думаю — и ни до чего додуматься не могу.

Жалко мнѣ, что ты все болѣешь; авось весна тебя поправитъ, если только она наступитъ. Здѣсь, въ Парижѣ, прескверная погода: постоянные дожди и холодъ. Я, однако, недурно себя чувствую: подагра скоро отъ меня отстала на этотъ разъ.

Пріятно мнѣ было услышать о впечатлѣніи произведенномъ твоими стихами, съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ Лишина. Тутъ, вѣроятно, больше всего дѣйствовала твоя поэзія; ибо музыка самого Лишина, если судить по тому, что я слышалъ, не имѣетъ никакихъ достоинствъ: итальянщина плохого сорта, безъ всякой оригинальности.

Передай мой дружескій поклонъ всѣмъ пріятелямъ—не забывая ни Савиной, ни Бородаевской. Кланяюсь твоей милой женѣ и дружески жму тебѣ руку.

280.

Ему же.—Парижъ, 20 мая 1879.—Милый другъ Я. П., отвѣчаю на твое письмо по пунктамъ, чтобы ничего не забыть.

Во 1-хъ, я здоровъ,—хотя сегодня ночью чуть не окачурился отъ судорогъ въ сердцѣ. Въ Буживаль еще не переѣхалъ, такъ какъ погода стоитъ архипоганѣй-

шая; но какъ только солнце выглянетъ, немедленно туда махну. Тамошній мой адрессъ: Bougival, près Paris, Les Frènes (Seine et-Oise).

Во 2-хъ. Никакимъ художествомъ (ни литературнымъ, никакимъ другимъ)—я не занимаюсь,—но вожусь съ переправкой моего изданія для Салаева... препротивная работа!

Въ 3-хъ. Въ Лондонъ на интернаціональный литературный конгрессъ не ѣду, несмотря на приглашеніе—и вообще никакихъ плановъ не дѣлаю—и впередъ не заглядываю.

Въ 4-хъ. Блузу непремѣнно тебѣ вышлю!—Ужъ какъ мнѣ досадно, что я ее тебѣ тогда не далъ!

Въ 5-хъ. Въ Буживалѣ, въ свободное время, прочту твой романъ отъ доски до доски—и мнѣнье свое сообщу аккуратно и искренно.—„Современную глушь“ тоже прочту.

Въ 6-хъ. Желаю тебѣ всяческой пользы отъ твоего пребыванія на Эзелѣ, и радуюсь твоему намѣренію заниматься живописью.—Помни: въ пейзажахъ не вдавайся въ отдѣлку деталей на нѣмецкій манеръ, а обращай вниманіе на гармонію массъ.

Въ 7-хъ. Что касается до стихотворенія, посвященнаго мнѣ—то я все-таки прошу тебя его не печатать, или не выставлять моего имени.—Да и въ самомъ дѣлѣ на что имя?—Это нисколько не уменьшитъ достоинства стихотворенія—„Къ ****“,—а тамъ пускай догадываются. Я былъ бы очень счастливъ, если бы обо мнѣ совсѣмъ перестали упоминать.

Ну вотъ, кажется, все.—Поклонись отъ меня, во первыхъ, твоей милой женѣ,—а во-вторыхъ—всѣмъ хорошимъ знакомымъ.—Обнимаю тебя.

Изъ Буживаля:

281 [1]).

Спасовичу, В. Д.—Буживаль, 15 сентября 1879.—Къ искреннему сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій; съ увѣренностью, могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича.

— — —

282.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 16 сентября 1879.—Милый Я. П., я виноватъ передъ тобою, какъ с... с...—и даже никакого оправданія представить не могу—ибо здоровъ и ничего не дѣлаю.—Прости великодушно! Другого сказать нѣчего.

И на этотъ разъ письмо мое будетъ коротко—и ограничится нѣсколькими пунктами.

[1]) Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1879 г., ноябрь, въ письмѣ изъ Кракова о юбилеѣ Крашевскаго, стр. 416.

1) Представь! Я твоего романа не прочелъ—и потому сказать о немъ ничего не могу.—Но въ этомъ я скоро исправлюсь—за это тебѣ отвѣчаю.

2) Я дѣйствительно имѣю намѣреніе до декабря пріѣхать въ Петербургъ и остаться тамъ до весны.

3) Хотя Паскевичи тебѣ и писали, что переводъ романа Толстого находится въ Парижѣ, но могу тебя увѣрить, что ни у одного книгопродавца его нѣтъ, и никто о немъ *ничего* не знаетъ.

Пусть они распорядятся и велятъ мнѣ выслать 6 экземпляровъ—я ихъ раздамъ по принадлежности и сдѣлаю рекламу въ журналахъ, безъ чего ни одна книга (особенно иностранная) здѣсь расходиться не можетъ. Боюсь я очень перевода, сдѣланнаго русской дамой: здѣшніе издатели чуть не кусаются, когда имъ преподносятъ эту смѣсь французскаго съ (великосвѣтскимъ) нижегородскимъ—Но ты не забудь передать мое предложеніе Паскевичамъ,—а мы постараемся всячески.

4) Картины Верещагина я въ Лондонѣ видѣлъ.—Онѣ очень хороши, хотя нѣсколько грубоваты—и произвели эффектъ.

5) Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочитъ изъ болота, куда онъ залѣзъ—и съ пользой для литературы; а Фетъ-Шеншинъ до того погрязъ въ философствованіе, что только пузыри пускаетъ—и пузыри неблаговонные.

За симъ желаю тебѣ всего хорошаго, начиная, разумѣется, со здоровья, кланяюсь всѣмъ твоимъ и дружески тебя обнимаю.

283.

Ему же.—Буживаль, 3 октября, 1879.—Любезный другъ Я. П., получилъ твое письмо, вмѣстѣ съ пись-

момъ кн. Паскевичъ, о которой я много слышалъ какъ объ умной женщинѣ и удивительной актрисѣ.—Какъ только я получу экземпляры „Войны и Мира“,—раздамъ ихъ немедленно кому слѣдуетъ—и позабочусь о рекламѣ—хотя, конечно, имя переводчицы упомянуто не будетъ—и все будетъ устроено приличнымъ образомъ, о чемъ ты можешь ее увѣдомить.—Весьма будетъ пріятно познакомиться съ ней нынѣшней зимой.

Я принялся за твой романъ,—но пока еще ничего не могу сказать, хотя читаю съ удовольствіемъ.

Романъ Стечькиной печатается въ ноябрской книжкѣ В. Е.

У насъ въ домѣ не совсѣмъ благополучно. Хотя, къ счастью, роды второй дочери г-жи Віардо сошли хорошо,—но ея старшій ребенокъ (5-ти-лѣтняя прелестная дѣвочка) заболѣла скарлатиной... Это, между прочимъ, удержитъ насъ здѣсь долѣе чѣмъ мы предполагали.

Въ первыхъ числахъ декабря я все-таки буду въ Петербургѣ.

За симъ дружески тебя обнимаю и остаюсь преданный тебѣ.

284.

Маслову, И. И.—Буживаль, 5 октября 1879.—Милый И. И., твоя protégée, д-ца Шмейсеръ прибыла сюда благополучно и снова поступила къ г-жѣ Віардо, которая очень ее хвалитъ.—Она доставила мнѣ твое письмо.

Жаль мнѣ, что ты ничего не могъ сдѣлать для Н. Я. С. Но, пожалуйста, имѣй его въ виду. Это—очень хорошій и умный малый.

Въ началѣ декабря я, Богъ дастъ, попаду въ Россію и къ новому году непремѣнно тебя увижу;—а пока—

прими сію фотографію!—Охъ, какъ плохо идетъ ученая шапка [1]) къ моей великорусской рожѣ!

За симъ обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

285.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 5 ноября 1879.—Любезный другъ Я. П., получилъ ли ты мое письмо, въ которомъ я отвѣчалъ на счетъ „Войны и Мира?“ — До сихъ поръ ни слуха, ни духа.—Гашеттъ молчитъ, никакихъ экземпляровъ я не получилъ — да и самой книги здѣсь нѣтъ ни у кого!—Надо бы распорядиться, пока я отсюда не уѣхалъ.

Спасибо за поздравительную телеграмму: — въ непзмѣнности твоей дружбы я никогда не сомнѣвался — но это новое подтвержденіе было очень мнѣ пріятно.

Романъ я твой прочелъ съ живымъ интересомъ: мнѣ онъ лично очень понравился — но когда я увижусь съ тобою (не позже какъ черезъ мѣсяцъ), я тебѣ скажу, почему онъ не имѣлъ того успѣха, который заслуживалъ.

Послѣднее время было не совсѣмъ благопріятно: самъ я на здоровье пожаловаться не могъ—но у меня въ домѣ всѣ переболѣли — и нѣкоторые доселѣ болѣютъ.

Я въ Буживалѣ остаюсь еще 10 дней; тамъ на двѣ недѣли въ Парижъ... а тамъ къ вамъ, на сѣверъ.

Обнимаю тебя и остаюсь любящій тебя.

Изъ Парижа:

286.

Ему же. — Парижъ, 6 декабря 1879 г. — Милый Я. П., ты написалъ свое письмо 15-го ноября — слѣдо-

[1]) Докторская, полученная въ Оксфордѣ. —Ред.

вательно: три недѣли тому назадъ, — а о „Войнѣ и Мирѣ“ все ни слуха ни духа — и Гашеттъ ничего не присылаетъ. Хотѣлось бы, однако, принять нужныя мѣры до отъѣзда. — Если бы не жестокіе морозы да снѣга, затрудняющіе путешествіе, меня бы уже теперь въ Парижѣ не было. Послѣдній срокъ моего отъѣзда — 5-го января нов. ст. — Скажи княгинѣ П. (съ которой мнѣ очень пріятно будетъ познакомиться) — что времени теперь нельзя терять ни минуты. — Увѣрена ли она, что книги посланы?

Хотѣлось бы поговорить съ тобой обо многомъ... но отлагаю все до личнаго свиданія. — Твое стихотвореніе: „Сфинксъ“ — не дурно — но какъ-то холодновато и отзывается дѣланностью.

Нѣтъ тѣхъ либо красивыхъ, либо счастливыхъ стиховъ, которые почти всегда у тебя попадаются.

За симъ — будь здоровъ — обнимаю тебя.

287.

Ему же. — Парижъ, 11 декабря 1879 г. — Милый Я. П., я третьяго дня получилъ твое письмо отъ 4-го декабря. — Вѣроятно, на другой же день послѣ его отправки, ты имѣлъ въ рукахъ мое — и могъ убѣдиться, что „стихи“ тутъ не при чемъ.

Какой, подумаешь, выискался мнѣ печальникъ и радѣтель въ лицѣ Загуляева! Орловъ не только никакихъ претензій мнѣ не передавалъ, но расхохотался, когда я ему сказалъ, что онъ долженъ былъ предупредить меня *наканунѣ* моего отъѣзда! Вѣдь здѣсь не нужно никакихъ публикацій — и я могу выѣхать, когда мнѣ вздумается — хоть сегодня. — Единственная причина замедленія моего отъѣзда — это страшный холодъ и снѣжныя засыпи по

всѣмъ дорогамъ.—Какъ только морозъ отпуститъ—я выѣзжаю—вѣроятно, въ первыхъ числахъ января. Если же г. Загуляевъ такъ охочь заниматься мною — то пускай онъ снова поругаетъ меня въ „Journal de St. Pétersbourg“. — И ему пріятно—и никому не обидно.

Нечего и говорить, что, попавши въ Петербургъ, я не только не буду участвовать ни въ какихъ публичныхъ чтеніяхъ, да и вообще—кромѣ старыхъ пріятелей никого не буду видѣть. Теперь не то время—да и мнѣ не до того.

Къ твоимъ имянинамъ я, разумѣется не поспѣю—но первый же вечеръ послѣ моего пріѣзда, о которомъ ты будешь извѣщенъ заранѣе, проведу у тебя.

За симъ, кланяюсь всѣмъ твоимъ и тебя обнимаю.

288.

Ему же.—Парижъ, 23 декабря 1879 г.—Любезный Я. П., спѣшу извѣстить тебя, что 6 экз. „Войны и Мира“ наконецъ мною получены—и я уже приступилъ къ надлежащимъ мѣропріятіямъ. Доведи это до свѣденія кн. П.

Въ Петербургъ я *не* пріѣду только тогда, когда мнѣ *не можно* будетъ это сдѣлать. Но до сихъ поръ ничего подобнаго не предвидится, хотя тутъ разныя мерзости выползаютъ на свѣтъ Божій, въ родѣ подлой статьи подлаго . . . . . .

Если вы меня долго ждали, теперь дождетесь скоро.

Дружески тебя обнимаю и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

289.

Толстому, гр. Л. Н.—Парижъ, 28 декабря 1879.—Милый Л. Н., до полученія вашего письма, Чайковскій пришелъ ко мнѣ и сообщилъ о вашемъ намѣреніи; я

ему тогда же выдалъ 260 фр. (100 р.).—Онъ, дѣйствительно, очень хорошій человѣкъ; къ сожалѣнію, я съ нимъ мало видѣлся, такъ какъ онъ все почти время жилъ въ деревнѣ, не близко отъ Парижа. Черезъ недѣлю съ небольшимъ я выѣзжаю отсюда—и навѣрное знаю, что мы скоро увидимся, хотя еще не знаю, гдѣ именно.—Меня очень тронуло сочувствіе, выраженное вами по поводу статьи въ „Моск. Вѣдомостяхъ“; и я, съ своей стороны, почти готовъ радоваться ея появленію, такъ какъ оно побудило васъ сказать мнѣ такія хорошія, дружелюбныя слова.—Когда я отошелъ отъ „Русскаго Вѣстника“, Катковъ велѣлъ меня предъувѣдомить, что я дескать, не знаю, что значитъ имѣть его врагомъ; вотъ онъ и старается мнѣ доказать.—Пускай его! моя душа не въ его власти.

Княгиня П., переведшая вашу „Войну и Миръ“, доставила, наконецъ, сюда 500 экземпляровъ,—изъ которыхъ я получилъ 10. Я роздалъ ихъ здѣшнимъ вліятельнымъ критикамъ (между прочимъ, Тэну, Абу и др.). Должно надѣяться, что они поймутъ всю силу и красоту вашей эпопеи.—Переводъ нѣсколько слабоватъ—но сдѣланъ съ усердіемъ и любовью—Я на дняхъ въ 5 и 6 разъ съ новымъ наслажденіемъ перечелъ это ваше, поистинѣ, великое произведеніе. Весь его складъ далекъ отъ того, что французы любятъ и чего они ищутъ въ книгахъ;—но, правда, въ концѣ-концовъ, беретъ свое.—Я надѣюсь, если не на блестящую побѣду—то на прочное, хотя медленное завоеваніе.

Вы ничего мнѣ не говорите о новой вашей работѣ; а между тѣмъ ходятъ слухи, что вы прилежно трудитесь. Воображаю васъ за письменнымъ столомъ, въ той уединенной избѣ, которую вы мнѣ показывали. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я скоро буду имѣть извѣстіе—изъ первыхъ рукъ.

Радуюсь вашему домашнему благополучію и прошу передать всѣмъ вашимъ мой усердный привѣтъ и поклонъ.—Точно, тяжелыя и темныя времена переживаетъ теперь Россія;—но именно теперь и совѣстно жить чужакомъ.—Это чувство во мнѣ все становится сильнѣе и сильнѣе—и я въ первый разъ ѣду на родину, не размышляя вовсе о томъ, когда я сюда вернусь—да и не желая скоро вернуться.

Крѣпко жму вашу руку, благодарю васъ за то, что вы приблизились ко мнѣ, и знаю, что я плачу̀ вамъ тѣмъ же. Будьте здоровы—и до свиданія.

1880.

290.

Ф—вой, А. П.—Парижъ, 9 января 1880 г.—Любезнѣйшая А. П., мнѣ очень пріятно было получить ваше письмо. Я всегда дорожилъ вашимъ сочувствіемъ, а въ теперешнее время и подавно. Доходившіе до меня слухи возбуждали мои воспоминанія, и я много думалъ о васъ, о томъ трагическомъ положеніи многихъ русскихъ женщинъ, которому онѣ подвергаются въ силу нашего тяжелаго, часто нестерпимаго историческаго развитія. Воображаю себѣ, какъ вамъ было грустно разстаться съ Россіей, съ вашей дѣятельностью, со всѣмъ, что придавало жизни значенье и смыслъ. И утѣшительнаго я ничего сказать не могу: темно впереди—и когда просвѣтлѣется—Богъ вѣдаетъ. Надо стараться жить и ждать.

Я на дняхъ уѣзжаю въ Россію—тоже не на радости.

Когда я вернусь, навѣрное не знаю; это будетъ зависѣть отъ разныхъ обстоятельствъ, которыхъ теперь даже предвидѣть трудно. Думаю, однако, что не позже іюня мѣсяца. Можетъ быть, тогда мы увидимся.

Еще разъ дружески благодарю васъ за ваше воспоминаніе обо мнѣ—и крѣпко жму вашу руку.

291.

Толстому, гр. Л. Н.—Парижъ, 12 января 1880.—Любезнѣйшій Л. Н., переписываю для васъ съ дипломатической точностью отрывокъ изъ письма г. Флобера ко мнѣ—я ему посылалъ переводъ „Войны и Мира“—(къ сожалѣнію, довольно блѣдноватый):

„Merci de m'avoir fait lire le roman de Tolstoï. C'est „de premier ordre! Quel peintre et quel psychologue! Les „deux premiers volumes sont *sublimes*; mais le troisième „dégringole affreusement. Il se répète! et il philosophise!! „Enfin on voit le monsieur, l'auteur, et le Russe—tandis „que jusque là on n'avait vu que la Nature et l'Humanité.—Il me semble qu'il y a parfois des choses à la „Shakespeare!—Je poussais des cris d'admiration pendant „cette lecture... et elle est longue!

„Oui c'est fort! bien fort!“

Полагаю, что—en somme—вы будете довольны.

„Война и Миръ“ роздана мною здѣсь всѣмъ главнымъ критикамъ.—Отдѣльной статьи еще не появлялось... но уже 300 экз. продано. (Всѣхъ прислано 500).

Вексель для Ч. мною полученъ отъ конторы Кинена.

Я выѣзжаю отсюда въ будущую середу—надѣюсь быть въ Петербургѣ дней черезъ 10. Такъ какъ мнѣ придется съѣздить въ Москву и въ деревню, то, конечно, увижу васъ.

Пока, желаю вамъ всего хорошаго, дружески жму вамъ руку и кланяюсь всѣмъ вашимъ.

PS. Прилагаю вырѣзку изъ газеты: „XIX Siècle“.

ВЪ РОССІИ.

Петербургъ:

292.

Гаевскому, В. П.—Спб., апрѣль 1880 г., пятница.—Любезнѣйшій В. П., вамъ Топоровъ передалъ о моемъ внезапномъ нездоровьѣ и о томъ, что я не могу обѣдать у васъ завтра; но я полагаю, было бы осторожнѣе, вообще отложить чтеніе въ воскресеніе на нѣсколько дней—а то, что же это будетъ, если я въ воскресеніе надую публику такъ же, какъ принужденъ ее надуть сегодня?—Я для этого, если нужно, останусь здѣсь лишнюю недѣлю.—Ужасно все это непріятно—но что же дѣлать?

Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ, и проч.

293.

Ему же.—Спб., апрѣль 1880 г., понедѣльникъ.—Любезнѣйшій В. П., не ждите меня сегодня; мнѣ не здоровится—и докторъ велѣлъ мнѣ сидѣть дома, чтобы не скомпрометировать завтрашняго обѣда.—На счетъ Пушкинскаго обѣда и т. п. объявляю заранѣе, что вотирую съ вами. Преданный вамъ, и пр.

Изъ Москвы:

294.

Толстому, гр. Л. Н.—Москва, 19 апрѣля 1880.—Любезнѣйшій Л. Н., я вчера сюда пріѣхалъ и черезъ недѣлю отправляюсь къ себѣ въ деревню. Если бъ я зналъ, что вы въ Ѳомино воскресенье будете у себя въ Ясной Полянѣ—то я бы въ этотъ день завернулъ къ вамъ изъ Тулы.—Мнѣ очень хотѣлось бы свидѣться и потолковать съ вами. Напишите строчки двѣ въ отвѣтъ.

Дружески кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму вамъ руку.

295.

Гаевскому, В. П.—Москва, 24 апрѣля 1880.—Любезнѣйшій В. П., я потому до сихъ поръ ничего не могъ написать вамъ о Пушкинскомъ праздникѣ, что только вчера окончательно состоялась программа.—Вотъ она: 25 числа (наканунѣ открытія) утромъ публичное засѣданіе Общества Любителей Словесности, подъ предсѣдательствомъ Юрьева – съ рѣчами. — 26-го числа утромъ открытіе памятника—потомъ большой обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Грота (Я. К.) для литераторовъ, депутатовъ отъ университета и пр. съ отдѣльными краткими спичами (и тостами).—Спичи эти будутъ произноситься только тѣми лицами, имена которыхъ будутъ находиться на спискѣ, составленномъ комитетомъ, чѣмъ устраняется всякій *нехорошій элементъ*.—Вотъ лица въ Петербургѣ, къ которымъ комитетъ обратится съ приглашеніемъ произносить эти небольшіе спичи: Гончаровъ, Достоевскій, Салтыковъ, Потѣхинъ, Полонскій, Григоровичъ, Пыпинъ, Майковъ. Разумѣется, вы, какъ президентъ нашего общества, получите также приглашеніе, равно какъ и университеты,

ученыя общества, редакціи журналовъ и др.—Быть можетъ, нѣкоторыя изъ поименованныхъ мною лицъ не захотятъ поѣхать и говорить; будьте такъ добры, постарайтесь убѣдить ихъ (напр. Гончарова, безъ котораго праздникъ Пушкина былъ бы неполнымъ). Тутъ надо отложить всякія суеты, опасенія и не идущія къ дѣлу соображенія. Я полагаю даже, что такъ какъ мы можемъ быть увѣрены, что никакія дисгармоніи à la Катковъ не придутъ мѣшать намъ, то слѣдовало бы устранить всякую мысль объ отдѣльномъ петербургскомъ обѣдѣ, который явился бы горчицей послѣ ужина.—Потолкуйте объ этомъ съ Стасюлевичемъ. — Генералъ-губернаторъ Долгоруковъ будетъ въ числѣ гостей и обѣщалъ не только всякое содѣйствіе, но и устраненіе утѣсненія всякой свободы въ рѣчахъ.—Изъ московскихъ будутъ говорить Островскій, Писемскій, И. Аксаковъ, Бартеневъ, Тихонравовъ и др.—Льва Толстого, котораго я увижу вскорѣ, я постараюсь уговорить.—(Я ѣду во вторникъ въ деревню—но къ 23-му мая я снова здѣсь).—27-го числа вечеромъ будетъ данъ большой музыкальный и театральный вечеръ (его взялись устроить актеръ Самаринъ и Н. Рубинштейнъ)—и если будетъ много желающихъ, этотъ вечеръ повторится на слѣдующій день. Очень было бы желательно, чтобы вся литература единодушно сгруппировалась бы на этомъ Пушкинскомъ праздникѣ... Вашъ и пр.

Изъ с. Спасскаго:

296.

Ему же.—Спасское, 12 мая 1880.—Любезнѣйшій В. П., разумѣется, принимаю съ великимъ удовольствіемъ назначеніе Комитета—и буду присутствовать на засѣда-

ніи 25-го мая какъ депутатъ нашего общества. Очень пріятно слышать, что петербургская литература хочетъ двинуться въ Москву: надо всѣмъ собраться—цѣлой массой—всякія отдѣльныя и позднія манифестаціи неумѣстны.

Я кончаю свою рѣчь о Пушкинѣ—(а не брошюру для народа, отъ которой я немедленно отказался)—и 23-го утромъ буду въ Москвѣ, у Маслова, гдѣ, конечно, васъ увижу.—А пока дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

297.

Монисову, Я. І.—Спасское, 16 мая 1880.—М. г. Яковъ Іудовичъ, дѣло съ Кашеваровымъ разстроилось; оказывается, что онъ не только не хотѣлъ платить октябрскую треть аренды — но даже майскую—что составляло 2800 р.—Такимъ образомъ—вмѣсто 70,000 р., я получилъ бы 67,200.—Я ему возвратилъ задатокъ—и тѣмъ все покончилось.—Теперь мнѣ приходится снова обратиться къ вамъ и просить васъ продолжать свои мѣропріятія на счетъ продажи Тапковъ.—Вотъ условія, на которыя я согласенъ: я не желаю получить за Тапки менѣе 70,000 р. чистыми деньгами.—Слѣд.: всѣ расходы по купчей, уплата неустойки (2500 р.) и за раскопку нови (около 4,000 р.) покупатель долженъ взять на себя. Такъ какъ я намѣренъ заложить Тапки въ Харьковскомъ банкѣ, то уплата покупателя уменьшится на всю сумму, которую я получу оттуда—приблизительно 50,000 р.—а совершеніе купчей—и слѣд.: полученіе этой добавочной суммы я согласенъ отсрочить до 1-го окт.—съ тѣмъ, чтобы въ моментъ совершенія запродажной записи былъ выданъ задатокъ въ 5,000 р. сер., который будетъ считаться неустойкой, въ случаѣ еслибы къ 1-му окт. я не получилъ слѣдуемыхъ денегъ сполна.—

Дѣйствуйте въ силу этого ультиматума. Если бы, паче чаянія, я бы уѣхалъ изъ Россіи раньше, чѣмъ я думаю — то представительное мое лицо—Николай Александровичъ Щепкинъ, мой управляющій, съ которымъ вы познакомились и которому даны всѣ уполномочія. Не считаю нужнымъ прибавлять, что всѣ ваши труды будутъ съ благодарностью вознаграждены.

Я сегодня же написалъ обо всемъ этомъ Горацію Осиповичу Гинцбургу.

Примите, и пр. [1]).

298.

Ему же.—Спасское, 20 мая 1880.—Любезнѣйшій г. Монисовъ, буду ждать васъ завтра утромъ—хотя перемѣнить условія, какъ вамъ извѣстно, не могу.—Но обо всемъ этомъ переговорю. Я самъ полагаю, что съ Смирновымъ [2]) пива не сваришь. Искренне благодарю васъ за ваши хлопоты—и прошу принять увѣреніе въ моемъ уваженіи, и пр.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Буживаля:

299.

Колбасину, Е. Я.—Буживаль, 11 іюня 1880.—Любезный Колбасинъ, ваше письмо было мнѣ переслано

[1]) Я. І. Монисовъ, жит. въ Бѣлгородѣ, имѣлъ порученіе отъ барона Г. О. Гинцбурга осмотрѣть имѣніе Тургенева Танки малоархангельскаго уѣзда, находившееся въ арендѣ у купца Кашеварова, который въ томъ же 1880 г. купилъ оное за 81,000 р.—Я. М.

[2]) Мценскій купецъ, конкуррентъ на покупку имѣнія Танки.

сюда изъ Москвы—и я только третьяго дня получилъ его.—Не знаю, какому досужему корреспонденту вздумалось пустить утку о моемъ прибытіи въ Одессу: у меня и въ мысляхъ ничего подобнаго не было.—Я теперь остаюсь безвыѣздно до ноября,—а зимой, вѣроятно, опять соберусь въ Россію. Очень мнѣ жаль, что вы ограничились однимъ приглашеніемъ посѣтить васъ, а не сообщили никакихъ свѣденій о себѣ, о вашемъ семействѣ, о состояніи вашего здоровья.—Сами ли вы написали ваше письмо или кому продиктовали?

Все бы это меня очень интересовало.

О себѣ скажу вамъ, что я доволенъ своимъ здоровьемъ—хотя иногда подагра и допекаетъ;—и вступивъ уже въ окончательную старость—могу сказать, что жизнь прошла порядочно—чего многіе люди сказать, къ сожалѣнію, не могутъ.—Авось и остающійся, вѣроятно, коротенькій хвостикъ пройдетъ такъ же благополучно.

Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

PS. Семейство Віардо помнитъ ваше посѣщеніе и велитъ вамъ кланяться.—Я въ Москвѣ, по старому, останавливался у И. И. Маслова. Онъ процвѣтаетъ и молодѣетъ съ каждымъ годомъ.

300.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 30 іюня 1880.—Милый Я. П., ну, какъ ты поживаешь въ Карлсбадѣ? Тебѣ, вѣроятно, К. И. Домонтовичъ сообщилъ о нашемъ путешествіи до Берлина, которое исполнилось благополучно—и для меня продолжалось также.—Третьяго дня я пріѣхалъ сюда, нога выздоровѣла....—Всѣхъ нашелъ здоровыми—и погода восхитительная. Дай мнѣ вѣсточку—во 1-хъ, о самомъ себѣ и обо всемъ твоемъ

семействѣ; во 2-хъ, о Стасюлевичѣ и Домонтовичѣ, которые въ Карлсбадѣ и которымъ кланяюсь; въ 3-хъ, о другихъ общихъ знакомыхъ, если таковые найдутся. Видѣлъ ли ты Питча въ Берлинѣ—и Зегена въ Карлсбадѣ? Нашелъ ли ты хорошую квартиру? Разскажи все въ подробности.

А пока, кланяюсь всѣмъ твоимъ и тебя обнимаю.

301.

Ему же.—Буживаль, 26 іюля 1880.—Любезнѣйшій Я. П. ты рѣшительно „неисповѣдимъ“ какъ пути провидѣнія!! Въ *одномъ и томъ* же письмѣ ты мнѣ даешь *два* различныхъ адресса твоего мѣстопребыванія: „Seeshaupt am Starnbergersee“—и „Bernried am Würmsee“! Въ Зеегауптѣ тебѣ наняли двѣ комнаты,—а въ Бернридѣ ты живешь у Вильгельма Генкеля!!—Бросился искать въ Conversations лексиконѣ: ни Бернрида, ни Зеегаупта, ни Старнбергерзе не нашелъ,—но нашелъ Вюрмзэ... такъ и рѣшился писать къ Генкелю на берегахъ Вюрмзэ... Что выдетъ? Во всякомъ случаѣ я радъ, что ты и семейство твое вы попадете въ мѣсто съ хорошимъ воздухомъ—и дешевое... А колокольцы коровъ ты услышишь въ Бернридѣ такъ же какъ въ Галлѣ.

Что касается до берлинскаго пріятеля—то главная бѣда состояла въ томъ, что, не смотря на мои заклинанія, ты мнѣ все-таки не повѣрилъ.—Я зналъ, кого я тебѣ рекомендовалъ: представь себѣ Т . . . . . не въ квадратѣ, а въ кубѣ, который бы . . . . . отъ блаженства тебѣ прислуживать, и въ то же время точилъ бы слезы умиленія и все, все бы тебѣ показалъ, жевать бы сталъ за тебя.... и все благодарилъ, благодарилъ бы!! Ты не повѣрилъ—и поплатился своими гульденами и ни-

чего не видѣлъ—и до глубины души огорчилъ Питча!! Ну—это дѣло прошлое.. въ сторону это!...

. . . . . .

О младенецъ, младенецъ! Ты еще покупаешь заграницей вещи въ силу ихъ воображаемой дешевизны!!—Хочешь пари держать, что двѣ китайскія вазочки не только 50 руб., 50-ти копѣекъ не стоютъ?—Китайскія вещи—настоящія и особенно старинныя—дороги; поддѣльныя—ничего не стоютъ. *А такого еще нѣтъ на свѣтѣ знатока*, который съумѣлъ бы отличить настоящую китайщину отъ поддѣльной. Съ совѣта *перваго европейскаго знатока, нашего консула Скачкова* [1]) прожившаго чуть не сто лѣтъ въ Пекинѣ и не только говорящаго, но даже . . . . . по китайски, я однажды въ аукціонной залѣ de la Rue Drouot купилъ китайскую курильницу, на днѣ которой означенный Скачковъ прочелъ: „во время Императора Тьфу-Танъ-чунъ—изъ династіи Чинъ-Ганъ-дунъ—Зеленой фамиліи, 1500 года!!“—Заплатилъ я 220 франковъ,—а на другой день мнѣ на базарѣ предложили полдюжины *точно такихъ* же курильницъ—по 1 фр. 50 сант. за штуку.—И потому я повторяю: о, младенецъ, младенецъ!

Позволь мнѣ дать одинъ совѣтъ: пока ты за-границей, ты ладь такъ, чтобы даже за *необходимѣйшее* не платить—по крайней мѣрѣ торгуйся какъ чортъ,—а отъ ненужнаго, будь оно хоть до гадости дешево—отплевывайся и открещивайся—и главное: всякихъ коммиссіонеровъ, бродячихъ торговцевъ и торговокъ—бей немедленно черезъ лобъ по затылку, въ шею, въ шею!!

За симъ кланяюсь всѣмъ твоимъ, обнимаю тебя, желаю вамъ всѣмъ здоровья и спокойствія и остаюсь любящій тебя.

---

[1]) Ум. въ 1883 г.

Изъ Кабура

въ Нормандіи:

302 [1]).

Гаевскому, В. П.—Кабуръ, 13 августа 1880.—Любезнѣйшій Г., оказывается невозможнымъ прибыть въ Парижъ завтра; и потому—во 1-хъ, посылаю вамъ при семъ два свидѣтельства (о кольцѣ и волосахъ)—написанныя, какъ вы увидите, на одной страничкѣ;—во 2-хъ, повторяю мое обѣщаніе сдѣлать послѣднее усиліе для полученія отъ Тургеневыхъ—писемъ Пушкина—и если это мнѣ удастся—перешлю ихъ къ вамъ страховымъ письмомъ вмѣстѣ съ небольшимъ комментаріемъ; въ 3-хъ, пришлю вамъ въ переводѣ мнѣніе оксфордскаго ученаго о надписи на кольцѣ. Все это исполню точно и скоро.

Я написалъ П. Віардо, который сегодня еще находится въ Булони, гдѣ даетъ концертъ — чтобы онъ побывалъ у васъ завтра—и не сомнѣваюсь въ благосклонности вашего пріема.

Дружески жму вамъ руку, желаю всего хорошаго и счастливаго пути, и остаюсь преданный вамъ.

Изъ Буживаля:

303.

Ему же.—Буживаль, 1 ноября 1880.—Любезнѣйшій Г., уже изъ моего продолжительнаго молчанія вы могли заключить, что мнѣ не удалось сдѣлать то, что я вамъ

[1]) Письмо это адрессовано въ Парижъ. Кольцо и волоса Пушкина, бывшіе на Пушкинской выставкѣ 1880 г. въ С.-Петербургѣ. Мнѣніе оксфордскаго ученаго о надписи на перстнѣ не было найдено Тургеневымъ. П. Віардо, скрипачъ, сынъ Полины Віардо. Ред.

обѣщалъ: я не нашелъ объясненія надписи на Пушкинскомъ кольцѣ, даннаго мнѣ оксфордскимъ профессоромъ—и писемъ Пушкина къ А. И. Тургеневу—отъ Тургеневыхъ я не получилъ.—Я начинаю думать, что они ихъ просто затеряли.—Вмѣсто этихъ писемъ они вручили мнѣ (и то только вчера)—записку Пушкина на клочкѣ бумаги, посланную А. И. Тургеневу наканунѣ дуели, и перебѣленную тетрадь, писанную рукою Пушкина *первой главы Онѣгина* съ нѣкоторыми поправками. Оба эти документа посылаю къ вамъ съ Л. И. Стасюлевичъ,—которая завтра уѣзжаетъ изъ Парижа въ Петербургъ;—а вы, какъ только ихъ получите,—пришлите мнѣ росписку въ полученіи.—И эти двѣ вещи Тургеневы отдали мнѣ со страхомъ и трепетомъ.—Росписка ихъ успокоитъ.—(Я черезъ 4 дня переѣзжаю въ Парижъ, 50, rue de Douai).

Хотя я по газетамъ вижу, что Пушкинская выставка уже открыта—но, быть можетъ, вышеупомянутые два документа еще попадутъ туда.

Я отсюда выѣзжаю черезъ 6 недѣль въ Петербургъ. Пока, дружески жму вамъ руку и желаю всего лучшаго.

304.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 4 ноября 1880.—Милый другъ Я. П., получилъ я твое письмо недѣлю тому назадъ и искренно благодарю за память и поздравленіе. Жалѣю только о томъ, что ты самъ-то нездоровъ: впрочемъ, надѣюсь, что теперь ты поправился и благополучно разъѣзжаешь въ саняхъ, закутавшись въ новую шубу.

Я пока еще здѣсь—всѣ мои переѣхали въ Парижъ—а я остался здѣсь, чтобы поработать надъ той бездѣли-

цей, которую обѣщалъ Стасюлевичу въ „Порядокъ“.—Кажется, одолѣлъ и послѣ-завтра самъ переправляюсь въ Парижъ, rue de Douai 50.—Здоровье порядочно—хотя отъ непривычной работы голова болитъ.—Но это—пустяки.

Снѣга у насъ нѣтъ—но вѣтры ужасные. Всѣхъ листьевъ какъ не бывало на деревьяхъ.

О министерскихъ перемѣнахъ мы извѣщены; но неужто и Сабуровъ слетитъ? Было бы жаль: особенно жаль, если . . . . . его замѣнитъ.

Въ Петербургъ я, не смотря на твой скептицизмъ, непремѣнно прибуду къ концу года—и опять буду пить чай у тебя за твоимъ длиннымъ столомъ—а пока прошу тебя поклониться твоей милой супругѣ и всѣмъ твоимъ, обнимаю тебя и желаю тебѣ всего хорошаго.

Изъ Парижа:

305.

Маслову, И. И.—Парижъ, 11 ноября 1880 г.—Милый И. И., при семъ письмѣ приложенъ вексель на твое имя въ 500 фр.—Ты, пожалуйста, немедленно получи эти деньги и отнеси ихъ А. Ѳ. Писемскому.—Ихъ посылаетъ къ нему его переводчикъ, нѣкто г. *Дерелй*, какъ слѣдующую ему часть гонорарія за его романъ, помѣщенный въ фельетонѣ здѣшняго журнала: „Le Télégraphe“.—Будь такъ добръ, извѣсти меня тотчасъ о врученіи этихъ денегъ Писемскому — чтобы я могъ сообщить Дерелй, что его порученіе исполнено.

Кстати, неужели правда, что сынъ Писемскаго съ ума сошелъ?—Я все отказываюсь вѣрить этому слуху, хотя мнѣ передаютъ его достовѣрные люди.—Это было бы ужасно!—Бѣдный отецъ! Бѣдная мать!—Я потому

самъ и не рѣшился писать прямо Писемскому. — Пожалуйста, не забудь написать мнѣ и объ этомъ.

Твоя протежэ, Манукова, была у г-жи Віардо; та ее выслушала—и посовѣтовала ей лечиться и по крайней мѣрѣ полъ-года не пѣть, такъ какъ ея голосъ очень пострадалъ.—Съ тѣхъ пиръ я г-жу Манукову не видѣлъ—даже не знаю, осталась ли она въ Парижѣ.

Я сюда вернулся на дняхъ; двѣ недѣли просидѣлъ въ деревнѣ совершенно одинъ — и хоть и съ великимъ трудомъ, но кончилъ небольшой разсказъ для Стасюлевичевскаго „Порядка“.—Не знаю, что вышло.—Отвыкъ я работать-то!

Здоровьемъ я своимъ доволенъ: сердце пошаливаетъ—зато подагра молчитъ — и я даже нѣсколько радъ—представь! верхомъ ѣздилъ.—Въ Петербургъ собираюсь въ концѣ нынѣшняго года—и вѣроятно, въ началѣ будущаго, опять нагряну къ тебѣ, на Пречистенскій бульваръ.—А пока обнимаю тебя.

306.

Гаевскому, В. П.—Парижъ, 12 ноября 1880 г.—Любезнѣйшій В. П., на ваше письмецо отвѣчаю вамъ, что лучше всего будетъ, если по окончаніи Пушкинской выставки [которая, какъ я слышу, имѣетъ блестящій успѣхъ, — чему душевно радуюсь] — вы передадите два полученныхъ вами автографа М. М. Стасюлевичу, у котораго въ рукахъ три другихъ автографа. — Передайте ему также волосы и кольцо—а онъ мнѣ все это возвратитъ разомъ, когда я въ концѣ нынѣшняго года прибуду въ Петербургъ.

За симъ, крѣпко жму вашу руку и остаюсь искренно вамъ преданный.

PS. Росписки я ваши уничтожу.

307.

Урусову, кн. А И.—Парижъ, 1 декабря 1880.—Любезнѣйшій князь, третьяго дня я послалъ отвѣтную телеграмму о готовности моей увидѣть мое имя въ числѣ сотрудниковъ вашего журнала *),—но такъ какъ я адрессовалъ ее à la redaction du „Progrès“ (а журналъ вашъ превращенъ въ „Новое Обозрѣніе“), то я боюсь, что она до васъ не дошла.—И потому я теперь письменно повторяю мое согласіе.

Я пошлю вамъ на дняхъ небольшую статейку о подпискѣ на памятникъ Флоберу—къ первому №-у „Н. О.“ (который выйдетъ, полагаю, 1 (13) января)—она во всякомъ случаѣ поспѣетъ.

Нечего и говорить, что я искренне буду радоваться успѣху вашего предпріятія; насколько я могу ему содѣйствовать—это еще вопросъ.

Я, съ мѣсяцъ тому назадъ, нарочно на двѣ недѣли заперся въ деревнѣ, чтобы написать разсказецъ въ нѣсколько страничекъ, обѣщанный „Порядку“; и какихъ же усилій мнѣ стоила эта бездѣлка! По цѣлымъ часамъ сидишь надъ нѣсколькими строками!—Отвыкъ я совсѣмъ отъ этого дѣла—да и старость свое беретъ—или, по настоящему, отнимаетъ.—Какъ говорятъ французы: je ne me vois pas écrivant grand'chose! Но если, однако, что нибудь въ такомъ родѣ произойдетъ—то могу васъ увѣрить (и это не фраза)—что я не обойду вашего журнала.

Не могу еще навѣрное сказать, когда я попаду въ Петербургъ; вѣроятно, въ началѣ будущаго года.—А пока крѣпко жму вашу руку и прошу передать мой поклонъ вашему сотруднику г-ну Коропчевскому. Преданный вамъ и пр.

---

*) „Новое Обозрѣніе“.

308.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 10 декабря 1880 г.—Милый Я. П., я у тебя въ долгу—извини меня.—Буду писать по пунктамъ, такъ какъ много есть что сказать:

1) Поѣздка моя въ Петербургъ отлагается на неопредѣленное время.

2) Здоровье мое испортилось: открылись какіе-то скверные припадки въ сердцѣ—докторъ положилъ на грудь испанскую муху и т. д. и т. д.

3) Ругательныя статьи во всѣхъ газетахъ, градъ анонимныхъ писемъ и пр.—осязательно доказали мнѣ, что, обращаясь къ россійской публикѣ за нѣсколькими грошами въ пользу памятника моему другу Флоберу—я сдѣлалъ глупость.—И потому остается мнѣ просить тебя и тѣхъ изъ твоихъ литераторовъ пріятелей, которые не полагаютъ что я с . . . . с . . ., отдать келейно свою ленту Стасюлевичу, который мнѣ ихъ перешлетъ.—А я беру небо въ свидѣтели, что я не положу этихъ денегъ себѣ въ карманъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ намековъ моихъ корреспондентовъ.—Если ты непремѣнно хочешь отдать мнѣ 200 фр.—то вотъ самое лучшее ихъ употребленіе.

4) О сочиненіи Л. Толстого, напечатанномъ въ Штутгардѣ, слышу въ первый разъ.—Напишу Анненкову (который по прежнему живетъ въ Баденъ-Баденѣ, Ludwig-Wilhelm's Platz, № 8)—чтобы онъ выслалъ мнѣ два экземпляра;—одинъ будетъ къ тебѣ отправленъ. Мнѣ очень жаль Толстого... а впрочемъ! какъ говорятъ французы: chacun a sa manière de tuer ses puces.

5) Отсрочка моего пріѣзда въ Петербургъ уже тѣмъ хороша, что я не подвергаюсь опасности видѣть архипротивнѣйшія мазанья А . . . . . — Сюда пріѣхала на нѣсколько дней картина Куинджи — и мы постараемся показать ее французамъ.

6) Пэйзажикъ я тебѣ непремѣнно привезу—багажъ мой отъ этого не увеличится чрезъ мѣру... Но когда это будетъ? Вотъ вопросъ.

За симъ обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

309.

Гаевскому, В. П.—Парижъ, 20 декабря 1880 г.—Любезный В. П., сегодня ровно восьмой день, какъ я лежу пластъ-пластомъ въ постели—по милости подагры—и когда я встану—неизвѣстно. Слѣдовательно, объ участіи моемъ въ литературномъ чтеніи не можетъ быть и рѣчи — да и когда я пріѣду въ Петербургъ—тоже неизвѣстно.

П. Віардо прибудетъ въ Петербургъ къ концу года—и привезетъ вамъ отъ меня письмо. — Не сомнѣваюсь въ радушіи вашего пріема.

Каталогъ пушкинскій я получилъ—и храню какъ документъ.

За симъ поздравляю васъ съ новымъ годомъ—и дружески жму вамъ руку.

310.

Урусову, кн. А. И.—Парижъ, 21 декабря 1880 г.—Любезнѣйшій князь! Пишу вамъ, лежа въ постели, въ которой обрѣтаюсь уже 12-й день, и съ которой, по предсказанію доктора, не встану раньше недѣли, такъ какъ у меня вслѣдъ за сильнымъ припадкомъ подагры, объявилась другая немочь, по прозванію sciatique.—Эта болѣзнь, однако—меня не извиняетъ въ томъ, что я не сдержалъ своего обѣщанія и не выслалъ вамъ статейки о Флоберѣ.—Но, признаюсь вамъ, пріемъ, встрѣченный мною въ россійской публикѣ по поводу запроса нѣсколькихъ грошей

на его памятникъ, меня обезкуражилъ.—Представьте: не только статьи во всѣхъ журналахъ — но и анонимныя письма посыпались на меня, негодующія, оскорбленныя и просто ругающія—точно я бездѣльничество какое совершилъ! Все это, вмѣстѣ взятое, возбудило во мнѣ чувство гадливости, доходящее нынѣ до омерзѣнія—и безъ того перо неохотно просилось въ руку — ну и Богъ съ ними, со всѣми! Прошу васъ и г. Коропчевскаго извинить меня великодушно.

Эта самая болѣзнь откладываетъ на неопредѣленное время мое прибытіе въ Петербургъ.—Какъ только я туда попаду, я дамъ вамъ знать, а до тѣхъ поръ прошу принять мои лучшія пожеланія и для васъ самихъ и для затѣяннаго вами журнала [1]).

1881.

311.

Маслову, И. И.—Парижъ, 12 января 1881.—Любезный другъ И. И. Я получилъ отъ нѣкоей госпожи Лидіи Хребтовой изъ Москвы романсъ, мнѣ посвященный, но такъ какъ она не выставила въ письмѣ своего адресса, то я принужденъ просить тебя, какъ московскаго старожила, отыскать ея адрессъ и доставить ей прилагаемое письмо.

Я былъ довольно тяжело боленъ, пролежалъ три недѣли въ постели—и теперь еще не совсѣмъ поправился. Это отложило мою поѣздку въ Россію. Но въ концѣ февраля надѣюсь быть тамъ, а въ апрѣлѣ — въ Москвѣ.

Обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

[1]) „Новое Обозрѣніе“.—А. У.

PS. Есть у меня до тебя важная просьба. У меня въ Парижѣ, находится превосходная картина извѣстнаго французскаго пейзажиста Теодора Руссо. Я никогда не имѣлъ намѣренія ее продавать, но необходимость принуждаетъ меня это сдѣлать. Я могу за нее получить около 25,000 фр. (она извѣстна всѣмъ здѣшнимъ живописцамъ, между прочимъ, Боголюбову). Помнится, ее видѣли С. М. Третьяковъ и Дмитрій Боткинъ. Дай имъ знать о моемъ намѣреніи: я бы уступилъ ее за 9,500 р. с. Если ни тому, ни другому она не нужна, пожалуйста, не полѣнись немедленно извѣстить меня объ ихъ отвѣтѣ — для того, чтобы я могъ здѣсь распорядиться. Надѣюсь, что ты на сей разъ побѣдишь свою лѣнь — и если не напишешь, то хоть телеграфируй. Для меня это очень важно.

312.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 26 января 1881.—Любезный другъ Я. П. Во-1-хъ, передай, пожалуйста, прилагаемое письмо Д. В. Григоровичу, да кстати прочти его, ты изъ него узнаешь всю исторію съ картиною Куинджи.

Во-2-хъ, я хотя почти совсѣмъ выздоровѣлъ, а все-таки, по разнымъ обстоятельствамъ, раньше конца марта не выѣду, но весной мы непремѣнно увидимся, если только оба будемъ живы.

Въ 3-хъ, хандрить я не хандрю, но только скучно мнѣ, что очень старъ становлюсь; интересуюсь всѣмъ понемногу и ничѣмъ въ особенности. Пишу очень мало и очень неохотно; но радуюсь, что мои „Старички“ тебѣ понравились.

Въ 4-хъ, продолжаю получать ругательныя анонимныя письма. Какъ ихъ однако разобрало! Въ послѣднемъ

меня называютъ ренегатомъ, дуракомъ и публичной женщиной. И все это по поводу Флобера!!

Въ 5-хъ, меня не удивляетъ то, что Ф... тебя не посѣтилъ. Да и вообще Ф... давно на свѣтѣ нѣтъ; а остался какой-то кисляй, по прозвищу Ш., которому только и жить, что въ славянофильскихъ заднихъ дворахъ.

Въ 6-хъ, Анненковъ извѣстилъ меня, что никакой книги Л. Толстого нигдѣ не появлялось. Самаринъ (Петръ), котораго я здѣсь видѣлъ, подтвердилъ мнѣ тоже.

Въ 7-хъ, если ты сохранилъ статью Васильева о сношеніяхъ съ Китаемъ — пришли мнѣ ее — она нужна не мнѣ, а одному моему здѣшнему пріятелю.

Въ 8-хъ, будь здоровъ, работай, поклонись отъ меня твоей женѣ, поцѣлуй дѣтей и дай себя обнять.

313.

Толстой, графинѣ С. А. (урожд. Бёрсъ).—Парижъ, 27 января 1881.—Любезнѣйшая графиня, спѣшу отвѣтить на ваше письмо. Съ великимъ удовольствіемъ готовъ написать что-нибудь для журнала вашего брата—и постараюсь это сдѣлать какъ можно скорѣе. Я, вѣроятно, воспользуюсь тѣмъ разсказомъ объ умирающей перепелкѣ, на который намекаетъ графъ [1]). Если я не успѣю выслать этотъ разсказъ до моего отъѣзда, то уже навѣрное привезу его съ собою; я выѣзжаю отсюда въ Петербургъ въ концѣ марта. Въ апрѣлѣ я буду въ деревнѣ и, можетъ быть, опять мнѣ придется побывать на вальдшнейпиной тягѣ въ Ясной Полянѣ.

Очень мнѣ было пріятно узнать, что Левъ Николае-

[1]) Въ упоминаемомъ дѣтскомъ журналѣ Берса напечатаны разсказы: Тургенева „Перепелка“, пропущенный во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій. и гр. Толстого „Чѣмъ люди живы“.—Ред.

вичъ здоровъ—и что онъ также намѣренъ написать что-нибудь подходящее къ прежнему его роду.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку. Искренно преданный вамъ.

314.

Пыпину, А. Н.—Парижъ, 4 февраля 1881.—Любезнѣйшій А. Н., вчерашнее ваше письмо застало меня опять въ постели, куда меня опять свалила подагра; но вы совершенно правы, предполагая, что все сказанное вами уже до вашего письма пришло мнѣ въ голову. Я сегодня же началъ статью о нашихъ двухъ великихъ утратахъ и къ 15 ч. вы непремѣнно будете имѣть ее.

Я сегодня же послалъ телеграмму М. М. Стасюлевичу, въ которой просилъ его регулировать плату Фукіэ (парижскому корреспонденту въ „Порядкѣ“); онъ платитъ 600 фр. въ мѣсяцъ, то пусть онъ эту сумму высылаетъ черезъ какого-либо здѣшняго банкира и увѣдомитъ объ этомъ Фукіэ; такъ какъ все это дѣло шло черезъ меня, то Ф. ко мнѣ и обратился.

Съ удовольствіемъ вижу, что вы помѣстили хорошій разсказъ Полонскаго въ февральской книжкѣ „В. Е“. Будьте такъ любезны, вышлите то, что сочтете слѣдующимъ ему гонораріемъ черезъ мои руки, такъ какъ онъ находится въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Кланяюсь всѣмъ хорошимъ знакомымъ и дружески жму вашу руку.

315.

Ему же.—Парижъ, 6 февраля 1881.—Любезнѣйшій А. Н., третьяго дня я вамъ писалъ о моемъ намѣ-

реніи послать въ „Вѣстникъ Европы“ статью по поводу кончины Достоевскаго и Писемскаго; а сегодня, не отмѣняя вполнѣ этого намѣренія, я все-таки считаю долгомъ предупредить васъ, чтобы вы имѣли на готовѣ статью, написанную кѣмъ-нибудь другимъ. Меня къ тому побуждаетъ нѣсколько исключительное положеніе, въ которомъ я нахожусь. Отъ меня ожидаютъ не литературныхъ воспоминаній о моихъ отношеніяхъ съ двумя покойными писателями, а оцѣнки ихъ... Но, во-первыхъ, это очень трудно, именно для меня, а во-вторыхъ, я боюсь, что публикѣ, при ея теперешнемъ настроеніи, неизбѣжно придетъ въ голову, что я опять ухватился за случай заявить о себѣ, о своемъ существованіи и т. д... Прежніе мои некрологи были посвящены лицамъ, о которыхъ почти не кому было говорить другому; возбудить въ публикѣ ту мысль, о которой я сейчасъ упомянулъ, они не могли. Кажется, лучше всего подождать, и сообщить черезъ нѣсколько времени свои воспоминанія, сказать кстати два слова объ этихъ двухъ столь значительныхъ и столь различныхъ личностяхъ.

Если я черезъ недѣлю ничего не вышлю, значитъ я отложилъ статью до осени.

Деньги, высланныя за повѣсть П—го, я получилъ и немедленно ему выдалъ. А вамъ пришлю его росписку.

Скажите также Михаилу Матвѣевичу, что, не дожидаясь его распоряженія, я выдалъ 600 фр.. г. Фукіэ за первый мѣсяцъ его корреспондентства; но что я убѣдительно его прошу устроить это впредь правильнымъ манеромъ.

За М. М. Стасюлевичемъ числится теперь: a) 600 фр. Фукіэ; b) 200 выданныхъ лжеутопленнику, и c) неизвѣстный мнѣ гонорарій за „Старые портреты“. Изъ этихъ денегъ я просилъ его выдать 50 р. на подписку въ пользу голодающихъ Самарцевъ, а теперь прибавлю еще

просьбу: вписать меня на 50 р. на памятникъ Достоевскому.

Будьте такъ добры, передайте все это любезнѣйшему М. М. и скажите ему также, что я все-таки не получилъ ни отдѣльныхъ оттисковъ „Старыхъ портретовъ“, ни экземпляровъ „Порядка“.

Пишу вамъ все это въ постели, гдѣ я еще, вѣроятно, проваляюсь нѣсколько дней, хотя мнѣ лучше и боли миновали.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

316.

П—скому [1]).—Парижъ, 8 февраля, 1881 г.—Любезный П., очень мнѣ было пріятно увидать вашъ почеркъ и узнать отъ васъ лично, какъ ваши дѣла и пр. Я хотя здѣсь и слышалъ объ васъ отъ вашего брата, котораго видаю часто, но все-таки такъ вѣрнѣе. Радуюсь тому, что вы подвигаетесь впередъ по избранной вами

---

[1]) Нынѣ директоръ агрономической школы, въ Аргентинѣ, обязанный ходатайству И. С. своимъ образованіемъ, какъ то объяснено въ „Русск. Кур.“, 1884, № 224, гдѣ появился и текстъ письма: „Юноша этотъ очутился заграницей 18-ти лѣтъ отъ роду, безъ всякихъ бумагъ и, само собою разумѣется, безъ всякихъ средствъ къ существованію. При такихъ условіяхъ ему захотѣлось поступить въ земледѣльческій институтъ въ Монпелье. Начальство института, убѣжденное въ его добрыхъ намѣреніяхъ, приняло его въ число студентовъ (послѣ вступительнаго испытанія). Но тутъ встрѣтилось весьма важное затрудненіе: каждый студентъ, желающій по окончаніи курса во французскомъ учебномъ заведеніи получить аттестатъ, обязанъ при вступленіи представить метрическое свидѣтельство. Такъ-какъ у юноши, о которомъ идетъ рѣчь, его не было, то, чтобы не терять времени, директоръ института предложилъ ему „представить удостовѣреніе отъ Тургенева, что П—скій родился тогда-то и тамъ-то, и поручиться въ тоже время. И. С. немедленно исполнилъ просьбу юноши и далъ ему такимъ образомъ „возможность кончить курсъ. Передъ выходомъ изъ института П—скій обратился къ И. С. съ просьбой доставить ему возможность возвратиться на родину въ Россію“. Отвѣтъ И. С. заключается въ настоящемъ письмѣ.—Ред.

дорогѣ и не бѣдствуете, — что же касается до вашей просьбы, то не взыщите: исполнить ее невозможно. Я бы взялся доставить вамъ паспортъ, но съ однимъ условіемъ—на первое время остаться въ Россіи. И это будетъ сдѣлано осенью, когда вы пожелаете вернуться. Но просить Л. Меликова о паспортѣ, съ тѣмъ, чтобы вы сейчасъ опять уѣхали—немыслимо, и можетъ только повредить дѣлу. И потому—кончайте спокойно вашъ курсъ наукъ въ Montpellier, и потомъ, снабдившись всѣми возможными познаніями, возвращайтесь на родину, гдѣ вы можете примѣнить ихъ съ пользою для себя и для другихъ. Терпѣли больше, — теперь уже недолго остается.

Я остаюсь здѣсь до конца апрѣля, а тамъ отправлюсь въ Россію до осени. Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

317.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 15 февраля 1881 г.—Любезный другъ Я. П., мой управляющій сказалъ сущую правду: я велѣлъ отдѣлать за-ново свой домъ въ деревнѣ—во 1-хъ, потому, что въ немъ нельзя было уже жить—а во 2-хъ, потому, что я намѣренъ былъ пригласить тебя вмѣстѣ съ семействомъ твоимъ провести тамъ лѣто, такъ какъ помѣщенія у меня за глаза! И нынѣ повторяю я это приглашеніе: если ты не можешь по службѣ отлучиться— то пусть твоя жена съ дѣтьми пріѣдетъ; воздухъ тамъ отличный, садъ огромный, сообщеніе самое удобное! Впрочемъ, мы обо всемъ этомъ переговоримъ въ Петербургѣ—но уже отнынѣ я считаю тебя и твоихъ своими гостями.

А пріѣду я въ Петербургъ между 5 (17) и 10 (22) апрѣля—и это навѣрное, потому что удерживаетъ меня здѣсь одно только обстоятельство — а именно: свадьба

моей милой Маріанны (дочери г-жи Віардо) съ не менѣе милымъ компонистомъ и піанистомъ *Дювернуа* — и это радостное событіе совершится около 3 (15-го) апр.— Давши имъ мое старческое благословеніе—я тотчасъ пущусь въ дорогу. Въ Петербургѣ я пробуду недѣли три, четыре, и къ Николину дню—*9-го мая*—полагаю быть въ деревнѣ. Вмѣстѣ мы всѣ тогда и отправимся: отлично будетъ.

Статью Васильева я получилъ. Письмо Верещагина отправилъ по здѣшнему его адрессу: онъ живетъ въ Maisons Laffitte, около Парижа, но такъ какъ онъ очень тщательно прячется, то, Господь вѣдаетъ, дойдетъ ли это письмо до него.

Итакъ — до свиданья. Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

318.

Урусову, кн. А. И.—Парижъ, 25 марта, 1881 г.— Любезнѣйшій князь, увѣдомляю васъ, что присланное вами письмо о бюстѣ Вольтера отправлено по назначенію къ г. Денуартерру, коего адрессъ—Paris, rue de Lancry, 17. Я ему также сообщилъ вашъ адрессъ [1]).

Бюстъ Пигаля хотя извѣстенъ, но экземпляровъ его, дѣйствительно, очень мало.

Я выѣзжаю отсюда черезъ недѣлю, останусь въ Петербургѣ около мѣсяца и, конечно, увижу васъ. А до тѣхъ поръ, дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о принадлежащемъ кн. А. И. Урусову, бронзовомъ бюстѣ Вольтера, работы Пигалля 1770 г., *не* помѣщенномъ въ „Iconographie Voltairienne“ Гюстава Денуартерра.—Кн. А. У.

319.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 30 марта, 1881 г.—Любезнѣйшій другъ Я. П., спасибо за письмо, написанное на другой день катастрофы: это историческій документъ!—Сегодня ограничусь только тѣмъ, что извѣщу тебя о состоявшейся вполнѣ благополучно свадьбѣ моей милой Маріанны—а также о томъ, что, по причинѣ разныхъ встрѣтившихся дѣлъ, я выѣзжаю отсюда ровно черезъ недѣлю—но уже никакъ не позже. Очень буду радъ тебя видѣть—а тамъ мы всѣ вмѣстѣ махнемъ въ деревню! Крѣпко жму твою руку, кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь преданный тебѣ.

---

320 [1]).

В., г-ну. — Парижъ, 27 мая, 1881 г. — М. г., нашимъ отношеніямъ суждено быть страннымп. Я написалъ вамъ вчера письмо со вложенной карточкой, но ошибся кувертомъ—и оно попало къ г-ну Максиму Дюкану, моему знакомому, а письмо къ Дюкану попало къ вамъ. Но какимъ манеромъ вы могли принять имя г-на Д. за ваше и просьбу о высылкѣ рецепта противу-ревматической мази за желаніе получить обратно мои письма—превосходитъ мое пониманіе. Съ чего бы я сталъ писать къ вамъ по-французски и называть васъ Дюканомъ?? И какъ вы будете слушать курсы медицины, если такъ слабы во французскомъ языкѣ??

Я сегодня-же послалъ къ Дюкану и узналъ, что онъ

[1]) Напечатано въ „Рус. Курьерѣ", 1884, № 224, съ объясненіемъ, что письмо было адрессовано къ одному изъ молодыхъ русскихъ, проживавшему въ Парижѣ и преслѣдовавшихъ И. С. просьбами о вспомоществованіи, иногда съ угрозами, несмотря на частую помощь со стороны И. С.; безцеремонность г-на В. вскорѣ объяснилась: онъ попалъ въ домъ душевнобольныхъ.—Ред.

на-дняхъ уѣхалъ въ Баденъ и что полученное имъ письмо (ваше) — отправлено туда за нимъ. Придется мнѣ повторить вамъ то, что я писалъ къ вамъ, насколько запомню.

Я говорилъ вамъ, что получилъ ваше длинное письмо; что не оскорбился выраженіями, которыми оно преисполнено, ибо видѣлъ въ нихъ желаніе объяснить вашъ образъ дѣйствія, что я никакой вины за собой передъ вами не чувствую и оскорбить васъ не имѣлъ никакого намѣренія (человѣкъ мой долженъ былъ взять съ васъ росписку для того, чтобы я зналъ, что эти деньги онъ не положилъ себѣ въ карманъ); — что еслибъ вы меня лучше знали, то не вздумали-бы упрекнуть меня въ желаніи заставить васъ „вилять хвостомъ“, что, впрочемъ, я совершенно равнодушенъ къ вашему мнѣнію обо мнѣ. Я прибавилъ, что у меня тоже есть своего рода гордость не хуже вашей; что я на вашемъ мѣстѣ не рѣшился-бы и просить быть своимъ *répondant* человѣка, котораго считаю способнымъ (говоря вашимъ изящнымъ языкомъ) на „*свинство*“.

Я старался сдѣлать для васъ что могъ, не моя вина — если это не удалось мнѣ. Исполнивъ свою обязанность, я даже позабылъ, существуете-ли вы на свѣтѣ и ругаетесь-ли или нѣтъ.

За симъ посылалъ я вамъ желаемую вами карточку и теперь посылаю вмѣстѣ съ моими письмами, которыя можете бросить, какъ я бросилъ ваши.

PS. Дюканъ, вѣроятно, возвратитъ мнѣ письмо (онъ не приметъ себя за В.) и я тогда доставлю вамъ его въ видѣ документа и подтвержденія сказаннаго выше.

ВЪ РОССІИ.

Изъ Спасскаго:

321.

Толстому, гр. Л. Н.—Спасское, 21 іюня 1881.—Любезнѣйшій Л. Н. Надѣюсь, что вы благополучно совершили ваше паломничество, и разсчитываю на исполненіе вашего обѣщанія навѣстить меня. Я недѣлю тому назадъ вернулся изъ Москвы, домъ приведенъ въ порядокъ—и я теперь никуда съ мѣста не тронусь. Не забудьте привезти ваши сочиненія.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вашу руку.

---

322 [1]).

Соркину, І. Н.—Спасское, 1 іюля 1881.—Милостивый государь, Іосифъ Николаевичъ! Прошу у васъ извиненія въ томъ, что такъ долго не отвѣчаю вамъ. Отчасти причиной моего молчанія было то, что я не могъ вамъ сказать ничего новаго. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ, повидимому, во время нашего свиданія, убѣдить васъ, что лично я ничего не могу сдѣлать въ этомъ дѣлѣ. Статья г. Кавелина не была, какъ вамъ извѣстно, *письмомъ* ко мнѣ: мнѣ, стало-быть, не приходилось отвѣчать, да и сама статья прошла совершенно безслѣдно и не имѣла значенія. Какъ беллетристъ, я, весьма вѣроятно, воспроизведу этотъ вопросъ въ отдѣльномъ произведеніи; какъ публицистъ, я не имѣю никакого значенія и мое появленіе не только бы не принесло никакой пользы, но

[1]) Напечатано въ газетѣ „Гамеринцъ“ 1883 г, и перепечатано въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

возбудило бы одно недоумѣніе, пожалуй даже насмѣшку. Люди всѣхъ партій увидѣли бы въ этомъ одно притязаніе, одно неумѣстное желаніе навязать свое имя — или даже непростительное самомнѣніе. Я бы, пожалуй, готовъ и на это, но убѣжденіе, что я могу тѣмъ нѣсколько повредить вашему правому дѣлу, удержало меня.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи, и пр.

323.

Толстому Л. Н.—Спасское, 4 іюля 1881.—Любезнѣйшій Л. Н., вчера получилъ ваше письмо и очень порадовался вашему близкому посѣщенію — а также и тому, что вы говорите о вашемъ чувствѣ ко мнѣ. Оно потому и хорошо, что общее, т.-е. одинаковое и въ васъ, и во мнѣ. Надѣюсь, что поѣздка графини будетъ удачная— и что здоровье ваше скоро возстановится. Извѣстите меня о днѣ и часѣ вашего прибытія въ Мценскъ, чтобы выслать лошадей, и не забудьте привезти съ собою обѣщанныя сочиненія. Жму вашу руку.

324.

Толстой, графинѣ С. А. (урожд. Бёрсъ). — Спасское, 26 іюля 1881.—Любезнѣйшая графиня. Я получилъ сочиненія Льва Николаевича, который онъ мнѣ прислалъ, и теперь съ особеннымъ вниманіемъ перечитываю „Анну Каренину“. Я выѣзжаю отсюда 15 авг. и очень желалъ бы знать, вернется ли къ тому времени Л. Н. изъ Самары. Я бы тогда непремѣнно заѣхалъ въ Ясную Поляну.

Надѣюсь, что вы всѣ живы и здоровы и дружески жму вамъ руку.

325.

Языкову М. А. [1]).—Спасское, 10 августа 1881.—Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, получилъ я ваше письмецо и вмѣстѣ съ нимъ охотничій разсказъ г-на Бунина, который я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ [2]). Описаніе того далекаго края и людей весьма живо и характерно, и не одинъ во мнѣ охотникъ, но и литераторъ остался вполнѣ доволенъ. Поблагодарите г-на Бунина за его любезность отъ моего имени. и такъ какъ онъ, вѣроятно, не ограничится однимъ этимъ разсказомъ, то скажите ему, чтобы онъ и впредь меня не забывалъ.

Очень мнѣ было пріятно получить вѣсточку и о васъ. Ваше имя напоминаетъ мнѣ то уже далекое, но хорошее время, когда еще нашъ кружокъ не распался, время молодости, дѣятельности... Каждая встрѣча съ вами, на яву-ли, на бумагѣ-ли—будитъ во мнѣ пріятныя, хотя и немного грустныя мысли.

Я остаюсь здѣсь еще дней съ 10, а тамъ черезъ Москву и Петербургъ въ Парижъ. Полонскій уѣхалъ сегодня — его семейство остается еще здѣсь нѣкоторое время.

Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ.

---

[1]) М. А. Языковъ, управляющій акцизными сборами въ Новгородѣ, пріятель Бѣлинскаго, Панаева, Грановскаго, В. Боткина. Тургеневъ упоминаетъ о немъ въ неизданной поэмѣ *Поп*ъ (1844 г.):

„Читатели найдутся. Не безплодной,
„Не суетной работой занятъ я,—
„Меня прочтетъ Панаевъ благородный
„И Веверовъ почтенная семья,
„Бѣлинскій посвятитъ мнѣ часъ свободный,
„И Комаровъ понюхаетъ меня...
„Языковъ самъ, столь важный, столь пріятный,
„Меня почтетъ улыбкой благодатной".

[2]) Разсказъ Бунина подъ названіемъ „*Старый знакомый*" (изъ разсказовъ „Охотника - переселенца"). напечатанъ въ мартовской книжкѣ журнала „Природа и Охота" за 1881 г., № 3-й.

ЗА-ГРАНИЦЕЮ.

Изъ Буживаля:

326.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 6 сентября 1881.—Любезный Я. П., я пріѣхалъ сюда въ прошлый вторникъ, а пишу только теперь, не смотря на обѣщаніе. Что дѣлать? Лѣнь, усталость, множество впечатлѣній и т. д. Ты извинишь великодушно. Посылаю тебѣ при семъ два письма: одно—къ Полякову, другое—къ Коршу: будь такъ добръ и доставь ихъ. Полагаю, что въ эту минуту уже все твое семейство собралось въ полномъ составѣ—всѣ вы здоровы и бодры — и ты лихо работаешь. Что касается до меня, то я совершенно здоровъ, но за работу не принялся. Погода здѣсь чудесная—и вообще все здѣсь въ порядкѣ.

Картины твои я отдалъ „окадрить“ или „орáмить“ и на дняхъ онѣ будутъ красоваться на моихъ стѣнахъ.

Салтыковъ здѣсь—и Арапетовъ, и Бо...бо...боборыкинъ.

Напомни Ж. А—ѣ, что она обѣщалась прислать мнѣ свою карточку. Твою я имѣю—имѣю также дѣтей твоихъ—а ея нѣтъ.

Кланяюсь ей, обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ и остаюсь преданный тебѣ.

PS. Всѣ банки варенья прибыли въ цѣлости и пожираются съ восхищеніемъ и благодарностью, которую прошу перенести по адрессу Ж. А—ѣ.

327.

Ему же.—Буживаль, 23 сентября 1881.—Милый другъ Я. П., изъ письма, которое я сегодня пишу Ж.

А—ѣ, ты узнаешь, какая вышла исторія съ ея письмомъ. Но теперь все уладилось.

Чудакъ ты, съ своимъ ощущеніемъ *собственной* тяжести! Да я ужъ лѣтъ 30 какъ знакомъ съ этимъ ощущеніемъ—и это только доказываетъ, какъ ты былъ молодъ до сихъ поръ!

Твои картины всѣ обрамлены и висятъ у меня передъ глазами въ эту минуту—и очень мнѣ пріятно смотрѣть на нихъ. Здѣшнимъ знатокамъ больше всего нравится именно тотъ эскизъ, который и мнѣ пришелся по вкусу.

Былъ у Похитонова, но не засталъ его: онъ пропадаетъ гдѣ-то въ деревнѣ—и адресса своего не оставилъ. По слухамъ, много пишетъ.

Книгу твою доставилъ я Рольстону. Онъ очень благодаритъ и проситъ у меня, во-1-хъ, твоего адресса, чтобы написать тебѣ лично, а во-2-хъ, всякихъ свѣденій о твоей дѣятельности — онъ хочетъ тиснуть о тебѣ статейку въ Athenaeum или Academy. Все это будетъ ему доставлено.

Погода у насъ продолжаетъ быть отличной—только очень холодно. Я продолжаю ничего не дѣлать, а впрочемъ, ничего! Обнимаю тебя.

PS. Анненкова я не видѣлъ—въ Баденъ не заѣзжалъ—но увижу въ концѣ мѣсяца.

328.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 23 сентября 1881.—Любезнѣйшая Жозефина Антоновна, вчера я получилъ письмо отъ Якова Петровича, изъ котораго я узналъ, что вы мнѣ написали большое письмо, и удивляетесь, что не получаете отвѣта; я навелъ справки—и дѣйстви-

тельно: оказалось, что ваше письмо отъ 2 сент. изъ Петербурга застряло у моей глупѣйшей привратницы въ Парижѣ! Извиняюсь въ невольной винѣ и отвѣчаю по пунктамъ.

Начну съ того, что подтверждаю сдѣланное мною вамъ обѣщаніе, и отправляясь въ Петербургъ (что будетъ, вѣроятно, въ концѣ февраля), повезу съ собою разныя бумаги и письма, которыя оставлю вамъ, иныя—для храненія, другія—для уничтоженія послѣ моей смерти, которая, однако, не смотря на предчувствія—не явилась за мною въ ночь съ 1 на 2 окт. На это вы можете съ увѣренностью разсчитывать.

Фотографію я вашу получилъ и благодарю; но ожидаю лучшей карточки, выраженіе этой какое-то неестественное—и одинъ глазъ совсѣмъ не удался; все же мнѣ было пріятно ее получить.

Топоровъ мнѣ пишетъ, что вашъ горельефъ моей головы вышелъ необыкновенно похожъ; поэтому мнѣ не придется посылать вамъ мою фотографію съ затылка; но профиль пришлю непремѣнно.

Передайте прилагаемыя письма Я. П—чу и Наташѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ сюда я здоровъ — такъ же какъ въ Спасскомъ; но работа подвигается слабо. Однако я, съ помощью г-жи Віардо, перевелъ почти „Пѣснь торжествующей любви“, которая появится здѣсь въ „Revue Nouvelle“, въ одинъ день съ ноябрской книжкой „Вѣстника Европы“; Стасюлевичъ принялъ мою легонькую чепуху.

Желалъ бы я очень знать, устроились ли вы окончательно у себя на квартирѣ? И все-таки не думаю, чтобы вамъ было лучше и удобнѣе тамъ, чѣмъ въ Спасскомъ. Наша спасская жизнь вмѣстѣ является мнѣ какимъ-то пріятнѣйшимъ сномъ... Надо будетъ возобновить его въ будущемъ году.

Поцѣлуйте за меня всѣхъ вашихъ дѣтокъ (не забывая „Всезнайку“) и позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку. Будьте здоровы, веселы и бодры!

329.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 20 октября 1881.—Милый Я. П., я уже взялъ перо въ руки, чтобы писать тебѣ—когда твое письмо явилось.—Разскажу тебѣ въ краткихъ словахъ, что со мной произошло въ эти послѣднія три недѣли.—Ѣздилъ я въ Англію—какъ разъ проскочилъ черезъ море послѣ ужасной бури—охотился отлично—т.-е. видѣлъ множество дичи, но стрѣлялъ скверно́йше!—Видно, и это бросить надо.—На возвратномъ пути нашъ общій другъ Рольстонъ импровизировалъ для меня обѣдъ—частью изъ симпатіи ко мнѣ,—а частью (и *большей* частью, какъ онъ мнѣ въ томъ самъ сознался)—чтобы сдѣлаться въ глазахъ англійской публики главнымъ репрезентантомъ и авторитетомъ по части русскихъ дѣлъ, литературы и пр. — Это ему удалось—были разные тузы между писателями, журналистами—все было очень оживлено. Я произнесъ—разумѣется, путаясь и запкаясь, маленькій спичъ—и всѣ эти господа, изъ которыхъ едва ли два-три человѣка прочли какую-нибудь мою вещь,—пили мое здоровье... Очень былъ я радъ, когда все это кончилось. — Рольстонъ хочетъ даже затѣвать большой *банкетъ* (!!?) — но я скорѣе самъ себѣ носъ отрѣжу, чѣмъ соглашусь на такую чепуху! Съ какой стати *мнѣ* банкетъ въ Англіи! Ужъ и такъ, чай, въ Петербургѣ думаютъ, что я всякія употребилъ интриги, чтобы добиться этого обѣда — заплатилъ за него и т. д. Господь съ ними!—Вотъ ужъ точно: „игра не стоитъ свѣчей“.

Теперь я сижу въ Буживалѣ; на дняхъ всѣ мои до-

машніе уѣзжаютъ въ Парижъ, а я еще остаюсь здѣсь дней десять: попытаюсь поработать.

Очень мнѣ жаль Золотарева; и тебя по этому случаю жаль. Можно ли было въ его лѣта баловаться съ азіатскимъ климатомъ!—Что же касается до гадости, совершенной надъ тобою г. Ав .....ъ—гадость дѣйствительно замѣчательная!—то надо постараться смыть это съ своей памяти, какъ плевокъ, попавшій на твое платье.

Кладищева встрѣчу особеннымъ привѣтомъ, такъ какъ онъ явится ко мнѣ отъ тебя.

Прилагаю письмецо къ Жозефинѣ Антоновнѣ.—Будь здоровъ и бодръ, обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

---

330 [1]).

Полякову, С. С.—Буживаль (?) осенью 1881.—Многоуважаемый Самуилъ Соломоновичъ! Податель настоящаго письма молодой русскій еврей, по имени П-скій, на котораго позволяю себѣ обратить ваше благосклонное вниманіе. Желая себя посвятить научному изученію агрономіи, онъ провелъ около трехъ лѣтъ въ извѣстной агрономической школѣ въ Монпелье, откуда вышелъ съ блестящимъ аттестатомъ и наилучшими рекомендаціями. Нынѣ онъ доканчиваетъ свое образованіе въ здѣшнемъ

[1]) Письмо напечатано въ „Рус. Кур.“ 1884, № 224, и имѣетъ предметомъ заботы объ устройствѣ судьбы П-скаго; см. выше № 316, письмо И. С. къ П-скому, разъясняющее содержаніе настоящаго письма. Сообщившій съ него копію замѣчаетъ при этомъ, что П. С. былъ большой мастеръ на сочиненія всякихъ рекомендательныхъ и просительныхъ писемъ (конечно, для другихъ), надъ которыми самъ-же первый смѣялся отъ души (какъ онъ посмѣялся и надъ этимъ письмомъ), не безъ примѣси нѣкоторой авторской гордости. „Однако, это ужъ черезъ чуръ просительно!“ замѣтилъ я однажды, прочитавъ, по его предложенію, его письмо къ одной *персонѣ* по поводу другого молодого человѣка. „Нѣтъ, иначе нельзя, отвѣтилъ И. С., улыбаясь, вѣдь простой человѣческой рѣчью такую с... не проймешь!“

агрономическомъ институтѣ и своимъ прилежаніемъ, успѣхами и поведеніемъ внушилъ такое участіе уважаемому директору этого института, г-ну Рислеру, что этотъ почтенный ученый лично посѣтилъ меня, чтобы поговорить со мною о П.—и, зная недостаточность его средствъ, объявилъ мнѣ, что готовъ назначить ему пенсію въ 50 франк. помѣсячно изъ собственнаго кармана. Рѣдкая черта во французскомъ администраторѣ, сильно говорящая въ пользу П-скаго, особенно когда вспомнить, что онъ все-таки иностранецъ въ глазахъ француза! Но этой суммы, очевидно, недостаточно для прожитія. Вотъ я и вспомнилъ о васъ, многоуважаемый Самуилъ Соломоновичъ! Всей Россіи извѣстна ваша великодушная готовность помочь дѣлу просвѣщенія и науки, такъ-же, какъ и ваши поистинѣ безпримѣрныя пожертвованія! Быть можетъ, вы найдете возможнымъ удѣлить небольшое вспомоществованіе и нашему молодому соотечественнику, а я ручаюсь вамъ, что онъ вполнѣ этого заслуживаетъ и сторицею это воздастъ тою пользою, которую онъ со временемъ принесетъ своей родинѣ внесеніемъ научныхъ пріемовъ и усовершенствованій, или на профессорской каѳедрѣ. Онъ будетъ очень счастливъ, если вы его удостоите краткаго свиданія.

Заранѣе извиняюсь въ причиняемомъ вамъ безпокойствѣ, на которое я рѣшился только вслѣдствіе увѣренности въ вашемъ добромъ сердцѣ. Прошу принять увѣреніе въ истинныхъ чувствахъ уваженія и преданности, съ которою остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга.

Изъ Парижа.

331.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 8 ноября 1881.—Милый Я. П., я только третьяго дня окончательно пе-

ребрался сюда изъ Буживаля—и вотъ, устроившись на своей квартирѣ, первымъ дѣломъ пишу къ тебѣ.

Дѣло о рисункахъ къ „Кузнечику“ можно здѣсь устроить: я берусь найти тебѣ здѣсь эффектнаго рисовальщика, который выполнитъ свою задачу блистательно. Но для этого нужно—во 1-хъ, знать размѣръ и количество рисунковъ.—Пусть г-нъ Алавертъ немедленно вышлетъ листъ формата и число рисунковъ.—Во 2-хъ, пусть онъ вышлетъ, по твоему указанію, тѣ *мѣста*, къ которымъ нужны рисунки; а я ихъ здѣсь переведу.—Въ 3-хъ, пусть онъ скажетъ—нужны ли рисунки къ *обертк*ѣ,—къ заглавіямъ и къ концамъ каждой главы—и такъ называемые culs de lampe, можетъ быть, онъ захочетъ имѣть *кайму* около каждой страницы, словомъ, пусть онъ опредѣлитъ всѣ данныя,—а имѣя ихъ въ рукахъ, я тотчасъ приступлю къ дѣлу.

Я такъ долго оставался въ деревнѣ потому, что имѣлъ намѣреніе окончить другой этюдецъ въ родѣ „старыхъ портретовъ“—это мнѣ и удалось.—Я его перешлю въ Петербургъ—и онъ явится въ фельетонѣ „Порядка“.

Сколько мнѣ извѣстно, мою итальянскую легенду бранятъ меньше, чѣмъ я могъ ожидать.—Тѣмъ лучше.

Сейчасъ получилъ я отъ Жозефины Антоновны ея фотографію и письмо. Передай ей пожалуйста прилагаемое письмецо.

Очень сожалѣю я о нездоровьѣ Бори—и радуюсь, что ему лучше. Лѣтомъ въ Спасскомъ онъ опять будетъ молодцомъ, ибо это вѣдь рѣшеное дѣло, что вы всѣ опять будете гостить у меня.

Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.

332.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 9 ноября 1881 г.—Милая Ж. А. великое, вамъ спасибо за фотографію и за письмо.—Фотографія не совсѣмъ, правда, удовлетворительна—вы на дѣлѣ, говоря безъ всякихъ комплиментовъ, гораздо красивѣе;—но все-таки она много лучше прежней; только зачѣмъ фотографъ подпустилъ вамъ розовой краски въ щеки, подъ предлогомъ тѣлеснаго цвѣта?—Если возможно, пришлите мнѣ другой экземпляръ, безъ тѣлеснаго цвѣта.

Что это съ Борей сдѣлалось—и откуда къ нему привязалась лихорадка? Воображаю, какъ вы безпокоились!—Спасское все это окончательно поправитъ.—Цѣлую его, и Алю и Наташу... Наташѣ скажите, что я буду въ большой претензіи, если, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не услышу отъ нея хорошо сыгранной сонаты!

А до этого пріѣзда осталось не много менѣе четырехъ мѣсяцевъ... такъ что времени терять нечего.—Разрѣшеніе отъ бремени Маріанны ожидается къ концу февраля; и я уѣду двѣ недѣли спустя, какъ только всякая опасность минуетъ.

Я теперь устроился въ своемъ кабинетѣ довольно удобно и намѣренъ работать. Сперва кончу второй отрывокъ изъ „Воспоминаній своихъ и чужихъ“ (подъ заглавіемъ: „Отчаянный“), или правильнѣе—перепишу его, ибо онъ уже конченъ, а потомъ примусь за другую, небольшую, но, по содержанію, драматическую вещь, которая вертится у меня въ головѣ.—О романѣ еще не думаю, хотя о немъ уже пропечатали въ нѣсколькихъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ.

Неужели изъ стараго, засохшаго дерева пойдутъ новые листья и даже вѣтки? Посмотримъ.

Здоровье мое недурно: подагра, пока, молчитъ.

Крѣпко жму вашу руку и остаюсь навсегда душевно вамъ преданный.

333.

Ей же.—Парижъ, 24 ноября 1881 г.—Милая Ж. А., получилъ я два письма отъ Якова Петровича—одно по почтѣ — а другое черезъ Кладищева—а отвѣчаю вамъ: да вы ему письмо покажете. — Что это, право, вы все болѣете?—Это ни на что не похоже.—И Боря тоже—и Аля и Наташа... Даже досадно становится: самъ здоровъ какъ рыба—а друзья болѣютъ.—Веспой-то, я надѣюсь, мы всѣ поправимся; но хоть до того-то времени постарайтесь дотянуть въ исправности!

Кладищевъ не засталъ меня дома и, оставивъ письмо, уѣхалъ въ Ниццу. Но на возвратномъ пути обѣщалъ завернуть.—Буду ждать подробныхъ инструкцій о „Кузнечикѣ“. Отъ Григоровича письма не получилъ; но, зная его дружеское расположеніе ко мнѣ, благодарю его за то, что онъ защищалъ меня отъ нападеній глухого тетерева—Стасова. Неожиданная судьба моей италіянской новеллы! Въ Россіи ее не только не ругаютъ, но даже хвалятъ—а во Франціи меня пресерьезно увѣряютъ, что я ничего лучшаго не написалъ—въ Германіи уже два перевода появились и т. д. Вотъ ужъ точно можно сказать съ Соллогубомъ: „Благодарю, не ожидалъ!“—Второй мой очеркъ изъ „Воспоминаній своихъ и чужихъ“ (заглавіе: „Отчаянный“) переписанъ и отправляется завтра въ Петербургъ для январской книжки „Вѣстника Европы“.—Кто знаетъ—можетъ быть, судьба этого очерка будетъ противоположна судьбѣ „Пѣсни“.

Скажите Якову Петровичу, что Похитоновъ, которымъ онъ интересуется, все еще не вернулся изъ Россіи.

Итакъ, вы видѣлись, наконецъ, съ С.?—Я начинаю

думать, что она точно вышла за-мужъ за В.—но не рѣшается пока сознаться въ этомъ. — Вы, я полагаю, по причинѣ вашего нездоровья, не были въ театрѣ и потому не можете мнѣ сказать, имѣла ли Савина новую хорошую роль. — Судя по отзывамъ журналовъ — нѣтъ.

Не могу вамъ сказать, какъ меня сердятъ всѣ совершаемыя безумства по поводу Сарры Бернаръ, этой наглой и исковерканной пуффистки, этой бездарности, у которой только и есть, что прелестный голосъ.—Неужели же ей никто въ печати не скажетъ правды?

Мнѣ Гаршинъ пишетъ, что онъ часто васъ видитъ... Я и отъ его брата, Всеволода, получилъ письмо — и отвѣчу ему.

Прощайте, и смотрите, будьте здоровы! Цѣлую вашихъ дѣтокъ, обнимаю Я. П.—и васъ, если позволите.

334.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 9 декабря 1881 г.—Милый Я. П., что же ты замолкъ на счетъ „Кузнечика“? — Если твой издатель не перемѣнилъ мнѣнія, то надо бы теперь дѣлать заказы и собирать справки.

Твое мнѣніе на счетъ помѣщенія моего новаго разсказа въ „Вѣстникѣ Европы“—совершенно справедливо—и оно такъ и будетъ сдѣлано: онъ появится въ 1-мъ (январскомъ) номерѣ. — Это — студія, въ родѣ „Старыхъ портретовъ“.

Изъ письма Топорова я узналъ, что Боря твой все еще не совсѣмъ поправился... это все ваша ужасная петербургская погода виновата.

Я тоже еще недавно хвастался здоровьемъ, а теперь какая-то гадость со мною сдѣлалась—по всему тѣлу пошли

какія-то красныя крупныя пятна—и ночью чешутся до безумія! Докторъ объявилъ, что это у меня — Eczèma goutteux—и леченіе состоитъ въ постоянномъ голоданіи... *Все* запрещено, кромѣ хлѣба, цыпленка и постнаго супа... Вотъ тутъ и дѣйствуй!

Всѣ мои, слава Богу, благоденствуютъ—Маріаннинъ срокъ приближается—но она здорова и бодра.

Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ — и Жозефину Антоновну, если она позволитъ.

335.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 16 декабря 1881.—Любезнѣйшій другъ Д. В.,—съ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо: всякая вѣсточка о васъ и отъ васъ мнѣ пріятна.—Въ вашихъ хлопотахъ о Т. узнаю ваше доброе сердце и постоянную готовность услужить.—Дай Богъ, чтобы онѣ увѣнчались успѣхомъ!—И для Т. хорошо, и для Т. Д. выгодно—ибо человѣкъ онъ честный и дѣльный.—Радуюсь также, что вамъ моя италіянская бездѣлка [1]) понравилась. — Она писана только для такихъ любителей какъ вы.—А что Стасовъ ее ругаетъ—это такъ же естестественно какъ и то, что онъ брызжетъ пѣной восторга передъ Саррой Бернаръ. Думая о ней, я невольно вспоминаю жабу.—Далъ же Господь и той, и другой, очаровательный, поэтическій голосъ!—Видно, Петербургу нечего дѣлать, что онъ такъ бѣснуется по ней! Оказывается, что изо всѣхъ тамошнихъ критиковъ — самое трезвое и справедливое воззрѣніе на эту барыню имѣетъ... Суворинъ.

Я вижу изъ вашего письма, что вы очень заняты—

[1]) „Пѣснь торжествующей любви“.

и полагаю, что вы здоровы;—я тоже здоровъ—но занятъ мало, хотя на дняхъ отправилъ въ „Вѣстникъ Европы“ второй (маленькій) отрывокъ изъ „Воспоминаній своихъ и чужихъ“. Типъ въ немъ выведенъ, конечно, вамъ знакомый, можетъ быть, даже лично вамъ извѣстный. — За большую работу все еще не могу приняться; — откладываю это до деревни, куда надѣюсь прибыть въ апрѣлѣ— и гдѣ, надѣюсь, будутъ снова жить милые Полонскіе.— Можетъ быть, и вы завернете.—Что еще не рѣшено, когда именно открывается московская выставка? Отъ Савиной я получилъ письмо изъ Рима; она жалуется на нездоровье; однако, къ бенефису своему вернется. — Правда ли, что вы поступаете въ театральный комитетъ? А какъ же М?—Я никогда не видалъ М., — не имѣю о немъ никакого понятія — но одно имя его внушаетъ мнѣ нѣкій суевѣрный страхъ... Что-то неотразимое, строгое и безапелляціонное связано въ моемъ воображеніи съ именемъ: М.! Мнѣ онъ представляется высокимъ, сухимъ человѣкомъ, съ лицомъ, похожимъ на лицо Гизо— которому на вопросъ: „кто вы? и какія ваши заслуги?“ стоитъ только отвѣчать: —я М.! —и всѣ двери передъ нимъ настежъ!—и неужели вы низвергнете этого колосса?!— Удивляюсь и благоговѣю!

Здѣсь, на дняхъ, Верещагинъ поколотилъ редактора „Gaulois“, — въ залахъ котораго были выставлены новыя (весьма замѣчательныя) картины нашего бурнаго живописца.—Этотъ редакторъ M-r de Cyon (по нашему Ціонъ, одесскій еврей, бывшій профессоръ)—. . . . . ; но вамъ лучше всякаго другого извѣстно, какъ трудно „варить пиво“ съ Верещагинымъ. — Выставку картинъ закрыли; а жаль—публики ходило много, и онѣ производили великое впечатлѣніе. — Впрочемъ, онѣ отправляются на выставку въ Берлинъ, гдѣ навѣрное будутъ имѣть столько же успѣха, какъ и въ Вѣнѣ.

До свиданія въ апрѣлѣ, любезнѣйшій Григоровичъ;—дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

336.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 20 декабря 1881.—Милая Ж. А., сегодня, въ день здѣшняго новаго года, пришло письмо Я. П.—и напомнило мнѣ, что я еще не отвѣчалъ на ваше, въ чемъ я колѣнопреклоненно передъ вами извиняюсь.—Спѣшу загладить свой проступокъ.—О дѣлахъ своихъ скажу вамъ, что они идутъ недурно—понемножку, да потихоньку; только вотъ, что *Eczèma goutteux* меня (по ночамъ особенно)—достаточно безпокоитъ;—но здѣшніе доктора, такъ же какъ братъ вашъ Рюльманъ утверждаютъ, что это даже вещь полезная... и я съ этимъ примиряюсь. Одно непріятно:—очень ужъ строга діэта... но и къ тому привыкнуть можно. Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, я написалъ второй отрывокъ изъ „Воспоминаній своихъ и чужихъ“—подъ заглавіемъ: „Отчаянный“; онъ явится въ 1-й книжкѣ „Вѣстника Европы“. Анненковъ остался имъ очень доволенъ, по слухамъ тоже Кавелинъ... Не знаю, что скажутъ прочіе... Буду надѣяться, что Стасовъ и его обругаетъ.—Вѣдь это лучшее ручательство, что вещь вышла недурная.—Кстати о немъ и о Саррѣ Бернаръ:—многое простится Суворину за то, что онъ отхлесталъ эту гнусную фразёрку и позёрку: онъ одинъ поддержалъ честь нашего критическаго пониманія—и не ударилъ въ грязь лицомъ передъ этой прогнившей парижскимъ шикомъ (pourrie de chic, какъ говорятъ здѣсь)—холодной кривлякой, которую природа, по непонятному капризу, одарила прелестнѣйшимъ голосомъ, отказавъ ей во всемъ остальномъ.

Я очень былъ радъ узнать, что Боря наконецъ, по-

правился; а Алины простуда, вѣроятно, давно уже прошла. А вотъ, что вы начали заниматься лѣпкой—это отлично!—Съ вашими—говоря народнымъ языкомъ—золотыми руками—вамъ это должно непремѣнно удасться.

Извинитесь, пожалуйста, отъ моего имени, передъ Гаршинымъ, что я ему до сихъ поръ не отвѣтилъ.—Я съ тѣхъ поръ получилъ письмо отъ его брата Всеволода—и на дняхъ непремѣнно отвѣчу имъ обоимъ.

Презамѣчательный психологическій фактъ—сообщенный вами—посмертная влюбленность... Изъ этого можно бы сдѣлать полуфантастическій разсказъ въ родѣ Эдгара По́.—Я, помнится, видѣлъ разъ эту Кадмину на сценѣ—(когда она была еще оперной пѣвицей; у ней было очень выразительное лицо).

Замѣчательно также ваше описаніе отношеній этой больной дѣвушки къ сосланному еврею. Какъ подумаешь: куда ни ступи, куда ни повернись—въ жизни драма... а есть еще господа писатели, которые жалуются, что сюжеты всѣ исчерпаны!

Я отъ Савиной получилъ письмо изъ Кіева. Повидимому она уѣхала туда, чтобы отдохнуть нѣсколько и поправиться здоровьемъ.—А, впрочемъ—кто ее разберетъ?

Скажите Я. П—у, что я ничего не понялъ изъ всего, что онъ сообщилъ мнѣ по поводу Топорова, моего управляющаго, его адвоката, Жикина, и графа Голенищева-Кутузова... да оно и не нужно!—Дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ—и въ концѣ концовъ Жикинъ останется непобѣдимымъ—что и требовалось доказать.

Скажите также Я. П—у, что мнѣ очень, очень хочется прочесть драму—о которой онъ мнѣ пишетъ... хотя я не совсѣмъ ясно представляю себѣ его, какъ драматическаго писателя!! Но все равно—пусть онъ мнѣ пришлетъ свою рукопись... Быть можетъ, она окажется превосходной.—Во всякомъ случаѣ я ему скажу правду.

Обнимаю его и всѣхъ вашихъ и цѣлую ваши руки.

PS. Еще рано поздравлять съ Новымъ годомъ... но все равно: поздравляю!!

337.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 29 декабря 1881.—Любезнѣйшій М. Е., сколько разъ я собирался написать вамъ... да вы знаете, какъ оно бываетъ съ нашимъ братомъ: сегодня да завтра—анъ смотришь, и мѣсяцъ прошелъ. Но вотъ и новый (русскій) годъ на носу... Надо же поздравить хорошаго человѣка и пожелать ему всякихъ благъ, что я и дѣлаю—тѣмъ охотнѣе, что послѣднее письмо ваше ужъ черезъ-чуръ было уныло.—Согласенъ съ вами, что въ наше время писательское ремесло стало на Руси чѣмъ-то почти позорнымъ; согласенъ и съ тѣмъ, что всякій Разуваевъ норовитъ надѣть на нашего брата намордникъ; а все-таки—нѣтъ, нѣтъ—и выдетъ новое письмо къ тетенькѣ—и радуемся, и руколещемъ.—Вотъ, что здоровье плохо—это худо.—Да и какъ ему не быть плохимъ: при той адской погодѣ, которою вы, говорятъ, наслаждаетесь, г-да петербуржцы?—Надо и тутъ терпѣнія—а весною на теплыя воды опять!

Я видѣлъ здѣсь г-жу В. У ней въ головѣ такое идетъ колыханіе мысли.—Точно лошадиный хвостъ, во время сильнаго вѣтра. Она проситъ меня узнать отъ васъ, помѣстите-ли вы ея послѣднія вещи—а если нельзя—такъ, чтобы вы ихъ сюда выслали—хоть на мое имя.—Считаю долгомъ прибавить—что она тутъ же воскликнула:—Нѣтъ! вы его не безпокойте—потомъ опять замѣтила—что лучше однако написать... хотя собственно къ чему! Tirez vous de là comme vous pouvez.

А за симъ—кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку.

PS. Въ Петербургъ надѣюсь пріѣхать къ концу марта.

1882.

338.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 1 января 1882.—Милая Ж. А., сегодня, въ день нашего Новаго Года, я много думалъ о васъ и о всѣхъ вашихъ, и о нашемъ житьѣ въ деревнѣ, которое, надѣюсь, возобновится и въ нынѣшнемъ году. Поздравляю васъ всѣхъ и обнимаю.

Сегодня же я получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ вы жалуетесь на мое молчаніе... но, кажется, я вамъ писалъ недавно; — вѣроятно, письмо замѣшкалось.— Очень меня порадовало извѣстіе о незначительности Борииой болѣзни.—Что же касается до моего здоровья— то оно не дурно.—Сынъ по немногу проходитъ—а подагра не возвращается.—Что-то дальше будетъ?—Впрочемъ, вотъ и 1881-й годъ прошелъ, въ теченіе котораго я, вслѣдствіе одного предсказанія, полагалъ, что умру.—Однако, я живъ—и убѣждаюсь, что загляды-вать въ будущее—вообще не слѣдуетъ.

— 4 (16) января 1882 г.

Виноватъ, милая Ж. А., за разными хлопотами пропустилъ три дня и только теперь продолжаю мое письмо.

Вы, вѣроятно, теперь уже прочли моего „Отчаяннаго“, помѣщеннаго въ 1-мъ № Вѣстника Европы. (Здѣсь уже появился переводъ въ Revue politique et littéraire).—Это нечто иное, какъ студія въ родѣ „Старыхъ портретовъ“. Я постарался вывести въ ней типъ, который нахожу знаменательнымъ въ соотношеніи съ нѣкоторыми современными явленіями.—Для большинства читателей разсказъ этотъ не представляетъ ничего особенно интерес-

наго. Помните, какъ въ Спасскомъ Яковъ Петровичъ не совѣтовалъ мнѣ печатать „Пѣснь“, не сопровождая ее другимъ очеркомъ въ прежнемъ моемъ родѣ. Онъ боялся, что публика останется совершенно равнодушной къ „Пѣсни“.—А вышло, что эта пѣснь имѣла неожиданный“, чуть не огромный успѣхъ;—и, быть можетъ, „Отчанный“ пройдетъ совершенно не замѣченнымъ. Выводъ изъ этого такой: пиши, что тебѣ на душу придетъ, не справляясь заранѣе съ мнѣніями публики.—Впрочемъ, я долженъ отдать себѣ справедливость, что я такъ и поступалъ до сихъ поръ. Да и какъ это—писать для публики??

Вы жалуетесь въ вашемъ письмѣ на петербургскую погоду.. и здѣсь она прескверная: какая-то теплая, гнилая зима.—Много болѣзней. Повторяю мою просьбу—какъ можно болѣе беречь себя и не простужаться!—Надо, чтобы мы всѣ свидѣлись въ хорошемъ здоровьѣ! Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы это свиданіе состоялось, какъ вы желаете—въ день вашихъ имянинъ 19-го, т.-е. 31-го марта.—Очень оно возможно... до нѣкоторой степени это будетъ зависѣть отъ состоянія здоровья Маріанны.—До сихъ поръ все идетъ благополучно... но оказывается, что она родитъ—не раньше конца февраля или даже начала марта.

Надѣюсь выслать вамъ черезъ нѣсколько дней хорошую свою карточку.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ,—начиная съ Якова Петровича, и цѣлую ваши руки.—Какъ онѣ продолжаютъ лѣпить? хорошо? Другъ вашъ и пр.

339.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 8 января 1882.—Милый другъ Я. П., получилъ твое письмо отъ 1-го янв. Спасибо за память обо мнѣ и за поздравленіе.—Въ

тотъ же день, я, какъ писалъ женѣ твоей, хоть и не пилъ шампанскаго, но много думалъ о всѣхъ васъ и мысленно поздравлялъ.

Весьма непріятна мнѣ сцена, происшедшая между * и **. Сей послѣдній, хоть и хорошій человѣкъ — но...; онъ мнѣ напоминаетъ экспромптъ на Артемовскаго русскаго пѣвца, отличавшагося въ италіанской оперѣ:

Хоть твой голосъ — маньифико —
Все же ты, о, мой амико,
Необтесанный мужико!

Надѣюсь, что это все сладится; но и слаживать такія дѣла невесело.

Суворинъ въ своей статьѣ указываетъ на письмо мое къ Григоровичу, въ которомъ я тоже выразилъ свое мнѣніе о Саррѣ Бернаръ; а потому ты можешь успокоиться. — Изъ всего этого вышла довольно грязная сплетня и перебранка; — но меня это нисколько не трогаетъ, такъ какъ я не привыкъ отказываться отъ своихъ мнѣній и могу только сожалѣть о томъ, что высказанныя частнымъ образомъ, они вдругъ являются въ публикѣ, благодаря нѣкоторому отсутствію деликатности. — Но повторяю, все это не имѣетъ никакого значенія.

На счетъ „Кузнечика“ — ты мнѣ далъ хорошую мысль. — Я сейчасъ же приступлю къ надлежащимъ справкамъ и готовъ взять это изданіе на себя — такъ какъ я убѣжденъ, что не только расходы вернутся — но и останется прибыль, которую мы потомъ съ тобой по-братски раздѣлимъ. — Надо будетъ сейчасъ Кузнечика перевести на французскій; а такъ какъ мой экземпляръ я подарилъ Рольстону — то пришли таковой мнѣ *немедленно*.

Жду также твою *драму*. — И обѣщаю сказать не злую, но полную правду.

„Отчаянный“ и не претендовалъ на успѣхъ „Пѣсни“. — Это просто студія типа, довольно знаменательнаго. —

Здѣсь ее перевели — и она производитъ впечатлѣніе на читателей рефлектирующихъ. — Я имѣю по поводу „Отчаяннаго“ — замѣчательную записку Тэна.

Всѣ мои здоровы здѣсь; и я — ничего — не жалуюсь. Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ — и остаюсь преданный тебѣ.

340.

Полонской, Ж. А. — Парижъ, 20 января 1882 г. — Милая Ж. А., изъ письма моего къ Я. П. вы узнаете почему я не тотчасъ отвѣчалъ вамъ — и какія на меня навалились хлопоты. Я не унываю — а все-таки непріятно. — Штука эта мнѣ будетъ стоить около 100 т. франковъ. Что дѣлать! Впрочемъ, денежная бѣда — не бѣда. — Жаль только моего Руссо́. У меня Третьяковъ его купилъ за 25,000 фр.

Очень радуюсь, что вы всѣ поправились въ здоровьѣ и что вы работаете. — Дѣло хорошее. — Топоровъ вѣроятно груститъ отъ того, что его дѣло въ театральной кассѣ окончательно провалилось — онъ меня извѣстилъ объ этомъ. — Предметъ А. (вотъ не ожидалъ!) находится теперь въ Ментонѣ; — здоровье ея, кажется, поправляется. — Смѣется же она не вслѣдствіе силы духа — а просто отъ нервической привычки. — Возня съ ней была не малая. Но дѣвушка она хорошая.

Я отъ Савиной получилъ милое письмо. — Изъ журналовъ вижу, что она на дняхъ играла въ „Холостякѣ“ (хотя ужъ такая въ этой пьесѣ для нея бѣдная роль!) и что Давыдовъ былъ превосходенъ. — Очень любопытствую я посмотрѣть этого актера, который, мнѣ сдается, долженъ напоминать Мартынова.

Карточки мои все еще не готовы и не могу я еще ничего прислать.

Мы начинаемъ думать, что Маріанна родитъ гораздо позднѣе, чѣмъ предполагали—но я все не теряю надежды попасть въ Петербургъ ко дню вашего рожденья.

Поцѣлуйте за меня вашихъ дѣтокъ, а мнѣ позвольте васъ самихъ поцѣловать.—Будьте здоровы и бодры и вѣрьте въ искреннюю привязанность вашего, и пр.

341.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 28 января 1882.—Милый Я. П., я виноватъ передъ твоей женой и передъ тобою, что не тотчасъ отвѣчалъ на ваши дружескія письма. Да и теперь пишу только вкратцѣ, такъ какъ всѣ эти дни былъ боленъ гриппомъ—да сверхъ того на меня свалился кирпичъ въ видѣ окончательнаго разоренія моей дочери, необходимости ея развода съ мужемъ, а также для меня — продажи лошади, каретъ, картинъ (моего Руссо, между прочимъ) и т. д. Въ другой разъ напишу подробнѣе, а теперь ограничусь нѣкоторыми фактами.

1) „Кузнечикъ“ полученъ, отданъ въ переводъ на французскій языкъ, и тотчасъ же будетъ приступлено къ отысканію рисовальщика, издателя, типографщика и т. д.

2) На счетъ Рольстона справлюсь.

3) Буду ждать твою драму. Пока не унывай. Твои господа критики могли ошибиться. Посмотримъ.

4) На счетъ эпитета: *звѣрскій*, который поразилъ тебя въ „Отчаянномъ“—скажу, что тутъ нѣтъ противорѣчія (впрочемъ, на дѣлѣ было такъ). Онъ былъ добрякъ, а въ крови его было нѣчто дикое и животное, скорѣй *звѣриное*, чѣмъ звѣрское. Логика противорѣчій!

5) Разрѣшеніе Маріанны отъ бремени все еще не воспослѣдовало. Ждемъ со дня на день.

6) Тэну обѣ мои вещи очень понравились. Говорилъ онъ особенно объ „Отчаянномъ“, который здѣсь произвелъ эффектъ — и въ которомъ видятъ нѣчто въ родѣ историческаго документа. Я на дняхъ у него обѣдалъ.

7) Нечего говорить; что я заранѣе радуюсь пребыванію твоей семьи у меня въ Спасскомъ. Авось и ты соберешься!

Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.

342.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 1 февраля 1882 г.—Любезнѣйшій М. Е., первымъ дѣломъ прошу не сердиться на меня за присылку такого громаднаго пакета—да еще съ литературной начинкой. Ну да: это продуктъ молодого литератора—(одного изъ вашихъ подражателей)—который, кажется, не безъ таланта. Удостойте прочесть, или дайте прочесть какому-нибудь компетентному судьѣ и скажите: можетъ ли онъ вообще продолжать свое писаніе—и есть ли хоть нѣкоторая возможность, со всѣми вырѣзками и укройками, какія только вздумаются, помѣстить это въ „О. З.“. Да кстати, извините меня за причиненное безпокойство.

Получилъ я двѣ вещи г-жи В. и прочелъ ихъ. Первая (маленькая) никуда не годится, но вторую (побольше) я бы не забраковалъ, если только передѣлать начало и выбросить совсѣмъ весь конецъ. Позволите ли вы ей переслать вамъ ее въ новомъ исправленномъ видѣ? Она здѣсь нѣсколько остепенилась.

Будемъ ждать милостиваго отвѣта.

А теперь не хочу надоѣдать вамъ больше и только прибавлю, что послѣднее „Письмо къ тетенькѣ“ — прелесть.

Крѣпко жму вамъ руку.

343.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 1 февраля 1882.—Любезнѣйшій Григоровичъ, какой вы хорошій другъ и милый человѣкъ! Я и такъ былъ у васъ въ долгу за большое письмо, а теперь вы мнѣ написали еще другое — на другой день послѣ представленія моего плохого „Холостяка", въ которомъ Давыдовъ, повидимому, сравнялся съ незабвеннымъ Мартыновымъ, создавши, подобно ему, живой и трогательный типъ изъ едва намѣченнаго лица Мошкина. Сегодня же я, по вашему совѣту, написалъ ему письмо—и очень былъ радъ это сдѣлать. Весьма мнѣ пріятно, что я далъ ему случай высказать свое дарованіе и утвердить за собою первое мѣсто на нашей сценѣ.

Я написалъ также Савиной, которая, настоявъ на томъ, чтобы дали „Холостяка", въ которомъ ей собственно нечего дѣлать и весь успѣхъ долженъ былъ выпасть на долю товарища—показала себя въ очень плѣнительномъ свѣтѣ. Это—добрая и широкая душа. Мнѣ очень жаль, что она такъ больна... Ей бы надо хорошенько и серьезно полечиться. Но она скучаетъ и тоскуетъ вдали отъ сцены.

Мнѣ Вейнбергъ телеграфировалъ, чтобы я подписался подъ адрессъ Л. Но я отказался подъ предлогомъ, что я ее никогда не слыхалъ. Да я дѣйствительно слышалъ ее только однажды въ Парижѣ на концертѣ, гдѣ она провалилась „mit Pauken und Trompeten" —удививши передъ этимъ все народонаселеніе сотнею громадныхъ литографій, выставленныхъ во всѣхъ окнахъ книжныхъ и музыкальныхъ магазиновъ, литографій. . . . . .

Признаюсь, зная вашу слабую музыкальность, я удивился, когда увидѣлъ, что *вы* читали ей адрессъ! Воображаю себѣ неистоваго С., рукоплещущаго и орущаго! Кстати, этотъ бардадымъ очень полезенъ мнѣ, избавляя

меня часто отъ труда собственной критики: когда ему что нравится, я уже навѣрное напередъ знаю, что это мнѣ противно, и наоборотъ.

Мнѣ жаль, что дѣло Т. не выгорѣло... Честный и хорошій онъ человѣкъ—но уже въ фамилію грубоватъ.

Живется мнѣ здѣсь не худо; помаленечку принимаюсь за работу. Плохо то, что семейныя (денежныя) дѣла мои запутались... Дочери моей придется разстаться съ мужемъ и т. д. и т. д. Принужденъ былъ продать своего Руссо... Третьяковъ его купилъ у меня.

Но это, пожалуйста, между нами.

Антокольскій вылѣпилъ чудесную статую Спинозы.

До свиданья—въ апрѣлѣ—въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Вы должны непремѣнно заѣхать въ Спасское! Полонскіе опять тамъ гостить будутъ.

Entre nous, je ne vois pas Polonski auteur dramatique.

Кланяюсь вашей милой женѣ и обнимаю васъ.

PS. Я видѣлъ г-жу Аданъ здѣсь послѣ ея возвращенія изъ Россіи. Она въ восторгѣ отъ васъ.

PSS. О, Григоровичъ! Григоровичъ! Опять ваше письмо безъ адресса!! А еще европеецъ! Принужденъ опять писать черезъ Топорова!

344.

Давыдову, В. Н. — Парижъ, 1 февраля 1882. — М. г. Владиміръ Николаевичъ, позвольте и мнѣ, какъ автору, присоединить мои поздравленія ко всѣмъ тѣмъ, которыя вы получили по поводу вашего блистательнаго успѣха въ роли „Холостяка“. Я никогда не имѣлъ удовольствія васъ видѣть; но я помню, что еще два года тому назадъ М. Г. Савина, въ тонкій и вѣрный вкусъ (которой) я вполнѣ вѣрю, говорила мнѣ о васъ,

какъ о молодомъ артистѣ, которому суждено занять досихъ поръ незамѣненное мѣсто нашего славнаго Мартынова, прибавляя къ тому, что она употребитъ все свое вліяніе, чтобы васъ пригласили на петербургскую сцену. По всему видно, что ея предсказанія сбылись—и я очень радъ, что моя, довольно слабая піеса, дала вамъ случай окончательно утвердиться во мнѣніи публики, любимцемъ которой вы стали. Такъ же, какъ Мартыновъ, вы съумѣли создать живое и цѣлостное лицо изъ незначительныхъ данныхъ, представленныхъ вамъ авторомъ. Ото всей души желаю вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ и не сомнѣваюсь, что вы ихъ достигнете. Надѣюсь, что, по прибытіи въ Петербургъ, я узнаю васъ какъ человѣка и какъ актера, а пока прошу принять отъ меня вмѣстѣ съ возобновленіемъ поздравленій и увѣренія въ искреннемъ сочувствіи и уваженіи вашего покорнаго слуги и пр.

345.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 12 февраря 1882.—Милый другъ Я. П., пишу тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твое дружеское письмо. Я увѣренъ, что ты гораздо болѣе сокрушаешься о моихъ непріятныхъ семейно-финансовыхъ дѣлахъ, чѣмъ я самъ; что̀ бы тамъ ни было—у меня всегда будетъ, какъ говорилъ одинъ французъ, не только café, но и pousse-café; стало-быть, слишкомъ тревожиться нечего. На мой вѣкъ за-глаза хватитъ.

За симъ слѣдуютъ пункты:

1) Пришли непремѣнно „*Озими*“; мы съ Рольстономъ по этому поводу что-нибудь соорудимъ.

2) И драму пришли! Набросокъ сюжета мнѣ нравится. Какъ ты его разработалъ?!

3) А. принадлежитъ къ числу индивидуумовъ, про

которыхъ говорится, что они, какъ козьи рога, ни изъ короба, ни въ коробъ. Ну и Господь съ нимъ!

4) А вотъ что ты съ лѣстницы падаешь и разбиваешься—это плохо. Ужъ эти мнѣ поэты! Все, небось, въ небо вперены взоры—а тутъ... чебурахъ! Впрочемъ, я самъ, хотя и не поэтъ, на дняхъ чуть не попалъ подъ омнибусъ. Но на здоровье не жалуюсь.

5) Маріанна все еще не разрѣшилась отъ бремени. Томительное, ежеминутное ожиданіе... Авось все обойдется благополучно.

6) Наконецъ добылъ я порядочную карточку—и немедленно посылаю ее твоей женѣ. Я что-то не помню, цѣлуешь ли ты у ней руки; но на сей разъ поцѣлуй у ней обѣ отъ моего имени—и скажи ей, что я прошу ее принять эту сѣдую фигуру на память отъ человѣка, искренно ее любящаго.

За симъ будь здоровъ, не хандри, работай и живи, по мѣрѣ возможности, въ свое удовольствіе. Всѣхъ твоихъ и тебя обнимаю.

346.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 22 февраля 1882.—Милая Ж. А., я получилъ ваше письмо недѣлю тому назадъ и отвѣчаю только теперь; но вы меня навѣрно извините, когда узнаете, что въ теченіе именно этой недѣли, мой старый другъ Віардо получилъ легочный ударъ, отъ котораго чуть не умеръ. Маріанна родила дочь (Сюзанну) послѣ 40 часовъ мученій—и, наконецъ, моя дочь, вмѣстѣ съ своими двумя дѣтьми, принуждена была убѣжать отъ своего мужа, я долженъ былъ здѣсь ее прятать и т. д. Слава Богу, Віардо началъ настолько поправляться, что есть надежда на выздоровленіе. Маріанна и ребеночекъ ея—въ хорошемъ положеніи, и для

дочери я нашелъ убѣжище, гдѣ ея мужъ ее на отыщетъ. Много хлопотъ впереди, но, по крайней мѣрѣ, передохнуть можно, а то я шесть ночей сряду не спалъ. Впрочемъ, здоровье мое не пошатнулось. Ограничиваюсь этими немногими строками пока—завтра или послѣ-завтра напишу подробнѣе, а пока обнимаю всѣхъ крѣпко-на-крѣпко и остаюсь вашъ, и пр.

347.

Колбасину, Е. Я.—Парижъ, 24 февраля 1882 г.—Любезнѣйшій К., я очень виноватъ передъ вами, что не отвѣчалъ немедленно на ваше письмо (съ присылкой брошюры г-жи Калмыковой и рукописи г-на Исаковича),—но у меня, какъ нарочно, накопилось столько непріятныхъ и хлопотливыхъ дѣлъ, что рѣшительно не оставалось ни минуты свободнаго времени.—Теперь я прочелъ обѣ присланныя вещи—и вотъ вамъ мой отвѣтъ:

1) Что касается до драмы г-на Исаковича, то она, быть можетъ, имѣетъ сценическія достоинства—но ея литературныя достоинства не настолько сильны, чтобы можно было рекомендовать ее „Вѣстнику Европы“, который, сверхъ того, какъ вамъ извѣстно, очень неохотно печатаетъ драматическія вещи, и то развѣ тогда, когда онѣ подписаны извѣстнымъ именемъ.—А потому, я почелъ за лучшее, возвратить вамъ эту драму для передачи г-ну Исаковичу.

2) Брошюра г-жи Калмыковой — дѣло другое. Она написана очень умно, благородно и дѣльно.—Я уже собирался написать о ней небольшую статейку для „Порядка“ — какъ вдругъ, этотъ несчастный журналъ прихлопнули.—Что было дѣлать?—Никакой другой журналъ подобной статьи не приметъ.—Если хотите, я вамъ при-

шлю эту статейку; быть можетъ, вы найдете возможнымъ помѣстить ее въ одесскомъ журналѣ. — Дайте поскорѣе отвѣтъ.

О себѣ скажу вамъ, что дѣла мои идутъ — черезъ пень колоду; здоровье, впрочемъ, ничего.—Выѣзжаю отсюда черезъ мѣсяцъ—черезъ Петербургъ и Москву, въ деревню, гдѣ останусь до осени.

Жму вамъ дружески руку и остаюсь преданный вамъ.

PS. Я послалъ рукопись драмы прямо на имя г. Исаковича, такъ какъ въ концѣ нашелъ его подробный адрессъ.

348.

Салтыкову, М. Е.—Парижъ, 26 февраля, 1882 г.—Любезнѣйшій М. Е, отвѣтъ мой на ваше письмо нѣсколько замедлился, вслѣдствіе разныхъ непріятностей (семейно-денежныхъ), которыя обрушились на меня въ послѣднее время.—На счетъ г-жи В. не могу еще ничего сказать: отъ нея, какъ вамъ извѣстно, толку не легко добиться; какъ только извлеку изъ нея что-либо положительное, сообщу вамъ тотчасъ.—Что же касается другого автора, то онъ не только на все согласенъ, но и весьма обрадованъ и польщенъ честью имѣть васъ своимъ сотрудникомъ.—Поэтому, вы имѣете, какъ говорится—carte blanche: сокращать, прибавлять и т. д.—Фамилію вы выставите: И. П. Да вотъ еще что: сей юный авторъ бѣденъ, какъ Иръ, и еслибы вы нашли возможность, въ счетъ будущаго гонорара, прислать ему *сто* рублей — онъ былъ бы глубоко вамъ благодаренъ.—Вы бы могли эту сумму прислать на мое имя сюда;—а я бы ему тотчасъ передалъ.

Получилъ я ваше послѣднее „Письмо къ тетенькѣ“ въ февр. № „О. З.“ — и безъ лести скажу вамъ, что

чтеніе этого письма было для меня единственнымъ свѣтлымъ лучемъ среди дрязгъ и передрягъ, въ которыхъ я теперь пребываю.

Желаю вамъ бодрости, здоровья и крѣпко жму вамъ руку.

349.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 26 февраля 1882.—Милая Ж. А., два дня тому назадъ, я вамъ написалъ коротенькое письмо, въ которомъ излагалъ мое теперешнее состояніе.—Оно мало измѣнилось съ тѣхъ поръ.—Одно только вполнѣ хорошо: здоровье Маріанны и ея ребеночка въ наилучшемъ видѣ—это великое счастье.—Мой другъ Віардо все еще плохъ; нельзя даже сказать, чтобы онъ былъ внѣ опасности: во всякомъ случаѣ возстановленіе его здоровья будетъ очень медленно и продолжительно: бѣдная г-жа Віардо почти не покидаетъ его постели. — Что же касается до моей дочери — то тутъ бѣды только еще начинаются: пошла возня съ адвокатами, стряпчими и т. д. — Процессъ можетъ длиться годъ и слишкомъ; она съ дѣтьми должна скрываться—все что она имѣла, пропало безвозвратно—можетъ быть ей даже придется убѣжать навсегда изъ Франціи. Точно колесо меня схватило и начинаетъ втягивать въ машину.—Это тѣмъ тяжеле, что, какъ вамъ извѣстно, особенной привязанности я къ ней никогда не чувствовалъ, — и все, что я сдѣлалъ для нея до сихъ поръ и буду впередъ дѣлать, внушено мнѣ единственно чувствомъ долга.—Это несчастное дѣло, по всей вѣроятности, задержитъ меня здѣсь долѣе, чѣмъ я предполагалъ—и прибыть въ Петербургъ ко дню вашего рожденья (31-го марта) — объ этомъ и думать нечего.

Вы видите, что жизнь для меня началась желтенькая;

къ счастью, здоровье мое не пошатнулось — подагра молчитъ — и только изрѣдка легкія неправильности сердцебіенія напоминаютъ мнѣ, что я такой же смертный какъ и всѣ люди.

Я получилъ сегодня письмо Якова Петровича и первыя дѣйствія его драмы, переписанныя вашей рукой. — За чтеніе драмы примусь немедленно съ великимъ вниманіемъ — и скажу мое мнѣніе съ полной откровенностью.—Прошу не замедлить присылкой и остальныхъ дѣйствій.

Очень радуюсь тому, что моя фотографія вамъ понравилась - и благодарю за то, какъ вы меня поблагодарили. Якову Петровичу она, вѣроятно, потому не понравилась, что онъ надѣется, во время своего пребыванія въ Спасскомъ, возобновить свою попытку сдѣлать мой портретъ — и на этотъ разъ удачно.

Работать я, конечно, теперь не могу; откладываю все это до Спасскаго.

Обнимаю Якова Петровича и дѣтей — а васъ, съ вашего позволенія, цѣлую.

350.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 12 марта 1882.— Любезный другъ Д. В., пишу вамъ по московскому адрессу, во-первыхъ, для того, чтобы поблагодарить васъ за доставленіе великолѣпнаго предложенія г-на Маркса, которое я, конечно, принялъ, и о которомъ уже писалъ ему; а во-вторыхъ, чтобы довести до свѣденія вашего сосѣда, И. И. Маслова, что не получивъ отъ него ни единаго отвѣта на мои многократныя письма, я принужденъ былъ заплатить сегодня счетъ (311 фр. 25 сант.) за доставленное ему изъ Бордо красное вино, не зная даже, получилъ ли онъ это вино и понравилось ли

оно ему. Пусть онъ хоть на словахъ что-нибудь сообщитъ объ этомъ вамъ—а вы меня увѣдомите. Охъ, какъ трудно имѣть дѣла съ почтеннымъ Иваномъ Ильичемъ!

Съ удовольствіемъ вычиталъ я въ газетахъ извѣстіе о сдѣланномъ вамъ (и вполнѣ заслуженномъ) поднесеніи.—Теперь вы попали въ другой круговоротъ—но и тутъ ваша дѣятельность окажется такою же плодотворной и полезной, какъ и въ Петербургѣ.

Что касается меня, то я теперь тоже верчусъ въ круговоротѣ—но уже никакого удовольствія или пользы отъ этого не предвижу.—При свиданіи я вамъ все это разскажу—а свиданіе это произойдетъ скоро... надѣюсь, недѣль черезъ 5 или 6.

Пока, желаю отъ души вамъ всего хорошаго, начиная со здоровья.—Поклонитесь отъ меня всѣмъ пріятелямъ.—Крѣпко жму вашу руку.

PS. М. Г. Савина теперь въ Меранѣ (въ Тиролѣ); оттуда ѣдетъ въ Италію. Здоровье ея все еще не поправляется.

351.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 21 марта 1882 г.—Милая Ж. А., цѣлую ваши руки и прошу прощенія въ томъ, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо и на первое письмо Якова Петровича.—Я каждый день собирался и все откладывалъ, такъ какъ я хотѣлъ въ то же время послать мое мнѣніе о драмѣ. А тутъ вдругъ пришло второе письмо Я. П. съ извѣстіемъ о томъ, что вы занемогли—это меня очень перетревожило — я послалъ телеграмму;—впрочемъ, меня нѣсколько успокоила мысль, что еслибы улучшеніе не продолжалось, Я. П., зная мою привязанность къ вамъ и къ нему—конечно, извѣстилъ бы меня.—Надѣюсь, что настоящее письмо застанетъ

васъ такою же бодрой и здоровой, какою я привыкъ васъ видѣть.

Драму я прочелъ внимательно — и теперь же долженъ, къ сожалѣнію сказать, что согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ друзей, которымъ Я. П. читалъ ее [1]): Театръ — не его дѣло (точно такъ же какъ и не мое, прибавлю я въ скобкахъ). Въ подтвержденіе моихъ словъ, я напишу Я. П. подробный разборъ его произведенія; это не утѣшитъ его—но по крайней мѣрѣ докажетъ ему, съ какимъ вниманіемъ я просмотрѣлъ его произведеніе.

Что до меня—то здоровье мое удовлетворительно—и всѣ мои больные поправились окончательно. Если остаюсь я здѣсь, то вовсе не изъ-за процесса, который теперь не имѣетъ смысла—ибо дочь моя вмѣстѣ съ дѣтьми скрылась.—Надо окончить другія дѣла.—1-го мая я непремѣнно выѣзжаю и уже извѣстилъ Щепкина, чтобы онъ ждалъ меня и всѣхъ васъ къ Николину дню въ Спасское. — Мы тамъ опять заживемъ по прошлогоднему.—Кстати Гаршинъ (Всеволодъ) написалъ мнѣ, что онъ тоже пріѣдетъ погостить. — Савина пріѣхала сюда три дня тому назадъ, посовѣтоваться съ Шаркò. — Она тоже собирается въ Спасское—но на нее трудно съ увѣренностью разсчитывать.

Я вамъ теперь еще напишу—очень скоро — а пока опять цѣлую ваши руки и остаюсь навсегда душевно преданный.

352.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 29 марта 1882.—Получилъ я ваше письмо, любезнѣйшій Д. В. и въ то же время письмо отъ И. Маслова на счетъ вина и т. д.

---

[1]) В. П. Гаевскому, Д. В. Григоровичу и В. Н. Давыдову.

Совершили же вы чудо — и мнѣ остается только кланяться и благодарить. Вы меня разлакомили, — и вотъ я опять обращаюсь къ вамъ съ просьбой. Если С. М. Третьяковъ уже вернулся въ Москву — то попросите его о слѣдующемъ: я ему продалъ моего Руссо — и за нимъ осталось 5,000 фр. Я сказалъ ему, что я могу ихъ получить лично въ Москвѣ.—Но съ тѣхъ поръ тутъ произошли разныя непредвидѣнности, и если онъ можетъ мнѣ ихъ выслать сюда теперь — то я ему очень буду обязанъ. Онъ еще успѣетъ, такъ какъ я выѣзжаю отсюда не раньше 1-го мая нов. ст.

Очень вы меня порадовали извѣстіемъ, что опять возвращаетесь къ литературному дѣлу: это все-таки самое лучшее дѣло. Съ великимъ удовольствіемъ выслушаю вашъ разсказъ въ *Спасскомъ* — какъ вы мнѣ обѣщаете. Въ Москвѣ мы потолкуемъ о продажѣ моихъ сочиненій на вѣчныя времена, эта мысль у меня давно въ головѣ вертится—и лучшаго совѣтника на этотъ счетъ — какъ вы—и найти нельзя. Надѣюсь, что вы опять сошлись съ Л. Толстымъ. Это—чудачище—но несомнѣнно геніальный человѣкъ—и добрѣйшій. М. Г. Савина съ недѣлю тому назадъ пріѣхала сюда и лечится у Шарко́. Она больна серьезно—но не опасно. Итакъ, до *скораго* свиданья! Обнимаю васъ и остаюсь вамъ искренно преданный.

353.

Ему же.—Парижъ, 1 апрѣля 1882.—Милый Д. В., печальное извѣстіе вы мнѣ сообщили... не хочу терять еще надежды, что ваше предчувствіе не оправдается. Въ вашемъ сообщеніи признаю тѣ истинно-дружескія чувства, которыя вы ко мнѣ всегда питали и за которыя я сердечно благодаренъ: но на сей разъ могу ска-

зать, что у меня денежныя дѣла съ Иваномъ Ильичемъ прекратились: за нимъ осталась только небольшая сумма—(311 фр.), которую я здѣсь заплатилъ за его вино; онъ обѣщался заплатить мнѣ ее черезъ здѣшняго банкира Кинена—но вѣроятно позабылъ.

Какъ мнѣ жаль моего стараго друга. Я безъ Маслова Москвы и вообразить не могу! Какой онъ всегда былъ бодрый и здоровый... но я не могу еще говорить о немъ какъ о человѣкѣ уже не живомъ. Увѣренъ, что вы мнѣ тотчасъ сообщите, если что случится.

Пріѣхалъ ли Третьяковъ въ Москву—и передали ли вы ему мою просьбу?

Черезъ двѣ недѣли я выѣзжаю отсюда—и въ началѣ (нашего) мая буду въ Москвѣ.

Крѣпко, крѣпко жму вашу руку и говорю: до свиданія!

---

354 [1]).

П—ву, А.—Парижъ, 3 апрѣля 1882 г.—Милостивый государь А. И., извините меня, что я не тотчасъ отвѣтилъ на ваше письмо: я былъ занятъ и боленъ. Впрочемъ, на письма, подобныя вашимъ, отвѣчать не легко: тѣмъ болѣе, когда отвѣтъ—(говоря вашими словами, которымъ я вѣрю, они искренни),—долженъ имѣть „рѣшающее“ значеніе. А потому—вотъ что я вамъ предлагаю: черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ я прибуду въ Петербургъ и останусь тамъ дней десять. Адрессъ мой вы узнаете въ редакціи „Вѣстника Европы“. Приходите ко мнѣ и мы хорошенько потолкуемъ о вашемъ дѣлѣ. Теперь же я ограничусь слѣдующимъ: въ жизни не слѣ-

[1]) Письмо это напечатано въ статьѣ: „*И. С. Тургеневъ, молодежь и спеціальные идеалы*“, подписанной *Ан. П—въ*. („Новое Время“, 1884 г.; № 2936).

дуетъ искать идеала *общаго*—а напротивъ *спеціальнаго*, единственно живого. Такой идеалъ и свойственную ему дѣятельность указываетъ человѣку—то, что называется его прирожденною способностью, талантомъ, говоря проще: охотой, расположеніемъ, къ извѣстному дѣлу. Я еще не встрѣчалъ человѣка, который бы не былъ одаренъ *такого* рода талантомъ, но многіе либо не стараются сознать его, либо находятъ его слишкомъ мелкимъ или недостойнымъ того, чтобы посвятить ему свою дѣятельность, и въ этомъ заключается большая ошибка. Спеціальный идеалъ не только не противорѣчитъ общему, но оплодотворяется имъ и взаимно даетъ ему жизнь. Все это можетъ вамъ показаться отвлеченностями; но при свиданіи я надѣюсь наглядными примѣрами доказать вамъ справедливость моихъ словъ. Пока желаю вамъ бодрости и спокойствія—и терпѣнія, которое никому такъ не нужно — особенно у насъ въ Россіи — какъ именно молодымъ людямъ. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи, и пр.

355.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 8 апрѣля, 1882 г.—Милая Ж. А., я всѣ эти дни колебался; но теперь, приходится вамъ сообщить не совсѣмъ пріятное извѣстіе. Со мною сдѣлалась болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ „angine de poitrine“ — грудная жаба. Собственно это—подагрическая невралгія сердца. Опасности она не представляетъ—но заставляетъ лежать, или сидѣть смирно; такъ какъ не только при всхожденіи на лѣстницу, но даже при простомъ хожденіи или даже стояніи на ногахъ—дѣлаются очень сильныя боли въ плечѣ, спинныхъ лопаткахъ и всей груди — а тамъ является и затруднительность дыханія. Я рѣшился посовѣтоваться съ Шаркó.

Онъ прописалъ мнѣ лекарство, велѣлъ не двигаться съ мѣста и объявилъ заранѣе, что болѣзнь эта, какъ всѣ невралгіи, довольно упорна и капризна — и опредѣлить время, когда мнѣ можно будетъ выѣхать отсюда, совершенно невозможно—во всякомъ случаѣ, не ранѣе 6 недѣль. Можете себѣ представить, какъ это меня поразило и огорчило. Такое глупое положеніе: совершенно здоровый человѣкъ, который съ мѣста тронуться не можетъ—не можетъ стоять на ногахъ, и Богъ вѣдаетъ, сколько это продолжится!

А потому я предлагаю вамъ и всему вашему семейству: какъ только вы найдете возможнымъ, поѣзжайте всѣ въ Спасское и поселитесь тамъ—и ждите моего прибытія. Я немедленно напишу Н. А. Щепкину, чтобы онъ принялъ всѣ нужныя мѣры и сдѣлалъ необходимыя распоряженія, какъ бы для моего пріѣзда. Мнѣ пріятно будетъ думать, что вы меня ожидаете тамъ—и мнѣ кажется, одна эта мысль будетъ способствовать моему выздоровленію. Напишите мнѣ немедленно ваше рѣшеніе.

Я получилъ длинное письмо отъ Я. П—а на счетъ его драмы—и многое могъ бы ему сказать—и разъяснить причины моего воззрѣнія—но отлагаю это до другого раза. На дняхъ рисовальщикъ долженъ принести пробы иллюстрацій къ „Кузнечику“.

Я радъ, что по крайней мѣрѣ ваши всѣ дѣти понравились—обнимаю ихъ, а также Якова Петровича—и цѣлую ваши руки. Другъ вашъ.

356.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 9 апрѣля, 1882 г.—Любезнѣйшій Д. В.! Отвѣчаю немедленно на вашихъ два письма, по пунктамъ:

1) Вотъ вамъ адрессъ Егорова: Paris, Avenue Hoche, 26.—Но, конечно, вы отъ него не получите гроша.

2) Я получилъ черезъ банкира Кинена 311 фр., должныхъ мнѣ Иваномъ Ильичемъ (Масловымъ); и никакихъ у меня другихъ денежныхъ счетовъ съ нимъ нѣтъ. Нечего говорить, какъ меня печалятъ извѣстія о немъ.

3) Спасибо за сообщеніе моей просьбы Третьякову; 5,000 фр. я, конечно, получу немедленно.

4) Пріѣздъ въ Москву отлагается, къ сожалѣнію, на неопредѣленное время. Со мной случилась глупѣйшая болѣзнь,—angine de poitrine—грудная жаба.—Эта мерзость состоитъ въ томъ, что когда человѣкъ лежитъ смирно—онъ ничего не чувствуетъ; но какъ только онъ вздумаетъ ходить или просто стоять (я уже не говорю о томъ, чтобы подняться на лѣстницу), въ плечѣ, потомъ въ спинѣ и наконецъ въ груди вспыхиваютъ несносныя боли, которыя наконецъ, прерываютъ дыханіе и т. д. Я посовѣтовался съ Шарко, который, во 1-хъ, назвалъ, мою болѣзнь nevralgie cardialgique goutteuse; во 2-хъ, прописалъ мнѣ „polybromure“ — причемъ однако замѣтилъ, что la médicine est à peu près impuissante contre cette maladie; въ 3-хъ, не велѣлъ шевелиться—что́ я и такъ не могъ; въ 4-хъ, сказалъ, что не можетъ сказать, когда я буду въ состояніи выѣхать—во всякомъ случаѣ не раньше мѣсяца. Такимъ образомъ, я у праздника—и будучи совершенно здоровымъ человѣкомъ, когда не двигаюсь—превратился въ Шильонскаго узника. Вотъ тутъ и дѣйствуй!

Мнѣ очень было пріятно услышать хорошія вѣсти о Толстомъ, поклонитесь ему и всей его семьѣ отъ меня.

М. Г. Савина тоже здѣсь и тоже лечится у Шарко; но въ ея положеніи нѣтъ ничего опаснаго.

Дружески васъ обнимаю.

357.

Полонскому, Я. П.--Парижъ, 21 апрѣля 1882.—Милый Я. П., такъ какъ моя странная болѣзнь тебя безпокоитъ—то позволь тебѣ сообщить маленькій резюмэ о ней—(со словъ Шарко и др.). Angina pectoralis бываетъ двоякая: 1) essentialis, которая, при полномъ здоровьѣ, наступаетъ въ видѣ страшнаго припадка боли въ груди и плечѣ при невозможности дыханія и т д.,—и если не кончается смертью, проходитъ очень быстро, не оставляя никакихъ слѣдовъ—и обыкновенно возобновляется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже годовъ.—Не знаю, происходитъ ли она отъ нравственныхъ причинъ,—но оканчивается непремѣнно—рано или поздно—смертію. Этой ангиной я къ сожалѣнію *не* боленъ.—Но есть другая форма: Angina pectoralis — подагрическая (называется также cardialgia nervalis)—та дѣйствуетъ хронически.—Сперва является боль подъ ключицей и въ плечѣ, потомъ невозможность идти скоро или всходить на лѣстницу, а наконецъ и просто стоять или вставать.—Вотъ этой-то штукой я боленъ.—Продолжаться она можетъ неопредѣленное время. Лежать приходится просто оттого, что встать на ноги невозможно: сейчасъ ударъ въ плечо, боль въ груди, прерывистое дыханіе и пр., и пр. А пока лежишь, только чувствуется легкое нытье въ плечѣ, какъ когда зубъ болитъ.—Одно леченіе: ждать.—Такъ какъ тутъ замѣшана подагра, то мнѣ мои доктора говорили: вотъ было бы отлично, если бы у васъ сдѣлался припадокъ въ ногѣ (его у меня уже около года не было)—какъ бы отвлекло!—И чтоже! У меня точно сдѣлался припадокъ—да разомъ въ *трехъ* мѣстахъ: въ обѣихъ плюсняхъ и въ колѣнѣ! Муки были сильныя,—но я думалъ: тѣмъ лучше! — Однако припадокъ прошелъ, а боль въ плечѣ осталась.—Тогда мнѣ въ 50 мѣстахъ про-

жгли на плечѣ кожу—я уподобился вафлѣ,—а боль осталась—и подняться на ноги—ни-ни!! Хотятъ опять жечь,—но говорятъ, что лучше всего все-таки лежать и принимать bromure de potassium.—Раньше двухъ мѣсяцевъ, считая съ нынѣшняго дня, я едва ли съ постели встану,—а ѣхать куда-либо, пользоваться сладкимъ воздухомъ и водою—это уже просто басни.—А потому, милый другъ, бросимъ говорить о семъ предметѣ.—Никому отъ этого ни пользы, ни удовольствія.

А все-таки мнѣ жаль, что твое семейство не хочетъ ѣхать въ Спасское!—Даромъ вѣдь все пропадетъ.

Послѣ завтра жду сюда Анненкова,

Поцѣлуй отъ моего имени и дѣтокъ твоихъ, и жену—и скажи ей, что горевать излишне ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.—Я буду къ вамъ часто писать,—но пожалуйста, не ждите никакихъ измѣненій къ лучшему.—Это вещь очень и очень продолжительная.—Обнимаю тебя.

358.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 28 апрѣля 1882.—Милая Ж. А., меня очень трогаетъ ваше безпокойство на счетъ моей болѣзни—и мнѣ очень хотѣлось бы дать вамъ о себѣ болѣе утѣшительныя вѣсти.—Впрочемъ, М. Г. Савина, которая вчера выѣхала отсюда въ Петербургъ, и вѣроятно раньше этого письма прибудетъ туда, передастъ вамъ свои впечатлѣнія.—Всѣ доктора, которые видѣли меня (между прочимъ, Бѣлоголовый) единогласно говорятъ, что болѣзнь моя (собственно *подагрическая невралгія сердца*) вовсе не опасна, но непріятна тѣмъ, что можетъ долго продолжаться,—а главное лишаетъ меня возможности предпринять какое-либо передвиженіе—не говоря уже о путешествіи.—Все это очень

невесело – разрушаетъ всѣ мои планы, отдаляетъ меня отъ удовольствія свидѣться съ вами, съ вашимъ семействомъ, со всѣми друзьями, съ Спасскимъ... Но что же дѣлать?—Противъ невозможности бороться нечего—надо покориться. Я по крайней мѣрѣ тому радъ, что вы здоровы—трудитесь, успѣваете въ своемъ искусствѣ—и кто знаетъ? можетъ быть, еще зимою придется вамъ вылѣпить мой бюстъ?—Я съ своей стороны обѣщаюсь давать вамъ частыя и точныя свѣденія о состояніи моего здоровья—и прошу васъ быть увѣренной, что какъ ни дороги и близки мнѣ мои здѣшніе друзья—русскіе друзья мои столь же мнѣ дороги.

За симъ дружески обнимаю всѣхъ вашихъ и позволяю себѣ крѣпко поцѣловать васъ.

359.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 1 мая 1882.—Милый Я. П., да братъ: попался и я—да еще такую болѣзнь получилъ, о которой за двѣ недѣли и не слыхивалъ никогда.—Впрочемъ, angine de poitrine (грудная жаба) ничего общаго съ жабой не имѣетъ – это перешло на нее просто потому, что *angine* по латыни значитъ вообще страданіе: страдаетъ какая-то 11-ая пара нервъ—отъ которой зависятъ легкія и дыханіе; она затрещитъ – и дыханіе къ чорту. – Бываютъ angine de poitrine мгновенныя—въ родѣ удара; бываютъ хроническія—моя принадлежитъ къ этому разряду—къ ней присоединилась подагра и вышло—по научному—что у меня cardialgie nevralgique goutteuse, безо всякой лихорадки и съ отсутствіемъ всякой непріятности въ горлѣ. Только эта форма грудной жабы скверна тѣмъ, что не поддается леченію—и я могу точно также пролежать 6 недѣль какъ 6 мѣсяцевъ.

Я получилъ письмо также отъ твоей жены; очень мнѣ жаль, что она и слышать не хочетъ о переѣздѣ всей семьи въ Спасское.—Убытковъ отъ этого мнѣ никакихъ не будетъ,—а помѣщеніе, лошади, прислуга и все пр.—все это пропадетъ даромъ.

Ну да ужъ на то ея воля!

Буду извѣщать тебя о ходѣ моей болѣзни,—а теперь прощай, усталъ.

Цѣлую и обнимаю всѣхъ твоихъ. Твой.

360.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 1 мая 1882.—Милый Д. В., я получилъ отъ С. М. Третьякова очень любезное письмо, въ которомъ онъ меня приглашаетъ поселиться въ его домѣ во время моего пребыванія въ Москвѣ. Передайте ему мое великое спасибо, хотя едва ли я буду въ состояніи воспользоваться его предложеніемъ,—ибо я очень плохъ—и дай Богъ мнѣ черезъ мѣсяцъ—не то что выѣхать отсюда,—а встать съ постели. Впрочемъ, я здѣсь въ хорошихъ рукахъ: у Шаркò.

О бѣдномъ Масловѣ все еще нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій; да и Кавелинъ тоже крякнулъ... Подбираются наши.

Желаю вамъ здоровья и всего хорошаго и остаюсь душевно вамъ преданный.

PS. Поклонитесь отъ меня гр. Л. Н. Толстому и всей его семьѣ.

361.

Анненкову, П. В. [1]). — Парижъ, 1 мая 1882.—Любезный Павелъ Васильевичъ! На основаніи нашей

[1]) Напечатано въ „Рус. Стар.“, октябрь, 1883.– Ред.

многолѣтней неизмѣнной дружбы, обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ и просьбой.

Вслѣдствіе разстройства моего здоровья, я желалъ бы еще при жизни сдѣлать распоряженіе о капиталѣ, образуемомъ моими сочиненіями. Полное ихъ собраніе (послѣдняго изданія) находится теперь въ распоряженіи книгопродавцевъ наслѣдниковъ купца Салаева въ Москвѣ и срокъ ихъ владѣнія ими уже близится за истощеніемъ экземпляровъ. Желая продать теперь ихъ вполнѣ съ присовокупленіемъ всѣхъ новыхъ моихъ произведеній, появившихся въ журналахъ, сборникахъ и отдѣльно, — а также и всего того, что еще можетъ быть написано мною впредь, конечно, по предварительномъ напечатаніи ихъ въ журналахъ — поручаю вамъ, купно съ М. М. Стасюлевичемъ, барономъ Г. О. Гинцбургомъ. В. В. Самарскимъ-Быховцемъ и другими лицами, какія вы почтете за нужное привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ — отыскать покупщика и сообщить мнѣ сюда въ Парижъ проектъ довѣренности, посредствомъ которой я передамъ избранному вами лицу мои права собственности на означенныя сочиненія.

Затѣмъ все, что отыщется послѣ меня въ моихъ бумагахъ, какъ-то: начатые романы, повѣсти, неконченные и недодѣланные разсказы — а равно и мои личныя записки и корреспонденцію — также рукописи напечатанныхъ сочиненій предоставляю вамъ самимъ, любезный Павелъ Васильевичъ, въ полное распоряженіе и употребленіе, смотря по вашему усмотрѣнію. Прошу васъ вмѣстѣ съ тѣмъ взять на себя право рѣшить: a) не слѣдуетъ ли, судя по обстоятельствамъ, прибѣгнуть къ старому срочному способу моихъ изданій, вмѣсто теперь предполагаемой безсрочной продажи? b) нужно ли включить въ число продажъ обоего рода стереотипное изданіе „Записокъ Охотника“ или должно продолжать ими

пользоваться отдѣльно?—и, наконецъ, с) въ случаѣ свершенія продажи буду ли я имѣть право на предоставленіе изданія другому лицу, чѣмъ то, которое ихъ пріобрѣло, буде оно окажется несостоятельнымъ или недобросовѣстнымъ? При опредѣленіи условій предполагаемой продажи обращаю вниманіе ваше и почтенныхъ моихъ совѣтчиковъ вообще на то обстоятельство, что самъ я не могу опредѣлить непремѣняемой цифры или цѣны новаго изданія; но могу приблизительно указать имъ на слѣдующія соображенія. Продажа моихъ сочиненій доселѣ давала мнѣ до 6,000 р. годового дохода, не включая сюда 1,000 р., ежегодно получаемыхъ съ „Записокъ Охотника“; да вѣроятно столько же, если не болѣе, получали доходу съ нихъ и ихъ издатели. Отъ вашего суда, стало-быть, будетъ зависѣть опредѣлить, на основаніи какихъ процентовъ можетъ быть капитализированъ вышеозначенный доходъ, принимая въ расчетъ, что продажа будетъ соотвѣтствовать полному отчужденію моей собственности и изданіе будетъ длиться во весь срокъ, закономъ установленный.

Настоятельно прошу упомянуть въ будущемъ документѣ о предоставленіи корректуры изданія литератору трудолюбивому и добросовѣстному во избѣжаніе безобразій корректурныхъ, отличающихъ прошлыя изданія мои, особенно послѣднее!

Примите заранѣе выраженіе всей моей благодарности и увѣреніе той глубокой искренней дружбы, съ которымъ остаюсь на всегда всѣмъ сердцемъ вамъ преданный.

362.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 8 мая 1882.—Милая Ж. А., я пропустилъ нѣсколько дней, не писалъ

вамъ, потому что все хотѣлъ дождаться возможности послать вамъ болѣе утѣшительныя вѣсти: вотъ и дождался. Кажется, моя болѣзнь принимаетъ болѣе благопріятный оборотъ. Сегодня я могъ встать съ постели—правда съ помощью двухъ ассистентовъ, сидѣлъ на креслѣ съ $^1/_4$ часа и простоялъ на ногахъ минуты двѣ, что особенно важно.—Подагра моя почти на исходѣ, и боль въ груди и плечѣ значительно ослабла. Правда, у меня 4 дня тому назадъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлался очень мучительный припадокъ желчевой колики (colique hépatique). Якову Петровичу, кажется, извѣстна эта штука, но и отъ этого теперь слѣда не осталось. Надѣюсь, что черезъ двѣ недѣли меня перевезутъ въ Буживаль — а тамъ, кто знаетъ? Черезъ мѣсяцъ или 6 недѣль мы въ Спасское махнемъ — и хоть немного, а придется пожить по прошлогоднему. Но предаваться этимъ розовымъ надеждамъ еще рано; какъ только будетъ хоть слабая возможность, вы первая узнаете.

А пока обнимаю васъ всѣхъ и васъ цѣлую.

PS. Съ послѣ-завтрашняго дня буду писать краткіе бюллетени черезъ день.

363.

Полонскому, Я. П. — Парижъ, 13 мая 1882. — Милый Я. П., сейчасъ получилъ твое письмо и немедленно отвѣчаю. Намѣреніе Ж. А. пріѣхать на лѣто въ Rueil меня сначала обрадовало; но потомъ я вотъ что сообразилъ. Въ будущій понедѣльникъ меня перевозятъ въ Буживаль, такъ какъ мнѣ нѣсколько лучше — и докторъ разсчитываетъ на вліяніе перемѣны воздуха. И вотъ что теперь выдетъ: либо я совсѣмъ поправлюсь и все-таки уѣду въ Спасское; либо поправленіе будетъ не большое — но все-таки достаточное, чтобы свезти меня

въ Карлсбадъ; такъ что въ обоихъ случаяхъ жена твоя будетъ здѣсь — а меня не будетъ. Хотя польза для Бори и Наташи все-таки будетъ отъ этой поѣздки, но другая-то цѣль не будетъ достигнута. А представь, какой можетъ быть фокусъ: я въ Спасскомъ—а вы всѣ неизвѣстно гдѣ. Что же касается до ухода за мною то онъ, какъ Гоголевскія индюшки—даже противно смотрѣть—какъ это все обильно и жирно. Подумайте обо всемъ этомъ и не рѣшайтесь прежде чѣмъ я вамъ рѣшительно не скажу: въ Спасское я пріѣхать рѣшительно не могу. Пробывши недѣлю въ Буживалѣ я это узнаю досконально и вы тоже.

За симъ всѣхъ васъ обнимаю и—цѣлую.

PS. Очень меня удивляетъ замедленіе пріѣзда Анненкова. Онъ скоро двѣ недѣли какъ выѣхалъ отсюда: ужъ не занемогъ ли тоже онъ?

364.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 14 мая 1882.—Милая Ж. А., сегодняшній бюллетень лучше; я начинаю, хотя съ трудомъ, ходить по комнатѣ; и, вѣроятно, дней черезъ пять-шесть меня перевезутъ въ Буживаль. Тогда, быть можетъ, дѣло пойдетъ еще скорѣе. Вчера я писалъ Я. Петровичу о вашей поѣздкѣ сюда; я высказалъ ему мое мнѣніе, что считаю ее неудобной, если вы хотите застать меня здѣсь... Кто знаетъ, мы еще, быть можетъ, поживемъ вмѣстѣ въ Спасскомъ. Сегодня я въ болѣе розовомъ настроеніи. Во всякомъ случаѣ подождите моего письма изъ Буживаля.

Дружески обнимаю васъ всѣхъ.

365.

Топорову, А. В. [1]). — Парижъ, 17 мая 1882. — Любезный Топоровъ, обращаюсь къ вамъ съ слѣдующей просьбой. Я обращался-было съ ней къ Стасюлевичу, Анненкову и др., но они отказались. Это на счетъ продажи моихъ сочиненій, если не навсегда, то хотя новаго изданія. Не можете ли вы или съѣздить въ Москву, или хоть списаться съ наслѣдникомъ Салаева (не помню какъ его зовутъ—фамилія начинается съ буквы Д.)—не хочетъ ли онъ купить новое изданіе моихъ вещей съ прибавкою того, что вновь напечатано, и на какихъ условіяхъ? Сколько экземпляровъ, какая цѣна, какіе сроки уплаты? Я все это говорю въ томъ предположеніи, что экземпляры прежняго изданія близки къ истощенію.

Съ моей стороны я полагаю два условія: 1) чтобы половина цѣны была уплачена немедленно — впередъ, чтобы корректура была поручена знающему человѣку—литератору, дабы не повторились ужасы прежняго изданія. Быть можетъ, если наслѣдникъ Салаева не согласится, можно будетъ попытать другого книгопродавца. Гг. Стасюлевичъ и Анненковъ предполагаютъ, что можно запросить 20,000 р. (за 5500 экз.).

Въ этомъ же письмѣ вы найдете особое уполномочіе мое къ вамъ. Надѣюсь, что вы согласитесь, если же нѣтъ — дайте знать. Еще просьба: попросить отъ меня Самарскаго (если онъ еще не уѣхалъ за границу) прислать мнѣ:

a) Образецъ довѣренности вамъ для этого дѣла, которую я спишу здѣсь и, засвидѣтельствуя въ консульствѣ, отошлю вамъ.

b) Образецъ завѣщанія, по которому я на будущее

[1]) Это письмо и нижеслѣдующія были напечатаны въ „Рус. Старинѣ“, октябрь, 1883 г.—Ред.

время подарю право издавать мои сочиненія (ихъ собственность словомъ) послѣ моей смерти кому мнѣ вздумается.

Я очень ему буду за это благодаренъ — ибо я въ этихъ формальностяхъ ничего не смыслю.

Здоровье мое все въ томъ же положеніи, хотя мнѣ лучше, я сидѣть могу — но болѣзнь эта очень продолжительная.

Въ концѣ этой недѣли надѣются перевезти меня въ Буживаль.

Прошу скораго отвѣта—а пока дружески кланяюсь всѣмъ знакомымъ и дружески жму вамъ руку [1]).

366.

Полонскому, Я. П. — Парижъ, 18 мая 1882 г.— Любезный другъ Я. П., сейчасъ получилъ я письмо отъ П. В. Анненкова, въ которомъ онъ мнѣ говоритъ, что Жозефина Антоновна все-таки собирается ѣхать сюда на „помощь“ мнѣ.—Я очень радъ буду ее видѣть—и если она это дѣлаетъ для Бори и для Нади — прекрасно; —но помогать мнѣ, ухаживать за мною—немыслимо; мои дамы, которыя съ такимъ самоотверженіемъ исполняютъ должность сестеръ милосердія—сочли бы всякое чужое вмѣшательство за оскорбленіе — да просто не допустили бы этого; не говоря уже о томъ, что я все еще не теряю надежды попасть въ Спасское въ нынѣшнемъ году.—И потому, милый другъ, разсуди все это вмѣстѣ съ твоей женой—и ты, вѣроятно, убѣдишься, что путешествіе ея именно въ теперешнее время совсѣмъ не кстати. Я никогда въ вашей искренней дружбѣ не сомнѣвался и очень

[1]) Къ этому письму приложено:

„Уполномочиваю Александра Васильевича Топорова на всѣ переговоры по поводу новаго изданія моихъ сочиненій. Ив. Тургеневъ“.

Парижъ, 29-го (17) мая 1882 г.

благодаренъ Жозефинѣ Антоновнѣ за ея дружескую готовность; но я полагаю, что лучше этого всего теперь не дѣлать, не входить въ лишніе расходы и т. д.

Мое здоровье поправляется, правда, весьма туго—но я все еще не въ состояніи переѣхать въ Буживаль; однако надѣюсь на дняхъ это сдѣлать.

Былъ у меня молодой рисовальщикъ и принесъ очень красивые эскизы къ „Кузнечику“; я этого дѣла не покидаю.

Крѣпко обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.

.....

367.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 19 мая 1882 г.—Милый Д. В., пишу вамъ хоть не изъ постели—но все еще изъ моей комнаты, которую не покидаю вотъ уже 2 мѣсяца.—По крайней мѣрѣ я могу сидѣть—хотя ходить и стоять — для меня очень затруднительно. — Въ концѣ этой недѣли надѣются меня перевезти въ Буживаль, гдѣ я застряну, вѣроятно, на долго.

У васъ теперь, вѣроятно, столько хлопотъ на выставкѣ, что я даже не смѣю просить объ отвѣтѣ. Изъ вашего молчанія я заключаю, что бѣдный Масловъ еще живъ—авось онъ выскочитъ изъ челюстей смерти.—Но вотъ какая у меня къ вамъ просьба.—Въ домъ Третьякова (и на имя Сергѣя Михайловича) вѣроятно скоро прибудетъ бочка краснаго вина изъ Бордо.—Это вино—мое; *ничего за него платить не надо*—но только позволить, чтобы эту бочку поставили въ погребъ Третьяковскаго дома, гдѣ оно будетъ ждать дальнѣйшихъ съ моей стороны распоряженій. Вотъ все.

Надѣюсь, что вы бодры и здоровы, обнимаю васъ.

368.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 21 мая 1882 г.—Любезный другъ Я. П., вчера я въ отвѣтъ на твое письмо послалъ твоей женѣ телеграммою совѣтъ, не ѣхать сюда—а сегодня могу только повторить то, что я писалъ и ей, и тебѣ въ послѣднихъ моихъ письмахъ.—Мысль, что я останусь въ Парижѣ одинъ, въ душной и тѣсной комнатѣ—даже фантастична. У меня не одна, а цѣлыхъ 3 комнаты, весьма просторныхъ и отлично меблированныхъ, остаюсь я одинъ только тогда, когда самъ этого желаю—а въ деревню они всѣ переѣдутъ только со мной.—Что же касается до этого переѣзда—который вполнѣ зависитъ отъ моей болѣзни—то онъ все еще откладывается—хотя есть надежда, что въ будущій понедѣльникъ (сегодня у насъ четвергъ) онъ совершится.—Поднимутъ меня какъ чемоданъ, снесутъ въ карету, довезутъ до самаго моего домика—а тамъ опять возьмутъ на руки и донесутъ до моей постели. — То-то я буду радъ! Сейчасъ дамъ знать какъ только это случится.

Что дальше будетъ—извѣстно единому Богу. Но въ результатѣ выходитъ, что и мнѣ, и всѣмъ, кто ко мнѣ расположенъ, приходится ждать съ терпѣніемъ. — Терпѣніе! терпѣніе! повторялъ мнѣ Бѣлоголовый — другого лекарства на вашу болѣзнь *нѣтъ*. Вотъ я и упражняюсь въ терпѣніи.

О „Кузнечикѣ“ я тебѣ уже писалъ.—И тутъ надо терпѣніе. За симъ обнимаю васъ всѣхъ.

369.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 23 мая, 1882 г.—Милая Ж. А., получилъ сейчасъ ваше письмо и спрашиваю себя, что я могу вамъ отвѣчать? — Вы ставите непремѣннымъ условіемъ вашей поѣздки въ Спасское,

чтобы и я туда пріѣхалъ—но я этого никакъ утвердить не могу, и никакая сила воли тутъ не поможетъ.—Завтра меня перевозятъ въ Буживаль, такъ какъ здоровье мое здѣсь не только не поправляется, но даже въ послѣднее время опять похужѣло; въ Буживалѣ я долженъ остаться, по крайней мѣрѣ, 6 недѣль;—а послѣ — спросилъ я доктора, сколько у меня шансовъ на поѣздку въ Спасское? — Онъ отвѣтилъ: да столько же сколько на полное выздоровленіе: 20 на 100.—А потому вы сами можете посудить, какой я могу вамъ дать отвѣтъ.—Большое вѣроятіе на сторонѣ моего недвижнаго пребыванія въ Буживалѣ; было бы особеннымъ счастьемъ, еслибы мнѣ удалось вырваться; но на счастье разсчитывать—дѣло весьма опасное. — И потому, если вы не хотите ѣхать въ Спасское, даже въ томъ (гораздо болѣе вѣроятномъ) случаѣ, что меня тамъ не будетъ,—то остается одно (въ чемъ я теперь такъ сильно упражняюсь)—терпѣливо ждать. А я вамъ изъ Буживаля буду еще аккуратнѣе писать чѣмъ отсюда.—Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ дѣло разрѣшится: если и тогда все тотъ же status quo—то о поѣздкѣ и думать нечего. — За симъ всѣхъ васъ обнимаю.

Изъ Буживаля:

370.

Салтыкову, М. Е.—Буживаль, 26 мая, 1882 г.—Нѣсколько разъ собирался я вамъ писать, любезнѣйшій М. Е., но вамъ, вѣроятно, извѣстно, что вотъ уже 3 мѣсяца слишкомъ, какъ я боленъ и 2 мѣсяца провелъ въ постели.—Меня перевезли сюда въ надеждѣ, что перемѣна воздуха мнѣ поможетъ—такъ какъ собственно усилія докторовъ остались тщетными. Меня подцѣпила какая-то прегнусная болѣзнь, самое имя которой мнѣ было

неизвѣстно—angine de poitrine goutteuse—cardialgie névralgique и т. п.—и которая состоитъ въ томъ, что человѣкъ ни ходить, ни стоять не можетъ—безъ того, чтобы у него въ груди и въ лѣвомъ плечѣ—не дѣлались жестокія боли—а въ послѣднее время къ этому прибавилась nevralgie intercostale въ правомъ плечѣ и боку, которая не позволяетъ лежать; остается одно: сидѣть—да вспрыскивать себя морфиномъ посредствомъ уколовъ. Положеніе, какъ видите, невеселое.—Прибавьте къ этому жестокіе припадки подагры въ ногахъ, мучительную желчевую колику—а главное—неизвѣстность, когда и чѣмъ это кончится—и въ результатѣ выйдетъ веселенькій пэйзажикъ. Пока я сижу здѣсь, какъ Шильонскій узникъ—и не имѣю даже утѣшенія знать, что Байронъ меня воспоетъ, а Жуковскій переведетъ.—(Второе утѣшеніе плохое).

Полагаю, что вы теперь гдѣ-нибудь въ деревнѣ—но пишу вамъ по адрессу „О. З“. и не сомнѣваюсь, что письмо дойдетъ. Кстати объ „О. З“. Я въ послѣднемъ № прочелъ „Наброски карандашомъ“, Шабельской—и поздравляю васъ съ пріобрѣтеніемъ сильнаго и свѣжаго таланта, которому прошу передать мой сердечный привѣтъ.—„День въ Парижѣ“, подписанный А., до того смахиваетъ на особенный, нѣсколько взбалмошный, но не лишенный интереса разговоръ В., что я готовъ пари держать, что это она. Съ мѣсяцъ тому назадъ она уѣхала отсюда, оставивъ мнѣ на память и на прощаніе букетъ, чѣмъ я былъ тронутъ—ибо мы съ ней повздорили—Богъ знаетъ изъ-за чего. Хорошъ тоже „Ищущій правды“, но мѣстами нѣсколько тяжелъ и риторичень. Въ вашемъ „Письмѣ къ тетенькѣ“—худо только одно, что оно послѣднее.... Благодаря моей болѣзни я сталъ какимъ-то всепожирающимъ чтецомъ. Даже „Новое Время“ отъ доски до доски читаю.

Видѣли вы въ Петербургѣ Анненкова? Занялись ли вы оболваненіемъ повѣсти П.?

Дайте мнѣ вѣсточку о себѣ.—Авось хоть вы еще бодры.—Я же превратился въ тотъ самый остатокъ корабля, о которомъ говоритъ Эдипъ, а Антигона возражаетъ: —Видала. Но почто?

Крѣпко жму вашу руку.

371.

Топорову, А. В.—Буживаль, 26 мая 1882.—Любезный А. В., вчера меня перетащили сюда въ надеждѣ, что воздухъ меня поправитъ. До сихъ поръ ничего незамѣтно.—Прежде я не могъ ни ходить, ни стоять, а теперь и лежать не могу—ибо къ моей мерзости въ лѣвой сторонѣ груди присоединилась nevralgia intercostalis въ правой. Остается одно: сидѣть. Я и сижу.

Надѣюсь, что вы получили всѣ мои письма—и жду отвѣта. А я болѣе, чѣмъ когда нибудь, принужденъ пребывать въ совершенной неизвѣстности.

Жму вамъ дружески руку. Поклонитесь Полонскимъ и всѣмъ друзьямъ и хорошимъ знакомымъ.

PS. Можетъ быть, вы уже удосужились съѣздить въ Москву? Во всякомъ случаѣ жду извѣстій.

На оборотѣ.

PPS. Сію минуту получилъ отъ Гинцбурга письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ высланные ему мои 18,400 рублей употребить на изданіе—и потомъ самому продавать. Выгоды конечно большія,—но чѣмъ буду я пока жить?—А можетъ быть столько экземпляровъ осталось въ Москвѣ у Салаева, что и приступить къ новому изданію нельзя. Вы обо всемъ этомъ переговорите съ Стасюлевичемъ и др.

372.

Полонской, Ж. А. — Буживаль, 27 мая 1882.— Третьяго дня меня перенесли, перевезли сюда, любезнѣйшая Ж. А., въ надеждѣ на деревенскій воздухъ; но до сихъ поръ не только не замѣтно улучшенія: мнѣ гораздо хуже, чѣмъ въ Парижѣ. Боль въ *львомъ* плечѣ мѣшаетъ мнѣ ходить и стоять; а тутъ къ этому присоединилась междуреберная невралгія съ *правой* стороны, которая не позволяетъ мнѣ лежать,—особенно ночью. Остается одно: сидѣть—пока и это не окажется затруднительнымъ. Что будетъ дальше—неизвѣстно; но я полагаю, уже теперь, приходится бросить всякую мечту о вояжѣ, передвиженіи и т. п. Впрочемъ, даю себѣ сроку еще пять дней—и тогда напишу уже *навѣрное*—хотя уже теперь предвижу, что напишу.

Надо съ этимъ примириться: человѣкъ я *похеренный*—хотя проскрипѣть могу еще долго.

А кругомъ, все зелено, цвѣтетъ, птицы поютъ, и т. д. Но все это прекрасно и любезно, пока здоровъ, а тутъ невольно вспоминается о „равнодушной“ природѣ.

Будьте вы здоровы и бодры; у васъ еще полъ-жизни впереди. У васъ отличный мужъ, милыя дѣти, вотъ вамъ и заботы, и радости.

Черезъ 5 дней напишу опять—а пока обнимаю васъ всѣхъ.

PS. Мнѣ какъ-то Яковъ Петровичъ совѣтовалъ побѣдить болѣзнь силою воли. Скажите ему, что я тогда постараюсь послѣдовать его совѣту, если ему удастся *одною* силою воли, не морщась и не махая рукою и не встряхиваясь, а *одною силою воли* согнать муху съ собственнаго носа—особенно если носъ потный и представляетъ мухѣ обильную пищу.

373.

Колбасину, Е. Я.—Буживаль, 27 мая 1882 г.—Любезнѣйшій Е. Я., когда ваше письмо отъ 20 апрѣля пришло ко мнѣ—я уже болѣе 2 недѣль лежалъ въ постели, съ которой всталъ только нѣсколько дней тому назадъ. Болѣзнь у меня оказалась хоть и не опасная, но мучительная, продолжительная — и главное: трудно излечимая. Вотъ и теперь меня третьяго дня съ трудомъ перетащили сюда въ надеждѣ на дѣйствіе деревенскаго воздуха; но мнѣ кажется, еще хуже стало. Не могу ни стоять, ни ходить отъ боли въ лѣвой сторонѣ груди; а ночью не могу спать, ибо междуреберная невралгія на правой сторонѣ не позволяетъ лежать. Сидѣть—вотъ мое единственное положеніе. Боли къ тому и сильнѣйшіе припадки подагры въ ногахъ, и жестокія желчевыя колики; словомъ – всѣ онёры!

Едва ли я когда-нибудь сдѣлаюсь прежнимъ человѣкомъ; жить могу еще долго — но вотъ и все, хотѣлъ было все лѣто провести въ деревнѣ—были дѣла разнаго роду—все это въ воду!

Не удивительно, что я такъ и не удосужился написать статью о прекрасной брошюрѣ г-жи Калмыковой. И какой былъ бы изъ этого толкъ. Единственнымъ средствомъ къ прекращенію всѣхъ этихъ безобразій было бы громкое царское слово, которое народъ услышалъ бы въ церквахъ (на что съ обычной смѣлостью и прямотою—указала „Страна“); но царское слово молчитъ, и что можетъ значить отдѣльный голосокъ какой угодно интеллигенціи?—„Новое Время“ заплюетъ и уличитъ тебя въ желаніи порисоваться или даже намекнетъ, что тебя евреи подкупили. Остается только краснѣть (особенно здѣсь въ Европѣ), краснѣть за себя, за свою родину, свой народъ—и молчать.

Я еще такъ плохъ, что не могу долго писать; если

станетъ лучше — дамъ вамъ знать, если же не будетъ письма, такъ ужъ и знайте — что былъ когда-то писатель такой-то, въ свое время — что-то немногое сдѣлавшій; а теперь ужъ его нѣтъ,—а живетъ гдѣ-то больной старикъ, который не только впередъ не заглядываетъ — да и вокругъ себя старается не глядѣть.

Желаю вамъ отъ души всего хорошаго и крѣпко жму вамъ руку.

374.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 30 мая 1882.—Милый Я. П., вчера получилъ я твое письмо и вчера же прибылъ докторъ изъ Парижа, который опять изжарилъ мнѣ спину—а завтра будетъ жарить бокъ. Изъ этого ты можешь заключить, что болѣзнь моя опять разыгралась и перемѣна воздуха только ухудшила мое положеніе! Результатъ этого всего —то, что я очень радъ, что вы всѣ рѣшились ѣхать въ Спасское —но что вы должны теперь знать, что меня *навѣрное* тамъ не будетъ —и что ты долженъ заранѣе разсчитывать на ту скуку тамошняго одиночества, которую ты мнѣ такъ живописно изобразилъ въ одномъ изъ твоихъ писемъ. А конфузиться на счетъ расходовъ вамъ не слѣдуетъ: они бы существовали и безъ васъ. Въ такомъ смыслѣ я сегодня же написалъ Щепкину.

С. я конечно твоей „сплетни“ не передамъ—да и Богъ вѣсть когда я ее увижу. Только —чудачка же она! Изъ всѣхъ моихъ 4 комнатъ она видѣла только одну — спальню, которая не меньше и не ниже обыкновенныхъ парижскихъ спаленъ. Музыка подо мною не только не надоѣдала мнѣ—но я даже истратилъ 200 фр. для устройства слуховой длинной трубы, чтобы лучше ее слышать; Віардо точно очень старъ—да вѣдь и я не розанчикъ—

и видѣлъ я его всего разъ въ день и то на 5 минутъ; — а прелестныя дѣти г-жи Віардо и она сама безпрестанно у меня сидѣли. Жалѣть обо мнѣ можно было только потому, что я боленъ, и кажется неизлечимо; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я какъ сыръ въ маслѣ катался. То же и теперь продолжается здѣсь: и болѣзнь неизлечимая, и всевозможные за мной уходы и удобства.

И это будетъ такъ продолжаться долго-долго, вѣроятно до конца дней моихъ.

За симъ я всѣхъ васъ дружески обнимаю, поздравляю Алю съ переходомъ въ 4-й классъ—и желаю вамъ всѣмъ всего лучшаго, начиная со здоровья.

PS. Когда вы будете въ Спасскомъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу—родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу.

375.

Топорову, А. В. — Буживаль, 1 іюня 1882 г. — Любезнѣйшій Топоровъ, вчера получилъ я ваше письмо— а сегодня пришло письмо Думнова (наслѣдника Салаева), который готовъ купить новое изданіе и даже не прочь отъ пріобрѣтенія моихъ сочиненій на вѣчныя времена. Но я согласенъ съ вами, что лучше сперва продать одно изданіе—а тамъ виднѣе будетъ. Я ему сегодня же пишу, что онъ черезъ васъ узнаетъ мои условія, кои суть слѣдующія:

Экземпляровъ, по прежнему, для него 5,500, а для меня 25. Цѣна 25,000 р. съ прежней разсрочкой, но что бы непремѣнно 5,000 р. были бы высланы сюда теперь же, по совершеніи контракта.

Такъ какъ лучшаго редактора, какъ Стасюлевичъ, даже въ области идеала нельзя найти—то и это должно внести въ контрактъ, тѣмъ болѣе, что болѣе дешевой и во

всѣхъ отношеніяхъ отличной типографіи тоже и Думскому (sic) найти нельзя.

Въ составъ новаго изданія войдетъ конечно уже напечатанное—и сверхъ того все, что я въ нынѣшнемъ году (если напишу), и статья: „Семейство Аксакова и Славянофилы“, которая давно уже готова, но по разнымъ причинамъ откладывалась. Въ ней будетъ два листа слишкомъ—и она войдетъ въ составъ „Литературныхъ и Житейскихъ воспоминаній“.

Итакъ, по полученіи сего письма, войдите, пожалуйста, въ сношеніе съ Думновымъ и авось дѣло уладится. Въ случаѣ нужды даю вамъ полное право измѣнить, по вашему усмотрѣнію, иныя изъ сихъ условій, какъ напр. на счетъ цѣны и т. д.

Ожиданнаго поправленія къ лучшему въ моемъ здоровьѣ не воспослѣдовало: оно, напротивъ, хуже стало. О поѣздкѣ въ Россію лѣтомъ нечего и думать.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

PS. Если Стасюлевичъ еще не уѣхалъ изъ Петербурга, поклонитесь ему отъ меня низкимъ поклономъ за его любезное предложеніе. Буду ждать сообщенія отъ Самарскаго, которому также поклонитесь отъ меня.

376.

Полонской, Ж. А. — Буживаль, 1 іюня 1882.— Милая Ж. А., вотъ вамъ сегодняшній бюллетень: 4-го дня мнѣ жгли спину—вчера бокъ.—Сегодня надѣли на меня пресложную машинку, которая, давя на лѣвую ключицу, даетъ мнѣ возможность стоять и ходить.—Это большое усовершенствованіе, — но здоровье, очевидно, похужѣло, такъ какъ безъ вспрыскиванія морфиномъ я ни спать, ни лежать не могу—и всякое неосторожное движеніе

вызываетъ судороги въ груди.—Поднять руки выше головы мнѣ невозможно — и меня должны чесать и умывать другія руки.

Результатъ всего этого — только подтвержденіе того, что я сказалъ въ письмѣ Якову Петровичу: нечего думать ни о какомъ путешествіи.

Напишите мнѣ ваше окончательное рѣшеніе,—а пока обнимаю васъ всѣхъ.

377.

Ей же. — Буживаль, 2 іюня 1882. — Очень меня обрадовало ваше письмо, любезнѣйшая Ж. А., и вы видите, я, согласно вашему предписанію, пишу вамъ въ Спасское. Надѣюсь, что вамъ будетъ тамъ хорошо и удобно; васъ же прошу доставлять мнѣ, сколько возможно, подробныя свѣденія о томъ, что тамъ дѣлается — и замѣнить мой (какъ вамъ извѣстно, довольно плохой) хозяйскій глазъ на счетъ саду и разныхъ овощей, плодовъ и фруктовъ (садъ, по новому контракту, предоставленъ въ полное мое вѣденіе и садовникъ нанятъ новый) — кухни, конюшни, прачешной и т. д. — Мнѣ очень пріятно—и, вѣроятно, полезно—что вы будете тамъ у меня хозяйкой.—Въ этомъ смыслѣ я написалъ вчера Щепкину, который въ нынѣшнемъ же году покидаетъ меня и переѣзжаетъ въ имѣніе, купленное ему его отцомъ.—Также на счетъ крестьянъ, бабъ, училища, богадельни, часовни (!!!)—лекарствъ и пр. я бы желалъ имѣть свѣденія—и, надѣюсь, что вы не полѣнитесь мнѣ писать обо всемъ подробно, не смущаясь тѣмъ, что вы, по словамъ вашимъ, не имѣете слогу — и пр.

Кстати, я было написалъ Всеволоду Гаршину, чтобы онъ не пріѣзжалъ, такъ какъ меня тамъ не будетъ и въ то время вы еще не рѣшались ѣхать безъ меня,—

но теперь, если братъ его ѣдетъ съ вами—то пускай онъ пріѣзжаетъ погостить и отдохнуть.

Что же до меня касается—то состояніе мое не мѣняется: немного похуже, немного получше,—но въ сущности болѣзнь не уступила ни на волосъ.—Къ тому же погода у насъ стоитъ адская; впрочемъ, погода на меня всегда мало дѣйствовала.—Сегодня 8-й день какъ я въ Буживалѣ,—но еще ни разу не выходилъ изъ комнаты—и едва ли скоро выйду.—Повторяю: я человѣкъ *похеренный*.—Желаю вамъ всѣмъ веселья, бодрости, здоровья.—Обнимаю васъ всѣхъ—и цѣлую въ особенности васъ.

PS. Пришлите мнѣ сиреневый цвѣтокъ изъ Спасскаго.

378.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 6 іюня 1882.—Любезнѣйшій Я. П., сейчасъ получилъ письмо отъ твоей жены съ пріятнымъ для меня извѣстіемъ, что она вмѣстѣ съ дѣтьми отправляется въ Спасское.—Я уже написалъ ей туда. Я прошу ее тамъ хорошенько хозяйничать—по словамъ Щепкина, садовникъ у меня теперь хорошій—и садъ въ полномъ блескѣ.—Ты, можетъ быть, не знаешь, что Щепкинъ скоро меня покидаетъ—ему отецъ купилъ небольшое имѣніе въ Ефремовскомъ уѣздѣ—однако до осени остается въ Спасскомъ. Твоя жена можетъ мнѣ быть тамъ очень полезна, я ее просилъ часто ко мнѣ писать.

Что касается до моего здоровья—то оно, какъ тебѣ извѣстно, значительно ухудшилось со времени моего переѣзда сюда—и не подаетъ пока еще никакого знака улучшенія.—Бѣлоголовый совѣтуетъ мнѣ взять другого врача. Но я полагаю, что все это едино: съ этой болѣзнью я уже болѣе не разстанусь. Я утѣшаю себя

тѣмъ, что я могъ бы ослѣпнуть, что было бы еще хуже. Обнимаю тебя.

379.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 10 іюня 1882.—Милая Ж. А., прошу васъ немедленно по полученіи настоящаго письма, самолично отвезти прилагаемый кувертъ нашей сосѣдкѣ Елизаветѣ Мардаріевнѣ Якушиной (она живетъ отъ насъ въ 5 верстахъ по шоссе въ Чернь). Къ тому же г-жа Якушкина очень хорошая и умная особа—и съ ней вамъ будетъ пріятно познакомиться [1]).

Бастыевская катастрофа продолжаетъ мучить меня и волновать. Съ нетерпѣніемъ жду болѣе подробныхъ извѣстій.—Въ газетахъ сказано, что въ числѣ погибшихъ находится сынъ моего двоюроднаго брата, Николая Петровича Тургенева. Если это правда—то мнѣ очень жаль этого юношу.—Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ—гдѣ онъ былъ студентомъ.—Его имя - Николай (это не тотъ студентъ, Алексѣй Николаевичъ, который былъ у насъ въ Спасскомъ.—Кстати, имѣете ли вы о немъ извѣстіе?)

Сегодня у меня выдался порядочный день.—Однако, ночью я все-таки принужденъ былъ прибѣгнуть къ вспрыскиванію морфиномъ.

Обнимаю и цѣлую васъ и всѣхъ вашихъ.

380.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 11 іюня 1882.—Милая Ж. А., я получилъ вчера письмо отъ Гаршина (Евгенія)—и прошу васъ поблагодарить его отъ моего

[1]) О ней упоминается въ „Воспоминаніяхъ объ И. С. Тургеневѣ“ Е. М. Гаршина („Историческій Вѣстникъ“ 1883 г. ноябрь, стр. 394).

имени за доставленныя имъ свѣденія о вашемъ прибытіи и помѣщеніи въ Спасскомъ. Кстати, недѣли двѣ тому назадъ я написалъ его брату Всеволоду (*по деревенскому его адрессу*)—что какъ меня въ Спасскомъ въ нынѣшнемъ году не будетъ, то я и не рѣшаюсь приглашать его туда. Но изъ письма Евгенія я вижу, что Всеволодъ, въ Петербургѣ,—а такъ какъ и вы и Евгеній теперь въ Спасскомъ (когда я писалъ ему, я еще не зналъ, рѣшитесь ли вы туда поѣхать) - то теперь, кажется, ничего не препятствуетъ ему тоже пріѣхать въ Спасское, чему я буду очень радъ, такъ какъ онъ тамъ отдохнетъ — да и вамъ всѣмъ не будетъ такъ скучно.—Что же касается до этой скуки, о которой уже упоминаетъ Евгеній, то, къ сожалѣнію, она, при совершенномъ отсутствіи общества, неизбѣжна! Чтобы нѣсколько ее разсѣять, предлагаю вамъ заняться хозяйствомъ, это будетъ очень полезно—и къ чему вы имѣете и охоту, и талантъ.—А Гаршинъ пусть предприметъ литературную работу, пользуясь библіотекой и т. д.—Радуетъ меня то, что погода васъ встрѣтила ласково—и дѣти, по выраженію Гаршина, уже съ перваго дня успѣли загорѣть.—Жду отъ васъ болѣе подробныхъ описаній.

Что же касается до меня – то какъ во всѣхъ хроническихъ продолжительныхъ болѣзняхъ—мнѣ одинъ день получше, другой похуже—въ сущности перемѣны нѣтъ. Я теперь нахожусь на томъ самомъ пунктѣ, на которомъ былъ передъ выѣздомъ изъ Парижа—ужъ и то хорошо, что явный вредъ, причиненный мнѣ моимъ переселеніемъ, стушевался. Вотъ уже пять дней какъ я принимаю хининъ въ довольно большихъ дозахъ—и это мнѣ, кажется, помогло.

Погода здѣсь поправилась; но все еще перепадаютъ дождики и воздухъ сыръ.

Увѣдомьте меня, окончательно ли приведенъ въ по-

рядокъ конный дворъ—и что часовня? Поклонитесь отъ меня Захару и его семейству—и скажите ему, чтобы онъ такъ же старательно ухаживалъ за вами какъ за мною.—Распорядился ли Щепкинъ на счетъ доставки краснаго вина, бочка котораго, мнѣ принадлежащая, находится въ Москвѣ, въ домѣ Третьякова? Я о ней писалъ ему.

За симъ васъ всѣхъ обнимаю и остаюсь душевно вамъ преданный.

PS. Не давайте лошадямъ застаиваться на конюшнѣ, берите ихъ всегда, когда вздумается, на разъѣзды.

381.

Топорову, А. В—Буживаль, 13 іюня 1882.—Любезный А. В. Вчера вечеромъ я получилъ ваше письмо съ *довѣренностью*. Такъ какъ сегодня воскресенье, то консульство закрыто; но завтра же довѣренность будетъ засвидѣтельствована и отправлена къ вамъ.

Не забудьте также напомнить любезнѣйшему Самарскому, что я все еще жду проектъ *завѣщанія*. Наслѣдника Салаева зовутъ не Думскимъ, а Думновымъ. Контрактъ съ Салаевымъ остался у меня въ Парижѣ; постараюсь его достать и тоже пришлю вамъ.

Что же касается моего здоровья, то мнѣ одинъ день будто получше, другой хуже. Въ сущности ничего не измѣнилось и я все также осужденъ на неподвижность на неопредѣленное время. Погода все не исправляется.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

382.

Полонскому, Алѣ [1]).—Буживаль, 15 іюня 1882.—Любезнѣйшій г. редакторъ „Спасскаго Вѣстника“! Очень

[1]) Малолѣтній сынъ Я. П. Полонскаго.—Ред.

вамъ благодаренъ за доставленіе мнѣ вашего столь интереснаго журнала! Я прочелъ первый № съ великимъ удовольствіемъ — и надѣюсь получать послѣдующіе №! Желательно было бы имѣть корреспонденціи о состояніи сада, о количествѣ и качествѣ фруктовъ, о положеніи, въ которомъ находятся пруды и т. д.—Что касается до наименованія двухъ анонимныхъ лошадей, то предоставляю всему семейству сообща придумать имъ приличныя клички—конечно, не въ родѣ „Чертополоха“ или „Скарификатора“. Также желательно было бы знать—дѣйствительно ли образъ Александра Невскаго въ часовнѣ похожъ на сего знаменитаго мужа? —Надѣюсь также, что обитатели „Савинской“ комнаты будутъ обходиться съ нею бережно—и не обольютъ пола химическими остротами и растворами, какъ то произошло въ двухъ мезонинныхъ комнатахъ!

Прошу передать мой поклонъ всѣмъ спасскимъ жителямъ!--Что же до меня касается, то, къ сожалѣнію, долженъ донести, что нахожусь въ томъ же—довольно скверномъ—состояніи здоровья.

За симъ прошу г-на редактора принять выраженіе искренняго сочувствія къ его таланту и любезности!

PS. Неотелившихся коровъ совѣтую немедленно съѣсть—и пріобрѣсть другихъ съ молокомъ.

383.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 16 іюня 1882.—Милый Я. П., на твои два письма имѣю отвѣтить—что въ моемъ здоровьѣ никакихъ перемѣнъ не произошло—сирѣчь, оно достаточно гадко--и будущее закрыто тою же непроницаемой завѣсой.—Мнѣ очень пріятно, что всѣ твои въ Спасскомъ; я уже писалъ туда и получилъ

оттуда два письма, одно отъ Гаршина, другое отъ Али, въ видѣ журнала подъ заглавіемъ: „Спасскій Вѣстникъ“.

С. ускакала въ Италію, въ городокъ, лежащій близъ Лаго ди Комо.—Я ей послалъ туда деньги—3 недѣли тому назадъ—но она даже не извѣстила меня о полученіи оныхъ—а два другихъ письма оставила безъ отвѣта.

За симъ обнимаю тебя.

384.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 17 іюня 1882. Милая Ж. А., великое вамъ спасибо за ваше письмо съ цвѣтами и листьями Спасскаго сада; оно меня порадовало. Благодарю также за обѣщаніе впередъ писать подробно. (2 № „Спасскаго Вѣстника“ я также получилъ и прочелъ съ интересомъ).—Отъ души поздравляю васъ съ блистательнымъ успѣхомъ лѣпныхъ работъ; у васъ такія золотыя руки, что вы ими сдѣлаете все, что хотите.—Отчего вамъ не быть хорошимъ скульпторомъ? Позвольте васъ не только поздравить, но и поцѣловать.—Вотъ вамъ занятіе въ одиночествѣ Спасскаго, гдѣ вамъ теперь должно быть нѣсколько скучно и томно.

О себѣ, къ сожалѣнію, не могу сказать ничего особенно хорошаго. Болѣзнь какъ будто нѣсколько ослабѣла, но не подалась ни на волосъ. По прежнему я не могу ни стоять, ни ходить, если на мнѣ нѣтъ машинки, сдавливающей лѣвую ключицу—и что это за ходьба! Всякая черепаха меня обгонитъ.—Стать также не могу безъ особенныхъ приготовленій: либо горячими салфетками меня обкладываютъ, либо дѣлаютъ вспрыски изъ морфины. По утрамъ и по вечерамъ тѣ же боли въ груди и въ правомъ плечѣ. Вотъ, только ѣмъ я исправно—и подагра въ погахъ меня покинула; но вообще—я тотъ

же похеренный человѣкъ, какимъ сталъ три мѣсяца тому назадъ и какимъ вѣроятно останусь до конца моей жизни.

Радуюсь тому, что у васъ хорошая погода; у насъ она неудовлетворительна по прежнему.—Сыро, холодно; такъ, что я, къ довершенію удовольствія, вчера получилъ сильный насморкъ.—Откуда, батюшки?!

За симъ обнимаю крѣпко васъ и вашихъ дѣтей—а всѣмъ остальнымъ спасскимъ жителямъ кланяюсь дружески.

385.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 23 іюня 1882.—Милый Я. П., соображаясь съ твоимъ письмомъ, адрессую тебѣ мое письмо въ Спасское—и очень буду радъ, если оно тебя тамъ застанетъ.

Какой бы ты пейзажъ ни написалъ, мнѣ будетъ очень пріятно его получить.

А главное—отдыхай и лечись, потому что и тебѣ нужно лечиться.

Мое положеніе все одно и то же. Даю тебѣ слово, что, какъ только мнѣ будетъ лучше—я немедленно тебя извѣщу—а до тѣхъ поръ ужъ и не спрашивай.

Очень буду радъ увидѣть г. Бертенсона.

Обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь, душевно преданный.

386.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 25 іюня 1882.—Милая Ж. А., сейчасъ получилъ я ваше письмо отъ 20-го іюня н. с. и Спасскій Вѣстникъ № 4. Благодарю отъ всего сердца за сообщеніе извѣстій—но самъ не могу отвѣчать такъ же подробно, какъ бы хотѣлъ. Вообще мнѣ нѣсколько легче—но моя капризная болѣзнь при-

няла новую форму: я почти не могу писать. — Движеніе правой руки медленно возбуждаетъ и усиливаетъ мою постоянную боль въ правой лопаткѣ—и я принужденъ бросать перо.—Со вчерашняго дня я началъ новое леченіе по совѣту великаго здѣшняго врача Жакку:—пью молоко въ огромномъ количествѣ съ примѣсью какихъ-то пилюль.—Посмотримъ—что будетъ?—Особенно тягостны ночи, которыя я провожу почти безъ сна.—Къ тому же погода отвратительная—дожди постоянные.—Сегодня, 8 іюля, мы принуждены были затопить камины. А у васъ вонъ какія жары!—Надѣюсь, что мой старикъ Захаръ уже поправился отъ своего солнечнаго удара.

Я не знаю, какъ благодарить васъ за ваши хлопоты о хозяйствѣ; подъ вашимъ наблюденіемъ, оно конечно разцвѣтетъ.

Яковъ Петровичъ теперь уже въ Спасскомъ—и вѣроятно уже принялся за живопись.—А вы за лѣпку, такъ какъ привезли глину.—Вылѣпите головку Бори.

Всѣхъ васъ крѣпко обнимаю и остаюсь навсегда вашимъ неизмѣннымъ другомъ.

PS. Не рѣшаюсь писать на Бастыево. Изъ Бастыева въ Спасское письмо дойдетъ навѣрное — но отсюда до Бастыева?!

Какіе это орловскіе купцы (!) жертвуютъ мнѣ на альбомъ 6000 р. с.?— Это что-то непостижимое—сверхъестественное! И что я сдѣлалъ этимъ купцамъ?

387.

Топорову. А. В.—Буживаль, 28 іюня 1882.—Любезнѣйшій Топоровъ, въ отвѣтъ на ваше письмо имѣю вамъ сказать, что не вижу необходимости въ особенныхъ инструкціяхъ. Продавать сочиненія не слѣдуетъ уже просто потому, что никто 60,000 не дастъ. А отдѣль-

ное изданіе продать, если нельзя за 25,000, то хоть за 23,000. Это послѣдняя цѣна, и отъ васъ будетъ зависѣть, на какую сумму рѣшиться. Одно непремѣнное условіе: 5,000 р. впередъ. Впрочемъ, молчаніе Думнова служитъ, кажется, доказательствомъ, что онъ въ виду большого количества остающихся экземпляровъ, беретъ свое намѣреніе назадъ. Если Глазуновъ точно желаетъ быть издателемъ—тѣмъ лучше, но я сомнѣваюсь. Контракта я вамъ не выслалъ потому, что онъ въ Парижѣ—поѣхать туда я пока не могу—а лица, которымъ я поручалъ розыскать его, не нашли его. Но я надѣюсь въ скорости его прислать. Кстати: другое непремѣнное условіе—это хорошая и честная корректура, какъ это было сказано въ Анненковской программѣ, что вѣрнѣе всего связано съ печатаніемъ въ типографіи Стасюлевича. Въ концѣ мѣсяца онъ будетъ у меня здѣсь, и мы переговоримъ. Во всемъ остальномъ даю вамъ: carte blanche, т.-е. оставляю все на вашъ произволъ. Благодарите отъ меня Самарскаго за присылку образца завѣщанія: я имъ воспользуюсь.

Что касается до моей болѣзни,—то мнѣ опять хуже стало, послѣ нѣкотораго облегченія. Хуже, лучше—это не имѣетъ значенія.—Болѣзнь моя неизлечимая—и я навсегда прикованъ здѣсь.—Я съ этимъ примирился... насколько это возможно.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь искренно вамъ преданный.

388.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 29 іюня 1882.—Милая Ж. А., сообразно съ вашимъ желаньемъ, пишу вамъ опять.—Увѣряю васъ, что если я не пишу чаще,—то это потому, чтобы не огорчать васъ чаще.—Никакой перемѣны въ моей болѣзни не произошло: она—

словно гранитная скала. Временами, какъ будто лучше, временами опять хуже: но вотъ вамъ постоянная программа моего существованія.—Ночь постоянно скверная, просыпаюсь безпрестанно,—несмотря на горячія припарки, хлоралъ, хлороформъ, и даже морфинъ.—Особенно сильныя боли между 3 и 7-ю часами утра.—Утро обыкновенно покойное: могу стоять и ходить—конечно, немного—и разумѣется съ машинкой, которая давитъ на лѣвую ключицу; безъ машинки всякое движеніе немыслимо; даже и съ ней боли бываютъ довольно сильныя, какъ сегодня напр.—Къ обѣду правая лопатка начинаетъ ныть и все сильнѣе и мучительнѣе до 10 часовъ вечера.—Отъ 10 часовъ до полночи маленькій роздыхъ; тамъ опять начинается.

Писаніе раздражаетъ боль (отъ движенія руки).—Выѣздъ въ каретѣ—очень спокойной—я пробовалъ дважды на короткое время: это тоже раздражаетъ больное мѣсто, вѣроятно, отъ сотрясенія.—Аппетитъ хорошій, желудокъ въ порядкѣ—никакой лихорадки нѣтъ.—Моя конституція, вѣроятно, совершенно сжилась съ моей болѣзнью; вѣрный признакъ ея неизлечимости.—Такъ можно прожить 20 лѣтъ;—вопросъ: стоитъ ли?—Очевидно, что ни о какомъ путешествіи думать нельзя. И потому будьте такъ добры, не зовите меня въ Спасское, не говорите, какъ бы я тамъ поправился, какъ бы хорошо за мной ухаживали... и т. д.—Все это я отлично знаю—но это только больше мучитъ меня.—Я стараюсь примириться съ моимъ безъисходнымъ положеніемъ; и потому тщательно отгоняю прочь всякія надежды и вообще всякія мечты о будущемъ: *Личная* моя жизнь прекратилась; пожалуйста, не считайте это ни преувеличеніемъ, ни мнительностью, ни хандрой; это—голый фактъ, и чѣмъ меньше объ этомъ говорить—тѣмъ лучше.—Вы первая узнаете, еслибы, паче чаянія, наступило выздоровленіе;

а до тѣхъ поръ будемте молчать объ этомъ. За симъ всѣхъ васъ обнимаю.

389.

Топорову, А. В.—Буживаль, 4 іюля 1882 г.—Любезнѣйшій Топоровъ, на ваше письмо имѣю отвѣчать слѣдующее: вамъ извѣстны условія, на которыхъ я согласенъ продать изданіе моихъ сочиненій — (5,000 р. впередъ, хорошая корректура и печатать у Стасюлевича); все остальное зависитъ отъ вашего благоусмотрѣнія. Я вамъ писалъ, что доволенъ буду 23,000 вм. 25; если вы найдете возможнымъ спустить еще 1,000—т. е., продать за 22—и то добре.

Вы можете сказать Глазунову, что сверхъ напечатанныхъ еще статей—я могу обѣщать еще двѣ, которыя въ первый разъ у него явятся—одна: „Семейство Аксаковыхъ и Славянофилы“ (она давно уже лежитъ въ моемъ портфелѣ)—другая: автобіографическая. Кажется, Глазунову не обидно будетъ дать 23 тысячи.

Конечно, лучше было бы 25 — да мало чего нѣтъ! Вотъ и мнѣ лучше было быть здоровымъ — а вотъ поди-жъ ты!

Предоставляю сіе вашему благоразумію и такту.

Въ болѣзни моей никакой нѣтъ перемѣны—и я еще долго буду сидѣть здѣсь, какъ прикованный.

Дружески жму вамъ руку, преданный вамъ.

PS. Вы уже изъ прежняго моего письма могли усмотрѣть, что я на Думнова махнулъ рукою.

390.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 5 іюля 1882 г.—Милая Ж. А., получилъ я ваше письмо и „Спасскій

Вѣстникъ".—О себѣ не могу ничего сказать хорошаго; третьяго дня мнѣ опять жгли спину и грудь (въ 6-й разъ)—съ тѣмъ же—т. е. ничтожнымъ результатомъ. Болѣзнь моя незыблемо установилась—и ждать перемѣны было бы легкомысленно. Мнѣ самому тяжело думать, что я надолго прикованъ къ здѣшнему мѣсту — и тяжело васъ огорчать этимъ извѣстіемъ;—поэтому лучше объ этомъ не распространяться. Вы напрасно видите въ моихъ словахъ упадокъ духа; въ нихъ скорѣе признаніе невеселаго факта—и резиньяція. Изъ письма Щепкина я вижу, что Яковъ Петровичъ прибылъ въ Спасское. Очень я тому радъ и желаю ему спокойнаго житья и выздоровленья. По телеграммамъ мы узнали о страшномъ несчастьѣ, происшедшемъ на желѣзной дорогѣ, около Бастыева. Надѣюсь, что никто изъ спасскихъ жителей при этомъ не пострадалъ. Успокойте меня скорымъ отвѣтомъ и сообщеніемъ подробностей.

Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ и остаюсь навсегда вашъ вѣрный другъ.

PS. Распорядитесь о прибавкѣ гарница овса лошадямъ. Также, если нужно, о пріобрѣтеніи водовозки. Щепкинъ мнѣ пишетъ о прибытіи бочки вина. Распорядитесь также о разливкѣ его въ бутылки—и кушайте на собственное и мое здоровье. За всѣ эти хлопоты тысячу разъ благодарю васъ заранѣе, моя милая хозяюшка.

PSS. Передайте прилагаемое письмо Н. А. Щепкину.

391.

Топорову, А. В.—Буживаль, 5 іюля 1882 г.—Любезнѣйшій А. В., вчера я вамъ писалъ—и вотъ опять пишу сегодня, такъ какъ вчера вечеромъ пришло ваше письмо, въ которомъ вы мнѣ сообщаете предложеніе на-

слѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ. Я очень этому радъ и благословляю васъ на совершеніе съ ними контракта. Условія вамъ извѣстны, но я готовъ ихъ повторить: 1) Цѣна (если они даютъ) 25,000 р.,—5,000 р. впередъ, остальныя деньги съ разсрочкой какъ въ прежнемъ контрактѣ. (NB. Я завтра, какъ ни какъ, потащусь въ Парижъ—найду тамъ прежній контрактъ и пришлю его вамъ тотчасъ). 2) Исправная и литературная корректура. Печатаніе у Стасюлевича, если возможно. 4) Прибавленіе съ моей стороны двухъ неизданныхъ статей сверхъ всѣхъ напечатанныхъ. 5) Въ мою пользу 25 экземпл. 6) На 6,000 экз. я не согласенъ – достаточно 5,500; если же Салаевъ хочетъ непремѣнно 6,000., то слѣдуетъ сдѣлать пропорціональную надбавку на цѣну всего изданія.

Благодарю васъ за всѣ хлопоты. Ждите на дняхъ присылки контракта. Дружески жму вамъ руку.

392.

Ему же. — Буживаль, 8 іюля 1882 г. — Любезнѣйшій Топоровъ, посылаю вамъ наконецъ мною найденный контрактъ съ Салаевымъ. Изъ него вы усмотрите, что онъ заключенъ на сумму 22,000 р., (а не 25,000). Вслѣдствіе сего вамъ будетъ возможно — если найдете удобнымъ—либо также ограничиться этой цифрой или 23,000 р. — или согласиться на печатаніе 6,000 экз. при 25,000 цѣнѣ.

Вообще, повторяю, дѣйствуйте совершенно самостоятельно,—я же заранѣе на все согласенъ, чтобы вы ни рѣшили.

Жму вамъ дружески руку.

393.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 9 іюля 1882 г.—Милый Я. П., получилъ я разомъ твое письмо и письмо Жозефины Антоновны и „Спасскій Вѣстникъ“; за все великое спасибо—но не могу отдѣлаться отъ потрясающаго впечатлѣнія Бастыевской катастрофы. Ужасныя слова: „стоны слышались подъ землей до 10 часовъ утра“—такъ и засѣли гвоздемъ въ голову. Неужели же не было сейчасъ приступлено къ раскопкѣ? — Можетъ быть, въ числѣ заживо погребенныхъ находятся знакомые, друзья... Вѣдь это тотъ самый поѣздъ, который обыкновенно брали всѣ ѣхавшіе изъ Москвы—который я всегда бралъ. Ради Бога, сообщи какъ можно скорѣе все, что узнаешь...

Очень радъ, что *твое* крушеніе обошлось благополучно. Спасскій воздухъ тебя окончательно возстановитъ. Къ тому же у насъ съ тобою—первая во всей Россіи хозяйка; благодари ее много разъ отъ моего имени.

Что касается до меня—я все еще, какъ говорится—ни тпру, ни ну́. Бертенсонъ еще не пріѣзжалъ, по крайней мѣрѣ, я ничего о немъ еще не слышалъ.

Погода у насъ наконецъ поправилась—хотя это все еще не лѣтняя погода.

Обнимаю васъ всѣхъ. Общій вашъ другъ.

PS. Завтра напишу особое письмо Наташѣ.

394.

Топорову, А. В.—Буживаль, 10 іюля 1882 г.—Любезный А. В., вслѣдствіе письма, полученнаго мною отъ Анненкова, я вамъ послалъ вчера телеграмму о моемъ согласіи на изданіе Думновымъ моихъ сочиненій въ числѣ 6,000 экз. за 25,000 руб. сер.

Я это сдѣлалъ потому, что по старому контракту, который я высылаю вамъ страховымъ письмомъ, я получилъ всего 22,000. Слѣдовательно, приходится за лишніе 500 экз. получить лишнихъ 3,000 р. Но при этомъ вы будете настаивать на слѣдующихъ условіяхъ: —печать и корректура у Стасюлевича; — немедленная уплата 5,000 р., — сокращеніе сроковъ общей уплаты, такъ чтобы остальные 20,000 р. были выплачены никакъ не позже двухъ лѣтъ. Анненковъ совѣтуетъ назначить два срока еще ближе. Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ вашего благоусмотрѣнія. Вѣроятно, вы увидитесь съ Анненковымъ и потолкуете съ нимъ.

Засимъ желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму руку, преданный вамъ.

395.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 12 іюля 1882 г.—Милая Ж. А., вчера получилъ я ваше письмо и „Спасскій Вѣстникъ“ съ фельетономъ Якова Петровича. Благодарю искренне. Но какъ меня измучила Бастыевская катастрофа,—вы представить не можете. Мнѣ постоянно мерещатся эти несчастные, задохнувшіеся въ тинѣ—и хотя открытіе ихъ теперь уже, конечно, ничему не поможетъ—но я весь горю негодованіемъ при мысли, что въ теченіе нѣсколькихъ дней ничего не было сдѣлано!.. Этотъ Николай Петровичъ Тургеневъ, мой двоюродный братъ—у него имѣніе въ 40 верстахъ отъ Черни—и я зналъ его сына — видѣлъ его студентомъ въ Москвѣ. Прекрасный былъ малый, умный и честный—великанъ—головою былъ выше меня. Очень жаль и его, и его отца.

О себѣ скажу вамъ, что мое здоровье какъ будто поправляется;—но я не предаюсь надеждамъ,—такъ какъ

подобныя улучшенія уже бывали—и никакого отъ нихъ не было результата. Болѣзнь сидитъ во мнѣ крѣпко... и не дальше какъ въ ту ночь я опять былъ принужденъ прибѣгнуть къ морфину. О Бертенсонѣ никакихъ еще нѣтъ извѣстій. Но вѣдь и онъ то же скажетъ что, другіе.

Еще и еще благодарю за хлопоты, за варенье и т. п. Радуюсь, что погода вамъ благопріятствуетъ, что Яковъ Петровичъ можетъ заниматься живописью, и увѣренъ, что онъ на этомъ поприщѣ подвинулся впередъ. Полагаю, что онъ видѣлъ моего „Руссо“ у Третьякова.

Передайте прилагаемую записочку милой Наташѣ. Да скажите кстати Н. А. Щепкину, чтобы онъ немедленно послалъ отъ моего имени А. В. Топорову (Сергіевская улица № 2, Петербургъ) 100 рублей (о высылкѣ 50 р. г-жи Крюгеръ [1]) въ Москву я уже писалъ ему). Продажа моего изданія наслѣдникамъ Салаева, кажется, удалась на выгодныхъ условіяхъ, благодаря стараніямъ Топорова.

Вы желаете знать, кто со мной живетъ здѣсь: г-жа Віардо и ея мужъ; дочь ея Claudie съ своимъ мужемъ Шамеро и двумя дѣтьми—дѣвочками 7 и 3 лѣтъ,—другая дочь Marianne съ своимъ мужемъ Дювернуа, и съ 3 мѣсячнымъ ребенкомъ; наконецъ, сынъ г-жи Віардо, Поль Віардо—скрипачъ. Впрочемъ, вся эта молодежь на дняхъ разъѣзжается—и я остаюсь одинъ съ старичками. Уходъ за мною—самый отличный.

Погода все еще неудовлетворительна. У васъ жары—а у насъ холода́ и дожди.

Вы ничего мнѣ не пишете о вашей лѣпкѣ... Вѣроятно, вамъ за всѣми хозяйскими хлопотами—не хватаетъ времени... жаль!

Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ крѣпко-на-крѣпко.

PS. Бочку краснаго вина надо будетъ разлить въ

---

[1]) Двоюродная сестра И. С. Тургенева, Елисавета Петровна.—Ред.

бутылки, какъ только погребъ окажется возможнымъ. Эту операцію слѣдуетъ совершить съ аккуратностью, чтобы вино не испортилось (и пробки чтобы были новыя и хорошія, и бутылки хорошо вымытыя). Можетъ быть, кто знаетъ!—еще намъ придется распивать это вино вмѣстѣ. Это хорошо, что вы принимаете посѣтителей; не сомнѣваюсь также въ томъ, что, въ случаѣ нужды, вы не откажетесь принять въ Спасскомъ домѣ какихъ нибудь несчастныхъ родственниковъ погибшихъ путешественниковъ. Полагаюсь на васъ, милая Ж. А., что вы сдѣлаете все то, что я бы сдѣлалъ, еслибъ находился на мѣстѣ.

396.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 17 іюля 1882.—Милый Я. П., получилъ „Спасскій Вѣстникъ“ и твой 3 фельетонъ. Меня удивляетъ, что ты спрашиваешь, получилъ ли я прежніе? Я на каждое письмо отвѣчалъ аккуратно! Ты мнѣ пишешь о чудной жарѣ господствующей у васъ: у насъ здѣсь постоянный холодъ, сырость, мерзость. Ночи какъ въ ноябрѣ, хоть топи камины. Ты удивляешься твоей усталости, послѣ сдѣланнаго тобою путешествія къ Захарову пруду; — для меня же такое путешествіе является подвигомъ, на который способенъ одинъ Геркулесъ или Ахиллъ быстроногій!—Ты пишешь письма въ 4 страницы и извиняешься въ нечеткомъ почеркѣ;—я же, послѣ 5-й строки, начинаю чувствовать боль и *коли* въ плечѣ, которыя все увеличиваются. Ты можешь спать когда захочешь и щеголяешь борьбой противъ сна; я же, безъ морфія, глазъ закрыть не могу...

О, сколь различны наши положенія!

Бертенсонъ написалъ мнѣ и будетъ завтра. Idem per idem...

Я забылъ написать хозяйкѣ нашей, чтобы она рас-

порядилась на счетъ поправки оранжерей,—попроси ее взять Н. А. за бока.

Радуюсь, что вино вышло хорошее. Пусть Ж. А. не теряетъ духа—и снова начнетъ бюстъ Бори.

За симъ обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь навсегда приросшая къ здѣшнему мѣсту устрица (которую даже съѣсть нельзя).

397.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 21 іюля 1882 г.—Милая Ж. А., вчера у меня былъ Бертенсонъ, и, послѣ внимательнаго осмотра моего бреннаго тѣла, подтвердилъ все сказанное до сихъ поръ докторами. Выздоровѣть вполнѣ я не могу—но возможно нѣкоторое облегченіе при слѣдующихъ условіяхъ: 6 недѣль сряду строжайшая молочная діэта (ничѣмъ другимъ не питаться) — полная неподвижность и по ночамъ хлоралъ вмѣсто опіума. Онъ очень былъ любезенъ и внимателенъ; впрочемъ, онъ взялъ вашъ адрессъ и хотѣлъ вамъ написать, — сегодня онъ уѣхалъ въ Байрейтъ, слушать Вагнеровскую оперу—а оттуда черезъ Вѣну въ Одессу—а тамъ въ Петербургъ.

Сегодня уѣхала одна наша молодая парочка, завтра уѣзжаетъ другая.—Новостей никакихъ нѣтъ; впрочемъ, я весь поглощенъ свой болѣзнью—и нервы мои порядкомъ разстроены. Погода все неудовлетворительная.

За симъ желаю вамъ всего хорошаго—и всѣхъ васъ крѣпко обнимаю.

398.

Ей же.—Буживаль, 24 іюля 1882.—Милая Ж. А., сейчасъ получилъ ваше письмо, въ которомъ вы жалуетесь на мухъ; а у насъ здѣсь даже мухи мрутъ отъ

холода.—Вотъ уже 4-й день, какъ я, по совѣту Бертенсона, принялся за исключительное леченіе молокомъ—т.-е. кромѣ молока, никакой пищи не принимаю—и это должно продолжаться 6 недѣль!—Чувствую небольшое облегченіе днемъ,—но ночи продолжаютъ быть мучительными, такъ какъ Б. строжайше запретилъ вспрыскиваніе морфиномъ, —а кромѣ морфина ничего не укрощаетъ болей.—Придется запастись новымъ запасомъ терпѣнія! Бертенсонъ, который мнѣ кажется и докторомъ хорошимъ и отличнымъ человѣкомъ, быть можетъ, на возвратномъ пути изъ Одессы въ Петербургъ, заѣдетъ въ Спасское.

Вы у меня чудесная хозяйка!—И персики прекрасно продали—и хорошо сдѣлаете, если прогоните повара.... Благодарю за исполненіе порученія на счетъ Е. М. Я. и извиняюсь, хотя тутъ собственно моей вины нѣтъ,—а виноватъ одинъ здѣшній русскій, къ которому я и обратился за объясненіемъ. Во всякомъ случаѣ хорошо то, что вы познакомились съ г-жей Якушкиной; она прекрасная и умная женщина. Конечно, лучше ѣхать на Чернь чѣмъ на Мценскъ... но увы! Это—по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ году—не по моей части.

Жаль мнѣ очень Каленскихъ мужиковъ... Народъ степенный и дѣльный—не то что Спасскіе... Но что подѣлаешь противъ стихій?—Это, въ своемъ родѣ, та же болѣзнь.

Вы говорите, Гаршинъ привезъ свою старуху мать... [1]) а Всеволодъ не собирается пріѣхать?—Онъ бы помогъ разсѣять немного вашу скуку; впрочемъ, пѣвецъ—прокуроръ Ѳ. тоже на этотъ счетъ можетъ что-нибудь сдѣлать. Да; день вашего брака мы въ прошломъ году от-

1) Впрочемъ, это Я. П. говоритъ мнѣ въ своемъ письмѣ. Не пишу ему отдѣльно,—такъ какъ новостей у меня слишкомъ мало,—но совѣтую заниматься живописью—несмотря на жару. И. Т.

праздновали веселѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ... но все-таки не слѣдуетъ вамъ жалѣть, что мы такъ близко сошлись... Я, по крайней мѣрѣ, не жалѣю.—Но что жизнь моя приняла желтенькій цвѣтъ—это несомнѣнно, и перемѣнить это нельзя.

Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ.

---

399 [1]).

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль, 24 іюля 1882.—Любезнѣйшій докторъ, вчера получилъ я ваше письмо съ извѣстіемъ о высылкѣ ревенныхъ пилюль—и повторяю свою искреннюю благодарность. Сегодня 4-й день моего исключительнаго молочнаго леченья; могу сказать, что днемъ вообще чувствую себя лучше; зато ночи довольно мучительны—такъ какъ я отказался отъ вспрыскиванья морфіемъ—и хлоралъ мало помогаетъ.—Имѣю намѣреніе поставить себѣ сегодня мушку, согласно съ вашимъ предписаніемъ. Мнѣ помогала хина, принятая въ два пріема вечеромъ; но думаю, это не согласно съ молочнымъ леченіемъ.

Надѣюсь, что вы остались довольны вашимъ пребываніемъ въ Байрейтѣ—и желаю вамъ счастливо продолжать ваше путешествіе.—На возвратномъ пути изъ Одессы въ Москву вы проѣдете въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни (Спасское-Лутовиново) — отъ станціи Мценскъ. Вамъ извѣстно, что тамъ живетъ теперь семейство Полонскихъ; всѣ они, конечно, были бы рады, если бы вы ихъ посѣтили.

---

[1]) Отрывки и извлеченія изъ 12 писемъ къ доктору Л. Б. Бертенсону напечатаны въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“ 1883 г. и перепечатаны въ „Родинѣ“ и другихъ изданіяхъ. Въ 3, 4 и 5 письмахъ сдѣланы небольшіе необходимые пропуски; остальныя 9 печатаются вполнѣ. Ред.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и преданности.

400.

Полонской, Ж. А. — Буживаль, 25 іюля 1882. — Милая Ж. А., только-что отправилъ я къ вамъ вчера письмо, какъ пришло ваше отъ 12 іюля, которое должно было придти гораздо раньше. Неизвѣстно почему оно запоздало. Со вчерашняго дня у меня, конечно, новостей нѣтъ. Но мнѣ хочется отвѣчать на счетъ оранжереи, которую прошу немедленно фундаментально исправить — употребивъ на то не только вырученныя за персики деньги, но и всѣ тѣ, которыя окажутся нужными. Сообщите это отъ моего имени Николаю Александровичу. Ключъ отъ крана съ виномъ вы хорошо сдѣлали, что прибрали въ свои руки — да и вообще полагаю, что не худо бы удалить пьяницу повара. Только кто вамъ будетъ кушанье готовить? Не поможетъ ли вамъ въ этомъ случаѣ Якушкина? Я бы тоже былъ счастливъ, еслибъ могъ повидаться съ вами, но къ чему думать о невозможномъ?

Такъ какъ раскопки теперь у Бастыева прекратились — прекратится и корреспонденція, и Гаршинъ снова вернется подъ сѣнь Спасскаго, и Аля не будетъ безъ призора. Всѣ ваши распоряженія на счетъ конюшни, лошадей и т. д. я, конечно, вполнѣ одобряю.

Якову Петровичу скажите, что отрѣзать ногу въ его положеніи такъ же нелѣпо, какъ мнѣ отрѣзать лѣвую ключицу. Пусть онъ узнаетъ отъ хорошаго доктора, чѣмъ ее лечить, и пусть пишетъ да пишетъ картинки. Пейзажъ (около 2 сосенъ) я современемъ повѣшу здѣсь рядомъ съ видомъ моего дома... Будетъ напоминать хорошіе дни!

Обнимаю и цѣлую васъ и всѣхъ вашихъ.

401.

Ей же.—Буживаль, 31 іюля 1882.—Милая Ж. А., получилъ я ваше письмо отъ 21 іюля, письмо Якова Петровича и „Спасскій Вѣстникъ“—и за все благодарю. О моемъ здоровьѣ скажу вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ я, по совѣту Бертенсона, питаюсь исключительно однимъ молокомъ, я чувствую облегченіе, хотя небольшое, но замѣтное. Это продолжается уже 10 дней—остается еще 50! Авось къ концу этого времени я опять сдѣлаюсь хотя подобіемъ человѣка!

Погода у насъ, наконецъ, поправилась.

Всѣ ваши распоряженія вполнѣ одобряю—и вторично благодарю за нихъ.

Недоразумѣніе по поводу письма къ Е. М. разъяснено, и будутъ приняты другія мѣры.

Очень было бы недурно при первой возможности осушить погребъ; ибо присланное вино значительно улучшается въ бутылкахъ, хорошо закупоренныхъ и запечатанныхъ. Въ этомъ дѣйствительно мудромъ дѣлѣ могъ бы помочь вамъ (за приличное вознагражденіе) какой-нибудь изъ мценскихъ виноторговцевъ.

Мнѣ пріятно, что вы сошлись съ Якушкиной. Очень меня интересуетъ то, что вы мнѣ говорите о матери Гаршина. А самъ Всеволодъ Гаршинъ, о пріѣздѣ котораго меня извѣщаетъ Я. П., такой же симпатическій человѣкъ, какимъ его представляютъ всѣ его знакомые? И болѣзнь его — совершенно ли миновалась? Поклонитесь ему отъ меня и скажите, что я радъ его пріѣзду въ Спасское, гдѣ ничто ему не помѣшаетъ хорошенько поработать.

Если вамъ бюстъ Бори окончательно не удается, примитесь за бюстъ Гаршина. Тотъ, навѣрное, будетъ сидѣть смирно.

Сказка „Пустой боченокъ“ еще не готова... Но пусть ваши дѣти не теряютъ терпѣнія! Коли здоровье поправится—все будетъ сдѣлано.

Сегодня былъ у меня Стасюлевичъ — проѣздомъ на морскія купанья.

Крѣпко васъ обнимаю и цѣлую, а также всѣхъ вашихъ.

PS. Я далъ Бертенсону адрессъ Я. П. и онъ, вѣроятно, ему напишетъ.

---

402 [1]).

Думнову, г-ну. — Буживаль, въ іюлѣ 1882. — М. г. Я получилъ ваше письмо, которое и отправилъ къ г. Топорову, вмѣстѣ съ старымъ контрактомъ, въ которомъ сдѣлалъ надлежащія измѣненія. Въ главныхъ пунктахъ мы согласны; но считаю долгомъ замѣтить, что корректура не можетъ быть сдѣлана на мой счетъ — а г. Стасюлевичъ принимаетъ на себя ревизію каждаго готоваго къ печатанію листа, что совершенно необходимо, для избѣжанія безобразій прежняго изданія; что я весьма бы желалъ, чтобъ печатаніе происходило въ типографіи Стасюлевича въ Петербургѣ, такъ какъ тогда я былъ бы увѣренъ, что оно будетъ отлично и для васъ самихъ это будетъ выгоднѣе, такъ какъ дешевле г. Стасюлевича никто не возьметъ. Что же касается до вашего возраженія на счетъ пересылки экземпляровъ въ Москву, то я охотно беру эту издержку на себя.

Примите, и т. д.

PS. Меня удивляетъ нѣсколько тотъ фактъ, что вы будто бы заявили, что у васъ моихъ сочиненій осталось еще 1500 экз., тогда какъ въ прошломъ году (болѣе

[1]) Напечатано въ „Русск. Старинѣ“, октябрь, 1883.—Ред.

года тому назадъ) вы говорили мнѣ, что остается ихъ всего немного болѣе 1,000.

403.

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль, 3 августа 1882.—Любезнѣйшій докторъ, я получилъ ваше письмо—и спѣшу отвѣтить вамъ въ Одессу, въ надеждѣ, что мое письмо васъ еще тамъ застанетъ.—Вотъ желаемый вами отчетъ о ходѣ моей болѣзни.

Сегодня 12 дней, какъ я пью одно молоко—и чашку бульону за обѣдомъ. Пищевареніе въ порядкѣ; запора нѣтъ.—(Третьяго дня пришло извѣщеніе о прибытіи пилюль, которыя пока еще находятся въ таможнѣ). Боли въ лѣвой ключицѣ при ходьбѣ и стояніи нѣсколько ослабѣли;—боли въ правомъ заплечьѣ и боку приняли характеръ періодическій;—съ 3 часовъ до вечера (до 10 часовъ)—онѣ довольно чувствительны, разумѣется, съ перемежками; ночи стали спокойны—но съ 5 ч. утра до 8 онѣ сильны, не даютъ спать, распространяются по всей спинѣ и правому боку.—Къ морфинѣ прибѣгъ всего только разъ съ недѣлю тому назадъ; ставилъ мушку, небольшую, разъ, и она мнѣ помогла; дѣйствовалъ по вашему способу—прокалывалъ пузырь, выпускалъ воду—и прикладывалъ вату.—Можетъ быть, опять на дняхъ повторю эту маленькую операцію.—У меня въ боку—нѣсколько ниже лопатки мѣсто, которое постоянно болитъ, словно внутренняя рана, которая отзывается, если я немного сильно ступлю ногою или плотно сяду—или при сотрясеніи кареты.

Въ результатѣ мнѣ лучше; особенно пріятно то, что ночи стали спокойны.—Отъ 11 до 6 часовъ можно выспаться.

Пилюли принимаю аккуратно; полагаю, что онѣ хорошо сдѣланы—такъ какъ здѣшняя аптека пользуется хорошей репутаціей.

Вотъ любезнѣйшій докторъ, аккуратный отчетъ моего *status;* если позволите, я вамъ пришлю такой же, черезъ 10 дней—но уже въ Петербургъ.

Примите, и пр.

PS. Ночью надѣваю на лѣвую ключицу пульвермахеровскую цѣпь; днемъ, разумѣется, ношу машинку.

404.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 4 августа 1882.—Милая Ж. А., на сей разъ *мнѣ* приходится пожаловаться на безнадежный тонъ вашего письма (сообщившійся также и письму Якова Петровича). Къ сожалѣнію, я, конечно, въ нынѣшнемъ году въ Спасское пріѣхать не могу—но я еще вовсе не собираюсь умирать, Спасское продать не намѣренъ—и, напротивъ, надѣюсь, что оно еще нѣсколько лѣтъ останется за мною—а потому должно не только сохраниться въ цѣлости—но, по мѣрѣ возможности, усовершенствоваться.—А потому, повторяю мою покорнѣйшую просьбу—не унывать, и продолжать ваши распоряженія на счетъ поправки (фундаментальной) оранжереи, парниковъ и всего прочаго. — Деньги на этотъ предметъ вы потребуйте у Николая Александровича, которому я пишу сегодня же.—На счетъ лошадей, если вы найдете нужнымъ, послѣ вашего отъѣзда, велѣть продать пару или двѣ—распорядитесь также. Я не вижу, въ чемъ состоитъ ваше опасеніе передать по отъѣздѣ все хозяйство Захару? — Онъ хотя и старъ и немощенъ—но, право же, наблюденіе за домомъ, садомъ, богадельней и пр. никакихъ особенныхъ трудовъ не требуетъ. И прежде бывало, что я два года сряду не пріѣ-

ѣзжалъ въ Спасское—и все-таки все шло своимъ порядкомъ. Повторяю: нѣтъ никакой причины ни унывать, ни предаваться мрачнымъ предчувствіямъ.

Состояніе моего здоровья—все то же—хотя и замѣтно слабое облегченіе. Питаюсь исключительно однимъ молокомъ — хотя ни покупать корову, ни пить парное молоко, отъ одного запаху котораго меня тошнитъ, не предстоитъ необходимости. Мои родственники Тургеневы, живущіе отсюда въ верстѣ — присылаютъ мнѣ каждое утро цѣлый боченокъ превосходнѣйшаго молока. Живу я не въ замкѣ—а въ небольшомъ châlet, разъ въ пять меньше спасскаго дома—но очень уютномъ. Молодежь разъѣхалась—но мнѣ не скучно—такъ какъ я привыкъ къ однообразію, и ничего уже отъ жизни не требую, кромѣ отсутствія, по мѣрѣ возможности, страданій. Да ихъ теперь, въ собственномъ смыслѣ, и нѣтъ — и ночи стали сносны. Главный интересъ дня — вечерній вистъ; иногда немножко музыка. Самый лучшій режимъ для той устрицы, въ которую я превратился.

Я получилъ отъ Вс. Гаршина письмо (отчего ни вы, ни Я. П., ни единымъ словомъ о немъ не упоминаете?) и отвѣчу ему завтра.

За симъ желаю вамъ всѣмъ душевнаго спокойствія и полной безтревожности—и крѣпко васъ всѣхъ обнимаю.

PS. У насъ настоящая зима; каждый день топимъ камины; впрочемъ, топка у насъ почти не прекращалась въ теченьи всего лѣта.

405.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 8 августа 1882.—Милый Я. П., благодарю тебя за твое подробное письмо—а также Жозефину Антоновну—за ея.—Всѣ сообщаемыя вами подробности меня очень интересуютъ, помогая

мнѣ въ моемъ уединеніи живѣе представить себѣ ваше житье-бытье въ Спасскомъ.

О себѣ не могу сказать ничего новаго.—Продолжаю прилежно пить молоко—но большой разницы въ состояніи моего здоровья не замѣчаю.—Пріобрѣтенъ, однако, одинъ довольно важный результатъ: съ одиннадцати часовъ вечера до 6 часовъ утра я сплю спокойно, подъ условіемъ не ложиться ни на спину, ни на правый бокъ; въ 6 часовъ являются боли и держатъ меня часа два, три;—но семи часовъ сна вполнѣ достаточно.—Стоять и ходить безъ машинки все еще невозможно; и машинка болѣе пяти минутъ не дѣйствуетъ.

Скоро три недѣли какъ я пью одно молоко; остается еще пять.

Погода нѣсколько поправилась—хотя не безъ грозъ и дождей.

Дѣло съ продажей моихъ сочиненій почти окончено; только издателемъ будетъ не Салаевъ, а Глазуновъ (петербургскій Голова).

Кланяюсь всѣмъ спасскимъ жителямъ,—а тебя съ Ж. А. крѣпко обнимаю.

406.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 10 августа 1882.—Милая Ж. А., получилъ я большое письмо Я. П. съ вашей припиской.—Я. П. пишетъ отъ 1-го авг.—и говоритъ, что черезъ 10, 15 дней онъ долженъ будетъ вернуться въ Петербургъ, такъ что, пожалуй, мое теперешнее письмо его уже въ Спасскомъ не застанетъ. Полагаю, что Аля, можетъ быть, уѣдетъ съ нимъ,—но вы, съ вашими двумя дѣтьми, еще погостите у меня въ деревнѣ—хоть до 15 сентября.—На счетъ оранжереи, пожалуйста, сообщите Н. А., что я желаю дѣльной и

серьезной поправки—деньги на это у него есть—*такъ какъ я и въ мысляхъ не имѣю продавать Спасское ни его отцу, ни кому-бы то ни было;* продажа Спасскаго была бы для меня равносильною съ окончательнымъ рѣшеніемъ никогда не возвращаться въ Россію,—а я, не смотря на болѣзнь, питаю надежду провести все будущее лѣто въ Спасскомъ,—а въ Россію вернуться въ теченіе зимы.—Продать Спасское значитъ для меня лечь въ гробъ, а я еще желаю пожить, какъ ни мало красна жизнь для меня въ настоящее время.

Благодарю Я. П. и васъ за всѣ сообщенныя подробности.—Не удивляюсь, что вы находите мало грибовъ: они являются обыкновенно въ концѣ августа.—Радуюсь тому, что Гаршинъ пишетъ.—Стихи Полонскаго въ „В. Е." я прочелъ; они очень милы—и носятъ отпечатокъ его физіономіи (литературной); но ему надо приняться за что-нибудь покрупнѣй.—*Козюли* дѣйствительно попадаются въ окрестностяхъ Спасскаго—когда бываетъ очень жаркое лѣто; но я еще не слыхалъ, чтобы онѣ нанесли кому-нибудь большой вредъ. Притомъ онѣ очень робки и спасаются отъ людей.—Полонскій хорошо сдѣлалъ, что не наложилъ штрафа на „яблочныхъ" воровъ; Господь съ ними!—Пріятно мнѣ было также узнать вѣсти о сынѣ дьякона, о Якушкиной, о женѣ Н. А.

Состояніе моего здоровья все на томъ же пунктѣ: стоять и ходить не могу; но къ счастью, ноги стали спокойны... въ этомъ состоитъ все улучшеніе, правда, довольно важное.

Кажется, у насъ въ нынѣшнемъ году, такъ и не будетъ лѣта. Холода стоятъ жестокіе; пальцы стынутъ какъ зимой—и платья мы носимъ зимнія.

Кончая мое письмо, обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ.

407.

Ей же.—Буживаль, 13 августа 1882.—Милая Ж. А. Послѣднее письмо Я. П. повергло меня въ изумленіе: я въ послѣднее время чуть не каждый день писалъ,— а онъ жалуется на отсутствіе извѣстій! Впрочемъ, вы знаете поговорку: „худая слава бѣжитъ, хорошая лежитъ"—то же самое можно сказать и о вѣстяхъ: если бы произошло что-нибудь дурное—вы бы давно это знали. Напротивъ, я увѣренъ, что проживу еще 20 лѣтъ— правда, проживу ихъ больной; но ничего въ моемъ состояніи не измѣнится—и никакой новизны не предвидится.—Будетъ извѣстно въ теченіе этихъ 20 лѣтъ,— что сидитъ гдѣ-то хворый старикъ; ну и пущай его сидитъ!

Я писалъ вамъ третьяго дня; съ тѣхъ поръ, конечно, ничего не произошло; даже погода не измѣнилась: льется непрестанный дождь, дыханіе видно отъ холоду,—а въ каминѣ трещитъ огонь.—Стало быть о себѣ говорить нечего.—Но къ вамъ есть двѣ просьбы: а) опять вручить Е. М. Якушкиной прилагаемое письмо; — в) переслать также прилагаемое другое письмо Бертенсону, такъ какъ я потерялъ его петербургскій адрессъ.—Если мое письмо еще застанетъ Якова Петровича наканунѣ отъѣзда— то пускай онъ повезетъ съ собою письмо Бертенсону.

За симъ желаю вамъ всѣмъ всякихъ благополучій— и крѣпко всѣхъ обнимаю.

408.

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль, 13 августа 1882.— Любезнѣйшій докторъ, посылаю вамъ это письмо черезъ Полонскихъ, такъ какъ я, къ сожалѣнію, заложилъ куда-то вашъ петербургскій адрессъ и не могу его найти.—

Третьяго дня исполнилось три недѣли, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ полное молочное леченіе. — И вотъ результатъ:

Облегченіе есть несомнѣнное; и вотъ въ чемъ оно состоитъ:—боли въ правомъ боку и лопаткѣ значительно ослабѣли; онѣ довольно безпокойны только съ 5 часовъ утра до 8, и вечеромъ въ тѣ же часы. Зато ночи я сплю хорошо—съ условіемъ не ложиться ни на *правый* бокъ, ни на спину; тогда боли тотчасъ возобновляются. Боль въ *лѣвой* ключицѣ при стояніи и хожденіи почти та же что и прежде; однако, я нашелъ возможность замѣнить машинку волосяной жесткой перчаткой, которую я ношу на ключицѣ; и такъ какъ я отъ времени до времени совершаю на ней *Баунштейдтовскіе* уколы,—то раздраженіе этого мѣста перчаткой оказывается равносильнымъ давленію машинки. Теперь я могу довести время стоянія и хожденія до десяти минутъ.

Продолжительная (болѣе часу) ѣзда въ каретѣ невозможна; сотрясеніе экипажа раздражаетъ боль въ лопаткѣ и боку, почти до нестерпимости.—Точно у меня тамъ большая подкожная рана, которая даетъ себя чувствовать при каждомъ толчкѣ—если я наступлю слишкомъ сильно ногой, или слишкомъ грузно сяду. Желудокъ въ порядкѣ — запоровъ нѣтъ. Я получилъ изъ Петербурга ревенныя пилюли (за которыя сердечно благодарю)—и уже принялъ три.—Послѣдній уколъ, съ морфіемъ, былъ произведенъ мною 4-го августа. — Съ тѣхъ поръ я въ немъ не нуждаюсь.—Пью въ день 12 стак. молока, принимаю ваши пилюли и изрѣдка соду; три недѣли сряду за обѣдомъ ѣлъ одну чашку бульону; вчера, въ первый разъ, прибавилъ къ ней кусокъ куринаго мяса...

Вотъ все, что имѣю сказать.—Буду, конечно, продолжать леченіе аккуратно.

Остается мнѣ еще и еще поблагодарить васъ и по-

просить васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и искренней преданности.

409.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 15 августа 1882.—Милая Ж. А., судя по вашему письму, отъ 8-го авг.—мое письмо уже не застанетъ Якова Петровича въ Спасскомъ.

Надѣюсь, что его пребываніе тамъ оказало хорошее вліяніе на его здоровье. Не считаю нужнымъ прибавлять, что очень буду радъ, если вы останетесь въ Спасскомъ, пока вздумается (и Гаршинъ тоже)—чѣмъ дольше тѣмъ лучше. Рекомендую вашимъ попеченіямъ оранжерею, садъ и пр.

Выздоровленіе мое подвигается до крайности медленно, однако подвигается.—О морфіѣ уже нѣтъ и помину—и сплю я порядочно.—Хожу я еще плохо. Кажется, теперь есть надежда, что прибуду въ Петербургъ зимой. Посмотрю тогда на вашу работу, которая, по словамъ Я. П., вамъ вполнѣ удалась.

Поздравляю Наташу со днемъ рожденья и днемъ ангела... но едва ли буду въ состояніи выслать ей обѣщанную сказку къ 26 авг.—Вѣрнѣе будетъ сказать, что поднесу ей эту сказку лично къ новому году.

Вы навѣрное уже получили теперь мое толстое письмо съ порученіями.—Надѣюсь, что теперь первое изъ нихъ будетъ удачнѣе.

Я напрасно поспѣшилъ похвалить погоду.—Послѣ одного сноснаго (и только сноснаго!) дня у насъ наступила зима—холодная и дождливая.—Другой погоды мы здѣсь съ весны не видали.—Въ эту минуту принужденъ

дышать на руки, чтобы согрѣть ихъ; а закутанъ такъ, какъ и въ Россіи никогда не кутался.

Цѣлую вашихъ дѣтей и васъ обнимаю и цѣлую.

410.

Топорову, А. В.—Буживаль, 17 августа 1882.—Любезнѣйшій Топоровъ, сейчасъ получилъ ваше застрахованное письмо — и спѣшу искренне благодарить за счастливое окончаніе дѣла, которое вы провели съ полнымъ благоразуміемъ и тактомъ. Нечего и говорить, что какъ издателя И. И. Глазунова въ тысячу разъ предпочитаю московскимъ господамъ.

Въ отвѣтъ на ваши запросы сообщаю вамъ:

1) Двѣ прибавочныя статьи: „Семейство Аксакова“ и „Пожаръ“—составятъ около 3 листовъ—и будутъ помѣщены въ I томѣ—въ „Житейскихъ воспоминаніяхъ“. Сверхъ того, по всей вѣроятности, въ теченіе года прибавятся еще статьи въ 4 листа печатныхъ, если не болѣе, которыя появятся въ отдѣльныхъ изданіяхъ (журналахъ)—и попадутъ въ 9 (предпослѣдній) томъ.

2) На счетъ портрета, посылаю вамъ фотографію, признанную лучшей и болѣе похожей. Покажите ее И.И. Глазунову—и если онъ того желаетъ—то можно ее увеличить, а потомъ награвировать здѣсь, за исполненіе чего, въ наилучшемъ видѣ—я берусь. Пусть онъ только пришлетъ мнѣ образчикъ величины самой книги—и размѣръ, который онъ желалъ бы дать моей головѣ.

Надѣюсь, что г. Думновъ не вздумаетъ затѣять никакихъ затрудненій или объявить, что у него осталось пропасть экземпляровъ. Въ случаѣ нужды, я, какъ вамъ извѣстно, имѣю право купить у него эти остающіеся экземпляры.

Еще и еще разъ благодарю васъ и крѣпко жму вашу руку.

---

411 [1]).

У. Ф., барону. — Буживаль, 20 августа, 1882. —

Mon cher baron! Votre lettre m'a fait un grand plaisir. Il eut été plus grand encore, si elle ne m'avait pas en même temps apporté la nouvelle du triste état de votre santé. Le dernier quart de la vie est dur pour tout le monde: pour vous — plus que pour beaucoup de nos contemporains. Heureusement vous trouvez dans les ressources de votre intelligence et de l'amitié qui vous entoure la force nécessaire pour résister à ces pénibles épreuves.

Je pourrais dire que je suis logé à peu près à la même enseigne que vous; seulement ma maladie est si peu de chose à côté de la votre, que j'ai presque conscience d'en parler. Il m'est survenu depuis bientôt six mois une angine de poitrine goutteuse qui me cause d'assez vives douleurs et m'empêche de marcher et de me tenir debout plus de cinq minutes de suite; je ne crois pas que je puisse jamais en être débarrassé; mais à tout prendre, c'est assez supportable et la résignation ne m'est pas trop difficile. Ce qu'il y a de plus désagréable — c'est l'impossibilité de faire le plus petit voyage; je ne puis pas aller en voiture: son ébranlement réveille mes douleurs.

Ah, mon cher baron, où est le bon temps de notre vie d'étudiant à Berlin? — Où sont les neiges d'antan? Vous rappelez-vous encore le jour, où nous sommes venus vous voir — Bakounine et moi, et où les rideaux de votre fe-

[1]) Это и другое письмо къ тому же лицу напечатаны въ статьѣ барона У. Ф. въ „Baltische Monatschrift“, переведенной въ „Русск. Стар.“ 1884, май, 391—398. — Ред.

nêtre ont pris feu? Ma mémoire me retrait encore tous les détails. A tout prendre, en regardant en arrière, nous n'avons pas trop à regretter la façon dont s'est passée notre vie. On a fait ce qu'on a pu... „faciant meliora potentes"!

Il doit vous être doux de vous retrouver, vers le soir de votre vie, sous les ombrages de l'antique domaine de votre famille. J'ai aussi, dans le sud de la Russie, un coin de terre natale, où je passe régulièrement quelque mois tous les ans. Le plus grand désagrément que m'ait fait ma maladie, ça été de m'empêcher d'y aller cette année-ci. Dieu sait si nous nous reverrons jamais; mais je tiens à vous remercier encore de votre bon souvenir et de vous assurer des sentiments de sympathie amicale qui n'a cessé de vous garder votre ancien camarade Ivan Tourguéneff.

412.

Григоровичу, Д. В.,—Буживаль, 21 августа 1882.—Любезнѣйшій Д. В., спасибо за письмо и за присланную фотографію съ портрета нѣкоего юноши, которымъ я былъ чуть не 40 лѣтъ тому назадъ—ибо этотъ портретъ, сколько я помню, былъ написанъ Горбуновымъ (довольно скверно, какъ всѣ портреты этого художника) въ 1843 году, когда мнѣ было 25 лѣтъ. Сходство, точно, еще есть. Воспоминанія о молодости имѣютъ для меня нѣкоторый горькій „arrière-gout"; мнѣ все кажется, что я ею плохо воспользовался... а можетъ быть, что мнѣ только кажется—и я именно былъ такъ созданъ, чтобы не умѣть воспользоваться ею.

Что касается до моего здоровья—то вотъ въ какомъ оно положеніи. Съ тѣхъ поръ какъ я питаюсь однимъ молокомъ (вотъ уже четыре недѣли) улучшеніе есть; оно

состоитъ главнѣйше въ томъ, что я теперь спокойно сплю по ночамъ; но ходить или стоять долѣе 5, 6 минутъ не могу: тотчасъ являются боли въ лѣвомъ плечѣ; а правый бокъ почти постоянно болитъ—правда, довольно тупо; но чуть я сяду въ карету, онъ начинаетъ сильно ныть—отъ сотрясенія колесъ, такъ что даже въ Парижъ невозможно съѣздить. Изъ этого вы можете видѣть, что я осужденъ на почти полную неподвижность, хотя общее состояніе—пищеваренія, кровообращенія и т. д.—удовлетворительно. Непріятно то, что ни одинъ докторъ не можетъ мнѣ сказать, когда это все кончится; а продолжается это слишкомъ полъ-года.

Мнѣ жаль, что ваши занятія помѣшали вамъ съѣздить въ Спасское; по письмамъ Полонскихъ тамъ было въ нынѣшнемъ году очень хорошо. Я. П. теперь уже въ Питерѣ; семейство осталось еще въ Спасскомъ—вѣроятно до конца сентября.

Такъ вы ожидали отъ „чернослівнаго“ племени и общества участія въ Выставкѣ?—это бы противорѣчило всѣмъ другимъ проявленіямъ его сути. Лежать „воронкой вверхъ“—до сихъ поръ любимое занятіе г-дъ великоруссовъ.

Мнѣ писали изъ Россіи, будто Масловъ поправляется—и даже будто есть надежда, что онъ совсѣмъ выздоровѣетъ.—Правда ли это? Видаете ли вы его?

Не теряю надежды попасть въ Петербургъ къ началу января; но и не слишкомъ предаюсь этой надеждѣ: больно ужъ путь длиненъ. А хочется побывать на родинѣ!

Поклонитесь отъ меня Третьякову и всѣмъ знакомымъ. Крѣпко жму вамъ руку.

413.

Салтыкову, М. Е.—Буживаль, 23 августа 1882. — Любезнѣйшій М. Е., все собирался къ вамъ писать, но такъ же все дожидался возможности сообщить вамъ нѣчто менѣе дурное о моемъ здоровьѣ.

Но этого видно не дождешься. Болѣзнь такъ крѣпко засѣла, что я съ ней, вѣроятно, до конца дней моихъ не разстанусь. А еще находятся благосклонные люди, которые думаютъ, что утѣшаютъ меня, говоря, что съ этой болѣзнью можно сто лѣтъ прожить. Да это-то и скверно, господа! Вкратцѣ сказать: сплю я спокойно, питаюсь однимъ молокомъ — но ни стоять, ни ходить, ни ѣздить въ экипажѣ не могу, не возбуждая самыхъ непріятныхъ болей въ груди, плечахъ и т. д. Результатъ: сиди, лежи, голубчикъ—а о прочемъ не помышляй!— И сколько это продолжится... тоже не твое дѣло. Вполнѣ понимаю положеніе устрицы, приросшей къ скалѣ. Но устрица ничего другого не испытала—да и не желаетъ ничего другого.

Вернулись ли вы въ Петербургъ—или все еще живете на дачѣ? У васъ по крайней мѣрѣ такая жара, что домъ вашъ давно успѣлъ „отойти“, какъ вы выражаетесь. А мы здѣсь, въ теченьи всего года, кромѣ зимы, да еще сырой, скверной, гнилой, ничего не видали. Даже въ іюлѣ топили камины — а ужъ теперь и подавно.

Представьте на дняхъ бѣдный нашъ Павелъ Васильевичъ [1]) чуть не убился, свалившись съ швейцарской горы въ пропасть. Къ счастью, какая-то площадка задержала его паденіе. Но расшибся весь—и до сихъ поръ лежитъ въ холодныхъ примочкахъ, арникѣ и т. п. Впрочемъ, самъ мнѣ пишетъ — и надѣется черезъ двѣ

[1]) Анненковъ.

недѣли вернуться въ Баденъ-Баденъ. Доктора послали его подышать горнымъ воздухомъ... вотъ и подышалъ!

Видѣлъ здѣсь Стасюлевича—и скоро увижу опять. Теперь онъ въ Динарѣ, на берегу моря—купается... въ этакій-то холодъ! Къ 15 сент. собирается опять въ Петербургъ, къ своему „Вѣстнику". А-товъ тоже здѣсь—и по прежнему завтракаетъ на 20, а обѣдаетъ на 30 франковъ—одиноко и строго. Я собирался разспросить его о нашемъ любезномъ отечествѣ—но этотъ колоколъ (я говорю не объ отечествѣ)—хотя и зыченъ, но невнятенъ. Впрочемъ, кто же и растолкуетъ, что дѣлается у насъ, Katkovio regnante?

Пріятно мнѣ было слышать о вашихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Я тоже, со скуки, намаралъ какую-то небольшую вещицу. Чортъ знаетъ, что вышло. Будетъ, вѣроятно, напечатано въ „Вѣстникѣ Европы [1]).

А что, оболванили вы ту повѣсть—знаете, „Политическое дѣло?"—я автора что-то изъ виду потерялъ. В. вернулась—или еще мечется по другимъ угламъ?

Толстый (М.) Ковалевскій (вѣдь вы его помните?) тоже былъ здѣсь проѣздомъ изъ Америки въ Москву. Этотъ, по прежнему, уменъ и живъ. Какъ-то ему поживется въ Москвѣ?...

Желаю вамъ терпѣнья, выдержки—и здоровья, здоровья пуще всего. За симъ жму крѣпко вашу руку и остаюсь.

414.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 23 августа 1882.—Милая Ж. А., я у васъ въ долгу за два письма;—но причина моего молчанья заключается въ томъ, что мнѣ опять стало хуже; сказать вамъ правду—огорчить васъ. . а лгать мнѣ не хочется.—Ухудшеніе состоитъ въ томъ, что боли въ правомъ боку и плечѣ стали значительно

[1]) „Клара Миличъ" (янв. 1883).

сильнѣе; всякое сотрясеніе ихъ раздражаетъ, такъ что не только въ каретѣ я ѣздить не могу (что было до нѣкоторой степени возможно прежде)—но долженъ даже наступать ногами съ осторожностью;—и потому почти весь день сижу или лежу. Быть можетъ, это опять поправится—пить молоко я продолжаю исправно .. но пока положеніе невеселое.—И потому совѣтую вамъ—какъ и я это дѣлаю, вовсе не загадывать о будущемъ и ничего не ожидать.—Пріѣздъ мой въ Россію болѣе чѣмъ проблематиченъ: удастся—хорошо;—но такъ какъ гораздо болѣе противныхъ шансовъ—то лучше не тѣшить себя надеждами. Поэтому я отнынѣ вотъ на что рѣшаюсь: не говорить болѣе въ письмахъ моихъ о моемъ здоровьѣ; и вы о немъ не спрашивайте.—Если наступитъ рѣшительное улучшеніе—вы *первая* объ этомъ узнаете; а пока я молчу—значитъ со мною все то же да то же. По крайней мѣрѣ—такимъ образомъ мы избѣгнемъ того, что французы называютъ „tiraillements“.—То имѣешь надежду—то теряешь ее и т. д.—Пока слѣдуетъ держать въ умѣ одно: болѣзнь моя не изъ числа тѣхъ, которыя излечиваются, а изъ числа тѣхъ, которыя *иногда* проходятъ сами собою.—Но когда это ей вздумается и вздумается ли?—этого никто не знаетъ и не скажетъ. А потому на этотъ счетъ: *аминь*.

Итакъ вы по поводу Боринаго бюста чуть не поссорились съ Яковомъ Петровичемъ?—Читая это, я невольно позавидовалъ вамъ и подумалъ: стало быть, счастливые люди, что могутъ препираться изъ-за эстетическаго вопроса! Тѣмъ болѣе, что теперь, разумѣется, отъ этой распри и слѣда не осталось. А бюстъ вы все-таки въ Петербургъ отвезите—и судьбу его лучше всего рѣшитъ вашъ учитель Чижовъ.

Полагаю, что вы до тѣхъ поръ не тронетесь изъ Спасскаго, пока не настанутъ ненастные дни.—По ва-

шимъ описаньямъ—это случится еще не скоро.—У васъ еще стоятъ прекрасные дни и чудесныя ночи; здѣсь у насъ продолжается наша скверная, гнилая зима.

О „пустомъ боченкѣ“ и рѣчи быть не можетъ; онъ такъ и останется пустымъ, даже, кажется, разсыхается.—Что дѣлать?

Появились ли у васъ наконецъ грибы?

Кланяюсь всѣмъ спасскимъ жителямъ;—а дѣтокъ вашихъ и васъ самихъ—цѣлую крѣпко.

PS. Буду ждать окончательныхъ предписаній отъ Е. М. Я.

415.

Топорову, А. В.—Буживаль, 23 августа 1882.—Любезный Топоровъ, сейчасъ получилъ ваше письмо; но уже вчера я получилъ телеграмму отъ Гинцбурга изъ Динара, что имъ получены 5,500 р. с. Слѣдовательно, все дѣло приведено къ благополучному окончанію—и я не знаю какъ благодарить васъ за всѣ ваши хлопоты и старанія. Не даромъ я надѣялся на васъ, какъ на каменную стѣну.

Въ скорости опять напишу вамъ, а теперь долженъ сообщить вамъ, что въ моемъ выздоровленіи опять остановка — надѣюсь небольшая. Что дѣлать! Не всему же удаваться. Но пью молоко съ остервенѣніемъ.

Дружески жму вамъ руку.

416.

Ему же.—Буживаль, 27 августа 1882.—Любезнѣйшій Топоровъ, вчера я получилъ копію контракта — и извѣщеніе отъ конторы Гинцбурга, что она получила отъ васъ 5,500 р. Остается воскликнуть вмѣстѣ съ вами:

„совершилось!“ и прибавить къ тому мое вторичное, сердечное спасибо. О дальнѣйшемъ переговоритъ съ вами лично Стасюлевичъ, такъ какъ на-дняхъ онъ будетъ здѣсь, а дней черезъ десять—непремѣнно въ Петербургѣ.

Выздоравливаніе мое на нѣсколько времени запнулось было, а теперь приняло опять свой, хотя медленный, но поступательный ходъ.

Крѣпко жму вашу руку, преданный вамъ.

417.

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль, 28 августа 1882.—Любезнѣйшій докторъ, я получилъ вашу телеграмму, а потомъ и письмо—и вотъ теперь посылаю вамъ рапортъ о состояніи моего здоровья—или болѣзни.

Въ прошлую середу исполнилось 5 недѣль какъ я пью молоко отъ 10 до 12 стак. въ день. Первыя 4 недѣли я за обѣдомъ ѣлъ только чашку бульона, а съ 5-й недѣли прибавилъ маленькій кусокъ бѣлаго цыплячьяго мяса...

Положительнымъ улучшеніемъ признаю то, что ночныя боли исчезли — и я могу спать спокойно, не прибѣгая ни къ морфію, ни даже къ хлоралу.

Боли въ правомъ боку стали тоже гораздо слабѣе; зато онѣ постоянны въ теченьи цѣлаго дня и производятъ впечатлѣніе большой подкожной раны, которая раздражается при каждомъ толчкѣ и особенно при ѣздѣ въ экипажѣ, отъ которой я вслѣдствіе этого принужденъ отказаться, что́ составляетъ какъ бы нѣкоторый шагъ назадъ. Мѣстоположеніе этихъ болей словно опустилось: онѣ не столько въ самой лопаткѣ, сколько въ боку—и около печени, гдѣ отъ времени до времени происходятъ стрѣлянья—des élancements. Но вообще говоря, боли эти

не имѣютъ прежней интенсивности, а главное, не мучатъ меня ночью.

Что же касается до боли въ лѣвой ключицѣ, то тутъ, къ сожалѣнію, перемѣны нѣтъ. По прежнему онѣ немедленно возникаютъ, когда я стану на ноги или начну ходить — и черезъ 5 минутъ уже становятся отяготительны. Машинку для давленія я оставилъ, такъ какъ она потеряла свое дѣйствіе; я замѣнилъ ее двойнымъ кускомъ довольно грубаго войлока, треніе котораго также заглушаетъ до нѣкоторой степени боль. Если боли становятся сильными, я прибѣгаю къ Бауншейдтовскимъ уколамъ, которые меня немного успокоиваютъ; два раза ставилъ, по вашему совѣту, мушки.

Изъ всего этого вы можете заключить, что болѣзнь еще сидитъ крѣпко. Но я буду продолжать молочное леченіе ad infinitum; только оно мнѣ, хотя нѣсколько, помогло.

Если увидите Полонскихъ, пожалуйста, сообщите имъ en gros, что́ я вамъ пишу; т.-е. скажите имъ, что я не изъ прихоти не ѣду — и даже не могу сказать, когда пріѣду въ Петербургъ; мнѣ это теперь такъ же невозможно какъ летать по воздуху. Когда же они настойчиво зовутъ меня туда — это только усугубляетъ мое уныніе.

Позвольте мнѣ еще и еще поблагодарить васъ и увѣрить васъ въ моемъ искреннемъ уваженіи и преданности.

PS. До 15 (3) ноября я во всякомъ случаѣ остаюсь здѣсь.

418.

Полонской, Ж. А. — Буживаль, 29 августа 1882.— Милая Ж. А., получилъ я ваше письмо отъ 19 авг. и

письмо В. Гаршина. Такъ какъ между нами уже рѣшено не говорить о моемъ здоровьѣ, то обхожу сей предметъ молчаніемъ.

Получилъ я коллективное письмо моихъ бывшихъ крестьянъ—и намѣренъ имъ отвѣтить пространнымъ посланіемъ, которое будетъ прочтено имъ Н. А. Щепкинымъ.

Гаршину я тоже отвѣчать буду въ скорости (портретъ мой на конфектной бумагѣ Абрикосова—я тоже получилъ. Оригинальная мысль!).

Могу увѣдомить васъ, что дѣло мое по изданію моихъ сочиненій благополучно кончено, благодаря Топорову. Петербургскій книгопродавецъ Глазуновъ пріобрѣлъ его — и уже выслалъ задатокъ въ 5,500 р. Жду надняхъ сюда Стасюлевича для окончательныхъ распоряженій.

Могу также сообщить вамъ, что написалъ небольшую повѣстушку, которая, вѣроятно (если будетъ найдена удобной), появится въ январской книжкѣ „В. Е.“. А „Пустой боченокъ“ все еще не наполнился, хоть я и взялся за него.

Письмо Е. М. Я. передано по принадлежности.

Огорчаетъ меня фіаско моей школы. Впрочемъ... надо было это предвидѣть. Видно, точно придется отдать ее земству.

Погода у насъ крошечку исправилась. Зато наступили холода.

Полагаю, что вы еще съ мѣсяцъ останетесь въ Спасскомъ. Продолжаю рекомендовать вамъ садъ, оранжерею и пр.

За симъ обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ и остаюсь другъ вашъ.

PS. Разсказы Гаршина пришли вчера. Я уже про-

челъ половину. Буду и объ этомъ писать ему. Я—у П—у я уже написалъ въ Петербургъ.

419.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 30 августа 1882.—Любезнѣйшій Я. П., получилъ я твое письмо; но прежде чѣмъ отвѣчать, позволь мнѣ сдѣлать съ тобой уговоръ, который я также предложилъ твоей женѣ: не спрашивать меня болѣе о моемъ здоровьѣ—и не ждать отъ меня извѣстій: а то, право, выходитъ томительно, выходитъ какъ будто я миндальничаю или преувеличиваю—и т. п. Вотъ въ газетахъ сообщаютъ обо мнѣ „утѣшительныя“ извѣстія—а мнѣ именно теперь опять хуже—о чемъ я пишу Бертенсону, которому я очень благодаренъ... Мнѣ не нужно никакихъ авторитетовъ, чтобы знать, что болѣзнь моя, въ сущности, неизлечима,—и можетъ быть только временно облегчена. По прежнему я не въ состояніи *ни ходить, ни стоять*—не только пять минутъ, но даже двѣ минуты сряду; да къ этому прибавилось, что я и ѣздить въ каретѣ не могу—(что прежде могъ, хотя съ трудомъ)—да и ночи опять стали безпокойны и безсонны.

Вотъ тебѣ и „утѣшительныя“ извѣстія!—И потому отнынѣ прошу—„бросить этотъ разговоръ“, тѣмъ болѣе, что еслибы наступило настоящее облегченіе, ты бы немедленно это отъ меня узналъ. Пока ты этого извѣстія не получишь, знай, что со мной все *то же да то же*.—А то ты представить не можешь, какъ горько въ моемъ положеніи читать фразы въ родѣ: „я увѣренъ, что въ одинъ прекрасный день ты проснешься совершенно здоровымъ“—или запросы о томъ, когда же я пріѣду въ Петербургъ? и т. д., и т. д. Надѣюсь, что и ты, и жена твоя, вы исполните мою настоятельную просьбу.

На счетъ твоихъ сужденій о пейзажахъ, о Коро́ и

т. д. скажу тебѣ одно: ты, какъ большая часть публики впадаешь въ слѣдующую ошибку: ты сравниваешь впечатлѣніе, произведенное на тебя живописью, не съ *впечатлѣніемъ, которое производитъ на тебя природа*—а каждый отдѣльный предметъ (какъ, напр., дерево)—съ тѣмъ же предметомъ въ природѣ—и удивляешься, напр. что ты не различаешь листовъ и вѣтокъ на деревѣ, которые, ты помнишь, существуютъ въ природѣ—забывая, что, напр., въ картинахъ Коро́ ты видишь пейзажъ *на, по меньшей мѣрѣ, полуверстовой дистанціи*—и любуешься, какъ у Калама и Ахенбаха каждый листикъ отдѣланъ и ясенъ! Между тѣмъ какъ это и есть вопіющая чепуха—и превращаетъ пейзажи этихъ господъ въ безжизненную, фальшивую, сухую и прилизанную дребедень! Но для этого надо отдѣлаться отъ того условнаго и дѣланнаго чувства, которое большая часть людей прилагаетъ къ живописи и къ прочимъ искусствамъ.

У насъ въ саду стоитъ въ пятистахъ шагахъ отъ дому березка (Коро́ особенно любилъ писать ихъ), я сейчасъ взглянулъ на нее... ну точно она живьемъ вышла изъ одной его картины...

Крестьянамъ я напишу длинное и вразумительное посланіе, непремѣнно.

Бертенсонъ мнѣ пишетъ, что ты значительно поправился въ деревнѣ: душевно этому радуюсь — и желаю продолженія тебѣ здоровья и всякихъ благъ.

420.

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль, 30 августа 1882.—Любезнѣйшій докторъ, я недавно послалъ вамъ рапортъ о своей болѣзни, но теперь, получивъ отъ васъ письмо обязанъ отвѣчать, — да кстати, имѣю кое о чемъ спросить васъ.

Положеніе мое стало нѣсколько хуже; но, для порядка, буду писать по пунктамъ.

1) Боли подъ ключицей немного усилились; онѣ отсутствуютъ, когда я неподвиженъ; но являются съ изумительной аккуратностью, какъ только я стану на ноги или начну ходить: дней десять тому назадъ, я могъ выдержать это минутъ съ 10; теперь не болѣе 5. Машинку я снялъ потому, что давленіе не оказывало больше никакого вліянія; треніе рукою заглушаетъ боль—и такъ какъ я не могу тереть все время—то замѣнилъ машинку кускомъ грубой шерсти, которая до нѣкоторой степени какъ бы замѣняетъ треніе. А потому я съ великой готовностью принимаю вашу мысль о массажѣ съ вазелиномъ; замѣчу только, что облегчаетъ меня одно сильное треніе. Что же касается до пласта глины, то я боюсь, что здѣсь никто это не съумѣетъ сдѣлать; да и вы не написали, сколько времени она должна лежать и часто ли ее мѣнять—и совмѣстна ли она съ массажемъ. Прошу дать болѣе подробное наставленіе.

2) Боли въ правомъ боку измѣнили свой характеръ; онѣ вообще слабѣе—но постоянны—и особенно чувствительны вечеромъ и рано по утру. Онѣ теперь распространены по всей правой сторонѣ отъ спины до печени—и подъ мышкой; все это мѣсто становится чувствительнымъ даже къ легкому прикосновенію; а въ боку ниже лопатки у меня сдѣлалась какъ бы подкожная рана, которая, при неподвижности, только глухо ноетъ, но при малѣйшемъ сотрясеніи раздражается сильно; — ни топнуть, напр., ногою, ни сѣсть быстро—не могу; о ѣздѣ въ экипажѣ думать нечего. Въ этомъ отношеніи мнѣ хуже. Баумшейдтъ я употреблялъ только на правомъ боку, также и мушки: облегченіе отъ этого происходило кратковременное.

3) Цѣлый мѣсяцъ я спалъ хорошо—хотя къ $5^1/_2$ ч.

утра меня боли всегда будили—и я не могъ лежать ни на правомъ боку, ни на спинѣ; но вотъ уже нѣсколько ночей какъ явились довольно легкія, но непріятныя боли вродѣ судорогъ во всей спинѣ, даже въ передней части груди — за исключеніемъ лѣвой ключицы, которая болитъ только при вертикальной позѣ;—я однако о морфіѣ не думалъ,—а принималъ два раза хлоралъ...

5) Молока я теперь пью 12 стакановъ—снимать его трудно; но я разбавляю его водою.

6) На счетъ пищи—что̀ вы называете твердой пищей? Въ послѣднюю недѣлю я прибавилъ къ чашкѣ кусокъ цыплятины, величиною въ 5 франковую монету. Долженъ я и это бросить? А хлѣбъ?—Я за чаемъ и за обѣдомъ, ѣмъ по куску бѣлаго хлѣба. И это тоже надо прекратить? Буду ждать вашего отвѣта.

Черезъ 4 дня совершится 6 недѣльный срокъ моего молочнаго леченія.

„Еще одно послѣднее сказаніе“: когда боли въ правой сторонѣ усиливаются, я не могу напр. наклонить голову къ груди... тотчасъ вдоль спинного хребта натягиваются какія-то болѣзненныя струны. Также есть у меня своего рода барометръ: когда мнѣ хуже, руки становятся влажно-клейки, а указательный палецъ правой руки стынетъ до того, что я принужденъ отогрѣвать его дыханіемъ.

Уфъ!—Извините, прошу васъ, мою болтливую распространенность... и примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи, благодарности и преданности.

421.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 1 сентября 1882.—Почему ты думаешь, любезнѣйшій Я. П., что я не буду тебѣ писать въ Петербургъ?—А вотъ же нарочно—въ

Спасское я не пишу, а пишу тебѣ, хотя никакихъ особенныхъ новостей сообщить не имѣю: моя болѣзнь, какъ говорится, ни тпру́ ни ну́; да она, вѣроятно, и останется таковою навсегда.—Боли въ правомъ боку слабыя, но постоянныя; какъ только ложусь на правый бокъ или на спину—или когда сажусь въ карету—онѣ мгновенно усиливаются; ходить и стоять могу нѣсколько дольше прежняго; сплю изрядно. — Поэтому я изъ Буживаля никуда; въ этомъ отношеніи хуже стало—и путешествіе является мнѣ въ родѣ какой-то невозможной операціи. Пью усиленно молоко. Вотъ и вся моя пѣсенка.

Передалъ ли ты (или послалъ ли ты?) мое письмо любезнѣйшему доктору Бертенсону?

Что касается до Руссо—то вся ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты хочешь видѣть въ немъ *оконченную* картину; а это эскизъ, студія—(домикъ даже такъ и остался неконченнымъ)—но студія геніальная, особенно дорогая для живописцевъ, потому что въ ней сохранилась вся поэтическая свѣжесть и сила перваго впечатлѣнія. Очень жалѣю, что не могъ видѣть твоихъ новыхъ картинъ и убѣдиться на дѣлѣ, что ты отсталъ отъ сухости и прилизанности и мертвой четкости линій, отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которыми нѣмецкая школа заразила всѣхъ нашихъ пейзажистовъ.

Надѣюсь также, что ты по прибытіи въ Петербургъ съ удвоеннымъ жаромъ накинулся на литературную работу.

За симъ прошу поклониться всѣмъ петербургскимъ знакомымъ и крѣпко жму твою руку. Старый моллускъ, называемый—Ив. Тургеневъ.

422 [1]).

Крестьянамъ села Спасскаго-Лутовиново. — Буживаль, 4 сентября 1882.—Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за добрую память обо мнѣ и за хорошія пожеланія.—Мнѣ самому очень жаль, что болѣзнь помѣшала мнѣ въ нынѣшнемъ году побывать въ Спасскомъ.—Мое здоровье поправляется, и я надѣюсь, что будущее лѣто я проведу въ Спасскомъ.

Дошли до меня слухи, что съ нѣкоторыхъ поръ у васъ гораздо меньше пьютъ вина; очень этому радуюсь и надѣюсь, что вы и впредь будете отъ него воздерживаться: для крестьянина пьянство—первое разореніе.

Но жалѣю, что, тоже по слухамъ, ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. Помните, что въ наше время, безграмотный человѣкъ тоже что слѣпой или безрукій.—По примѣру прежнихъ лѣтъ, дарю вамъ одну десятину лѣса, въ мѣстѣ, которое вамъ укажетъ и отведетъ Николай Александровичъ [2]). Увѣренъ, что вы никакого ущерба ни дому моему, ни саду, ни вообще имѣнію моему дѣлать не будете—и въ томъ на васъ полагаюсь.

За симъ кланяюсь вамъ всѣмъ, Спасскіе крестьяне, и желаю вамъ всякаго благополучія. Бывшій вашъ помѣщикъ.

423.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 6 сентября 1882.—Милый другъ Я. П., получилъ я твое письмо, и болѣе и болѣе убѣждаюсь, что ты мой искренній другъ и въ то же время поэтъ не отъ міра сего—отвѣчаю тебѣ по пунктамъ—(такъ какъ и твое письмо писано по пунктамъ).

[1]) Сообщено Ж. А. Полонскою. Ред.

[2]) Щекинъ, управляющій. Ред.

1) Ни во Франціи, ни въ какомъ другомъ европейскомъ государствѣ—картины не подвергаются таможнямъ, пошлинамъ и т. п.

2) Разумѣется, картины укладываются въ деревянныхъ ящикахъ (съ обозначеніемъ содержимаго)—а не въ мѣшкахъ, швы которыхъ можно распороть; если швы не распорютъ—то сама картина дойдетъ до мѣста назначенія въ видѣ винегрета.

3) Разумѣется, я буду очень радъ получить твою картину—выбери одну, которая тебѣ покажется получше—и повѣшу ее въ моемъ кабинетѣ, на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ прошлогоднимъ видомъ Спасскаго дома. Но съ какой стати ты воображаешь, что твои картины могутъ попасть въ переднюю или въ столовую молодого Віардо—у котораго всего одна комната? И какъ же это я не вернусь въ Буживаль, (если даже поѣду въ Россію)—гдѣ у меня такое же *пожизненное гнѣздо*, какъ въ Спасскомъ?—О, поэтъ, поэтъ!!

4) Мой домъ въ Буживалѣ такъ тепелъ и такъ отлично устроенъ для зимы, что простудиться въ немъ нѣтъ *физической* возможности!!—И я нисколько не простудился—и не разстроилъ себѣ желудка, ибо кромѣ молока, ничего въ оный не вливаю—и если мнѣ въ послѣднее время стало нѣсколько хуже—то это неизбѣжная принадлежность нервическихъ и хроническихъ болѣзней. Однако я нарушаю свой договоръ—и говорю объ этомъ. Полно!

На прощанье позволь тебѣ сообщить нѣсколько афоризмовъ, которые созрѣли во мнѣ въ теченіе уже довольно долгой жизни:

a) *Никогда* ничего неожиданнаго не случается—ибо даже глупости имѣютъ свою логику.

b) Предчувствія *никогда* не сбываются.

c) Сообщенныя за вѣрнѣйшія извѣстія *всегда* ложны.

d) Слѣдуетъ:

размышлять о прошедшемъ;
удовлетворять требованіямъ настоящаго,
и *никогда* не думать о будущемъ.

И наконецъ самый важный афоризмъ:

Человѣкъ, желающій жить спокойно, *никогда* ничего не предпринимай, ничего не предполагай, ничему не довѣряйся и ничего не опасайся!!

За симъ обнимаю тебя и остаюсь преданный тебѣ.

424.

Ему же.—Буживаль, 10 сентября 1882.—Любезный другъ Я. П!. Вотъ отвѣтъ на твое длинное „пейзажное“ письмо.

1) Прилагаемая бумажная вырѣзка представляетъ точную вышину дерева, отстоящаго на 75 мѣряныхъ шаговъ отъ холста, картины, на которую смотришь на полтораршинномъ разстояніи—(самомъ мѣньшемъ для зрителя; самъ художникъ долженъ писать на этомъ разстояніи).

2) Первые планы у Коро̀ — никогда не бываютъ ближе *150* шаговъ; если я говорилъ о *полуверстѣ* — то эти слова относятся къ центру картины, то есть—къ центральной точкѣ *между первымъ планомъ и горизонтомъ*, который часто у Коро̀ отстоитъ на 2, на 3 версты.

3) Даже въ 75 шагахъ—отчетливыхъ очертаній въ листьяхъ *нѣтъ*; есть массы и *пятна*.

4) Изображеніе деревьевъ въ камеръ-обскурѣ есть *искусственное* сосредоточеніе (концентрація) свѣта — и въ художественномъ отношеніи какъ воспроизведеніе натуральнаго впечатлѣнія—уродство и безобразіе;—и это уродство и безобразіе цѣликомъ перешли въ такъ на-

зываемую нѣмецкую школу Ахенбаховъ и Каламовъ, которые собственно всегда писали съ каммеръ-обскуръ—не съ живой природы.

5) Изъ новѣйшихъ пейзажистовъ именно небо ни у кого такъ не правдиво и не прелестно какъ у Корѣ; въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ Рюисдаля.

Dixi et animam meam salvavi!

За симъ дружески жму тебѣ руку.

PS. Къ живописи примѣняется то же, что и къ литературѣ,—ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ—пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ *характеристическія* детали. Въ *этомъ одномъ* и состоитъ *талантъ* и даже то, что называется творчествомъ.

425.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 11 сентября 1882.—Милая Ж. А., надѣюсь, что это письмо застанетъ васъ еще въ Спасскомъ, хотя вы его получите не ранѣе 15-го сентября нашего стиля, срока, назначеннаго вами для отъѣзда. Но если погода продолжаетъ быть хорошей, отчего не остаться вамъ и долѣе? Я, разумѣется, продолжаю сидѣть здѣсь. Я вамъ, кажется, не сообщилъ, что въ послѣднее время я удосужился скропать повѣсть (листа въ три печатанныхъ)—и даже переписалъ ее.—На дняхъ отправлю ее Анненкову на судъ и просмотръ—и если все окажется какъ слѣдуетъ, эта вещь появится въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“.—Вы мнѣ не говорите въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, находится ли еще В. Гаршинъ въ Спасскомъ? Я прочелъ его „разсказы“, которые очень мнѣ понравились. У него несомнѣнный талантъ.—Хорошо бы было, еслибъ онъ рѣшился

поселиться — хоть на зиму — въ Петербургѣ, гдѣ бы онъ, конечно, встрѣтилъ сочувственный пріемъ.

Я отвѣчалъ Спасскимъ крестьянамъ и послалъ этотъ отвѣтъ Н. А. Щепкину, съ тѣмъ, чтобы онъ прочелъ имъ его. — Я также счелъ за нужное подарить имъ десятину лѣса.

Я попросилъ его переговорить съ вами на счетъ Спасской школы, которая находится въ очевидномъ упадкѣ. Надо бы принять какія-нибудь энергическія мѣры. — Ужъ не передать ли ее, дѣйствительно, земству?

Крѣпко надѣюсь на васъ на счетъ распоряженій по саду, оранжереѣ, конюшнѣ и пр.

Я остаюсь въ Буживалѣ во всякомъ случаѣ до 15 (3) ноября.

Обнимаю всѣхъ васъ — и васъ лично въ особенности.

426.

Бертенсону. Л. Б.—Буживаль, 11 сентября 1882.— Многоуважаемый докторъ, не знаю, какъ васъ благодарить и за письмо ваше и за ваши совѣты, которые всѣ очень справедливы.—Замѣчу только, что я не такъ палъ духомъ, какъ вы предполагаете, ибо на дняхъ настрочилъ и даже переписалъ довольно большую повѣсть [1]).— Я даже нахожу, что мое состояніе весьма сносно, ибо во 1-хъ, я сплю по ночамъ; во 2-хъ, если я не могу долго стоять и ходить — то вѣдь это не есть необходимость; въ 3-хъ, ѣздить въ каретѣ — тоже не совсѣмъ нужно; впрочемъ, я хочу попробовать и совершить небольшую поѣздку.—Прибавлю даже, что я рѣшился (попросивъ у васъ извиненія) кромѣ строгой молочной діэты — ни къ какимъ другимъ мѣрамъ и средствамъ не прибѣ-

[1]) „Клара Миличъ“.—Ред.

гать — и терпѣливо выжидать хорошихъ результатовъ этой діэты, которые рано или поздно должны явиться и уже до нѣкоторой степени явились.

Если позволите, я вамъ черезъ мѣсяцъ сообщу какія изъ этого рѣшенія будутъ послѣдствія; а до того времени постараюсь и не думать и не говорить о моихъ недугахъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ послалъ бы вамъ мою кабинетную фотографію; но у меня таковой нѣтъ. — Въ Петербургѣ можно найти такую фотографію — между прочимъ у Шапиро или у Деньера; не сомнѣваюсь въ томъ, что если вы одному изъ нихъ покажете это письмо, фотографія будетъ вамъ выдана безвозмездно, а къ ней вы можете велѣть приклеить тѣ строки, которыя вы найдете на слѣдующей страницѣ.

Дружески жму вамъ руку.

427.

Топорову, А. В.—Буживаль, 13 сентября 1882.— Любезный Топоровъ. Сію минуту получилъ отъ Думнова телеграмму съ отвѣтной — онъ меня спрашиваетъ: правда-ли, что я продалъ изданіе Глазунову? Я ему отвѣчалъ: „продалъ право на новое изданіе Глазунову“.—(Vendu droit de nouvelle édition à Glasounoff). О чемъ спѣшу васъ предупредить...

Вчера былъ у меня Прилежаевъ и привезъ мнѣ томъ Пушкина, посланный вашей воспитанницей, которую цѣлую за подарокъ.

Здоровье мое поправляется.

Вы уже навѣрное видѣли теперь Стасюлевича. Онъ того мнѣнія, что Думновъ не оставитъ меня въ покоѣ— что дѣлать!

Дружески жму вамъ руку.

428.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 17 сентября 1882.—Милая Ж. А., сегодня, 17 сентября нашего стиля—а по вашему, вчера полученному письму—вы должны завтра или послѣ завтра выѣхать изъ Спасскаго. И потому пишу вамъ въ Петербургъ. Благодарю васъ за то, что вы приняли мое предложеніе пожить у меня въ деревнѣ—и надѣюсь, что вы въ этомъ не раскаиваетесь. Надѣюсь также, что въ будущемъ году я буду счастливѣе—и что намъ хоть тогда придется снова прожить вмѣстѣ нѣсколько пріятныхъ недѣль въ Спасскомъ.

Въ исполненіе вашего желанія, скажу вамъ, что мнѣ лучше.

Я уже писалъ вамъ, что сочинилъ повѣстушку, которая появится въ „В. Е.“ — Теперь могу прибавить, что изъ моей сотни стихотвореній въ прозѣ—я выбралъ 50, строго исключивъ всѣ *личныя*—и передалъ ихъ Стасюлевичу, который остался ими доволенъ, и думаетъ тоже помѣстить ихъ (кажется, въ декабрской книжкѣ „Вѣстника Европы“)—и даже съ обозначеніемъ моей фамиліи.

Литературная жилка во мнѣ зашевелилась—и я теперь принялся за обдѣлываніе тѣхъ двухъ статей, которыя я обѣщалъ новому Глазуновскому изданію.—A propos этого изданія, боюсь я только, какъ бы магазинъ Салаева не затѣялъ мнѣ процесса.

Мнѣ пріятно было узнать, что Гаршинъ принялся за работу и что вы ею довольны.—Напишите мнѣ, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать послѣ вашего отъѣзда.

И вы, я увѣренъ, по прибытіи въ Петербургъ, приметесь за свою работу, т. е. за лѣпку.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески васъ обнимаю.

429.

Полонскому, Я. П. — Буживаль, 22 сентября 1882.—Милый Я. П., я въ долгу передъ тобою за два письма. Прежде всего благодарю тебя за твои милыя строки.—Въ твоей искренней дружбѣ я не сомнѣваюсь, какъ и ты не долженъ сомнѣваться въ моей.—Вѣдь мы чуть не полъ-жизни прожили съ тобою вмѣстѣ. Сама жизнь стала тусклой и тяжелой, но чувство наше не измѣнилось и не измѣнится.

О моемъ здоровьѣ мнѣ говорить нечего, такъ какъ ничто въ немъ не перемѣнилось.

Съ нетерпѣніемъ жду прибытія твоей картинной галереи!—Посмотримъ, посмотримъ.—Не сомнѣваюсь въ томъ, что ты сдѣлалъ большіе успѣхи.

Когда я говорилъ, что не слѣдуетъ думать о будущемъ—я этимъ не хотѣлъ сказать, что не слѣдуетъ работать для него.—Неопредѣленно размышлять о немъ, ставить себѣ вопросы, сомнѣваться, тревожиться и пр.—вотъ что не нужно.—Работая для семьи, ты не думаешь объ ея *будущемъ*, а принимаешь мѣры для ея прокормленія.—Не мнительному человѣку я бы этого афоризма не сказалъ.

Вѣроятно, Жозефина Антоновна уже вернулась теперь въ Петербургъ; поцѣлуй ее да и дѣтей—за меня.

Не стану опять распространяться о пейзажахъ и т. д.—Скажу тебѣ только, что Похитоновъ вовсе не деталенъ; и несмотря на тонкость кисти, пишетъ такъ же широко и пятнами, какъ Руссо... Обнимаю тебя и остаюсь твой другъ.

— — —

430.

Ему же. — Буживаль, 24 сентября 1882 года. — Милый Я. П., вчера пришли твои, до невѣроятности

превосходно уложенныя, картины!—Во-первыхъ—благодарю; во-вторыхъ—поздравляю съ несомнѣннымъ успѣхомъ.—И мнѣ, и Віардо-старику, и всему семейству—онѣ очень понравились.—Съ прошлаго года ты сдѣлалъ большой шагъ впередъ, и въ хорошемъ направленіи.

№ 1. Паркъ съ гуляющей дамой, въ которой я съ удовольствіемъ узналъ Жозефину Антоновну—вовсе не Савину.—Внутренность лѣса, освѣщеніе—отличныя.

№ 2. Береза съ сороками. Прекрасно выдержанный мягкій тонъ; деревья съ вѣрной физіономіей.—Только сорóка (передняя) похожа на цаплю.—У сорóкъ короткія, прямыя крылья, а ты ихъ сдѣлалъ длинными и дугообразными.

№ 3. Взбудораженное поле.—Немного сѣро; но гармонично, и даль очень хороша и вѣрна.

№ 4. Долина съ колодцемъ.—Превосходно отмѣчена физіономія деревьевъ; хороша общая композиція.—Немного пестра вся картина.

№ 5. Дорóга вечеромъ.—Тоже очень хорошо; передній фонъ немного смутенъ; стѣна больницы—слишкомъ ярко-бѣлое пятно. На первый взглядъ можно подумать, что тутъ приклеился кусокъ бѣлой бумаги.

№ 6. Дерево съ Борей.—Тщательная и тонкая студія.

Повторяю: вообще можно тебя поздравить съ замѣчательнымъ успѣхомъ.—Одно еще замѣчаніе: ты не довольно разнообразишь свои небеса; вообще они блѣдноваты, или скорѣй, холодноваты.

Вотъ тебѣ, братъ, и обстоятельный разборъ.—Если мы всѣ, Богъ дастъ, въ будущемъ году будемъ въ Спасскомъ—ты еще дальше пойдешь. А теперь, я всѣ твои картины обрамлю, покрою лакомъ — и повѣшу у себя въ кабинетѣ.

Еще разъ великое спасибо!—Кланяюсь всѣмъ твоимъ и обнимаю тебя.

431 [1]).

Марксу А. Ф. — Буживаль, 24 сентября 1882.— М. г., болѣзнь помѣшала мнѣ написать обѣщанную вамъ повѣсть. Такъ какъ здоровье мое до сихъ поръ мало улучшилось, то пока я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Надѣюсь, что мнѣ удастся доставить вамъ повѣсть, въ теченіе будущаго года; быть можетъ — въ январѣ или февралѣ; но не знаю, насколько могу уполномочить васъ обязаться передъ читателями. Что касается вашей программы (объявленія о „Нивѣ“ 1883 г.), то вы можете употребить слѣдующія слова: „г-нъ Тургеневъ обѣщалъ намъ повѣсть, которую онъ надѣется доставить въ редакцію въ теченіе зимы“. Сказать что-либо болѣе, или объявить названіе повѣсти, было бы, по моему мнѣнію, рисковано.

Вѣрьте въ мое искреннее желаніе исполнить обѣщанное и примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

432.

Салтыкову, М. Е.—Буживаль, 24 сентября 1882.— Любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ, получилъ я ваше письмо—а вслѣдъ за нимъ и сентябрскій № „Отечественныхъ Записокъ“. Тотчасъ прочелъ „Современную идиллію“—и нашелъ, что прирожденная вамъ vis comica никогда не проявлялась съ бо́льшимъ блескомъ.—Нѣтъ! вамъ долго еще не придется покладать руки.—Развѣ цензура васъ съѣстъ. Да, вы—крупный; пожуетъ она васъ — а не проглотитъ. — Прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ.—Онъ вѣрно подмѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить,

[1]) Напечатано въ „Нивѣ“ 1883 г., № 34, въ сентябрѣ: „Объ И. С. Тургеневѣ“.—Ред.

что и во французской литературѣ было схожее явленіе—а именно пресловутый Маркизъ де-Садъ. Этотъ даже книгу написалъ: „Tourments et supplices“, въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаиваетъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій.—Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно расписываетъ удовольствіе одного любителя.... И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже прѣдики читали о вселюбви этого человѣка!—По истинѣ, въ странное живемъ мы время!

Нехорошо, что вы нездоровы (кому это лучше знать и оцѣнить, какъ не мнѣ);—но что вы жалуетесь на ненависть иныхъ людей, которые даже блѣднѣютъ при одномъ вашемъ имени—это вы напрасно.—Кто возбуждаетъ ненависть—тотъ возбуждаетъ и любовь.—Будь вы просто потомственный дворянинъ М. Е. Салтыковъ—ничего бы этого не было.—Но вы Салтыковъ-Щедринъ, писатель, которому суждено было провести глубокій слѣдъ въ нашей литературѣ—вотъ васъ и ненавидятъ—и любятъ, смотря кто.—И въ этомъ „результатъ вашей жизни“, о которомъ вы говорите—и вы можете быть имъ довольны. Что же касается до одиночества, до уединенія—то кто же—послѣ пятидесяти лѣтъ—въ сущности не одинокъ—не „обломокъ“ стараго поколѣнія?—Тутъ ничего не подѣлаешь;—это смерть насъ понемножку подготовляетъ, чтобы не такъ было жалко разставаться съ жизнью.

Вотъ и на счетъ нашего общаго друга П. В. А., вы несправедливы.—Я знаю, какого онъ высокаго мнѣнія о васъ.—Онъ ни къ кому не относился свысока да иронически—станетъ онъ начинать съ васъ!—Вы, можетъ быть, не замѣтили, что онъ до крайности стыдливый человѣкъ и даже робкій.—Вы этого не разглядѣли

подъ его напускною развязностью.—Конечно, онъ современникъ Гоголя и Бѣлинскаго; но онъ точно также чувствуетъ себя современникомъ Языкова и Маслова и нисколько отъ этого не отказывается.

Я остаюсь здѣсь еще недѣль шесть. Потомъ переѣду въ Парижъ... а когда въ Россію попаду—это знаютъ одни боги, если они такими пустяками занимаются.

Крѣпко жму вашу руку и остаюсь душевно вамъ преданный.

PS. Правда ли, что В. Гаршинъ прислалъ въ „О. З". повѣсть?—У этого человѣка несомнѣнный и оригинальный талантъ.

433.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 27 сентября 1882.—Милая Ж. А., сейчасъ получилъ ваше письмо, писанное передъ отъѣздомъ изъ Спасскаго.—Право, вы уже слишкомъ меня благодарите.—Скорѣе *я* вамъ долженъ быть благодаренъ за ваше пребываніе въ Спасскомъ—чѣмъ вы мнѣ. Я очень радъ, что вамъ было тамъ хорошо—и не теряю надежды возобновить наше совмѣстное тамъ житье будущимъ лѣтомъ.

Я уже писалъ Якову Петровичу о полученіи его картинъ—и объ успѣхѣ, который онѣ здѣсь имѣли.—Могу теперь подтвердить этотъ успѣхъ. Теперь также надо ждать его трудовъ на литературномъ поприщѣ.

Я получилъ письмо отъ А. В. Топорова. Стасюлевичъ аккуратно исполнилъ мое порученіе въ отношеніи къ нему, въ чемъ я никогда не сомнѣвался.

В. Гаршинъ, повидимому, намѣренъ поселиться въ Петербургѣ—и будетъ, вѣроятно, часто васъ видѣть. Поручаю его вашему мягкому женскому надзору: я очень интересуюсь этимъ молодымъ талантомъ.

Погода здѣсь у насъ поправилась. Лѣта здѣсь совсѣмъ не было; авось будетъ порядочная осень. – Семейство Віардо, вѣроятно, переѣдетъ въ Парижъ недѣли черезъ двѣ; я останусь здѣсь до декабря.

Одиночество мнѣ очень по вкусу; и чтобы я сталъ дѣлать въ Парижѣ, при невозможности движенія? – Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не тянетъ никуда. Никогда я не чувствовалъ себя покойнѣе, при совершенной безцвѣтности, даже полномъ отсутствіи *личной* жизни.

Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь другъ вашъ.

434.

Ей же.—Буживаль, 4 октября 1882.—Милая Ж. А., сейчасъ получилъ я ваше большое письмо изъ Петербурга—и отвѣчаю. Прежде всего радуюсь вашему благополучному возвращенію въ петербургское гнѣздышко. Буду надѣяться, что вся зима пройдетъ тамъ для васъ хорошо, что вы сдѣлаете большіе успѣхи въ ваяніи и т. д. Благодарю васъ за сообщенныя свѣденія о необходимости имѣть въ Спасскомъ медицинскую помощь. Съ нынѣшней же почтой пишу Н. А. Щепкину, что я опредѣляю на это дѣло 200 р. въ годъ – и попрошу его распорядиться на этотъ счетъ въ указанномъ вами смыслѣ. Также пишу на счетъ молодой дѣвушки, которую г-жа Якушкина обязательно взяла къ себѣ. Но дѣло едва-ли обойдется безъ передачи школы въ земство.

Я уже отправилъ обратно къ Стасюлевичу корректуру пятидесяти выбранныхъ мною „Стихотвореній въ прозѣ“. Если цензура не сдѣлаетъ какихъ нибудь затрудненій—то они появятся либо въ ноябрской, либо въ декабрской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Повѣсть, озаглавленная: „Послѣ смерти“ [1]) будетъ напечатана въ январ-

[1]) „Клара Миличъ“. Ред.

ской. Стасюлевичъ и его кружокъ очень довольны моими „стихотвореніями“; — посмотримъ, что скажетъ публика. Я распоряжусь, чтобы одинъ оттискъ былъ доставленъ вамъ, немедленно по появленіи книги.

Вамъ уже, вѣроятно, извѣстно, что я подробно отвѣчалъ Якову Петровичу на счетъ его картинокъ, которыя здѣсь всѣмъ понравились.

О переѣздѣ въ Парижъ я еще не могу думать, такъ какъ попрежнему не выношу движенія кареты.

Спасибо также за то, что вы успокоили Спасскихъ богаделокъ на счетъ ихъ будущности.

Я получилъ отъ В. Гаршина письмо и буду отвѣчать ему. Продолжаю рекомендовать его вашей благосклонности.

Крѣпко васъ всѣхъ обнимаю и остаюсь другъ вашъ.

435.

У. Ф., барону. — Буживаль, 13 октября 1882. — Cher baron! Je viens de recevoir votre lettre et les № de la „Baltische Monatszeitung“ qui l'accompagnaient. Je vous remercie de cet envoi et je profiterai des premiers moments de loisir pour lire les articles que vous me désignez. Je ne puis pourtant pas vous cacher que je crains une divergence d'opinion entre nous. Le jugement que vous portez sur N. Milutine en est la preuve. Si j'ai beaucoup de réserves à faire sur son activité en Pologne (le mot d'oeuvre de Tamerlan a été du reste employé par lui-même, il croyait y reconnaître une triste nécessité) — je n'oublierai jamais les services immenses qu'il a rendu à la Russie dans la cause de l'émancipation; et loin de voir en Milutine un mauvais génie, comme vous dites, je salue en lui un de nos grands—et rares—homme d'état.

Ce n'est certe pas sa faute si le grand acte de l'émancipation des paysans n'a pas produit tous les résultats, qu'on devait en attendre, mais bien celle des autres qui ont réussi à y introduire des clauses funestes...

Je suis très heureux d'apprendre que vous avez pleinement joui du bel été que vous avez eu en Russie. Ici nous avons été moins favorisés. Ma santé aussi ne se rétablit que fort lentement—et la possibilité d'un voyage en Russie devient de plus en plus problématique. La patience doit être chez vous et chez moi — à l'ordre du jour. Recevez etc. Ivan Tourguéneff.

436.

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль, 13 октября 1882.—Любезнѣйшій докторъ, вотъ скоро шесть недѣль прошло съ тѣхъ поръ какъ я вамъ писалъ—и мнѣ приходится извѣстить васъ о состояніи моего здоровья. Къ сожалѣнію, ничего утѣшительнаго сказать я не могу. Главный мой недугъ, корень всей моей болѣзни—а именно: боль въ ключицѣ, не дающая мнѣ ни стоять, ни ходить—не только не уменьшился—но скорѣе усилился; во всякомъ случаѣ эта боль точно такая какъ 8 мѣсяцевъ тому назадъ. Она до того установилась, до того стала нормальной—что я примирился съ нею наконецъ;—и махнувъ рукою на всякую возможность выздоровленья—стараюсь жить, работать и не думать о ней, хотя въ то же время сознаю, что, при ея существованіи, всякая мысль о путешествіи, о переѣздѣ въ Россію—является несбыточной фантазіей. Впрочемъ, я и съ этимъ примирился: буду жить „покѣлева Богу угодно“ какъ выражаются мужики,—то въ Буживалѣ, то въ Парижѣ—и баста!

Междуреберная невралгія меня безпокоитъ мало; иногда выпадаютъ дурные дни, дурныя ночи... но не она мѣшаетъ мнѣ ходить и стоять.

Отъ всякаго леченія я положительно отказался. Продолжаю пить молоко и буду его пить, благо я привыкъ къ нему и даже потерялъ охоту на всякую другую пищу. Желудокъ въ исправности—почки тоже—подагра молчитъ. Чего больше?—Оказывается, что можно отлично существовать, не будучи въ состояніи ни стоять, ни ходить, ни ѣздить. Живутъ же такъ устрицы! А у меня есть много развлеченій, недоступныхъ устрицамъ.

Это не мѣшаетъ быть вамъ очень благодарнымъ за ваши старанья и хлопоты. Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

PS. Передайте мой дружескій поклонъ Полонскимъ.

437.

Полонской, Ж. А.— Буживаль, 17 октября 1882.— Милая Ж. А., спасибо за ваше письмо... Я уже начиналъ думать, что вы меня забыли. Но теперь я вижу что все у васъ идетъ какъ слѣдуетъ – и за работу вы принялись и т. д. Мои „Стихотворенія въ прозѣ“ явятся въ декабрской книжкѣ „В. Е“; — а повѣсть „Послѣ смерти“ [1])—въ январской. Мысль этой повѣсти явилась мнѣ послѣ того, какъ вы мнѣ разсказали... о Кадминой. Не знаю, удалась ли мнѣ эта довольно трудная задача?— „Стихотвореніями въ прозѣ“ редакція „В. Е.“, кажется, весьма довольна. Посмотримъ, что публика скажетъ.

Вы очень любезно пеняете мнѣ, что я вамъ мало говорю о своей *личности*. Дѣло въ томъ, что сказать-то нечего. Представьте себѣ человѣка, который совершенно

[1]) Она явилась подъ заглавіемъ „Клара Миличъ“. Ред.

здоровъ... только ни стоять, ни ходить, ни ѣздить не можетъ—безъ того, чтобы въ его лѣвомъ плечѣ не возникла немедленно острая боль, подобная зубной. Что тутъ прикажете дѣлать?—Сидѣть, лежать, опять сидѣть—и знать, что при этихъ условіяхъ не только въ Россію, но и въ Парижъ нельзя перебраться. Къ тому же—нѣтъ никакой причины, чтобы и черезъ годъ положеніе не осталось точно такимъ же... Вѣдь восемь мѣсяцевъ оно продолжается, безъ малѣйшаго измѣненія. Впрочемъ—душевное настроеніе очень спокойное. Я съ этой мыслью примирился—и нахожу даже—что ничего... устрицей быть недурно. – Я могъ бы ослѣпнуть, ноги могли бы отняться и т. д. А теперь даже работать можно. Только, конечно, *личная* жизнь прекратилась. Да и то сказать: мнѣ на дняхъ *шестьдесятъ четыре* года.

И потому ваши упреки въ томъ, что я стараюсь отдалить отъ себя тѣхъ, кто меня любитъ, закрываю имъ свою душу—не совсѣмъ справедливы. Яблоня засохла—а вы все ждете отъ нея яблоковъ. Увы! откуда ихъ взять?

Мнѣ Салтыковъ пишетъ, что Гаршинъ представилъ въ редакцію „О. З.“ хорошій разсказъ. Я очень радъ, тому, что Г—инъ женится. Вѣроятно, на хорошей дѣвушкѣ—это его успокоитъ и прогонитъ тѣни, которыя лежатъ еще на его умѣ.

Буду ждать письма отъ Григоровича—а вы мнѣ напишите, понравилось ли вамъ то, что онъ собирается прочесть вамъ.

А Яковъ Петровичъ написалъ ли что-нибудь?—И гдѣ оно появится?

Я еще не знаю, когда я буду въ состояніи отсюда выбраться. Дни стоятъ осенніе—сырые. Но мое семейство боится переѣзжать въ Парижъ, такъ какъ тамъ свирѣпствуетъ тифъ.

Крѣпко васъ всѣхъ обнимаю и цѣлую и остаюсь навсегда вашъ преданный другъ.

438.

Топорову, А. В. — Буживаль, 18 октября 1882 года. — Любезный Топоровъ. Получилъ я ваши образчики шрифта, бумаги и формата (а также и портретъ Гончарова). Все это мнѣ кажется очень хорошимъ; развѣ вотъ бумага нѣсколько тонка — сквозить будетъ. Портретъ будетъ принятъ въ соображеніе (кстати, Стасюлевичъ видѣлъ образчики? — и что онъ говоритъ?). Печатаніе начнется, вѣроятно, со второго тома (гдѣ „Записки Охотника“). Это будетъ сдѣлано со стереотипнаго изданія, гдѣ опечатокъ нѣтъ. Къ I и послѣднему тому будутъ, какъ вамъ извѣстно, прибавленія. Для облегченія корректурной работы — прошу васъ о слѣдующемъ: къ одному изъ томовъ Салаевскаго изданія (кажется, къ четвертому) приложенъ списокъ опечатокъ — главнѣйшихъ. Потрудитесь заставить вписать всѣ эти опечатки, т.-е. поправки — и постепенно пересылайте мнѣ сюда каждый поправленный томъ, начиная съ 3-го. А я тотчасъ каждый томъ вновь перечту, окончательно исправлю и вышлю вамъ обратно, для передачи Глазунову. Къ I тому будутъ прибавлены: a) „Семейство Аксаковыхъ и Славянофилы; b) „Пожаръ Николая I“; къ послѣднему „Пѣснь торжествующей любви“; „Старые портреты“; новая повѣсть „Послѣ смерти“ и „Стихотворенія въ прозѣ“ — въ хронологическомъ порядкѣ (также будетъ прибавлено, если я что-нибудь еще напишу въ 1883 году).

Дружески жму вамъ руку.

PS. Видаете вы Савину? Скажите ей, что она меня совсѣмъ забыла.

439.

Вейнбергу, П. И.—Буживаль, 22 октября 1882.—Любезнѣйшій Вейнбергъ, въ отвѣтъ на ваше письмо, имѣю сообщить вамъ, что при всемъ моемъ желаніи споспѣшествовать вашему полезному предпріятію—я не въ состояніи обѣщать вамъ какую-либо переводную статью. Я въ долгу передъ моими издателями на счетъ оригинальныхъ, обѣщанныхъ статей—гдѣ же мнѣ браться за переводныя? Во всякомъ случаѣ я бы скорѣе взялся перевести нѣсколько страницъ изъ Монтеня или Раблэ, но ужъ никакъ не Бальзака, котораго я никогда не могъ прочесть болѣе десяти страницъ сряду, до того онъ мнѣ противенъ и чуждъ. Но, повторяю, обязаться я никакъ не могу.

Надѣюсь, что вы не посердитесь на меня—и прошу васъ принять выраженіе моего уваженія и преданности.

PS. Къ удивленію моему—и вы, какъ впрочемъ всѣ русскіе—не выставили своего адресса! Принужденъ писать вамъ чрезъ Я. П. Полонскаго.

.....

440.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 25 октября 1882.—Милый Я. П. отвѣчая на твое письмо, долженъ начать съ выраженія изумленія: ни одно твое письмо не осталось безъ немедленнаго отвѣта; изъ чего я долженъ заключить, что два моихъ письма къ тебѣ пропали. Твоей женѣ я тоже написалъ письмо (которое впрочемъ, она теперь, вѣроятно, получила).

Поздравляю тебя съ присужденіемъ преміи! Очень я этому радуюсь... 500 р. навѣрное тебѣ пригодились.

Скверно то, что типографщикъ Б... тебя надулъ, хотя это въ порядкѣ вещей. Нельзя-ли, однако, прижать его какъ-нибудь, хоть чрезъ наше общество?

Выраженіе о моемъ здоровьѣ, употребленное мною въ письмѣ къ Топорову, совершенно вѣрно:—всѣмъ молодецъ—только ни стоять, ни ходить! И представь, я съ этимъ примирился. Сижу или лежу цѣлыхъ 24 часа сряду—и баста! Моллюскъ, такъ моллюскъ. Живутъ же они—и даже многіе годы, и никакого желанія къ перемѣщенію не ощущаютъ.

Поступокъ У. меня не удивилъ. О немъ я и не такія штуки знаю. А между тѣмъ въ отвѣтъ на его письмо я уже согласился на то, чтобы ему отвели уголъ въ Спасскомъ...

На счетъ варенья пускай Жозефина Антоновна ограничится самой малостью. Во-первыхъ, за варенье французская таможня деретъ громадныя суммы; во-вторыхъ, представь: французамъ наше варенье вовсе не нравится. Они находятъ его слишкомъ сладкимъ... словомъ, не нравится.

Я переѣзжаю въ Парижъ недѣли черезъ двѣ.

За симъ обнимаю васъ всѣхъ.

441.

Бертенсону, Л. Б.—Буживаль 27 октября 1882.—Любезнѣйшій докторъ! Спасибо за ваше теплое, дружеское письмое и за присланную книгу. Въ моемъ положеніи, по прежнему, нѣтъ перемѣнъ; даже какъ будто хуже стало... Стоять, ходить — просто невозможно. Но вы напрасно убѣждаете меня не унывать. Я не только не унываю, но даже совершенно примирился съ моимъ недугомъ. Еще немного — и я даже самъ не буду желать выходить изъ этой неподвижности, которая не мѣшаетъ мнѣ, ни работать, ни спать и т. д.

Пью, по прежнему, неукоснительно молоко — и даже ко всякому другому питанію охоту потерялъ. Что же

касается до глины, которую вы рекомендуете, то вѣдь ее слѣдуетъ прикладывать на ночь? Но ночью у меня ничего не болитъ. Или можно ее носить тоже днемъ? Я бы посовѣтовался съ Бѣлоголовымъ; но онъ теперь въ Ментонѣ. Недѣли черезъ двѣ попытаюсь перетащиться въ Парижъ; тамъ это будетъ удобнѣе — не знаю, только какъ я выдержу тряску экипажа. Сидя или лежа 23 часа $^3/_4$ въ сутки — я просто боюсь движенія, которое является мнѣ неизбѣжнымъ спутникомъ страданія. Да и къ чему двигаться? Вотъ Карлъ XII, будучи совсѣмъ здоровъ, по собственной охотѣ пролежалъ (въ Турціи, послѣ Полтавы) 18 мѣсяцевъ, не вставая съ постели... И ничего! Такъ ужъ мнѣ и подавно Богъ велѣлъ.

Дружески жму вамъ руку.

PS. Мнѣ одинъ американскій докторъ (изъ-за Миссисипи) прислалъ рецептъ, которымъ онъ, по его увѣренію, вылечилъ въ три дня одну даму, одержимую въ теченіе 5 лѣтъ точно такимъ же недугомъ, какъ и я. Посылаю вамъ его для курьезу; разумѣется, я ничего по немъ не принялъ.

R.

Bi Sulphate de quinine ℥ij.

Extrait fluide de gelseminum gouttes XX.

Eau » » ℥ij

Принимать столовую ложку каждые три часа въ теченіе 3 дней!

442.

Салтыкову, М. Е.—Буживаль, 31 октября 1882. — Любезнѣйшій М. Е., великое вамъ спасибо за присылку „Писемъ къ тетенькѣ“; я перечелъ ихъ съ наслажденіемъ, съ неменьшимъ наслажденіемъ прочелъ я также вашу „Современную идиллію“ въ октябрской книжкѣ

„Отеч. Зап.“. Сила вашего таланта дошла теперь до „рѣзвости“, какъ выражался покойный Писемскій. Что же касается до того, что вы говорите о своей мало отрадной жизни, то приведу вамъ въ утѣшеніе (правда, оно довольно плохое) слова Гёте, не за-долго до смерти. Ужъ на что, кажется, онъ былъ пресыщенъ всѣмъ, что только жизнь даетъ отраднаго—и славенъ-то онъ былъ—и женщинами любимъ — и дураками ненавидимъ, и на китайскій языкъ его переводили—и вся Европа ѣздила къ нему на поклоненіе—и самъ Наполеонъ сказалъ про него: c'est un homme! И Уваровъ — и даже Шевыревъ кадили ему въ носъ ѳиміамомъ, а все-таки онъ сказалъ, 82 лѣтъ будучи, что въ теченіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ—былъ счастливъ только *четверть часа!* Такъ ужъ намъ съ вами и самъ Богъ велѣлъ. Вотъ, что онъ здоровъ былъ—а мы нѣтъ... вотъ это обидно. Но что тутъ подѣлаешь!

На счетъ же одиночества я съ вами несогласенъ. Вотъ я теперь совершенно одинокъ „аки перстъ“ — и ничего!

Полагаю, что вы не совсѣмъ справедливы къ Г-ну. Не должно забывать, что надъ нимъ нависла туча (болѣзнь), и онъ и теперь едва изъ-подъ нея вышелъ. И талантъ у него настоящій, хорошаго качества. Говорятъ онъ женится. Эта штука либо съѣживаетъ, либо развиваетъ человѣка; будемъ надѣяться, что она окажетъ благотворное вліяніе на него.

На счетъ повѣсти „Политическое дѣло“ вы ее помѣстите когда вздумается. Благодарный авторъ можетъ— и готовъ ждать.

То, что вы мнѣ пишете о Б-на—меня не удивляетъ. Я легко могу себѣ представить его на развалинахъ міра, строчащаго романъ, въ которомъ будутъ воспроизведены самыя послѣднія „вѣянія“ погибающей земли. Такой то-

ропливой плодовитости нѣтъ другого примѣра въ исторіи всѣхъ литературъ! Посмотрите, онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ возсоздавать жизненные факты за пять минутъ до ихъ нарожденія!

О себѣ приходится повторить прежнее: всѣмъ здоровъ — только двигаться не могу. И представьте: начинаю находить, что въ этомъ положеніи нѣтъ ничего неудобнаго. Было бы зачѣмъ двигаться... а то: не все ли равно.

Крѣпко жму вашу руку и желаю вамъ всего хорошаго.

443.

Григоровичу, Д. В.—Буживаль, 31 октября 1882.—Милый другъ Дмитрій Васильевичъ, опять вы не выставили—своего адресса, опять я долженъ писать вамъ черезъ Полонскаго! Хоть бы вы оффиціальный свой адрессъ выставили—адрессъ вашей школы на Малой (или на Большой?) Морской!

Поздравляю васъ съ окончаніемъ хлопотъ по выставкѣ, на которую вы можете оглянуться съ гордостью; поздравляю васъ—и публику—съ возобновленіемъ вашей литературной дѣятельности;—(я вижу, „Нива“ объявляетъ о вашей повѣсти—рядомъ съ моей, которая даже не начата, да и врядъ ли будетъ скоро кончена). О вашей повѣсти Полонскіе, которые ее слышали, отзываются съ большими похвалами.—А что подѣлываетъ *комедія* изъ петербургской жизни съ ея главнымъ героемъ Фигарó—П.?

Бѣдному И. И. Маслову можно только пожелать скораго конца, если онъ сохраняетъ смутное представленіе о своемъ положеніи, какъ это часто бываетъ съ людьми, пораженными подобнымъ недугомъ; если же нѣтъ, то пусть его продолжаетъ свое растительное существо-

ваніе! Кюнечно—если онъ при томъ не страдаетъ. Вотъ и я теперь веду жизнь нѣсколько схожую съ жизнью березы или устрицы, благодаря неподвижности, на которую осужденъ. И право же, ничего. Бываетъ такъ, что и не желаю ничего лучшаго.

Я получилъ на дняхъ черезъ одну очень милую московскую даму ту исповѣдь Л. Толстого, которую цензура запретила. Прочелъ ее съ великимъ интересомъ; вещь замѣчательная по искренности, правдивости и силѣ убѣжденья. Но построена она вся на невѣрныхъ посылкахъ—и въ концѣ концовъ приводитъ къ самому мрачному отрицанію всякой живой, человѣческой жизни... Это тоже своего рода нигилизмъ. Удивляюсь я, по какому поводу Толстой, отрицающій между прочимъ и художество, окружаетъ себя художниками — и что могутъ они вынести изъ его разговоровъ?—И все-таки Толстой едва ли не самый замѣчательный человѣкъ современной Россіи!

Имѣете ли вы понятіе о „Пушкинскомъ собраніи“, которое недавно произвело меня въ почетные члены—и участвуете ли вы въ немъ?“ А „Пушкинскій кружокъ“, тоже, что это такое? Выражается ли въ этомъ потребность сосредоточить нашу разбросанную литературу—или это только такъ, отъ нечего дѣлать? — Продолжаете ли вы быть членомъ комитета общества п. н. л. и уч!?—Если да, то поддержите одно ходатайство мое, которое на дняхъ пошло къ вашему предсѣдателю, Таганцеву.

Передайте мой дружескій привѣтъ вашей супругѣ. Крѣпко жму вашу руку.

444.

Полонской, Ж. А.—Буживаль, 31 октября 1882.—Спасибо, милая Ж. А., и за обстоятельное письмо, и за дружеское поздравленіе. Вы знаете, что какія бы ни

произошли со мной перемѣны—мои чувства къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ останутся навсегда неизмѣнными.

Вы напрасно упрекаете меня въ унылости, въ паденіи духа... Я скорѣе самъ могу пожаловаться на до того установившуюся резиньяцію—что мнѣ не только не скучно и не грустно, но даже всякое желаніе чего нибудь лучшаго исчезло во мнѣ. Я теперь здѣсь совершенно одинъ—и очень этимъ доволенъ. Не двигаюсь съ мѣста, пишу, читаю, глотаю молоко—а впрочемъ, ничего не ѣмъ—сплю восемь часовъ сряду—ни къ какимъ медицинскимъ средствамъ не прибѣгаю... и чудесно! Не только о будущемъ—о завтрашнемъ днѣ не думаю. Если это—старость, то привѣтъ ей!

Ужасно мнѣ досадно на .... Б.!—Я. П. не въ такомъ положеніи, чтобы терять трудъ свой даромъ. Пусть онъ попробуетъ „воздѣйствовать“—черезъ нашъ комитетъ! — Да и съ „Нивой“ не худо завести сношенья. Вишь она какой кушъ Григоровичу отвалила!—Кстати о Григоровичѣ. Онъ мнѣ написалъ письмо и, какъ водится, адресса не выставилъ! Опять придется ему отвѣчать черезъ Я П—а! – (такъ же какъ я отвѣчалъ Вейнбергу – и еще кому-то). Удивительная эта привычка у моихъ соотчичей! хорошо, что Я. П. ее бросилъ.

Я уже писалъ вамъ, что о варенькѣ нечего безпокоиться. Богъ дастъ, мы его поѣдимъ вмѣстѣ въ будущемъ году въ Спасскомъ.

Сочувствую вашимъ хлопотамъ по пріисканіи квартиры. Авось—удастся наконецъ! — Но пока, я нахожу, что и теперешнее ваше помѣщеніе удовлетворительно. Я бы вотъ какъ исправилъ извѣстную поговорку: „Отъ *полу-худа* добра не ищутъ“. Я самъ теперь въ такомъ „полу-худѣ“; и, право, ничего! Привыкнуть можно.

Вы мнѣ ничего не пишете о Вашихъ скульптурныхъ работахъ: надѣюсь, что вы ихъ не бросили.

Дружески обнимаю и цѣлую всѣхъ вашихъ—и васъ въ особенности.

445.

Вейнбергу, П. И.—Буживаль, 1 ноября 1882.—Любезнѣйшій П. И., въ отвѣтъ на ваше письмо спѣшу заявить вамъ, что, при высказанныхъ вами условіяхъ, я охотно даю свое согласіе на помѣщеніе моего имени въ числѣ сотрудниковъ вашего изданія—и даже надѣюсь быть имъ на дѣлѣ. Что же касается до „Вѣстника Изящныхъ Искусствъ"—то я не только не давалъ ему права называть меня—но даже въ первый разъ слышу, что существуетъ подобный журналъ.

Примите, и пр.

446.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 4 ноября 1882.—Милый Я. П., отвѣчаю, по обыкновенію, немедленно на твое послѣднее письмо. Съ рисунками къ „Кузнечику" случилась оказія. Я заказалъ ихъ одному здѣшнему художнику, онъ сдѣлалъ два очень милыхъ—а потомъ, буквально провалился—исчезъ—и оставилъ меня съ носомъ. Тутъ же подошла моя болѣзнь,—и у меня—виноватъ—вылетѣло это изъ головы. Теперь я снова, съ ревностью примусь за это дѣло— такъ какъ послѣ-завтра окончательно переѣзжаю въ Парижъ, куда прошу мнѣ писать: rue de Douai.

Варенье мое прошу кушать въ мою память и на мое здоровье. Можетъ быть я самъ прибуду доѣдать его. Но на счетъ высылки сюда отложите всякое попеченіе.

Осень у насъ была, если, возможно, еще хуже лѣта. Съ іюня мѣсяца я буквально только два раза видѣлъ

изъ окна голубое небо. Дождь и вѣтеръ, вѣтеръ и дождь, и небо похоже на грязное, худо вымытое бѣлье. Какова-то будетъ зима!

Желаю тебѣ скорѣйшаго поправленія — такъ какъ ты пишешь, что у тебя и гриппъ, и бронхитъ, и еще что-то. Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ и остаюсь преданный тебѣ моллускъ.

447.

Топорову, А. В. — Буживаль, 5 ноября 1882. — Любезнѣйшій Топоровъ, пишу вамъ наканунѣ переѣзда въ Парижъ (rue de Douai, 50). Я думалъ дольше здѣсь остаться—но вышло иначе. Третьяго дня я получилъ ваше письмо,—а сегодня третій томъ Салаевскаго изданія со вложеннымъ обращикомъ бумаги. Она, кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительной. Черезъ три дня я вышлю этотъ обращикъ съ моей аттестаціей, вложивъ его въ третій томъ, который прочту тщательно. Я нахожу, такъ же какъ и вы, что почтенный Глазуновъ ведетъ себя отлично. Еще разъ спасибо вамъ за посредничество.

День моего рожденія [1]) я провелъ очень мирно, въ семейномъ кругу. Здоровье мое стало въ послѣднее время поправляться. Боль во время стоянія и хожденія не прошла, но полегчила. Авось это улучшеніе продолжится.

Я попросилъ Стасюлевича, чтобы онъ и вамъ, и Полонскимъ далъ по оттиску моихъ „Стихотвореній въ прозѣ“, когда онѣ появятся. Редакція „Вѣстника Европы“ — ихъ очень хвалитъ; но что-то скажетъ публика? Очень уже эти стихотворенія не подходятъ къ тому, что она привыкла читать.

Дружески жму вамъ руку.

---

[1]) 28 октября.—Ред.

Изъ Парижа:

448.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 13 ноября 1882.—Любезнѣйшій Д. В., хочу вторично выразить вамъ мое удовольствіе по поводу вашего возвращенья къ литературѣ.—Безо всякой ложной скромности вы можете сказать себѣ, что на томъ участкѣ „литературной нивы“—(говоря высокимъ слогомъ)—который вы себѣ отмежевали и гдѣ были хозяиномъ, васъ никто не замѣнилъ;—а оправданія усталости, слабости вы также не имѣете, такъ какъ вы живучѣе, моложе и дѣятельнѣе всѣхъ насъ вмѣстѣ взятыхъ.—Итакъ: „съ богомъ! въ дальнюю дорогу!“ Сюжетъ вашего предполагаемаго романа мнѣ очень нравится.

Что касается до прочтенія вами—нѣкоторыхъ моихъ „Стихотвореній въ прозѣ“—то, разумѣется, я лучшаго чтеца и желать не могу и мнѣ остается благодарить васъ.—Стасюлевичъ просилъ моего разрѣшенія, и я, понятное дѣло—не могъ не согласиться, хотя и думаю, что эти „Стихотворенія“ вовсе не пригодны для публичнаго чтенія [1]).—Они могутъ имѣть нѣкоторый успѣхъ только въ интимномъ кругу.—Впрочемъ, такъ какъ весь вопросъ состоитъ только въ томъ, чтобы залучить нѣсколько денегъ—то и чудесно! Повредить это чтеніе можетъ одному Стасюлевичу, какъ издателю „В. Е.“—Но коли онъ на это идетъ—мнѣ не для чего препятствовать.

Мое дурацкое здоровье все въ такомъ же положеніи—и я по прежнему даже гадательно не могу предсказать, когда я попаду въ Россію.

Передайте мой поклонъ всѣмъ знакомымъ, начиная съ вашей супруги. Крѣпко жму вашу руку.

[1]) Въ пользу литературнаго фонда.—Ред.

PS. Очень мнѣ жаль бѣднаго Т.; но какъ тутъ помочь?—„Помоп“, по выраженію Салтыкова, дѣлаютъ свое дѣло.

449.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 14 ноября 1882.—Милая Ж. А., нѣсколько словъ въ отвѣтъ на ваше дружеское письмо отъ 9 (21) ноября.—Я въ Парижѣ,—но отъ этого мнѣ не только не легче,—но даже гораздо хуже.—Болѣзнь моя опять разыгралась; но это меня нисколько не смущаетъ: сижу да отдуваюсь.

Никогда я не писалъ Александрѣ Николаевнѣ Г., что намѣренъ скоро и навсегда вернуться въ Россію.—Это было бы насмѣшкой надъ самимъ собою именно теперь, когда вообще всякое путешествіе является совершенно несбыточной фантазіей.

Литературная жилка во мнѣ чуть-чуть забилась, но мнѣ предстоитъ настрочить двѣ обѣщанныхъ статьи изъ воспоминаній для Глазунова;—и „Пустому боченку“ придется еще откатиться на нѣсколько недѣль послѣ новаго года.—Будемъ надѣяться, что онъ вмѣстѣ со мною прикатится въ Россію весной—или лѣтомъ—или къ 1884 новому году.

Радуюсь я вашей выдержкѣ въ дѣлѣ ваянія.—Благодаря ей, при вашихъ врожденныхъ способностяхъ, вы добьетесь несомнѣнно отличныхъ результатовъ.

Радуюсь также тому, что вы не сомнѣваетесь въ искренности и неизмѣняемости моихъ чувствъ къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ—и въ силу этихъ чувствъ крѣпко обнимаю васъ.

450.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 14 ноября 1882.—Любезный другъ Я. П., отвѣчаю вкратцѣ на твое письмо

отъ 21 (9) ноября. Съ переѣздомъ въ Парижъ поздравлять нечего: мнѣ стало опять значительно хуже и боли возобновились, даже когда я неподвиженъ. О семъ пунктѣ, впрочемъ, распространяться не къ чему.

Поблагодари отъ меня Бертенсона за его дружеское письмо. Отвѣчать мнѣ ему неудобно, такъ какъ я твердо рѣшился ни къ какимъ медицинскимъ средствамъ не прибѣгать, потерявъ всякую вѣру въ ихъ дѣйствительность.

Да, кстати... или не кстати: очень благодарю тебя за твои хлопоты у Вышнеградскаго за Т.....

Дѣло о рисункахъ къ „Кузнечику“ возобновлено мною — и, кажется, теперь пойдетъ поспѣшнѣе.

Передай Жозефинѣ Антоновнѣ прилагаемое при семъ письмо.

Дружески тебя обнимаю.

451.

Топорову, А. В.—Парижъ, 14 ноября 1882.—Любезнѣйшій Топоровъ, съ нынѣшней же почтой отправляю вамъ тщательно выправленный мною 3-й томъ моихъ сочиненій (Рудинъ и Двор. Гнѣздо).

Въ теченіе нынѣшней же недѣли вы *непремѣнно* получите 4-й и 5-й томы, которые пришли вчера.

Меня нѣсколько задержалъ переѣздъ сюда; теперь дѣло пойдетъ живо—и печатанью не предстанетъ никакихъ препятствій.

Дружески жму вамъ руку.

452.

Ему же.—Парижъ, 18 ноября 1882.—Любезнѣйшій Топоровъ, съ сегодняшней почтой отправляется къ вамъ

выправленный 4-й томъ (Наканунѣ и Отцы и Дѣти); послѣ завтра—пятый (Дымъ и Новь); третій—(Рудинъ и Дворянское Гнѣздо) вы уже навѣрное получили. Томъ 2-й „Записки Охотника“ надо будетъ печатать со стереотипнаго экземпляра; но въ немъ проскользнули три, четыре опечатки, которыя я вамъ пришлю также на этой недѣлѣ. Съ моей стороны задержки не будетъ.

Повѣсть для „Нивы“ я обѣщалъ, но съ непремѣннымъ условіемъ не назначенія срока. Никакого контракта я, разумѣется, не заключалъ. Марксъ предлагаетъ мнѣ 2000 р. за печатный листъ его „Нивы“,—который равняется двумъ листамъ „В. Е.“ Цѣна, какъ видите, очень большая. Но я не хочу связываться—тѣмъ болѣе, что мое здоровье опять значительно ухудшилось—и я совсѣмъ не знаю, когда я буду въ состояніи приняться за работу. Къ тому же мнѣ слѣдуетъ прежде окончить обѣщанныя двѣ статьи для I тома Глазуновскаго изданія.

Кстати о Глазуновѣ. Я слышалъ, что онъ пріобрѣлъ полныя сочиненія Гончарова и намѣренъ ихъ издать въ томъ же форматѣ, какъ и сочиненія Жуковскаго, Лермонтова и др. Не найдетъ-ли онъ для себя выгоднымъ пріобрѣстъ также сочиненія Я. П. Полонскаго, если не полныя, то съ выборомъ; мнѣ кажется, что было-бы дѣло хорошее—и для литературы? и для самого издателя.

За симъ крѣпко жму вамъ руку.

453.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 22 ноября 1882.—Милый Я. П., не могу не сожалѣть о той тревогѣ, которую возбудило въ васъ неполученіе отъ меня писемъ—и вижу въ ней знакъ искренней вашей дружбы; но я тутъ не виноватъ.—Я аккуратно и немедленно отвѣчалъ на вся-

кое твое и Ж. А. письмо, а къ Топорову я писалъ даже нѣсколько разъ, посылая ему исправленные томы моего изданія.—Притомъ мнѣ опять приходится повторять тебѣ извѣстное мое изреченіе: „ничего неожиданнаго не случается“,—и „худая слава бѣжитъ“.—А что мнѣ опять хуже стало со времени моего переѣзда въ Парижъ—это, къ сожалѣнію, справедливо; но я уже привыкъ къ этимъ „hauts et bas“, и не обращаю на нихъ вниманія, такъ какъ я окончательно примирился съ мыслью о неизлечимости моей болѣзни и о совершенной безполезности медицинскихъ средствъ.—Было лучше, было хуже—и опять будетъ лучше и опять хуже—et sic in infinitum. Ни говорить, ни писать, ни даже думать объ этомъ не стоитъ,—Это все равно, что сокрушаться о дурной погодѣ.

Ты пишешь, что Григоровичъ говоритъ, что не понимаетъ моихъ „Стих. въ Прозѣ“.—Выраженіе: „я не понимаю этого“—есть не что иное, какъ вѣжливый оборотъ словъ: „это мнѣ не нравится“. Мнѣніе Г—вича, вѣроятно, раздѣлитъ громадное большинство русской публики—и это такъ и слѣдуетъ. „Стих. въ Пр.“ написаны мною—для самого себя, а также и для небольшого кружка людей, сочувствующихъ такого рода вещамъ.—Публика будетъ совершенно права, отбросивъ ихъ въ сторону.—Я было ужаснулся, когда услыхалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ „Стихотвореній“ хотѣли прочесть публично.—То-то было бы фіаско, въ родѣ того фіаско, которое, судя по газетамъ, досталось на долю передѣлки „Степного Короля Лира“ для московской сцены.—Но, слава Богу, отъ этой затѣи отказались.

Если ты увидишь г-жу Абазу, поблагодари ее за память.

Я отыскалъ новаго рисовальщика, которому заказалъ иллюстраціи къ „Кузнечику“.

Душа моя, не пиши мнѣ впредь: „выздоравливай!“ Вотъ какое это на меня производитъ впечатлѣніе: человѣкъ, напримѣръ, оглохъ, а ему пишутъ: пожалуйста, услыши снова! Глухой можетъ прекрасно и долго жить со своимъ недугомъ; такъ и я—со своимъ.—Но все же лучше не напоминать ему о немъ.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и крѣпко жму тебѣ руку.

454.

Топорову, А. В. — Парижъ, 26 ноября 1882.—Любезный Топоровъ, сегодня послалъ къ вамъ исправленный пятый томъ моихъ сочиненій (Дымъ и Новь). Шестой и седьмой (повѣсти) получены — и на будущей недѣлѣ отправятся обратно. Кстати, я забылъ одну важную вещь: подъ заглавіемъ: „Отцовъ и Дѣтей“—*непремѣнно* нужно помѣстить въ скобкахъ:

„Посвящено памяти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго“.

Незабудьте.

Полонскій мнѣ пишетъ, что вы жалуетесь, что давно не имѣете отъ меня извѣстій,—рѣшительно не понимаю: я въ послѣднее время часто писалъ вамъ.

О своемъ здоровьѣ писать нечего: все то же—и будетъ такъ до конца дней моихъ.

Дружески жму вамъ руку.

455.

Ему же, А. В.—Парижъ, 30 ноября 1882 г.—Любезный Топоровъ, огорошили вы меня извѣстіемъ, что 3-й томъ (Рудинъ и Дворянское Гнѣздо) пропалъ. Но получили-ли вы по крайней мѣрѣ письмо, которое его

сопровождало и безъ котораго я ни одной книги не посылаю! Если получили, то извѣстите меня немедленно: *когда*, въ какой день вы его получили? Это облегчитъ мнѣ здѣсь справки на почтѣ.

Сочиненія Пушкина я получилъ—и *извѣстилъ васъ* объ этомъ, это заставляетъ меня думать, что иныя мои письма пропадаютъ.

5-й томъ (Дымъ и Новь) я отправилъ къ вамъ дней пять тому назадъ,—6-й и 7-й поѣдутъ на дняхъ, 8-й, 9-й и 10-й получены мною.

На этой же недѣлѣ вы получите маленькій списокъ опечатокъ, все-таки оставшихся въ стереотипномъ изданіи „Записокъ Охотника".

Радуюсь за синицу, обѣщанную В—мъ. Но особенно буду радъ, когда она вамъ дѣйствительно попадетъ въ руки.

Дружески кланяюсь вамъ.

456.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 2 декабря 1882.—Милая Ж. А., Изъ только что полученнаго мною письма Я. П., я узналъ, что васъ огорчаетъ мысль, что я ранѣе 84-го года не вернусь въ Россію.—Но вы не вѣрно поняли меня: я сказалъ вамъ, что вернусь весной или лѣтомъ 83-го года—или можетъ быть, къ новому 84-му году.—При неопредѣленности исхода моей болѣзни, я не могъ выразиться иначе; но вы можете быть увѣрены, что я вернусь въ Россію, какъ только это будетъ возможно... Вся бѣда въ томъ, что я не могу знать, когда это будетъ возможно. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что я непремѣнно вернусь только къ новому 84-му году.—Лучше всего поступать какъ я: не думать о будущемъ—что будетъ—то будетъ!

Я. П. — теперь уже, вѣроятно, знаетъ, какія это „Senilia“, о которыхъ говорилъ Ратынскій, и что на вечерѣ читали не „Стихотворенія въ Прозѣ“ — а первыя главы моей повѣсти, что, конечно, должно было показаться публикѣ такъ же скучнымъ, какъ и „Стихотворенія“.—Я ни малѣйше не сомнѣваюсь въ томъ, что эти „Стихотворенія“ не понравятся нашей публикѣ—да они и не для нея писаны. Ратынскій принадлежитъ къ той сотнѣ читателей (на большее число я не надѣюсь), которымъ онѣ придутся по вкусу, и къ которымъ я позволяю себѣ причислить васъ и Я. П.—Надѣюсь, что вамъ М. М. Стасюлевичъ уже доставилъ тотъ оттискъ, о которомъ я его просилъ.

Топоровъ напрасно волнуется: отъ подобныхъ корреспонденцій не убережешься и вреда причинить онѣ не могутъ. Если даже придется купить у Салаева остающіеся экземпляры — что объ этомъ толковать?—Всѣ эти литературныя дрязги слишкомъ мизерны.

Скажите Я. П., что я отдалъ всѣ его картинки вдѣлать въ рамки—и уберу ими мою комнату, какъ только онѣ будутъ готовы.—Рисунки къ „Кузнечику“—еще не принесены. Но скоро это будетъ сдѣлано.

Молоко пить я продолжаю, не потому, что ожидаю отъ него какой-либо пользы—а просто привыкъ къ нему—и даже отвращеніе получилъ къ вину и къ мясу.

Я только тогда и думаю о моей болѣзни, о леченіи и т. п., когда получаю отъ васъ письма. — Я совсѣмъ освоился со своимъ положеніемъ — и подчасъ даже не желаю, чтобы оно измѣнилось. Ко мнѣ какъ разъ примѣняется теперь стихъ Тютчева:

„День пережитъ... и слава Богу!“

Надѣюсь, что вы всѣ здоровы и благополучны, крѣпко всѣхъ васъ обнимаю.

PS. Яковъ Петровичъ! Поклонись отъ меня Григо-

ровичу. Не сомнѣваюсь въ томъ, что, при его чудной конституціи, онъ теперь уже совсѣмъ выздоровѣлъ.

457.

Григоровичу, Д. В. — Парижъ, 3 декабря 1882.— Милый Д. В., ваше сейчасъ полученное мною письмо, меня успокоило на счетъ вашей болѣзни: вѣроятно, въ эту минуту вы уже совсѣмъ молодцомъ. Другому, съ менѣе сильной конституціей, дорого обошлась бы сдѣланная вами неосторожность.—Но вы двужильный—и слава Богу!

Съ моими „Стих. въ Прозѣ“ произошло дѣйствительно нѣчто странное—но только не въ вашемъ смыслѣ: во-1-хъ, тѣ пять стихотвореній, которыя я прочелъ въ Спасскомъ Полонскому—находятся въ числѣ напечатанныхъ, и потому, если они вамъ показались гораздо выше напечатанныхъ, то, вѣроятно, они выиграли въ передачѣ ихъ Полонскимъ; во-2-хъ, я никакого выбора не дѣлалъ; я только откинулъ всѣ личныя, автобіографическія, которыя я никому не читалъ и не прочту—такъ какъ они предназначены къ уничтоженію вмѣстѣ съ моимъ дневникомъ; въ 3-хъ, слѣдовательно, и Стасюлевичъ не могъ выбирать, а что касается до размѣщенія, то онъ просто придержался хронологическаго порядка.—На счетъ самихъ стихотвореній я ни мало не ослѣпленъ: нечего и говорить, что они не годятся для публичнаго чтенія — онѣ могутъ понравиться только самому тѣсному кружку литературныхъ любителей. Когда я ихъ отдалъ Стасюлевичу, я поставилъ-было условіемъ, чтобы за нихъ мнѣ не платили; онъ самъ настоялъ на томъ, что дастъ мнѣ за нихъ гонораръ, впрочемъ, какой—неизвѣстно.—Вообще говоря—все это неважно; нѣкоторыя изъ этихъ „Стихотвореній“ останутся, надѣюсь,

въ памяти нѣсколькихъ десятковъ читателей; надо всѣми пройдетъ игривое перо Буренина и др.—И „рѣка временъ въ своемъ теченіи“ унесетъ въ лоно забвенія эти легенькіе листки.

Будемъ здѣсь ждать полученія въ *руку* – той синицы, обѣщанной Л. Полонскимъ, которая до сихъ поръ летаетъ въ небѣ не хуже любого журавля.

О здоровьѣ своемъ не говорю,такъ какъ ничего не могу сказать новаго.

Не сомнѣваюсь также въ томъ, что прочтенныя первыя главы моей повѣсти (которая должна явиться въ 1-мъ № „Вѣстника Европы“) потерпѣли фіаско [1].—Повѣсть эта можетъ имѣть какое-нибудь значеніе только въ *цѣломъ* своемъ видѣ; а публикѣ пришлось судить о достоинствѣ бюста по отбитому носу.

Со всѣмъ тѣмъ искренно благодарю васъ за сообщенное вами мнѣніе;—въ вашемъ дружескомъ участіи къ моимъ интересамъ я безповоротно увѣренъ.

Крѣпко жму вашу руку.

458.

Крамскому, И. Н. [2].—Парижъ, 6 декабря 1882.—М. г. Иванъ Николаевичъ, пишу къ вамъ въ качествѣ секретаря Общества Русскихъ художниковъ въ Парижѣ; и потому прошу считать это письмо какъ бы оффиціальнымъ—и сообщить его таковымъ вашему Обществу для полученія отъ него—также оффиціальнаго отвѣта. Но не могу не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы вы-

---

[1]) „Клара Миличъ“.—Ред.

[2]) Тургеневъ писалъ И. Н. Крамскому, какъ представителю товарищества передвижныхъ выставокъ; лично же они не были знакомы.—Ред.

разить вамъ лично мое глубокое уваженіе къ вамъ, какъ къ художнику.

Стараніями А. П. Боголюбова между нашимъ Обществомъ и здѣшнимъ торговцемъ картинъ Ж. Пети состоялось слѣдующее условіе:

Онъ уступаетъ намъ *безвозмездно* свою великолѣпную залу (первую въ Парижѣ) на 6 недѣль, считая отъ 1 ноября 1883 г. до 15 декабря (по новому стилю) 83 же года—для выставкѣ картинъ русской школы съ тѣмъ, чтобы мы всѣ расходы по освѣщенію, контролю, публикаціямъ, установки и т. д. взяли на себя—что составитъ около 7000 фр.—(Плата за входъ, конечно, поступаетъ въ нашу пользу).—Сверхъ того г-нъ Пети желаетъ, чтобы главные члены выставки, какъ-то Боголюбовъ, Харламовъ, Леманъ, Похитоновъ, и если возможно, вы и кто-нибудь другой изъ художниковъ, находящихся въ Россіи, пожертвовали ему по картинѣ, конечно, не изъ важныхъ. Здѣшніе художники на это согласились по слѣдующимъ соображеніямъ:

Пети, очевидно, приноситъ нѣкоторую жертву, такъ какъ ему до сихъ поръ за наемъ залы платили по 20 и 15 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, какъ-то сдѣлали акварелисты и др.—Это служитъ доказательствомъ того, что онъ, съ точки зрѣнія *продажи*, вѣритъ въ будущность русской школы и желаетъ упрочить ея выставки въ Парижѣ за собою.—Кромѣ того, наши здѣшніе художники уже и прежде жертвовали своими произведеніями въ пользу нашего Общества, лоттерей и пр.—Отдавая ихъ Пети, они и себѣ приносятъ пользу, такъ какъ онъ, при своихъ громадныхъ средствахъ, не пожалѣетъ денегъ на рекламы и пр.—Наши художники въ Россіи примутъ это, вѣроятно, также къ свѣденію.—Мы имѣемъ всѣ причины предполагать, что, за уплатой 7000 фр. расходовъ, намъ очистится порядочная сумма, во вся-

комъ случаѣ достаточная, чтобы принять присылку картинъ изъ Россіи теперь же на свой счетъ (NB. всѣ онѣ должны быть доставлены сюда *не позже 15 окт. нов. ст.* 1883 года). Взять на себя обязательство *отсылки*—мы теперь же не можемъ—такъ какъ это будетъ зависѣть отъ того, много ли у насъ будетъ посѣтителей (мы будемъ брать по 2 фр. за входъ) и какая въ концѣ концовъ очистится сумма.

Позволю себѣ слѣдующія замѣчанія:

Несомнѣнно то, что французское общество заинтересовалось русскимъ художествомъ *именно съ тѣхъ поръ, какъ оно получило самостоятельность* и выказало оригинальность—стало русскимъ, народнымъ. (То же самое произошло во Франціи и съ нашей литературой).—Стало быть въ этомъ вопросѣ намъ сомнѣваться и колебаться нечего.—Но это самое и налагаетъ на насъ обязанность строгаго и безпристрастнаго выбора. Произведенія нашей школы, въ которыхъ еще выказывается *тенденціозность*, *подчеркиваніе* (обыкновенный признакъ всего еще молодого, *незрѣлаго*) должны быть удалены, какъ несвободныя воспроизведенія народной жизни, какъ обремененныя задней мыслью.—Это козыряніе, это щеголяніе самобытностью, большей частью сопряженное съ слабостью техники, и долженствующее служить ей замѣною, немедленно бросается въ глаза и охлаждаетъ, особенно людей европейскихъ, у которыхъ долгій опытъ развилъ вкусъ и чутье фальши.—Примѣромъ могутъ служить „Бурлаки“ Рѣпина, произведенія Верещагина, которыя имѣли здѣсь знаменательный успѣхъ, между тѣмъ какъ иныя, тоже якобы народныя картины, на которыя я указывать не стану, потерпѣли полное фіаско.—*Тенденція* въ художествѣ, въ поэзіи и т. д., уже самымъ именемъ своимъ выдаетъ себя: она не есть *достиженіе*.

Извините меня, пожалуйста, что я позволяю себѣ

сообщать вамъ эти мысли, вамъ, который, какъ истинный художникъ, являете намъ примѣръ этого *полнаго достиженія*; но я подумалъ, что въ средѣ нашихъ художниковъ выраженіе этихъ мыслей могло имѣть нѣкоторое значеніе.

И потому прошу васъ, опять таки какъ секретаря нашего общества, сообщить мнѣ отвѣтъ вашего общества на счетъ изложеннаго мною соглашенія съ Пети и его условій. —Принимаете ли вы ихъ, —или же предлагаете нѣкоторыя измѣненія, съ которыми намъ придется соображаться.

Прошу принять повторительное изъявленіе моего глубокаго уваженія, и пр.

PS. Пети предлагаетъ также, въ случаѣ, если бы нѣкоторые изъ присланныхъ картинъ на выставку назначались къ продажѣ, помѣстить ихъ у себя безвозмездно и заботиться о ихъ сбытѣ.

PSS. Когда происходила въ нынѣшнемъ году наша выставка, здѣшніе художники назначили изъ среды своей жюри, которое безапелляціонно рѣшало принятіе или отказъ картинъ.—Полагаю, что и вы сдѣлаете тоже.

459.

Бертенсону, Л. Б.—Парижъ, 6 декабря 1882.—Многоуважаемый докторъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо; но мнѣ пришло въ голову, что вы можете приписать мое молчаніе неблагодарности—и вотъ я рѣшаюсь объясниться съ вами.

Я не сталъ накладывать глину, потому что окончательно и безповоротно убѣдился въ неизлечимости моего недуга. Въ этомъ моемъ мнѣніи меня поддерживаютъ такіе авторитеты, какъ Шаркò и Жаккỳ, которые оба велѣли мнѣ сказать, чтобы я бросилъ всякія средства,

ибо болѣзнь моя неизлечима и можетъ пройти только сама собою.—Я нахожусь въ положеніи человѣка, окончательно оглохшаго или ослѣпшаго, которому гораздо легче примириться съ своимъ положеніемъ, чѣмъ тѣшиться пустыми надеждами и хвататься за разныя средства, въ безполезности которыхъ онъ убѣжденъ.—И я именно примирился съ своимъ положеніемъ.—Стало быть, спросите вы меня, вы не питаете никакой надежды возвратиться на родину?—Никакой; ни малѣйшей, такъ же какъ на выздоровленіе. Если бы однако невозможное случилось, и я бы выздоровѣлъ, то, конечно, я бы ни одной минуты лишней не остался здѣсь.—Но ни разсчитывать на это, ни даже думать объ этомъ мнѣ не приходится.

Будьте такъ добры, сообщите это моимъ друзьямъ Полонскимъ, которые, конечно, изъ сочувствія ко мнѣ, чуть не приказываютъ мнѣ немедленно выздоровѣть.—Я уже имъ писалъ, что они первые узнаютъ о моемъ выздоровленіи, если ему суждено совершиться;—если я молчу, значитъ со мною все то же, даже хуже.—Съ мѣсяцъ тому назадъ я могъ—правда, съ трудомъ—выстоять *пять* минутъ; а теперь, послѣ *двухъ*, я принужденъ сѣсть или лечь.

Молоко я продолжаю пить отъ 10 до 12 стакановъ въ день.—На мой организмъ (пищевареніе, кровообращеніе и т. д.) оно дѣйствуетъ хорошо, я къ нему вполнѣ привыкъ и даже чувствую отвращеніе къ вину и мясу.—За вашъ совѣтъ питаться однимъ молокомъ и вообще за вашу любезность и за хлопоты я искренне благодаренъ.

За симъ позвольте вамъ дружески пожать руку и увѣрить васъ въ совершенномъ уваженіи и пр.

PS. Любезный докторъ, мнѣ бы не хотѣлось, чтобы что-нибудь изъ сказаннаго мною въ этомъ письмѣ попало

какъ-нибудь въ газеты. Всѣ эти печатныя извѣстія обо мнѣ—очень мнѣ непріятны.

460.

Топорову, А. В.—Парижъ, 7 декабря 1882.—Любезный Топоровъ, вчера получилъ ваше письмо съ извѣщеніемъ о прибытіи V тома. III томъ, очевидно, пропалъ. Но чтобы розыскать его здѣсь какъ слѣдуетъ, повторяю просьбу прислать какъ можно скорѣе свѣденія: въ какое число получили вы сопровождавшее или предварявшее о немъ письмо? Это необходимо. Радуюсь тому, что вы устроили себѣ свою собственную семейку, въ видѣ вашей питомицы.

Да вотъ еще два порученія: 1) узнать отъ Іогансена получилъ ли онъ отъ меня романсъ г-жи П. Віардо на слова И. Сурикова: Часовой? 2) Я получилъ очень сочувственное письмо отъ Андрея Ткачева (адвоката), на которое я не могъ ему отвѣтить, такъ какъ онъ не выставилъ своего адресса. Доведите до его свѣденія, что я ему очень благодаренъ за память и привѣтъ (вы помните, я съ этимъ адвокатомъ ѣздилъ въ Москву по дѣлу съ Маляревскимъ). Кстати или не кстати, вы можете ему сообщить невеселую новость: братъ его, проживающій въ Парижѣ, сошелъ съ ума: третьяго дня его посадили въ больницу.

Полагаю, что г. Стасюлевичъ вручилъ вамъ оттискъ „Стихотвореній въ прозѣ“. Надѣюсь, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ вамъ понравятся. Публика и критика отнесутся къ нимъ или равнодушно, или презрительно: но я отъ этого не заплачу.

Здоровье мое все въ томъ же мало отрадномъ положеніи, но я къ этому совершенно привыкъ.

Дружески жму вамъ руку.

461.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 12 декабря 1882.—Милая Ж. А., давненько не получалъ я отъ васъ писемъ—и потому вдвойнѣ обрадовался тому, которое получилъ сегодня. Вы хорошо поступаете, не вѣря газетнымъ толкамъ на мой счетъ:—я дѣйствительно провелъ, т.-е. просидѣлъ вечеръ въ обществѣ художниковъ, но выѣздъ меня утомилъ,—и я немного за него поплатился. Теперь опять все въ прежнемъ порядкѣ, т.-е. ни стоять, ни ходить и т. д. Вещи скучныя, извѣстныя и потому не интересныя. Впрочемъ, я высказался въ письмѣ къ Бертенсону, которое онъ, вѣроятно, вамъ прочелъ.

Я очень радъ, что мои „Ст. въ пр.“ понравились вамъ и Я—у П—у. Что они, внѣ небольшого, тѣснаго кружка, публикѣ понравиться не могутъ—лучшимъ доказательствомъ тому сообщенное мнѣ Григоровичемъ извѣстіе, что Гончаровъ ихъ хвалитъ. Вы понимаете, что послѣ этого и толковать нечего.

Впрочемъ, я ничего болѣе никогда и не требовалъ: нѣкоторымъ друзьямъ они пришлись по вкусу — этого за глаза довольно.

Замѣчаніе Я—а П—а на фразу: „одна и та же жизнь жмется пугливо къ другой“, совершенно вѣрно, но его поправка не годится; надо было бы сказать: „однородная жизнь жмется пугливо къ другой однородной“, но это выходило бы очень тяжело и прозаично. Подумаю, какъ это измѣнить; а, впрочемъ, мнѣ совѣстно, что я о такихъ пустякахъ распространяюсь.

Картины Я—а П—а выиграли въ рамахъ; но мнѣ придется украсить ими мой салонъ въ Буживалѣ, такъ какъ здѣсь рѣшительно нѣтъ мѣста.

Новый годъ задержалъ всѣ работы — и рисунки къ „Кузнечику“ все еще у художника.

Вы мнѣ ничего не пишете о своихъ скульптурныхъ

работахъ: надѣюсь, что вы ихъ не прекратили и дѣлаете успѣхи.

Зима въ Парижѣ какъ всегда: дождливая и сырая. Морозовъ нѣтъ.

Впрочемъ, всѣ здѣшніе мои здоровы.

Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ.

PS. Я давно написалъ Стасюлевичу, чтобъ онъ вручилъ вамъ оттискъ моихъ бездѣлокъ; сдѣлалъ ли онъ это?

---

462 [1]).

Юрьеву, С. А. — Парижъ, 14 декабря 1882. — Многоуважаемый Сергѣй Андреевичъ! Отъ времени до времени я порывался написать вамъ слова два, памятуя наши добрыя московскія отношенія, да такъ и остался при одномъ намѣреніи. Болѣзнь моя и проч. и проч. мнѣ помѣшали. Вотъ теперь, наконецъ, пишу вамъ.

Кстати у меня до васъ есть просьба. Начну прямо съ нея. Вы на-дняхъ получите рукописный, впрочемъ, очень хорошо сдѣланный переводъ одной повѣсти Geize— „Getheilte Herz“. Вамъ вовсе не нужно помѣщать ее въ *Русской Мысли*, если она вамъ не приглянется; но напишите мнѣ, что вы ее прочли и современемъ помѣстите и даже готовы деньги выслать впередъ... Все это придумано мною для одного здѣсь живущаго русскаго, который лежитъ въ больницѣ, не только какъ неизлечимый, но какъ умирающій,—онъ и шесть недѣль не проживетъ. Денегъ, у него, разумѣется, ни гроша, а онъ гордъ (вообще онъ очень хорошій человѣкъ) и никакого вспомоществованія не принимаетъ. Вотъ я и придумалъ эту pia fraus; деньги я ему выдамъ, какъ будто полу-

[1]) Напечатано въ журналѣ „Русская Мысль“, 1883 г., ноябрь. стр. 328.

ченныя за переводъ, но вы, пожалуйста, съ своей стороны, не выдайте меня и согласитесь разыграть роль въ моей маленькой и печальной комедіи. Напишите, что вы даете 200 франковъ. Вполнѣ надѣясь на ваше доброе сердце, я придумалъ это средство ужъ точно „in extremis“. Самую же повѣсть вамъ, можетъ быть, удастся куда нибудь помѣстить; но дѣло, какъ видите, вовсе не въ этомъ, а въ возможности доставить деньги умирающему.

Я подписался на вашу *Русскую Мысль*, но, по глупости, распорядился такъ, что буду получать ее только съ будущаго года. Я много слышалъ о ней хорошаго; да вы и не можете стоять во главѣ нехорошаго журнала.

Дайте мнѣ о себѣ вѣсточку. Что касается меня, то я едва ли не похеренный человѣкъ. Недугъ мой оказывается неизлечимымъ и состоитъ въ невозможности ходить или стоять. Когда я лежу или сижу, то болей почти нѣтъ, и спать я могу; но чуть только приведу себя въ перпендикулярное положеніе, въ груди и въ плечѣ просыпаются боли очень несносныя, въ родѣ зубной. Эта мерзость называется angina pectoralis nervosa и по медицинскимъ учебникамъ относится къ разряду incurabilium, что́ я могу подтвердить собственнымъ опытомъ, и съ чѣмъ я, впрочемъ, совершенно примирился. Только мучитъ меня и очень, что я, пожалуй, не увижу болѣе Россіи.

А, впрочемъ, довольно о семъ. Будьте здоровы, поклонитесь всѣмъ знакомымъ и отвѣтьте мнѣ.

Крѣпко жму вашу руку.

463.

Глазунову, И. И.—Парижъ, 14 декабря 1882.—М. г. Иванъ Ильичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ

узналъ я изъ газетъ о Монаршей къ вамъ милости и спѣшу поздравить васъ съ полученной вами наградой. Она особенно значительна въ нынѣшнее время. Въ ней сказывается признаніе высшей властью заслугъ, оказанныхъ вашимъ домомъ великому дѣлу просвѣщенія и словесности у насъ на Руси, тѣмъ столѣтнимъ, отнынѣ историческимъ домомъ Глазуновыхъ, достойнымъ представителемъ котораго состоите теперь вы.

Позвольте мнѣ участвовать моими пожеланіями въ предстоящемъ вамъ юбилеѣ и примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности вашего покорнѣйшаго слуги.

464.

Гаевскому, В. П.—Парижъ, 17 декабря 1882.—Любезнѣйшій В. П., благодарю васъ за дружескій привѣтъ и доброе слово по поводу моихъ „Стихотвореній въ Прозѣ“. Ваше одобреніе служитъ мнѣ ручательствомъ въ томъ, что ихъ стоило напечатать.

Что касается до моего здоровья, о которомъ вы такъ любезно освѣдомляетесь, то не могу сказать ничего новаго. Я по прежнему не могу ни стоять, ни ходить, а въ послѣднее время даже ночныя боли вернулись. Остается терпѣливо выжидать, когда эта напасть прекратится, если ей суждено прекратиться. Выѣздъ мой въ наше здѣшнее художественное общество, о которомъ почему-то говорено было даже въ газетахъ, нѣсколько ухудшилъ мое положеніе.

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и дружески жму вамъ руку.

465.

Топорову, А. В.—Парижъ, 19 декабря 1882.—Любезнѣйшій Т., отвѣчаю немедленно на ваше письмо.

Во-первыхъ, вполнѣ одобряю употребленіе, сдѣланное вами поспектакельными деньгами, которыми вы, впрочемъ, могли распорядиться по благоусмотрѣнію, такъ какъ онѣ—ваша собственность; съ своей стороны я радуюсь, что хотя косвенно могъ способствовать тому, что вы сдѣлались полнымъ семьяниномъ.

Во-вторыхъ, я не только не давалъ своего согласія на помѣщеніе моихъ произведеній въ „Дѣтскомъ Чтеніи“, но изъ присланнаго вами объявленія впервые узналъ о существованіи такого сборника; а потому уполномочиваю васъ поступить въ этомъ случаѣ по законамъ.

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и желаю вамъ и всѣмъ вашимъ всего хорошаго. Со мною, къ сожалѣнію, стало хуже; междуреберныя боли съ *правой* стороны вернулись и не даютъ спать; такъ что я уже опять принужденъ былъ прибѣгнуть къ подкожнымъ вспрыскиваніямъ морфина; боли въ лѣвомъ плечѣ остаются неизмѣнными; ну—да эти неизлечимы. Дружески жму вамъ руку.

466.

Бертенсону, Л. Б.—Парижъ, 22 декабря 1882.—Любезный докторъ, ваше письмо исполнено такого дружескаго участія, что я не могу не отвѣчать на него, хотя вкратцѣ. Увѣряю васъ, что вы напрасно подозрѣваете во мнѣ упадокъ духа;—напротивъ: я совершенно спокойно смотрю, какъ говорится, чорту въ глаза, и вполнѣ примирился съ моимъ положеніемъ, хотя оно въ послѣднее время значительно ухудшилось. А именно: тѣ междуреберныя боли въ правомъ боку, которыя почти совсѣмъ-было исчезли подъ вліяніемъ молочнаго леченія,

вернулись снова съ удвоенной силой и привели съ собой безсонныя ночи, такъ что я, хоть и нехотя, а принужденъ былъ уже нѣсколько разъ прибѣгать къ морфиннымъ вспрыскиваніямъ, такъ какъ всякое другое средство оказывается недѣйствительнымъ. Вѣроятно, вліяніе молочнаго леченія истощилось. Но я продолжаю его и буду продолжать аккуратно, такъ какъ все-таки оно полезно для общаго здоровья. Боль подъ ключицей также стала сильнѣе, и мнѣ не нужно глядѣть на часы (чего впрочемъ я никогда не дѣлалъ), чтобы знать — сколько минутъ я могу простоять безъ боли... *ни одной*. Какъ всталъ, сейчасъ же ложись, если не хочешь мучиться.

Вы понимаете, что въ такомъ положеніи дѣла было бы просто смѣшно прибѣгать къ какой бы то ни было медицинѣ. Отдувайся, терпи и жди. Можетъ быть, опять полегчитъ.

Но повторяю — я нисколько не унываю. Пока я не отказался отъ всякой надежды, было хуже. А теперь — ничего. Мнѣ 64 года; пожилъ въ свое удовольствіе, а теперь надо и честь знать. И работать теперь могу, именно съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ всякія думы о будущемъ.

Очень меня огорчило извѣстіе о болѣзни вашихъ дѣтокъ. Надѣюсь, что къ теперешнему времени они совсѣмъ поправились. Поклонитесь отъ меня друзьямъ Полонскимъ — и примите увѣреніе въ искренне-дружескихъ чувствахъ преданнаго вамъ.

PS. Вы полагаете, что я бы могъ пріѣхать въ Петербургъ; — а вотъ я попробовалъ выѣхать въ наше общество, за $^3/_4$ версты отъ моего дома — да и поплатился. Нѣтъ! любезный докторъ, я превратился въ устрицу. Такъ и держи себя какъ устрица.

PSS. Жозефина Антоновна (Полонская) — такъ та полагаетъ, что я вернусь, какъ только меня *потянетъ*

въ Россію!! Меня не только *тянетъ*, меня *рветъ* въ Россію,—да ты все-таки сиди!

.....

467.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 24 декабря 1882.—Милая Ж А., я получилъ ваше письмо и немедленно отвѣчаю. Въ письмѣ моемъ къ д-ру Бертенсону дѣйствительно находятся двѣ слѣдующія фразы: „мои друзья Полонскіе, *конечно, изъ сочувствія ко мнѣ*, требуютъ моего немедленнаго возвращенія“—и: „я не могу питать малѣйшей надежды вернуться въ Россію“. Вторая фраза внушена мнѣ очевидной, къ сожалѣнью, неизлечимостью моей болѣзни, которая значительно усилилась въ послѣднее время; *надѣяться* я, конечно, не могу, но еслибы предстала возможность, (все на свѣтѣ случается!), я бы несомнѣнно ею воспользовался. *Первая* моя фраза объясняется тѣмъ, что изъ часто повторяемыхъ выраженій вашихъ писемъ, въ родѣ: „Вы тогда вернетесь, какъ только васъ *потянетъ* домой“... „Вы до того привыкли къ вашей атмосферѣ, что васъ уже не тянетъ домой“—я долженъ вывести заключеніе, что вы вовсе не вѣрите въ невозможность для меня тронуться съ мѣста—и полагаете, что это вполнѣ зависитъ отъ моей воли; другими словами, что моя болѣзнь—одинъ предлогъ—и что я не рѣшаюсь сказать правду. Это несомнѣнно меня огорчаетъ. Вы подумайте: что бы почувствовалъ оглохшій или ослѣпшій человѣкъ, еслибъ друзья его ему твердили: ты тотчасъ увидишь или услышишь, если только захочешь; ты только напущаешь на себя этотъ недугъ, или пользуешься имъ, чтобы отнѣкиваться.

А впрочемъ—довольно объ этомъ. Причина всему этому—ваше искреннее и дружелюбное расположеніе ко мнѣ, въ которомъ я не сомнѣваюсь; и только прошу

васъ вѣрить мнѣ, когда я говорю, что всей душой стремлюсь въ Россію. А то ужъ очень невесело: и надежды я питать не могу — и друзья полагаютъ, что я притворяюсь.

Картинной *галереи* у меня никогда не было; а было четырнадцать лишнихъ картинъ, которыя я принужденъ былъ роспихать кой-куда. Продавши ихъ, я все-таки вижу стѣны моего крохотнаго кабинета сплошь заставленными. Къ тому же своимъ настоящимъ гнѣздомъ я считаю мой домъ въ Буживалѣ; тамъ и кабинетъ большой, и свѣтъ прекрасный — и пейзажамъ Я—а П—а тамъ чудесное мѣсто, тѣмъ болѣе, что тотъ кабинетъ и зимой не въ примѣръ теплѣе здѣшняго. А на счетъ того, что станется съ этими картинами послѣ моей смерти, то вы тоже не безпокойтесь: я уже распорядился, чтобы онѣ всѣ до единой были отосланы тогда Якову Петровичу и вамъ [1]).

Мнѣ очень было пріятно узнать, что вы и работаете, и видите много симпатическихъ людей. Надѣюсь также, что и вся семья ваша пользуется хорошимъ здоровьемъ.

Дружески обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ, начиная съ васъ — и остаюсь навсегда васъ любящій.

1883.

468 [2]).

Бертенсону, Л. Б. — Парижъ, 6 января 1883.— Любезнѣйшій Л. Б., вотъ вамъ вкратцѣ описаніе совершенной надо мною операціи, которое прошу сообщить гг. Стасюлевичу, Полонскимъ и Топорову, а также и

[1]) Объ этомъ распоряженіи было писано г-жѣ Віардо, но письмо осталось безъ отвѣта.—Я. П.

[2]) Писано чужою рукою и только подписано самимъ И. С.—Ред.

какому-нибудь журналу *въ двухъ словахъ только*, но *съ упоминовеніемъ* имени оператора. Все это совершилось въ воскресенье, въ 11 ч. утра. Оперировалъ меня молодой хирургъ, будущая звѣзда, *Paul Segond;* ассистировалъ *Brouardel*, помогалъ сынъ извѣстнаго *Nelaton*. Такъ какъ меня нельзя было хлороформировать, то произвели мѣстную эфиризацію. Взрѣзъ былъ сдѣланъ на самомъ низу живота, въ 16 сант. длины; вынутый невромъ, который сидѣлъ довольно глубоко, былъ величиною съ большой грецкій орѣхъ, а походилъ на сливу. По удаленіи неврома и перекрученіи двухъ маленькихъ артерій, которыя пришлось перерѣзать, вложили въ рану каучуковую трубочку съ отверстіями и зашили ее шестью швами; потомъ все крѣпко забинтовали листеровскими перевязками, и вотъ, послѣ всего этого, я лежу неподвижно, въ ожиданіи будущихъ благъ. Лихорадки и жару не было. Перевязь перемѣняли только разъ, а завтра, вѣроятно, вынутъ трубочку и проволочку. Если не случится какихъ-нибудь осложненій, дней черезъ десять я встану.

Первые два дня были тѣмъ непріятны, что приходилось лежать на спинѣ, а моя интеркосталь, находящаяся въ полномъ разцвѣтѣ, не дозволяла этого. Боли были несносны, и пришлось укротить ихъ благодѣтелемъ — морфиномъ.

За симъ крѣпко жму вашу руку и остаюсь искренно вамъ преданный.

---

469 [1]).

Топорову, А. В. — Парижъ, 8 января 1883.— Любезный А. В., въ прошлое воскресенье у меня изъ брюха вынули какую-то прескверную сливу, а сегодня,

[1]) Письмо не собственноручное, но подписано Тургеневымъ; на оборотѣ чертежъ разрѣза сдѣланной ему операціи.—Ред.

въ субботу, рана уже почти заросла (длиною же была въ 16 сантиметровъ!). Лихорадки и слѣда не было, а черезъ недѣлю стоять на ногахъ будетъ мнѣ мѣшать только моя старая болѣзнь, которая продолжаетъ существовать безбѣдно. За то я буду безъ неврома!

Заочно цѣлую вашу дочь, кланяюсь вашей женѣ и жму вашу руку.

---

470 [1]).

Полонской, Ж. А. — Парижъ, 8 января 1883.— Милая Ж. А., черезъ доктора Бертенсона вы уже навѣрно теперь узнали о совершенной надо мною операціи, а теперь могу вамъ еще прибавить, что все идетъ какъ нельзя лучше: рана почти зажила, лихорадки никакой не было,—черезъ недѣлю я буду опять на ногахъ и тогда напишу вамъ все подробно и обстоятельно.

Обнимаю и цѣлую васъ и всѣхъ вашихъ.

---

471 [2]).

Ей же. — Парижъ, 11 января 1883. — Любезнѣйшая Ж. А., сегодня 10-ый день какъ мнѣ вырѣзали невромъ — и дѣло идетъ отлично—рана заживаетъ, черезъ недѣлю я встану – и, какъ видите, могу даже собственноручно писать. – Я получилъ ваше письмо. Вы напрасно думаете, что я обидѣлся; но я огорчился тѣмъ, что вы мнѣ на грошъ не вѣрите. Любите меня несомнѣнно, но столь же несомнѣнно не вѣрите.—Еслибъ вы вѣрили мнѣ, что я ни стоять, ни ходить не могу, вы бы написали мнѣ: газеты здѣсь распустили слухъ, что вы возложили вѣнокъ на могилу Гамбетты; но это, конечно, вздоръ,

---

[1]) Писано чужою рукою и только подписано самимъ И. С.—Ред.

[2]) Писано карандашемъ.—Ред.

ибо вы ходить не можете; а вы предпочли сожалѣть о томъ, что я такую сдѣлалъ неосторожность и надѣетесь, что она мнѣ не повредитъ!—Въ сущности я ограничился тѣмъ, что послалъ письмо въ редакцію République française о вѣнкѣ.—Да вы не однѣ мнѣ не вѣрите: и докторъ Бертенсонъ тоже: я ему пишу, что минуты простоять не могу, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: съ вами, конечно, случается, что вы болѣе $^1/_4$ часа стоите на ногахъ и не чувствуете никакой боли! Что тутъ прикажешь дѣлать! Отнынѣ буду утверждать, что я не только стоять и ходить, но танцовать могу, и въ Россію потому не ѣду, что ужъ очень мнѣ не хочется разставаться съ здѣшнимъ мѣстомъ.—Вотъ я какой молодецъ!

Тотъ же докторъ—прелюбезный впрочемъ—непремѣнно желаетъ, чтобы я обложилъ больное мѣсто глиной; но такъ какъ у меня съ нѣкоторыхъ поръ не только ключица, но вся спина и грудь болитъ, то, я полагаю, не лучше ли мнѣ велѣть себѣ сдѣлать цѣлую кирассу изъ глины?—Предостерегаютъ меня также отъ вспрыскиванія морфиномъ. Прекрасно! Я самъ знаю, что морфинъ вредитъ.—Но проводить бѣлыя безсонныя ночи, да еще съ 4 вершковой раной въ брюхѣ, тоже не совсѣмъ удобно.

А, впрочемъ, все это пустяки.—Я радъ, что освободился отъ дурацкаго невро́ма.

Черезъ недѣлю я совсѣмъ здоровъ, и такъ какъ теперь рѣшено, что я могу и стоять, и ходить, и даже танцовать, то ничего не останется болѣе желать! Ну, а въ Россію я, конечно, не поѣду — таковъ ужъ мой капризъ!

За симъ обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь вашъ другъ.

472.

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 15 января 1883.—Любезнѣйшій другъ Я. П.—Сегодня я въ первый разъ всталъ съ постели, въ которой пролежалъ двѣ недѣли—и пользуюсь симъ, чтобы отвѣчать немногими словами на твое письмо.—Рана моя почти совсѣмъ зажила и черезъ недѣлю я буду въ состояніи выѣхать.—Старая моя болѣзнь, напротивъ, находится въ полной силѣ расцвѣта—но вѣдь съ нею я всю жизнь маячить буду, и потому не распространяюсь о ней.—Мнѣ такъ же какъ и тебѣ неизвѣстно, какой таинственный незнакомецъ сообщаетъ обо мнѣ свѣденія въ газетахъ; въ свое время я писалъ, хоть и не собственноручно, и доктору Бертенсону, и всѣмъ вамъ.

Сожалѣю о твоемъ невеселомъ нравственномъ настроеніи; но признаюсь, нѣсколько страннымъ мнѣ показалось твое выраженіе: „такъ какъ у нашего общества нѣтъ идеаловъ, то и у меня ихъ нѣтъ“.—Не все ли это равно, что сказать: „такъ какъ у другихъ людей нѣтъ двухъ пупковъ, то и у меня пупокъ только одинъ“.

Вотъ что тебя надуваетъ Б., это, точно, очень прискорбно.—Невесело также въ твои года спрашиваться, у Х.: „позвольте сходить . . . . . .“; — да кто же сказалъ, что жизнь непремѣнно должна быть веселая.

За симъ цѣлую и обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.

473.

Топорову, А. В. — Парижъ, 17 января 1883. — Любезный Т., сегодня посылается вамъ выправленный VIII томъ моихъ сочиненій. Остальные имѣющіеся у меня два тома послѣдуютъ вскорѣ.

Такъ какъ III томъ, повидимому, окончательно пропалъ, то придется выслать его вновь.

Я окончательно выздоровѣлъ отъ операціи (я впрочемъ, писалъ вамъ объ этомъ недавно);—но, къ сожалѣнію, старая моя болѣзнь вернулась съ удвоенной силой; *никогда мнѣ не было такъ худо.* Не только сидѣть или ходить, даже лежать я не могу, и я безъ вспрыскиванья морфиномъ не въ состояніи былъ бы спать.

Но такъ какъ этому горю помочь нельзя, то и толковать объ этомъ не стоитъ. Крѣпко жму вамъ руку-

---

474 [1]).

Бертенсону, Л. Б.—Парижъ, 19 января 1883.—Любезнѣйшій докторъ! Я получилъ ваше любезное письмо и прежде всего благодарю васъ за чисто русское сочувствіе. Операція удалась вполнѣ; рана зажила, и я бы могъ выѣзжать, если бы не моя старая болѣзнь, которая въ послѣднее время разыгралась съ новою силою. Теперь уже не одна ключица, а вся грудь, и спина, и бока болятъ, даже когда я лежу или сижу, такъ что прикладываніе глины къ одной ключицѣ было бы безцѣльно. Приходится лечиться по прежнему: терпѣніемъ и неподвижностью. Молоко я продолжаю пить, а къ морфію прибѣгаю только въ крайнихъ случаяхъ. О поѣздкѣ въ Россію, какъ и вообще о всякой поѣздкѣ, нечего и думать: буду опять сидѣть у моря и ждать погоды.

Радуюсь выздоровленію вашей дочки и желаю вамъ всего хорошаго.

PS. Исторія Кадминой (лично съ которой, т.-е. съ Кадминой, я знакомъ не былъ) послужила мнѣ только толчкомъ къ написанію моей повѣсти. Біографія Клары (Миличъ) мною вымышлена, а также и отношенія ея къ

[1]) Писано чужою рукою и только подписано самимъ И. С.—Ред.

Аратову, типу, сохранившемуся въ моей памяти еще со временъ молодости.

475.

Топорову, А. В. — Парижъ, 21 января 1883. — Любезный Т., сегодня отправляется къ вамъ IX (9-й) томъ выправленный. На-дняхъ послѣдуетъ VI и X (комедіи), то-есть это уже будетъ, въ новомъ изданіи, не 10-й, а 11-й, ибо въ 10-й томъ войдутъ послѣднія написанныя мною вещи: 1) „Старые портреты“ и „Отчаянный“; 2) „Пѣснь торжествующей любви“; 3) „Стихотворенія въ Прозѣ“; 4) „Клара Миличъ“, и 5) небольшая повѣсть, обѣщанная „Нивѣ“; или, можетъ быть, Глазуновъ пожелаетъ присоединить все это къ 9-му тому, который довольно тонокъ? Это отъ него зависитъ. Когда вы получите VI и X томы, то за мной останется I-й томъ (куда должны войти новыя двѣ статьи къ „Житейскимъ воспоминаніямъ“)—небольшое предисловіе и портретъ. Онъ уже сдѣланъ здѣшнимъ извѣстнымъ рисовальщикомъ Липгартомъ и гравируется.

А проклятый III томъ? Онъ пропалъ. Надо будетъ его выслать вторично.

Здоровье мое, по обыкновенію, скверно, хотя рана отъ операціи совершенно зажила. Если бы не старая болѣзнь, я бы танцовать могъ. А съ ней я и двигаться не могу.

Желаю вамъ всего хорошаго.

476.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 27 января 1883.—Милая Ж. А., извините, что не тотчасъ отвѣчалъ на ваше письмо: впрочемъ, ничего веселаго сообщить не могу.

Здоровье мое окончательно испортилось—теперь уже не одна ключица, но и вся спина и грудь болятъ постоянно, двигаться не могу—и спать возможно только при вспрыскиваніи морфиномъ. Ночи особенно жестоки, такъ какъ ломъ распространяется по всей верхней части туловища и при малѣйшемъ движеніи вспыхиваетъ какъ порохъ. Дѣло, какъ видите, некрасивое. Отъ операціи не осталось ни слѣда.

Желаю вамъ всего хорошаго и обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

477.

Григоровичу, Д. В.—Парижъ, 1 февраля 1883.—Любезнѣйшій Д. В., пишу вамъ въ постели, лежа, карандашемъ, ибо мнѣ не только не стало лучше послѣ операціи (которая сошла весьма благополучно), но несравненно хуже. Старый мой недугъ—грудная жаба—терзаетъ меня съ небывалой еще силой. Какъ мнѣ жаль бѣднаго Гончарова! Страдая самъ, я ближе принимаю къ сердцу его страданія.

Вашего „Гуттаперчеваго мальчика“ я давно прочелъ и все собирался вамъ послать подробный отчетъ о моемъ впечатлѣніи, да не до писанія было! Скажу вамъ вкратцѣ, что это вещь очень характерная: всѣ характеры поставлены вѣрно; но въ исполненіи я нашелъ какую-то излишнюю обстоятельность и старательность, которыя придаютъ медлительность разсказу. Я бы, напр., вовсе выкинулъ такія фразы, какъ на 1-й же страницѣ со слова: „Масляница“ до словъ: „перемѣна погоды“. Вообще въ первой части особенно—вы какъ бы излишне хлопочете. Попадаются также нѣкоторые тяжелые обороты, стр. 8: „употреблялъ всѣ силы, чтобы тотъ ничего не замѣтилъ“; стр. 9: „Колебанія... твердую почву“. Но я это припи-

сываю именно излишнему старанію, отъ чего вы впали въ кропотливость. Пишите какъ слѣдуетъ авторитету — увѣренно, бойко, быстро. И со всѣмъ „Г. М.“ очень хорошая вещь.

Я бы радъ былъ сдержать слово Марксу — и сдержу его, если только болѣзнь не помѣшаетъ. Я и въ контрактѣ съ Глазуновымъ это выговорилъ. Но пока я человѣкъ и безъ ногъ, и безъ рукъ. И потому — терпѣніе!

За симъ желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму вамъ руку.

---

478 [1]).

Полонскому, Я. П.—Парижъ, 2 февраля 1883.—Милый другъ Я. П., исполняя твое желаніе, извѣщаю тебя, что мнѣ, по прежнему, нехорошо, и пишу не своею рукою по причинѣ ломоты въ плечѣ. Упорно продолжаю пить молоко, но живъ только въ силу вспрыскиваній морфиномъ. Напрасно не прислалъ мнѣ ты своихъ стиховъ: читать я все-таки могу, а ужъ твои вещи и подавно. Литературные твои замыслы кажутся мнѣ очень дѣльными, но отдѣльной исторіи генуэзской республики указать не могу (труды Sismondi и Roscoe тебѣ, вѣроятно, извѣстны); въ этомъ тебѣ можетъ помочь Кавелинъ. Обидно, однако же, что с. с. Б. тебя надуваетъ! Неужели для него нѣтъ расправы? Настоящее имя Клары Миличъ — Екатерина Миловидова, но не вижу, почему она не могла назваться на театрѣ Кларою, подобно тому, какъ тебѣ знакомая актриса называлась „Фанни“. Ужъ не тотъ же ли самый источникъ этой критики, т.-е. не оттуда ли же и она, откуда и та, что „дѣвственность“ Аратова и Клары невозможны!

За симъ обнимаю жену твою, тебя и всѣхъ твоихъ

[1]) Писано чужою рукою и только подписано самимъ И. С.—Ред.

и желаю тебѣ здоровья, сего перваго блага въ нашей земной юдоли.

479 [1]).

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 10 февраля 1883.—Милая Ж. А., къ сожалѣнію, долженъ вамъ сказать, что въ моемъ здоровьѣ перемѣны нѣтъ.—Вотъ уже 3 недѣли какъ я не выхожу изъ комнаты, постоянно лежу, и къ прежнимъ невозможностямъ (ходить, стоять и т. д.) присоединились еще двѣ—ни спать (безъ морфина) — ни писать—(вся правая сторона тотчасъ заноетъ)—не могу.—Вѣроятно, какъ только потеплѣетъ, меня перевезутъ въ Буживаль, а о дальнѣйшемъ нечего и размышлять.—Черезъ недѣлю пришлю вамъ новый бюллетень, авось онъ будетъ нѣсколько отраднѣй.

Обнимаю и цѣлую васъ и всѣхъ вашихъ.

---

480 [2]).

Топорову, А. В. — Парижъ, 11 февраля 1883.—Любезный Т., по полученіи сего письма, пріобрѣтите хорошую большую фотографію мою и отправьте ее отъ моего имени: его высокобл. Петру Владиміровичу Алабину, г. Самара, собств. домъ. Приложите къ ней и посылаемый мною листикъ, который они тамъ сами приклеятъ.

Надѣюсь выслать вамъ завтра X томъ, а черезъ 3 или 4 дня и VI.

Здоровье мое продолжаетъ быть сквернымъ. Жму вамъ дружески руку.

---

[1]) Писано карандашемъ.—Ред.

[2]) Письмо писано не собственноручно, но подписалъ Тургеневъ.—Ред.

481.

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 21 февраля 1883.—Вотъ вамъ мой второй бюллетень, любезнѣйшая Ж. А.—Въ теченіе недѣли никакого улучшенія не произошло.—Ломъ и боль во всей груди и спинѣ не прекращаются; сонъ невозможенъ безъ вспрыскиванья морфиномъ; всякое движеніе невозможно, и я провожу всѣ 24 часа то на диванѣ, то на постели.—По временамъ дѣлаются жестокіе припадки судорогъ во всей груди—болѣе сильныхъ болей я въ жизни не испытывалъ; тогда меня обкладываютъ горячими салфетками. Посѣтившій меня на дняхъ Шарко объявилъ, что у меня сдѣлался невритъ, т. е. воспаленіе нервныхъ оболочекъ.—Надо постараться дотянуть до весны, тогда меня пошлютъ на какія-нибудь воды, если я только буду въ состояніи вынести путешествіе.

Черезъ недѣлю пошлю 3-й бюллетень, едва ли онъ будетъ лучше нынѣшняго. Увидимъ.

Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

---

482 [1]).

Топорову, А. В.—Парижъ, 24 февраля 1883.—Любезный А. В., съ нынѣшнею почтою посылается вамъ VI томъ моихъ сочиненій. Какъ вамъ извѣстно, стр. 256 до 273 въ немъ недостаютъ. На ихъ мѣстѣ вы найдете списокъ замѣченныхъ мною главныхъ опечатокъ. Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете меня о полученіи X-го тома. Третій томъ вторично надѣюсь выслать вамъ скоро.

На счетъ моего здоровья не имѣю ничего новаго сказать.

Жму крѣпко вашу руку, преданный.

---

[1]) Писано не собственноручно; подписано Тургеневымъ.—Ред.

483 [1]).

Полонской, Ж. А.—Парижъ, 11 апрѣля 1883.—Милая Ж. А., все это время мнѣ было такъ плохо, что я начиналъ думать: „не конецъ ли?“ Третьяго дня, ночью, у меня прорвался какой то кровяной, внутренній, кровяно-гнилостный нарывъ, и съ тѣхъ поръ мнѣ полегче; по крайней мѣрѣ прекратились ужасныя судороги. Теперь надо, чтобы ранка зажила, а потому лежать недвижимо, что дѣлаю и безъ того уже. Что будетъ дальше, увѣдомлю, а пока всѣхъ васъ обнимаю.

Изъ Буживаля:

484.

Полонскому, Я. П.—Буживаль, 12 мая 1883.—Давно я не писалъ къ вамъ, любезные друзья мои—да и о чемъ было писать?—Болѣзнь не только не ослабѣваетъ, она усиливается—страданья постоянныя, невыносимыя—несмотря на великолѣпнѣйшую погоду—надежды никакой—жажда смерти все растетъ—и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали бы осуществленія желанія вашего несчастнаго друга. Обнимаю васъ всѣхъ.

---

485 [2]).

Топорову, А. В.—Буживаль, (?) май 1883 г.—„Диктую вамъ по-французски, такъ какъ самъ не въ состояніи писать. Вашъ Ив. Тургеневъ.

Mon cher Toporof! Il y a bien longtemps que je n'ai

[1]) Писано чужою рукою и только подписано самимъ И. С.—Ред.

[2]) Только первыя двѣ строки и подпись руки Ив. Сергѣевича. Получено 30 мая. 1883 года.—*А. Т.*

reçu de vos nouvelles. Il y a longtemps aussi que je ne vous ai donné des miennes. La maladie a été la cause de mon silence; j'espère que ce n'est pas un motif aussi triste qui vous a empêché de m'écrire.

L'affaire de l'édition de mes œuvres semble s'être arrêtée. A ce propos je tiens à vous dire, et c'est là le but principal de cette lettre, que vous seul demeurez chargé de la direction de cette édition. Toute personne qui aurait tenté ou tenterait de se substituer à vous dans cette affaire à un titre quelconque devrait être considérée comme sans mandat. Je vous prie donc, mon cher ami, de me mettre très promptement au courant de la situation. Vous aurez l'obligeance de m'indiquer quels sont les volumes imprimés, quels sont ceux en cours d'impression. Vous me direz ce qui manque au premier volume que je n'ai pas pu compléter et auquel j'essaie en ce moment de travailler. Vous me direz aussi si vous avez reçu le portrait. En un mot vous me fournirez tous les renseignements que vous aurez et que j'ai hâte de connaître. Vous me donnerez en même temps des nouvelles de votre famille.

Ma santé est toujours à peu près la même et j'attends avec impatience une amélioration qui ne vient pas vite.

Je vous serre cordialement la main.

---

486 [1]).

Топорову, А. В. — Буживаль, 8 іюня, 1882 г. — Любезнѣйшій А. В., тутъ никакого гешефту не было— я самъ надѣялся на Лингарта, возбужденный успѣхомъ его замѣчательнаго портрета Флобера; но оказалось, что

[1]) Письмо только подписано Пв. Сергѣев. и очень слабою рукою.—*А. Т.*

на этотъ разъ онъ сдѣлалъ фіаско—и портретъ не годится, не смотря на то, что я по обыкновенной моей распущенности его вполнѣ одобрилъ. Скажите Ивану Ильичу, чтобы онъ распорядился заказомъ хорошаго портрета въ Петербургѣ въ хорошей фотографіи, коихъ много. А съ Липгартомъ я уже самъ распоряжусь. Впрочемъ, если портретъ этотъ не кажется Глазунову такимъ дурнымъ, то дайте мнѣ знать—во всякомъ случаѣ не Глазуновъ за него платитъ. Ваше предложеніе мнѣ кажется очень выгоднымъ, но моя слабость еще такая безобразная, что ничего предпринять не могу; впрочемъ „Пожаръ на морѣ“ я кое-какъ одолѣлъ; остается одна статья объ Аксаковыхъ, авось и съ ней я справлюсь до конца года.

Крѣпко пожмите отъ меня руку Ивану Ильичу (Глазунову),—мнѣ очень пріятно имѣть съ нимъ дѣло. Благодарю васъ за присылку фотографій—онѣ очень хороши.

487.

Ему же. — Буживаль, 26 іюня 1883 года. — Милый Т., очень обрадовали меня ваши два письма — пріѣзжайте скорѣе (въ Буживаль), мы устроимъ всѣ дѣла. Надѣюсь, что вы меня еще застанете въ возможномъ умственномъ видѣ. Обнимаю васъ. До свиданія, вашъ [1]).

[1]) Около мѣсяца спустя, 15 іюля 1883 г., и съ небольшимъ за мѣсяцъ до смерти И. С., послѣдовавшей 22 августа, онъ писалъ Н. И. Глазунову, изъ Буживаля, объ окончательномъ устройствѣ дѣла, которое такъ сильно занимало его въ послѣдніе мѣсяцы жизни:

„М. г. Иванъ Ильичъ! Съ удовольствіемъ узналъ я отъ А. В. Топорова о желаніи вашемъ пріобрѣсти право собственности на изданіе всѣхъ сочиненій моихъ.

„Предложеніе ваше совпадаетъ съ желаніемъ моимъ передать право изданія въ руки честнаго и надежнаго издателя.

„Что касается до условій, то я надѣюсь, что сумма въ 80 т. руб. не покажется вамъ слишкомъ высокою, такъ какъ я включаю въ нее

488 [1]).

Толстому, гр. Л. Н. — Буживаль, 27 или 28 іюня, 1883 года. — Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ,

тѣ 25,500 рублей, которые слѣдуютъ мнѣ по контракту 1882 г., а также и тѣ 20 т., въ которыя я опредѣляю стоимость „Записокъ Охотника“, приносящихъ мнѣ по 1,400 р. и болѣе ежегодно. Прибавивъ эти 20 т. къ тѣмъ 60 т., въ которыя было оцѣнено полное собраніе сочиненій моихъ, съ оставленіемъ за мною права стереотипнаго изданія „Зап. Охотн.“, я нахожу, что требованія мои не должны показаться вамъ слишкомъ преувеличены.

„Вслѣдствіе разстройства моего здоровья, я просилъ бы васъ также избавить меня отъ хлопотъ о портретѣ, такъ какъ слабость силъ моихъ не даетъ возможности ничего дѣлать. Топоровъ здѣсь переговоритъ съ художникомъ Лингартомъ на счетъ окончательныхъ распоряженій о печатаніи, высылкѣ и т. п.

„Искренно благодарю васъ за предложеніе оставить за мною пожизненное право пользованія доходами со стереотипнаго изданія „Записокъ Охотника“, ибо вижу въ этомъ вашемъ предложеніи несомнѣнное сочувствіе къ моей дѣятельности; напротивъ сознавая, что нѣкоторые пункты нашего контракта не были мною своевременно исполнены и чувствуя себя передъ вами виноватымъ, я берусь вознаградить это тѣмъ, что доставлю вамъ, для напечатанія въ вашемъ изданіи, небольшой біографическій отрывокъ, въ которомъ будутъ выведены нѣсколько лицъ, справедливо интересующихъ нашу публику; а также и продолженіе „Стихотвореній въ прозѣ“, но во всякомъ случаѣ покорнѣйше прошу васъ до времени сего не разглашать.

„Засимъ, въ твердой надеждѣ, что ваше дѣло скоро и благополучно завершится—какъ этого и нельзя не ожидать отъ человѣка, столь достойнаго уваженія, какъ вы; прошу васъ принять отъ меня выраженіе дружескаго и вполнѣ искренняго уваженія, съ которымъ остаюсь вашимъ душевно преданнымъ“.

Текстъ письма писанъ чужою рукою, а письмо подписано самимъ П. С.—Ред.

[1]) Письмо безъ подписи, писано карандашемъ. Почтовый штемпель въ Тулѣ: 3 іюля 1883.

еслибъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!! Я же человѣкъ конченый—доктора даже не знаютъ какъ назвать мой недугъ, névralgie stomacale goutteuse. Ни ходить, ни ѣсть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Другъ мой, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ!—Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ... Не могу больше... Усталъ!

I.—ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1840.

За-границею.

Изъ Берлина:

стр.

1.—4 іюля.—Грановскому, Т. Н. 1

1852.

Въ Россіи.

С.-Петербургъ:

2.—27 апрѣля.—Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу . . . 5

1853.

Изъ села Спасскаго:

3.—23 ноября.—Тургеневу, П. Н. 7

1854.

4.—29 октября.—Колбасину, Е. Я. 8

Изъ Петербурга:

5.—8 декабря.—Тургеневу, П. Н. 9

1855.

Изъ Спасскаго:

6.—17 іюня.—Полонскому, Я. П. 11

7.—10 іюля.—Дружинину, А. В. 12

Изъ Петербурга:

8.—27 октября.—Тургеневу, П. Н. 15

1856.

Изъ Спасскаго:

9.—13 мая.—Колбасину. Д. Я. 16
10.—21 „ „ 17
11.—16 іюня „ 21

Изъ Покровскаго:

12.—2 іюля.—Колбасину, Е. Я. —

Изъ Спасскаго:

13.—Около 15 іюл.—Колбасину, Д. 22

Изъ Петербурга:

14.—20 іюля.—Дружинину, А. В. 23

За-границею.

Изъ Парижа:

15.—30 октября.—Дружинину, А. В. 24
16.—16 ноября.—Толстому гр. Л. Н. 27
17.—5 декабря.—Дружинину, А. В. 30
18.—8 „ —Толстому, гр. Л. Н. 33
19.—14 „ —Колбасину, Е. Я. 35
20.—24 „ —Полонскому, Я. П. 38

1857.

21.—4 января.—Редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ 40

22.—? января. Редактору „Московскихъ Вѣдомостей“. . . . 41
23.—13 января.—Дружинину, А. В. 42
24.—26 „ —Колбасину, Д. Я. 45
25.—17 февр.—Полонскому, Я. П. 47
26.—3 марта.—Дружинину, А. В. 48
27.—8 „ —Колбасину, Е. Я. 50

Изъ Куртавнеля:

28.—16 сентяб.—Колбасину, Е. Я. 51

Изъ Рима:

29.—7 декабря.—Колбасину, Е. Я. 54

1858.

30.—24 февраля.—Колбасину, Е. Я. 55

Изъ Парижа:

31.—24 мая.—Колбасину, Е. Я. 57

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

32.—Лѣтомъ.—Колбасину, Е. Я. —

Изъ Спасскаго:

33.—25 сент.—Ковалевскому, Е.. 58

Въ Петербургѣ:

34.—Осенью.—Ковалевскому, Е. П. 59
35.—30 декаб.—Основскому, Н. А. —

1859.

36.—16 марта.—Основскому, Н. А. 60
37.—Весною.—Ковалевскому, Е. П. —
38.— „ — „ 61

За-границею.

Изъ Парижа:

39.—17 мая.—Тургеневу, П. Н. —

Изъ Виши:

40.—23 мая.—Колбасину, Е. Я. 62
41.—26 „ „ 63
42.—30 „ „ 64

Изъ Куртавнеля:

43.—8 іюля.—Колбасину, Е. Я. —
44.—15 „ „ 65
45.—3 августа. „ 66
46.—31 „ „ 68

Въ Россіи.

Изъ Спасскаго:

47.—5 октяб.—Основскому, Н. А. 68

Въ Петербургѣ:

48.—Осенью.—Ковалевскому, Ег. 69
49.—Осенью.— „ —
50.— „ „ 70

1860.

51.—6 января.—Маслову, П. И. —
52.—12 „ „ 71

Изъ Москвы:

53.—5 февр.—Колбасину, Е. Я. —

Изъ Петербурга:

54.—20 марта.—Колбасину, Д. Я. 72
55.—2 апрѣля.—Колбасину, Е. Я. 73

За-границею.

Изъ Парижа:

56.—22 мая.—Макарову, Н. Я. . —

Изъ Содена:

57.—25 мая.—Макарову, Н. Я. 74
58.—2 іюля.— „ 75

Изъ Ахена:

59.—7 іюл.—Ковалевскому, Ег. П. 76

Изъ Вентнора:

60.—1 августа.—Макарову, Н. Я. 76
61.—12 „ „ 77

Изъ Куртавнеля:

62.—20 сентяб.—Колбасину, Е Я. 78

Изъ Парижа:

63.—4 нояб. — Полонскому, Я. П. 79
64.—7 ноября.—Макарову, Н. Я. 81
65.—12 „ Колбасину, Е. Я. 82
66.—13 декаб.— „ 85

1861.

67.—23 января.—Макарову, Н. Я. 86

Въ Россіи.

Въ Петербургѣ:

68.—19 февр.—Ковалевскому, Ег. 88

За-границею.

Изъ Парижа:

69.—29 марта.—Колбасину, Е. Я. —

Въ Россіи.

Изъ Спасскаго:

70.—21 мая.—Полонскому, Я. П. 89
71.—7 іюня.—Маслову, И. И. . 90
72.—14 „ Колбасину, Д. Я. . 91
73.—14 іюля.—Полонскому, Я. П. 93
74.—8 августа.—Колбасину, Е. Я. 94

За-границею.

Изъ Парижа:

75.—3 окт.—Достоевскому, Ѳ. М. 96
76.—26 дек.— „ 97

1862.

77.—24 янв.—Полонскому, Я. П. 98
78.—18 мар.—Достоевскому, Ѳ. М. 100
79.— „ „ Майкову, А. Н. . 102
80.—12 апр. — Колбасину, Е. Я. 103
81.—14 „ Случевскому, К. К. 104
82.—22 апр.—Достоевскому, Ѳ. М. 107

Въ Россіи.

Изъ Спасскаго:

83.—22 іюня. — Маслову, П. И. 109
84.—17 іюля.—Языкову, М. А. —
85.—21 „ Маслову, И. П. . 111
86.—24 „ Колбасину, Д. Я. —

Изъ Петербурга:

87.—4 августа.—Маслову, П. И. 112
88.—Зимою.—Майкову, А. Н. . 113

1863.

За-границею.

Изъ Парижа:

89.—14 апр. — Ковалевскому, Ег. 114

1864.

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

90.—9 января. — Маслову, И. И. 115

За-границею.

Изъ Бадена:

91.—3 окт.—Достоевскому, Ѳ. М. 116
92.—24 дек.—Анненкову, П. В. 117
93.—26 „ Маслову, И. И. . . 119
94.—28 „ Достоевскому, Ѳ. М. 120

1865.

Изъ Парижа:

95.—29 января.—Маслову, И. И. 121

Изъ Бадена:

96.—21 февр.—Достоевскому, Ѳ. 122

1866.

97.—1 мая.—Полонскому, Я. П. 123

1867.

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

98.—1 февраля.—Маслову, И.И. 124
99.—2 апрѣля.— „ 125

За границею.

Изъ Бадена:

100.—30 апрѣля.—Маслову, И. И. 126
101.—21 окт.—Полонскому, Я. П. —

1868.

102.— 2 янв.—Полонскому, Я. П. 128
103.—13 „ „ 130
104.—19 февраля.—Милютиной, М. А. (Стиль) . . . 132
105.—22 февр.—Полонскому, Я.. 133
106.— 6 марта. „ 134
107.—31 „ „ 136

Въ Россіи.

Въ Петербургѣ:

108.—іюль.—Редактору, „С.-Петерб. Вѣд.“ 138

За границею.

Изъ Бадена:

109.—29 іюл.—Полонскому, Я. П. 139
110.—15 сентября. „ 140
111.— 8 окт.— „ 141
112.—20 „ Милютиной, М. А. 143

Изъ Карлсруэ:

113.—19 нояб.—Милютиной, М. 144
114.—16 дек.—Полонскому, Я. П. 145
115.—24 декабря.— „ 146

1869.

116.—12 янв.—Галахову, А. Д. 148
117.—30 „ Полонскому, Я. П. 149
118.—18 фев.—Милютину, Н. А. 150
119.—20 „ Полонскому, Я. П. —
120.—26 „ Милютину, Н. А. 152
121.—27 „ Полонскому, Я. П. 154
122.—8 мар.—Случевскому, К. К. 155

Изъ Бадена:

123.—16 апр.—Полонскому, Я. П. 156
124.—20 „ „ 158
125.— 5 мая. „ —
126.—19 „ „ 160
127.—10 іюня.—Милютину, Н. А. 161
128.—19 „ Полонскому, Я. П. 162
129.—10 іюля. „ 164
130.—25 сентяб. „ —
131.— 9 ноября „ 165
132.—24 декаб. „ 167
133.—24 „ Милютиной, М. А. 168

1870.

Изъ Парижа:

134.— 1 янв.—Полонскому, Я. П. 169

Изъ Веймара:

135.—29 янв.—Полонскому, Я. П. 170
136.—22 марта. „ 171
137.— 4 апр. „ 172
138.—14 „ „ 174

Въ Россіи.

Изъ С.-Петербурга:

139.—24 мая.—Маслову, П. И. . 175

Изъ Спасскаго:

140.— 3 іюн.—Полонскому, Я.П. —
141.— 4 „ Маслову, П. И. . 176
142.—16 „ Полонскому, Я.П. 177
143.—20 „ „ 178

За границею.

Изъ Бадена:

144.—20 іюл.—Милютиной, М.А. 179
145.—18 авг.— „ 180
146.— 6 сент.—Полонскому, Я.П. 182
147.—27 окт.— „ 183

Изъ Лондона:

148.—30 нояб.—Салтыкову, М. Е. 184
149.— 2 дек.—Милютиной, М. А. 185
150.—26 „ „ 186

1871.

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

151.—22 марта.—Маслову, И. И. 188

За границею.

Изъ Лондона:

152.— 2 апр.—Маслову, П. И. . —
153.— „ Борисову, И. П. 189
154.— „ Милютиной, М. А. 191
155.—(?) „ „ 192
156.—24 „ Полонскому, Я. П. 193
157.— 5 мая. Милютиной, М. А. 195

Изъ Парижа:

158.—6 дек.—Полонскому, Я. П. 196
159.—„ „ Милютиной, М. А. 197
160.—11 „ Григоровичу, Д. В. 199
161.—18 „ Полонскому, Я. П. 200

1872.

162.—24 янв.—Полонскому, Я.П. 202
163.—7 апр.— „ 203

Въ Россіи:

Изъ Петербурга:

164.—16 мая.—Маслову, И.И. . 204

За-границею.

Изъ Парижа:

165.—28 сент.—Полонскому, Я.П. 205
166.—17 окт.— „ 206
167.—3 дек.—Милютиной, М. А. 208
168.—(?) „ „ 209

1873.

169.—13 фев.—Маслову, П. П. 210
170.—21 „ Полонскому, Я.П. 212
171.—22 марта.— „ 214
172.—8 апрѣля.— „ 216
173.—9 „ Салтыкову, М.Е. —
174.—17 мая,—Полонскому, Я. П. 217
175.—26 сент.— „ 218
176.—24 окт.—Маслову, И. И. . 220
177.—„ „ Полонскому, Я.П. 221
178.—28 „ „ 222
179.—8 декабря.— „ 224

1874.

180.—13 янв. Полонскому, Я. П. 225
181.—30 „ Маслову, П.И. 226
182.—5 февр.—Полонскому, Я.П. 227
183.—25 „ Маслову, И. И. 228
184.—6 март.—Полонскому, Я.П. 229
185.—23 „ „ 230
186.—22 апр.— „ 231

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

187.—16 мая.—Полонскому, Я. 231

Изъ Спасскаго:

188.—19 іюня.—Венгерову, С. А. 233

За-границею.

Изъ Карлсбада:

189.—6 августа.—Ф—вой, А. П. 235

Изъ Буживаля:

190.—18 авг.—Ф—вой, А. П. . 237
191.—24 „ Суворину, А. С. 240
192.—11 сент.—Ф — вой, А. П. 241

Изъ Парижа:

193.—25 сент.—Полонскому, Я. П. 244
194.—14 окт. „ 245
195.—17 ноября.—Маслову, И. И. 246
196.—25 дек.—Полонскому, Я. П. 247

1875.

197.—25 янв.—Полонскому, Я. П. 248
198.—14 февр.—Суворину, А. С. 250
199.—22 „ Милютиной, М. 252
200.— „ Ф—вой, А. П. . 253
201.—9 март.—Полонскому, Я. П. 254
202.—14 „ Суворину, А. С. . 256
203.—13 мая.—Полонскому, Я. П. 258

Изъ Карлсбада:

204.—24 мая.—Венгерову, С. А. 260

Изъ Буживаля:

205.—10 іюня.—Полонскому, Я. П. 262
206.—15 іюля.—Колбасину, Е. Я. 263
207.—7 сент.—Полонскому, Я. П. 264
208.—13 окт.— „ 265
209.—28 „ Салтыкову, М. Е. 267

Изъ Парижа:

210.—12 нояб.—Салтыкову, М. Е. 269
211.— „ Полонскому, Я. П. —
212.—25 „ Салтыкову, М. Е. 271
213.—5 дек.—Салтыкову, М. Е. 272
214.—10 „ Венгерову, С. А. 274
215.—19 „ Полонскому, Я. П. 275
216.—26 „ Салтыкову, М. Е. 276

1876.

217.—3 янв.—Салтыкову, М. Е. 277
218.—6 „ Полонскому, Я. П. 279
219.—19 „ Салтыкову, М. Е. 280
220.—25 „ „ 281
221.—14 февр.— „ 282
222.— „ Полонскому, Я. 283
223.—23 „ Суворину, А. С. 284
224.—26 „ „ 285
225.— „ Салтыкову, М.. 286
226.—9 мар.— „ 287
227.—22 „ Суворину, А. С. . —
228.—5 апр.—Полонскому, Я. П. 289
229.—9 „ Суворину, А. С. . —
230.—2 мая.—Колбасину, Е. Я. 290

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

231.—26 мая.—Маслову, И. И. . 291

Изъ Спасскаго:

232.—9 іюня.—Суворину, А. С.. 292
233.—10 „ Лихачеву, В. П. 294
234.—16 „ Кигну, В. А. . . 295
235.—18 „ Маслову, В. И. . 296
236.—23 „ П—ву, А. В. . . 297

За-границею.

Изъ Буживаля:

237.—31 іюля.—Полонскому, Я. 298
238.—17 сент.— „ 299
239.— „ Салтыкову, М. Е. 300
240.—11 окт.—Маслову, И. И. . 301
241.—26 „ Полонскому, Я. П. 302

Изъ Парижа:

242.—11 нояб.—Полонскому, Я. 304
243.—12 „ „ П—ву, А. В, . 305

244.—9 дек.—Полонскому, Я. П. 306
245.—„ „ Маслову, И. И. . 308
246.—30 „ Полонскому, Я. П. —

1877.

247.—22 янв.—Полонскому, Я. П. 310
248.—18 фев.— „ 312
249.—5 марта.—Маслову, И. И. 314
250.—28 „ Достоевскому, Ф. —
251.—7 апр.—Полонскому, Я. П. 315
252.—14 „ „ 316
253.—20 „ „ 317
254.—12 мая.—Додэ, А. . . . 318
255.—16 „ Маслову, И. И. . —

Въ Россіи.

Изъ Петербурга:

256.—2 іюня.—Маслову, И. И. 319
257.—18 „ „ 320
258.—19 „ Полонскому, Я. П. 321

За-границею.

Изъ Буживаля:

259.—14 авг.—Полонскому, Я. П. —
260.—24 сент. „ 322

Изъ Парижа:

261.—5 окт.—Полевому, П. Н. . 324
262.—28 нояб.—Полонскому, Я. П. —

1878.

263.—2 янв.—Полонскому, Я. П. 326
264.—11 „ „ —
265.—1 марта.— „ 328
266.—7 апрѣля.— „ 329
267.—8 мая.—Толстому, гр. Л. Н. 331

Въ Россіи.

Изъ Москвы:

268.—4 авг.—Толстому, гр. Л. Н. —

Изъ Спасскаго:

269.—13 авг.—Пыпину, А. Н. . 332
270.—14 „ Толстому, гр. Л. Н. 333
271.—25 „ „ 334

За-границею.

Изъ Буживаля:

272.—1 окт.—Толстому, гр. Л. Н. 335

Изъ Парижа:

273.—10 нояб.—Полонскому, Я. П. 336
274.—15 „ Толстому, гр. Л. Н. 338
275.—28 дек.— „ 340

1879.

Въ Россіи.

Изъ Москвы:

276.—1 мар.—Толстому, гр. Л. Н. 342

Въ Петербургѣ:

277.—11 марта.—Гаевскому, В. П. —
278.—13 „ „ 343

За-границею.

Изъ Парижа:

279.—5 апр.—Полонскому, Я. П. —
280.—20 мая. „ 344

Изъ Буживаля:

281.—15 сент.—Спасовичу, В. Д. 346
282.—16 „ Полонскому, Я. П. —
283.—3 окт.— „ 347
284.—5 „ Маслову, И. И. . 348
285.—5 нояб.—Полонскому, Я. П. 349

Изъ Парижа:

286.—6 дек.—Полонскому, Я. П. —

287.—11. дек.—Полонскому, Я. П. 350
288.—23 „ „ 351
289.—28 „ Толстому, гр. Л. Н. —

1880.

290.—9 янв.—Ф—вой, А. П. . . 353
291.—12 „ Толстому, гр. Л. Н. 354

Въ Россіи.

Петербургъ:

292.—? апр.—Гаевскому, В. П. . 355
293.—? „ „ —

Изъ Москвы:

294.—19 апр.—Толстому, гр. Л. Н. 356
295.—24 „ Гаевскому, В. П. —

Изъ Спасскаго:

296.—12 мая.—Гаевскому, В. П. 357
297.—16 „ Мошисову, Я. І. . 358
298.—20 „ „ . 359

За-границею.

Изъ Буживаля:

299.—11 іюня.—Колбасину, Е. Я. —
300.—30 „ Полонскому, Я. 360
301.—26 іюля. „ 361

Изъ Кабура:

302.—13 авг.—Гаевскому, В. П. 363

Изъ Буживаля:

303.—1 нояб.—Гаевскому, В. П. —
304.—4 „ Полонскому, Я. П. 364

Изъ Парижа:

305.—11 нояб.—Маслову, И. И. 365
306.—12 „ Гаевскому, В. П. 366
307.—1 дек.—Урусову, кн. А. И. 367
308.—10 дек. Полонскому, Я. П. 368
309.—20 „ Гаевскому, В. П. 369
310.—21 „ Урусову, кн. А. И. —

1881.

311.—12 янв.—Маслову, И. И. 370
312.—26 „ Полонскому, Я. 371
313.—27 „ Толстой, гр. С. А. (Бёрсъ) . . . 372
314.—4 февр.—Пыпину, А. Н. 373
315.—6 „ „ —
316.—8 „ П-скому . . . 375
317.—15 „ Полонскому, Я. 376
318.—25 марта.—Урусову, кн. А. 377
319.—30 „ Полонскому, Я. 378
320.—27 мая.—В. г-пу . . . —

Въ Россіи.

Изъ Спасскаго:

321.—21 іюня. — Толстому, гр. Л. Н. 380
322.—1 іюля.—Соркину, І. Н. —
323.—4 „ Толстому, гр. Л. Н. 381
324.—26 „ Толстой, гр. С. А. —
325.—10 авг.—Языкову, М. А. 382

За-границею.

Изъ Буживаля:

326.—6 сен.—Полонскому, Я. П. 383
327.—23 „ „ —
328.— „ „ Полонской, Ж. А. 384
329.—20 окт. Полонскому, Я. П. 386
330.—(?) осенью.—Полякову, С. 387

Изъ Парижа:

331.—8 ноябр.—Полонскому, Я. 388
332.—9 „ Полонской, Ж. 390
333.—24 „ „ 391
334.—9 дек. — Полонскому, Я. 392
335.—16 „ Григоровичу, Д. 393
336.—20 „ Полонской, Ж. 395
337.—29 „ Салтыкову, М. Е. 397

1882.

338.—1 января.—Полонской, Ж. 398
339.—8 „ Полонскому, Я. 399
340.—20 „ Полонской, Ж. 401
341.—28 „ Полонскому, Я. 402
342.—1 февр.—Салтыкову, М. Е. 403
343.—„ „ Григоровичу, Д. 404
344.—„ „ Давыдову, В. Н. 405
345.—12 „ Полонскому, Я. П. 406
346.—22 „ Полонской, Ж. 407
347.—24 „ Колбасину, Е. Я. 408
348.—26 „ Салтыкову, М. Е. 409
349.—26 „ Полонской, Ж. 410
350.—12 марта.—Григоровичу, Д. 411
351.—21 „ Полонской, Ж. 412
352.—29 „ Григоровичу, Д. 413
353.—1 апрѣля. „ 414
354.—3 „ П-ву, А. . . 415
355.—8 „ Полонской, Ж. 416
356.—9 „ Григоровичу, Д. 417
357.—21 „ Полонскому. Я. 419
358.—28 „ Полонской, Ж. 420
359.—1 мая.—Полонскому, Я. П. 421
360.—„ „ Григоровичу, Д. В. 422
361.—„ „ Анненкову, П. В. —
362.—8 „ Полонской, Ж. А. 424
363.—13 „ Полонскому. Я. П. 425
364.—14 „ Полонской, Ж. А. 426
365.—17 „ Топорову, А. В. 427
366.—18 „ Полонскому, Я. П. 428
367.—19 „ Григоровичу, Д. В. 429
368.—21 „ Полонскому. Я. П. 430
369.—23 „ Полонской, Ж. А. —

Изъ Буживаля:

370.—26 мая.—Салтыкову, М. Е. 431
371.—26 „ Топорову, А. В. 433
372.—27 „ Полонской, Ж. 434
373.—27 „ Колбасину, Е. Я. 435
374.—30 „ Полонскому, Я. 436
375.—1 іюня.—Топорову, А. В. 437
376.—„ „ Полонской, Ж. 438
377.—2 „ „ 439
378.—6 „ Полонскому, Я. 440
379.—10 „ Полонской, Ж. 441
380.—11 „ „ —
381.—13 „ Топорову, А. В. 443
382.—15 „ Полонскому, Алѣ. —
383.—16 „ Полонскому, Я. 444
384.—17 „ Полонской, Ж. 445
385.—23 „ Полонскому, Я. 446
386.—25 „ Полонской, Ж. —
387.—28 „ Топорову, А. В. 447
388.—29 „ Полонской, Ж. 448
389.—4 іюля.—Топорову, А. В. 450
390.—5 „ Полонской, Ж. —
391.—„ „ Топорову, А. В. 451
392.—8 „ „ 452
393.—9 „ Полонскому, Я. П. 453
394.—10 „ Топорову, А. В. —
395.—12 „ Полонской, Ж. 454
396.—17 „ Полонскому, Я. 456
397.—21 „ Полонской, Ж. 457
398.—24 „ „ —
399.—„ „ Бертенсону, Л. 459
400.—25 „ Полонской, Ж. 460
401.—31 „ „ 461
402.—(?) „ Думнову, г-ну. 462
403.—3 авг.—Бертенсону, Л. Б. 463
404.—4 „ Полонской, Ж. А. 464
405.—8 „ Полонскому, Я. П. 465
406.—10 „ Полонской, Ж. 466
407.—13 „ „ 467
408.—„ „ Бертенсону, Л. Б. —
409.—15 „ Полонской, Ж. А. 470
410.—17 „ Топорову, А. В. 471
411.—20 „ У. Ф., барону . 472
412.—21 „ Григоровичу, Д. 473
413.—23 „ Салтыкову, М. Е. 475
414.—„ „ Полонской, Ж. А. 476
415.—„ „ Топорову, А. В. 478
416.—27 „ „ —
417.—28 „ Бертенсону, Л. Б. 479
418.—29 „ Полонской, Ж. А. 480
419.—30 „ Полонскому, Я. П. 482
420.—„ „ Бертенсону, Л. Б. 483
421.—1 сент.—Полонскому, Я. П. 485
422.—4 „ Крестьянамъ с. Спасскаго. . . 487
423.—6 сент.—Полонскому, Я. —
424.—10 „ „ 489
425.—11 „ Полонской, Ж. 490
426.—11 „ Бертенсону, Л. 491
427.—13 „ Топорову, А. В. 492
428.—17 „ Полонской, Ж. 493
429.—22 „ Полонскому, Я. 494
430.—24 „ „ —
431.—„ „ Марксу, А. Ф. 496
432.—„ „ Салтыкову, М. Е. —
433.—27 „ Полонской, Ж. 498
434.—4 окт. „ 499
435.—13 „ У. Ф., барону. 500
436.—13 „ Бертенсону, Л. 501
437.—17 „ Полонской, Ж. А. 502
438.—18 „ Топорову, А. В. 504
439.—22 „ Вейнбергу, П. И. 505
440.—25 „ Полонскому, Я. —
441.—27 „ Бертенсону, Л. 506

442.—31 „ Салтыкову, М. 507
443.— „ „ Григоровичу, Д. 509
444.— „ „ Полонской, Ж. 510
445.—1 нояб.—Вейнбергу, П. И. 512
446.—4 „ Полонскому, Я. —
447.—5 „ Топорову, А. В. 513

Изъ Парижа:

448.—13 нояб.—Григоровичу, Д. 514
449.—14 „ Полонской, Ж. 515
450.— „ „ Полонскому, Я. —
451.— „ „ Топорову, А. В. 516
452.—18 „ „ —
453.—22 „ Полонскому, Я. 517
454.—26 „ Топорову, А. В. 519
455.—30 „ „ —
456.—2 дек. — Полонской, Ж. 520
457.—3 „ Григоровичу, Д. 522
458.—6 „ Крамскому, И. 523
459.— „ „ Бертенсону, Л. 526
460.—7 „ Топорову, А. В. 528
461.—12 „ Полонской, Ж. А. 529
462.—14 „ Юрьеву, С. А. . 530
463.— „ „ Глазунову, И. И. 531
464.—17 „ Гаевскому, В. П. 532
465.—19 „ Топорову, А. В. 533
466.—22 „ Бертенсону, Л. Б. —
467.—24 „ Полонской, Ж. А. 535

1883.

468.— 6 янв.—Бертенсону, Л. Б. 536
469.— 8 „ Топорову, А. В. 537
470.— „ „ Полонской, Ж. А. 538
471.—11 „ „ —
472.—15 „ Полонскому, Я. П. 540
473.—17 „ Топорову, А. В. —
474.—19 „ Бертенсону, Л. Б. 541
475.—21 „ Топорову, А. В. 542
476.—27 „ Полонской, Ж. А. —
477.— 1 фев.—Григоровичу, Д. В. 543
478.— 2 „ Полонскому, Я. П. 544
479.—10 „ Полонской, Ж. А. 545
480.—11 „ Топорову, А. В. —
481.—21 „ Полонской, Ж. А. 546
482.—24 „ Топорову, А. В. —
483.—11 апр.—Полонской, Ж. А. 547

Изъ Буживаля:

484.—12 мая.—Полонскому, Я. П. —
485.—(?) „ Топорову, А. В. —
486.— 8 іюня. „ 548
487.—26 „ „ 549
488.—28 „ Толстому, гр. Л. Н. 550

II.—АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

лицъ, доставившихъ письма И. С. Тургенева [1]).

Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу: № 2.
Анненкову, П. В.: №№ 92, 361.
Бертенсону, д-ру Л. Б.: №№ 399, 403, 408, 417, 420, 426, 436, 441 459, 466, 468, 474.
В., г-ну: № 320.
Вейнбергу, П. И.: №№ 439, 445.
Венгерову, С. А.: №№ 188, 204, 214.
Гаевскому, В. П.: №№ 277, 278, 292, 293, 295, 296, 302, 303, 306, 309, 464.
Галахову, Д. А.: № 116.
Глазунову, И. И.: №№ 463, 487, въ примѣч.
Грановскому, Т. Н.: № 1.
Григоровичу, Д. В.: №№ 160, 335, 343, 350, 352, 353, 356, 360, 367, 412, 443, 448, 457, 477.
Давыдову, В. Н.: № 344.
Додэ, А.: № 254.
Достоевскому, Ѳ. М.: №№ 75, 76, 78, 82, 91, 94, 96, 250.
Дружинину, А. В.: №№ 7, 14, 15, 23, 26.
Думнову, г-ну: № 402.
Кингу, В. А.: № 234.
Ковалевскому, Ег. П.: №№ 33, 34, 37, 38, 48, 49, 50, 59, 68, 89.
Колбасину, Д. Я.: №№ 9, 10, 11, 13, 24, 54, 72, 86.
Колбасину, Е. Я.: №№ 4, 12, 19, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 53, 55, 62, 65, 66, 69, 74, 80, 206, 230, 299, 347, 373.
Крамскому, И. Н.: № 458.
Крестьянамъ с. Спасскаго: № 422.
Лихачеву, В. И.: № 233.
Майкову, А. Н.: №№ 79, 88.
Макарову, Н. Я.: №№ 56, 57, 58, 60, 61, 64, 67.
Марку, А. Ф.: № 431.

---

[1]) Страницы, на которыхъ помѣщены письма, см. выше въ Хронологическомъ Указателѣ, подъ соотвѣтствующими нумерами.

Маслову, И. И.: №№ 51, 52, 71, 83, 85, 87, 90, 93, 95, 98, 99, 100, 139, 141, 164, 169, 176, 181, 183, 195, 231, 235, 240, 245, 249, 255, 256, 257, 284, 305, 311.
Милютиной, М. А. (Марія Стиль): №№ 104, 112, 113, 133, 157, 159, 167, 168, 199.
Милютину, Н. А.: №№ 118, 120, 127.
Монисову, Я. І.: №№ 297, 298.
Основскому, Н. А.: №№ 35, 36, 47.
П—ву, А. В.: №№ 236, 243, 354.
Полевому. П. Н.: № 261.
Полонской, Ж. А.: №№ 328, 332, 333, 336, 338, 340, 346, 349, 351, 355, 358, 362, 364, 369, 372, 376, 377, 379, 380, 384, 386, 388, 390, 395, 397, 398, 400, 401, 404, 406, 407, 409, 414, 418, 425, 428, 433, 434, 437, 444, 449, 456, 461, 467, 470, 471, 476, 479, 481, 483.
Полонскому, Алъ.: № 382.
Полонскому, Я. П.: №№ 6, 20, 25, 63, 70, 73, 77, 97, 101, 102, 103, 104, 105, 109, 110, 111, 114, 115, 117, 119, 121, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 156, 158, 161, 162, 163, 165, 166, 170, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 182, 184, 185, 186, 187, 193, 194, 196, 197, 201, 203, 205, 207, 208, 211, 215, 218, 222, 228, 237, 238, 241, 242, 244, 246, 247, 248, 251, 252, 253, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 273, 279, 280, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 300, 301, 304, 308, 312, 317, 319, 326, 327, 329, 331, 334, 339, 341, 345, 357, 359, 363, 366, 368, 374, 378, 383, 385, 393, 396, 405, 419, 421, 423, 424, 429, 430, 440, 446, 450, 472, 478, 484.
Полякову, С. С.: № 330.
П—скому: № 316.
Пыпину, А. Н.: №№ 269, 314, 315.
Редактору „Москов. Вѣд.“: №№ 21, 22.
Редактору „Спб. Вѣд.“: № 108.
Салтыкову, М. Е.: №№ 148, 173, 209, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 220, 221, 225, 226, 239, 337, 342, 348, 370, 413, 432, 442.
Случевскому, К. К.: №№ 81, 122.
Соркину, І. Н.: № 322.
Спасовичу, В. Д.: № 281.
Суворину, А. С.: №№ 191, 198, 202, 223, 224, 227, 229, 232.
Толстой, гр. С. А. (урожд. Бёрсъ): №№ 313, 324.
Толстому, гр. Л. Н.: №№ 16, 18, 267, 268, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 289, 291, 294, 321, 323, 488.
Топорову, А. В.: №№ 365, 371, 375, 381, 387, 389, 391, 392, 394, 410, 415, 416, 427, 438, 442, 451, 452, 453, 454, 455, 460, 465, 469, 473, 475, 480, 482, 485, 486, 487.
Тургеневу, П. Н.: №№ 3, 5, 8, 39.
У. Ф., барону: №№ 411, 435.
Урусову, кн. А. И.: №№ 307, 310, 318.
Ф—вой, А. П.: №№ 189, 190, 192, 200, 290.
Юрьеву, С. А.: № 462.
Языкову, М. А.: №№ 84, 325.

Пск. Гос. ... НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

[1.Юр] Вихователь і вороги
Бажання бути ...

22 л. д. 5 хв 34 Тише 2-4 дня

Записка колодійця для поступлення в учительську семінарію